

05
Б95

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Библиотека Орловского
Общества
Имп. *700*
Общества

39275

БИБЛИОТЕКА
Орловского Движения
Красная Армия

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 5 МАЙ 1906

«да»
- I -

1950г.

ПРОВЕРЕНО

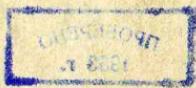
ПРОВЕРЕНО
1953 г.

Проверено
1956

05
595

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
1. Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова	1
2. Къ біографіи Вѣры Николаевны Фигнеръ	3
3. Страница изъ воспоминаній А. А. Спандони	14
4. Въ неволѣ. Воспоминанія И. С. Джабадари	39
5. Побѣгъ Алехи Поповича М. Ф. Фроленко	67
6. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго . (По неизданнымъ источни- камъ). М. К. Лемке . Окончаніе	77
7. Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго . М. Н. Чернышевскаго	131
8. Къ событію 1 марта 1881 года. А. В. Тыркова	141
9. Воспоминанія студента-солдата. Л. С.	163
10. Послѣдній день Калыева . Н. Н.	186
11. Къ исторіи «Петрашевцевъ». (Сочиненіе Григорьева , «Солдатская Беседа»).	191
12. Императоръ Николай I —тюремщикъ декабристовъ. П. Е. Щеголева	195
13. Далекое и Недавнее. Воспоминанія изъ жизни револю- ціонеровъ 1878—1881 г. О. С. Люботовичъ	208
14. Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Оконча- ніе. Н. П. Сильванскаго	248
15. Антонъ Антоновичъ Костюшко-Вальженичъ . (Воспоми- нія). О. Г.	273
16. Мартынъ Лангансъ . (Изъ воспоминаній). С. Ф. Русовой	278
17. Историческая бібліографія (П. М. Пестель, В. П. Ва- сильевъ)	285

- ціаль-демократія въ Россіи.—Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю и И. С. Тургеневъ. Порогъ.—Эмма. Романъ Швейцара). 284
18. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета 300
19. Современная Лѣтопись 304
29. **Матеріалы, документи и мелкія замѣтки.** Къ эпилогу заговора И. И. Сухинова. Обрядъ казни—37. Кара за любовь къ родинѣ. (Дѣла Сынека и Биронта 1882 г.)—63. Письмо А. А. Дельвига А. С. Пушкину—139. Посланіе М. И. Михайлову. П. Л. Лаврова—185. Бакунинскіе царевубійцы—246. Крестьянскія воспоминанія о Пестелѣ—271.

Въ этой книгѣ помѣщены портреты В. Н. Фигнеръ, И. П. Каляева, С. М. Кравчинскаго, А. А. Костюшко-Валуженича, М. Р. Ланганса и видъ Виллойской тюрьмы, въ которой былъ заключенъ Чернышевскій.

Вѣра Николаевна
ФИГНЕРЪ.

ціаль-демократі

голю и И. С.

18. Отъ

19.

Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова.

Въ собраніяхъ сочиненій М. Ю. Лермонтова ¹⁾ печатается слѣдующій отрывокъ изъ затерянаго стихотворенія поэта «Наводненіе».

«И день насталь — и совершилось
Долготерпѣнныя судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы».

Это начало затерянаго стихотворенія впервые было напечатано въ рецензій М. Н. Лонгинова на изданіе «Сочиненій Лермонтова подъ редакціей Дудышкина ²⁾». М. Н. Лонгиновъ указалъ, что текстъ этого стихотворенія онъ видѣлъ среди другихъ бумагъ Лермонтова у своего пріятели П. И. А. и привелъ извѣстныхъ намъ четыре стиха, которыми начиналось «Наводненіе». Въ рукописномъ сборникѣ стихотвореній, составленномъ въ 50-хъ годахъ извѣстнымъ любителемъ литературы и писателемъ Н. И. Второвымъ, найденъ и переданъ намъ полный списокъ стихотворенія, озаглавленнаго здѣсь «Отрывокъ» и подписаннаго «М. Лермонтовъ». Первые четыре стиха почти тождественны, а остальные — такого рода, что Лонгиновъ какъ разъ и не могъ воспроизвести ихъ въ свое время по неизбѣжнымъ соображеніямъ. Последнимъ соображеніемъ и объясняется «затерянность» стихотворенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ приводимомъ нами списокѣ мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ стихотвореніемъ М. Ю. Лермонтова, чрезвычайно любопытнымъ для его міросозерцанія. Нельзя, конечно, поручиться за тождество списка съ оригиналомъ автора, но мало ли мы знаемъ стихотвореній только по копіямъ и спискамъ!

Вотъ это стихотвореніе:

¹⁾ См., напр., новѣйшее изданіе «Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова» подъ ред. А. И. Введенскаго (Изд. т-ва «Просвѣщеніе») Т. III, стр. 269.

²⁾ «Современникъ» 1860 г. т. 26-ой, Совр. литоскоп, стр. 387.

Отрывокъ.

И день насталъ, и истощилось
Долготерпѣныя судьбы,
И море шумно ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы,
И быстро поднялися волны,
Сначала мрачны и безмолвны.
И царь смотрѣлъ: и, окруженъ
Толпой льстецовъ, смѣялся онъ;
И царедворцы говорили:
«Не бойся, царь... мы здѣсь... Вели,
Чтобъ берега твоей земли
Стихію злую отразили,
Ты знаешь, царь, къ борьбѣ такой
Привыкъ гранитный городъ твой».

И гордо царь махнулъ рукою
И раздался его приказъ.
Вотъ ждетъ, довольный самъ собою,
Что море спрячется какъ-разъ.
Дружины вольныя не внемлютъ,
Встанутъ, ревутъ, дворецъ объемлютъ...
Онъ понялъ, что прошла пора,
Когда мгновенный визгъ ядра
Лишь надъ толпою прокатился
И рои мятежныхъ разогнали;
И тутъ-то царь затрепеталъ,
И къ царедворцамъ обратился...
Но пусть и мраченъ былъ дворецъ
И ждетъ одинъ онъ свой конецъ.

И гордо онъ на крышу входитъ
Столѣтнихъ, царственныхъ палатъ,
И сокрушенный взоръ возводитъ
На свой великій пышный градъ...

М. Лермонтовъ.

Изъ біографіи Вѣры Николаевны Фиг- неръ.

I.

*Речь В. Н. Фигнеръ, произнесенная ею въ Петербур-
скомъ военно-окружномъ судѣ 27 января 1884 года.*

Въ настоящій моментъ разсмотрѣнію суда подлежатъ мои дѣйствія, начиная съ 1879 года. Прокуроръ въ своей обвини- тельной рѣчи выразилъ удивленіе, какъ по отношенію къ ихъ качеству, такъ и по отношенію къ количеству. Но эти престу- пленія, какъ и всякія другія, имѣютъ свою исторію. Они нахо- дятся въ неразрывной логической связи со всей предыдущей моей жизнью. Сидя въ предварительномъ заключеніи, я часто думала, могла ли моя жизнь итти иначе, чѣмъ она шла, и могла ли она кончиться чѣмъ либо инымъ, кромѣ скамы подсудимыхъ, и каждый разъ я отвѣчала себѣ: нѣтъ. Я начала жизнь при очень благоприятныхъ обстоятельствахъ. По образованію я не нуждалась въ руководителяхъ; меня не нужно было водить на помочахъ. Семья у меня была развитая и любящая, такъ что борьбы, которая такъ часто бываетъ между старыми и новыми поколѣніями, я не испытывала. Матеріальной нужды и заботы о кускѣ хлѣба или объ экономической самостоятельности я не знала. Когда я вышла, 17 лѣтъ, изъ института, во мнѣ въ первый разъ зародилась мысль о томъ, что не всё находится въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ, какъ я. Смутная идея о томъ, что я принадлежу къ культурному меньшинству, возбуждала во мнѣ мысль объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ на меня мое поло- женіе по отношенію къ остальной, некультурной, массѣ, которая живетъ изо дня въ день, погруженная въ физическій трудъ и лишенная того, что обыкновенно называется благами цивилизаціи. Въ силу этого представленія о контрастѣ между моимъ положеніемъ и положеніемъ окружающихъ, у меня явилась первая мысль о не- обходимости создать себѣ какую нибудь цѣль въ жизни, которая клонилась бы ко благу этихъ окружающихъ. Русская журна- листика того времени и то женское движеніе, которое было въ полномъ разгарѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, дали мнѣ го-

товый отвѣтъ на тѣ запросы, которые у меня возникли, указавъ на дѣятельность врача какъ на такую, которая можетъ удовлетворить моимъ филантропическимъ стремленіямъ. Тогда уже была открыта женская академія въ Петербургѣ, но она уже съ самаго начала отличалась той хилостью, которою отличается и до сихъ поръ, постоянно борясь между жизнью и смертью, а такъ какъ у меня рѣшеніе было твердое и я не хотѣла сойти съ развѣ принятаго пути, то я рѣшилась отнестись за границу.

И вотъ, значительно перекроивши свою жизнь, я поѣхала въ Цюрихъ и поступила въ университетъ. Заграничная жизнь представляетъ большое различіе съ русской. Тѣ явленія, которыя я тамъ встрѣтила, были для меня вполне новы. Я не была подготовлена къ нимъ тѣмъ, что раньше видѣла и что раньше знала; не была подготовлена къ правильной оцѣнкѣ всего того, что я увидѣла. Идея социализма была воспринята мною первоначально почти инстинктивно. Мнѣ казалось, что она есть не что иное, какъ расширение той самой филантропической идеи, которая у меня возникла раньше. Ученіе, которое обѣщаетъ равенство, братство и общечеловѣческое счастье, должно было подѣйствовать на меня ослѣпляющимъ образомъ. Вмѣсто какихъ нибудь тетушанъ, у меня явилось представленіе о народѣ, о человѣчествѣ. Кромѣ того, я явилась за границу въ такой періодъ, когда только что совершившіяся событія въ Парижѣ и происходившая тогда революція въ Испаніи получили сильный отголосокъ во всемъ рабочемъ мѣрѣ Запада. Между прочимъ я познакомилась съ ученіемъ Интернационала. Я могла только воспользоваться опытно, что многое изъ того, что я видѣла тогда, было ничѣмъ инымъ, какъ казовымъ кондомъ. Кромѣ того, я не смотрѣла на рабочее движеніе, съ которымъ я познакомилась, какъ на продуктъ западно-европейской жизни, и считала, что то же самое ученіе пригодно для всякаго времени и для всякаго мѣста.

Заграницей же, увлекшись социалистическими идеями, я вступила въ первый революціонный кружокъ, въ которомъ участвовала моя сестра Лидія. Организация его была весьма слабая: каждый членъ могъ приступать когда угодно и какъ угодно къ своей дѣятельности. Дѣятельность же состояла въ пропагандѣ идей социализма, въ радужной надеждѣ, что народъ, въ силу своей бѣдности и неблагоприятнаго социальнаго положенія, непременно социализмъ; что достаточно одного слова, чтобы онъ воспринялъ социалистическія идеи. То, что мы называли также социальной революціей, имѣло скорѣе характеръ мирнаго переворота, т. е. мы думали, что меньшинство, видя невозможность борьбы, принуждено будетъ уступить большинству, сознавшему свои интересы, такъ что о пролитіи крови не было и рѣчи.

Я оставалась заграницей четыре года. Я отличалась всегда нѣкоторымъ консерватизмомъ—въ томъ смыслѣ, что принимала свои рѣшенія не быстро, но, развѣ принявши, отступала уже съ трудомъ. Весною кружокъ почти весь отправился въ Россію; я же,

какъ сказала, оставалась заграницей четыре года. Моя сестра и другіе члены этого сообщества кончили свою карьеру весьма бѣдственно. Два-три мѣсяца работы на фабрикахъ кончились для нихъ двухъ и трехлѣтнимъ заключеніемъ и затѣмъ судомъ, который приговорилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на каторгу, а другихъ на поселеніе и на житье. Когда они находились въ тюрьмѣ, съѣдали мнѣ привывъ. Мнѣ предлагали явиться въ Россію съ цѣлью поддержать дѣло кружка. Такъ какъ я получила достаточно медицинскія свѣдѣнія и такъ какъ я думала, что полученіе степени врача и хирурга будетъ удовлетворять только тщеславію, то я отправилась въ Россію. Тутъ мнѣ пришлось на первыхъ порахъ испытать кризисъ. Движеніе потерпѣло уже поражение. Тѣмъ не менѣе я всетаки нашла достаточно количество людей, которые казались мнѣ симпатичными, которымъ я довѣряла, съ которыми я сошлась и вмѣстѣ съ которыми я участвовала въ выработкѣ той программы, которая извѣстна подъ названіемъ программы народниковъ.

Я отправилась въ деревню. Программа народниковъ, какъ суду извѣстно, имѣла дѣли, конечно неразрѣшныя закономъ, потому что выставляла свою задачу передачу всей земли въ руки крестьянской общины, но—прежде чѣмъ эта задача совершится—та роль, которую должны были играть революціонеры, живя въ народѣ, должна была заключаться въ томъ, что во всѣхъ государствахъ называется не иначе, какъ культурной дѣятельностью. Такимъ образомъ и я явилась въ деревню съ вполне революціонными задачами, но—по тому, какъ я вела себя по отношенію къ крестьянамъ, какъ я дѣйствовала,—я думала, что я не подверглась бы никакому преслѣдованію ни гдѣ, кромѣ Россіи, и даже считалась бы неболезненнымъ членомъ общества.

Я поступила въ земство, какъ фельдшерина. Въ очень скоромъ времени противъ меня составилась цѣлая лига, во главѣ которой стояли предводители дворянства и исправникъ, а въ хвостѣ: урядникъ, писарь и т. д. Про меня распространяли всевозможные слухи: и то, что я бесспорная—тогда какъ я жила по собственному виду—и то, что дипломъ у меня фальшивый, и проч. Когда крестьяне не хотѣли идти на невыгодную сдѣлку съ помѣщикомъ, говорили, что виновата Филиппова, когда волостной сходитъ уменьшать жалованье писарю, утверждали, что виновата въ этомъ фельдшерина. Производили негласныя и гласныя дознанія; пріѣзжалъ исправникъ; нѣкоторые крестьяне были арестованы; при допросѣ ихъ фигурировало мое имя; было два доноса губернатору и только благодаря тѣмъ хлопотамъ, которыя принималъ на себя предсѣдатель управы, я была оставлена въ покоѣ. Вокругъ меня образовалась полицейско-шпіонская атмосфера. Меня стали бояться. Крестьяне обходили задворками, чтобы прійти ко мнѣ въ домъ. Вотъ эти то обстоятельства и привели меня къ вопросу: что я могу дѣлать при данныхъ условіяхъ? Я скажу откровенно: я поселилась въ деревнѣ въ такомъ воз-

растѣ, когда грубыхъ ошибокъ въ смыслѣ неактивности я не могла дѣлать; въ томъ возрастѣ, когда люди дѣлаются болѣе терпимыми, болѣе внимательными къ чужимъ взглядамъ. Я хотѣла изучить почву, узнать, что думаетъ самъ крестьянинъ, чего онъ желаетъ. Я увидѣла, что противъ меня нѣтъ никакихъ фактовъ, что меня преслѣдуютъ собственно за духъ, за направленіе мое; подозрѣвали, что не можетъ быть, чтобы человекъ, недлинный образованія, поселился въ деревнѣ безъ какихъ нибудь самыхъ ужасныхъ цѣлей. Такимъ образомъ я была лишена возможности просто физическаго сближенія съ народомъ и не могла не только дѣлать что нибудь, но даже сноситься съ нимъ по поводу самыхъ обыденныхъ цѣлей. Тогда я вдумалась, не дѣлаю ли я какихъ нибудь ошибокъ, которыхъ я могла бы, можетъ быть, избѣжать, переѣхавъ въ другую мѣстность, и повторить опытъ. Мнѣ собственно тяжело было расстаться съ тѣми планами, которые у меня были. Я четыре года училась медицинѣ, и уже свыклась съ тою мыслью, что буду дѣйствовать среди крестьянъ. Размышляя на эту тему и собирая свѣдѣнія о другихъ лицахъ, я убѣдилась вполнѣ, что дѣло не въ моей личности и не въ условіяхъ данной деревни, а въ общихъ условіяхъ, особенно въ томъ, что въ Россіи нѣтъ политической свободы. Собственно до этого момента мои задачи были строго экономическія, онѣ не затрагивали моихъ личныхъ интересовъ. Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришлось на самой себѣ испытать неудобства нашего образа правленія. Я еще нѣсколько раньше получила предложеніе отъ общества «Земли и Воли» поступить въ него и дѣйствовать среди интеллигенціи. Но, въ силу того, что я крикомъ держалась за разъ принятое рѣшеніе, я не принимала этого предложенія и держалась до послѣдней крайности; такъ что не легкомысленное отношеніе, а горькая необходимость заставила меня отказаться отъ первоначальнаго взгляда и вступить на другой путь.

Въ то время начали появляться отдѣльныя мнѣнія, что элементъ политическій долженъ играть извѣстную роль въ задачахъ революціонной партіи. Въ обществѣ «Земли и Воли» образовались двѣ категоріи лицъ, которыя тянули въ разныя стороны. Когда я покончила съ деревней, я заявила обществу «Земли и Воли», что въ настоящее время я считаю себя свободною. Въ это время мнѣ предстояло одно изъ двухъ: или сдѣлать шагъ назадъ, ѣхать за границу и сдѣлаться докторомъ, но уже не для крестьянъ, а для лицъ богатыхъ—чего я не хотѣла—или—что я и предпочла—употребить энергію и силы на то, чтобы сломить то препятствіе, о которое разбилосъ мой желанія. Когда я поступила въ это общество, то было получено приглашеніе на Воронежскій съѣздъ, на которомъ партія еще не раздѣлилась, но только болѣе или менѣе опредѣленно было высказано, что чего держится. Одни говорили, что надо дѣйствовать попрежнему, т. е. жить въ деревнѣ и организовать возстаніе среди народа въ какой

нибудь опредѣленной мѣстности; другіе говорили, что надо жить въ городахъ и направить свою дѣятельность противъ правительственной власти.

Изъ Воронежа я поѣхала въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ общество «Земли и Воли» распалось и мнѣ было сдѣлано предложеніе сдѣлаться агентомъ Исполнительнаго Комитета, на что я и извѣдила свое согласіе. Моя предыдущая жизнь привела меня къ тому убѣжденію, что единственный путь, которымъ данный порядокъ можетъ быть измененъ, есть путь насильственный. Мирнымъ путемъ я ити не могла. Печать, какъ извѣстно, у насъ не свободна, такъ что думать о распространеніи идей посредствомъ печатнаго слова невозможно. Если бы какой нибудь органъ общества показалъ мнѣ какой либо другой путь, кромѣ насилія, быть можетъ я бы его выбрала, по крайней мѣрѣ, попробовала бы. Но я не видѣла протеста ни въ земствѣ, ни въ судѣ, ни въ какихъ либо корпораціяхъ, ни воздѣйствія литературы на какія бы то ни было измененія въ той жизни, въ которой мы живемъ, такъ что я считала, что единственный выходъ изъ того положенія, въ которомъ мы находимся, заключается въ насильственной дѣятельности. Разъ принявши это положеніе, я уже пошла этимъ путемъ до конца. Я всегда требовала отъ личности, какъ отъ другихъ, такъ конечно и отъ себя, послѣдовательности и согласія слова съ дѣломъ и мнѣ казалось, что разъ я теоретически признала, что только насильственнымъ путемъ можно что-нибудь сдѣлать, то я обязана принимать непосредственное участіе въ тѣхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, которыя будутъ приняты той организаціей, къ которой я примкнула. Къ этому меня принуждало очень многое. Я не могла бы съ спокойной совѣстью предлагать другимъ участіе въ насильственныхъ поступкахъ, если бы я сама не участвовала въ нихъ, и только участіе давало мнѣ право обращаться съ различными предложеніями къ другимъ лицамъ. Собственно организація предпочтала употреблять меня на другія цѣли, на пропаганду среди интеллигенціи, но я хотѣла и требовала себѣ другой роли. Я знала, что и судъ всегда обратитъ вниманіе на то, принимала ли я непосредственное участіе въ дѣлѣ; что и общественное мнѣніе, которое имѣетъ возможность свободно у насъ выражаться, обрушивается всегда съ наибольшою силою на тѣхъ, кто принималъ непосредственное участіе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ; такъ что я считала просто подлостью толкать другихъ на тотъ путь, на который сама бы не шла. Вотъ объясненіе той «кровожадности», которая должна казаться такой страшною и непонятной и которая выразилась въ тѣхъ дѣйствіяхъ, одно перечисленіе которыхъ показало бы суду ничиннымъ, если бы они не вытекали изъ такихъ мотивовъ, которые, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажутся, не безчестны.

Въ программѣ, по которой я дѣйствовала, самой существенной стороною, которая имѣла для меня наибольшее значеніе, было

уничтожение абсолютистического образа правления. Собственно я не придаю практического значения тому, будет ли у нас республика или конституционная монархия. Я думаю, что можно мечтать и о республике, но что воплотится в жизнь та форма, кь которой общество окажется подготовленным; такъ что этотъ вопросъ не имѣетъ для меня особеннаго значенія. Я считаю самымъ главнымъ, самымъ существеннымъ, чтобы явились такія условия, среди которыхъ возможно развитіе своихъ силъ и приложеніе ихъ на пользу общества, и мнѣ кажется, что при нашихъ порядкахъ такихъ условий не существуетъ.

Вотъ все, что я хотѣла сказать суду.

II.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу В. Н. Фигнеръ-Филипповой противъ нея были выдвинуты слѣдующія обвиненія.

«Дознаніями, произведенными по поводу покушеній на жизнь государя Александра II и злодѣйскаго преступленія 1-го марта, а равно по другимъ тяжкимъ государственнымъ преступленіямъ, совершеннымъ террористической фракціей, было установлено, что во всѣхъ этихъ злодѣяннѣхъ принимала участіе Фигнеръ. Вместе съ тѣмъ послѣдующими дознаніями было установлено, что она въ оставшейся группѣ террористовъ заняла первенствующее положеніе. Принятая мѣрами 10 февраля 1883 г. она была задержана въ Харьковѣ, гдѣ проживала по подложному виду на имя ученицы Харьковскаго земскаго повивальнаго училища Маріи Дмитріевны Боровченко въ домѣ Хорвата по Дмитріевскому переулку. Привлеченная къ отвѣтственности, Фигнеръ объяснила, что выйдя въ 1870 г. замужъ за судебного слѣдователя Казанскаго окружнаго суда, въ 1872 г. отправилась въ Цюрихъ, гдѣ поступила на медицинскій факультетъ. Живя въ Цюрихѣ, а затѣмъ въ Бернѣ, ознакомившись съ социалистическимъ ученіемъ, рѣшила въ 1875 г. возвратиться въ Россію и заняться пропагандою социальныхъ идей. Достигнувъ въ 1876 г. развода съ мужемъ, всецѣло предалась дѣлу социализма и съ этого времени судьба ея тѣсно связывается съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи во всѣхъ фазахъ его проявленія. Поселившись первоначально въ Петербургѣ, сблизилась съ революціонными кружками и въ 1876 г. приняла участіе въ демонстраціи, устроенной социально-революціонной партіей воиъ Казанскаго собора. Къ этому времени относится ея знакомство съ Баранниковымъ, Зунделевичемъ, Лизогубомъ, Оболеневымъ и Осинскимъ. Въ 1877 г. отправилась изъ Петербурга въ Самарскую губернію, гдѣ поселилась въ с. Студенцахъ, занявъ должность фельдшерницы. Живя въ Самарской губ., познакомилась съ А. Соловьевымъ и Квятковскимъ, прибывшими туда ранѣе для дѣйств. пропаганды. Изъ Самарской губ., гдѣ прожила нѣсколько мѣсяцевъ, скрылась

въслѣдствіе того, что въ это время послѣдовало заарестованіе дѣвочки Чепуриной, у которой были отобраны письма, указывавшія на принадлежность Фигнеръ къ социально-революціонной партіи. Проживъ затѣмъ въ некоторое время въ Воронежѣ, къ началу 1878 г. возвратилась обратно въ Петербургъ и, въ мартѣ того же года, отправилась въ Саратовскую губ., гдѣ находилось много другихъ революціонныхъ дѣятелей, поселилась въ дер. Вязмино, Петровскаго уѣзда, съ сестрою своею Евгеніей и, занимая должность фельдшерницы, обучала крестьянскихъ дѣтей. Въ д. Вязмино видѣла А. Соловьева, который, прибывъ туда въ концѣ 78 г., передавалъ ей о своемъ намѣреніи совершить покушеніе. Послѣ покушенія со стороны Соловьева, послѣдовавшаго 2 апр. 79 г., выбыла въ Тамбовъ, а затѣмъ лѣтомъ того же года участвовала на социалистическомъ съѣздѣ въ Воронежѣ. Осенью того же года прибыла въ Петербургъ, гдѣ поселившись вмѣстѣ съ Квятковскимъ, жила сперва въ Лѣвомъ подѣ именемъ Елпатовской, а затѣмъ въ Лешкубовомъ переулкѣ, подѣ именемъ Лихаревой. Живя въ Петербургѣ принимала участіе въ обсужденіи плановъ задуманнаго покушенія, выразившихся въ покушеніяхъ 18 ноября 79 г. въ г. Александровскѣ и 19-го того же нояб. въ Москвѣ, а равно въ обсужденіи плановъ покушенія, приготовленія къ которому были сдѣланы въ томъ же году въ г. Одессѣ. Рѣшившись принять активное участіе въ совершеніи сего преступленія, отправилась въ Одессу, куда привезла съ собою динамитъ, нужный для взрыва. Въ Одессѣ, проживая совместно съ Кибальчицемъ, именовавшимъ себя Иванцикомъ, какъ его супруга, хранила въ своей квартирѣ всѣ необходимыя принадлежности для задуманнаго взрыва императорскаго поѣзда на Одеской ж. д. Съ этой же дѣлю доставила своему единомышленнику Фроленко мѣсто будочника на томъ участкѣ ж. д., гдѣ предполагалось взорвать поѣздъ. Затѣмъ въ мартѣ 80 г., прибывъ въ г. Одессѣ, имѣла свиданіе съ Саблинскимъ и С. Перовской и совместно съ ними обсуждала планъ новаго покушенія на покушеніе, которое предполагено было совершить во время слѣдованія въ этомъ году императора Александра II черезъ г. Одессу на южный берегъ Крыма, причѣмъ для осуществленія задуманнаго преступленія дала 900 руб. Такъ какъ задуманное преступленіе было оставлено въслѣдствіе полученнаго приказанія со стороны Комитета прекратить сдѣланныя приготовленія, то она, въ іюль 80 г., возвратилась въ Петербургъ. Здѣсь принимала дѣятельное участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ и организаціи рабочихъ кружковъ, а затѣмъ, поселившись съ Исаевымъ, подѣ именемъ супруговъ Кохановскихъ, въ д. № 25/76 по Вознесенскому проспекту, приняла участіе въ обсужденіи вновь задуманнаго плана покушенія, и по ея инициативѣ хозинюмъ сырной лавки, въ д. Мендгена, по Малой Садовой, былъ избранъ Юрій Богдановичъ и ею же былъ извѣщенъ ему подложный видъ на имя Кобозева. Такъ какъ 28 февр. 81 г. рѣшено было

произвести 1-го марта покушение на жизнь Александра II, дѣйствуя металлическими снарядами, то въ изготовлении снарядовъ, въ ея и Исаева квартирѣ, приняла дѣятельное участіе. Послѣ злодѣянія 1-го марта, оставалась въ Петербургѣ до мая 81 г., затѣмъ до октября того же года проживала на югѣ Россіи, а въ этомъ мѣсяцѣ, отправившись въ Москву, возбудила въ средѣ своихъ единомышленниковъ вопросъ о необходимости убійства Стрѣльникова, какъ лица препятствовавшего своей дѣятельностью успѣшности пропаганды на югѣ. По принятіи ея предложенія, отправилась изъ Москвы въ г. Одессу, гдѣ проживала подѣ именемъ Елены Колосовой, занимаясь изученіемъ образа жизни генерала Стрѣльникова. Когда же затѣмъ въ Одессу для совершения сего убійства, прибылъ Халтуринъ, то, передавъ ему собранныя свѣдѣнія, снабдила его деньгами для покупки лошади и на другіе расходы, предстояшіе при приведеніи въ исполненіе задуманнаго убійства.

Независимо отъ сознанія Фигнеръ, виновность ея въ принадлежности къ террористической фракціи русской социально-революціонной партіи, а равно участіе ея въ тѣхъ отдѣльных преступленіяхъ, которыя совершены были этой партіей, подтверждаются слѣдующими данными: 1) Показаніями казеннаго государственнаго преступника Квятковскаго и осужденнаго Евгенія Фигнеръ удостоверяется, что В. Фигнеръ съ августа 79 г. и до конца сентября того же года жила совместно съ Квятковскимъ подѣ именемъ Лихаревой. 2) Показаніемъ умершаго Гольденберга удостоверяется, что В. Фигнеръ принимала участіе: а) на Липецкомъ съѣздѣ, гдѣ была избрана членомъ Исполнительнаго Комитета; б) въ приготовленіи къ задуманному посягательству на жизнь императора Александра II, для чего предполагалось произвести взрывъ поезда на Одесской ж. д. при возвращеніи государя въ 79 г. изъ Крыма и, что съ этой цѣлью, проживая въ Одессѣ съ остальными участниками: Фроленко, Лебедевой, Колдквичемъ, Меркуловымъ и Кибальчицемъ, именуясь супругою послѣдняго Иваницкой, хранила въ своей квартирѣ необходимые предметы для взрыва, а равно способствовала Фроленко, подѣ именемъ Александрова, поступитъ сторожемъ на Одесской ж. д. Показаніе Гольденберга, относительно участія Фигнеръ въ представленіи государственному преступнику Фроленко мѣста, находить себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ начальника дистанціи той же дороги Изигельскаго. 3) Показаніемъ Меркулова удостоверяется, что Фигнеръ принимала участіе въ приготовленіи къ совершенному покушенію на жизнь государя, какое преступленіе вознамѣрено было произвести весною 80 г. въ Одессѣ. По словамъ Меркулова, весною 80 г., находясь въ Одессѣ, встрѣтилъ тамъ Церовскую и Саблина, отъ которыхъ узналъ, что они открыли мелочную лавочку по Итальянской улицѣ и что изъ этого помѣщенія намѣреваются произвести покушеніе. При посѣщеніи упомянутой лавки, въ д. № 47, встрѣчалась тамъ съ Зла-

топольскимъ, Исаевымъ и Филипповой. 4) Участіе Фигнеръ въ злодѣяніи 1 марта 81 г. устанавливается слѣдующими данными казеннымъ Рысаковымъ, показаніями, что, бывая въ конспиративной квартирѣ Саблина по Тельняной улицѣ, въ которой производились приготовленія къ злодѣянію 1 марта, видѣла тамъ Фигнеръ, при чемъ видѣла ее тамъ 1 марта, а затѣмъ того же числа встрѣтила ее возлѣ дома Мендѣевъ, гдѣ помѣщалась лавка Гобозова. Осмотромъ домовыя книги и показаніемъ дворника Михаила Гурьнова установлено, что Фигнеръ съ февраля и по 5 апрѣля 81 г. проживала, съ принимающимъ участіе въ злодѣяніи 1 марта, Исаевымъ подѣ именемъ сугурги его Кохановской по Вознесенскому проспекту. Въ квартирѣ этой при обыскѣ найдены были: мѣдная трубка длиной около $\frac{1}{4}$ арш., ножицы для рѣзки листового желѣза, желѣзное точило и 22 склянки. 5) Участіе В. Фигнеръ въ убійствѣ Стрѣльникова удостоверяется показаніемъ Петрова и Халтурина. Такъ Петровъ показалъ, что въ декабрѣ 81 г., встрѣчаясь въ Одессѣ съ В. Фигнеръ, именованшейся тогда Еленой Ивановой, узналъ отъ нея, что террористическая партія рѣшила убить Стрѣльникова и что вообще сформированъ террористическій отрядъ, назначеніе котораго—уничтоженіе наиболее вредныхъ для партіи правительственныхъ агентовъ. Казенникъ же за участіе въ убійствѣ Стрѣльникова Халтуринъ показалъ, что проживавшая въ Одессѣ Фигнеръ, какъ представительница партіи Народной Воли, имѣла ближайшее отношеніе ко всѣмъ приготовленіямъ, предпринятымъ съ цѣлью совершения названнаго убійства. 6) Участіе Фигнеръ въ пропагандѣ социально-революціонныхъ идей въ средѣ офицеровъ и въ устройствѣ подпольной типографіи въ Одессѣ, удостоверяется нижеслѣдующими обстоятельствомъ дѣла. (Слѣдуетъ переченъ обвиненій противъ Ашенбреннера, Похитоновъ и др.).

На основаніи вышеизложеннаго Дворянка Филиппова-Фигнеръ, Чемоданова, Волкенштейнъ, Немоловскій, Суровцевъ, Спандови-Басмандикъ, Чуйковъ, Ивановъ, уволенные отъ службы: Ашенбреннеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Штромбергъ, Тихановичъ, Ювачевъ обвиняются въ принадлежности къ террористической фракціи русской социально-революціонной партіи, поставившей себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго строя въ Россіи, ради чего фракція, наименованная себя «партіей Народной Воли», совершила рядъ преступныхъ посягательствъ на священную особу въ Возѣ почивающаго императора Александра Николаевича, завершившихся страшнымъ злодѣяніемъ 1 марта 1881 г., повлекшимъ за собою безвременную кончину возлюбленнаго монарха, благодѣтеля Россіи императора Александра Николаевича, а равно совершила рядъ убійствъ и посягательствъ на высшихъ государственныхъ сановниковъ, должностныхъ лицъ, и другихъ преступленій, повлекшихъ за собой нарушеніе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Преступленіе

это предусмотрено 249 ст. Улож. о нак. угол. и испр. Кроме того, Филиппова, еще в том: 1) что, зная о намерении казенного князь государственного преступника Соловьева совершить посягательство на жизнь въ Возѣ почиваго императора Александра Николаевича, принимала участіе въ обсужденіи задуманнаго Соловьевымъ плана для приведенія своего преступнаго умысла въ исполненіе, не донесла о семъ подлежащимъ властямъ, чѣмъ и дала возможность Соловьеву привести свой злодѣйскій умыселъ въ исполненіе 2-го апрѣля 1879 г.; 2) что, зная о намереніи террористической фракціи совершить посягательство на жизнь священной особы въ Возѣ почиваго императора Александра Николаевича, приняла участіе въ обсужденіи способовъ къ совершенію сего преступленія и, не донесла о задуманномъ злодѣянніи, дала возможность членамъ фракціи произвести взрывъ полотна на Московско-Курской ж. д. 19 ноября 1879 г., во время слѣдованія императорскаго поѣзда; 3) что принимала участіе въ обсужденіи плана для преступнаго посягательства на жизнь императора Александра Николаевича, каковое посягательство было приведено въ исполненіе закладкою динамита подъ полотно ж. д. возлѣ г. Александровска и, если взрыва не послѣдовало 18 ноября 1879 г., во время слѣдованія по сему пути императорскаго поѣзда, то лишь по обстоятельствамъ не зависѣвшимъ отъ злоумышленниковъ, ибо ими независимо отъ закладки динамита подъ полотно дороги, сожнута была гальваническая цѣпь для производства взрыва во время слѣдованія поѣзда; 4) что принимала участіе не только въ обсужденіи задуманнаго посягательства на жизнь императора Александра Николаевича, каковое злодѣяніе фракція намѣревалась привести въ исполненіе возлѣ г. Одессы во время слѣдованія весною 80 г. императора въ Крымъ, но приняла и активное участіе въ приведеніи сего злодѣянія въ исполненіе, выразившись въ томъ, что доставила въ Одессу динамитъ и др. принадлежности для устройства задуманнаго взрыва на Одесской ж. д., а также и въ томъ, что способствовала государственному преступнику Фроленко получить мѣсто сторожа на участкѣ желѣзной дороги, прилежащемъ къ г. Одессѣ, съ тою цѣлю, чтобы представить какъ ему, Фроленко, такъ и другимъ членамъ фракціи, прибывшимъ въ г. Одессу для сего злодѣянія, болѣе легкій способъ къ устройству взрыва подъ полотно желѣзной дороги во время слѣдованія императорскаго поѣзда по участку дороги, находившемуся въ вѣдѣніи Фроленко; 5) что узнавъ отъ прибывшихъ въ г. Одессу казенной государственной преступницы Перовской и лишившаго себя жизни государственнаго преступника Николая Саблина о намереніи ихъ произвести здѣсь посягательство осенью 80 г. на жизнь государя, она приняла участіе какъ въ обсужденіи плана для совершения сего злодѣянія, такъ равно въ работахъ, сдѣланныхъ для устройства подкоча изъ лавки, нанятой въ д. № 47 по Итальянской улицѣ, съ цѣлю

совершенія взрыва во время слѣдованія императорскаго экипажа отъ пристани къ станціи желѣзной дороги; 6) что въ началѣ 81 г. принимала участіе въ обсужденіи плана для совершения посягательства на жизнь императора и, когда было рѣшено нанять лавку въ д. Менгдена съ цѣлю проведенія изъ нея подкоча подъ Малую Садовую улицу для устройства взрыва при слѣдованія государя императора, то она предложила избрать хозяиномъ лавки Богдановича, а по принятіи ей предложенія, изготовила для него подложный видъ на имя Кобозева, а затѣмъ, бывая въ упомянутой лавкѣ, имѣла надлежащія свѣдѣнія о ходѣ работъ; 7) что когда возникло сомнѣніе въ возможности произвести взрывъ на Малой Садовой улицѣ и, вслѣдствіе сего, рѣшено было 25 февраля 81 г. террористической фракціей совершить 1-го марта посягательство на жизнь государя посредствомъ метательныхъ снарядовъ, то она, тоже 28 февраля и въ ночь съ этого числа на 1-е марта, въ квартирѣ, занятой ею и государственнымъ преступникомъ Исаевымъ, дозволила не только изготовлять метательные снаряды, но и сама приняла въ изготовленіи ихъ участіе совместно съ Исаевымъ, Сухановымъ и другими злоумышленниками, каковыми снарядами и было совершено злодѣяніе 1-го марта, имѣвшее послѣдствіемъ мученическую кончину царя Освободителя императора Александра Николаевича; 8) что видя въ энергично дѣятельности генерала Стрѣльникова противодѣйствіе распространенію социально-революціоннаго движенія на югѣ Россіи, предложила террористической фракціи лишить жизни генерала Стрѣльникова, а затѣмъ, по принятіи ей предложенія, отправилась въ Одессу, гдѣ, съ цѣлю успѣшнаго выполненія задуманнаго преступленія, собрала свѣдѣнія объ образѣ жизни Стрѣльникова, передала таковыя свѣдѣнія названному для совершения убійства казенному преступнику Хадтурину и снабдила его деньгами на предстоящіе расходы по приведенію въ исполненіе плана убійства. Преступныя дѣянія предусмотрены 152 ст. 241 и 1454 ст. Улож. о наказ. уголов. и испр. в 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. (издан. 2-е).

Признанная виновной во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ, В. Н. Фигнеръ была приговорена къ смертной казни черезъ повѣшеніе, замѣненной ей de jure безсрочной каторгой, а de facto двадцатилѣтнимъ заключеніемъ въ Шлиссельбургъ.

Страница из воспоминаний ¹⁾.

Процессъ по дѣлу о 1-мъ марта 1881 года былъ послѣднимъ изъ процессовъ о «Народной Волѣ», отчеты о которыхъ появлялись въ газетахъ. Слѣдующій за нимъ процессъ (по дѣлу о 1-мъ же марта), состоявшійся въ февралѣ 1882 г., уже былъ безъ отчета: въ газетахъ появились лишь отрывки изъ обвинительнаго акта и приговоръ. То же съ процессомъ о 17 лицахъ въ апрѣлѣ 1883 года. По дѣлу о 14 лицахъ въ 1884 году, или о процессѣ В. Н. Фигнеръ, въ газетахъ не было даже и обвинительнаго акта, а приговоръ былъ напечатанъ, но какъ дальше будетъ видно, *не въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ на судѣ*. Съ дальнѣйшими процессами въ 1887, 1889 и 1890 г.г. было то же. По дѣлу о Софьѣ Гинзбургъ, Фрейфельдъ и др. уже ровно ничего не было въ печати, и въ Россіи объ этомъ дѣлѣ узнали только изъ иностранныхъ газетъ.

Процессъ о 14 народолюбцахъ (В. Фигнеръ и др.) въ сентябрѣ 1884 г. особенно интересенъ потому, что онъ является первымъ результатомъ дѣятельности С. П. Дегаева на необыкновенномъ поприщѣ, совмѣщавшемъ въ одномъ лицѣ революціонера, предателя и агента начальника охраннаго отдѣленія, Судейкина. Всѣ подсудимые этого процесса преданы Дегаевымъ сейчасъ же вслѣдъ за сдѣлкой, въ которую вступилъ Дегаевъ съ Судейкинымъ. Всѣ обвинения противъ нихъ построены на оговорахъ и показаніяхъ Дегаева, а между тѣмъ ни въ обвинительномъ актѣ, ни во всемъ дѣлѣ, ни въ приговорѣ о показаніяхъ Дегаева не упоминается совсѣмъ! Это потому, что Дегаевъ былъ не просто оговорщикомъ и предателемъ, какъ Гольденбергъ или Меркуловъ, а нѣчто болѣе сложное. И хотя въ моментъ составленія обвинительнаго акта, хода процесса въ сентябрѣ 1884 г. Дегаевъ вновь сталъ «тяжкимъ государственнымъ преступникомъ», за поимку котораго обшлось 10.000 руб., и шесть его карточекъ афинировались по всей Россіи, тѣмъ не менѣе выставленіе его открыто на процессъ, какъ предателя, считалось неудобнымъ, п. ч. это повело бы къ раскрытію и другой стороны его дѣятельности: въ качествѣ провокатора и агента охраннаго

отдѣленія. Неудобство же разглашенія официально, на судѣ о столь почтенной репутаціи Дегаева состояло въ томъ, по мнѣнію, спрошеннаго мной на судѣ объ этомъ Спасовича, что правительство еще надѣялось на выдачу Дегаева изъ-за границы, какъ преступника, участвовавшаго въ убійствѣ Судейкина, между тѣмъ дѣло было-бы безнадежнымъ при официально признаніяхъ данныхъ о его провокаторской дѣятельности въ теченіе полугода слишкомъ. Такимъ образомъ, все время на судѣ не было рѣчи о главномъ героѣ дѣла; не было рѣчи и объ его показаніяхъ. Былъ, впрочемъ, одинъ эпизодъ. Послѣ опроса судомъ о свидѣтеляхъ, защитникъ В. Н. Фигнеръ прис. пов. Леонтьевъ 2-й заявляетъ о требованіи его клиентки о вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля шт.-капитана въ отставкѣ С. П. Дегаева. Предсѣдатель суда (военно-окружнаго) отвѣчалъ, что показанія свидѣтеля Дегаева будутъ прочтены. Дѣло въ томъ, что на судѣ почти не фигурировали живые свидѣтели. Изъ такихъ могли давать показанія лично на судѣ лишь живущіе въ предѣлахъ 100-верстной окружности Петербурга. Показанія же остальныхъ просто читались. Дѣятельность же всѣхъ подсудимыхъ имѣла мѣсто на югѣ по преимуществу, и всѣ они свезены изъ Харькова (В. Фигнеръ, Ивановъ и др.), изъ Одессы и пр. Поэтому на судѣ было 2—3 живыхъ свидѣтеля—дворники домовъ, гдѣ жила В. Фигнеръ въ 1881 году.—Когда наступило чтеніе показаній свидѣтелей, было прочтено одно только показаніе Дегаева, данное имъ сейчасъ же послѣ ареста при типографіи въ Одессѣ и въ сущности не имѣвшее никакого отношенія къ дѣлу. Тогда В. Н. Фигнеръ дѣлаетъ заявленіе о томъ, что она имѣла въ виду не прочитанное показаніе, а другія его показанія. При этомъ она рассказала, что уже въ февралѣ 1884 г. (т. е. на 2-мъ году нашего заключенія и производства дѣла) ее призвали на допросъ при торжественной обстановкѣ дѣлою комисіей съ жандармскимъ генераломъ во главѣ и предъявили къ дѣлу тетрадь показаній, написанную рукой Дегаева. Но ей не дали читать всю тетрадь, а лишь нѣкоторые мѣста изъ нея. Мѣста же отмѣненные синими карандашомъ охранялись отъ прочтенія. В. Фигнеръ заявила, что не будетъ говорить ничего по поводу этихъ показаній, п. ч., очевидно, что если нельзя читать все, то это—не просто оговоръ сообщаемаго, а донесеніе агента. На этомъ допросѣ и былъ законченъ. Послѣ этого разказа Фигнеръ встаемъ поочередно и мы, остальные подсудимые, и заявляемъ о томъ, что въ то же число февраля вызывали и насъ всѣхъ и такъ же все читать не давали. На предсѣдателя суда эти заявленія производятъ нѣкоторое впечатлѣніе неожиданности, и онъ съ нѣкоторыхъ недоумѣніемъ заявляетъ, что и суду объ этихъ показаніяхъ ничего не извѣстно. Вспоминаю при этомъ, какъ мой сосѣдъ по скамьѣ подсудимыхъ слѣва, баронъ А. П. Штромбергъ (лейтенантъ флота, приговоренный къ смертной казни и казенный), при возбужденіи В. Н. Фигнеръ вопроса объ этихъ показаніяхъ сталъ толкать меня и

¹⁾ Статья эта принадлежитъ А. А. Спаннон-Басмаджи, осужденному, въ котораго работы по дѣлу В. Н. Фигнеръ и др. въ 1884 году.

выражать недоумѣніе, зачѣмъ поднимаетъ Фигнеръ вопросъ объ показаніяхъ, отсутствіе которыхъ намъ выгодно. Это было не-вѣрно: никакой выгоды не было для подсудимыхъ отъ отсутствія дегаевскихъ показаній. Штромбергъ, вообще, всѣ пять дней на судѣ былъ очень оптимистически настроенъ. Онъ былъ очень далекъ отъ мысли, что его ожидало. Онъ неоднократноговари-валъ мнѣ на судѣ, что она съ нимъ уже опытные люди по путешествію въ Вост. Сибирь. (Я за 3 1/2 года до суда былъ воз-вращенъ изъ ссылки, а онъ былъ приведенъ для суда изъ ссылки по оговору Дегаева. Сосланъ же онъ былъ въ 1881 году въ Верхоленскъ Иркутской губ., за отсутствіемъ серьезныхъ противъ него обвиненій). Онъ готовился теперь съ большимъ умѣніемъ экипироваться для путешествія «шахиномъ на поселе-ніе», какъ онъ думалъ, «а то и на житье». Въ скучные моменты процесса очень много мы съ нимъ болтали и смѣялись, за что не разъ получали отъ предсѣдателя нотации.

Отсутствіе въ дѣлѣ показаній Дегаева ни мало не ослабило обвинения для большинства подсудимыхъ. Судъ нашелъ возмож-нымъ и безъ ихъ помощи восьмерымъ изъ 14 вынести смертный приговоръ, а остальныхъ отправить въ долгорочную каторгу. Для В. Н. Фигнеръ дегаевскія показанія не могли прибавить ничего къ тому, что имѣлось противъ нея въ показаніяхъ Гольденберга и Меркулова по дѣламъ 1879—1881 г.г., гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ все бывшее при Дегаевѣ въ 1882 г. Къ тому же, какъ это видно изъ обвинительнаго акта и какъ вѣрно сказалъ защит-никъ Фигнеръ, «она сдѣлала все, что возможно, для собствен-наго самообвиненія». Если бы Рогачевъ и Похитоновъ держались системы не давать, вообще, никакихъ показаній, то, м. б., противъ нихъ въ дѣлѣ было-бы меньше обвиненій очень серьез-наго характера, добытыхъ, конечно, съ помощью Дегаева. Но все же едва-ли это повліяло-бы на приговоръ. Они признали все предъявленное имъ, изъ показаній Дегаева почерпнутое, хотя имъ, м. б., и не указано было, что объ этомъ говоритъ Дегаевъ. Дѣло въ томъ, что до исчезновенія Дегаева уже послѣ убійства Судейкина на дознаніи никогда прокуратура и жандармерія не обнаруживали, что оговариваетъ Дегаевъ. Они всегда имѣли что-либо подставное, на что ссылались. Приходилось самому заключить, что кто-то оговариваетъ или въ исключительныхъ случаяхъ прямо догадываться, что именно Дегаевъ оговари-вался, а не кто-либо иной. Пока Дегаевъ еще былъ аген-томъ Судейкина, было естественно всячески беречь его и стара-ться, чтобы на волю не проникли вѣстия, что онъ оговари-вался, п. ч. при такихъ извѣстіяхъ могла обнаружиться передъ революціонной публикой вся махинація. Потому-то, напр. въ мартѣ 83 г., когда пошли массовые аресты среди офицеровъ въ Кронштадтѣ и по всей Россіи и когда это естественно вызы-вало недоумѣніе въ офицерской средѣ,—искусно пускались слухи, что предаетъ Рогачевъ! На волю ничего и не проникло уже просто

потому, что всѣ сидѣли почти 2 года въ Трубецкомъ бастионѣ, въ Петропавловкѣ, откуда на волю ничего не могло проникнуть. Рогачевъ на судѣ болѣе для товарищей, я думаю, говорилъ о томъ, какъ онъ былъ побужденъ къ тому, чтобы признаться все ему предъявленное обвиненіе. Онъ былъ такъ озадаченъ, такъ сказать, ошарашенъ внезапностью, съ какой ему раскрываютъ все, что про него знаютъ, такъ этимъ былъ пораженъ, что впалъ въ ошибку, созависливъ, подтвердивъ все это. Онъ смѣллся, помнитса, еще на то дѣйствіе, которое оказалось заключеніе въ казематъ крѣпости,—на то, что онъ сталъ чувствовать себя ду-шевно скверно, но я думаю, что крѣпость тутъ не при чемъ. Объясняется все проще. Принимая во вниманіе, что Рогачевъ впервые предсталъ предъ столь аномальнымъ слѣдствіемъ, какъ жандармское дознаніе съ одной стороны; имѣя въ виду съ другой стороны, что «слѣдователи» были такъ хорошо вооружены, до-статочно освѣдомлены изъ первоисточника,—можно понять, что Рогачевъ былъ такъ подавленъ, что не имѣя на готовѣ предъ-вѣнаго плана вообще, не давая никакихъ показаній—ни да, ни нѣтъ,—прямо отбишилъ и признавалъ все. А изъ обвини-тельного акта видно, чѣмъ это все было, особенно для Фигнера. Изъ акта же видно, что Рогачевъ, признавая, что все предъявленное ему—вѣрно, въ то же время подтверждаетъ, что Желябовъ познакомилъ его съ Штромбергомъ, что при сформированіи центральной военной группы въ нее вошли онъ, Сухановъ, Штромбергъ. Когда читаешь обвинительный актъ, не зная закулисной стороны, которую я раскрываю, можно, даже должно прийти къ выводу, что единственное обвиненіе противъ Штромберга, которое ему предъявлялось по обвинительному акту,— что онъ былъ членомъ центральной военной группы,—почерпнуто изъ показаній Рогачева. Больше того, получается впечатлѣніе, что Рогачевъ оговаривалъ Штромберга, что только на основаніи этого оговора привезли изъ Верхоленска Штромберга и судить только за то, что онъ былъ членомъ центр. военной группы. На самомъ же дѣлѣ о Штромбергѣ, какъ это, такъ и многое другое, какъ мы въ *дѣлѣ о Штромбергѣ*, такъ и въ *30 т.т.* *дѣла, ни въ приговорахъ въ окончательной формѣ* (мотивирован-номъ), *отъ имени намъ послѣ суда*, узнаю отъ Дегаева, который, однако, не долженъ нигдѣ фигурировать. Поэтому Штромберга привлекаютъ къ суду на основаніи единственнаго косвеннаго указанія въ признаніи всего Рогачевымъ. Судять, обвиняя только въ признанности къ центральной военной группѣ. На судѣ только обрѣ-томъ рѣш. На дознаніи Штромбергъ отказывался отъ показаній. Только за одно это, т. е. за то, что онъ состоялъ членомъ центральной военной группы, его осуждаютъ и приговариваютъ къ смертной казни. На судѣ меня это не поразило особенно, п. ч. я слышалъ неоднократно мотивировки особенной суровости въ отношеніи офицеровъ, нарушившихъ доггъ присяги; слышалъ какъ судѣ, при всемъ желаніи снисходительнѣе отнестись

28852
39024
39025

БИБЛИОТЕКА

3

Библиотека Ордена
Св. Анны

къ нѣкоторымъ изъ офицеровъ, достойнымъ этого, благодаря боевымъ заслугамъ (Ашевбреннеръ за штурмъ Ходжента и Самаркандя и др. дѣла и Похитоновъ за 4 Плевны имѣли по нѣсколько орденовъ съ мечами) не можетъ все же не помнить о нарушении долга присяги и т. д. Наконецъ, всѣ 14 обвинялись по 249 ст., по которой полагалась смертная казнь, что судъ и находилъ «самымъ справедливымъ» для всѣхъ (подлинныя слова въ приговорѣ), но принимая-де во вниманіе, что шестеро не принимали непосредственной участія въ террористическомъ покушеніи, онъ отказался отъ «самого справедливаго!» Во время чтенія намъ приговора въ окончательной формѣ Похитоновъ сообщаетъ въ разговорѣ Штромбергу, что его отецъ подаль прошеніе о помилованіи, и при этомъ спросилъ его: «ну, а ты какъ?» Штромбергъ отвѣчаетъ смѣясь: «я неграмотный!» И тутъ онъ былъ очень весело настроенъ, повидному, нисколько не вѣрилъ, что его дѣйствительно казнятъ. Я въ свою очередь былъ убежденъ, что, если кого-либо «помиловатьъ», то въ первую голову его. Черезъ 3 дня послѣ этого истекалъ срокъ для кассации. По этому поводу въ предварилкѣ въ камерѣ у меня бывалъ общій у насъ съ Штромбергомъ защитникъ, прис. пов. Макалинскій, котораго заирали со мной въ камерѣ, гдѣ онъ всчакии меня упрасивалъ написать чрезъ моего записку Штромбергу и просить его подаль прошеніе о «помилованіи». Я отказывался отъ этого, увѣряя Макалинскаго, что его и безъ того помиуютъ, п. ч. противъ него единственное обвиненіе ничѣмъ основательнымъ не доказанное и т. д. Макалинскій мнѣ говорилъ, что его Штромбергъ и слушать не хочетъ. 4-го октября насъ всѣхъ перевезли опять въ крѣпость, гдѣ мы уже сидѣли на т. наз. «каютномъ положеніи». Сосѣдомъ моимъ былъ Похитоновъ, съ которымъ я перестукивался. За это время къ нему заходили съ объявленіемъ о помилованіи, о чемъ онъ мнѣ простучалъ. Ни о комъ больше я не зналъ до 18 октября, когда совершенно неожиданно меня перевезли вновь въ предварилку, гдѣ мнѣ сообщили, что я поѣду въ Сибирь, на Кару. Тамъ-то я узналъ сейчасъ же, кто былъ казненъ 10 октября. Если я съ трудомъ теперь могъ бы передать, каковы были мои удивленіе и огорченіе особенно при извѣстіи о Штромбергѣ, то еще меньше я могу сказать, какія чувства меня охватили и взволновали, когда еще чрезъ нѣсколько дней я прочелъ въ газетахъ приговоръ по нашему дѣлу!! Онъ былъ вѣренъ и вполне соответствовалъ тому, какой былъ врученъ намъ, въ отношеніи всѣхъ осужденныхъ, *кромя Штромберга*. Въ приговорѣ газетномъ—вмѣсто одного обвиненія противъ него: въ принадлежности къ центральной военной группѣ было еще дѣлныхъ три пункта обвиненій, о которыхъ ни въ актѣ, ни въ дѣлѣ, ни на судѣ, ни въ приговорѣ не упоминалось даже полусловомъ! Эти три пункта были слѣдующіе: 1) Принималъ участіе въ напечатаніи прокламаціи о событіи 1 марта 1881 года. 2) Послѣ ареста Желябова возбуждалъ совѣстно съ Перовскою

планъ освобожденія изъ-подъ стражи Желябова при перевозѣ послѣдняго изъ крѣпости въ предварилку и 3) Въ день 1 марта принималъ участіе вмѣстѣ съ другими въ очищеніи квартиры Фигнеръ и Исаева на Вознесенскомъ проспектѣ отъ остатковъ динамита и типографіи.—Эти, такъ сказать, «помертвыя обвиненія» противъ Штромберга не могли быть предъявлены на судѣ; ихъ нечѣмъ было абсолютно подкрѣпить при невозможности указаній на Дегаева. И, такимъ образомъ, Штромбергъ умеръ, не зная за что его казнили, а узнали объ этомъ читатели газетъ, ровно ничего не знаяще о томъ, что предъявлялось Штромбергу на процессѣ. Очевидно, что даже по тогдашнимъ временамъ и обстоятельству было мотивировка казни за одну лишь принадлежность къ центральной военной организаціи почиталась недостаточной, и вотъ, департаментъ полиціи счелъ необходимымъ дать свою сверхъ-судебную мотивировку....

Такимъ образомъ, Штромбергу совсѣмъ не помогло отсутствіе показаній Дегаева въ актахъ дѣлопроизводства. Почти то же можно сказать въ отношеніи и остальныхъ подсудимыхъ, хотя нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые вообще отказались отъ дачи показаній и противъ которыхъ инымъ путемъ удалось раздобыть матеріалъ менѣе тяжеловѣсный, чѣмъ имѣвшійся въ отношеніи ихъ въ показаніяхъ Дегаева, м. б., послужило нѣкоторымъ облегченіемъ это отсутствіе показаній Дегаева на судѣ. Къ такимъ принадлежалъ и я. По обвинительному акту и на судѣ вообще, мнѣ предъявлялось, кромѣ общаго всѣмъ обвиненія въ принадлежности къ «Нар. Волѣ», что подводилось подъ 249 ст., только лишь одно обвиненіе: участіе въ устройствѣ въ Одессѣ типографіи «Н. В.», въ которой былъ взятъ Дегаевъ съ женой, Суровцевъ и Калюжная. Это обвиненіе подкрѣплялось показаніями Л. Дегаевой, которая, конечно, оговаривала самымъ добросовѣстнымъ манеромъ, и Калюжную, которую одесскій жандармскій полковникъ Катарскій вынудилъ подтвердить въ отношеніи меня и Суровцева то, что сказала Дегаева про наше участіе въ типографіи. Катарскому было очень легко обойти такую молодую и совсѣмъ неопытную дѣвушку, какъ Калюжная, при такихъ экстренно выгодныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, зная отъ Дегаева всю подноготную до мельчайшихъ подробностей. Калюжная, вскорѣ выпущенная на поруки, не была оставлена Катарскимъ въ покоѣ. Онъ дѣлалъ попытки эксплуатировать ее, какъ провокатора, словомъ, хотѣлъ имѣть въ ея лицѣ маленькаго Дегаева для себя. Нѣсколько позже, когда обнаружилась вся махинація съ дегаевщиной, Калюжная, желая очиститься отъ той грязи, въ которую ее втолкали, покушалась на жизнь Катарскаго, за что была въ 1884 году осуждена на 20 лѣтъ каторги.

Въ 1889 году она окончила самоуправствомъ, отравившись вмѣстѣ съ М. Ковалевской и Н. Смирницкой послѣ тѣлеснаго наказанія надъ Н. Сигидой.—Полковникъ Катарскій вообще стремился стать болѣе или менѣе великимъ человѣкомъ въ своихъ

сферах и въ приемах своих подражал Судейкину, не обладая вовсе специфическим талантом последнего. Прихвлав на службу въ Одессу незадолго до ареста Дегаева, онъ ставъ особенно усердно дѣлать обыски, ничемные аресты и т. д. Словомъ, сильно старался. Въ это время въ одесской тюрьмѣ среди заключенныхъ началась голодовка. Мѣстная центральная группа по этому поводу распространила по городу въ большомъ количествѣ прокламацію о голодномъ бунтѣ въ тюрьмѣ, очень сильно написанную и производившую сенсацию въ городѣ. Прокламація была тектографированная. О типографіи центральной въ Одессѣ мѣстной группѣ не было известно. Усиленные обыски и розыски, пущенные въ ходъ Катанскимъ по поводу этой прокламаціи, повели къ случайному открытію Дегаевской типографіи. Кроме того, какъ раньше мнѣ пересказывали Дегаевъ и Суровцевъ, тяжесть корзяна съ шрифтомъ, втаскивавшихся ими съ помощью дворника, возбудила подозрѣніе. 18 декабря 82 г. Дегаевъ, словомъ, былъ арестованъ. До меня дошли слухи на другой день о какомъ-то арестѣ въ городѣ. Это, въ связи съ непріиходомъ на свиданіе въ одинъ день Дегаева, а въ другой Суровцева, должно было окончателно меня убѣдить въ вѣрности слуховъ. Помню, что на второй день кто-то изъ своихъ мнѣ сообщилъ, что будто-бы взята какая-то типографія. Но когда не хочешь чему-либо повѣрить, то не вѣришь и очевидно. И вотъ, я вечеромъ 20-го декабря подожду къ дому, гдѣ была типографія, и не вижу условленнаго знака въ окнѣ 3-го этажа для свободнаго входа. Въ окнахъ была сплошная темнота. Я ушелъ прочь... И чрезъ полчаса опять пришелъ, поднялся на 3 этажъ, позвонилъ и долго стоялъ между двумя дверьми у звонка. Была могильная тишина и я, повернувшись въ сторону звонка, зналъ, что засада меня теперь возьметъ. Но меня никто не взялъ. Засады не было. За мной слѣжки не было. Убѣжать сейчасъ я не рѣшилъ, и ч. надо было устраивать спасеніе многихъ пудовъ шрифта и др. принадлежностей для второй типографіи, уже направленныхъ въ Одессу. Это мнѣ уже при помощи мѣстныхъ людей удалось сдѣлать; но прошло много времени, за которое происходили такіа событія, какъ отказъ Дегаева разговаривать съ такимъ «солдафономъ», какъ Катанскій; требованіе Дегаева вызвать Судейкина, пріѣздъ последнего въ Одессу и... entente cordiale между Дегаевымъ и Судейкинымъ—это уже было приближительно въ первыхъ числахъ января. Въ эти же дни я впервые ощутилъ слѣженіе за собой во время свиданія на улицѣ, въ толпѣ гуляющихъ, съ Стратановичемъ, офицеромъ изъ мѣстнаго кружка военной организаціи. Я немедленно прекратилъ сношенія съ офицерами и всякіа другія и старался выхвлатъ въ Харьковѣ. Это мнѣ не удалось. Можетъ быть, я не сумѣлъ это ловко сдѣлать; можетъ быть у меня были преувеличенныя опасенія, какъ-бы не привезти за собой въ Харьковѣ къ Фигнеръ мунара. Я медлилъ, колебался, и 10 января тотъ самый типъ, котораго я впервые замѣтилъ при свиданіи съ Стратановичемъ,

схватилъ меня днемъ на улицѣ, и при помощи, какъ бы изъ подъ земли явившихся на его свистъ, жандармовъ я былъ отвезенъ предъ очъ Катанскаго, который на первыхъ порахъ счителъ необходимымъ сдѣлать отводъ, повидимому, глазу сообщивъ мнѣ, что я арестованъ по дѣлу о распространеніи прокламаціи о голодовкѣ. Затѣмъ меня посадили въ одиночкѣ рядомъ съ Дегаевымъ, съ которымъ мнѣ и пришлось дня 4 перестукиваться! Само собой понятно, что тогда я не имѣлъ понятія о томъ, что произошло съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ я его не видѣлъ. Несомѣнно, что меня посадили рядомъ преднамѣренно. Послѣ отбываія Дегаева я уже въ его камерѣ сидѣлъ мѣсяца 2 1/2 до отвоза меня въ крѣпость совершенно изолированный, не имѣвъ возможности переговариваться ни стучомъ, ни иначе. О, яко-бы, побѣгъ Дегаева 14 января возлѣ одесскаго вокзала я узналъ уже весной, когда меня перевозили въ Петербургъ. Изъ разговоровъ его со мной кое-что интересно. Между прочимъ онъ мнѣ сообщилъ, что онъ выдалъ себя за убійцу жандармскаго офицера Гейкина! На первыхъ порахъ у меня мелькнула мысль, что у него въ головѣ что-то неладно стало: до такой степени было для меня дико то, что онъ мнѣ сообщилъ. На мой вопросъ, зачѣмъ это онъ сдѣлалъ, онъ отвѣтилъ, что это для того, чтобы его повезли въ кievскую тюрьму, откуда онъ думалъ бѣжать при помощи офицера въ караулѣ, подобно тому, какъ бѣжалъ въ августѣ 82 г. изъ кievской тюрьмы Василій Ивановъ при помощи офицера Тихановича. Объ этомъ побѣгѣ онъ зналъ; зналъ также и о томъ, что Тихановичъ, какъ и др. офицеры изъ кievской военной организаціи предлагали повторене такого освобожденія; что никто изъ кievлянъ въ тюрьмѣ этимъ не хотѣлъ воспользоваться, т. к. серьезно обвиняемыхъ тамъ тогда не было. Вл. Вычовъ бѣжалъ въ декабрѣ безъ помощи офицера. Я ставъ ему доказывать всю нецѣльность выдачи себя за убійцу Гейкина, который былъ убитъ въ маѣ 1878 г., т. е. почти за 5 лѣтъ; убѣждалъ его, что хотя до того времени убійца Гейкина дѣйствительно и былъ неизвѣстенъ полиціи, но ему не повѣрятъ; тутъ же на мѣстѣ добудутъ доказательства противнаго и въ Кіевѣ даже не повезутъ. Онъ упорно настаивалъ, добиваясь у меня свѣдѣній о кievскихъ офицерахъ, дѣлахъ, адресахъ и т. д. Дѣло въ томъ, что онъ въ Кіевѣ никогда не бывалъ и никого тамъ не зналъ; я же жилъ до августа 82 г. въ Кіевѣ больше года; зналъ всѣ дѣла тамъ и велъ съ Тихановичемъ дѣло побѣга В. Иванова. Просто чисто случайно мнѣ не пришлось указать ему ничего особеннаго по Кіеву; я, повѣривъ, что онъ говорилъ правду, и допустивъ, что, можетъ быть, онъ добьется перевода въ Кіевъ, указавъ, чтобы онъ изъ тюрьмы чрезъ одну изъ женъ, приходившихъ на свиданія, вступилъ въ переписку съ Россіи, о которомъ онъ и безъ того зналъ. Любопытно, что этотъ разговоръ у насъ происходилъ 11 января, т. е. за 3 дня до искусственнаго побѣга, который имѣлъ мѣсто въ Одессѣ 14 января. Каждый

день въ эти 4 дня его уводили изъ камеры (кромѣ прогулки) на полчаса и больше. На мой вопросъ, куда онъ ходитъ, онъ мнѣ говорилъ, что его допрашиваютъ ежедневно. Однажды, онъ съ допроса принесъ новость: офицеръ Антоновъ, арестованный въ Тифлисѣ, оговариваетъ все и вся, и ему, Дегаеву, предьявляется теперь обвинение въ томъ, что онъ былъ «агентомъ исполнительнаго комитета». Это его сильно смущало и онъ выражалъ большаго опасенія, что его казнятъ; поэтому, ему надо непременно бѣжать. Сталъ спрашивать о явкѣ къ Фигнеръ въ Харьковѣ. Такъ какъ явка оставалась старая, которую онъ звалъ, то я и тутъ ему новаго ничего не сообщилъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ и явился по извѣстному ему адресу къ Фигнеръ. О его побѣгѣ я узналъ потомъ. 14-го онъ исчезъ и я остался безъ собесѣдника, если не считать таковымъ Катанскаго, который не прочь былъ вести и частныя бесѣды послѣ неудачъ на допросахъ. Въ Одессѣ за 3 мѣсяца мнѣ былъ сдѣланъ лишь одинъ допросъ въ присутствіи прокурора, на которомъ я очень кратко заявилъ, что отказываюсь отъ показаній. Я былъ предоставленъ самому себѣ, и когда только, почему-то, на 12-й день разрыбили книги, я весь въ нихъ погрузился и ждалъ у моря погоды. Но вотъ, однажды, Катанскій присоединился ко мнѣ въ большому залѣ казармы во время прогулки и сталъ бесѣдовать. Скоро онъ перешелъ на тему о томъ, что я напрасно-де не показываю, что-де это хуже и т. п. Я на это ему указывалъ, чтобъ онъ не забывалъ, что я не младенецъ, что я уже привыкшалъ къ дѣлу Чубарова и Лизогуба и потому не вполнѣ несвѣдущъ на предметъ того, что можетъ со мной быть и т. д. Тогда онъ мнѣ сталъ говорить: «помилуйте, мы все знаемъ; вы бывали въ типографіи, вы помогли ее устроить и пр. Объ этомъ показываютъ Суровцевъ, Калужная.» Это меня взорвало, но я ему спокойно сказалъ, чтобъ онъ далъ мнѣ очная ставка съ Суровцевымъ и Калужной. Онъ говоритъ, что это нельзя, но онъ можетъ показать мнѣ собственныя ихъ подписи на показаніяхъ. Я отвѣтилъ, что я ихъ почерковъ не знаю, а, вотъ, очная ставка, это-де дѣло вѣрное. Тогда, молъ, я и отпираться не стану!—Онъ на это воскликнулъ: «такъ вы *такъ* въ нихъ увѣрены?» Я отвѣтилъ, что я увѣренъ, что противъ меня никто не показывать, и такъ какъ срокъ прогулки кончился, ушелъ въ камеру.

Послѣ этого, мѣсяца полтора я его не видѣлъ. Я какъ-то справился объ немъ. Нужно было, чтобъ онъ процензуровалъ книги, которыя я хотѣлъ купить. Меня вызвали къ нему. Послѣ разговоровъ о тюремныхъ условіяхъ, здоровья и т. п. онъ прямо спросилъ, не намѣренъ ли я теперь что по дѣлу сказать. Я отвѣтилъ, что нѣтъ, а вотъ-де списокъ книгъ разрышите. Онъ отставилъ списокъ и началъ: «Вотъ я былъ въ Петербургѣ... видѣлъ Вѣру Фигнеръ... (при этомъ смотритъ на меня во всё глаза). Что онъ замѣтилъ на мнѣ, не знаю, но онъ продолжалъ: «въ Харьковѣ арестованы такіе-то»—называетъ при этомъ все из-

вѣстныхъ мнѣ имена. Мнѣ было очень не по себѣ и я хотѣлъ этому положить конецъ и уйти, но съ другой стороны любопытство, о чемъ онъ еще скажетъ,—приковывало къ мѣсту. Онъ продолжалъ: «да, знаете, Вѣра Николаевна... это... дьяволъ, а не женщина!... Тутъ я не выдержалъ, разразился проговорилъ:— «Вы можете кому-нибудь другому передавать о своихъ петербургскихъ печатлѣніяхъ»,—и сталъ уходить. Тогда онъ, беря списокъ книгъ, говоритъ: «успокойтесь, подождите, я просмотрю книги.»—Въ числѣ книгъ въ списокъ былъ 4-ый т. Н. К. Михайловскаго. Тутъ Катанскій что-то пробороталъ: «а! Михайловъ: «Ассоціаціи» Знаю, знаю!»—и улыбается.—Я на это язвительно говорю:—«естъ Михайловъ: «Ассоціаціи» и естъ Михайловскій!» На что онъ, саркастически улыбаясь, сказалъ:—«Знаю! Какъ-же? Знаю! Михайловскій—тотъ самый, который прѣвѣжалъ въ октябрѣ въ Харьковъ къ Фигнеръ!»¹⁾ Я, прямо сраженный этими словами, долѣе, чѣмъ нужно было, молчалъ, а потомъ сказалъ: «меня относительно Михайловскаго теперь интересуетъ только вопросъ, разрѣшаете-ли вы купить книгу?». Онъ подписалъ списокъ, а я, подавленный всѣми этими извѣстіями, пошелъ въ камеру, сѣпша разобораться въ этомъ. Дѣло въ томъ, что этими словами о прѣвѣдѣ Михайловскаго къ Фигнеръ Катанскій обнаружилъ мнѣ ясно, что *Дегаевъ оговариваетъ*. Съ этой минуты это для меня стало несомнѣннымъ фактомъ. Объ этомъ прѣвѣдѣ Михайловскаго¹⁾ къ Фигнеръ около 15 октября 82 г. изъ находившихся въ Россіи знало случайно только лишь три членовъ: Вѣра Николаевна, я и Дегаевъ. Ясно, что я долженъ былъ прійти къ полной увѣренности послѣ словъ Катанскаго, что Дегаевъ и объ этомъ сказалъ. Тогда мнѣ стала ясной и высылка Михайловскаго изъ Петербурга въ началѣ 1883 года въ Лугу. Конечно, покой мой былъ этимъ нарушенъ. Но я еще не успѣлъ ничего сообразить послѣ этого, какъ внезапно меня перевозятъ въ Петербургъ. Со стороны Катанскаго было, собственно говоря, большою неосторожностью сказать мнѣ объ этомъ, и это у него выразилось нечаянно, я думаю. Но вотъ меня перевозятъ въ другую тюрьму, до отправки въ крѣпость, и тамъ я узнаю о побѣгѣ Дегаева 14 января. Узнаю такія подробности о томъ, какъ его перевозили къ вокзалу на открытомъ извозчикѣ съ 2 жандармами, которымъ, будто-бы, онъ засыпалъ глаза нохательнымъ табакомъ, и бѣжалъ, скрывшись въ лабиринтахъ строившагося вокзала. Я зналъ, что *такъ* въ Одессѣ никто не возилъ къ вокзалу; зналъ, что Дегаевъ, сидя, какъ и я, въ 5 № казармъ, никакимъ образомъ не могъ запастись нохательнымъ табакомъ. Все это мнѣ казалось страннымъ, вызвало во мнѣ какія-то подозрѣнія... Повезли меня изъ Одессы до Кіева при такихъ не-

¹⁾ О пѣмъ прѣвѣдѣ и о всемъ дѣлѣ, связанномъ съ этимъ прѣвѣдомъ Михайловскаго, рассказано Фигнеръ Михайловскимъ. Послѣ смерти Михайловскаго рассказъ этотъ появился въ „Революціонной Россіи“ въ 1906 году. (Рассказъ Михайловскаго, разумеется, далеко не истериченъ этого дѣла. О немъ мы наведемъ далѣе по временамъ обстоятельныя свѣдѣнія. Ред.)

обыкновенно уже строгих условиях,—сопровождало 4 жандарма до Киева; отъ станции до станции еще 5-ый,—что комедия бросалась въ глаза. Это должно было показывать, что побѣгъ Дегаева такъ напугалъ, что теперь-де приняты страшныя мѣры. За Киевомъ всѣ эти штуки были оставлены! Въ Киевѣ я ночевалъ случайно не въ участкѣ, а въ тюрьмѣ, гдѣ узналъ о массѣ арестовъ среди офицеровъ всюду въ Россіи, объ арестѣ Тихановича и др. въ Киевѣ. Затѣмъ уже ѣхалъ, ничего не зная. Встрѣтился въ Орлѣ съ шт.-капитаномъ Крайскимъ, везомымъ тоже изъ Одессы въ Петербургъ въ одномъ поѣздѣ со мной, но въ разныхъ вагонахъ. Мы дѣлали видъ, что не знакомы другъ съ другомъ. Еще мы съ нимъ встрѣтились въ московскомъ жандармскомъ управленіи, куда насъ завозили для перемѣны жандармовъ и до слѣдующаго поѣзда, и, наконецъ, въ департаментѣ полиціи предъ отвозомъ уже прямо въ крѣпость. Тутъ цѣлый часъ мы сидѣли на одномъ и томъ же диванѣ, вмѣстѣ рядомъ съ собою своихъ жандармовъ, на виду массы людей, въ ожиданіи назначенія офицеровъ для отвоза въ крѣпость.

Вотъ, такимъ-то образомъ, я пріѣхалъ въ крѣпость съ страшнымъ сумбуромъ въ головѣ относительно происходящаго, въ связи съ Дегаевымъ. Что онъ оговаривалъ, у меня не оставалось никакихъ уже сомнѣній. Я былъ увѣренъ, что аресты офицеровъ въ Кронштадтѣ, Одессѣ, Тихановича въ Киевѣ—его дѣло. Но кромѣ полной увѣренности въ его предательствѣ, въ томъ, что онъ выдастъ, я, несмотря на странность побѣга, фактивность котораго прямо мною была почти угадана,—все же не могъ прійти къ опредѣленному какому-нибудь выводу. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ, что меня позовутъ на допросъ. Но имѣя свѣдѣнія изъ Одессы, что я не даю показаній, очевидно съ этимъ не спѣшили. Я просидѣлъ въ крѣпости 4 мѣсяца, какъ бы совсѣмъ забытый. Повидимому это было педагогической мѣрой, въ некоторомъ родѣ. Все это время я проникалъ стильностью режима въ Трубецкомъ равелинѣ. На первыхъ же порахъ, вслѣдствіе внезапности отбѣзда изъ Одессы, въ крѣпости мнѣ пришлось обдывать безъ табаку, безъ чаю и т. д., такъ какъ я пріѣхалъ безъ денегъ. И на первыхъ же порахъ я получилъ дисциплинарное возмездіе. Я былъ сразу посаженъ во вторымъ этажѣ рядомъ съ только что тогда (въ началѣ апрѣля 1883 г.) приговореннымъ къ смертной казни, Теллаловымъ. Объ этомъ я узналъ сейчасъ же, начавши перестукиваніе съ нимъ. Узнавъ отъ него о всемъ процессѣ¹⁾! Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, переговариваясь съ нимъ, все время, особенно ночью, я былъ въ постоянной тревогѣ, что вотъ придутъ его брать на казнь. И вотъ, однажды, въ 3 часа утра, заслышавъ какой-то шумъ въ корридорѣ, я вскомилъ и подобжалъ къ стѣнкѣ Теллалова стучать. Отвѣтъ, что онъ тутъ, я получилъ, но... меня въ

глазѣкъ усмотрѣли и чрезъ какія нибудь 10 минутъ входятъ съ стереотипнымъ: «Пожалуйте!» Повели меня въ нижній этажъ, помѣстивши такъ, что я имѣлъ сосѣдей для перестукиванія. Кромѣ того, возмездіе дополнялось лишеніемъ прогулки вплоть до 15 мая, дня коронаціи, когда я былъ «помилованъ» и отведенъ вновь на 2-ой этажъ. Только въ іюнѣ я узналъ отъ новаго сосѣда, что Теллаловъ и 5 его товарищей были «помилованы» только по окончаніи коронаціи... Сосѣдей по общему дѣлу у меня все не было, и я ничего новаго не могъ узнать. Перестукиваясь, хотя съ рискомъ получать возмездіе въ видѣ лишенія книгъ, прогулки вплоть до карцера, можно было, но мнѣ не удалось устраивать нѣтъ разговоровъ отъ одного заключеннаго къ другому и дальше. Это потому, что попадались такіе, которые не умѣли стучать; иные учились этому искусству; иные не хотѣли просто стучать; наконецъ, часто, разсаживали такъ, что не вывало сосѣдей. За 19 мѣсяцевъ пребыванія въ крѣпости до суда и послѣ него я мѣсяцевъ 8 не могъ бесѣдовать, а стало быть и узнавать что бы то ни было. Помните, какъ я сильно хотѣлъ того или другаго изъ товарищей по дѣлу имѣть сосѣдомъ. Особенно мнѣ хотѣлось знать что и какъ Тихановичъ. Эта жертва предательства меня въ особенности занимала: меня прямо угнетала мысль, что Дегаевъ погубилъ и этого человѣка. А П. Тихановичъ не былъ волею партіоннымъ человѣкомъ еще за полгода до катастрофы. Въ качествѣ офицера одного изъ полковъ въ Киевѣ онъ бывалъ въ караулѣ и въ тюрьмѣ. Бывалъ и въ политическомъ отдѣленіи тюрьмы, онъ интересовался политическими, не имѣя, конечно, возможности познакомиться даже. Вообще, это былъ офицеръ интеллигентный съ радикальнымъ отътѣнкомъ; вращался среди интеллигентной молодежи и въ самое послѣднее время сталъ искать связей съ революционерами. Я жилъ тогда въ Киевѣ, зналъ нѣсколькихъ офицеровъ, въ средѣ которыхъ начали возникать планы объ организаціи кружка и о присоединеніи къ военной организаціи «Нар. Воли», но среди нихъ не было Тихановича. Однажды, приблизительно въ маѣ 82 г. ко мнѣ обратилась одна курсистка и стала говорить о Тихановичѣ, вообще, а потомъ вскорѣ прямо сказала, что Тихановичъ, прослышавъ о киевской организаціи Нар. Воли, желаетъ съ кѣмъ-либо познакомиться по дѣлу. Постѣ разныхъ переговоровъ, изъ которыхъ видно стало, что Тихановичъ желаетъ непосредственно видѣться со мной, я видѣлся съ нимъ и на первомъ же свиданіи узналъ нѣчто чрезвычайное: онъ прямо мнѣ заявилъ, что въ качествѣ начальника караула въ тюрьмѣ онъ очень легко и безъ всякаго для себя риска можетъ освободить политическаго заключеннаго. Я возражалъ, не вѣря, чтобъ не было риска; указывалъ, что въ Киевѣ нѣтъ столь сильно обвиняемыхъ, чтобъ при неудачѣ стоило такъ сильно отвѣчать, ему офицеру, вѣдь, предстоитъ несомнѣнный смертный приговоръ. Онъ настаивалъ на полной увѣренности въ отсутствіи риска и тутъ

¹⁾ Процессъ 17 лицъ: Юрій Богдановичъ, Бугенвичъ, Корба, С. Златолазскій и др.

же сказалъ, что желаетъ освободить, именно, Вас. Гр. Иванова, тогда привлеченнаго къ дѣлу въ Кіевѣ. На мой вопросъ, почему, именно, Иванова, а не другого кого, онъ отвѣтилъ, что, конечно, если находить нужнымъ кого-либо другого, то онъ ничего противъ не имѣетъ, но лично онъ хотѣлъ бы Иванова освободить, п. ч. Ивановъ очень ему понравился... въ тюрьмѣ! Я обѣщаль ему сообщить обо всемъ Иванову, такъ какъ, вѣдь, въ сущности мы не знаемъ, желаетъ-ли Ивановъ бѣжать. Онъ согласился ждать.—Дѣло В. Иванова было не очень серьезнымъ. Его обвиняли въ пропагандѣ и агитации среди рабочихъ. Были уллки, т. к. его оговорили, если не ошибаюсь, рабочій Пелленцій. Ивановъ былъ арестованъ въ то время, когда на всемъ югѣ прямо свирѣпствовалъ генералъ Стрѣльниковъ, назначенный осенью 81 года чѣмъ-то продѣ главнымъ слѣдователемъ по политическимъ дѣламъ. Пока живъ былъ Стрѣльниковъ, дѣло Иванова могло принять и худой оборотъ. Стрѣльниковъ сильно не взлюбилъ Иванова за недачу показаній и за то, должно быть, что Ивановъ не очень испугался грознаго генерала, пускавшаго въ ходъ, какъ въ большинствѣ случаевъ, и съ Ивановымъ такие, напр., приемы застраиванія, какъ картинное изображеніе, какъ Ивановъ будетъ на висѣлицѣ высовывать языкъ и хрипѣть! При этомъ Стрѣльниковъ самъ высовывалъ языкъ и хрипѣлъ!! Бывали случаи, когда при такомъ драматическомъ искусствѣ генерала дамы, родственницы заключенныхъ, падали въ обморокъ, но съ Ивановымъ этого не было. Не больше успѣха имѣли и архитектурные способы, къ коимъ прибѣгалъ для разнообразія Стрѣльниковъ, приказывая воздвигать эшафотъ передъ окномъ камеры Иванова!—Но послѣ смерти Стрѣльникова¹⁾ выяснилось, что дѣло Иванова закончится въ административномъ порядкѣ, и ему грозила ссылка въ Вост. Сибирь на 5 лѣтъ.—Какъ я и ожидалъ, Ивановъ отвѣтилъ, что не хочетъ подвергать Тихановича риску быть повѣшеннымъ изъ-за того, что ему придется ити въ Сибирь, откуда онъ сумѣетъ бѣжать безъ этого. Тихановичъ продолжалъ упорно настаивать на томъ, что онъ ничѣмъ не рискуетъ, что дѣло будетъ обдѣлано такъ, что несомнѣнно все останется, какъ называется, «шито-крыто». Онъ прибавилъ, чтобы я предоставилъ ему лично списаться съ Ивановымъ, убѣдить Иванова въ полной гарантіи и т. п. Кончилось тѣмъ, что Ивановъ согласился, и былъ выработанъ слѣдующій планъ. Съ помощью ключа, сдѣланнаго рабочимъ изъ организаціи по слѣвку замка камеры Иванова, доставленному Тихановичемъ, этотъ послѣдній въ назначенный день, находясь въ тюрьмѣ въ караулѣ, отворить камеру Иванова, а затѣмъ отворить и ворота тюрьмы. Надзиратель корридорный Ивановымъ долженъ быть угощенъ чаемъ съ примѣсью такой дозы морфія, что обязательно

заснетъ. Надзиратель же во дворѣ долженъ быть быть отвлеченъ Тихановичемъ, и въ моментъ прохода Иванова между корпусомъ и воротами долженъ быть, по приказанію Тих—ча, пойти въ отдаленный уголъ тюремнаго двора узнать, почему-де тамъ шумъ. Часовыхъ создать внутри тюремной ограды не полагалось. Высшимъ часовыхъ Тихановичъ издавна приучилъ къ тому, что выходилъ за ворота ночью и посылалъ часового, который у воротъ, дойти до угла для проверки, не спитъ-ли другой часовой по другую сторону. Также приучилъ своего фельдфебеля къ тому, что ночью ключи отъ воротъ держалъ у себя, не отдавая ихъ фельдфебелю; его караулъ привыкъ и къ тому, что Тихановичъ по ночамъ обходилъ дворъ тюрьмы.

Когда все было готово въ послѣднихъ числахъ іюня, была сдѣлана попытка, но неудачно: ключъ былъ плохо сдѣланъ и не подошелъ! Я почти всю ночь даромъ простоялъ на условленномъ мѣстѣ для встрѣчи Иванова, а на другой день, когда видѣлся съ Тихановичемъ, онъ рвалъ и металъ, ругая нашихъ рабочихъ, которые не умѣютъ сдѣлать ключъ и т. д. Отъ Иванова же пришла ужасная записка, въ которой онъ отрекался отъ всего, говоря о томъ, что онъ испытывалъ, слыша, какъ долго и шумно возился Тихановичъ съ замкомъ, забывъ о надзирателяхъ, хотя и спавшемъ крѣпко подъ дѣйствіемъ морфія, но тѣмъ не менѣе представлявшемъ страшную опасность! Пошли новыя препрательства съ Тихановичемъ, который теперь еще больше во что бы то ни стало хотѣлъ это повторить и новымъ ключемъ. Ивановъ ни о чемъ и слушать не хотѣлъ. Послѣ долгихъ убѣжденій Тихановича, онъ, наконецъ, согласился, но поставилъ свои условия: изъ камеры онъ выйдетъ собственными силами, проломавъ въ печи проходъ, а въ ворота его выпуститъ Тихановичъ. И послѣдній, и я не вѣрили этому и думали, что Ивановъ хочетъ просто отдѣлаться. Но онъ просилъ, чтобы ему прислали большой ножъ, которымъ онъ будетъ орудовать надъ кирпичами въ печкѣ. Ножъ этотъ Тихановичъ зарылъ во дворикѣ политическихъ, въ которомъ Ивановъ прогуливался въ одиночествѣ. Ему было запиской сообщено, гдѣ онъ долженъ найти ножъ, который онъ и извлекъ. Камера Иванова находилась въ углу корридора. Дверцы печки были не на самой стѣнѣ корридора, т. е. не на поверхности стѣны, а вродѣ, какъ въ нишѣ. Такимъ образомъ, проломъ вокругъ дверцы не могъ быть виднымъ въ корридорѣ. Это было благопріятнымъ условіемъ. Новая попытка была назначена на ночь съ 16 на 17 августа, день дежурства караула Тихановича. На этотъ разъ морфію понадобилось больше, такъ какъ кромѣ надзирателя, какъ въ прошлый разъ, нужно было напоить чаемъ офицера, дежурнаго по всѣмъ карауламъ, который, благодаря близости къ лагерю тюрьмы, избралъ ее мѣстомъ для ночевки. Для большей вѣрности Тихановичъ оставшейся чай отдалъ и фельдфебелю. Ивановъ же сталъ ломать у себя въ камерѣ печь и къ 2 часамъ ночи добрался до дверцы, которая вынулъ съ мѣста, а выйдя потомъ

¹⁾ Убитъ 18-го марта 82 г. въ Одессѣ Желваковымъ при помощи Ст. Халтурина. Оба были казнены 22 марта 82 же года.

поставить на место. Раньше этого он погасил огонь в камерѣ, что должно было служить знаком для Тихановича. Ночной сторож во дворѣ, какъ оказалось, спалъ. Ивановъ прошелъ мимо него къ будкѣ, стоявшей между двумя воротами, одѣлъ пригоровенный костюмъ, встрѣтился съ Тихановичемъ, который предъ этимъ отдалилъ фасаднаго часового за воротами,—и вышелъ. Черезъ полчаса мы горячо обнимались на берегу Дѣбра. При этомъ Ивановъ мнѣ показывалъ, и хохоталъ, бѣлые окрашенное кровью и разорванные немного бока. Дѣло въ томъ, что въ отверстие, очень узкомъ, въ печкѣ ему пришлось изгибаться чуть-ли не подъ прямымъ угломъ. Когда утромъ установили исчезновение Иванова, въ тюрьму явилась жандармерія, прокуроръ и пр. Сразу рѣшили, что проломъ въ печкѣ сдѣланъ для отвода глазъ; заставили 15-лѣтняго арестанта пролѣзть въ отверстие; это парню не удалось сдѣлать. Стали производить слѣдствие. Караулъ, солдаты и фельдфебель показали, что ничего не замѣтили, что всю ночь все было спокойно и нормально. Нашелся уголовный арестантъ, который подъ присягой показалъ, что видѣлъ, какъ надзиратель ночной, вывѣдиль Иванова въ красной рубахѣ (?) за ворота. Этотъ надзиратель за свою жестокость былъ ненавидимъ уголовными. По случаю при обыскѣ у этого надзирателя находить крупную сумму денегъ. Подозрѣние пало на него и другихъ двухъ надзирателей. Ихъ, неизвестно ужъ, на основании какихъ юридическихъ данныхъ, судить въ ноябрѣ военнымъ судомъ, который выноситъ обвинительный приговоръ за заранѣе предумышленный планъ освободить Иванова и осудятъ двоихъ изъ нихъ къ пяти годамъ каторги! третьяго же оправдали. Тихановичъ оказался больше нежелателенъ, что все останется про него шито-крыто. Но такой оборотъ дѣла, какъ осужденіе невинныхъ надзирателей, былъ такъ неожиданъ, что Тихановичъ на первыхъ порахъ чуть не надѣлалъ глупостей. Онъ потерялъ покой. Его мучила судьба надзирателей, и стоило большихъ усилій отвратить его отъ бывшего у него намѣренія заявиться и сознаться. Ивановъ въ свою очередь очень волновался и хотѣлъ выступить въ газетѣхъ съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, что надзиратели невинновы. Но газеты, помѣтившія противъ Иванова и революціонеровъ разносныя статьи, не пожелали или не могли помѣстить письмо Иванова. Въ мартѣ 83 г., когда арестованъ былъ Тихановичъ, осужденные надзиратели были уже въ Одессѣ, откуда должны были въ мартѣ же быть отправленными на Сахалинъ. Но послѣ ареста Тихановича состоялось высочайшее повелѣніе объ отбѣгѣ надъ ними приговора, и ихъ оправдали. Тихановичъ же, конечно, все про себя призналъ. Меня поразило это предательство Дегаева потому, что это дѣло было какъ бы отдѣльнымъ эпизодомъ, внѣ связи со всеми дѣлами, о которыхъ Дегаевъ, разъ начавши говорить, съ трудомъ могъ умолчать. Объ этомъ дѣлѣ, казалось, онъ могъ-бы умолчать, не нарушая, такъ сказать, дѣльности открытій, которыя онъ дѣлалъ. Да онъ по этому поводу въ подроб-

ности и не входилъ. О моемъ, напр., прикосновеніи къ этому дѣлу ровно ничего не стало извѣстнымъ. Кромѣ того, вообще были нѣкоторые случаи, когда Дегаевъ кое о чемъ или кое о комъ прямо таки не сообщалъ. Извѣстные случаи, когда онъ того или другого, котораго онъ не хотѣлъ назвать, заставлялъ уѣхать за-границу. Такъ было по слухамъ, не знаю ужъ насколько достовернымъ, съ Карауловымъ, Чернявской. На судѣ Тихановичъ подтверждаетъ все въ томъ видѣ, какъ дѣло изложено въ обвинительномъ актѣ, несмотря на массу неточностей, которыя имѣются въ немъ. Словомъ, Тихановичъ совсемъ не защищался, держась безукоризненно, несмотря на то, что во время суда уже былъ психически большимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе онъ по «помилости» былъ посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и окончилъ свой срокъ.

Только во второй половинѣ юля, на пятomъ мѣсяцѣ, я впервые былъ вывезенъ изъ крѣпости на допросъ. На этотъ разъ мнѣ прочитали, безъ ссылокъ на источникъ, рассказъ о томъ, какъ въ декабрѣ 82 г. я съ Дегаевымъ въ Одессѣ на квартирѣ М. Ю. Ашенбреннера имѣли бесѣду съ вызванными изъ Николаева двумя офицерами съ цѣлью предложенія имъ отъ имени организціи выступить изъ военной организціи и взять на себя спеціальныя дѣла. Въ рассказѣ были изложены подробно всѣ переговоры и все происходившее на собраніи. Я, уже зная, что Дегаевъ и не о такихъ вещахъ говоритъ, не могъ приписать сообщеніе объ этомъ собраніи кому-либо другому, кромѣ него. Къ тому же въ освѣщеніи многихъ сторонъ этихъ переговоровъ я могъ узнать, именно, Дегаева, такъ какъ по поводу одного изъ этихъ офицеровъ, не проявлявшаго особеннаго желанія согласиться на предложеніе, у меня съ Дегаевымъ возникли нѣкоторые пререканія. Онъ стоялъ на необходимости не стѣсняться и обязывать въ такихъ случаяхъ, основываясь на всей строгости устава военной организціи, не допускавшаго неподчиненія...

По окончаніи чтенія меня спросилъ, что я имѣю на это сказать. Я отвѣтилъ, что ничего. Меня отвезли вновь въ крѣпость, гдѣ до февраля 84 г. я опять пребывалъ безвыѣздно. Впрочемъ, кажется, въ этотъ періодъ, однажды, прокатился въ фотографію на Моховую улицу, гдѣ еще разъ сняли съ меня карточку. Не смотря на все разнообразіе свидѣній въ крѣпости, эти побѣды не были приятнымъ развлеченіемъ. Приходилось сидѣть въ тѣсной каретѣ съ 2 жандармами и офицеромъ, при закрытыхъ окнахъ и опущенныхъ шторахъ. Одинъ изъ жандармовъ укладывалъ свои ноги такъ между дверью кареты и моими ногами, что я, однажды, спросилъ офицера, требуется ли по инструкціи, чтобы жандармъ мнѣ все время давилъ на ноги. Тотъ обругалъ жандарма за недостатокъ деликатности, которую онъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ при такихъ близкихъ цѣляхъ проявить не могъ. Офицеръ же, очевидно, для противоявія жандармскому запаху извлекалъ свой платокъ, пропитанный одуряющими духами. Эта духота, жара дѣлали побѣдку въ каретѣ очень мало приятной; я

всегда был зол и раздражен и не поощрял офицера в его словоохотливости. В феврале 84 г., наконец, призвали на допрос в так называемое «здание комисси» возлѣ Трубецкого равелина. В большом залѣ со сводами, недалеко отъ клѣтокъ для свиданій, засѣдала большая группа «сѣдователей», прокуроровъ съ генераломъ Середой во главѣ. На этотъ разъ дѣло носило торжественный характеръ. Мнѣ пришлось въ клѣткѣ для свиданій переждать. Я слышалъ, какъ увели кого-то изъ зала, повидимому, судя по походкѣ, даму. Потомъ ввели меня въ залъ. Мнѣ предъявили сначала одну бумагу, подписанную Дегаевымъ. Это было его первое показаніе въ Одессѣ. Спросили, дегаевскіе-ли это почеркъ и подпись. Я сказалъ, что почерка Дегаева не знаю, а подпись вижу. Тогда, предъявивъ мнѣ дѣльную тетрадку, спросили, не нахожу-ли я, что тетрадка написана той же рукой, что и та бумага за подписью Дегаева. Я сказалъ, что дѣйствительно, почеркъ одинъ и тотъ же. Тогда мнѣ сказали, что будутъ читать изъ тетрадки относящееся ко мнѣ. Началось чтеніе о моемъ первомъ знакомствѣ съ Дегаевымъ въ Харьковѣ, на какой-то улицѣ, у того-то на квартирѣ, о всѣхъ разговорахъ бывшихъ при этомъ и т. д., и т. д. Читали порядочно времени, желая показать больше да, чѣмъ достаточно, что Дегаевъ казалъ рѣшительно обо всемъ. Я слушалъ очень внимательно. Но вотъ, при перелистываніи читавшимъ для отысканія новыхъ мѣстъ, до меня имѣющихся отношеніе, генераль остановилъ чтеніе и обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «ну, что вы имѣете на это сказать?» Я отвѣчалъ, что на это сказать ничего не имѣю. Онъ воскликнулъ громко: «Какъ? даже теперь?» Я отвѣтилъ, что не вижу причинъ, почему, именно, теперь я могу имѣть сказать больше, нежели раньше. Добржинскій тутъ началъ мнѣ что-то говорить, но генераль говоритъ офицеру, меня сопровождающему: «уезвте!» И меня уводятъ назадъ. Это былъ послѣдній вызовъ. Съ февраля по сентябрь, когда врученъ былъ обвинительный актъ, больше нигде не вызывали. Въ мартѣ у меня оказался новый сосѣдъ, молодой Степурица (офицеръ), братъ того тоже офицера Степурина, который покончилъ съ собою въ 84 г. въ предварилѣ. Послѣ большихъ трудовъ, понесенныхъ мною для обученія его перестукиванію, я былъ сильно вознагражденъ: онъ мнѣ сообщилъ такую массу новаго обо всемъ, что происходило въ 83 году въ связи съ Дегаевымъ, объ убійствѣ Судойкина и т. д., что только тогда мнѣ все стало яснымъ и всѣ недоумѣнія окончились. Прошло послѣ того еще пять мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Половина этого времени у меня была занята леченіемъ отъ цынги. Мѣсяца полтора я не могъ ходить, не могъ разогнуть одну ногу, на которой долго была громадная опухоль съ язвой. Лечили меня съ нѣкоторымъ усердіемъ, которое дѣлкомъ, впрочемъ, выражалось въ томъ, что мнѣ разрѣшено было на свой счетъ улучшить пищу, при чемъ брали съ меня 1 р. за мышенка и т. п. Каждый день посѣщалъ врачъ, извѣстный Вильямъ. Все же эти заботы для крѣпости были

необычны и потому я ихъ объяснилъ тѣмъ, что нужно было, чтобъ я къ сентябрю былъ здоровъ для суда. Оригинальную полемику мнѣ пришлось вести съ Вильямсомъ съ одной стороны и съ Лѣсникомъ (смотрителемъ бастіона) съ другой. Впервые осматривъ ногу со скорбутомъ, Вильямъ при Лѣсникѣ изволилъ воскликнуть: «это удвительно! 20 лѣтъ служу въ крѣпости, и это первый случай цынги!» Я ему на это отвѣтилъ: «Вы, должно быть, это же говорили и Шпряеву, умершему въ рavelинѣ отъ цынги, и теперь говорите то же въ такихъ-то и такихъ-то номерахъ бастіона большими цынгой!» Вильямъ опѣшилъ, но Лѣсникъ, побавровѣвъ отъ подозрѣнія, что я какимъ-то манеромъ узналъ такія конспираціи, накинута на меня: «Вы какъ можете знать что въ такихъ-то номерахъ?» Видно было, что я попалъ въ самую точку! Я ему сказалъ: «успокойтесь! въ корридорѣ на окнахъ противъ такихъ-то номеровъ стоятъ бутылки съ желѣзомъ, такія же, какую вы поставили на окнѣ противъ моей двери вчера!» Когда я сталъ выходить на прогулку при помощи жандармовъ, ковелья на одной ногѣ, я больше не видѣлъ бутылки на окнахъ въ корридорѣ. Съ Лѣсникомъ пришлось прешаряться еще. Вильямъ велѣлъ, чтобъ я гулялъ по часу, чтобъ скорѣе расправитъ ногу и, вообще, выдворовѣть. Я заявилъ, что, гуляя по часу, я лишь другихъ прогулки обычной въ 10 минутъ. Это вызвало дѣльную бурю, потому что я объяснилъ, что знаю, что всего дня не хватаетъ для обычной прогулки всѣхъ при данномъ количествѣ заключенныхъ. Зналъ же я объ этомъ весьма просто: когда не хватало времени для прогулки всѣхъ, то приходилось гулять не каждый день подрядъ. Но полковникъ Лѣсникъ опять проявилъ плохую сообразительность и пришелъ въ ужасъ: мнѣ извѣстны такія ужасныя тайны! Онъ сталъ кричать, что не можетъ же онъ мнѣ доказывать, что я могу такъ гулять, показываніемъ списковъ: «за это, вѣдь, я подѣ съйду!» Кончили тѣмъ, что я согласился гулять по получасу, когда узналъ по стукѣ, что 3 августа весь нижній этажъ каторжанъ былъ увезенъ. Выйдя на прогулку, я видѣлъ, дѣйствительно, внизу всѣ двери казематовъ растворенными. Уже послѣ суда въ Москвѣ я узналъ, что 3 августа, изъ Трубецкого рavelина перевезли каторжанъ въ Шлиссельбургъ.

Къ началу сентября, когда я сталъ уже свободно ходить, и язва на ногѣ закрылась, я былъ обращенъ въ «первобытное состояніе», т. е. меня лишили молока и всѣхъ другихъ привилегій цынготнаго. 11-го же сентября вызвали для врученія обвинительнаго акта и объявленія о томъ, что судъ будетъ 24 сентября. На вопросъ объ защитникѣ изъ присяжныхъ повѣренныхъ я сказалъ, что такового имѣть желаю.

Вернувшись въ камеру, я съ любопытствомъ сталъ читать обвинительный актъ. Не могу передать о томъ, какъ я былъ удивленъ, увидѣвъ, что о показаніяхъ Дегаева въ актѣ нѣтъ ни слова, и что я обвиняюсь только въ устройствѣ типографіи! На

другой день въ крѣпость ко мнѣ пришелъ мой защитникъ, прис. пов. Макалинскій, съ которымъ я, наединѣ, видѣлся въ «зданіи комиссій». Когда онъ узналъ отъ меня обо всемъ, онъ также крайне удивился тому, что въ актѣ отсутствуютъ обвиненія по показаніямъ Дегаева, и ваялся рассмотреть все томы дѣла (ихъ оказалось 30 т.т.), чтобы убѣдиться, что ихъ и тамъ нѣтъ. На второмъ свиданіи въ крѣпости онъ мнѣ сообщилъ, что и во всехъ томахъ дѣла о Дегаевскихъ показаніяхъ нѣтъ ничего. Тогда онъ сталъ мнѣ говорить, что мнѣ предстоитъ лишь поселеніе; что онъ будетъ доказывать непримѣнимость 249 ст. улож. о нак.; хотѣлъ, чтобъ я все и на судѣ отрицалъ. Я съ этимъ не согласился и сказалъ, что я рѣшилъ, разъ ужъ попалъ подъ военный судъ, держаться другой системой: признать и принадлежность къ Народной Волѣ, и все обвиненія въ предѣлахъ обвинительнаго акта съ опроверженіемъ, конечно, лишь того вадора, который тамъ имѣется въ видѣ свѣдѣній нечестныхъ, вродѣ того, что я получаю шприфтъ на свое имя и т. п. Послѣ долгихъ споровъ Макалинскій съ этимъ долженъ былъ примириться, а также съ моимъ протестомъ противъ того, чтобы онъ, какъ того желалъ, говорилъ на ту тему, что, молъ, я разъ былъ уже невинно сосланъ, что это де молъ меня озлобило, и что этимъ, молъ, объясняется моя принадлежность къ партіи! Все наши соглашенія были обоими нами выполнены на судѣ точно, и Макалинскій въ отношеніи меня, да и въ отношеніи Штромберга, говорилъ лишь о томъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ для примѣненія къ намъ 249 ст. за принадлежность къ партіи. Не все защитники вели себя такъ солидарно съ желаніями подсудимыхъ.

22 сентября меня перевезли изъ крѣпости въ домъ предварительнаго заключенія, а 24-го начались засѣданія суда, состоявшаго, кромѣ предсѣдателя и судьи, изъ трехъ гвардейскихъ полковниковъ разныхъ родовъ оружія. Кромѣ уже указанныхъ эпизодовъ, на судебномъ слѣдствіи не было ничего болѣе любопытнаго. Монотонно-скучно читались секретаремъ многочисленныя показанія свидѣтелей, которые показывали, что въ предѣвленной имъ карточкѣ такого-то они, молъ, узнаютъ посѣщавшаго такого-то и другія столь-же цѣнныя данныя. Подсудимые облегчали дѣло, очень мало опровергая и не прещираясь. Рѣчь прокурора была также не изъ завязатыхъ; взывалъ онъ, конечно, къ смертной казни, но особенной свѣрности имъ не было проявлено. Были выпады сомнительнаго качества, какъ, напр., сказанное имъ о В. Н. Фигнеръ. Дескать удивляться надо, какъ такая женщина, какъ Фигнеръ, дворянскаго происхожденія, съ образованіемъ и т. п. «могла жаждать крови!» Или укоръ по моему адресу, что я проявилъ въ отношеніи правительства «неблагодарность!» Правительство меня возвратило изъ первой ссылки, а я, молъ, опять сталъ участвовать въ революціонномъ движеніи.

Изъ защитниковъ говорилъ первымъ прис. пов. Леонтьевъ 2-ой. Его рѣчь была и необыкновенно кратка, и необыкновенно сильна.

Это не защитительная рѣчь. Онъ началъ съ того, что ему, какъ защитнику, сказать нечего. Его клиентка сдѣлала все возможное для самообвиненія, сказавши о себѣ все болѣе тяжелое. Затѣмъ, переходя къ характеристикѣ личности Фигнеръ, онъ, по поводу словъ прокурора о «жаждѣ крови», сказалъ, что она принадлежитъ къ натурамъ, которая «такъ страстно любить правду, что во имя этой любви къ правдѣ, во имя осуществленія идеаловъ правды не могутъ остановиться и предъ необходимостью проліяты крови. Что до приговора, который ожидаетъ Фигнеръ, то я долженъ заявить, что она не ждетъ и не желаетъ «ни милости, ни снисхожденія».

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе, какъ на гвардейскихъ судей, такъ и на многочисленныхъ слушателей изъ «публики», довольно своеобразной: она состояла исключительно изъ чиновъ прокуратуры, департамента полиціи, главнаго тюремнаго управленія и т. д. Временами появлялись министры: Набоковъ (юстиціи) и Д. Толстой (внутр. дѣлъ).

Рѣчи другихъ защитниковъ не представляли ничего особенно любопытнаго.

У Н. Д. Похитоновъ былъ защитникомъ Мазаракій 2-ой по назначенію. По желанію же отца его выступилъ въ качествѣ защитника также и прис. пов. Добровольскій. Этотъ добровольный защитникъ доставилъ Похитонову нѣсколько неприятныхъ минутъ. Онъ началъ съ дифирамбической характеристики отца Похитонова, генерала. Воздавъ хвалу его превосходительству Данилу Даниловичу, защитникъ сталъ передавать суду очень подробно о своемъ удивленіи и ужасѣ, когда онъ узналъ, что, вотъ, сынъ почтеннѣйшаго Данилы Даниловича принадлежитъ къ революціонной организаціи! До сихъ поръ онъ только вызывалъ смѣхъ у подсудимыхъ. Но вотъ, онъ перешелъ къ характеристикѣ партіи и ея дѣятелей. Тутъ онъ, видимо, совершенно незнакомый съ тѣмъ, о чемъ стала говорить, счелъ нужнымъ для защиты и обвиненія своего клиента по возможности сильнѣе очернить партійныхъ дѣятелей. Онъ сталъ доказывать, что нельзя вѣрить показанію Желябова о военной организаціи: «Желябовъ, г.г. судья, хвастуетъ и говоритъ неправду». Но судьямъ дальне не довелось дослушать Добровольскаго, ибо Похитоновъ, возмущенный всей рѣчью его, вызывавшей и смѣхъ, и негодованіе товарищей, тутъ нашелъ нужнымъ потребовать, чтобъ Добровольскій прекратилъ свою защиту; тотъ недоумѣвалъ, почему Похитоновъ отказывается отъ нея!..

Выдающийся, хотя и специфическій интересъ — представляла рѣчь Спасовича, защитника Чемодановой. Спасовичъ болѣе другихъ принадлежалъ къ тому типу защитниковъ, которые для возбужденія на судѣ, для оправданія подсудимаго-клиента не прочь этого клиента представить суду въ болѣе или менѣе раздѣланомъ подъ орѣхъ видѣ. И если не всегда отъ такого приема подсудимому чувствовалось хорошо, то часто Спасовичъ получалъ резуль-

таты блестящие! Особенно удачным оказался такой его прием при защите Л. Чемодановой. Как видно из данных обвинительного акта, Чемодановой предъявлялось обвинение в принадлежности к партии «Нар. Воли», что подтверждалось ее собственным признанием еще 3 марта 81 г., когда она была арестована при обыске в квартире Желябова и Перовской в отсутствие уже последних. Дальше после побоя из ссылки в 83 г. Чемоданова была арестована в Харькове в типографии. При таких данных обвинения трудно было ожидать добрых результатов от той тактики на суды, которую повел г. Спасович. Все время на суды шла речь об абсолютной неадекватности Чемодановой. Все данные в руках обвинения являлись, так сказать, стечением массы случайностей, которые де и привели к привлечению Чемодановой к делу. Она же совершенно не партийный человек. Самое трудное, однако, было отразить такой довод прокурора, как собственное признание Чемодановой в 81 году, что она член партии «Нар. Воли».

Тут-то и выступил Спасович во всеоружии своего ораторского таланта. Началось с исторического очерка революционного движения с начала 70-х годов. Говорилось об этом толково, со знанием дела и, главное, долго. Гипотеза гвардейских полковников шла успешно. Мне впервые приходилось слушать г. Спасовича и, может быть, впервые тогда видеть я, что людей можно убеждать, что черное — было или обратно! Наступил, наконец, рассказ о 1-м марта 81 г. Удивительно сильная картина происходившего в Петербурге тогда. Характеристика допросов в те дни, как допросы инквизиции. Детальное рассмотрение психического состояния человека, захваченного в эти дни на квартире самих Желябова и Перовской. Словом, Чемоданова, вдруг, неожиданно предстала пред инквизиторами и их вопросами. Она переживает нечто экстраординарное; у нея мелькает мысль: «пропадай все!» а затем признание: «Да! я член партии «Нар. Воли!» Дальше, сейчас же характеристика личности Чемодановой, как личности, какой хотите, только не могущей принадлежать к партии. Эта характеристика заканчивается восклицанием: «г. судья! посмотрите на эту Чемоданову!» (При этом распростерты руки по направлению к Чемодановой, пожатие плечами и выразительно-презрительный взор!) — «Эта Чемоданова — член партии Нар. Воли!?!» Пауза, во время коей г. судья взирал на эту Чемоданову и тут же приходил к полному убеждению, что она не может принадлежать к партии «Нар. Воли!»

Действительно, судья в приговор нешел, что Чемоданова не принадлежит к партии «Нар. Воли», а к другой, стремящейся к испровержению строя в отдаленном будущем!.. Это нужно думать потому так судья ршился, что в речи Спасовича говорилось не мало и о «Черном Переделье», вообще.

Там же менше Л. Чемоданова была приговорена судом к 4-м годам каторги, и лишь по конфирмации получило поселение.

Некоторые из подсудимых отказались совсем от защитников. К таким принадлежали В. Иванов, В. Чуйков и Л. Волкенштейн. Но они и сами не защищались: их отношение к суду было или вполне индифферентное, или же отрицательное. Признавши вначале принадлежность к партии, они далее уже не участвовали в процессе.

Последнее слово подсудимым хотя и было дано, но только одна В. Н. Фигнер сумела заставить себя выслушать. Как судья, так и «публика» слушали с необыкновенным вниманием, и председатель, насколько помню, ни разу не остановил. Все попытки других, особенно военных, как Похитона и Штрюмбера, были неудачны. Похитонов стал говорить о том, что он видел в Болгарии во время войны, и едва коснулся в речи порядков в армии, малозаконных действий начальства, был прерван с требованием не говорить на эту тему; но когда он перешел на новую тему о том, что мы, освободив Болгарию, дали ей конституционное устройство, а сами обращаемся под сению самодержавия, то немедленно окончательно был лишен слова. Штрюмберг начал о том, что крестьянская реформа была поведена не так, как было нужно... Председатель и это нашел преступным и лишил и его слова. После этих неудач остальные подсудимые предпочли молчание.

На пятый день заседания суда, 28-го сентября вечером был прочтен приговор: 8 подсудимых, в том числе В. Фигнер и Л. Волкенштейн — смертная казнь; 2 — безсрочная каторга; 1 — 20 лет каторги; 2 — 15 л. и 1 — 4 г. каторги.

Поразил своей суровостью и неожиданностью приговор в отношении Людмилы Александровны Волкенштейн. Она только в августе 83 г. пришла из-за границы, где жила с 1879 года. Пришла она, как о том заявила, для вступления в «Нар. В.», но в октябре уже 83 же г. была арестована, не успев ни в чем проявить себя. Там же менше ей предъявлено было обвинение в принадлежности к «Нар. Воле». Обвинили ее кроме того в том, что она в 79 году жила вместе с Зубковским на конспиративной квартире, в которой скрывался после убийства Харьковского губернатора, Крапоткина, Гольденберг (9 февраля 1879 г.). Зубковский, судившийся в 80 году также военным судом в Петербурге по процессу «Народной Воли» о 16 лицах, был присужден к 20-ти-ллетней каторге. Таким образом оставалось неясным, почему Л. Волкенштейн чрез 5 почти лет после Зубковского по одностороннему совещанию была приговорена к смертной казни. Впоследствии и до сего времени я не имел случая узнать достоверно, не было-ли и в деле Л. Волкенштейн закладной стороны в виде связи с «дегавишной».

1-го октября вечером же пришлось еще последний раз пройтись гуськом по лабиринтам, соединяющим дом предварительного заключения с окружным судом, для выслушания при-

говора въ окончательной формѣ. Но юридическія тонкости насъ не интересовали, и мы всё, зная, что видимся послѣдній разъ, свѣдѣли наговориться. В. Н. Фигнеръ, получившая съ воли на свиданіи бужетъ цвѣтовъ, дала ближайшему сосѣду отдѣльные цвѣты для передачи дальше всѣмъ товарищамъ. Всѣ получили по цвѣтку. При этомъ Рогачевъ по расфѣнности, должно быть, открыто подносилъ цвѣтокъ къ лицу. Онъ стоялъ на верхней скамьѣ и, какъ очень высокій, этимъ обратилъ на себя вниманіе: цвѣтокъ былъ усмотрѣнъ и, вотъ, среди «публики», стоявшей напротивъ, произошелъ переполохъ. Уже на другой день въ предварилкѣ я узналъ отъ самого начальника дома, Дорофьева, о томъ, какой жестокой нагоняй онъ получилъ отъ Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Онъ допустилъ «цвѣты въ тюрьму, гдѣ 8 человѣкъ приговоренныхъ къ смерти!». «Вѣдь они могли отравиться!» Тѣмъ не менѣе въ предварилкѣ три дня я сохранялъ цвѣтокъ удачно. Но я зналъ, что, когда перевезутъ вновь въ крѣпость, мнѣ никакъ не удастся припрятать его. Однако, когда повезли въ крѣпость, я спряталъ цвѣтокъ въ своихъ длинныхъ волосахъ, откуда онъ торжественно былъ извлеченъ при расчесываніи жандармомъ волосъ при обыскѣ въ казематѣ. На другой день, впрочемъ, я лишился и волосъ, въ которыхъ запрятывалъ цвѣтокъ.... Тогда же была прочтена «инструкция для временнаго пребыванія въ Трубецкомъ равелинѣ на положеніи каторжной центральной тюрьмы». Эта инструкция лишила книгъ, кромѣ духовно-нравственныхъ, свиданій, переписки, расходаванія собственныхъ денегъ, а, стало быть, чаю, сахару, табаку и какого бы то ни было улучшенія пищи. Она предусматривала бритье головы, кандалы, кусокъ войлоку на полу вмѣсто койки; за дисциплинарный проступокъ тѣлесное наказаніе до нѣсколькихъ тысячъ, чуть-ли, не шпицрутеновъ и т. д. Въ ней же говорилось, что на такомъ положеніи осужденный просидитъ 1/3 всего срока. Въ числѣ другого было и обязательное обращеніе всего персонала бастиона на «ты». Я выслушалъ эту «инструкцію» и крѣпко приготовился сидѣть такъ 5 лѣтъ, ибо былъ осужденъ на 15 лѣтъ. На этомъ «положеніи» я немедленно сталъ болѣть еще сильнее, нежели раньше, и на 7-й день этого режима не былъ въ состояніи уже что-либо ѣсть. Приходилъ Вильгельмъ и на этотъ разъ огранчивался тѣмъ, что завялялъ мнѣ о томъ, что пищевою режимъ этотъ для меня убійствененъ, и также о томъ, что онъ теперь не можетъ ничего поддѣлать. Я спросилъ его, зачѣмъ же онъ ходитъ. — «А для того, чтобы... Вотъ, давать хининъ!» — отвѣтилъ онъ. Прошло 2 недѣли, и по ночамъ я слышалъ частыя прѣзды кареты. Очевидно увезли многихъ. Еще для меня черезъ два исчезъ ночью мой сосѣдъ Похионовъ. Въ слѣдующую ночь вывели и меня, но въ предварилку, гдѣ я изъ товарищей по процессу засталъ только Чувкова и Чемодановъ. Про остальныхъ я узналъ позже, что ихъ увезли въ Шинсельбургъ....

Къ эпилогу заговора И. И. Сухинова ¹⁾.

Секретно.

Обрядъ казни.

Записка.

По которой нужно приготовить нѣкоторыя вещи для извѣстнаго дѣла; и о прочтемъ того касающема.

Деревянной столбъ длиною повѣрхъ земли 2-арш. 12-ть вершковъ, въ землѣ одинъ аршинъ. Позади онаго отъ ямы должно въ колотить два кольца; отъ земли два аршина, и одно съ верхъ ихъ выше 6-ть вершковъ. Фигура.

Позади онаго въ двухъ аршинахъ должна быть вырыта яма въ землѣ глубиною какъ ротъ для могилы, а шириною чтобы тѣла шести человѣкъ могло помѣститься.

Нужно завтра по утру въ 9-ть часовъ ко мнѣ явится одному чиновнику, которой мнѣ покажетъ назначаемое Господиномъ начальникомъ мѣсто Екзекуціи, а я тамъ назначу гдѣ ставить столбъ и рыть яму.

¹⁾ Печатаемый документъ относится къ «обряду казни», исполненной надъ товарищами декабриста И. И. Сухинова по такъ наз. «Заренгуйскому заговору». По прибытіи на каторгу послѣ замѣны ему смертной казни заренгуйскими рудниками, Сухиновъ (см. т. I сбор. Богучарскаго «Госуд. прес. въ Россіи». Изд. «Дон. Рѣч.» стр. 64—67) задумалъ поднять возстаніе въ Сибіри, начавши его съ заренгуйскаго рудника. Заговоръ былъ открытъ въ то время, когда въ немъ принялъ уже участіе сотня лицъ. Шестью изъ нихъ были приговорены къ расстрѣлянію. Наказуя въ казни Сухиновъ покончилъ съ собою въ тюрьмѣ, а остальные 5 приговоренныхъ—Возаровъ, Голицковъ, Бондаревъ, Птащиды и Непомнящихъ,—были расстрѣляны въ слѣдующій день. «Записка» печатается нами съ сохраненіемъ не только «стиля», но и орфографіи. *Ред.*

Нужно построить смѣртныхъ шесть рубахъ бѣлаго холста, длиною чтобы не доходили земли четверть аршина, и столько широки, чтобы можно ихъ надѣвать съ верхъ всѣй одѣжды.—А такъ же шесть бѣлыхъ холщевыхъ платковъ для завязыванія глазъ.

И шесть веревокъ крепкихъ двухъ саженныхъ.

Во время езекуціи должно быть 6-ть человекъ ссыльныхъ, которые будутъ тѣла отвязывать, бросать ихъ въ яму, и зарывать.

Военной командѣ должно приготовить 100 боевыхъ патроновъ: дабы вѣсу пороху въ патронѣ не было больше двухъ золотниковъ—какъ на карабинъ такъ и на ружье. Должно поручить господину поручику Рыку осмотрѣть ружья съ коихъ пятнадцать человекъ будутъ стрелять; поверить патроны по калибрамъ, дабы при зарѣжаніи не было конфузінъ есть ли патронъ невойдетъ въ дуло.

Военная команда для Езекуціи можетъ быть одѣта въ шинеляхъ, а повѣрхъ оныхъ аммуниціа.

Арестанты которые есть въ оковахъ должны быть въ оныхъ приведены на мѣсто—а тамъ для наказанія будутъ по одному расковыряться, для чего нужно чтобы тамъ были майстеровыя съ инструментомъ.

Въ день назначенный для Езекуціи, нужно нарядить трехъ чиновниковъ, и четвертаго старшимъ;—ибо въ трехъ мѣстахъ разнымъ орудіемъ будутъ наказываться арестанты, хотя недалече отъни отъ другихъ.

Для Езекуціи нужно хотя 20-ть человекъ служителей конныхъ, въ оруженныхъ ружьями заряженными, или луками и пиками, кои заступятъ цепь въ мѣсто жандармовъ.

Всѣ время до дня Езекуціи особливо въ последнюю ночь, должно усугубить надзоръ за арестантами, и если можно и прибавить караула—ибо они узнавши о приготовленіяхъ готовы решиться опять на что либо отчаянное.

(рукою Лепарскаго) О всѣмъ пояснѣннымъ покорнейше прошу Господина Начальника Нерчинскихъ заводовъ и кавалѣра не оставить кому слѣдуетъ приказать.

29-го ноября

Генераль Маіоръ *Лепарскій.*

1828-го года.

ВЪ НЕВОЛЬѢ.

Предисловіе.

«Въ невольѣ»—рассказъ изъ жизни политическаго осужденнаго въ предварительной и каторжной одиночной тюрьмѣ, написанъ авторомъ его *И. С. Джабадари* 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1886 году). Въ надеждѣ помѣстить этотъ рассказъ въ какомъ либо изъ существовавшихъ въ то время легальныхъ журналовъ, авторъ придалъ ему безличную беллетристическую форму; но несмотря на такую форму, рассказъ этотъ нигдѣ не могъ быть помѣщенъ. Это и понятно; все, что рисуется тамъ, и потрясающія подробности каторжнаго быта, и бесѣды съ тюремщиками, не плодъ художественнаго воображенія автора, а реальная правда, настоящая правда жизни. Мы помѣщаемъ на нашихъ страницахъ этотъ рассказъ, какъ одну изъ характернѣйшихъ картинъ того Бѣлого, которое такъ дорого намъ во всей его исторической правдѣ.

Три первыя главы этого рассказа относятся къ пребыванію автора въ С.-Петербур. Домѣ Предвар. Заключ., куда, послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія въ московскихъ тюрьмахъ и Петропавловской крѣпости, онъ былъ привезенъ, въ февралѣ 1877 года передъ судомъ надъ нимъ (онъ осужденъ по процессу 50-ти) и оставался почти до отправки его въ каторжную тюрьму. Короткое пребываніе въ Литовскомъ Замкѣ передъ отправкой въ каторжную тюрьму опущено авторомъ; оно ничѣмъ яркимъ не отпечатлѣлось въ его воспоминаніи. Конецъ III-й главы рисуетъ отправку автора изъ Петербурга и его путь по желѣзной дорогѣ до Харькова, откуда на почтовыхъ онъ былъ доставленъ въ Ново-Вѣлгородскую (Печенѣжскую) тюрьму. Всѣ остальныя главы относятся уже къ пребыванію его въ этой центральной каторжной Ново-Вѣлгородской тюрьмѣ, куда онъ прибылъ 17-го октября 1877 года, а вывезенъ почти умирающимъ въ ноябрѣ 1880 года. Въ послѣднихъ строкахъ рассказа, на вопросъ ямщика, поведетъ ли его везуть, онъ отвѣчаетъ: «Да, на волю, на поселеніе»—но и эта «воля поселенія» оказалась для него несбы-

точной; его обманули и везли на вторичную каторгу на Кару, хотя по закону, считая 7 месяцев за год, его срок одиночного заключения в каторжной тюрьме в то время были имъ окончены (авторъ осужденъ на 5 лѣтъ каторги на заводахъ).

Изъ лицъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ — цирюльникъ, совершившій обрядъ бритья головы и заковы въ кандалы — отставной солдатъ Гудъ; старшій, намѣревавшійся стрѣлять въ автора за попытку перекинуться словомъ съ товарищемъ заключеннымъ, Сираковымъ — унтеръ-офицеръ Кирпичниковъ; второй старшій дѣлавшій подъ козырекъ голодающимъ — Чернякъ, смотритель за вѣдывавшій тюрьмой — Грацилевскій.

Одновременно съ авторомъ въ Новобѣлгородской центральной каторжной тюрьмѣ содержались слѣдующіе политическіе осужденные: 1) Кордашевъ, 2) Здановичъ, 3) Пицановъ, 4) Сираковъ, 5) Дьяковъ, 6) Герасимовъ, 7) Петръ Алексѣевъ, 8) Ревницкій, 9) Кравченко, 10) Быдарицъ, 11) Боголюбовъ, 12) Долгушинъ, 13) Димовскій, 14) Виташевскій, 15) Кленовъ, 16) Свитачь, 17) Мышкинъ, 18) Пошовъ, 19) Шотниковъ, 20) Герасимовъ, 21) Александровъ, 22) Осиповъ, 23) Ионовъ. Въ другой тюрьмѣ (Андреевской) были заключены: 24) Коваликъ, 25) Войноральскій, 26) Муравскій, 27) Сажинъ, 28) Дмитрій Погачевъ.

Ред.

ГЛАВА I.

Въ одной изъ тѣсныхъ одиночныхъ кѣлій Петербургскаго дома предварительнаго заключенія въ ночь съ 5 на 6 апрѣля 1877 года, молодой человекъ, лѣтъ 24-хъ, шагаль съ монотоннымъ однообразіемъ маатника вдоль своей узкой кѣлки. По временамъ, когда чуткій слухъ его тревожилъ какіе нибудь звуки, гулко отдававшіеся среди царившей кругомъ тишины, онъ останавливался, точно чего-то ожидалъ, и нервно взглядывалъ на сторожевое оконце въ двери, смотрѣвшее на него холодно и безстрастно сквозь стекляннымъ глазомъ. Но минута протекала за минутой, ахо взбудившихъ его звуковъ замирало, и онъ опять принимался ходить прежними, длинными, звѣрыными шагами. Чего онъ ждалъ, о чемъ онъ думалъ? Не роились-ли въ его головѣ фантастическіе планы бѣгства, мечты избавиться отъ тѣсной неволи? Вѣдь въ это утро онъ только-что выслушалъ приговоръ, осуждавшій его на долгие годы каторги! Нѣтъ, какъ это ни странно, но не о волѣ думалъ онъ. Инстинктъ свободы, жажда жизни, все это какъ бы заснуло въ немъ, подавленное суровой критикою пережитого. Въ яркихъ образахъ вставали передъ нимъ картины прошлаго. Всегда правдивый и строгій къ самому себѣ, онъ ясно видѣлъ теперь свои ошибки. Угаръ борьбы прошелъ, и тотъ червь анализа, который точилъ его подчасъ въ минуты раздумья

на волѣ, всецѣло вступилъ теперь въ свои права и завладѣлъ его мыслью и чувствомъ. Не принадлежа по природѣ къ типу авантюристовъ, онъ не могъ уже ринуться вновь на прежнюю дорогу, довольствуясь лишь внѣшнимъ обаяніемъ борьбы. Онъ чувствовалъ, что ему нужно снова много передумать, много взвѣснить, чтобы вступить опять твердой ногой въ жизнь. Сложная машина жизни казалась ему какимъ-то безстрастнымъ регрессивнымъ mobile, которое захватываетъ своимъ гигантскимъ колесомъ человѣческія существованія, не давая имъ вздоха. Чтобы не быть безслѣдно затертымъ въ этомъ роковомъ круговращеніи, ду말ось ему, мало вступить въ жизнь одушевленнымъ однимъ только непосредственнымъ чувствомъ добра, нужно вооружиться покрѣпче оружіемъ анализа и опыта. Вотъ почему перспектива долгой тюрьмы не страшала его; только тамъ, казалось ему, онъ найдетъ тотъ покой, ту школу мысли, какой не могла дать ему жизнь, рано зацѣпивъ его въ свой роковой круговоротъ. Ему хотѣлось одуматься, глубже анализировать основы жизни; а тамъ — на волѣ, подъ игомъ дикихъ, грубо-импонирующихъ фактовъ дѣйствительности, становившихся рабомъ своего возмущеннаго чувства, тамъ умъ и логика смолкаютъ и жизнь человека молодого и чистаго становится сплошной картиной рефлексивныхъ судорогъ минутнаго протеста. Итакъ, онъ не рвался на волю, каторга не пугала его, а какъ бы манила.

Такъ размышляя, долго бродилъ онъ по камерѣ, не замѣчая какъ течетъ время; въ немъ зрѣла рѣшимость порвать надолго всѣ связи съ міромъ живыхъ, въ надеждѣ воскреснуть вновь болѣе могучимъ и сильнымъ. Въ этой борьбѣ съ самимъ собой нервы его дошли до высшей степени напряженія; малѣйшій шумъ извнѣ, святоотачественно нарушавшій могильную тишину его тюрьмы, волновалъ его, словно онъ инстинктивно боялся, какъ бы отголоски міра живыхъ случайно не ворвались въ его одинокую келью и не породили въ немъ мучительно безплодной бури подавленныхъ инстинктовъ жизни, которые онъ заставилъ молчать силой своей воли.

Вотъ гдѣ-то въ отдаленныя часы пробила два; усталый узникъ остановился и глубоко вздохнулъ, какъ человекъ, сбросившій съ плечъ тяжелую ношу. Въ эту минуту въ корридорѣ послышались осторожные шаги надзирателя, приближавшіеся по видимому къ его номеру. Заключенный настроился и весь превратился въ слухъ. Черезъ секунду шелкнулъ замокъ, дверная форточка открылась и тихій голосъ произнесъ знакомый ему пароль: «pour le serein — rien de sacré!»

Въ одинъ прыжокъ онъ очутился у форточки и взволнованнымъ шопотомъ спросилъ:

— Что новаго?

— Вотъ вамъ письмо, Илья Семеновичъ, сказалъ саперъ-тюремщикъ, передавая ему свертокъ, свитой въ маленькую трубочку. — Просили отвѣта.

— Спасибо, прошепталъ Илья, беря письмо.
 — Но какъ отвѣтить, черезъ Вася же?
 — Странный вопросъ; вѣдь я—саперъ, а вы знаете, что pour le sapeur—rien de sacré; приготовьте къ 6 часамъ утра, а пока продайте, разговаривать больше нельзя.

Форточка беззвучно закрылась, и тихіе шаги надзирателя скоро замерли въ отдаленіи.

Илья остался съ письмомъ въ рукахъ. Нѣсколько секундъ, точно въ какомъ-то ступорѣ, смотрѣлъ онъ на этотъ маленький свертокъ; затѣмъ машинально присѣлъ къ желѣзному столику, привинченному къ стѣнѣ его кельи, и дрожащими руками началъ срывать заклеенную обертку. Сердце его стучало, пальцы не слушались, и ему пришлось не мало потерять времени, прежде чѣмъ удалось высвободить и расправить письмо. Онъ прочелъ тамъ слѣдующее:

«Дорогой другъ! Сегодняшній день положилъ конецъ всѣмъ моимъ смутнымъ надеждамъ; ты осужденъ на каторгу; это одна изъ ужаснѣйшихъ формъ неволи, какую только въ силахъ придумать жестокое воображеніе человѣка. Не мнѣ убѣждать тебя въ этомъ, ты долженъ знать это лучше кого другого. Подумай—что станется съ тобой? Человѣческія силы не безпредѣльны; затѣмъ же губить ихъ, идя на встрѣчу страданью, когда эти силы такъ нужны здѣсь намъ, твоимъ друзьямъ. Твой долгъ izbavitsya отъ каторги, если на это есть малѣйшая возможность. Я не затѣмъ говорю тебѣ это, чтобы бесплодно питать въ тебѣ мучительную жажду свободы; вѣтъ, я знаю, что тюрьма твоя крѣпка, что стѣны ея давятъ какъ крыша гроба... Быть можетъ, насилуя свою природу, ты примирился уже съ своей долей и похоронилъ надежду, но я—никогда. У меня есть еще средство спасти тебя. Моя мать, любя меня, обѣщаетъ употребить все свое вліяніе, чтобы спасти тебя отъ предстоящей каторжной тюрьмы; но хлопотать за чужого ей нельзя, и ты долженъ прежде сдѣлаться моимъ мужемъ. Да, моимъ мужемъ... Какой борьбы стоило мнѣ написать эти два слова, но ты поймешь чистоту моихъ намѣреній и не осудишь меня. Ты поймешь также, что здѣсь о жертвѣ съ моей стороны не можетъ быть и рѣчи; бракъ не свяжетъ ни мою, ни твою жизнь тѣми цѣпями, которыя нрѣдко бывають тяжеле тюремныхъ цѣпей. Ты найдешь во мнѣ сестру, любящаго друга и только. Подумай же и согласишься; я прошу тебя объ этомъ не ради тебя или себя, а ради спасенія въ лицѣ твоемъ тѣхъ силъ, которыя нужны общему дѣлу... Насъ сошлеть тогда, какъ семейныхъ, въ Сибирь... Я вѣрю—широкій просторъ сибирскихъ степей станетъ колыбелью нашей свободы, и съ первымъ лучемъ весенняго солнца мы проберемся въ Россію, чтобы вновь жить и бороться. Твоя Лиза».

Прочтя это письмо, Илья грустно поникъ головой. Ему припомнились нѣсколько мимолетныхъ сценъ, которымъ онъ не придавалъ никакого значенія въ своихъ товарищескихъ отно-

шеніяхъ къ Лизѣ, но которыя теперь, рядомъ съ письмомъ, выступали ярче. Зачѣмъ предлагаетъ она ему такой безумный выходъ? Что онъ ей скажетъ, какъ убѣдить ее въ томъ, чего не пойметъ логика чувства. Ахъ, Лиза, Лиза, шептали его губы,—зачѣмъ ты это сдѣлала...

Въ изнеможеніи опустилъ онъ свою усталую голову на холодную доску металлическаго стола и долго просидѣлъ такъ, будто замеръ въ оцѣнѣннн. Когда онъ приднорвался, блѣдный свѣтъ рано занимавшагося весенняго дня, пробиваясь сквозъ тускляя стекла тюремнаго окна, напомнилъ ему, что въ 6 часовъ придутъ за отвѣтомъ, и онъ торопливо принялся писать, какъ бы спѣша исполнить тяжелую, но неизбежную работу; онъ писалъ слѣдующее:

«Милый другъ! Выслушай меня хладнокровно. Несправедливо требовать отъ меня невозможнаго. Правда, остатокъ моихъ силъ принадлежитъ тому дѣлу, во имя котораго я боролся, но слѣдуетъ ли изъ этого, что друзья нуждаются теперь именно въ этомъ остаткѣ силъ. Ты глубоко ошибаешься. Не все то хорошо сегодня, что было хорошо и неизбежно вчера. Пройденный путь меня уже не удовлетворяетъ, другого же болѣе цѣлесообразнаго пути еще никто не указалъ, а будущее темно. Ужели честно учить другихъ тому, во что уже не вѣришь самъ? Раньше я совѣтовалъ идти и самъ шель въ народъ. Руководствуясь теоретическими построеніями, я мечталъ найти въ немъ не только тѣ нравственныя добродѣтели, отсутствіемъ которыхъ такъ тяготила меня наша интеллигентная среда, но и зачаточныя формы болѣе справедливаго экономическаго и гражданскаго строя. Эти народныя формы уже сами по себѣ, казалось мнѣ, дѣлають достижимымъ народному сознанію наивысшіе идеалы, выработанные съ такимъ трудомъ вѣковой живящю культурнаго человечества и стоившіе ему не мало крови, страданій и слезъ. Любя родной народъ, мы хотѣли сократить мучительныя потуги нарождающагося будущаго однимъ героическимъ усиленіемъ. Это намъ не удалось, да и невозможно уdatся. Питомцы отвлеченнаго мышленія, дѣти страны, политическая жизнь которой, замкнутая въ тайникахъ канцелярій, не служитъ регуляторомъ теоретическихъ построеній, мы не могли поступать иначе; нагляднаго жизненнаго опыта у насъ не существовало, а ужасъ дѣйствительности заставляли содрогаться и толкали на борьбу. И мы шли. Но уже, тяжелый опытъ скоро убѣдилъ многихъ, что обездоленной массой народа, поработанной тяготами мелкой жизненной борьбы, некогда культивировать высокія чувства. Сознаніе—дѣвоткъ досуга,—мало доступно ей, и жизнь ея руководитъ болѣе инстинктъ и привычка. Какой борьбы съ собой, какихъ душевныхъ мукъ стоило мнѣ придти къ этому выводу, но покрывало упало съ моихъ глазъ и, какъ бы я ни курталъ теперь въ него мою измученную голову, я не въ силахъ вернуть прежней иллюзіи. Теперь я вижу, что и народъ, и тотъ культурный слой, который насъ вынуждаль,

нуждается во всестороннем взаимодействии и развитии, но как приступит практически теперь къ этой трудной задачь, я еще не знаю. Въ этомъ незнаши все мое несчастье и вся причина того, что мнѣ легче жить на каторгѣ, чѣмъ на волѣ. Тужить нечего, другіе, способные воспользоваться уроками нашего опыта, сами найдутъ новый, болѣе основательный, болѣе удачный путь. А мнѣ, мнѣ лучше отправиться на каторгу, которая пройдетъ, быть можетъ, не безъ пользы для меня и нашей общей задачи... Твой Илья».

Дописывая послѣднія строки, Илья и не замѣтилъ, что форточка въ двери уже отворена и знакомые сѣрые глаза страннаго тюремника нѣсколько секундъ слѣдятъ за нимъ, какъ бы не рѣшаясь нарушить его работу.

— Доброе утро!— произнесъ саперъ, когда Илья положилъ перо.— Ну, что, готово?

Илья вадрогнулъ отъ неожиданности, но, узнавъ товарища, तोпорливо свернулъ письмо и, заклеивъ его, передалъ саперу.

— Прикажете принести отвѣтъ? спросилъ аккуратный саперъ.

— Да... впрочемъ нѣтъ... отвѣта не должно быть; ну, да тамъ увидите, смѣшался Илья.

Отъ усталости ли, или отъ неулегшаго еще вліянія этой безсонной ночи, но голосъ Ильки какъ-то неестественно дрогнулъ, когда онъ произносилъ послѣднія слова. Саперъ это замѣтилъ и началъ успокаивать его, какъ умѣлъ.

— Вы, Илья Степановичъ, прятлето бы, голубчикъ, говорилъ онъ,— въ послѣднее время вы что-то совсѣмъ не спите. Вы думаете—молоды, такъ и все ни почемъ; нѣтъ, силушки-то пригодятся и послѣ; а такъ-то и заболѣть не долго. Ну, до свиданія, закончилъ онъ и осторожно заперъ фортку.

Оставшись одинъ, Илья почувствовалъ какую-то истому во всемъ тѣлѣ. Въ отяжѣвшей головѣ его несвязно всплывали какіе-то отрывки мыслей, бесцѣдно уносясь куда-то, какъ побрекшіе листья, встревоженные недавно пронесшей бурей. Въ камерѣ его было давно уже светло. Мягкіе лучи утреннаго солнца робко проникали сквозь рѣшетку окна, какъ бы боясь нарушить своимъ тепломъ и жизнью строгое единеніе узника. Безсознательно поддаваясь нѣжной ласкѣ этихъ лучей, Илья опустилъ висящую на цѣпи тяжелую желѣзную оконную раму и жалко сталъ вдыхать утренній воздухъ. Свѣжій вѣтерокъ, разбѣвая пряди его густыхъ темныхъ волосъ, освѣжилъ мало по малу его горѣвшую голову. Истомленное молодое лицо оживилось легкой краской румянца и вся его высокая фигура, казавшаяся за часъ передъ тѣмъ какъ бы разбитой тяжелой болѣзью, теперь выпрямилась, точно выросла. И когда смѣшавшіяся надиратель воешь. въ его камеру съ кипяткомъ для утренняго чая, въ чертахъ Ильки трудно было подмѣтить слѣды пережитаго волненія; онъ былъ спокоенъ, только между бровями пролегла новая суровая складка.

Наскоро согрѣвшись стаканомъ теплаго чая, онъ легъ на кро-

вать и вскорѣ заснулъ спокойнымъ крѣпкимъ сномъ, какимъ спитъ только молодые люди.

ГЛАВА II.

Монотонно и повидимому спокойно текла жизнь Ильки послѣ описанной ночи. Усидчивымъ умственнымъ трудомъ и педантической правильностью въ занятіяхъ привыкалъ онъ дисциплинировать себя.

Такъ наступила Пасха. Торжественный звонъ колоколовъ пасхальной ночи засталъ его за чтеніемъ объятаго тома Капта. Раскаты пушечныхъ выстрѣловъ потрясли стѣны его тюрьмы, а своеобразный гулъ живой праздничной толпы врывается съ улицы, какъ бы смѣясь и негодуя на эти желѣзные рѣшетки и двери, дерзко воздвигнутыя на пути всеильному потоку жизни, не признающему преградъ, созданныхъ хитроумной рукой человѣка. Волнующий этимъ напоромъ жизни, Илья раздражался. Пересилывая себя, онъ старался продолжать еще за минуту такъ интересовавшее его чтеніе, но ровныя, спокойныя строки философа какъ бы засталися какой-то дымкой; черныя буквы принимали неясныя очертанія, слагались въ какіе-то фантастическіе образы, уносяшіе его далеко, далеко. Сердцая на себя, Илья съ раздраженіемъ отодвинулъ книгу и чуть было не сронилъ стоявшій на столѣ стаканъ съ маленькимъ букетомъ фіалокъ, присланный ему товарищемъ— студентомъ вмѣстѣ съ небольшою пасхой къ празднику.— Меня раздражаетъ запахъ цвѣтовъ; какъ я раньше не обратилъ на это вниманіе, вслухъ подумалъ онъ и взявъ букетъ намѣревался его бросить. Но что-то задержало его. Держа цвѣты въ рукѣ, онъ началъ ходить по камерѣ, вдыхая время отъ времени ихъ ароматъ; а звонъ колоколовъ бурной волной попрежнему переливался въ воздухъ, трепетно замирая подъ сводами тюрьмы; въ корридорѣ слышалось необычное движеніе; шумъ шаговъ, полусдержанный шопотъ, шелканье замковъ отворемаыхъ камеръ. Дошла очередь до Ильки; ему подали тонкую восковую свѣчу и предложили отправиться въ тюремную церковь. Илья съ минутой колебался, но потомъ, вспоминая, что работа все равно не клеится, согласился. Пройдя длинный рядъ галлерей, онъ очутился наконецъ въ церкви. Вѣдуо убранныя, но ярко освѣщенная церковь выглядела празднично и весело; что-то оградное, давно забытое шевельнулось въ душѣ Ильки, когда онъ вошелъ туда, осторожно ступая по гладкому асфальту вслѣдъ за надирателемъ. Но когда даже здѣсь, въ церкви, его заперли одного въ тѣсный досчатый чуланчикъ съ единственнымъ небольшимъ отверстіемъ, сквозь рѣшетку котораго съ трудомъ можно было видѣть только алтарь, мягкое настроеніе его пропало и онъ едва удержался, чтобы не постучать сейчасъ же въ дверь и не потребовать увести себя назадъ въ камеру. Эта кльтка въ церкви казалась ему какой-то намѣшкой надъ его чувствомъ; горькая обидка сжала ему сердце,

и онъ стоялъ безучастный, холодный въ своемъ темномъ чуланѣ. Гранулы хоръ хорошо организованнѣхъ тюремныхъ пѣвчихъ, торжественная пѣсня, какъ рыданіе, выливалась изъ груди пѣвцовъ, выдавая своеобразнымъ тембромъ ихъ безсознательно накипѣвшія слезы неволи. Илья слушалъ замирая. Ему вспомнились другое время, другой праздникъ. Теплая весенняя ночь; старинная каменная деревенская церковь пылаетъ огнями, рельефно вырисовываясь на фонѣ молодой зелени. Строгие лица святыхъ, украшенные живыми цвѣтами, величаво-спокойно смотрятъ на него, тогда еще мальчика, какъ бы благословляя. Кругомъ благоговѣйно тихо толпится въ праздничныхъ нарядахъ народъ, утилая пороги алтаря душистыми весенними цвѣтами. Начинается служба; хоръ свѣжихъ южныхъ голосовъ поетъ торжественные гимны, волнуя душу мальчика предчувствіемъ какой-то великой радости. Да, сегодня онъ, поруганный, осмѣянный и оскорбленный Богъ, воскреснетъ всемогущий, разливая кругомъ счастье и жизнь,—такъ говорила ему мать, бесѣдая въ длинные зимние вечера. И вотъ этотъ день насталъ; радость захватываетъ дыханіе, и судорожно сжимаетъ грудь ребенка. Онъ смотритъ кругомъ, ему кажется, что всѣ радуются одной съ нимъ радостью и эти благоухающіе цвѣты, и эти деревья, тихо раскачивающія свои вѣтви надъ сводчатой дверью храма...

Хоръ замолкъ; изъ алтаря глухо доносились неясныя слова священника. Илья провелъ рукой по лбу, какъ бы просыпаясь отъ забытій и въ темнотѣ нечаянно задѣлъ локтемъ досчатую стѣну своего тѣснаго чулана. Иллюзия мгновенно исчезла; ему опять стало обидно и больно, словно чья-то грубая рука сдавила ему сердце, осквернивъ завѣтныя воспоминанія свѣтлаго дѣтства. Стѣны чулана давили его, онъ задыхался, голова кружилась отъ недостатка воздуха, и онъ прислонился къ стѣнѣ въ безсилой тоскѣ ища опоры.

Завтрашня кончалась, усталый и блѣдный вернулся Илья въ свою камеру. Невесело прошелъ для него праздникъ. Какая-то грусть помимо воли сосала ему грудь; вспоминалась семья, любимыя лица, далекая милая родина. Какъ тамъ свѣтло, какъ тамъ привольно, думалось ему, и до галлюцинаціи ярко рисовались родныя поля и лѣсъ, устланный мягкой весенней зеленью и опянявшій ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ. Въ эти минуты за одинокій мигъ свободы онъ отдавъ бы, казалось, полжизни, лишь бы дали ему окупнуться въ это море свѣтлой зелени и тамъ, на груди матери — земли выплакать свое горе, свои муки борьбы и сомнѣнія...

...Бѣдный поблекшій букетъ фіалокъ, который едва не выбросилъ онъ вчера, сталъ ему теперь дорогъ, точно въ этихъ скромныхъ цвѣтахъ совмѣщались для него и родина и весна и молодая прелесть, все, все, что было дорого и чего не суждено ему увидѣть.

Скорѣ бы на каторгу, твердилъ онъ себѣ, точно ища исхода

въ новомъ страданіи. Но дни протекали за днями, а Илья по прежнему сидѣлъ все въ той же тюрьмѣ, въ ожиданіи утвержденія приговора.

Тоска по родинѣ и волѣ однако мало-по-малу улеглась, и онъ спокойно и бодро продолжалъ свои занятія, весь погрузившись въ мѣръ идей, полный своеобразной прелести и жизни.

Въ одно жаркое июльское утро, только что окончивъ какую-то книгу, онъ забрался на окно, намереваясь подышать воздухомъ и пораздумать о прочитанномъ. Едва онъ успѣлъ опустить раму, какъ отшатнулся, пораженный дикой сценой, происходившей во дворѣ для прогулокъ. Какой-то желчный, худой, незнакомый Ильдъ генералъ¹⁾, весь красный отъ злости, кричалъ на одного изъ осужденныхъ²⁾, возмущенный тѣмъ, что тотъ не догадался поклониться ему, случайно встрѣтившись съ нимъ во дворѣ для прогулокъ.—«А, такъ ты не хочешь мнѣ кланяться, ты не знаешь кто я?»—хрипя генералъ, наступая на осужденнаго и сбивая съ него шапку... Весь нѣмой отъ изумленія и оскорбленія, тотъ стоялъ передъ нимъ съ широко раскрытыми, остановившимися глазами, парализованный какимъ-то столбнякомъ. Это безомелье жертвы еще болѣе обсило генерала и, пріядъ въ неистовство, онъ дико заревѣлъ собравшимся надзирателямъ: «Розогь!»

Толпа тюремщиковъ, какъ стая послушныхъ собакъ, бросилась на жертву и потащила ее въ тюрьму.

Илья, какъ сраженный пулей, пошатнулся. Не онъ одинъ былъ свидѣтелемъ этой дикой позорной сцены, ее видѣли почти всѣ заключенные. Минута оцѣпенія прошла, стоялъ сотни гололовъ потрясъ всю тюрьму; что-то ужасное, потрясающее, не поддающееся описанію, поднялось въ этой за часъ передъ тѣмъ безмолвной могилѣ.

Какъ разъяренные тигры метались заключенные въ своихъ клеткахъ, сляясь разбить чѣмъ попало желѣзныя двери, вышибая голыми руками форточки, рана себя и не замѣчая струящейся крови... А въ корридорѣ между тѣмъ позорное дѣло совершилось и палачи, ужаснувшись дѣла рукъ своихъ, разбѣжались, долго скрываясь гдѣ-то, пока вызванная ими буря потрясала тюрьму...

Весь оборванный, съ пораненными руками и румянцемъ еще не остывшаго гнѣва и стыда на лицѣ, стоялъ Илья въ своей камерѣ вечеромъ этого ужаснаго дня. Что дѣлать, какъ смыть съ себя этотъ позоръ, нанесенный ему въ лицѣ товарища,—эта мысль взвѣдъ сверляла его мозги. Онъ тяжело переводилъ дыханіе; все, что можно было разругать, валялось въ дребезгахъ кругомъ; обезсиленный своей безплодной борьбой, онъ опустился среди этихъ осколковъ на полъ, прильнулъ горячей головой къ

¹⁾ Генералъ Троповъ.

²⁾ Боголюбовъ (Емельяновъ).

холодному асфальту и жгучія горькія слезы отчаянія палили его вѣки, крупными каплями падая на камень...

Долго метался онъ въ безысходной тоскѣ на своей каменной постели, пока всеисцѣляющій сонъ не смежилъ его воспаленныхъ глазъ. Этотъ сонъ былъ тяжелый и долгіи. Раннее лѣтнее солнце давно уже взошло, безстрастно сияя надъ картиной разрушенія, царившей въ тюрьмѣ. По галереямъ давно уже шмыгали надзиратели, а тюрьма точно обхвачена кошмаромъ, безмолвствовала. Да, спите дольше, дольше спите, лучше бы вамъ не просыпаться, несчастные! Яркій свѣтъ дня, который съ отрадой встрѣчаютъ другіе, для васъ будетъ мукой, онъ напомнитъ вамъ ужасъ поруганія и ваше безсиліе...

Когда Илья открылъ ожажелѣвшія вѣки, передъ нимъ стоялъ надзиратель, требуя, чтобъ онъ перешелъ въ другой, неразрушенный номеръ. Илья машинально повиновался и пришелъ нѣсколько въ себя, только когда за нимъ шумно захлопнули двери.

Номеръ, куда его заперли, былъ пустой; всѣ его книги и вещи остались въ старомъ, но онъ не замѣчалъ этого. Онъ находился въ какомъ-то оступѣніи. Присѣвъ на край *железной* кровати, онъ долго оставался неподвижнымъ, бессильно опустивъ усталыя руки на колѣня. Вчерашняя мысль продолжала сверлить его мозгъ; внѣ ся онъ ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ.—Ха, ха, жалкій нравственный и умственный калѣка!—горько смѣялся онъ надъ собою. «Я поворно сгубилъ свои силы; я идеализировалъ, я былъ нелѣпо наивенъ, неся народу слова любви и правды, тому народу, надъ которымъ ежедневно совершаются поруганія, подобныя вчерашнему. Развѣ любовь и справедливость могутъ быть доступны поруганной душѣ человѣка? Нѣтъ, въ такой душѣ царитъ только страхъ и дикая злоба. Я увлекался гордыми задачами народовъ, личностей которыхъ уже свободна отъ дикаго поруганія. А у насъ, а мы?... Я не зналъ до сихъ поръ страха, ненависти и злобы были чужды моей душѣ, хотя я и много страдалъ. А теперь?—ужасъ сжимаетъ сердце, внутри klokочетъ ненависть. Да, ты, поруганный, многострадальный народъ, у котораго отнято все, даже человѣческое достоинство, какъ долженъ былъ ты смѣяться надо мной, взрослому ребенку, когда я звалъ тебя бороться за туманные идеалы въ то время, какъ ни тебѣ, ни мнѣ неумѣ заштитить своей личности—этого послѣдняго достоян्या людскаго!..»

ГЛАВА III.

Мрачно и безучастно влчилъ Илья свое существованіе послѣ этого рокового дня. Онъ надолго забросилъ книги, довольствуясь только тайной бесѣдой съ товарищами по заключенію, дѣла съ ними накипѣвшія муки и изрѣдка оживляясь только короткими записками съ воли, отвѣчавшими повидомому его настроенію.

День за днемъ хоронилъ онъ безъ сожалѣнія, не оглядываясь.

назадъ, точно молодая жизнь его теперь казалась ему томительной агоніей.

Въ сумерки одного пасмурнаго, осенняго дня къ нему неожиданно вошелъ какой-то незнакомый господинъ, откомендовавшійся чиновникомъ губернскаго правленія.

— Соберите ваши вещи, сказалъ онъ, для отсылки кому нибудь изъ вашихъ родственниковъ на волю, иначе ихъ продадутъ съ аукциона, а вырученныя деньги вмѣстѣ съ тѣми деньгами, которыя быть можетъ у васъ есть въ которѣ тюрьмы, препроводятъ въ N-ское губернское правленіе. Сегодня васъ отправляютъ на каторгу.

Проговоривъ эти слова, чиновникъ сухо поклонился и вышелъ.

Немного времени потратилъ Илья на свои сборы; кромѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ книгъ, двухъ-трехъ перемѣвъ бѣлья, да скромной пары платья у него ничего не было. Связавъ все это наскоро въ узелъ и написавъ на листкѣ бумаги адресъ знакомаго студента, изрѣдка посѣщавшаго его въ тюрьмѣ до суда, Илья сталъ ждать. Видя, что его никто еще не тревожитъ, онъ вялъ карандашъ и торопливой рукой надарпалъ на стѣнѣ нѣсколько словъ прощальнаго привѣта товарищамъ по заключенію.

Скоро однако дверь камеры отворилась, и его пригласили въ кортюръ, гдѣ онъ предсталъ передъ цѣлой комиссіей чиновниковъ съ гладко приглаженными бакенбардами и печатью безстрастной апатии на лицѣ. Сцены, подобныя сегодняшнимъ, слишкомъ часто проходили передъ ихъ глазами, чтобъ не превратить ихъ въ живыхъ манекеновъ.

— Раздѣнитесь, сказалъ, обращаясь къ Ильѣ, одинъ изъ чиновниковъ, приземистый брюнетъ съ оброзглымъ лицомъ, обрамленнымъ рѣдкими щетинистыми бакенбардами, придававшими его фizioномію что-то грубо отталкивающее.

Илья изумленно оглянулся на присутствующихъ, какъ бы безмолвно спрашивая, неужели у этихъ людей до того исчезла послѣдняя искра стыдливости, что видъ обнаженнаго человѣческаго тѣла не оскорбляетъ ихъ и не возбуждаетъ безразличности къ самимъ себѣ и своему ремеслу. Но испуганный взглядъ его встрѣтилъ только циничную улыбку однихъ и безстрастно тупую фizioномію другихъ.

— Я, кажется, не передъ комиссіей врачей, иронически замѣтилъ Илья въ отвѣтъ на предложеніе раздѣться; и если дѣло въ томъ, чтобы я смѣнилъ свое платье на арестанское, то это удобнѣе было бы сдѣлать въ камерѣ, а не въ вашемъ почтенномъ присутствіи...

— Ну, батенька, хихикнулъ приземистый брюнетъ, вы не молодая дѣвица, да и съ тѣми мы не церемонимся, а ужь съ вами то и Богъ велѣлъ. Намъ нужно осмотрѣть, нѣтъ ли у васъ какихъ примѣтъ на тѣлѣ.

При этихъ словахъ Илья почувствовалъ какую-то гадливость.

Ему вспомнились циничныя сцены провинціальных остроговъ въ средѣ уголовныхъ арестантовъ, гдѣ самой пикантной наэмбигой надъ начальствомъ считается циничный жестъ обнаженнаго арестантскаго тѣла, и только теперь онъ понялъ, что воспитывается въ нихъ этотъ цинизмъ. Ему стало до омерзения противно и больно. Онъ всхлынулъ, хотѣлъ что-то сказать, но оглянувшись еще разъ, махнулъ рукой и, стиснувъ зубы, сталъ спокойно сбрасывать одежду.

Холодный, неподвижно суровый стоялъ онъ, пока члены коммисіи оглядывали его со всѣхъ сторонъ, какъ животное или раба, выводимаго на рынокъ; а сердце его неудержимо билось, точно хотѣло вырваться изъ груди и краской крови своей прикритъ его наготу.

Но вотъ процедура осмотра кончилась; ему дали казенное бѣлье, суконныя штаны и халатъ. Онъ съ трудомъ натянулъ короткую, уакую, грубую рубаху, которая тѣсно сжимала ему грудь и плечи и хомутомъ сжала горло; остальное бѣлье, вѣнецъ тюремной экономіи, оказалось настолько не по росту, что онъ принужденъ былъ сунуть его обратно въ ящикъ и одѣтъ кючиее арестантское сукно прямо на голое тѣло. Впрочемъ, въ сравненіи со всѣмъ уже испытаннымъ, неудобство это было такимъ пустякомъ, что онъ въ эту минуту даже и не замѣтилъ его.

Едва онъ накинулъ на плечи халатъ, какъ, словно изъ подъ земли, возлѣ него выросли два бравыхъ жандарма и, пригласивъ его слѣдовать за собой, усадили въ стоящую во дворѣ тюрьмы извозничью карету. Проходя черезъ дворъ, онъ обвелъ грустными, прощальными взорами чернѣвшія въ сумеркахъ рѣшетчатыя окна тюрьмы. По шуму подъѣхавшей кареты заключенные догадались, что кого-то увозятъ, и крикнули ему свое послѣднее прощаніе, что кого-то увозятъ, и крикнули ему свое послѣднее прощаніе. Онъ не сказалъ «до свиданія», онъ замѣтилъ это и тогда еще сильнѣе сжала грудь. Жандармы поспѣшили запереть двери кареты и она помчалась, грузно прѣтая по каменной мостовой.

Все время пути по шумнымъ, блестящимъ огнями улицамъ большого города, Илья провѣлъ точно въ какомъ-то забытѣи. Тамъ и сямъ пробѣгали передъ нимъ знакомые дома и выѣски, воскрешавшіе въ его памяти другіе, болѣе свѣтлые дни, но, промелькнувъ мимо, уносили съ собой и эти воспоминанія, словно топя ихъ въ круговоротѣ уличнаго движенія, шумѣвшаго позади его одинокой кареты.

Вотъ наконецъ и знакомое зданіе вокзала желѣзной дороги. Но карета остановилась не у подъѣзда, а какими-то закоулками пробралась черезъ лабиринтъ желѣзнодорожныхъ построекъ и высадила его прямо у вагона, одиноко стоявшаго на рельсахъ, гдѣ-то далеко отъ поѣзда.

Раздался звонокъ, вагонъ прицѣпили и поѣздъ помчался, унося съ собой Илью.

Примостившись на деревянной скамьѣ вагона, Илья лежалъ всю ночь съ открытыми глазами. Сонъ какъ-то не шелъ; ему

было холодно, неловко и жестко въ непривычномъ нарядѣ, но онъ лежалъ не шевелясь, боясь привлечь назойливое вниманіе жандармовъ, присутствіе которыхъ раздражало его и не давало ни на чемъ сосредоточиться его мысли. Въ эту ночь онъ не разъ съ какимъ-то чувствомъ отрады вспоминалъ свою тѣсную одинокую келью, гдѣ по крайней мѣрѣ онъ былъ наединѣ съ самимиъ собой, а эти живыя ширмы, сковывали его больше толстыхъ тюремныхъ стѣнъ. Жандармы мѣшали ему свободно двигаться, свободно думать, глядя на него своими полусонными, остановившимися глазами. На душѣ его было какъ-то холодно, тоскливо и непривѣтливо, какъ холодна и непривѣтлива была эта осенняя ночь, объявшая своей непроницаемой челоной злыть поѣздъ, уносившій его куда-то далеко, далеко, въ такую же непроглядную мглу.

Но вотъ мѣрное покачиваніе поѣзда повидимому усыпило жандармовъ; одинъ изъ нихъ прильнулъ въ уголъ вагона и повременамъ даже всхрапываетъ; другой, безпомощно свѣсивъ сонную голову на грудь, покачивается изъ стороны въ сторону, какъ бы въ тактъ колыхавшемуся вагону. Наблюдая эту картину ночного безмолвія, Илья почувствовалъ наплывъ какого-то давно невѣдомаго чувства; его охватила неудержимая жажда свободы, свобода хотя бы на одинъ часъ, на одинъ мигъ... Крутомъ ни души, дверь вагона близко, стоитъ только, думаетъ Илья, прокрасться къ ней, неслышно отворить ее и броситься на всемъ ходу поѣзда въ эту черную мглу осенней ночи и я спасенъ. Осторожно, беззвучно подымается онъ со скамьи, нѣсколько секундъ ждетъ, притаивъ дыханіе и глядя въ упоръ на жандармовъ; они продолжаютъ спать. Вотъ онъ дѣлаетъ шагъ, вотъ другой, спасеніе близко; но ручка двери чуть слышно жалобно взвизгнула подъ его пальцами и древашій жандармъ встрепенулся, какъ бы разбуженный электрическимъ ударомъ. Илья застылъ въ своей позѣ и на вопросительный-грубый жестъ жандарма отвѣтилъ упавшимъ голосомъ: «я хотѣлъ выйти».

Послѣ внушительнаго наставленія, что безъ спросу выходить нельзя, жандармы успокоились, но ужъ не позволяли себѣ дремать.

Илья снова улегся на скамейку, ему стало еще тяжелѣе, еще омерзительнѣе; лучъ надежды, всхлынувшій какъ метеоръ минуту тому назадъ, теперь потухъ, оставивъ за собой въ его душѣ еще сильнѣе ступившійся мракъ...

ГЛАВА IV.

На четвертыя сутки, часовъ въ десять утра наши путники подкатили на почтовой тройкѣ къ воротамъ тюрьмы для каторжныхъ, расположенной въ пустынной равнинѣ, прикрытой блѣднѣйшей челоной только что выпавшаго перваго снѣга.

Ямщикъ не успѣлъ еще осадить лошадей, какъ старшій жан-

дармъ выпрыгнулъ на ходу изъ повозки и, подойдя къ подворотному, лѣзиво кутавшемуся въ свою длинную баранью шубу, что-то конфиденціально шепнулъ ему. Подворотный присянулъ и громко крикнулъ: «караульга!»

Черезъ нѣсколько минутъ низенькая калитка отворилась, и караульный впустилъ въ ограду Илью съ его двумя провожатыми. Пройдя мимо громаднаго зданія, высившагося въ центрѣ тюремнаго двора и подавлявшаго своими размѣрами, они свернули направо и скоро очутились въ узкомъ корнуса «одиночекъ». Въ корридорѣ ихъ встрѣтилъ старшій тюремный надзиратель въ полицейскомъ мундирѣ, мужчина гигантскаго роста и съ револьверомъ за поясомъ.

— Куда ты прешь!—окликнулъ онъ громкимъ окрикомъ старшаго жандарма. — Тащи его въ баню! Порядокъ не знаешь, что-ли?

Въ жандармахъ заговорилъ горючъ.

— Какая тамъ баня, намъ некогда съ тобой разговаривать; тащи сюда твоего смотрителя, пущай онъ принимаетъ... вотъ господина,—сказалъ съ важнымъ видомъ жандармъ, указывая на Илью.

Этотъ тонъ нѣсколько осадилъ гиганта и онъ отвѣтилъ нехотя:

— Ладно, придетъ; ему уже дадено знать... И какъ это люди никакого порядка не уважаютъ,—жаловался онъ,—сколько народу перевозили къ намъ, а все не знаютъ, что первымъ деломъ арестанта надобно въ баню вести, а еще жандармы!—продолжалъ онъ ворчать, шагая въ волнении по корридору.

Вошелъ смотритель, человѣкъ тоже крупный размѣровъ, по манерамъ своимъ и въишнему виду напоминавшій заурядный типъ уѣзднаго исправника.

— Я тебѣ что говорилъ?—набрисался онъ на гиганта.—Ты смотри, у меня вѣдь живо—собраться вещи и за ворота!

— Ваше высокоблагородіе, это все они,—оправдывался жалобнымъ голосомъ гигантъ,—ничего съ ними не подѣлаешь, говорить—тащи смотрителя!..

— Какъ тащи?!—величественно обернулся смотритель къ старшему жандарму.

Жандармъ не потерялся и съ явнымъ сознаниемъ собственнаго преимущества наемкнулъ по жандармски, на какія-то высшія соображенія, которыя требуютъ, чтобы его не задерживали, а потому—заключилъ онъ,—сначала надо принять «господина» (жандармъ продолжалъ величать Илью господиномъ, явно для того, чтобы опять таки показать свое превосходство надъ тюремной администраціей) и выдать намъ росписку, а потомъ:

— Хотите ведите ихъ въ баню, хотите выпускайте на волю—это дѣло не наше-съ.

Во все время этого пререканія властей, Илья стоялъ посреди корридора въ полномъ недоумѣніи.

— Отвести его въ баню, обрить и заковать!—скомандовалъ наконецъ смотритель младшему надзирателю.

Когда Илья повернулся къ выходу, жандармы подошли къ нему и предложили на прощанье два большихъ бѣлыхъ хлѣба, оставшихся изъ ихъ путевого запаса, и четверку табаку.

— На что мнѣ все это?—сказалъ имъ изумленный Илья.

— Примите, господинъ, пожалуйста, въ намъ сдѣлаете большое одолженіе; вѣдь вы здѣсь уже никогда не увидите булки, такъ на первое время удовольствуйтесь этимъ; все же легче будетъ, ежели, къ примѣру, не сразу привыкать къ арестантскому хлѣбу; ну, будьте такіе добрые, примите, окажите намъ такую милость,—упрашивали они, видя его вершительность.

Это неожиданное, но сердечное предложеніе глубоко тронуло Илью и, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ принялъ это первое въ жизни подаеніе только ради того, чтобы не оскорбить ихъ можетъ быть минутнаго, но все же искреннаго человѣческаго чувства сожалѣнія къ его тяжелой долѣ. Этотъ человѣческій порывъ жандармовъ убилъ его въ эту минуту, что и подъ красными эскельбантами бьется подъ-часъ человѣческое сердце.

Злосчастная баня, послужившая поводомъ къ столь шумному пререканію властей, находилась тутъ же неподалеку отъ корпуса одиночекъ.

Сопровождавшій Илью младшій надзиратель былъ съ виду предобродушный старый хохолъ изъ отставныхъ солдатъ. Не успѣли они отойти и двухъ шаговъ, какъ онъ вступилъ уже въ бесѣду съ Ильей.

— И какіе же, право, грубияны эти жандары!—молвилъ онъ.—То есть вовсе не уважаютъ нашего брата, все на своемъ хотѣть поставятъ, какъ настоящіе енаралы. А господинъ смотритель у насъ строгій, любить, чтобы порядокъ былъ, и, Боже сохрани, чтобы арестанту *вы* сказать, сейчасъ тебя за ворота. Вотъ ты, братику, не обжайся, ежели я тебѣ буду *ты* говорить, а ты долженъ говорить мнѣ *вы*—такой приказъ есть, братику, отъ самага дилектура. Что же подѣлаешь? Намъ и самимъ не люблю, да надо покориться, такая ужъ видно на то воля Божья...

Илья разсѣянно слушалъ словоохотливаго старика. Они вошли въ баню.

— Вотъ, братику, это — наша баня, пояснялъ тотъ; только вода-то въ чанѣ не тепленька, а бани-то нонче не топили; не успѣлъ, братику, баню истопить, а ты такъ, холодненькой помылся.

— Ну, братъ, какъ же въ холодной-то банѣ мыться; теперь вѣдь не лѣто; да не только мыться, я и раздѣваться здѣсь не буду,—запротестовалъ Илья.

— Что ты, что ты, братику, такъ нельзя, панъ смотритель на меня осерчаетъ; какъ узнаетъ, что ты не мылся, онъ меня со свѣту сживетъ; ты ужь, братику, меня-то пожалѣй,—упрашивалъ онъ въ своемъ наивномъ эгоизмѣ.

— Чудакъ ты, право,—усмѣхнулся Илья,—вѣдъ смотритель приказалъ тебѣ свести меня въ теплую баню, а ты привелъ меня въ холодную; себя жалѣй, но меня-то зачѣмъ гнать въ холодную баню.

— Ну, знаешь, братику, что: ты не мойся, но скажи пану, что мылся, а то сохрани Богъ, что со мной будетъ. Только ты ужь какъ нибудь здѣсь же смѣни бѣлье и платье; вотъ я тебѣ принесъ и то и другое; форменное, все съ иголочки—новое.

Дѣлать было нечего, Илья переодѣлся въ холодной банѣ и порядкомъ озябъ.

— Ну, теперь садись, братику, я тебя побрею; для бритья-то я припасъ тепленькой воды,—привралъ для утѣшенія хохоль.

Илья съязъ; онъ уже давно звалъ, что ему придется вынести этотъ унизительный туалетъ, и старался заранѣе примирить себя съ нимъ. Но когда холодная, тупая бритва коснулась его головы и на колѣни упала первая прядь его длинныхъ волосъ, въ сердцѣ его точно что-то первалось и онъ едва удержался, чтобы не отбросить прочь болтаиваго пирюльняка.

Между тѣмъ хохоль, не замѣчая волненія своего пациента, продолжалъ свое дѣло и по привычкѣ болталъ.

— А ты, братику, изъ образованныхъ?—допрашивалъ онъ и, не получивъ отвѣта, продолжалъ не смущаясь:

— Плохо у насъ этимъ образованнымъ; они посидятъ, посидятъ въ одиночкѣ, ну, ума у нихъ много, а разговаривать не съ кѣмъ—возьмутъ этакъ что нибудь събы въ умъ и давай съ самими собой разговаривать; такъ и путаются бѣдняги. Простыми же не въ примѣръ лучше; они вотъ и съ нашимъ братомъ—мужикомъ покаякаютъ и легче имъ станетъ, а образованному-то вѣдъ умнаго подавай, а гдѣ его возьмешь?

Болталъ такимъ образомъ, хохоль уже выбрилъ полъ-головы.

— Ну, вотъ, братику, и готово!—воскликнулъ онъ,—теперь я тебѣ бороду и усы побрею, и съ бесцереміемъ привычнаго ремесла схватилъ Илью за усы, не дожидаясь отвѣта.

Это было уже слишкомъ; Илья этого не ожидалъ; кровь бросилась ему въ голову и онъ съ силой оттолкнулъ отъ себя пирюльняка. Хохоль растерялся, но, быстро собравшись съ духомъ, опять подошелъ къ своему пациенту и сталъ уговаривать его дрожащимъ голосомъ:

— Ты не сердись на меня, братику, такіе ужь у насъ порядки, чтобы значить совсѣмъ чистенькому быть; на все вѣдъ Богъ и Его воля!

Эти нелѣпныя слова почему-то разсмѣшили Илью и онъ сталъ неудержимо хохотать, но смѣхъ его звучалъ чѣмъ-то страннымъ и горькимъ.

— Чортъ съ тобой, сбривай хоть и брови,—сказалъ онъ наконецъ.

Хохоль не сталъ дожидаться дальнѣйшаго разрѣшенія и быстро оборудовалъ свое дѣло.

Когда все было кончено, Илья поднялся со скамьи и машинально провѣлъ рукой по обнаженной лобовинѣ головы: холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу и горькая насмѣшливая улыбка искривила посившійся губы.

— Ну, братику, теперь пойдемъ въ кузницу; тамъ ты выберешь себѣ кандалы,—радушно пригласилъ его хохоль.

Въ кузницѣ ихъ встрѣтилъ высокой съ мрачнымъ, осунувшимся лицомъ арестантъ, исполнявшій обязанности кузнеца. Его обнаженная, закоптѣлая грудь и руки съ отвѣсными крупными мышцами, напоминали остатки когда-то богатырскихъ формъ.

Появъ безъ словъ въ чѣмъ дѣло, кузнецъ схватилъ первую попавшуюся пару тяжелыхъ ножныхъ кандаловъ и, надѣвъ ихъ на ноги Илья, началъ съ какимъ-то остервеніемъ бить молотомъ по заклепкамъ, рискуя ежеминутно разозлить его ноги. Илья молча смотрѣлъ на эту непонятную ярость и ему больно стало за его искалѣченную озлобленную душу.

Обритого и закованнаго Илью отвели наконецъ въ корпусъ одиочекъ и посадили въ камеру № 7.

ГЛАВА V.

Новая камера Илья была продолговатой комнатой аршина въ 4 длиной и арш. 5 высотой. Небольшое окно съ массивной желѣзной рѣшеткой было расположено высоко, подъ самымъ потолкомъ; а для большей защиты отъ свѣта, нижнія стекла его были щедро вымазаны густой лиловой краской, вслѣдствіе чего въ камерѣ господствовалъ какой-то блѣдносиній полумракъ, какъ вуаль застилавшій зрѣніе; только отойдя къ самой двери, сквозъ два верхнихъ, незамазанныхъ стекла, можно было видѣть узкій клочекъ далекаго неба, но и то въ какомъ-то туманѣ. Убранство камеры было самое суровое. Узкая деревянная кровать, пригвожденная къ правой стѣнѣ, спускалась только на ночь, а днемъ къ услугамъ узника оставался лишь небольшой деревянный столикъ и такая же табуретка, неподвижно утвержденная возлѣ противоположной стѣны. На столѣ красовалась солонка и деревянная чайка съ водой.

Измученный дальнею дорогой и тяжелой процедурой туалета сегодняшняго утра, Илья опустилъ кровать, намѣреваясь отдохнуть; но вмѣсто постели онъ нашелъ только деревянную доску, прилаженную въ изголовьи, а подъ нею узкую, свернутую въ трубку холщовую постилку, назначеніе которой трудно было опредѣлить сразу, потому что она не могла служить ни тюфякомъ, ни одеяломъ, ни даже простыней. Такъ, какой-то небольшой лоскутъ грубого холста, длинной въ два аршина. Очевидно предпологалось, что каторжникъ долженъ согрѣвать себя въ этой деревянной постели только своей внутренней теплотой, если по счастью у него окажется достаточный запасъ ея.

Дѣлать было нечего; Илья попытался лечь, но когда въ за-

дмчивости онъ занесъ было ногу на кровать, цѣпь рванулась и неприято загремѣла, грузно опускаясь на доску; этотъ звукъ рѣзнулъ его по сердцу. Онъ наклонился, чтобы придержать цѣпь рукой и осторожно уложилъ ихъ на кровать, не давая звенѣть, какъ вдругъ кто-то съ шумомъ опустилъ два желѣзныхъ болта, зашуршавшихъ снаружи форточку и, откинувъ дверцу, крикнулъ Илья:

— На тебѣ, получай!

— Что тамъ такое? спросилъ Илья и согнувшись подошелъ къ фортекъ, держа цѣпи въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ ремешокъ, которымъ ты подвяжешь себѣ цѣпи за это среднее кольцо, чтобы онѣ не волочились, а концами вокругъ пояса завяжи. Вотъ и кожаные подкандальники, которые ты приладишь на ноги подъ самые кандалы, чтобы обручи не рвали ногу, вотъ тутъ—указывая пальцемъ, объяснялъ старшій надзиратель.— Да, ты видно въ жизнь свое не носилъ кандаловъ, насмѣшливо замѣтилъ онъ, глядя съ какимъ растеряннымъ видомъ разсматривалъ Илья эти странныя приспособленія.

— Нѣтъ, не приходилось...

— Ну, такъ вотъ носи на счастье!... Эй ты, крикнулъ онъ затѣмъ младшему надзирателю, тащи сюда «бочокъ».

— Вотъ тебѣ хлѣбъ, продолжалъ онъ, 2½ фунта—суточная порція; а тутъ—бочокъ со щами. Какъ поѣшь, постучи, чтобы прибрали остатокъ хлѣба и посуду.

— Нѣтъ, мнѣ есть не хочется, сказалъ Илья, отходя отъ фортки.

— Что ты, какъ не хочешь! Вѣдь ты съ самаго города поди ничего не ѣлъ, а за 50-то верстъ на перекладныхъ небось изрядно растрясло. На, ѣшь, не переменься, вѣдь это твоё, казна тебѣ отпущается, съ покровительственной ироніей утешалъ старшій.

— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что не хочу, раздражительно отвѣтилъ Илья.

— Ну, ты мнѣ не *тыкай!* По положенію ты долженъ вѣжливо обращаться со мной. Я—твой господинъ, понимаешь; за грубость свою—отвѣчать будешь.

— Ахъ, уйди ты отъ меня, нетерпѣливо отвѣчалъ Илья, начиная уже не на шутку раздражаться.

— Погоди, доложимъ смотрителю, злобно прошипѣлъ старшій. Не хочешь добромъ, попробуй тебѣ пощине, будешь у меня мягокъ, какъ воскъ—и форточка шумно захлопнулась.

Оставшись одинъ послѣ этой нелѣпой сцены, Илья съ облегченіемъ вздохнулъ и принялся опять умищиваться на своей голлой кровати. Изъ кузницы его привели въ одномъ бѣльѣ, такъ какъ кандалы мѣшали надѣть суконные штаны, которые нужно было предварительно распоротъ по внутреннимъ швамъ, чтобы приспособить такимъ образомъ къ ношенію кандаловъ, а это легало повидимому на обязанности самихъ заключенныхъ. Илья слишкомъ усталъ, чтобъ приняться за эту работу, а потому, ло-

жась на кровать, онъ принужденъ быть только сверху прикрытъ ноги штанами; свернутую же холщевую постылку положить въ изголовье, чтобы защитить отъ холода бритую часть головы; а верхнюю часть тѣла должна была согрѣвать, какъ могла, короткая суконная куртка, нѣчто въ родѣ жилета съ рукавами.

На дворѣ стоялъ холодный, пасмурный день съ завывающимъ вѣтромъ. Въ плохо отапливаемой камерѣ—холодно, сыро и неуютно. Илья жметъ отъ стужи, подбираетъ подъ себя ноги и старается поплотнѣе прильнуть къ своему жесткому деревянному ложу, чувствуя непреодолимую потребность отдохнуть и забыться сномъ. Мало по малу онъ начинаетъ нѣсколько согрѣваться; холодныя цѣпи, воспринявъ теплоту тѣла, уже не леденятъ ноги; обнаженная правая половина головы, крѣпко прильнувъ къ постилкѣ, перестаетъ напоминать о себѣ и не возбуждаетъ, какъ прежде, холодную дрожь во всемъ тѣлѣ. Ему тепло, ему отраднo. Онъ сладко дремлетъ, забывъ обо всемъ. Но вотъ скорченные члены, уставъ лежать въ неестественномъ положеніи, бессознательно распрямляются, цѣпи сдвигаются съ прежняго нагрѣтаго мѣста, дремлящая голова перестаетъ съ прежнимъ усиліемъ прилегать къ постилкѣ, и опять холодъ охватываетъ его со всѣхъ сторонъ и пробуждаетъ его изъ дремоты. Въ отчаяніи онъ снова жметъ, стараясь придать своему тѣлу наименьшій объемъ, и прокладываетъ въ душѣ дикую фантазію людей, избрѣвшихъ эту безчеловѣчную пытку. Да, вотъ она въ чьей идея наказанія, думаетъ онъ. Это—организованная мѣсть сыпнаго, мѣсть, являющаяся сама себѣ цѣлью! Кому полены, кому нужны мои муки? Торьяма и безъ этого крѣпка, зачѣмъ же эти кандалы, гералоиде мое тѣло; зачѣмъ этотъ холодъ и голыя доски? Вѣдь я и безъ того не въ силахъ развить замыкающие меня замки, рѣшетки и двери. Ради чего же всѣ эти изтязанія безоружнаго? Ахъ люди, люди, зачѣмъ они ожесточаютъ мою душу, еще такъ недавно полную однимъ чувствомъ добра. Зачѣмъ въ награду за слово правды, которое я имъ несъ, они поселяютъ въ моей душѣ возмущенье и злобу! Зачѣмъ, зачѣмъ!.. гнѣвно твердитъ онъ.

Но мало по малу, когда порывъ гнѣва началъ утихать, онъ сталъ находить даже какую-то своеобразную отраду въ своемъ страданіи. Ему казалось, что пройти этотъ скорбный путь необходимо, что, пройдя его, онъ воспитается въ себѣ ту особую нравственную силу, какая закаляется только въ страданіи. Совѣсть его чиста, онъ исполнилъ свой долгъ, какъ умѣлъ, и готовъ гордо встрѣтить свою долю. Мысль эта испускала тихій миръ въ его измученную душу и онъ забылся наконецъ сномъ.

Стемнѣло; дежурный зажегъ жестяныя лампы и началъ устанавливать ихъ по одному въ особое отверстіе, продѣланное для этой цѣли со стороны корридора, высоко надъ дверью каждой камеры. Придѣлавъ лампу номера 7-го, долго возился, поворачивая ее то вправо, то влѣво, стараясь ярче освѣтить лицо спавшаго Ильи, чтобы лучше разглядѣть его. При этихъ манипуляціяхъ пучокъ

ярких лучей, отбрасываемых блестящим рефлектором лампы, то падать на лицо Ильи, то убавлять на стѣну, оставляя его въ тѣни. Эти быстрыя смѣны свѣта и тѣни дѣйствовали раздражающимъ образомъ на глаза спящаго, вызывая легкую отраженную судорогу въ мышцахъ его лица, аналогичную той, какая происходитъ обыкновенно подъ вліяніемъ электрическаго тока. Сонъ Ильи сдѣлался беспокоенъ, онъ началъ метаться—еще двѣ, три такія судороги и онъ проснулся въ совсѣмъ, если бы дежурный, наскучивъ вертѣть лампу, не прекратилъ своихъ опытовъ. Установившійся односторонній свѣтъ подѣйствовалъ успокоительно на спящаго и подъ яркими лучами лампы онъ продолжалъ спать по прежнему спокойно. Но не прошло и получаса, какъ въ корридорѣ раздался громкій голосъ старшаго:

— На мѣсто, смотритель! идите!

Надзиратели выткнулись и стали торопливо оправлять свою амуницію.

— Отворяй № 7, приказалъ смотритель.

Ему уже успѣли довести о стычкѣ Ильи съ надзирателемъ, и онъ явился теперь, величественно неся ему свои громы и намѣреваясь преподавать урокъ чиновничества и рбскаго послушанія. Онъ думаетъ коротко отчеканить свое обычное наставленіе: «Разъ попалъ сюда, ты въ моей полной власти; будешь слушаться всѣхъ, начиная съ меня и кончая послѣднимъ надзирателемъ, тебѣ будетъ сносно житься, но Боже избави, если уклонишься отъ повиновенія: возьму тебя за волосы и съ затылка до пятокъ сдеру съ тебя шкуру, до смерти заморю!»

Подошли къ двери № 7; старшій привычною рукою вложилъ ключъ въ десятифунтовый замокъ, быстро отперъ его и только-что было взялся за ручку, чтобы отворить дверь, какъ смотритель, точно чего-то спохватившись, остановилъ его и, подойдя ближе, посмотрѣлъ въ наблюдательное оконце.

— Спать онъ что-ли? спросилъ онъ старшаго.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

— Да съ чего же у васъ вышло-то это; въ чемъ онъ тебѣ не повиновался?

— Все *тыкаетъ*, ваше высокоблагородіе.

— А ты ему объяснилъ, кто ты и кто онъ?

— Какъ же, ваше высокоблагородіе, я ему говорю—я твой баринъ, ты мнѣ долженъ повиноваться, а онъ...

— Дуракъ ты! раздраженный крикнулъ смотритель.—ты начальникъ, начальникъ! боднявъ ты этакій, выдумаль—баринъ! — А что же онъ-то тебѣ сказалъ?

— Онъ мнѣ, ваше высокоблагородіе, сказалъ «поди прочь»...

— Что же, онъ злой?

— Должно полагать, ваше высокоблагородіе. Такъ-то онъ ничего себѣ на видъ, будто спокойный, а говорить не робяя; словомъ, говорить какъ обхожено, а все видно хочетъ сказать: наплевать мнѣ на тебя и на твоего смотрителя. Это, ваше вы-

сокоблагородіе, значить, нехотя со мной разговариваетъ, поясняетъ старшій.

— А, наплевать! отворяй! крикнулъ смотритель.

Дверь съ шумомъ распахнулась. Илья хотя уже не спалъ, но не совсѣмъ еще очнулся и продолжалъ лежать, не раскрывая глазъ. Старшій бросился будить его.

— Слышь, вставай! господинъ смотритель изволилъ придти!

Илья спросонокъ забылъ, гдѣ онъ находится; вѣдь это былъ еще первый сонъ его на каторгѣ. Онъ медленно приподнялся, хотѣлъ спустить ноги, но кандалы зазвенѣли, перепутались и не позволяли высвободить ногъ. Илья раздражимо смотрѣлъ на эти дѣли, точно недоумывая, откуда онъ могли взяться и, сѣдя на койкѣ, сталъ махимально распутовывать ихъ.

Его задумчивое лицо, его старанія въ полудремотѣ выпутаться изъ дѣлей—все это какъ-то невольно смягчило смотрителя, за минуту нетерпѣливо стоявшаго передъ нимъ и готоваго обрушиться на него цѣлымъ потокомъ угрозъ и брани.

— Отчего ты не устроишь ему кандалы, какъ слѣдуетъ? видишь какъ онъ запутался? строго обратился смотритель къ старшему.

Этотъ громкій вопросъ привелъ въ себя Илью; онъ поднялъ голову и, вглядываясь въ смотрителя, сказалъ:

— Здравствуйте, я васъ не узналъ...

Начальникъ окончательно растерялся. Онъ не ожидалъ такой простой встрѣчи; въ манерѣ и голосѣ Ильи, при всей своей предубѣжденности, онъ не могъ подмѣтить ни заносчивости, ни пренебреженія, ни злости. Правда, Илья все еще продолжалъ сидѣть на кровати, распутовывая свои кандалы, но съ этимъ нужно было примириться; смотритель хорошо понималъ, что дѣли не позволятъ узнику свободно встать на ноги, пока не будутъ распутаны. Однако начальникъ все же досадовалъ въ душѣ, что засталъ его въ такомъ положеніи, когда неудобно держать воспитательную рѣчь въ строго каторжномъ духѣ. Колеблясь между желаніемъ дать острастку и голосомъ такта, свойственнаго чиновнику дипломату, онъ ничего не нашелъ сказать въ отвѣтъ на простое привѣтствіе Ильи, какъ высокочѣрно произнести солдатское «здорово».

— Выйди, приказалъ онъ старшему, и тотъ поспѣшнѣе удалился, притворивъ за собой дверь.

— Почему не устроишь кандалы, какъ слѣдуетъ; вѣдь на это есть особые приспособленія, при помощи которыхъ они не будутъ путаться и тереть ноги? наставительно произнесъ смотритель, оставшись наединѣ съ Ильей.

— Да, я знаю, это надо будетъ устроить, сказалъ Илья. Мнѣ уже выдали эти приспособленія, да я еще не успѣлъ приладить ихъ; успеете послѣ.

Разговоръ какъ-то не клеился. Смотритель не находилъ предлога приступить къ наставленію, хотя бы въ мягкой формѣ.

До сих пор он стоял все время в фуражке, но пройдя взад и вперед по камере, он снял ее и, присев на скамейку, спросил Илью, чтобы как-нибудь выйти из неловкого молчания:

— Что же, читать вѣрно хочется?

— Да, хотѣлось бы, только мнѣ не позволили взять съ собой ни одной книги; а тутъ—я не знаю, есть ли какія нибудь книги?

— Есть—духовнаго содержанія, душепасаительныя; вообще здѣсь можно читать только по религіозной части; книги же философскія и научныя совсѣмъ воспрещены; романовъ, разумеется, также нельзя читать, они вѣдь кровь молодую волнуютъ, ухмылялся смотритель.

— А газеты и журналы, конечно, тоже воспрещены? спросил Илья.

— Объ нихъ и говорить нечего; здѣсь строго воспрещено даже на словахъ сообщать какія бы то ни было общественныя новости. Какъ же это возможно? Тогда одиночное заключеніе потеряло бы всякій смыслъ и значеніе. Новости волнуютъ, а тутъ надо вести себя спокойно, а главное повиноваться. Вотъ долгъ всякаго арестанта наставительно добавилъ смотритель.

— То есть какъ же это повиноваться и въ чемъ? Все разумное или неизбежное можетъ быть исполнено и безъ всякой необходимости повиноваться, а просто въ силу сознанія необходимости.

При этихъ словахъ смотритель нахмурилъ брови, чуя съ застенной радостью, что давно-жданная минута настала. Онъ всталъ, выпрямился во весь ростъ, надѣлъ фуражку (присутствіе скромнаго деревяннаго образа, висѣвшаго по правиламъ въ углу камеры, вѣроятно, слишкомъ мало импонировало, чтобы напомнить о себѣ и заставить его повиноваться обязательному русскому обычаю не покрывать головы въ томъ помѣщеніи, гдѣ есть икона) и патетически жестикулируя, смотритель сказалъ, отчеканивая каждое слово:

— Если старшій надзиратель или даже младшій требуетъ, чтобы съ нимъ обращались вѣжливо, какъ съ начальникомъ, если онъ требуетъ, чтобы ему говорили *вы*, когда онъ самъ опять-таки какъ прямой начальникъ говоритъ *ты*,—надо непремѣнно повиноваться, иначе всякое ослушаніе, какъ бы легко оно ни было, влечетъ за собой строгое наказаніе.

— Этого я что-то не пойму, спокойно отвѣтилъ Илья; чтобы требовать вѣжливости къ себѣ, нужно прежде всего самому быть вѣжливымъ и внушать такимъ образомъ уваженіе къ своей личности; это необходимо даже съ точки зрѣнія самой строгой дисциплины—грубость уважать нельзя, а гдѣ нѣтъ уваженія, тамъ нѣтъ истинной дисциплины. Такое требованіе со стороны надзирателей тѣмъ болѣе странно, когда вы, главный начальникъ тюрьмы, сами считаете необходимымъ обращаться со мной на *вы* (Илья не за-

мѣтилъ, что чиновникъ-дипломатъ избѣгалъ мѣстоименій и строилъ фразы безлично).

— Я—другое дѣло, совсѣмъ другое дѣло-съ, проговорилъ нѣсколько смущенный смотритель. Это—моя добрая воля, я скажу-съ, но когда мнѣ понадобится—и я потребую этого...

— Ну конечно, вы можете многого захотѣть и многого потребовать, но вамъ могутъ и отказать въ удовлетвореніи вашего личнаго желанія. Въ васъ я обязанъ видѣть только исполнителя закона и подчиняться только законнымъ вашимъ требованіямъ, а отнюдь не личной прихоти. Законъ же обязываетъ и васъ обращаться вѣжливо съ заключенными.

Смотритель кусалъ губы, созная правоту Ильи и всю шаткость своего положенія въ роли начальника-самодура. Чтобы выйти изъ этой неловкости, ему хотѣлось по привычкѣ топнуть ногой и крикнуть: «молчать, не разсуждать!», но эта ultima ratio какъ-то не подошла во время, а главное спокойная твердость заключеннаго недостаточно щекотала, чтобы естественно вызвать этого обычный рефлексъ. Онъ смелъ за лучшее удалиться и, повернувшись къ двери, сказалъ, не глядя на Илью:

— Надѣюсь, въ другой разъ атого не повторится... и вышелъ.

Ужеи, спрашивалъ себя возмущенный Илья, оставшись одинъ, ужели удастся имъ довести меня до такого самоуниженія, чтобы я сталъ величать грубыхъ тюремныхъ холоповъ, а самъ выслушивать бы ихъ грубое *ты*? Конечно, они имѣютъ полную фактическую возможность обращаться со мною на *ты*, но никакими усилиями и попытками не принудятъ меня говорить имъ *вы*, чего собственнымъ образомъ они и добиваются. У меня отъто все: свобода, счастье, молодость, можетъ быть отнимутъ скоро и жизнь, но самоуваженія—никогда! Какая цѣль, какой смыслъ этого дикаго правила, изобрѣтеннаго вопреки закону чѣй-то досужей фантазій? Или можетъ быть они хотять подчеркнуть, что я безоруженъ, а они сильны? но я и безъ того слишкомъ хорошо ощущаю это ежечасно, ежеминутно, при каждомъ своемъ движеніи, при каждомъ вдохѣ. Неужели же грубостью и насиліемъ надъ моею нравственной личностью, они думаютъ веселить во мнѣ уваженіе и почтеніе къ нимъ, какъ распорядителямъ моей жизни и смерти? Нѣтъ, эта грубость вызоветъ не почтеніе, а презрѣніе въ каждомъ, въ комъ сколько-нибудь развито нравственное чувство. А можетъ быть такимъ обращеніемъ они думаютъ показать, что презираютъ во мнѣ безразвато, осужденнаго; но истинное презрѣніе бываетъ холодно и просто, а ихъ мелкія усилія, ихъ ренность указываетъ только на недостатокъ самоуваженія ихъ къ самимъ себѣ. Они стремятся подорвать это самоуваженіе, поддерживая глухую хроническую борьбу изо дня въ день, и будятъ протестъ, чтобы имѣть возможность подавить его. За отсутствіемъ силы нравственной, они жаждутъ наслаждаться сознаніемъ своей силы физической, хотя эту послѣднюю никто не думаетъ отрицать у нихъ. Педагогическихъ задачъ предположить здѣсь такке

нельзя, даже в отношении к общей категории осужденных, с которыми, впрочем, они обращаются гораздо проще; а темъ больше в отношении к той категории, къ которой принадлежу я; да и вообще мысль о педагогич. воплощенной в увѣсистомъ кулакъ безграмотнаго отставнаго солдата и краснорѣчиво выражаемой богатымъ лексикономъ крѣпкихъ словъ съ перечисленіемъ родственниковъ по женской линіи, у любого самаго наивнаго чловѣка вызоветъ только улыбку... Жизнь, жизнь, сколько въ ней глубокихъ противорѣчій! Какъ живы еще въ людяхъ инстинкты ихъ зоологическихъ прародителей—grattez le russe, vous y trouvez un barbare, сказалъ бы европеецъ, если бы ему позволили хотя бы однимъ глазкомъ взглянуть въ нашу тюрьму, устроенную съ виду по новѣйшимъ европейскимъ образцамъ, но жизнь которой складывается на самобытный русскій манеръ. Жестокая жизнь, жестокіе нравы!..

Такъ думалъ Илья, бродя по своей каторжной клѣткѣ. За время долгихъ лѣтъ предварительнаго заключенія онъ успѣлъ свыкнуться съ одиночествомъ, хотя не безъ борьбы и не безъ мукъ. Онъ привыкъ жить наединѣ съ собой, со своими мыслями и эта привычка спасала его до сихъ поръ отъ самоубійства или безумія. И хотя эта жестокая тюремная жизнь до того притупила его нервы, что трудно, казалось ему, взобрѣсти что-нибудь новое, что бы могло его потрясти, однако случались минуты, когда онъ съ тоской задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ же я продолжаю существовать, зачѣмъ я выношу все эти униженія и пытки? Правда, я молодежь, я почти еще не жилъ; мнѣ не было и 21-го года, когда двери тюрьмы закрылись впервые за мною; я хочу жить и работать, я не удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ до сихъ поръ, но всежиде же все, что судила мнѣ жизнь впереди—это воплотить въ себѣ культъ страданія? Ахъ этотъ ужасный, жестокий культъ; онъ и безъ того вѣдренъ въ плоть и мозгъ нашего народа его жестокой исторіей! Обидно и больно; того ли я хотѣлъ, къ тому ли я стремился!.. Вступая на избранный путь, я зналъ конечно, что наградою мнѣ будетъ страданіе, и ждалъ его какъ неизбежное, но обидно то, что жизнь перевернула мою задачу и, подаривъ мнѣ полную чашу мукъ, не дала сдѣлать ничего положительнаго; изъ защитника людскаго счастья и добра она превратила меня въ какого-то апостола страданія! Да, видно въ колыханіи нашей фея жизни кладетъ не цвѣтущую вѣтвь, чреватую плодами, а сухой сучковатый жезлъ анахорета!..

Окончаніе слѣдуетъ.

И. Джабадари.

Каря за любовь къ родинѣ.

(Дѣла Сынека и Биронта—1862 г.).

Въ концѣ 1861 г. были отданы въ военную службу, за пѣніе національныхъ польскихъ гимновъ въ костелахъ, жители города Люблина Левъ Сынекъ и Юсефъ Биронтъ, отправленные затѣмъ на службу въ отдѣльный сибирскій корпусъ. Въ іюль 1862 г. Сынеку и Биронту было разрѣшено возвратиться на родину, и они были освобождены отъ военной службы. Между тѣмъ при слѣдованіи ихъ въ Сибирь, они были осмотрыны въ г. Пензѣ, и у нихъ были обнаружены дневники преступнаго содержанія.

„Любезная родина,—писалъ Сынекъ,—кланюсь тебѣ, что бы ни случилось въ моей жизни, хотя бы пришлось перенести жесточайшія пытки, никогда не измѣню тебѣ, всегда буду помнить, что я—полякъ, родившійся въ польской землѣ, и что для тебя обязанъ перенести все. Ужасно, сколько приходится терпѣть чловѣку, но ничего, все это ради отечества, все за любезный, бѣдный угнетенный народъ. Быть можетъ, страданія столькихъ сыновъ его принесутъ пользу родинѣ, ибо я не вѣрю, чтобы все это прошло даромъ; сегодня или завтра, но оно не будетъ забыто и будетъ одною изъ главныхъ причинъ, вызывающихъ народъ окончательно освободиться изъ этихъ кузнечныхъ клещей. Ссылаютъ меня въ Сибирь и думаютъ, что, удаляя изъ отечества въ столь отдаленное изгнаніе, устрашать меня, измѣняя мой образъ мыслей и ослабляя любовь къ отечеству. Глупая надежда! Я для него готовъ перенести всякія пытки и мученія. Царь! давай мнѣ больше страданій, я съ улыбкой на устахъ, хладнокровно перенесу ихъ, и ты не увидишь никогда въ моемъ лицѣ ни сожалѣнія, ни униженія. Скорѣе увидишь меня на носилкахъ мертваго, нежели покоряющимся тебѣ. О, родина! будь увѣрена, что столько страданія, понесенныя твоими дѣтьми, не пропадутъ даромъ, что они принесутъ пользу; сегодня или завтра ты должна возстать и быть счастливою. Развѣ край нашъ проклятъ и суждено ему быть всегда полъ игомъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Твои дѣти не дозволятъ этого. Будешь ты, я твердо надѣюсь, любезная Польша, свободна и счастлива. Я увѣренъ, что народъ нашъ не пожалеетъ своей крови, дастъ ея напитокъ врагамъ своимъ, а польскую землю освободитъ отъ ига; тогда намъ можно будетъ дѣлать, что угодно, для пользы родной страны. Такъ, наша Польша возстанетъ, взойдетъ звѣзда и для нея, она изгонитъ враговъ

своих и разорветъ позорную цѣпь. Вѣрьте этому, поляки, и не теряйте надежды, будьте только единодушны въ своихъ желаніяхъ, и смерть сомкнетъ глаза нашей неволѣ. Тяжко и грустно въ изгнаніи, мысль о Польшѣ терзаетъ мнѣ сердце, но до самой кончины изъ устъ моихъ будутъ изливаться проклятія на моихъ враговъ, ибо никакія пытки и мученія не заставятъ меня молчать, и всюду, гдѣ нужно будетъ, я отправлюсь помогать и смотрѣть, какъ поляки будутъ сокрушать въ концѣ русскіе кайданы. Какъ убійственно изгнание изъ родины, а еще болѣе препровожденіе по этапамъ, болѣе десяти мѣсяцевъ, съ разбойниками и преступниками, о которыхъ вы не имѣли даже понятія, это—неописанное мученіе, это—нравственная пытка. О, русское правительство, столько на тебѣ проклятія, жалобъ и слезъ, что не знаю, будешь ли ты въ состояніи смыть ихъ съ себя*.

Въ дневникѣ же Сынека записаны стихи Искандера:

„А русский царь съ кинтомъ—
Какъ русский попь съ крестомъ;
Имъ онъ бьетъ, имъ онъ жметъ.
А руссаки, какъ дураки,
Розиня ротъ, во весь народъ,
Кричатъ: ура, насъ бить пора“.

Наконецъ, тамъ же помѣщены и стихи Рылѣва:

„Кто брошенъ въ дальніе снѣга
За дѣло чести и отчины,
Тому сносите укорины,
Чѣмъ сожалѣніе врага“.

Военный судъ приговорилъ Сынека къ содержанію въ крѣпости на четыре года. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ возможнымъ ограничить это наказаніе однимъ годомъ. Докладъ былъ Высочайше утвержденъ 8 мая 1863 г.

Въ дневникѣ же Биронта было изложено:

„Царь все думаетъ, что я слуга его и исполнитель его воли. Пусть будетъ такъ, но я, среди грязи и униженія, происходящаго отъ его наказаній, проложу себѣ дорогу къ высокимъ подвигамъ; и кто скажетъ, что это дурно?“ Описывая свое выступленіе изъ Люблина, Биронтъ выражался: „мракъ покрывалъ еще городъ тишина изрѣдка прерывалась рыданіями собравшагося народа, который, сочувствуя нашей злой долѣ, собрался, чтобы еще разъ съ нами проститься. Рыданія эти всего лучше изображали гнетъ Россіи надъ нами; сестры, матери, друзья, старавшіеся къ намъ приблизиться, представляли нашъ народъ съ его лучшими желаніями, а окружающій насъ казачій конвой изображалъ Россію, препятствующую Польшѣ развѣтываться тѣмъ путемъ, по которому идти нынѣ весь міръ“.

Полдъ 28 мая Биронтъ заноситъ въ свой дневникъ: „въ г. Корочѣ, Курской губерніи, мы пробывли сегодня до 11 часовъ утра; приходилъ къ намъ священникъ совершать молебствіе для арестантовъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я вступилъ въ разговоръ съ священникомъ,

стараясь представить всѣ варварскіе поступки, какіе правительство совершало въ Варшавѣ. Преимущественно старался я дѣйствовать на него съ стороны религіозной, и дѣйствительно мнѣ удалось достигнуть желаемой цѣли, потому что я успѣлъ возбудить въ немъ совершенное негодованіе противъ такихъ беззаконій. Дай Богъ, чтобы то, что я посягаю въ сердцѣ этого священника, какъ можно скорѣе разрослось по всей Россіи“.

На слѣдующій день Биронтъ писалъ: „конвоировавшій насъ прародичій Мальцевъ оказался человекомъ весьма умнымъ и понимающимъ движеніе вѣка; съ нимъ то, въ продолженіе дороги, я имѣлъ удовольствіе разговаривать, и постояннымъ почти предметомъ нашихъ бесѣдъ были послѣднія событія въ Польшѣ. Мальцевъ далъ мнѣ прочесть Войнарковского—поэму знаменитаго русскаго автора Рылѣва, который былъ также сосланъ въ Сибирь¹⁾. Весьма приятно мнѣ было встрѣтить въ русскомъ—сознаніе цѣли этой поэмы, а вмѣстѣ и мысли, что тогда только и его отечество можетъ быть счастливо, когда освободится отъ тиранскаго ига царей. Дай Богъ, чтобы въ въ Россіи скорѣе это сознали, какъ уже прозрѣли его нѣкоторые личности; тогда могла бы осуществиться идея Мицкевича о соединеніи славянъ въ одинъ великій свободный народъ. О, родная моя земля, какъ тоскую я по тебѣ; быть можетъ, не увижу болѣе твоихъ обильныхъ полей, ни твоей прекрасной Вислы. Какъ ужасно быть изгнанникомъ изъ своей родины и мучиться мыслью, что, можетъ быть, уже ее болѣе не увижу. Но неужели мнѣ назначенъ судьбою такой ужасный удѣлъ? Подобныя страданія могутъ ли искупиться собственнымъ моимъ счастьемъ. Нѣтъ, никогда, только когда вся Польша будетъ независима и свободна. О, Боже! для чего не исторгнешъ ты ее изъ подъ ига тирановъ?“

Наконецъ, 14 іюня Биронтъ писалъ: „нѣсколько дней ничего не пишу, на меня напала какая то апатія, такъ что я не въ состояніи написать даже двухъ словъ. Одна мысль, что, быть можетъ, не придется болѣе видѣть родной земли, убиваетъ во мнѣ силы физическія и нравственныя; я страдаю ужасно и, когда будетъ конецъ страданіямъ, не знаю,—равнѣ въ могилѣ. Если ужъ такъ суждено, то пусть бы скорѣе явилась смерть и положила бы конецъ моимъ мученіямъ, но жестокая судьба и въ этомъ мнѣ отказываетъ. О, русский Царь, какъ ты ошибаешься, когда думаешь, что мученія, хотя бы самыя ужасныя, въ состояніи перебить поляка! Не вѣрь этому: полякъ подлѣмъ невольникомъ быть не можетъ и, не смотря на то, что его все болѣе угнетаютъ, онъ никогда не забудетъ своей достославной исторіи и того, чѣмъ обязанъ своей отчизнѣ; всегда будетъ громко упрекать тебя за твои притѣсненія и за то, что, какъ самый подлый воръ, ты беззаканно взялъ его землю. Клянусь тебѣ, Царь, мстить,

¹⁾ Здѣсь грубая ошибка: Рылѣвъ въ числѣ первыхъ декабристовъ былъ казненъ въ 1826 г. на главнѣй Петропавловской крѣпости въ С.-Петербурѣ.

мстить и метить, постараюсь исполнить свою присягу при первом удобном случаѣ.

Судъ приговорилъ Биронта къ содержанію въ крѣпости на четыре года. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ лишить Биронта дворянства и всѣхъ правъ состоянія (Биронтъ происходилъ изъ дворянъ) и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

Заключеніе Генераль-Аудиторіата было Высочайше утверждено 8 мая 1863 г.

Побѣгъ Алеши Поповича.

Россія готовилась къ войнѣ съ Турціей. Призвали отпущенныхъ. Въ числѣ прочихъ былъ взятъ и нашъ «Алеша Поповичъ», какъ называли мы Виктора Костюрина. Онъ былъ артиллеристъ. Служба эта ему нравилась. Война рисовалась ему въ картинахъ дѣятельности, въ подвигахъ, походахъ, и онъ съ большою охотой вступалъ въ службу. Нѣсколько разъ, кажется, ходилъ даже на ученіе. Вдругъ вспоминаютъ, что онъ привлеченъ къ политическому процессу (процессъ 193). «Вамъ, говорить ему, нельзя служить». — Почему, отчего? — Алеша и принялся хлопотать, чтобъ его все-таки взяли на войну...

Его и взяли, но только не на войну, а въ жандармскія казармы; при нихъ находились камеры заключенія, туда и посадили его.

Въ г. Елисаветградѣ былъ нѣкто Краевъ; занимался адвокатурой. У него бывали многіе изъ кievскихъ бунтарей. Онъ угощалъ ихъ чаемъ, ѣдой, слушалъ разговоры, но дѣлъ ихъ не зналъ. Ему не сообщали даже нелегальныхъ фамилій, ограничиваясь лишь именами да кличками. Если что онъ и узнавалъ, то только изъ теоретическихъ споровъ, при обсужденіи общихъ вопросовъ, изъ отдѣльныхъ фразъ въ разговорахъ. Какъ оказалось, это его не удовлетворяло, и онъ, въ своихъ письмахъ къ какому-то родичу, выставилъ себя не просто гостепріимнымъ хозяиномъ, а человѣкомъ, находящимся въ близкихъ отношеніяхъ съ революціонерами, знающимъ и ихъ дѣла.

Все это имѣло мѣсто лѣтомъ 1876 г. Въ томъ же году произошла исторія съ Горинвичемъ въ Одессѣ¹⁾. Такъ какъ Горинвичъ передъ этимъ былъ въ Елисаветградѣ, что стало извѣстно, то въ немъ и начались обыски, аресты. Во время суматохи попались и письма Краева. Его забрали, принялись допрашивать. Сталъ онъ завряться, что ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ; ему показали его письма. Сталъ онъ всю правду выкладывать, что дѣлалъ, кто бывалъ, какъ кого звали, — недостаточно: по однимъ именамъ и кличкамъ нельзя отыскать лю-

¹⁾ Покушеніе на его жизнь, совершенное Дойчемъ. Горинвичъ не былъ убитъ, но страшно изуродованъ сѣрной кислотой, которой было обито все его лицо.

дей. Быть не может, чтобы вамъ ничего больше не было известно! говорятъ Краеву и садятъ его въ Одесскую тюрьму. Еврей, безъ денегъ, безъ близкихъ родныхъ, онъ очутился тутъ въ ужасномъ положеніи,—измучился, изнервничался—до послѣдней степени. А жанамъ внаруку, скажи, дай намъ хоть какую-нибудь зацѣпку, чтобы можно было отыскать тѣхъ, кого угощали вы, и мы васъ выпустимъ,—говорятъ ему. Мы сами видимъ, что вы не виноваты, что попали, какъ куръ во щи, но намъ необходимо заполучить хоть одного изъ той команды, тогда васъ и выпустимъ, а пока—сидите. И его продолжали морить, хотя онъ давно выложилъ имъ все, что знаетъ. Въ числѣ прощихъ указаний онъ сказалъ, что у него бывалъ и Алѣша, артиллеристъ, отбывавшій раньше воинскую повинность. Артиллеристовъ много, и по одному этому трудно было добраться до настоящаго виновника. Но вотъ начинаются приготовления къ войнѣ. Пересматриваются списки. Алѣша, оказывается, привлекается къ политическому процессу, онъ военный и артиллеристъ. Такихъ лицъ меньше, и у жандармовъ явилась мысль свести Алѣшу съ Краевымъ. И вотъ берутъ его и ведутъ: Входитъ онъ, навстрѣчу ему поднимается сѣро-зеленоватая, изможденная тѣнь, кого-то напоминающая, и порывисто бросается впередъ. Алѣшинька, здравствуйте! выкрикиваетъ она.—Я васъ не знаю! рѣзко, сурово говоритъ Алѣша. Голубчикъ, спасите! Скажите, что знаете! Посмотрите, что со мной сдѣлали!. Скажите имъ, что я ничего не знаю! взмолился обѣявая... Алѣша, глянувъ еще разъ внимательнѣй, узналъ. Жалость охватила его...

Да, я знаю его! Да, я бывалъ у него! Онъ ничего обѣялъ не знаетъ! и т. д. заговорилъ Алѣша... Кончилось тѣмъ, что Краева скоро выпустили, а Алѣшу засадили въ жандармскія казармы. Молодой, здоровый, полный энергіи и желанія двигаться, работать, освободить братушекъ, вообще дѣйствовать, и вдругъ въ четырехъ стѣнахъ очутился... Неудивительно, что человекъ невзвидѣлъ свѣта, забился, какъ звѣрь въ клеткѣ: Вбѣжать во что бы то ни стало бѣжать и скорѣй! вотъ то, на что направилась всѣ его мысли, всѣ чувства. Въ Одесѣ у него были друзья, товарищи, знакомые. Они помогутъ, надо лишь дать имъ знать, сообщивъ свое желаніе. Это удастся. Попко и я приглашаемъ Жукowymъ (псевдонимъ) къ нему на квартиру, онъ передаетъ о полученіи писемъ отъ Алѣши, спрашиваетъ, согласился ли мы помогать побѣгу, и у насъ начинаются разсужденія на эту тему. Самъ Жукowъ личнаго участія по семейнымъ дѣламъ принимать не можетъ, но обѣщаетъ содѣйствовать деньгами и головой. Въ первый разъ остановились было на верховыхъ лошадаяхъ, съ тѣмъ и разошлись, чтобъ осмотрѣть для этого мѣстность. Попко, какъ казакъ, ничего не находилъ въ этомъ планѣ неудобноспланнымъ; у меня же свѣжа еще была неудача съ покупкой верховыхъ лошадей, для увоза Волховскаго въ Москвѣ. Вышло тамъ какъ-то такъ, что при толкахъ о верховомъ увозѣ

я пошутилъ, совершенно не думая критиковать этотъ планъ, очутившись въ Москвѣ случайно на минуту, и въ освобожденіи не принималъ участія; я на другой же день уѣзжал. Но вотъ проходитъ мѣсяць съ небольшимъ. Я опять въ Москвѣ. Вдругъ мнѣ предлагаетъ Воронковъ прійти на конную площадъ сморътъ, какъ онъ будетъ продавать лошадей. Какихъ? Почему? спрашиваю. Верховыхъ! Верховой планъ забракованъ: неудобствъ много нашла. Поэтому рѣшено продать, и скорѣй: дорого содержаніе. Въ Воскресенье я отправился на конную и при мнѣ за безцѣпникъ Воронковъ продалъ пару хорошихъ лошадакъ. Все это еще стояло живо въ памяти, все это пугало меня и я не особенно увлеклся этимъ планомъ, откладывая окончательное рѣшеніе до обследованія мѣстъ вокругъ казармъ. Необходимо было и съ Алешей сговориться. Попко занялся сношеніями, я сталъ кружить бѣлизы казармъ. Онѣ находились внѣ главнаго города, тамъ, гдѣ начиналась слобода. За казармами недалеко шли брошенные каменоломни. Смотрю планъ: узкій переулокъ дальше казармъ упирается въ ямы и рытвины. На повозкѣ и верхами пробѣхать трудно: была лишь прѣходная тропа.

Къ казармамъ съ одной стороны примыкалъ заброшенный садъ изъ акацій. Заборы въ немъ полуразобраны. Лазить можно, но перескочить верхомъ сомнительно. Позади жандармскихъ казармъ помѣщались казачьи казармы. Туда можно было попасть изъ сосѣдняго двора. Заборъ невысокъ. Сосѣдній дворъ принадлежалъ городу. Тамъ помѣщались обозъ для очистки нечистотъ. Ворота этого двора постоянно стояли открытыми. Вотъ то, что выяснилось изъ обзора окрестностей казармъ. Для верхового ухода тутъ мало было удобствъ. Передали Алешѣ. Тотъ малость спокойнѣе сталъ, не такъ увался. Принялись обсуждать новые планы, а главное, еще не было ясно, какъ онъ выйдетъ изъ камеры, со двора казармъ: прогулокъ вначалѣ не было. Дѣло затянулось. Къ тому же у меня въ это время начиналась подготовка къ экзаменамъ. Я надумалъ добыть себѣ настоящій народнаго учителя паспортъ и стать учителемъ. Для этого, добывъ метрику и свидѣтельство объ окончаніи уѣзднаго училища, отправляюся къ попечителю Одесскаго округа, подаю прошеніе и мнѣ велятъ явиться въ 3-ю Одесскую гимназію для экзамена въ извѣстное время. Оно наступало, и надо было малость подзаняться, и я заслѣлъ за учебникъ. Между тѣмъ Алеша, затихшій на время и согласившійся выжидать благоприятныхъ обстоятельствъ, неожиданно забилъ тревогу: написалъ Жукowу, что онъ готовъ, хоть на «уру», готовъ на все, лишь бы дѣйствовать, а не сидѣть, сложа руки. Жукowъ встревожился, призвалъ насъ съ Попкой. Стали обсуждать, какіе могутъ быть случаи. Дошли до того, что вся помѣха окажется въ часовой. Придется устроить! замѣчаемъ мы съ Попкой. Какъ, вы и передъ кровью не останетесь?! спрашиваетъ Жукowъ.— Но какъ же быть?! разсуждаемъ мы. Положимъ, Алѣша полѣзетъ на стѣну, или

станет садиться на лошадь, а тут откуда нибудь вынырнет жандармъ и станет его тащить за ноги... Ну, нѣтъ, я несогласенъ, дѣлайте какъ знаете, а только я вамъ не товарищъ въ этомъ дѣлѣ! заявить намъ Жуковъ. Собственно еще не было и такого плана, и лишь Алѣна, разуждая въ своемъ письмѣ, очень рѣшительно выражалась. Это-то и напугало, вѣрно, Жукова. Какъ бы то ни было, но теперь мы и совѣщаться не стали ходить къ нему. Алѣна же, изливъ ему свою душу, самъ скоро увидаль, что тутъ и «сुरू» не поможетъ, а потому опять успокоился, сталъ ждать и высматривать. У меня начались экзамены и въ то же время вышли всѣ деньги. Иду къ Жукову, прошу добыть рублей 50... Вамъ на дѣло? или на житье? спрашиваетъ онъ. У меня есть деньги, но мнѣ нужно: сильно больна жена. Если на дѣло, то добуду, если же на житье,—нѣтъ! добавилъ онъ. Меня нѣсколько удивило такое разграниченіе дѣла отъ житья, точно можно было вести дѣло, какъ-то не живя, но я не сталъ спорить потому, что сейчасъ дѣйствительно не предвидѣлось ни найма лошадей, ни покупокъ какихъ либо, а деньги нужны были мнѣ на житье. Это я ему и сказалъ.—Въ такомъ случаѣ я не могу вамъ дать! говоритъ Жуковъ и мы расходимся. Мнѣ до сихъ поръ непонятнымъ осталось такое отношеніе. Онъ зналъ, что личныхъ доходовъ у меня нѣтъ, онъ зналъ, что дѣло не брошено,—ведется сношенія, выжидается случай, что жить нужно для этого, и всетаки умъ за разумъ у него зашелъ. Пришлось перехватить немного у другихъ и продолжать экзамены. Неожиданно прѣбываетъ изъ Кіева Аня М... привозитъ двѣсти рублей на освобожденіе и живую струю свѣжаго человѣка. Къ тому же и Алѣна, получивъ теперь прогулку и осмотрѣвшись окончательно, отказалась отъ верховыхъ лошадей, и мы остановились на экипажѣ.

Въ Одессѣ былъ татарскій. Содержалъ его французъ. У него въ манежѣ учились верховой ѣздѣ и брали верховыхъ лошадей кататься. Надо было узнать, нѣтъ ли у него экипажа съ лошадьми, которыхъ онъ отдавалъ бы тоже на часы кататься. Беру я свои документы, иду въ татарскій, спрашиваю; конюха въ недоумѣніи, но выходитъ самъ хозяинъ, и дѣло рѣшается къ общему удовольствію.

У него есть кабріолетъ и пара пони; онъ ихъ и велитъ запрячь, когда я приду. Отлично! На другой день являюсь, говорю, чтобы запрягли лошадей. Отдаю свои документы въ залогъ. Мнѣ вывели пару рыжеватыхъ, стройныхъ на тонкихъ точеныхъ ножкахъ лошадокъ, похожихъ скорѣй на большихъ козъ, а не на лошадей, имъ подъ ростъ и кабріолетъ выкатили. Только дѣтей катать, а не убѣгать на нихъ изъ тюрьмы. Спрашиваю, нѣтъ ли экипажа больше,—другого не оказалось. Довольствуюсь малымъ. Сажусь и ѣду на квартиру, гдѣ ожидала Аня. Тамъ встрѣчаю дочурку Волховской, только что привезенную изъ-за границы. Беремъ ее съ собой и катимъ. Наши козочки быстро засеменяютъ

ножками, для катанья по городу выходило недурно, но рѣшено было всё-таки просить у француза другихъ лошадей. Катанье не понравилось чѣмъ-то и Волховской: она расплакалась и ее пришлось отвезти домой. Сама же мы отправились въ татарскій. Французъ, увидавъ Ано, молодую, красивую, хорошо одѣтую, сразу согласился дать лучшую, болѣе быструю лошадь, возвратилъ мнѣ документы, извинялся, что нѣтъ только у него большого кабріолета. Мы помирились и съ малымъ. Ушли. Пропустивъ дня два-три, я снова двинулся въ татарскій. Теперь заложили настоящую лошадь изъ французскихъ скаковыхъ: жидковата и она мнѣ показалась. Побѣхалъ, взявъ Ано, и сталъ пробовать. Разъ пустилъ во всю, другой; беретъ хорошо, но быстро умаривается. Не подходитъ и эта!.. Тамъ я выдалъ у нихъ рысака, придется его просить! говорю Анѣ. Та соглашается. На этомъ и останавливаемся, а пока, чтобъ дать французу заработать, рѣшаемъ прокатиться за городъ, на дачи.

Былъ чудный весенній день; ѣхали мимо дачъ; кругомъ сады, между деревьевъ въ глубинѣ видны дачи; вдаль темно синѣло море. Лошадь мѣрно-лѣвно повзвивала подковами. Свѣтъ, тепло, воздухъ—все располагало къ нѣгѣ, мечтамъ, излияніямъ, души. Задумался мы и умоляли на время. Аня, какъ болѣе подвижной и живой человѣкъ, очулась первая. Ей вдругъ захотѣлось выяснитъ мое отношеніе къ ней, услышать отъ меня то, въ чемъ она и другіе подозрѣвали меня, подтрунивали даже за глаза.—«Почему это ко мнѣ относится такъ враждебно въ Одессѣ?» начала она съ вопроса. Принималось было за разъясненіе (такая враждебность, если и существовала, не имѣла никакой основы). Аня скоро перебиваетъ меня и ставитъ уже прямо вопросъ: «а какъ я?»—Мнѣ она нравилась; мнѣ оставалось теперь лишь произнести громко слово... Но я, передернувъ вожжами, хватилъ заснувшую лошадь кнутомъ, и мы молча поехали къ морю. Романъ кончился, не начавшись. Все это произошло неожиданно, безъ всякаго заранѣе обдуманнаго рѣшенія, непонятно для меня самого. Впоследствии не разъ я пытался выяснитъ себѣ причину своего поведения—и всегда затруднялся. Тутъ перепуталось вмѣстѣ и то, что на бракъ я смотрѣлъ серьезно, и то, что Ано считалъ женой товарища, и то, что я совсѣмъ былъ непривыченъ изъясняя свои чувства. Словомъ, романъ не состоялся и объ немъ больше не было и не будетъ рѣчи. Въ татарскій хозяинъ согласился и на рысака, обѣщавъ его подковать. Подходила Пасха, на ней мы хотѣли рысака пробовать. Алѣна не терпѣла насъ. Я закончилъ въ субботу на шестой недѣлѣ всѣ экзамены и мнѣ велѣно было явиться послѣ Пасхи, чтобъ дать пробный урокъ, а тогда выддутъ и свидѣтельство на учителя, было сказано. Наступаетъ страстная недѣля. Весна маянитъ въ поля, на просторѣ. Алѣна прислала письмо, гдѣ категорически заявилъ, что 25-го марта онъ сдѣлаетъ попытку высочить, во что бы то ни стало. Просилъ быть съ лошаждю. О всѣхъ нашихъ пробахъ онъ, ко-

нечно, знать, зная и про рысака. Что его нам дадут, мы не сомнѣвались, поэтому отвѣтили, что лошадь будет и что ему дадут знать, когда она подъѣдет, а именно, пройдетъ дама въ заброшенномъ саду и махнетъ платкомъ. Затѣмъ, такъ какъ выскочить можно и чрезъ дворъ казачьи казармы, то Дробязгинъ¹⁾ возьметъ извозчика и будетъ ждать на другой улицѣ, а у казармъ жаворы, значить, рысакъ остановится. Сообщили Алѣшѣ адресъ квартиръ. Словомъ, всё мелочи разработали отлично и только насчетъ рысака никому не пришло въ голову сходить, узнать, дадутъ ли его. Французъ былъ такъ любезенъ, такъ распылялся передъ Аней, что сомнѣваться въ его словахъ трудно было, и никто не усумнился.

Подходить вечеръ 24-го марта. Я жилъ не далеко отъ татарсала, но на всякій случай, чтобъ не случилось неожиданнаго обыска и ареста, ушелъ къ одному поднадзорному почевать. У него было безопаснѣй. Онъ занимался химіей и всё остальное критиковалъ. Критиковалъ онъ и всякія освобожденія. Узнавъ о нашемъ, не разъ подтрунивалъ. Я пересталъ и говорить, отмалчивался, когда онъ спрашивалъ, въ какомъ положеніи дѣло. Поэтому и теперь, придя почевать, я ничего ему не сказалъ: еще начнетъ отговаривать, смѣяться, расстроитъ, а тутъ нужно полное спокойствіе. Самъ онъ какъ-то ничего не замѣтилъ, а послѣ сердился, что ему не сказали. А между тѣмъ, казалось, легко могъ бы догадаться: утромъ 25-го марта я у него переодѣлся во все чистое бѣлье, на случай провала; вообще одѣлся по праздничному, точно къ обѣднѣ, и отправился на квартиру, гдѣ собрались всѣ участники. Тутъ повторили роля, условились насчетъ времени еще разъ и часовъ въ 10-ть съ небольшимъ я двинулся въ татарсаль и прямо на конюшню. Прошу конюховъ заложить мнѣ рысака; тѣ переминаются, перегибываются... Рысакъ дурно подковали, нога опухла, будутъ перековывать! какъ-то неуверенно заговорилъ одинъ. Показалось подозрительнымъ. Иду къ хозяйну. Онъ повторяетъ то же самое, обѣщаетъ приготовить къ Пасхѣ и предлагаетъ взять другую. Я съ неохотою соглашаюсь. Смотрю, выводить большую рыжую, лохматую (съ длиннымъ волосомъ) водовозку англійской породы... Куда же она годится?! съ укоромъ вопросительно обращаюсь къ французу и кучерамъ... Да вамъ лучшей нельзя и отпущать! слышу тихое, но ясное, про-себя гучеровъ... Промыль разъ въ испортила мнѣ лошади! добавляетъ громко хозяйнъ. Дѣйствительно, заходя на конюшню, я замѣтилъ, что лошадь, на которой мы катались, стояла особо на толстомъ слѣзѣ конскаго навоза. Признакъ отека ногъ. Ее, вѣрно, хорошо не вывелили и поставили на мѣсто. Что тутъ дѣлать?! Отложить до Пасхи! но Алѣша ждетъ сегодня. Предупредить невозможно, знаками не скажешь; можетъ не такъ понять и можетъ выско-

чить, а лошади и некажется. Э, была не была! лучше водовозка, чѣмъ ничего! Лошадь по виду, все-таки, сильная. Закладывайте! говорю. 25-го марта Благовѣщеніе. Люди въ церковь ушли. Проулокъ, гдѣ жандармскія казармы, и безъ того малолюдный, теперь былъ совершенно пустъ; одинъ лишь часовой у воротъ казармъ нарушалъ эту мертвенность. Становилось у открытыхъ воротъ обаяногъ двора. Прошла дама, сдѣлала Алѣшѣ знакъ, что лошадь ждетъ. Я насторожился, приготовился. Проходитъ минута, другая... четверть... Нѣтъ Алѣши! Мнѣ кажется, что я стою давно-давно, что прошли не минуты, а часы. Лошадь, пригрѣтая солнцемъ и довольноя покоемъ, не то дремлетъ, не то думу какую думаетъ. Пытаюсь опредѣлить свои чувстваванія и ничего не нахожу кромѣ скуки ожиданія. Вдругъ сзади раздается отчаянный крикъ. Костюричъ воспользовался тѣмъ, что калитка была отворена, а часовой разговаривалъ съ женщиной какой-то. Костюричъ гулялъ къ двору, вдоль дома и, увидѣвъ, что калитка полуотворена, выскочилъ. Оглядываюсь. Алѣша съ развѣвающимъ пальто на одномъ плечѣ летитъ во всю ко мнѣ, за нимъ жавъ, какъ-то широко-широко разставляя ноги. Шинель, ясно, мѣшается ему, и онъ остался. Но тутъ неожиданно мертвая улица вдругъ ожила: крикъ жавъ точно воскресилъ мертвецовъ. Люди появились и сзади, и спереди, кончили обѣдню и шли по домамъ чрезъ каменоломню на слободку.

Одинъ бросился наперерѣзъ Алѣшѣ. Тотъ уже садится, слышитъ, тянуть пальто; онъ крѣпко прижимаетъ его одной рукой къ краю кобриолета, другой хватается за возку. Лошадь, малость вздремнувшая, видя передъ собой людей, не сразу двинулась. Алѣша, возбужденный бѣгомъ, въ нетерпѣннѣ хватается за возку, но не за обѣ, а за одну. Лошадь дѣлаетъ поворотъ налѣво и упирается почти въ стѣну. Я набрасываюсь на Алѣшу, отнимаю возку, направляю по улицѣ, и лошадь, напуганная всѣми передвиваніями, собираетъ всѣ силы, вытягивается и бросается съ неудержимой силой впередъ. Публика лугается, разстается; мой длинный бѣлый хлыстъ-кнутъ держатъ и дальше ело на разстояніи. Парень, схватившійся за пальто, выскѣлъ съ пальто оутился на землѣ; онъ такъ вырвалъ его. Мы понеслись. Передая Алѣшѣ кистень, указываю на приготовленное пальто, фуражку и самъ весь отдаюсь мысли, куда же направить бѣгъ. Переулокъ промелькнулъ моментально. Выѣхали на Портофранкскую улицу. Она обѣщаетъ городъ и отъ нея начинаются улицы его. Прямо противъ насъ идетъ одна такая большая, а лѣвѣй два узкихъ переулка. Направляю въ первый узкій переулокъ. Тамъ квартира дамы, дававшей знаки Алѣшѣ. Стоило, не возбуждѣвъ вниманія, вскочить въ переулокъ и всему дѣлу конецъ.

О погонѣ со стороны жаворы не могло быть и рѣчи: прошли минуты. Сначала все шло хорошо: большую часть Портофранкской, а она довольно широка, уже пробѣхали; но вотъ въ улицахъ при началѣ появился, остановился одинъ, другой и весь переулокъ

¹⁾ Повѣсть въ Одессѣ выскѣ съ Малинкой и Майданскимъ 7 декабря 1879 года.

заполнился любопытными. Посмотрели в начало другого переулка — там тоже. Поворачиваю, держу на средину улицы Портофранкской, где только и была хорошо укатанная дорога, прочие части улицы представляли засохшие глубокие колеи бывшей грязи. Вскань искал тогда сухого мѣста и всю улицу изрѣзали глубокими бороздами. Когда мы повернули, пришлось ѣхать напрямикъ, не разбирая мѣстъ. Вдруг — трах! и колеса подозрительно задребезжали. Стопалось! но что? Задерживаю лошадей, пускаю шагомъ, колеса вращаются. Ура! Ёдемъ быстрый и скоро въѣзжаемъ на укатанную дорогу. Припустили. Новая зацѣпка! Навстрѣчу идетъ обозъ съ военными вещами: красный флачекъ на первомъ возу и сбоку у вожовъ солдаты съ шапкой на-голо. Пропустятъ или задержатъ? является вопросъ. Подъѣзжаемъ; намъ навстрѣчу выбѣгаетъ возничъ и перетягиваетъ кнутомъ. Солдаты первой подводы поблѣднѣвъ, подтянулись, выпрямился, но дорогу не загородилъ и мы поѣхали вдоль обоза. Онъ насъ еще спрятали и отъ любопытныхъ. Являлся передышка. Осматриваюсь и только теперь понимаю, почему на насъ обратили и обращаютъ вниманіе. Алеша машетъ бѣлымъ кистенемъ, а кистень-то въ крови весь. На бѣломъ же красное ясно выступаетъ, но ему, смотрящему впередъ, этого не видно. Когда у него вырвали пальто, то съ нимъ сорвали и часть кожи. Этого онъ не замѣтилъ, а кровь лилась и испачкала кистень. Кистень спрятали, руку платкомъ обернули. Вообще, благодаря обозу, привели себя въ порядокъ. Скоро снова началась улица въ городъ. За угломъ стоятъ городской; что творится на Портофранкской, не видѣлъ онъ и пропустилъ насъ. Одинъ кварталъ, другой — не видно погови; на третьемъ оглядываюсь и вижу, какъ проворонившій насъ городской пустился ѣхать въ нашу сторону. Мы поворачиваемъ направо и направляемся къ базару. Тутъ весь конецъ улицы, прилегающей къ базару, запруженъ воловными возами. Дороги нѣтъ. По тротуару ¹⁾ собираюсь ѣхать дальше, но, какъ только сталъ близиться къ воямъ, они, быстро раздвигаясь, образовали проходъ, дорогу, замыкаясь за нами сей же часъ. Вотъ и базаръ. Онъ расположенъ вокругъ церкви. Дорога идетъ кругомъ. Это окончательно загораживаетъ насъ отъ погови. Мы дѣлаемъ дугу, выѣздя и здѣсь запруженъ, но панель невысока. Мы черезъ нее. Тутъ Алеша встаетъ и уходитъ пѣшкомъ. Въ ближайшей улицѣ попадается ему одно-юнная каретка и онъ ѣдетъ на квартиру Ани. Я же отправляюсь въ татерсаль сдавать лошадей; ѣду трусомъ, чтобы лошади остыла. Принимаю вышедшъ самъ хозяинъ. Распалываюсь. Иду къ сидѣнью взять вещи. Для Алеши мы купили шинель докторскую и фуражку. Рядитесь она не захотѣла, и все это оставилъ на сидѣнья. Подхожу, поднимаю свертокъ и, о ужас!

¹⁾ Въ Одессѣ мѣстами очень широкій тротуаръ. При чемъ узкая часть его выложена гладкимъ, широкимъ камнемъ, а широкая мѣстами раковистымъ известнякомъ — довольно неровнымъ. М. Ф.

подъ сверткомъ лежитъ окровавленный кистень. Французъ увидалъ, подошелъ, быстро взялъ кистень и съ словами: а это что? обращается ко мнѣ. Что ему отвѣтить?! Неожиданность на мигъ огорчила меня, но тутъ самъ французъ и помогъ: онъ замаяхнулся, поднялъ къверху. — Гимнастика! шары для гимнастики! выпаливаю сбѣша. — А, гимнастика, понимаю, понимаю — обрадовался мой французъ и продѣлалъ нѣсколько круговъ. Нашъ кистень состоятъ изъ двухъ большихъ карточекъ, соединенныхъ толстой бичевой; все это было общито въ бѣлую замшу и походило на гимнастическую гирю. Еще сейчасъ я хорошо не помню, были ли и револьверъ съ нами, — кажись, да; тогда и онъ на сидѣнья долженъ былъ лежать. Къ этому, брали лошадей для дамы, а на сидѣнья мужское пальто, кистень въ крови, револьверъ. Странно! Но мой французъ, увлекшись гимнастикой, на остальное мало обратилъ вниманія. Я забралъ все, взялъ у него кистень и скорѣй домой. Мы условились собраться на квартирѣ Ани только черезъ часъ послѣ событія. Времени оставалось довольно. Дай-ка лягу и сосну! такъ ядѣть скучно, рѣшю я и ложусь. Легъ, закрываю глаза. До сихъ поръ нервы молчали; никакого особеннаго волненія въ себѣ я не замѣчалъ; голова, воля работала безъ всякой излишней торопливости, но тутъ, точно прорвалась плотина. Мысли, случайности, люди, возы, — все только что пережитое дѣло волной нахлынуло, охватило, привело въ такое состояніе, что я скорѣй пально на плечи и бѣжать на улицу. Въ комнатѣ стало душно, нехватало воздуха. Вышелъ, выбралъ самый отдаленный путь, зашелъ въ концѣ въ трактиръ и только тутъ, вспотѣвъ отъ чая, пришелъ въ себя, совершенно опять успокоился. Отправляюсь на квартиру Ани, по дорогѣ захожу въ винную лавку, требую хорошаго хереса; о немъ я имѣлъ понятіе лишь по названію. Вкуса не знаю. Мнѣ подаетъ и говоритъ, что цѣна ему 1 р. Малая цѣна смущаетъ меня. А нѣтъ ли лучше! спрашиваю. Торговецъ молча беретъ съ другой полки другую бутылку, подаетъ мнѣ и требуетъ 1 р. 25.; лучше нѣтъ, заявляя. Веру, приношу на квартиру. Тамъ всё въ сборѣ и сначала, конечно, началось дѣлованье, потомъ предлагаю распить мою бутылку. Откупориваемъ, наливаемъ, пробуемъ и съ проклятемъ всё выпиваемъ: дрянъ ужасная. Разговоръ не ведется. На всѣхъ сказывается утомленіе отъ пережитаго. Изъ квартиры въ проулкѣ, куда мы направились вначалѣ, видна была вся наша скачка на Портофранкской и тамъ смотрѣли ее. Вѣсмъ захотѣлось отдохнуть и мы разошлись. Я возвратился домой, легъ и сей же часъ уснулъ, какъ убитый. Проснулся вечеромъ, но мнѣ кажется утро, бывшее забылось; начинаю соображать, что сегодня придется дѣлать для освобожденія. Глаза останавливаются на докторскомъ пальто. Проходитъ моментъ, и память, проснувшись, вдругъ вернулась, напомнила, что дѣло уже сдѣлано, что больше нечего загадывать. Меня охватываетъ тоска, жалость отъ какой-то утраты, пустоты жизни. Было дѣло, была задача и разомъ ничего.

Все вновь надо начинать, опять новую задачу искать. Найдешь и снова заживешь. Только тогда и живетъ человекъ, только тогда и счастливъ, пока есть у него цѣль, пока стремится онъ осуществить какую нибудь задачу....

Слухи и случай небольшой:

По Одессѣ очень скоро разошлась молва объ увозѣ. Но передавали, что подѣбхала тройка и на ней-то и укатили.

На Пасху захожу я какъ-то въ трактиръ чаю напиться. Пью. Недалеко отъ меня одинъ изъ пьющихъ тоже чай—пѣтъ, нѣтъ да и посмотреть на меня, потомъ съ половыми заговорилъ и опять на меня. Мнѣ подозрительнымъ показалось; подзываю полового, начинаю расчитываться... Здравствуйте; что же это вы не приходите за лошадьми кататься? раздается около меня голосъ одного изъ кучеровъ татарсала. Я его не узналъ, а онъ-то меня сразу призналъ. Это онъ-то и поглядывалъ на меня. Варьяна по гостямъ занята! отвѣчаю, спѣшу расплатиться и скорѣй наутекъ. Осталось неизвѣстнымъ, знали ли кучера, что на ихъ лошади былъ увезенъ Алеша, или нѣтъ. Мнѣ передавали, что на нашу водовозку, когда ее проваживали, наскочила погоня. Взяли ее, стали показывать очевидцамъ, но тѣ, будто, не признали, а тутъ пошли толки о тройкѣ и т. д. Что тутъ правда, что выдумка—трудно разобрать, да мы и не добивались знать. Черезъ двѣ-три недѣли мы съ Алешей, взявъ перекладныхъ, двинули въ Херсонъ. Тамъ недалеко было имѣнье, въ которомъ онъ и остался на время.

М. Фроленко.

20 декабря 1905 года.

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго

(по неизданнымъ источникамъ)

(окончаніе).

III.

Сенатъ еще прежде полученія подробнаго показанія Чернышевскаго призналъ необходимымъ прежде всего сличить почеркъ карандашной записки съ почеркомъ Н. Г. 19 іюня были призваны секретари сената, которые, разумется, совсѣмъ не должны были обладать какими бы то ни было специальными знаніями. Двое изъ нихъ категорически высказались, что записку писалъ Чернышевскій, измѣняя при этомъ почеркъ, остальные шестеро признали несходство почерковъ въ общемъ характерѣ, но сходство въ 12-ти буквахъ изъ 25. Сенатъ, въ свою очередь, опредѣлилъ, что «и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки и въ общемъ характерѣ почерка есть совершенное сходство съ почеркомъ бумагъ, писанныхъ Чернышевскимъ до предъявленія ему его записки, съ почеркомъ же, коимъ писано имъ объясненіе въ сенатъ отъ 1 іюня, которое онъ писалъ въ продолженіе девяти дней, никакого сходства нѣтъ».

Врядъ ли можно было сдѣлать такое нелѣпое опредѣленіе, потому что почеркъ Чернышевскаго, всетаки, всегда былъ и остался одинъ и тотъ же. Но, такъ или иначе, а указаніе на подлинность записки было теперь уже окончательное. Оставшаяся раньше надежда, что, можетъ быть, хоть сенатъ дастъ себѣ трудъ смѣло выговорить правду, пала...

Разумется, въ виду этого сенатъ не призналъ возможнымъ освободить Чернышевскаго на поруки... Кстати скажу, что въ серединѣ іюня ему были высочайше разрѣшены свиданія съ А. Н. Пыпянымъ и Е. Н. Пыпиною.

Прошла недѣля, и вдругъ 2 іюля Замѣтннѣ присылаетъ оберъ-прокурору очень пространную «Записку о литературной дѣятельности Чернышевскаго». Мало того, министръ юстиціи, человекъ, которому должно бы подавать примѣръ безусловной законностью своихъ дѣйствій, рѣшается прибавить при этомъ,

что посылает записку «къ совокупному разсмотрѣнію съ дѣломъ»...

Замѣтину прислалъ ее предсѣдатель слѣдственной комиссіи — кн. Голицынъ. А отъ кого получилъ ее онъ? На этотъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта. Можно только догадываться объ авторѣ. По однимъ расказами, это пресловутый Илья Арсеньевъ-литераторъ, бывшій на гастроляхъ въ III Отдѣленія и потому прозванный «Искрой» — Арсеньевымъ III-мъ. По другимъ — это самъ Всеволодъ Костомаровъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ г. Рейнгардту служившій въ III Отдѣленіи подполковникъ З. Но принимая во вниманіе весь тотъ вздоръ, который рассказывалъ этотъ подполковникъ и который изложенъ на стр. 463—464 въ февральской книжкѣ «Русской Старины» за 1905 годъ ¹⁾, врядъ ли можно повѣрить и тому, что авторъ Костомаровъ. Правда, мы уже читали въ его письмѣ къ Соколову обещаніе познакомиться его съ литературною дѣятельностью Чернышевскаго, читали объ этомъ и въ допросѣ, но, насколько мнѣ знакомъ стиль и способъ изложенія костомаровскихъ статей и арсеньевскихъ, я склоненъ приписать «Записку» Арсеньеву. Она настолько любопытна во всѣхъ отношеніяхъ, что, разумѣется, должна быть приведена полностью.

«Двѣ теоріи, заключающія въ себѣ разрушительные элементы разложенія, угрожаютъ опасности нашей общественной жизни при самомъ началѣ ея благотворнаго развитія. Первая теорія — матеріальный фатализмъ, отрицающій индивидуальную нравственную свободу человѣка, есть извращенное ученіе нравственной философіи; другая — социализмъ, неосходно переходящій въ коммунизмъ, ставитъ себя въ основаніе новой политико-общественной экономіи.

«По ученію первой теоріи, человѣческія дѣянія совершаются не отъ свободной рѣшимости разумнаго человѣка, но вслѣдствіе вѣроваго его совѣти между добромъ и зломъ, а опредѣляются и творятся *исключительно* неодолимою силою среды, въ коей живетъ человѣкъ, неотклонимымъ могуществомъ природы, географической организаціи человѣка и происходящихъ отсюда обычаевъ и учреждений. Такимъ ученіемъ уничтожается нравственная *смыслаемость* человѣческихъ дѣяній. Если нѣтъ въ человѣкѣ свободной нравственной воли и дѣятельности, тогда нѣтъ грѣха, нѣтъ преступленія, нѣтъ стыда, всѣ дѣянія безразличны, тогда не за что человѣка хвалить и хулить, награждать и наказывать. Награжденный для этого класса людей — смѣшонъ; пре-

¹⁾ Совершенно непонятно, какъ это г. Рейнгардтъ рѣшается утверждать, что самъ Николай Гавриловичъ вполне подтвердилъ расказъ подполковника. Я категорически утверждаю, что этого не могло быть. Г. Рейнгардтъ, вѣроятно, забылъ, о чемъ онъ говорилъ съ Чернышевскимъ. Нельзя было подтвердить такую ужасную оклеветку.

ступникъ есть только *жества общества*, а законное преслѣдованіе злодѣя есть только бѣда.

«Этотъ матеріалистическій фатализмъ есть результатъ того ученія, которое отрицаетъ духовную природу въ человѣкѣ и отвергаетъ бытіе Божіе. Оно исходитъ изъ тѣхъ основныхъ мыслей, что какъ *животныя*, такъ и *растенія наравнѣ*, т. е. не различаясь между собой, *тождественны* по природѣ и *едины* по составу своему и жизни, суть скопленіе разноразнообразныхъ ячеекъ; что вообще *жизни* есть не что иное, какъ химическій процессъ ячеекъ, разнообразно разлагающихся и слагающихся между собою и окружающею ихъ средою; что такой процессъ и актъ размноженія и есть единственное допускаемое разумомъ *бессмертіе вещества*; что высшій организмъ въ природѣ, съ такимъ же процессомъ химическимъ, но искусно снабженный раздѣльными органами для каждаго отправленія, есть *человекъ* — произведеніе веществъ природныхъ, въ коемъ инстинктъ называется *разумомъ*.

«Изложенная теорія, распространившись отвлѣчно, безъ связи съ второю, была бы способна произвезти въ государствѣ увеличеніе числа преступленій; но это ученіе въ своемъ прирѣненіи введено въ другую теорію, которая направлена *прямо* противъ всего благоустроеннаго общества, — на его силы, труды, богатство и учрежденія, короче сказать — введено въ социализмъ и коммунизмъ. Социализмъ, переходящій въ коммунизмъ, есть ученіе о необходимости распредѣленія матеріальнаго богатства, т. е. раздѣленіе его между всѣми лицами народонаселенія не на юридическихъ основаніяхъ, отсталыхъ, какъ говоритъ эта школа, общественныхъ учреждений, а на прогрессивныхъ *соображеніяхъ* новыхъ экономистовъ, съ созданіемъ *другихъ* (коммунистическихъ) *формъ правленія*. Эти двѣ теоріи составляютъ въ наше время зерно будущихъ общественно-правительственныхъ переворотовъ въ Европѣ. Сторонники ихъ не заговорица, а проповѣдники революцій. Съ тѣхъ поръ, какъ *совершаются* революціи, говорятъ они, не стоитъ заниматься заговорами. Эти слова характеристичны. Стоитъ ли прибѣгать къ такому опасному средству, когда есть возможность, отвергая, по теоріи нигилизма, стыдъ, преступленіе, грѣхъ и указывая, по теоріи коммунизма, на готовые чужіе капиталы и дѣяности, спокойно, сидя за письменнымъ столомъ, проповѣдовать массѣ народа: богатства распредѣлены не такъ! они распредѣлены вредно для общества! кто живетъ на проценты, прибыль, ренту, тотъ *похищаетъ достояніе общества*; надобно сообща раздѣлить дѣяности ариеметически, такъ, чтобы *каждъ дѣлитель* былъ *цифра населенія*, *дѣлимое* — *цифра цѣнностей*, а выйдетъ *частное* — это частное есть *количество цѣнностей*, *принадлежащихъ каждому лицу*.

«Изъ нашихъ періодическихъ изданій «Современникъ» въ послѣдніе годы явился проводникомъ обѣихъ указанныхъ теорій

въ статьях Чернышевскаго, обзоръ которыхъ составляетъ предметъ настоящей записки.

А. Матеріальный фатализмъ.

«Для социалистовъ и коммунистовъ воля человѣческая разумно-свободная, опирающаяся въ выборъ дѣянія на совѣсти, или сознаніи добра и зла, дѣлала всегда, какъ само собою разумѣется, много хлопотъ. Съ одной стороны, вводимая ими совершенная зависимость отъ общества по имѣнію и управленію, необходимая руководиться природою требуетъ, конечно, сильной дозы самоотверженія, нигилизма. Тутъ для привлеченія себѣ адептовъ пропагандисты коммунизма прибѣгаютъ въ теоріи матеріальнаго фатализма, животнаго инстинкта, несправедливо называемаго разумомъ, къ отверженію духовности и матеріализму. Но, съ другой стороны, всетаки, возникаетъ необходимо вопросъ: какъ же будущій коммунистъ безъ свободной воли уживается въ утопической коммуни? Чѣмъ будетъ онъ руководствоваться, чтобъ безобидно поставить себя относительно своихъ собратовъ? Тутъ даютъ ему иные въ некоторую волю, напримѣръ, на выборъ труда, на разумное соревнованіе, на общее содѣяствіе. Доза этой свободы такъ мала, что Вокль, всетаки, прямо отвергаетъ свободную волю, но Чернышевскій, желая обольстить индивидуальную самостоятельностью въ коммунизмъ, высказалъ мысль, что люди существенно все одинаковы! («Атеней» 1858 г., май и июнь). Коммунисты пріобрѣли себѣ драгоценную находку въ томъ положеніи, что каждый человѣкъ—какъ все люди, что въ каждомъ точно то же, что въ другомъ. Это положеніе позволяетъ выводить изъ него тѣ же слѣдствія, какъ въ материалистическаго фатализма. Такъ, изъ развитія означенной мысли оказывается: 1) что этотъ фатализмъ тождественности есть матеріальный, естественный (тамъ же, стр. 76), 2) что человѣкъ, лишенный свободы нравственной, лишается и вмѣненія (стр. 78) и 3) что вина въ человѣкѣ нѣтъ, а есть бѣда (стр. 79).

«Стѣсненіе индивидуальной свободы въ коммунизмѣ сознаютъ все наблюдатели коммунистическихъ тенденцій.

«Чернышевскій въ одномъ мѣстѣ самъ напоминаетъ объ этомъ («Совр.» 1860 г. № 1, Современн. обзор., стр. 60), но опроверженія на это замѣчаніе не помѣстивъ нигдѣ, а только рассказалъ далѣе, какимъ путемъ въ изустныхъ спорахъ онъ съ торжествомъ опровергалъ своихъ противниковъ.

«Замѣчательна еще одна сторона въ ученіи Чернышевскаго. Онъ иногда проповѣдуетъ высокія истины, напримѣръ, *человѣкъ обязанъ искать истины, поступать честно*, общество обязано стремиться къ водворенію *справедливости, правды, законности*. Но такіе принципы, *предписывающіе что нибудь дѣлать*, имѣютъ у Чернышевскаго два значенія: одно значеніе ихъ только общее, теоретическое, *неопредѣленное*: истины ихъ, взятые въ частно-

сти, могутъ терять свой всеобщій характеръ, свой неизмѣнный типъ; другое значеніе ихъ *частное*, въ сферѣ практической, а не въ теоріи, въ сферѣ дѣйствія, а не мысли; тутъ коль скоро общая мысль переходитъ въ примѣненіи своею въ практику, и уже указанъ способъ ея исполненія, она можетъ измѣнить первообразному своему характеру всеобщности, потерять свою безисключительную примѣняемость. Такъ, самое общее положеніе—*поступай честно* при отрѣженіи способа примѣненія, можетъ допускать *некоторыя* исключенія. А всякое другое правило допускаетъ еще *больше исключеній*. Неопредѣленность общихъ принциповъ даже такого, что они дозволяютъ (подъ перомъ Чернышевскаго) различныя для себя выраженія; такъ: *поступай честно* (по его мнѣнію) равносильно принципу: *поступай согласно съ природою*, или: *обязанность поступать честно, по природѣ*, неразлучна съ *организмомъ* человѣка.

«Итакъ, въ частности въ приложеніи къ практикѣ общіе принципы подвержены измѣненію; напр., *честность вообще* требуетъ истины, но въ *частности честность почти всегда* (не абсолютно, а только почти всегда) требуетъ соблюденія истины; *иногда она требуетъ нарушенія истины*. Случаи, въ которыхъ нарушеніе истины можетъ допускаться, принадлежатъ исключительно практической сферѣ, они относятся къ жизни дѣйствія.

В. Соціализмъ и коммунизмъ.

«Ученіе о матеріальномъ фатализмѣ, въ составившемъ главной стороны тенденцій Чернышевскаго, далеко не полно развито въ его сочиненіяхъ; напротивъ, теорія социализма и коммунизма изложены весьма подробно: имъ съ скрытыми ихъ слѣдствіями, въ 1860 г., Чернышевскій посвящалъ все свое время.

«Главнымъ источникомъ для уразумѣнія автора служатъ три его произведенія, помѣщенные въ «Современникъ»; изъ нихъ два содержатъ теоретическую сторону ученія, третье—сторону историческую или примѣнительную.

1. «*Капиталъ и трудъ*»—большая статья («Совр.» 1860. Янв.), написанная по поводу сочиненія профессора Горлова («Начала политической экономіи»), содержитъ почти цѣлую теорію социализма и коммунизма въ сокращеніи.

2. Переводъ политической экономіи англійскаго ученаго Милля, весьма приближающагося въ своихъ воззрѣніяхъ къ Прудону, всѣмъанный Чернышевскимъ и снабженный его примѣчаніями,—тянется почти во всеѣхъ книжкахъ «Современника» 1860 года и переходитъ въ 1861 годъ. Переводчикъ своими примѣчаніями и толкованіями, присоединенными къ переводу, стремится Милля передѣлать въ Прудона. Этотъ переводъ и объясненія содержатъ цѣлую систему ученія, проповѣдуемаго Чернышевскимъ.

3. Для распространенія этого ученія въ томъ же 1860 г. написана весьма рѣзкая для правительства и достачныхъ клас-

совъ статья подъ заглавіемъ *Июльская монархія*, въ которой выставлены тенденціи какъ французскихъ, такъ и всякихъ либераловъ, демократовъ, возникновение социализма и бунты рабочихъ классовъ, выставлено въ самомъ черномъ свѣтѣ и на этомъ основаніи выведена несостоятельность династіи июльской. Статья написана вслѣдствіе выхода мемуаровъ Гизо, но авторъ самъ говоритъ, что онъ не держался этой книги, изданіе которой служило для него только предлогомъ для изложенія фактовъ съ точки зрѣнія диаметрально противоположной Гизо, и по другимъ источникамъ (Луи-Вланъ).

«Основаніе всей теоріи коммунизма состоитъ въ томъ, что трудъ есть единственный производитель цѣнностей. Давать участіе въ производствѣ капиталу—однѣ фразы («Трудъ и капиталъ», «Совр.» 1860 г. январь, стр. 38).

Отсюда слѣдуетъ:

1. Что потребление произведенныхъ цѣнностей по праву не принадлежитъ никому другому, какъ работнику, такъ какъ капиталисты не трудятся.

2. Судя по теперешнему положенію вещей, нужно другое распределеніе богатства. Да и вообще всякое потребленіе имѣетъ основую *распределеніе* (стр. 19 той же статьи).

3. Поэтому богатство—излишекъ цѣнностей—непроизводительно, вредно: оно произошло въ обиду работнику. «Каждая индѣйка, покупаемая въ Петербургѣ за 3 рубля, отнимаетъ у общества пудъ говядины. Каждый аршинъ сукна, цѣною въ 10 руб. серебромъ, отнимаетъ у кого нибудь телну шубу» (стр. 43 и 44).

4. Богатые составляютъ *лигу*. Рабочій классъ еще не понимаетъ этого. Среднее сословіе уже дѣйствуетъ на исторической сценѣ, а главная масса еще не принималась *за дѣло*: ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности» («Совр.» 1861 г. май, стр. 115). Масса убѣждена, что роскошь и воровство одинаково непроизводительны, вредны; роскошь ихъ обкрадываетъ, убавляетъ отъ ихъ заработковъ.

5. Распределеніе путемъ *переворотовъ* должно совершиться въ томъ смыслѣ, что часть каждаго члена общества по возможности будетъ близка къ средней цифрѣ, полученной изъ отношенія массы цѣнностей къ числу народонаселенія (стр. 18 и 50).

6. Осуществленію этого идеала мѣшаетъ *лига*: она вся основана на существованіи факта (не закона) собственности и *обычая наследства* (стр. 36).

7. Должны быть даны новыя учрежденія, имѣющія цѣлью перевести цѣнности только въ руки лицъ, вносящихъ въ общество трудъ, *лишивъ* цѣнностей лицъ, которымъ принадлежатъ капиталы, потому что а) капиталисты располагаютъ только силами другихъ лицъ, которымъ поэтому принадлежатъ цѣнности однимъ по праву, б) трудящіеся не должны имѣть болѣе того,

что самъ произвелъ, а капиталисты захватываютъ цѣнности произведенныя другими (воровство) (стр. 51).

8. Средства, представляемая теоріею для осуществленія этого состоянія, нѣсколько похожи на предпріятіе изъ среды общества такихъ подвиговъ, какіе совершилъ американецъ Вокеръ, или какіе совершало парижское общество *des amis du peuple*, которое располагало такимъ могуществомъ, что воруяло батальоны и отправляло на помощь Бельгіи противъ Голландіи.

9. При настоящемъ положеніи общества въ Европѣ, эта теорія лежитъ въ основаніи дѣятельности—*въ Англіи*: у рабочихъ, это видно изъ союзовъ ихъ или стачекъ, обнаруживающихся въ колоссальныхъ отказахъ отъ работы для принужденія фабрикантовъ къ повышенію заработной платы, *во Франціи* у учениковъ Прудона и Сенъ-Симона, *въ Россіи* у раскольниковъ и отчасти въ общинномъ землевладѣніи.

Здѣсь нельзя не вспомнить, что въ одной изъ статей Чернышевскаго («Капиталъ и трудъ») начертанъ подробный планъ коммунистическаго устройства общества, основаннаго какъ бы для образца. Этотъ планъ въ своемъ изложеніи обстоятеленъ, естественно, весьма благовидно и благонамѣренно, скрываясь подъ формою обыкновеннаго товарищества для совокупной четверыми или пятьюстами семействъ эксплуатаціи земледѣльческихъ продуктовъ съ устройствомъ мастерскихъ общихъ и для другихъ производствъ, съ согласія правительства; даже при его пособіи. Планъ назначенъ для государства которое хотя не поименовано, но которое очень нетрудно угадать по приведеннымъ тутъ же признакамъ: 1) оно даетъ десятками милліоновъ взаимныя компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, 2) тратитъ десятки милліоновъ на равныя великолѣпныя постройки, 3) богато полями и другими угодьями. 4) признакъ, что въ немъ для помѣщенія товарищества трудящихся находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ, конечно, не подходитъ ни къ одному изъ существующихъ теперь государствъ, но совершенно подходитъ къ Франціи 1793—1799 годовъ. Припомнивъ утопію въ воззваніи «Къ молодому поколѣнію» о распространеніи подобнахъ коммуны, принявъ въ соображеніе первые три признака, подходящие теперь къ Россіи, четвертый вѣроятно (въ мысли автора) *имѣющей подходить*, нельзя не убѣдиться, что планъ имѣетъ въ виду дать новый видъ нашему отечеству.

«Распространители идей коммунизма выказали огромные таланты, когда они не только развили ученіе, но и дали приемы уничтожать все существующее, все устроенное на религіи, нравственности, законахъ, обычаяхъ. Методы эти могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ: а) или для обоеденія цензурнаго устава или б) для наведенія мыслей юныхъ адептовъ коммунизма

на новыя коммунистическія начала, для сообщенія имъ опредѣленныхъ формъ и пріемовъ въ борьбѣ при столкновеніи съ прежнимъ порядкомъ вещей. Тутъ придуманы два метода: одинъ *отрицательный*, уничтожительный, разрушительный, а другой *гипотетическій* или способъ сужденія *по предположенію*.

«Что касается методы для обобщенія цензуры, которая, впрочемъ, въ 1860 году была очень слаба, то пріемы были отчасти общіе: ослабленіе мысли, смягченіе, ограниченіе чрезъ прибавленіе словъ: *иногда, некоторый, иной*; сваливанье всего дѣла на западныхъ народовъ, это все дѣлалось и трактовалось такъ, что ясно было, что идетъ дѣло о принципахъ и истиннахъ всеобщихъ.

«Спеціальныя пріемы Чернышевскаго состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ главную цѣль сужденій и умозаключеній онъ вставляетъ обыкновенно слова и фразы изъ обыденной жизни, изъ свѣдѣній пошлыхъ, впрочемъ, нѣсколько идущихъ къ дѣлу, и въ слѣдъ затѣмъ опять продолжаетъ главную свою мысль и опять прерываетъ подобно болтовне и пошлыми рѣчами. О Чернышевскомъ нельзя сказать того, что обыкновенно говорится о газеткахъ: читать надъ строками. У него должно читать буквально между строками, отдѣленными одна отъ другой пустою болтовней. Это его главный преобладающій тонъ. Колоритъ рѣвкій стертъ съ мысли перерывами, очевидно, нелѣпыми, но онъ стертъ, какъ сказано, грубо, и послушная фаланга читателей поневолѣ вчитывается, размышляетъ, а тогда уже не трудно отыскать преобладающую мысль. Надобно полагать, что ключъ къ этому секрету открывался иногда словесно, иногда самъ авторъ въ важныхъ мѣстахъ совѣтовалъ выкинуть въ дѣло, которое, впрочемъ, само за себя гурорило. б) Другой пріемъ, свойственный Чернышевскому, есть буффонство и глумленіе. Вездѣ, гдѣ онъ начинаетъ буффонить, за этимъ глумленіемъ непосредственно слѣдуетъ самое рѣзкое мѣсто. в) Иногда онъ торжественно заявляетъ, что о томъ-то и о томъ-то онъ говорить не будетъ и не дорожитъ этимъ: въ одномъ мѣстѣ онъ плюетъ на коммунизмъ, но читаете дальше, дальше онъ говоритъ! Подъ конецъ коммунизмъ оживленный является необходимымъ исходомъ для настоящаго порядка! г) Иногда мысль выставляется у него въ свѣтѣ весьма неблагоприятномъ, но за то сразу жестоко опровергаются ея противники. д) Наконецъ, онъ никогда не пропуститъ случая доказать свою мысль какимъ нибудь существующимъ учрежденіемъ или обычаемъ, которые отчасти напоминаютъ его мысль или имѣютъ нѣкоторое къ ней отношеніе. Такъ, въ правѣ государства отчуждать отъ частнаго лица недвижимую собственность, нужную для какой нибудь важной общественной надобности или предпріятія, Чернышевскій видитъ начало коммунизма, распоряжающагося посредствомъ своихъ представителей общественнымъ достояніемъ.

«Отрицательный способъ связанъ не только со всею системою коммунизма, но и со всѣмъ логическимъ и метафизическимъ строемъ уже и духовной дѣятельности человѣка. Онъ есть ужас-

ное изобрѣтеніе разрушительнаго стремленія нашего времени. Понятіе объ этомъ способѣ дано Чернышевскимъ въ «Современникѣ» 1860 года за апрѣль и май, въ критикѣ книги Лаврова.

«Извѣстно, что школа материализма отвергаетъ всякое духовное начало: нѣтъ въ человѣкѣ души, нѣтъ воли, нѣтъ свободы, нѣтъ добра и зла, нѣтъ виновенія. «Наблюденіемъ физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка» (349 стр. «Совр.», май). Никакого дуализма въ человѣкѣ не видно; слабы человѣкъ имѣлъ, кромя реальной своей природы, другую, духовную природу, то эта натура обнаружилась бы гдѣ нибудь.

«Короче: души нѣтъ, одна животная натура въ насъ!

«Для уразумѣнія всей важности методы отрицанія надлежитъ сообразить слѣдующее: такъ какъ доселѣ и вѣра, и совѣсть, и философія учили противному, т. е. что въ одномъ человѣкѣ соединены двѣ природы: духовная и тѣлесная, то естественно, что отъ *принятія* и въ обществѣ *человѣкъ* *духовнаго начала* какъ въ мысли, такъ и въ практикѣ *есть* въ обществѣ множество сторонъ и учрежденій *духовныхъ* или, по крайней мѣрѣ, основанныхъ на *душѣ*; такая сторона духовныя есть въ сферахъ семейной, гражданской, государственной, религіозной; эти духовныя стороны, выражаемая часто какъ аксіомы, принимаемые, вѣрятся, возвышаютъ человѣка до неба и Творца.

«Новая школа не принимаетъ духовности; слѣдовательно, должно отринуть, отказать въ бытіи, уничтожить въ обществѣ и ученіи все, основанное на духовности во всѣхъ сферахъ: въ семьѣ, въ гражданствѣ, въ государствѣ, въ добродѣтели, въ наукѣ, въ вѣрѣ,—да тогда всего этого и не будетъ, не будетъ и святости, и семьи, и права, и власти, нѣтъ добродѣтели, нѣтъ самоотверженія и соединенія религіознаго съ Богомъ. Даже нѣтъ и мысли, потому что, по этой философій, *мыслятъ и собаки*. Таковъ отрицательный методъ, задача котораго состоятъ въ томъ, чтобы на основаніи отреченія отъ духа и отъ невидимой идеи провести это отреченіе чрезъ всѣ сферы, въ какія только можетъ поставить себя человѣкъ по своей всесторонней природѣ!

«На чемъ основываетъ эта школа свое отверженіе отъ духа? На началѣ самомъ дѣтскомъ, именно, что духа никто не видитъ, отъ духа никто ничего не слышалъ! «Въ эту минуту вы, читатели, увѣрены, что когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете потому, во-первыхъ, что не видите его глазами, не слышите его рыканія. Есть у васъ второе ручательство: это фактъ, что вы живы. Еслибъ въ вашей комнатѣ находился левъ, онъ бросился бы на васъ и растерзалъ бы васъ и проч.

«Принявъ въ основаніе этотъ нигилизмъ, материализмъ, фатализмъ жизненный, авторъ научаетъ, какъ должно отвергать все духовное. Этотъ отрицательный методъ иначе называется: *заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго*.

Известнымъ здѣсь называются истины наукъ материальныхъ, или математическихъ, имѣющихъ назначеніемъ приложение къ материальнымъ величинамъ. Незвѣстно—это духовный міръ. Дѣлать заключеніе о характерѣ незвѣстнаго по характеру извѣстнаго значитъ судить о мірѣ духовномъ съ точки зрѣнія наукъ материальныхъ и все духовное, какъ сказано, отвергать, выводя все въ сферу материализма.

«Такимъ образомъ въ излагаемомъ ученіи вмѣсто свободной воли поставлена необходимость причинности. Отвергнувъ свободу и хотѣніе, послѣдователи этого ученія уже не допускаютъ различія между добрымъ и алымъ человекомъ. Для этой школы нѣтъ добродѣтели. Жена плачетъ о потерѣ мужа, мать плачетъ о смерти дитяти: это отголосокъ эпизма (стр. 33).

«Какъ видѣ, какъ подробно въ приложеніи методы отрицательной является метода *гипотетическая*, или *предположительная*.

«Въ работѣ отрицанія, конечно, нѣкогда Чернышевскаго встрѣтила пѣлый живой міръ: восточный и западный, прошедшій и настоящій, вѣрающій въ духовность и благоустройство. Особенно законы, ограждавшіе и ограждающіе собственность и наследство, повсюду. Для этой спеціальной борьбы съ собственностью, для убѣжденія людей въ необходимости новаго *распределенія* изобрѣтъ новый приѣмъ — *гипотетическій*, или предположительный.

«Особенность его есть слѣдующая:

«Обыкновенно политико-экономы для своихъ выводовъ пользуются статистическими данными, но фактъ статистическій есть произведеніе истории, онъ сотворился жизнью народа при господствѣ извѣстной вѣры, законовъ, правленія, обычаяхъ. Поэтому, принявши статистическое данное, авторъ долженъ былъ принимать и фактъ историческій и его всякаго дѣятеля.

«Но этого-то наши экономисты и не согласны дѣлать по закону отрицанія. Для сего, чтобъ провести свою мысль, они учатъ, что фактовъ статистическихъ принимать не нужно, а нужно предположить извѣстное состояніе людей на основаніи мысли (фантазій) автора. Такъ, они предполагаютъ (въ существующаго міра) извѣстное мѣсто съ такимъ-то народонаселеніемъ, мужскимъ, и съ такимъ-то количествомъ рабочихъ силъ, времени, и выводятъ потомъ, конечно, тѣ же результаты, какіе сначала уже были въ ихъ мысли и которые они какъ будто бы вывели на основаніи *предположительныхъ данныхъ*. «Ваши статистическія данныя, говорятъ они, не суть данныя чистыя, одною причиною произведенныя, а произведены они многими причинами, а наши *предположительныя* данныя суть данныя чистыя, вѣрныя, стоить ихъ только увеличивать или уменьшать». На это можно отвѣтить, что это-то и доказываетъ *фантастичность* данныхъ нашихъ: значитъ въ жизни дѣйствуютъ многіе фак-

торы, *вдругъ* и *постоянно*, и отклоняться отъ нихъ мы права не имѣемъ.

«Этимъ гипотетическимъ методомъ Чернышевскій пользовался постоянно въ своихъ замѣчаніяхъ на политическую экономію Милля* и съ помощью его выводилъ свои результаты, которымъ не доставало одной реальной дѣйствительности.

«Подобная литературная дѣятельность Чернышевскаго принесла горькіе плоды. Провѣдуемое имъ вредное ученіе было усвоено неопытною молодежью, которая, проникнувшись новыми идеями, пожелала осуществить ихъ на дѣлѣ путемъ опасной пропаганды и прибѣгла для этого къ тайной печати. Въ подметныхъ прокламаціяхъ высказываются тѣ же самыя политико-экономическія ученія, которыя развилъ Чернышевскій, съ тою лишь разницею, что въ прокламаціяхъ они не прикрыты ученою диалектикой, а являются въ безыскусственной формѣ и осязательной нелѣпости. Тѣ самыя политико-экономы старой школы (Бастія, Рошеръ, Рау), на которыхъ съ ожесточеніемъ нападалъ Чернышевскій въ своихъ сочиненіяхъ, составляютъ предметъ рѣзкихъ и грубыхъ нападокъ для авторовъ подметныхъ листовъ. Наконецъ, насильственные средства къ осуществленію новыхъ порядковъ указываются въ прокламаціяхъ съ беззастѣливкою откровенностью такія же, на какія Чернышевскій, стѣсненный условіями цензуры, могъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ только намекать болѣе или менѣе ясно. Словомъ сказать, прокламаціи суть какъ бы выводъ изъ статей Чернышевскаго, а статьи его—подробный къ нимъ комментарий».

Вотъ какой «документъ» сенату приходилось принимать во вниманіе, и подъ какимъ заранѣе приготовленнымъ угломъ разсматривать Чернышевскаго. Ни Заматинну, ни сенату, ни правительству вообще, конечно, не было совѣстно вѣнчать человѣку въ преступленіе статьи, разрѣшенный правительственной же цензурой. То ли дѣлалось въ нашихъ застѣнкахъ самодержавья...

Но неловкость, вѣстакіи, ощущалась: на другой же день получена этой «записки» сенатъ опредѣлилъ не вносить ни ее, ни «Записку изъ частныхъ свѣдѣній» въ свое опредѣленіе...

Итакъ двумя документами III Отдѣленіе уже козырнуло.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Еще подлогъ.

I.

Потому ли, что оно не было вполне увѣрено въ сенаторахъ,— хотя, кажется, никто изъ нихъ не обнаружилъ непокорства и ослушанія,—потому ли, что чувствовалось шаткость своихъ обвиненій въ глазахъ общества, которому, несмотря на тайну, многое, правда, иногда въ весьма извращенномъ видѣ, было тогда всетаки извѣстно,— по чему ли другому, но III Отдѣленія рѣшило козырнуть еще разъ, твердо помня правило опытныхъ игроковъ: козырь игры не портить...

18 июля Замятинъ сообщил оберъ-прокурору, что 12-го числа Потаповъ прислалъ кн. Голицыну, а послѣдній направилъ къ нему—очень важное письмо Чернышевскаго къ какому-то Алексѣю Николаевичу, повидимому, къ литератору Плещееву, полученное отъ В. Костомарова... Недаромъ же у невѣдомаго благопріятели были документы, которые онъ хранилъ какъ зеницу ока... Теперь де вотъ одинъ изъ нихъ и появился.

Привожу этотъ третій козырь III Отдѣленія съ подлинника, а не съ копии, при немъ приложенной.

Вотъ что было написано на изорванномъ, протертомъ и подмоченномъ листѣ почтовой бумаги обыкновеннаго формата:

«Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ! Можеть быть Вы и справедливы, упрекая меня за слашкмо большую доврчивость, оказанную людямъ, едва мнѣ знакомымъ; и я самъ очень хорошо знаю, что несмотря на всѣ принятые мною предосторожности, риску очень многимъ, но—кто виноватъ? Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда, тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ, слабостью ничѣмъ неоправдываемой, и опшбкой, никогда неоправдываюй. Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ и довели до такой минуты, дальѣ которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобы дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ Вы откладываете со дня на день, намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но, всетаки, энергичные и болѣе года занимавшіея тайнымъ печатаніемъ, которые, вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неусгбха самая большая доля отвѣтственности падаетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе Вы всетаки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ

Вотъ же листъ
Александра Николаевича
Можетъ быть Алексѣй Николаевичъ,
якобы мнѣ за знакомство съ вами
какимъ-нибудь образомъ, едва мнѣ знакомымъ
и я самъ очень хорошо знаю, что несмотря на всѣ принятые мною предосторожности,
риску очень многимъ, но—кто виноватъ? Вы знаете, что времени терять нельзя;
теперь или никогда, тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ,
слабостью ничѣмъ неоправдываемой, и опшбкой, никогда неоправдываюй.
Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ и довели до такой минуты,
дальѣ которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобы дѣло наше
было выиграно. Въ то время, какъ Вы откладываете со дня на день,
намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно,
пустенькіе, но, всетаки, энергичные и болѣе года занимавшіея тайнымъ
печатаніемъ, которые, вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться
такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ тѣмъ болѣе, что въ случаѣ
неусгбха самая большая доля отвѣтственности падаетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе
Вы всетаки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ
повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ

Васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастаетъ знакомствомъ со мною и рассказываетъ, будто я отдалъ ему для тайнаго печатанія *свое сочиненіе* (?). Старайтесь заглушить эти слухи, это будетъ Вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, Сул. и Сор. не пользуются въ Москвѣ репутацией людей положительныхъ и дѣльных.

«Что касается до К. то на него, кажется, можно положиться; хотя, конечно, и съ нимъ нельзя чересчуръ открываться, не слѣдуетъ, не испытывъ предварительнаго вѣрности его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ и во всякомъ случаѣ весьма благодаренъ Вамъ за знакомство съ нимъ.

«Я ничего не пишу Вамъ теперь о *литературныхъ* дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для Васъ безынтересныхъ. По обыкновенію слѣшу или лучше сказать слѣшнѣтъ К., съ которымъ я отправляю это письмо.

«Вы все по прежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла; такъ не годится. Больше энергіи, болѣе вѣры въ успѣхъ. Дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проносится. Оттого у Васъ ничего и не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ безплодномъ раздумьѣ. Посмотрите-ка, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Понизовы. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе; отчего? Энергіи мало, мало силы воли.

«Совсѣмъ нѣкогда. Жму Вашу руку. Вашъ Н. Черныиъ.

«Скоро буду писать черезъ К.»

Подпись была недокончена. Поддѣлка почерка ясна до очевидности и гораздо болѣе замѣтна каждому, чѣмъ въ карандашной запискѣ. Поддѣлка была сдѣлана совершенно безъ какой бы то ни было тщательности: точно, и не требовалось ей, точно, сенатъ только и ждалъ письма!)...

24 іюля Чернышевскій былъ призванъ въ сенатъ и первоприсутствовавшій, Карніолинъ-Пинскій, началъ съ того, что держалъ подложное письмо въ своихъ рукахъ и, поднеси его къ глазамъ Н. Г., сказалъ съ большою торжественностью: «Oculis, non manibus!»²⁾

Разумѣется, Чернышевскій отвергъ принадлежность этого

1) Относительно этого письма въ печати сообщалось не мало взлору. Такъ, напримеръ, г. Кулявинъ писалъ: «Чернышевскій указавъ презрѣу военно-судной комиссіи на водные знаки почтового листа большого формата, въ которыхъ было написано это письмо: поддѣльнымъ почеркомъ Чернышевскаго былъ выставленъ подъ писмомъ 1868 годъ, а водные знаки удостоверены, что бумага сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 годъ» (см. «Новое Время» 1904 г., № 10821). Катгорически утверждало, что здѣсь все съ перваго сама невѣрно и никакихъ водныхъ знаковъ на бумагѣ нѣтъ. Сынъ Пещеева сообщилъ, что по первой экспертизѣ письмо было найдено подложнымъ, а по второй подлиннымъ (см. «Новое Время» № 10304). И это невѣрно. Любопытно, что Костомаровъ и здѣсь не сумѣлъ остаться грамотнымъ и хотѣлъ этимъ поддѣляться подъ Чернышевскаго: его выдаетъ съ головой слово «нѣкогда» на второй отъ конца строкѣ...

2) Смотрите, но не троньте. Сообщаю самими Н. Г. А. Пышину.

письма себѣ и не далъ никакихъ разъясненій, кромѣ указаній, что можетъ лишь догадываться, что письмо адресовано къ Пещееву. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить, что если въ подписи нужно читать Чернышевскій, то письмо явно поддѣльное. Тогда рѣшено было сдѣлать сличеніе почерковъ.

Призванные семь секретарей сената дали слѣдующее заключеніе: «по сличенію предложеннаго къ разсмотрѣнію письма съ имѣющимися въ дѣлѣ бумагами, призванными г. Чернышевскимъ за писанными имъ самими, нижеподписавшимся нашли единогласно, что какъ сіе письмо, такъ и означенныя бумаги писаны одною и тою же рукою». Имена этихъ секретарей пусть будутъ вѣдомы потомству: Ординъ, Варгасовъ, Григоровскій, Малышевъ, Вѣляевъ, Елпатовскій и Тришатный... Разумѣется, сенаторы одобрили эту экспертизу, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ безспорно...

На другой день, 31 іюля, съ Костомарова былъ снятъ допросъ.

Среди массы повтореній, ошибокъ и противорѣчій съ прежними его показаніями особенно заслуживаютъ упоминанія такія, напримеръ, какъ, что онъ уже въ первое свиданіе съ Чернышевскимъ, при Михайловѣ, говорилъ ему о неудовлетворительности редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ и предлагалъ свои поправки; что онъ наотрѣвъ отказался взять это воззваніе; что когда онъ узналъ, что Сороко получилъ отъ Чернышевскаго прокламацію, то «сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ предупредить Чернышевскаго и другихъ». Затѣмъ Костомаровъ разсказалъ: «Чернышевскому повезъ я письмо отъ Пещеева. Чернышевскій былъ очень встревоженъ, но утѣшалъ и меня и себя тѣмъ, что если эта дѣловная дойдетъ до правительства, то онъ, Чернышевскій, отъ всего отперется, потому что уликъ на него никакихъ нѣтъ. Я слѣшилъ въ тотъ же день уѣхать въ Москву, рѣшившись перенять работу отъ Сулина и потомъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, прекратить ее совсѣмъ. Въ этотъ прѣздъ я получаю отъ Чернышевскаго письмо къ Пещееву, которое онъ вынесъ мнѣ изъ кабинета. Я его куда то затерялъ дорогой, такъ и сказалъ я Чернышевскому. А послѣ, когда я наелъ его за подкладкой своего сакъ-вожага, оно уже было и измочено и изорвано—однимъ словомъ, въ такомъ видѣ, что отдать его Пещееву мнѣ было уже совѣстно,—да оно уже и не имѣло бы смысла».

На слѣдующемъ допросѣ онъ заявилъ: «Съ Пещеевымъ я знакомился по поводу издаваемого мною сборника: «Поэты всѣхъ временъ и народовъ». Послѣ изданія перваго выпуска этой книги я прѣхалъ въ Петербургъ къ г. Пещееву просить его участвовать въ слѣдующихъ; къ Чернышевскому онъ меня рекомендовалъ, какъ автора некоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Современникѣ», за которые мнѣ слѣдовало получить деньги. Объ отсроченіяхъ г. Пещеева къ Чернышевскому мнѣ ничего неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно и то, имѣлъ ли намереніе г. Пещеевъ печатать какія либо прокламаціи, какъ видно изъ письма г. Чернышевскаго къ Пещееву. Когда Чернышевскій передалъ мнѣ письмо къ Пещееву.

пееву, я быть уже знакомъ съ нимъ, чрезъ Михайлова, хотя и имѣлъ рекомендательное письмо отъ Плещеева. Переговоры же о печатаніи начались прежде всего черезъ Михайлова, и когда я прѣѣхалъ къ Чернышевскому, я напелъ его уже предупредительнымъ и знакомымъ съ моею прежнею дѣятельностью по тайному книгопечатанію. Г. Плещееву извѣстно было то, что я участвовалъ въ печатаніи книги «Разборъ книги барона Корфа: Императоръ Николай и 14 декабря».

Достаточно вспомнить всѣ прежнія показанія Костомарова и сравнить ихъ съ этими, чтобы увидѣть, какъ жалкъ былъ этотъ человекъ, какъ нахально онъ глалъ, прекрасно зная, что съ него не спросится, что его не станутъ провѣрять и уличать во лжи...

Разумѣется, надо было показать видъ, что бывший нѣкогда петрашевцемъ Плещеевъ, дѣйствительно, могъ заслуживать такого письма Чернышевскаго и потому въ III Отдѣленіи очень быстро «стало извѣстно», что у мирнаго тогда Алексѣя Николаевича видѣли нѣсколько номеровъ революціоннаго листка «Мысли и Дѣла»¹⁾ и типографскій прирѣтъ; этого мало—извѣстно, что онъ одинъ изъ дѣятелей общества «Земля и Воля»... Сдѣлали весьма грозный и внезапный обыскъ, очень серьезно осмотрѣли квартиру Плещеева и... ровно ничего не нашли... Обо всемъ этомъ въ первыхъ числахъ августа было доложено государю и сообщено сенату для свѣдѣнія.

Последній продолжилъ комедію, признавъ необходимымъ въ требовать Плещеева въ Петербургъ для допроса.

Между тѣмъ, 13 августа Чернышевскій былъ привезенъ въ сенатъ для чтенія составленной о немъ записки и для рукоприкладства.

Можно себѣ представить, какіе большіе глаза сдѣлалъ Николай Гавриловичъ, открывъ первый же листъ своего многотомнаго дѣла!.. Только тутъ онъ началъ понимать, что дѣлалось для его обвиненія!.. Только тутъ онъ сталъ угадывать свое близкое будущее!..

На другой же день онъ отправилъ команданту запечатанный пакетъ съ надписью: «Въ Правительствующій Сенатъ отъ отставнаго титул. совѣтника Чернышевскаго. Образецъ черновой литературной работы Чернышевскаго, содержащій въ себѣ пятнадцать полулистовъ и одинъ полулистъ дополнительной замѣтки (писанной 14 августа 1863). Для облегченія работы гг. дѣлопроизводителей по разбору фактовъ дѣла о Чернышевскомъ. 14—VIII».

А вотъ и указанная пояснительная замѣтка.

«Въ той части записки по дѣлу Чернышевскаго, которую Чернышевскій прочелъ 13 августа, очень много говорится о литературной дѣятельности Чернышевскаго, о личныхъ свойствахъ его характера, особенно о его самолюбіи. Эти соображенія подтверждаются авторами бумагъ, ихъ содержащихъ, посредствомъ извлеченій изъ черновыхъ бумагъ и семейныхъ писемъ Чернышевскаго.

«Чернышевскій находить полезнымъ для разъясненія представить вложенный здѣсь образецъ черновой его работы, заключающейся на 15 листахъ его нумераціи, дѣланной его рукою нынѣ ноутру, 14 августа.

«Это нужно для облегченія разбора дѣла о Чернышевскомъ—въ его ли пользу, или нѣтъ, онъ представляетъ рѣшить Пр. С.

Отставной титул. сов. Н. Чернышевскій.

«14 августа 1863 г.

«Р. С. Онъ проситъ гг. дѣлопроизводителей просматривать листы по порядку нумераціи, дѣланной имъ 14 августа,—читать всего сломъ не стоитъ, но его мнѣнію, достаточно употребить часа полтора или два на пересмотръ.

«Но если гг. дѣлопроизводители будутъ читать внимательно, сломъ, то тѣмъ лучше для разъясненія дѣла. Отставной титул. сов. Н. Чернышевскій. 14 августа 1863.

«Чернышевскій предполагаетъ, что легче всего понять эти странныя работы, если предположить, что это матеріалъ для будущихъ романовъ, именно для такихъ частей романовъ, въ которыхъ изображается состояніе очень сильнаго юмористическаго настроенія, доходящаго почти до истеричности. Но, конечно, онъ не въ правѣ требовать, чтобы гг. дѣлопроизводители ему вѣрили на слово. Отставной титул. сов. Николай Чернышевскій».

Что же это за 15 полулистовъ? Это, действительно, черновые наброски нѣкоторыхъ произведеній, сдѣланные, очевидно, въ крѣпости. Я не привожу ихъ, какъ неудаче къ дѣлу. Мнѣ кажется только, что, посылая ихъ въ сенатъ, Чернышевскій, въ сущности, издѣвался надъ нимъ, желая подчеркнуть способность своихъ судей копаться въ душѣ обвиняемаго и строить обвиненіе на матеріалѣ совершенно непригодномъ!... Если такъ, то зарядъ его пропалъ даромъ: въ сенатѣ не поняли присылки!..

Черезъ недѣлю Н. Г. вручилъ оберъ-секретарю слѣдующую записку:

«Прочитавъ на листахъ черновой (дополнительной) записки по моему дѣлу изложеніе результатовъ сличенія почерка письма къ Алексѣю Николаевичу, которое я называю непринадлежащимъ мнѣ, съ моими подлинными письмами или бумагами, я осмѣливаюсь просить Пр. Сенатъ разрѣшить мнѣ, если то не противно закону, «пріобрѣнуть къ тѣмъ изъ даваемыхъ наукою для распознаванія почерковъ средствъ, какія могутъ быть допущены по закону» (мое дополнительное показаніе). Изъ нихъ первое требуется, чтобы мнѣ самому дана была возможность сличить отвергаемое мною письмо съ (А бумагами, несомнѣнно писанными почеркомъ г. В. Костомарова и В.) бумагами, писанными мною, которыя были принимаемы за основаніе для сличенія моего почерка съ почеркомъ письма.

«Итакъ, имѣю честь просить Правительствующій Сенатъ, если не противно закону, дать мнѣ на разсмотрѣніе эти бумаги. При разсмотрѣніи отвергаемаго мною письма и бумагъ почерка г. Костомарова нахожу полезнымъ пользоваться сильною лупою, уве-

1) Развѣ издана была такая листовка? Сколько намъ извѣстно, было вынуждено далеко издѣлать его изданіи и дальшіе объясненія; дѣло не пошло. Рео.

личивающе въ 10—12 разъ; прошу у Пр. С. или приказанія доставить ее мнѣ или разрѣшенія маѣ приобрести ее 20 августа 1863. Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій».

Разумѣется, увидя, что Чернышевскій сразу попалъ въ дѣлъ, указавъ на Костомарова, сенатъ призналъ «таковое домогательство Чернышевскаго незаконнымъ», ибо «сличеніе почерка руки его сдѣлано секретарями, а затѣмъ присутствіемъ сената, на точномъ основаніи закона съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ правилъ; того же, чтобы самому подсудимому дозволено было дѣлать сличеніе своего почерка съ актомъ, имъ отвергаемымъ, или употреблять для сличенія сего лупу, въ законахъ постановленія нѣтъ»..

Н. Г. стоически выслушалъ и это рѣшеніе, которое показывало уже съ полной ясностью, чѣмъ кончится все дѣло...

2 сентября онъ заявилъ сенату, что во время чтенія дѣла комедантъ лишилъ его всякихъ свиданій, между тѣмъ, скоро должна пріѣхать Ольга Софратовна, и потому онъ проситъ о разрѣшеніи видѣться съ нею. Свиданіе было дано.

II.

Плещеевъ еще не опрошенъ, онъ даже не пріѣхалъ еще и въ Петербургъ, а ужъ Чернышевскій прочелъ все свое дѣло и сенатскую о себѣ записку и заявилъ о желаніи присутствовать при слушаніи ея въ присутствіи сената...

25 сентября онъ кончилъ эту работу и заключилъ ее послѣдними своими обращеніями къ правосудію. Врядъ ли Н. Г. вѣрилъ въ ихъ успѣшность. Вѣрнѣе онъ просто дѣйствовалъ по принципу: всѣми возможными способами обнаруживать тотъ поразительный произволъ, который творился около него въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Человѣкъ съ сильно развитымъ сознаніемъ исторической отвѣтственности (припомните, напримѣръ, его указаніе, почему онъ не уничтожилъ письмо Герцена и Огарева), Чернышевскій, очевидно, думалъ и о томъ, что когда нибудь придетъ время вынести все это на судъ общества... И онъ не ошибся—оно пришло...

25-мъ сентября датированы три его документа.

Первый—рукоприкладство. Это очень цѣнный документъ по ясности, краткости и неопределенности статей закона, приводимыхъ въ отвѣтъ на произволъ сената и комиссіи.

«Прошу Пр. С. обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

1. Я былъ арестованъ по подозрѣнію въ намѣреніи эмигрировать, но не только намѣреніе эмигрировать, и самое эмигрированіе не составляетъ преступленія; преступленіемъ становится

уже только ослушаніе приказанію возвратиться. Св. зак. т. XV кн. I ст. 368 (также 367, 369, 370).

2. Мои письма къ Его Величеству и г. Генераль-Губернатору, писанные въ ноябрѣ, не внесены въ дѣло.

3. Картонные доскутки мнимаго шифра прошу сравнить съ дѣйствительнымъ ключемъ шифра, въ которомъ нумерація буквъ различна, между тѣмъ, какъ на доскуткахъ одинакова.

4. Письмо г. Костомарова къ Соколову имѣетъ всѣ признаки, отличающіе произведеніе вымысла отъ фактическаго разсказа. Лицо, къ которому адресовано письмо, очевидно есть лицо выдуманное.

5. У г. Всеволода Костомарова 5 марта не было уликъ противъ меня, а 7-го марта являлась въ рукахъ лицъ, обыскивавшихъ его, записка карандашомъ, приписываемая мнѣ.

6. Письмо о разговорѣ г. Яковлева въ смирительномъ домѣ подтверждено официальными актами и рѣшеніемъ комиссіи, Высочайше одобреннымъ.

7. Въ дополнительномъ показаніи моемъ Пр. С. я вызвался подтвердить приводимые мною факты. Въ дѣлѣ есть уже подтвержденія большей части ихъ.

8. Слова мои о вліяніи неосновательныхъ слуховъ обо мнѣ на начатіе и веденіе процесса противъ меня подтверждаются тѣмъ, что подобными слухами наполнено дѣло.

9. Слова мои объ истинной причинѣ раздраженія г. Костомарова противъ меня дѣлаются несомнѣнными послѣ того, какъ самъ г. Костомаровъ ясно намекаетъ на нее и отказывается пояснить свои слова.

10. Солидный характеръ г. Плещеева, извѣстный сотнямъ лицъ, несомнѣтенъ съ отношеніями, въ которыя ставитъ его ко мнѣ «письмо къ Алексѣю Николаевичу». Лживость этого письма, конечно, уже раскрыта и официальными мѣрами по поводу этого письма, подвергавшими г. Плещеева несправедливостямъ.

11. Въ «письмѣ къ Алексѣю Николаевичу» слово некогда (нѣтъ времени) написано *никогда* (когда-то, когда либо).

12. Это письмо есть подлогъ,—фактъ подобнаго рода нуждается въ точнѣйшихъ средствахъ изслѣдованія истины, о которыхъ говорю я въ бумагѣ, поданной мною Пр. С. по поводу акта сличенія почерка этого письма.

13. Появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу» противорѣчитъ словамъ г. Костомарова передъ его появленіемъ, что у него, г. Костомарова, уже не остается уликъ противъ меня.

14. Появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу» заставило дѣлать новыя выдумки, противорѣчація прежнимъ его показаніямъ и его письму къ Соколову; все его показаніе 31 іюля пропущено подробностями, несомнѣнными съ его прежнимъ изложеніемъ его мнимыхъ тайныхъ сношеній съ мною; вотъ нѣкоторыя черты несомнѣнности:

Показанія г. Костомарова
31 июля.

Въ первый свой приѣздъ въ Петербургъ имѣлъ онъ рекомендательное письмо ко мнѣ отъ Плещеева.

Первая редакція прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ при первомъ чтеніи ея у меня не понравилась г. Костомарову.

Итакъ, г. Костомаровъ тутъ же, въ первое свиданіе со мною, при первомъ чтеніи въ моемъ кабинетѣ, потребовалъ измѣненія редакціи; я не согласился; г. Костомаровъ отказался печатать. Онъ не помнитъ, видѣлся со мною еще разъ для продолженія переговоровъ: одно или два свиданія мои съ нимъ были заняты ими, но онъ и я лично вели переговоры.

Все эти чтенія и переговоры—выдумка г. Костомарова.

Во время своихъ занятій тайнымъ печатаніемъ (нѣсколько мѣсяцевъ) г. Костомаровъ ѣздилъ въ Петербургъ «очень часто», «раза два въ мѣсяцъ».

Узнавъ, что рукопись прокламаціи въ Москвѣ, г. Костомаровъ «сейчасъ же» побѣжалъ въ Петербургъ предупредить меня; въ эту побѣжку онъ получилъ отъ меня «письмо къ Алексію Николаевичу».

«По всему этому прошу Пр. С. повелѣть освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ; и примѣнять статьи 133, 390, 392, 404, 475, 1206, 1209 и 1288 св. зак. т. XV кн. I къ лицамъ, которые, по изслѣдованію, окажутся виновными въ нарушеніяхъ закона по моему процессу. Отставной титул. совѣтникъ Н. Чернышевскій».

Прежнія слова г. Костомарова.

Онъ, уже познакомившись съ Михайловымъ, «не зная, какъ устроить знакомство» со мною, и только Михайловъ познакомилъ его. О рекомендательномъ письмѣ ни слова; явно, его не было.

При этомъ первомъ чтеніи г. Костомаровъ былъ въ такомъ восхищеніи, что даже не могъ говорить, и потому Михайловъ увезъ его.

Требованіе измѣнить редакцію прокламаціи явилось у г. Костомарова только при второмъ ея чтеніи (у Михайлова); только тутъ, на другой день послѣ перваго чтенія; переговоры со мною велъ исключительно Михайловъ, ѣзда для этого ко мнѣ одинъ, безъ г. Костомарова, и г. Костомаровъ знаетъ объ этихъ переговорахъ только по разсказу Михайлова.

Онъ до своего арестованія ѣздилъ въ Петербургъ, «кажется» ему, только два раза.

Узнавъ, что рукопись въ Москвѣ, онъ занялся приготовленіями къ печатанію и печатаніемъ ея, а извѣстилъ меня письмомъ о томъ, за чѣмъ, по показанію 31 июля, самъ ѣздилъ въ Петербургъ.

Второй документъ отъ 25 сентября—прошеніе, только по формѣ, якобы на высочайшее имя, а по тогдашнимъ правиламъ, посылаемое въ сенатъ, который или удовлетворялъ ихъ, или отвергалъ. Государю Чернышевскій написалъ первый и послѣдній разъ 22 ноября 1862 года..

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссийскій, Государь Всемилоствѣйшій! Проситъ отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1. Мой процессъ веденъ такъ, что рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ имѣеть для Правительства важность, далеко превышающую рѣшеніе того, какова будетъ моя личная судьба.

2. Потому, сказавъ это, я исполню долгъ русскаго подданаго, прося Правительствующій Сенатъ или принять во вниманіе политическую сторону фактовъ, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, или принять тѣ мѣры, какія повелѣваются закономъ въ подобныхъ случаяхъ, а потому всеподданнѣйше прошу,

Давъ повелѣніе было рассмотреть политическое значеніе фактовъ, совершившихся по моему процессу. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій руку приложилъ. Сентября 25 дня 1863 года.

Къ подаванію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената».

Что подразумѣвалъ Чернышевскій подъ «политической стороной» своего процесса, для насъ, незнакомыхъ съ письмами его къ государю и къ Суворову, въ которыхъ имъ развита была именно эта точка зрѣнія, недостаточно ясно.

Третій документъ—пространное прошеніе, опять той же формы и слѣдовательно тоже обращенное, въ сущности, къ сенату. Въ немъ Чернышевскій послѣдній разъ разобралъ падшій на него обвиненія и больше ужъ никогда не говорилъ о нихъ ни съ сенатомъ, ни съ кѣмъ нибудь другимъ...

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссийскій, Государь Всемилоствѣйшій! Проситъ отст. тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

По прочтеніи моего дѣла для сдѣланія рукоприкладства, я нахожу средства въ значительной степени пояснить обстоятельства моего процесса на основаніи данныхъ, которыя представляются бумагами, заключающимися въ этомъ дѣлѣ. То, что

можно было по закону ввести въ форму рукоприкладства, я изложилъ въ немъ; поясненія, не вошедшія въ рукоприкладство, излагаю въ этой моей просьбѣ.

2.

По изложенію обстоятельствъ моего арестованія надобно заключать, что самый фактъ ареста былъ произведенъ по распоряженію еще не уполномоченному Высочайшею волею Государя Императора, которому было доложено объ арестованіи меня, какъ о фактѣ уже совершившемся, только для испрошенія Высочайшей воли по вопросу о томъ, въ какомъ мѣстѣ заключенія содержать лицо, уже арестованное. Я теперь сужусь по обвиненію въ политическомъ преступленіи; следовательно, самый характеръ процесса моего обязываетъ меня выставять на обсужденіе подлежащихъ правительственныхъ учреждений политическую сторону моего процесса. Она важна для интересовъ самого Правительства. Не зная, какъ не юристъ, въ правѣли Пр. Сенатъ принять во вниманіе эту (политическую) сторону дѣла, я излагаю ее въ отдѣльной просьбѣ, для того, чтобы настоящая моя просьба не погрѣшала по формѣ, если просьба къ Пр. С. о принятіи во вниманіе политической стороны дѣла есть погрѣшность противъ формы.

3.

Фактомъ моего арестованія Правительство и одинъ изъ его органовъ—Высоч. учрежд. слѣдств. комиссія—съ одной стороны, а съ другой, одинъ изъ подданныхъ Его Императорскаго Величества, именно я, были посланы въ такое отношеніе: арестовать человѣка, противъ котораго нѣтъ обвиненій, это положеніе имѣло первымъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе Св. зак. т. XV кн. I статьи 475. Допросъ мнѣ въ первый разъ былъ сдѣланъ спустя только уже около четырехъ мѣсяцевъ послѣ моего арестованія, и только на этомъ допросѣ была высказана причина моего арестованія ¹⁾.

4.

Время шло, надобно же было представить въ Высоч. учрежд. комиссію что либо подъ именемъ уликъ или обвиненій противъ меня. И вотъ явились на вниманіе комиссіи разныя бумаги изъ числа найденныхъ у меня. Изъ чтенія моего процесса я увидѣлъ, что не было обращено никакого вниманія на особенности положенія журналиста и потому выставлены были, какъ факты подозрительныя, по своей странности, такія обстоятельства, которыя необходимо связаны съ профессіею журна-

листа. Со мною было то самое, какъ если бы, нашедши въ лабораторіи химика-химическіе реактивы, стали удивляться этому, и строить на этомъ юридическія дѣйствія противъ него. Потому вижу теперь необходимость изложить нѣкоторыя особенности профессіи журналиста.

5.

Первая изъ нихъ та (непріятная для людей нѣжнаго темперамента и) безразличная для журналистовъ, привыкшихъ къ своему положенію, продѣлка оскорбленныхъ имъ литературныхъ или сословныхъ самолюбій, что журналисты нерѣдко получаютъ пасквили противъ себя. Такихъ пасквилей не мало въ моихъ бумагахъ. Выбраны были тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ своимъ содержаніемъ политическую брань на меня. Эти пасквили введены въ дѣло въ нарушеніе св. зак. т. XV ч. II ст. 53.

6.

Ясно, что письмо гг. Герцена и Огарева прислано было ко мнѣ, какъ пасквили или подметное письмо. Ясно, что оно однакоже теперь уже не можетъ быть принято во вниманіе, потому что изъ него уже извлечены комиссіею многіе вопросы Чернышевскому. Поэтому я уже имѣю право ссылаться на него.

Поясню, при этомъ, что я обязанъ былъ, какъ литераторъ, сохранить у себя этотъ документъ: онъ важенъ для исторіи литературы, и всякій ученый, занимающийся ею, скажетъ, что я поступилъ бы недобросовѣстно, если бы или уничтожилъ его, или передалъ въ какой-нибудь архивъ officialнаго мѣста, не открытый для ученыхъ, занимающихся исторіею литературы.

Это письмо показываетъ неприязненность моихъ отношеній къ гг. Герцену и Огареву; оно явно выставляетъ, что подозрѣніе въ моемъ намѣреніи эмигрировать для сотрудничества съ Герценомъ было неосновательно. Оно показываетъ также, что на самомъ дѣлѣ я поступалъ противоположно ложнымъ слухамъ обо мнѣ, о которыхъ буду говорить ниже.

7.

Также я уже имѣю право ссылаться на другой паскиль противъ меня, когда онъ введенъ въ дѣло. Это—анонимное письмо ко мнѣ. Я прошу обратить въ немъ вниманіе на слова безыменнаго автора ко мнѣ: «Вспомните, въ какую дѣву вы одѣли наша имѣнія». Они показываютъ истинный источникъ бывшихъ обо мнѣ слуховъ, какъ о человѣкѣ злонамѣренномъ: сословное раздраженіе той части дворянъ-землевлдѣльцевъ, которая была недовольна освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Видя, что, съ одной стороны, напоръ на правительство по этому дѣлу очень силенъ (напримѣръ, требуются всевозможныя цифры выкупа по расчету дохода въ 70 или 80 р. сер. съ тягла, съ капитализаціею изъ 5%,—около 600 р. сер. за ревизскую душу),

¹⁾ Опускаю здѣсь, какъ и ниже во многихъ мѣстахъ, указанія въ скобкахъ на странности и подлиннаго дѣла или сенатской записки.

я считал полезным противодействовать этому наивозможно сильным отставанием низких цифр, чтобы правительству имело возможность остановиться на умренных, возможных величинах выкупа.

8.

Это письмо введено в дѣло; оно послужило одним из источников для письма г. В. Костомарова къ г. Соколову. Тамъ и здѣсь подозрѣнія на меня выводятся изъ того, что я социалист. Въ печатной литературной полемикѣ мой литературные противники дѣйствительно называли меня социалистомъ; называли также Кромвеллемъ, Бонапарте и проч. Я не имѣю ровню ничего противъ употребленія этихъ или какихъ бы то ни было другихъ укоризненныхъ или обвинительныхъ прозваній противъ меня въ литературной полемикѣ. Я надѣюсь, что огромное большинство литераторовъ, полемизирующихъ противъ меня, и большинство разсудительныхъ читателей понимаетъ истинное значеніе рѣзкихъ выраженій въ полемикѣ: они служатъ приправою, безъ которой споръ казался бы скученъ публикѣ. Это риторическія фигуры: метафоры, метониміи, гиперболы. Но я не ждалъ, чтобы полемическій терминъ моихъ противниковъ былъ введенъ въ слѣдственное дѣло противъ меня въ юридическомъ смыслѣ. Я твердо убежденъ, что огромное большинство ученого вознегодовало бы на этотъ фактъ, если бы узнало о немъ.

Въ юридическомъ смыслѣ слова,—въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ, который одинъ имѣетъ юридическое значеніе, терминъ «социалистъ» противорѣчитъ фактамъ моей дѣятельности. Общпринципнымъ изъ моихъ трудовъ по политической экономіи былъ переводъ трактата Милля, ученика Рикардо; Милль—величайшій представитель школы Адама Смита въ наше время; онъ гораздо вѣрнѣе Адаму Смиту, чѣмъ Рошеръ. Изъ примѣчаній, которыми я дополняю переводъ, общпринципное по объему,—исслѣдованіе о Мальтусовомъ законѣ. Я принимаю его и стараюсь развить Мальтусову формулу. Этотъ принципъ—пробный камень безусловной вѣрности духу Адама Смита.

Я не социалистъ въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ слова, по очень простой причинѣ; я не охотникъ защищать старыя теоріи противъ новыхъ. Я—кто бы я ни былъ—стараюсь понимать современное состояніе общественной жизни и вытекающихъ изъ нея убѣжденій. Распаденіе людей, занимающихся политической экономіей, на школы социалистовъ и несоциалистовъ, такой фактъ въ историческомъ развитіи науки, который отжилъ свое время. Практическое примѣненіе этого внутренняго распада науки также фактъ миноваго: въ Англіи—давно, на континентѣ Западной Европы—съ событій 1848 г. Я знаю, что есть многіе отсталые люди, полагающіе, что это мое мнѣніе подлежитъ спору; но это споръ уже о томъ, основательны ли мои ученые убѣжденія,—предметъ чуждого юридическаго значенія. А между тѣмъ онъ введенъ въ дѣло.

9.

Въ дѣло введено мое письмо къ женѣ. О политической сторонѣ этого факта не говорю здѣсь: она излагается мною въ другой просьбѣ моей. Письмо это дало тему, также вошедшую въ письмо г. В. Костомарова къ Соколову, и нѣсколько строкъ, въ которыхъ я тутъ называю себя Аристотелемъ, много разъ повторяются потомъ въ дѣлѣ, какъ уличеніе меня собственными моими устами въ непомѣрности самолюбія, и наведенія тѣмъ на мысль, что человѣкъ съ подобнымъ самолюбіемъ не можетъ не быть врагомъ общественнаго порядка.

Въ числѣ моихъ слабостей есть гордость,—качество противоположное мелкому самолюбію, хотя бы и непомѣрному,—но, вѣстакъ, качество, имѣющее свои забавныя стороны. Я люблю смѣяться надъ своими слабостями. Всѣ мои статьи, всѣ мои письма къ людямъ близкимъ наполнены моимъ иронизированіемъ надъ собою. Можетъ быть, это также недостатокъ. Но до него нѣтъ дѣла уголовному слѣдствію. Иронія не предметъ XV тома свода законовъ. Между тѣмъ и напелъ въ дѣлѣ фактъ, о которомъ говорю.

Дѣйствительно ли я человѣкъ непомѣрнаго самолюбія? Пусть прочтутъ серьезныя страницы моихъ статей. Въ нихъ я называю—даже въ нашей бѣдной русской современной литературѣ,—нѣсколько людей, которыхъ ставлю выше себя по научно-публицистической дѣятельности. Пусть обратятся съ вопросомъ къ людямъ, знающимъ меня близко,—такой ли я человѣкъ, который бы тяготилъ когонибудь своимъ самолюбіемъ. Пусть же употребятъ серьезные, достойныя средства къ разъясненію психологическаго вопроса, который не подлежитъ суду по XV тому свода законовъ, но который я вижу введеннымъ въ дѣло для осужденія меня по этому тому.

Но, нарушая границы между биографическимъ любопытствомъ и юридическими обязанностями, не захотѣли даже принять серьезныхъ средствъ къ открытію истины, а сдѣлаю гораздо проще: дали юридическій смыслъ ироническому отрывку.

Мое письмо къ женѣ, приводимое въ дѣлѣ, состоитъ изъ двухъ частей: въ одной я говорю о себѣ такъ, что смѣется надъ этою частью письма всякій,—и я смѣялся, когда писалъ ее,—смѣялся надъ собою, преувеличивая до нелѣпости ту сторону моихъ ученыхъ предположеній, которая забываетъ въ будущее: я излагаю планъ такихъ ученыхъ работъ, для исполненія которыхъ нужно нѣсколько сотъ лѣтъ работать день и ночь, работъ, которыхъ не въ состояніи исполнить никто на свѣтѣ; въ этой части письма я называю себя продолжателемъ Аристотеля. Въ другой половинѣ письма о дѣйствительныхъ дѣлахъ я просто говорю моему женѣ, что она, по моему мнѣнію, можетъ лучше меня разсудить, потому что умнѣе меня. Ясно, что первая половина письма—мое иронизированіе надъ самимъ собою.

Но не умѣли или не могли обратить вниманіе на такой простой способъ понять, въ чемъ тутъ вся вещь.

10.

Но при всѣхъ этихъ вещахъ, всетаки, не было ни уликъ, ни даже такихъ фактовъ, на которыхъ можно бы было основать серьезное слѣдствіе противъ меня. Высочайше учрежденная коммисія видѣла это. Желая дать ей путь выйти изъ положенія, въ которое она была поставлена фактомъ моего арестованія, я написалъ послѣ перваго моего допроса письма къ Его Величеству и къ г. Генералъ-губернатору. Этихъ писемъ нѣтъ въ дѣлѣ. Почему ихъ нѣтъ въ немъ, я говорю въ другой моей просьбѣ.

11.

Коммисія видѣла недостаточность подозрѣній, возводившихся на меня бумагами, бывшими въ ея рукахъ во время перваго допроса (30 октября). Потому послѣ этого допроса (16 ноября) были доставлены ей тетради моего дневника съ картонными лоскутками, которые въ бумагахъ, передающихъ ихъ коммисіи, названы «указателями шифра», которымъ писаны тетради моего дневника, хотя въ это время уже было удостовѣреніе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что дневникъ мой писанъ не шифромъ.

12.

Политическую сторону введенія въ дѣло вещей, подобныхъ моему дневнику, я разъясню въ другой моей просьбѣ. Здѣсь я оставляю политическую сторону вопроса безъ рассмотрѣнія.

Способъ сокращеннаго писанія подобнаго моему, употребленному въ дневникѣ, употребляется, въ большей или меньшей удачности сокращенія, почти всеми студентами университетовъ, записывающими лекціи. Это служитъ взаимно стенографіи, а не тайнымъ письмомъ. Я съ дѣтства писалъ очень много и еще въ семинаріи записывалъ такимъ образомъ лекціи, и тетради этого періода, еще дѣтскаго, находятся въ моихъ бумагахъ. Въ университетѣ привычка развилась у меня. Изъ того періода въ моихъ бумагахъ есть между прочимъ весь «Герой нашего времени» Лермонтова, переписанный такимъ способомъ. И послѣ я точно также писалъ почти все, что писалъ для себя (напримѣръ, въ дѣлѣ черновые списки съ моихъ писемъ къ профессору Андреевскому, оставленные у себя мною для будущихъ справокъ). Все это было въ рукахъ и передъ глазами лицъ, разбившихъ мои бумаги. И всетаки дневникъ мой выдается за написанный шифромъ, даже послѣ увѣренія министерства иностранныхъ дѣлъ, что онъ писанъ не шифромъ.

Что такое этотъ дневникъ? Министерство иностранныхъ дѣлъ нашло, что не слѣдуетъ понимать его въ смыслѣ обыкновеннаго днев-

ника. Въ бумагахъ, присланной въ коммисію, это мнѣніе министерства передается словами: «можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ». Я не знаю, до какой степени точно передать этотъ отзывъ министерства въ этой бумагѣ; подлиннаго отзыва министерства нѣтъ въ дѣлѣ.

Разбивавшимъ бумагаи мои должно было бы знать, что они разбираютъ бумаги литератора. При разборѣ бумагъ они могли бы замѣтить, что имъ попадаются повѣсти, писанныя моею рукою. Если бы они потрудились замѣтить эти два обстоятельства, мнѣ не пришлось бы утруждать Пр. Сенатъ объясненіемъ факта, которому не слѣдовало бы попадать въ дѣло.

Я издавна готовился быть, между прочимъ, и писателемъ беллетристическимъ. Но я имѣю убѣжденіе, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже въ молодыхъ годахъ—рано имъ не получить успѣха. Если бы не денежная необходимость, возникшая отъ прекращенія моей публицистической дѣятельности моимъ арестованіемъ, я не началъ бы печатать романа и въ 35-лѣтнемъ возрастѣ. Руссо ждалъ до старости. Годвинъ также. Романъ—вещь, назначенная для массы публики, дѣло самое серьезное, самое стариковское изъ литературныхъ занятій. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которая внушается массѣ. Итакъ, я готовилъ себѣ матеріалы для стариковскаго періода моей жизни. Мною написаны груды такихъ матеріаловъ—и брошены; довольно написать, хранить незначѣмъ,—цѣль: утверженіе въ памяти—уже достигнуто. Но я не могъ уничтожить нѣкоторыхъ моихъ черновыхъ работъ, потому что онѣ были писаны на однихъ листахъ съ вещами, которыя я считалъ интересными для меня. Тетради внесенныя въ дѣло именно такковы: среди матеріаловъ для будущихъ романовъ набросаны кое какія отбѣтки изъ моей дѣятельной жизни (напримѣръ, списки дней, когда я въ первый разъ говорилъ съ моею невѣстою, когда она дала мнѣ слово).

Надобно объяснить, что у меня, какъ почти у всѣхъ беллетристовъ, порядокъ возникновенія романа таковъ: берется фактъ, отдается на волю фантазіи, она играетъ съ нимъ—это самый важный періодъ такъ называемаго «поэтического творчества». Итакъ тутъ въ моемъ дневникѣ вольная игра моей фантазіи надъ фактами. Я ставлю себя и другихъ въ разныя положенія и фантастически развиваю эти вымышленныя мною сцены.

Что же я вяжу здѣсь въ дѣлѣ? Берутъ одну изъ этихъ сценъ и даютъ ей юридическое значеніе. На этомъ основанъ весь ходъ моего процесса до передачи его въ Пр. С.

Сцена состоитъ въ томъ, что какое то «я» говоритъ дѣвушкѣ, что можетъ со дня на день ждать ареста, и если его будутъ долго держать, то выскажетъ свои мнѣнія, послѣ чего уже не будетъ освобожденъ.

Въ тѣхъ же тетрадяхъ есть многія другія «я». Одного изъ этихъ «я» бьютъ палкою при его невѣстѣ. Можно удостовѣриться

справкою, что ни тогда, ни вообще когда либо со мною, Чернышевским, ни при его невестѣ, ни безъ невесты не случилось ничего такого.

Я могу объяснить, изъ какихъ фактовъ взята мною, какъ литераторомъ, сцена, вошедшая въ дѣло съ такимъ важнымъ вліаніемъ на него. Это прикрашенный идеализаціею случай изъ жизни Іоганна Кинкеля (извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, о которомъ тогда много писали въ газеткахъ), приспособленный мною, какъ романистомъ, къ разсказу, незадолго передъ тѣмъ слышанному мною отъ Николая Ивановича Костомарова ¹⁾ (не имѣющаго ничего общаго съ г. В. Костомаровымъ)—онъ былъ арестованъ въ то время, какъ собирался жениться (за пять лѣтъ передъ тѣмъ).

Два очень простыя соображенія могли бы показать, что сцена, созданная мною, литераторомъ, для будущаго романа, не могла относиться къ моей дѣйствительной жизни: 1) у меня, Чернышевскаго, не было тогда не только друзей, даже близкихъ знакомыхъ между важными людьми; въ этой сценѣ дѣйствуетъ человекъ, имѣющій за себя сильныхъ въ правительствѣ друзей, 2) тогда (весною 1853) не было въ Россіи, не только въ Саратовѣ, гдѣ я жилъ уже два года, даже въ столицахъ, никакой политической жизни, не только тайныхъ обществъ. Это фактъ, принадлежащій исторіи.

13.

Въ другой моей просьбѣ я поясняю отношеніе между предположеніемъ, основаннѣмъ на этой сценѣ, и фактами моего процесса, здѣсь я только скажу, что дѣйствительно я, Чернышевскій, поступилъ такъ, что оказалась разность между нимъ и романическимъ лицомъ, слова котораго были ему приписаны. Но въ дѣлѣ нѣтъ первыхъ записокъ моихъ по этому обстоятельству и нѣтъ письма написаннаго мною съ дѣлью открыть комиссіи истинное положеніе дѣла. Письмо это имѣетъ форму отвѣта моей женѣ на ея вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ мое дѣло. Я не знаю, было ли оно доложено комиссіи.

14.

Итакъ, по связи между предыдущими фактами, объясняемой мною въ другой просьбѣ, въ началѣ марта въ комиссію были, наконецъ, доставлены—только уже по прошествіи восьми мѣсяцевъ послѣ моего арестованія—такіе документы, которые она могла принять за основанія для начатія процесса противъ меня.

15.

Первый изъ этихъ документовъ—письмо къ Соколову. По приблизительному моему счету оно имѣетъ до 30,000 буквъ;

¹⁾ Профессора русской исторіи.

оно занимаетъ въ выпискѣ 117 страницъ. Требуется значить время, чтобы переписать набѣло такое произведеніе. Списокъ, взятый у г. В. Костомарова г. Чулковымъ и находящійся въ дѣлѣ, очевидно, есть блѣвой списокъ.

Изготовленіе черногого подлинника требовало времени еще болѣе значительнаго, чѣмъ переписка его на блѣло. Литературная отдышка труда тщательна. Расположеніе его частей многосложно и обдуманно.

Г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Тулу 5 числа марта по утру. Въ тотъ же день, 5 марта, письмо было уже найдено у него г. Чулковымъ. На мѣстѣ выставлено «Тула, 5 марта», но оно не могло быть ни изготовлено, ни даже только набѣло переписано въ Тулѣ. Оно заготовлено раньше, это очевидно по расчету физической невозможности противнаго. Итакъ, гдѣ же оно изготовлено? 1 марта г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Москву и у него было почититель, г. Яковлевъ; посѣщеніе г. Яковлева было продолжительно, какъ видно, изъ важности предмета ихъ совѣщанія и изъ того, что г. Костомаровъ и г. Чулковъ должны были убѣждать г. Яковлева. 2-го числа г. Костомаровъ былъ уже боленъ, или долженъ былъ держать себя, какъ больной, это продолжалось до самаго его выѣзда въ Москву; онъ не могъ въ эти три дня много заниматься письменною работою; и кромѣ того, у него въ это время бывало много почитителей. Человекъ опытный въ литературныхъ работахъ видитъ, что и въ Москвѣ не могло найтись достаточно времени у г. Костомарова,—что онъ взылъ съ собою свою работу (или не свою, а только передланную имъ съ другой, черной работы), когда поѣхалъ изъ Петербурга (28 февраля).

Сличеніе этой работы съ письмомъ Герцена обо мнѣ, найденнымъ у меня, съ пасквилемъ на меня, найденнымъ у меня, съ ироническою частью моего письма къ женѣ обнаруживаетъ, что «письмо къ Соколову» есть литературная работа, половина которой основана на этихъ документахъ, что она была подъ глазоу и составителя «письма къ Соколову» во время его работы.

Это очевидно для человека, имѣющаго опытность въ разборахъ подобнаго рода вопросовъ (въ критической техникѣ), точно также, какъ и слѣдующее: «письмо къ Соколову» есть произведеніе вымысла, чуждъ ли на дѣлѣ «эпопея», по шутивому выраженію самого г. Костомарова; въ ученомъ и истинномъ юридическомъ смыслѣ это, конечно, не «эпопея», въ частности, но «произведеніе вымысла». Какъ всякое произведеніе вымысла, оно пропитано подробностями, не выдерживающими юридическихъ вопросовъ: «кто», «когда» и «гдѣ».

Г. Костомаровъ приписалъ этому произведенію вымысла юридическое значеніе (онъ готовъ подтвердить присягою подробности письма, которыя можно будетъ ввести въ дѣло; это письмо есть «откровенная бесѣда» съ «старымъ другомъ»). Комиссія не была изслѣдованіемъ той стороны письма, которую я выста-

вляю; но и на тѣ малочисленные «кто», «гдѣ», «когда», которые предлагались ему по поводу «письма къ Соколову», г. Костомаровъ часто долженъ былъ отвѣчать, какъ всякій авторъ вымышленнаго произведенія сталъ бы отвѣчать на юридическіе вопросы о подробностяхъ его вымысла—«не умію объяснить», «не знаю». Изъ этихъ случаевъ самый любопытный—г. Костомаровъ не знаетъ даже, какое званіе имѣть лицо, которое онъ называетъ своимъ старымъ задумешнымъ другомъ: чинъ и званіе г. Соколова неизвестны мнѣ—говоритъ г. Костомаровъ, ясно, что даже этотъ другъ есть поэтической вымыселъ.

Я скажу, откуда, по всей вѣроятности, взята фамилія для этого вымышленнаго лица. «Соколовъ» упоминается въ письмѣ г. Плещеева, которое находится при г. Костомаровѣ въ Тулѣ (штемпель письма г. Плещеева—4 июня 1861 г.). Но по этому письму этотъ дѣйствительный г. Соколовъ вовсе не «старый задумешный другъ» г. Костомарова. Подобное заимствование фамилій для замысливаемыхъ лицъ—очень обыкновенная вещь.

Комиссія не обратила вниманія даже на то, что если бы этотъ г. Соколовъ, вымышленный повѣренный тайнъ г. Костомарова, не былъ лицо вымышленное, то не было бы на мѣстѣшаго затрудненія отыскать его, хотя бы г. Костомаровъ не зналъ или не захотѣлъ указать его адреса: у него очень много примѣтъ, съ которыми трудно человѣку затеряться въ толпѣ.

Точно также г. Костомаровъ не помнитъ цвѣтъ, форматъ и клеймо бумаги первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, но если бы эта рукопись была читана при немъ два раза и служила предметомъ споровъ, то нельзя было бы не замѣтить ему ея формата и цвѣта.

«Точно также онъ не знаетъ личностей, которыя—стали жертвами» моего агитаторства и о которыхъ столько разсуждаетъ въ письмѣ къ Соколову; «я вовсе не имѣлъ въ виду какія либо личности», принужденъ онъ сказать на вопросъ: кто они? Ясно, что эти личности—реторическая фигура, называющаяся «спросописею». Впрочемъ, онъ прибавляетъ, что это «авторы журнальныхъ статей», или въ другой разъ, что это «молодые люди, которые агитировали», какъ ему «кажется» подъ моимъ «вліяніемъ»,—но это ему только «кажется», это только его «личный взглядъ», непогрѣшимость котораго . . . не намбрѣнъ упорно отстаивать; онъ принужденъ даже сказать, что у меня не было своего «кружка», и называетъ это свое выраженіе «неосмотрительнымъ». Онъ ничего не знаетъ, кромѣ себя, кто сталъ бы агитаторомъ по моему вліянію, а самъ онъ занялся тайнымъ печатаніемъ до знакомства со мною. Ясно, что все это выдумка и мое агитаторское вліяніе на г. В. Костомарова, и чтеніе первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, и эта первоначальная редакція.

изъ письма къ Соколову, не могло опираться ни на какія доказательства (самъ г. Костомаровъ на допросѣ сказалъ, что только поэтому и удерживался до той поры отъ показаній противъ меня). Явилась въ комиссію записка, писанная карандашомъ. Она найдена вслѣдствіе того, что нашлось письмо къ Соколову,—нашлось именно при обыскѣ г. Костомарова въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи. Находка эта противорѣчитъ «откровенной бесѣдѣ» г. Костомарова со «старымъ другомъ» г. Соколовымъ, въ которой за три-четыре дня предъ тѣмъ онъ говорилъ, что не имѣть письменныхъ уликъ противъ меня («были», но они что-то «сдѣлалъ» съ ними). Что онъ сдѣлалъ съ ними? Почему не имѣлъ ихъ 5 марта въ Тулѣ? потому что «сжегъ», говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ одномъ документѣ, который будто бы былъ у него; въ другомъ мѣстѣ отказывается объяснить, что сдѣлалъ съ ними; въ третьемъ мѣстѣ вставлено въ дѣлѣ шифрованное письмо, которое онъ дешифрируетъ и которое излагаетъ, что письма противъ меня отданы на сохраненіе лицу, имени и адреса котораго онъ самъ (г. Костомаровъ) не знаетъ.

Истина очень проста: все это—выдумка. Никогда никакихъ письменныхъ уликъ противъ меня не имѣлъ г. Костомаровъ. Записка карандашомъ не моя, прошу строжайше разсмотрѣть ее. Степень технической точности ея разсматриванія свидѣтельствуется тѣмъ, что подпись ея прочтена за букву Ч, между тѣмъ, какъ это буква С. Разсматриваніе было вовлечено въ оплошность тѣмъ, что не зная, какимъ образомъ ведется дѣло противъ меня, и потому были чужды предположенія обмана въ документахъ, предъявляемыхъ противъ меня.

17.

Но лица, вводившія въ такой обманъ, натурально, ждали, что обманъ этотъ, можетъ, какъ нибудь и не удастся. Потому записка карандашомъ казалась имъ недостаточна, и явился противъ меня, сверхъ улики, и учитель, г. Яковлевъ. Послѣ того, какъ онъ за свое показаніе противъ меня отправленъ на житьство и подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію, я считалъ бы излишнимъ разсматривать его показанія противъ меня; однакоже, скажу нѣсколько словъ.

Г. Чулковъ извѣстился о своемъ отъѣздѣ черезъ Москву съ г. Костомаровымъ только 27 февраля, 28-го они выѣхали; на другой день,—въ первый же день ихъ пріѣзда въ Москву, г. Яковлевъ уже знаетъ о ихъ пріѣздѣ, является къ нимъ, пишетъ свой доносъ на меня. Г. Чулковъ свидѣтельствуется, что г. Яковлевъ «уже оказалъ ему услугу»; г. В. Костомаровъ тоже говоритъ, что г. Яковлевъ оказалъ ему «всѣма важную услугу» и что онъ, г. Костомаровъ, «подарилъ» г. Яковлеву «свое пальто».

Г. Яковлевъ, отправившись доносить на меня, по дорогѣ плетъ и буйствуетъ, какъ самъ говоритъ. Итакъ, у него есть средства плетъ до буйства, когда онъ «оказываетъ услугу».

Онъ даже «неоднократно за дурные поступки былъ въ приво-
дѣхъ», по дѣламъ московскаго мѣщанскаго общества.

Слова, которыя влагаетъ мнѣ въ уста г. Яковлевъ,—заглавіе и начало прокламаціи—неужели я помнилъ ее наизусть? Неужели не выражался бы въ разговорѣ короче и проще? Многосложныя письменныя заглавія не употребляются въ разговорѣ и какаѣ надобность была декламировать начало прокламаціи? Вѣдь это не стихи, а проза; такъ не бываетъ.

На вопросъ, почему моделью показаніемъ противъ меня, г. Яковлевъ отвѣчалъ, что только въ февралѣ узналъ о характерѣ процесса г. Костомарова, а между тѣмъ, онъ видѣлся съ г. Костомаровымъ въ ноябрѣ 1862, когда уже было и Высочайше утверждено мнѣніе госуд. совѣта по дѣлу г. Костомарова.

При предъявленіи меня г. Яковлеву была нарушена форма, по которой слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ показывать обвинятелю нѣсколько человѣкъ—явно опасались, что г. Яковлевъ не сумѣетъ выбрать, кто изъ нихъ Я.

Кромѣ всего этого, весь ходъ дѣла поясняется словами самого г. Яковлева, приводимыми въ письмѣ, по которому г. Яковлевъ наказанъ за этотъ свой поступокъ. Этимъ рѣшеніемъ явно признава справедливость этого письма, при томъ подробности разговора, передаваемого этимъ письмомъ, подтверждаются документами, находящимися въ дѣлѣ, которые не могли быть известны писавшимъ письмо.

По запискѣ г. Чулкова отъ 1 марта, желаніе г. Яковлева доносить на меня было извѣстно со 2 или 3 марта, но только 3 апрѣля комісія постановила вызвать его къ допросу; итакъ, цѣлый мѣсяцъ колебались, прежде чѣмъ, вынужденные крайностью, рѣшились ввести комісію въ эту ошибку.

Рапортъ г. Чулкова, объясняющій его выраженіе, что «г. Яковлевъ оказалъ ему услугу», поданъ уже по рѣшенію комісіи испросить и по испрошеніи Высочайшаго повелѣнія передать мое дѣло въ Пр. С.; на этомъ рапортѣ число и мѣсяцъ подачи его подсоблены (подсоблена ли цифра 7, не могу навѣрное разсмотрѣть безъ лупы; вмѣя мѣсяца «мая» очень явно написано по подсобленному)¹⁾.

18.

Въ дополнительномъ показаніи моемъ въ Пр. С. я вызвался подтвердить подробными доказательствами тѣ факты этого показанія, которые покажутся еще нуждающимися въ подтвержденіи. Въ запискѣ и въ дѣлѣ я уже нашелъ подтвержденія для большей части фактовъ, приводимыхъ мною. Приведу лишь немногіе, для примѣра.

¹⁾ Дѣйствительно, характерно, что свое посланіе Чулковъ далъ только *послѣ* передачи дѣла въ сенатъ; но подсобленные мѣсяцъ и число равно ничто не говорятъ, и что хотѣлъ этимъ замѣчаніемъ сказать Чернышевскій,—мнѣ не известно.

Я говорю въ показаніи, что на мое арестованіе и веденіе дѣла противъ меня имѣли вліяніе ложные слухи.

Ихъ примѣры въ вышекѣ листы 9—13 безыменное письмо, о которомъ я говорилъ выше; оно основывается на лживыхъ слухахъ о моемъ участіи въ столкновеньяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; когда и въ какомъ духѣ я вмѣшался въ эти дѣла, видно по документамъ¹⁾. Ихъ объясненіе, если нужно оно, докажетъ: 1. что я познакомился съ гг. студентами, имѣвшими вліяніе на товарищей своихъ, только уже послѣ манифестаціи въ Думѣ; 2. познакомился съ цѣлымъ бытъ посредникомъ между нами и княземъ Щербатовымъ (Г. А.), благоудно начавшимъ тогда хлопотать о предотвращеніи дальнѣйшихъ столкновеньей; 3. что когда я такимъ образомъ познакомился съ молодыми людьми, которыхъ прежде считалъ,—какъ и другіе считали,—поднимавшими безпорядки, то, къ удивленію моему, получилъ документы, доказывавшіе, что безпорядки поднимаются дѣйствіемъ опротечивости лицъ, гораздо старшихъ ихъ лѣтами и почтенныхъ по положенію въ обществѣ,—не злонамѣренностью, а только безразсудною опротечивостью этихъ лицъ,—и доказательства были такъ неоспоримы, что самый яростный изъ обвинявшихъ въ печати злонамѣренность студентовъ увидѣлъ себя принужденнымъ подписать и подписать актъ, говорящій, что въ безпорядкахъ виноваты не студенты, а другія лица²⁾; 4. что я находилъ нужнымъ для предотвращенія безпорядковъ то самое, что находили тогда нужнымъ г. министръ народнаго просвѣщенія и князь Щербатовъ, бывшій попечитель СПетербургскаго округа, и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Прошу сравнить съ этимъ «Записку изъ частныхъ свѣдѣній».

Другіе примѣры слуховъ, столь же неосновательныхъ и столь же вредныхъ мнѣ, отбужу на³⁾. Въ дѣлѣ я нахожу свѣдѣнія и мнимые документы, еще болѣе неосновательнымъ образомъ введенные въ процессъ противъ меня. Въ дѣло внесены: статья г. Мечникова, присланная для напечатанія въ «Современникѣ», «Записка изъ частныхъ свѣдѣній»—документъ, который будетъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятникъ нашей процедуры для будущаго ея историка и часть котораго однако же вошла въ окончательный докладъ комісіи обо мнѣ. Двѣ статьи г. Шемановскаго, присланныя мнѣ для передачи г. министру народнаго просвѣщенія и, съ его частнаго одобренія, напечатанныя въ «Современникѣ»; дневникъ мой; письмо г. Чацкина о тайнахъ женщины, имѣвшей мужа. Объ ужасномъ вредѣ для правительства отъ введенія (въ дѣла политическаго характера) документовъ такого рода я говорю въ моей другой просьбѣ.

Я говорю, что ложное истолкованіе моихъ сборовъ къ отъѣзду

¹⁾ Т. е. по перепискѣ съ проф. Андреевскимъ.

²⁾ Рѣчь идетъ о диспутѣ съ Ф. Ф. Завальцовъ на его квартирѣ, кончившемся полнымъ португальскимъ очень сконфузивающимъ казеннаго солдата.

³⁾ Указано нѣсколько страницъ въ выпискѣ.

въ Саратовъ было основаніемъ рѣшенія арестовать меня по поводу письма г. Герцена, и въ доказательство ссылаюсь на слова, въ которыхъ былъ переданъ этотъ слухъ мнѣ однимъ изъ гг. членовъ комисіи. Я нашелъ въ дѣлѣ указанія, по которымъ теперь могу даже пояснить, какъ произошло это извращеніе факта, подобное вещамъ, прочитаннымъ мною въ «запискѣ изъ частныхъ свѣдѣній».

Находя въ дѣлѣ приводимые съ юридическимъ значеніемъ неожиданные мною психологическія свѣдѣнія обо мнѣ и выводъ изъ этого, что я непременно, уже по устройству моей души, долженъ быть заговорщикомъ, я принужденъ объяснить, что психологическія изслѣдованія, хотя бы даже и обо мнѣ, требуютъ специальной ученой подготовки, которая, напримѣръ, показала бы господамъ изслѣдовавшимъ, что человекъ, иронизирующий надъ своими недостатками, не способенъ рвать людей для удовлетворенія слабостей своимъ, если бы и имѣлъ ихъ; и что приписываемая ему въ преступленіе слабость (самолюбіе, тщеславіе) прямо противоположна качеству, которое, если и есть недостатокъ, то уже вовсе не уголовный, качеству гордости, которая, какъ извѣстно изъ психологій, только даетъ отпоръ дерзкимъ нахамламъ, а безъ того внушаетъ человѣку держать себя очень спокойно. Такія объясненія принужденъ я дѣлать въ моемъ процессѣ—это фактъ.

Итакъ я долженъ пояснить, что я извѣстенъ всѣмъ моимъ знакомымъ за человѣка очень уживчиваго и мягкаго и, напримѣръ, работать вмѣстѣ съ Герценомъ не могъ бы не по неуживчивости моего самолюбія, а потому, что я человекъ съ твердыми убѣжденіями, которые неединаковы съ убѣжденіями г. Герцена. Я не хочу этимъ сказать, его или мой образъ мыслей лучше въ юридическомъ отношеніи—закону нѣтъ дѣла до образа мыслей, каковъ бы онъ ни былъ—я хочу только сказать, что я человекъ болѣе поздней философской школы, чѣмъ г. Герценъ. Я никакъ не ждалъ, что увижу необходимость дѣлать эти ученые замѣчанія въ моемъ процессѣ.

19.

Я говорю, что всѣ слова въ письмѣ г. Герцена, которые послужили поводомъ къ моему арестованію, загадочны для меня. Теперь, взглянувъ на самое письмо, я нахожу это мѣсто и сопровождающія строки вещь еще болѣе загадочною. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Письмо уже спрашивается, печатать ли объявленіе о моемъ соредакторствѣ съ Герценомъ—или даже уже пожелательно говорить, что объявленіе объ этомъ печатается. Такія вещи не печатаются до выѣзда редактора изъ Россіи. Эта приписка требуетъ очень внимательнаго изслѣдованія, если еще не объяснена самими фактами, которые остаются мнѣ неизвѣстны.

20.

Я говорю, что г. Костомаровъ очень давно распускалъ слухи, которые были оставлены безъ вниманія по убѣжденію

другихъ въ неудобствѣ пользоваться его готовностью дѣлать политически-уголовныя показанія. Теперь, видя что дѣло противъ меня начато серьезнымъ образомъ на основаніи письма г. Костомарова къ Соколову, я приведу одинъ изъ фактовъ, извѣстныхъ не мнѣ одному. Есть другая болѣе ранняя редакция того же произведенія; списокъ ея былъ у меня подъ глазами очень задолго до моего ареста, и я не имѣю средствъ знать, уничтоженъ ли подлинный списокъ, писанный рукой г. Костомарова. Въ той редакціи дѣло излагается столь же вымышленнымъ образомъ, но въ духѣ не томъ и съ другими фактами (также невѣрными). Въ этомъ произведеніи я играю гораздо меньшую роль, чѣмъ III Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Его Величества: г. Костомаровъ утверждалъ тамъ, что его подвергали жестокимъ истязаніямъ, и ими принудили дѣлать показанія (Духъ произведенія былъ тотъ самый, какой выплылъ изъ души г. Костомарова потомъ).

Я говорю, каковы были мои действительныя отношенія къ г. Костомарову; они доказываются письмами моими къ нему, находящимися въ дѣлѣ—я стараюсь помочь г. Костомарову, какъ человѣку небогатому. Въ одномъ изъ писемъ я стараюсь устроить отъѣздъ его губернаторомъ за границу, — неужели я хлопоталъ бы объ этомъ, еслибы онъ былъ моимъ агентомъ по тайному печатанію въ Москвѣ? Я говорю, что г. Костомаровъ былъ раздраженъ противъ меня ошибкой въ надеждѣ на мою помощь денежную послѣ его арестованія. Онъ самъ говоритъ, что у него со мною были «столкновенія», которыя прямо относятся къ его личнымъ интересамъ, и отказывается пояснить это. О своемъ ожесточеніи противъ меня онъ много разъ говоритъ въ письмѣ къ Соколову и приписываетъ его, кромѣ «личныхъ столкновеній», равености со мною въ политическихъ тенденціяхъ; изъ того, что онъ говоритъ по этому предмету, видно, что онъ самъ никогда не имѣлъ отчетливаго образа мыслей.

Я говорю, что памятный мнѣ по постороннему обстоятельству вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, самъ по себѣ не представлялъ ничего замѣчательнаго и что поэтому г. Костомаровъ плохо запомнилъ его,—и онъ самъ свидѣтельствуетъ, что не помнитъ ни моихъ гостей, ни ихъ и своего разговора со мною.

21.

Факты, которые совершились по разсмотрѣнію записки и письма, выдаваемыхъ за мои, — я говорю объ актахъ сличенія дочерковъ,—показываютъ, что безъ помощи техническихъ знаній и посюбій труда для изслѣдованія истины по техническимъ вопросамъ безуспѣшны.

22.

Я говорю, что еслибы находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ г. Костомаровымъ, то нашелъ бы неудобнымъ посѣщать

его во время моей поѣздки въ Москву по цензурнымъ дѣламъ; это повело къ тому, что г. Костомаровъ выдумалъ особую мою поѣздку въ Москву — поѣздку, предшествовавшую поѣздкѣ по цензурнымъ дѣламъ. Этой поѣздки не было. А во время ея-то именно г. Костомаровъ и выставлялъ меня видѣвшимся шрифтъ. Я не выѣзжалъ изъ Петербурга ни на одинъ день въ 1860 г. и до самой поѣздки моей по цензурнымъ дѣламъ въ 1861 г. Я не могъ бы укрыть своего отсутствія изъ Петербурга, хотя бы на одинъ день, потому что у меня ежедневно бывали наборщики и разсыльные типографіи «Современника» за полученіемъ статей и корректуръ по журналу. Мой отъѣздъ хотя на одинъ день былъ бы замѣченъ десятками людей, работавшихъ въ типографіи г. Вульфа.

23.

Въ показаніи г. Костомарова Пр. С. обстоятельства его второй поѣздки въ Петербургъ изложены имъ такъ, что мнѣ не оставалось бы времени узнать, что онъ не уѣхалъ въ Москву и что я еще могу найти его въ Петербургѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ меня поутру съ мыслями ѣхать въ Москву въ то же утро. А въ эту поѣздку происходила, но его прежнимъ показаніямъ, диктовка въ Знаменской гостинницѣ.

24.

Къ листу 370 выписки считаю нелишнимъ замѣтить, что теперь съ мѣсяца я опять гуляю по саду. Но опять только по гигиеническимъ надобностямъ.

25.

Просмотрѣвъ прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, я вижу, что авторъ ея еще не имѣлъ извѣстій и о безденежномъ дѣлѣ, не только о томъ, что мужики весной 1861 г. вообще неохотно шли на уставныя грамоты. Всякій публицистъ найдетъ нелѣпымъ хлопотать въ августѣ 1861 о печатаніи такого устава прозвѣданія. Единственнымъ предлогомъ для моихъ придуманныхъ имъ просьбъ объ этомъ г. Костомаровъ придумалъ, что наборъ былъ тогда еще цѣлъ. А по свѣдѣніямъ изъ дѣла о г. Костомаровѣ и словамъ его самого, шрифтъ былъ уничтоженъ, не только наборъ разрушенъ, задолго до того времени.

Считаю долгомъ оговорить описку, сдѣланную мною: проѣздъ мой черезъ Москву былъ не 17 или 19-го, а 7 или 8 августа.

26.

Для объясненія того, какъ и зачѣмъ возникло «письмо къ Алексѣю Николаевичу», считаю долгомъ просить Пр. С. обратить вниманіе на то обстоятельство, что мое дополнительное объясненіе Пр. С. отъ 1 іюня прошло черезъ вѣскольکو рукъ прежде, чѣмъ поступило въ Пр. С.

27.

Г. Костомаровъ говоритъ, что письмо это было найдено имъ за подкладкою сакъ-войжа еще до ареста, но на прежнихъ показаніяхъ онъ говорилъ что у него уже не остается улики послѣ представленія записки карандашомъ, единственной улики; ясно, что письмо къ Алексѣю Николаевичу явилось у него въ рукахъ уже послѣ того.

28.

Когда явилось это письмо, г. Костомаровъ уже забылъ, что самъ говорилъ въ комисіи: «Плещеевъ (Алексѣй Николаевичъ) не имѣлъ и предположенія, что я (Костомаровъ) занимаюсь тайнымъ печатаніемъ, и самъ не занимался ничѣмъ подобнымъ». Слова г. Костомарова сами по себѣ не были бы надежнымъ заявленіемъ факта; но этотъ фактъ съ несомнѣнностью извѣстенъ всѣмъ сотнямъ людей, знающимъ г. Плещеева, и, вѣроятно, уже обнаруженъ официальными мѣрами, которые повлекло за собою появленіе «письма къ Алексѣю Николаевичу».

Я утверждаю, что это письмо подложо и смѣю навѣрное ручаться въ слѣдующемъ: самъ г. Костомаровъ, если еще не разгласилъ, разгласитъ это.

Появленіе письма къ Алексѣю Николаевичу и надобность объяснить это были обстоятельствами, которыхъ не предвидѣлъ г. Костомаровъ при своихъ прежнихъ показаніяхъ и въ письмѣ къ Соколову. Потому показаніе его 31 іюля не сходится съ ними. Кромѣ чертъ разногласія, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, легко найти десятки другихъ. Еслибы нужно было, я готовъ сдѣлать это. Не дѣлаю этого здѣсь, чтобы не удлинитъ моей просьбы.

А поему Всеподданнѣйше прошу

Дабы повелѣно было освободить меня отъ суда и слѣдствія, съ предоставленіемъ права иска на лицъ, которыя незаконными дѣйствіями причинили мнѣ денежные убытки, освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ съ сохраненіемъ мнѣ права жить гдѣ мнѣ будетъ нужно по моимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и обихъ столпцахъ,

и примѣнить приводимыя мною въ рукоприкладствѣ статьи свода законовъ къ лицамъ, которыя по изслѣдованіи окажутся виновными въ ихъ нарушеніи. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій руку приложилъ. 25 сентабря 1863 г.

Къ подаванію надлежитъ въ первое отдѣленіе патаго департамента Правительствующаго Сената.

Итакъ, въ этомъ последнемъ своемъ протестѣ Чернышевскій совершенно ясно далъ понять, что прекрасно понимаетъ, кому обязанъ всѣмъ дѣломъ... III Отдѣленіе было поставлено на надлежащее мѣсто и, надо правду сказать, понятно, почему оно не могло помириться иначе, какъ на категоріи своего обличителя...

Сенатъ заслушалъ всѣ эти три документа и опредѣлилъ внести ихъ въ записку. На этомъ онъ считалъ роль свою выполненной... Впрочемъ, нѣтъ, онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ: запросилъ кн. Суворова о письмахъ Чернышевскаго къ нему и государю въ ноябрѣ 1862 г. Но князь отвѣтилъ, что ничего не получилъ, и написалъ въ III Отдѣленіе, прося его доставить оба письма въ сенатъ, если они тамъ и «если къ передачѣ ихъ не встрѣчается препятствій»... Тамъ рѣшили отвѣтить незнаемъ... Такъ письма и канули въ воду...

III.

Наконецъ, 30 сентября Плещеевъ явился въ сенатъ, далъ подписку прибыть на допросъ 2 октября и преспокойно удалился въ свой номеръ Знаменской гостиницы. Его, этого важнаго государственнаго преступника, не только не отправили немедленно въ одиночный казематъ крѣпости, но даже не подвергнули особому надзору. Что-то совершенно непонятное... Можетъ быть, его спасло видное положеніе по службѣ? Нѣтъ, онъ былъ самымъ обыкновеннымъ коллежскимъ регистраторомъ... Можетъ быть, вниманіе было оказано въ виду его литературной дѣятельности? Но вопросъ этотъ въ Россіи просто нелѣпъ... Почему же? Вѣдь онъ былъ такимъ явнымъ соучастникомъ Чернышевскаго... Да просто потому, что мирный, тихій и спокойный Алексій Николаевичъ былъ совершенно не нуженъ; знали, что онъ и не могъ получить такого письма... Конечно, еслибы правительство хотѣло номинально считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, оно должно было бы продолжить комедію и, арестовавъ Плещеева, заслать его потомъ въ дальнюю Сибирь, — но вѣдь это было уже сентябрь 1863 года, — время, когда реакція торжествовала во всю, жандармы правили Россіей, а Муравьевъ вѣшалъ всѣхъ кого хотѣлъ... Печать была загнана въ подземелье, Катковъ ловилъ сотнями «нигилистовъ», а правительство... правительство воображало себя не иначе, какъ плантаторомъ, постигавшихъ черныхъ рабовъ...

2 октября Плещеевъ далъ такіа показанія:

«Сношенія мои съ Чернышевскимъ постоянно ограничивались литературой, дѣломъ журнальнымъ, такъ какъ онъ принималъ значительное участіе въ редакціи «Современника». Я не упрекалъ никогда Чернышевскаго въ излишнемъ довѣрїи кому бы то ни было и не знаю никакихъ дѣлъ съ Чернышевскимъ, въ которыхъ бы онъ не долженъ былъ быть довѣрчивъ. Участія никакого не могъ принимать, такъ какъ мнѣ совершенно не-

извѣстно, какія именно это дѣла и были ли такіа дѣла. Ни о какомъ станкѣ я не имѣю понятія и ни въ чемъ подобномъ не принималъ участія. Никогда не слышалъ, чтобы Сулинь хвастался чѣмъ-нибудь подобнымъ (т. е. знакомствомъ съ Чернышевскимъ— М. Л.) да и трудно было бы мнѣ слышать, такъ какъ я знакомства съ Сулинымъ никогда не водилъ. Ни о сочиненіи, даномъ будто бы Сулину, ни о тайномъ печатаніи имъ чего бы то ни было, никогда я не слыхалъ. Костомарова я никогда собственно Чернышевскому не рекомендовалъ, но, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, года два тою назадъ, если не ошибаюсь, то писалъ о немъ кому то изъ редакторовъ «Современника» (какъ о хорошемъ переводчикѣ, знаемъ языкъ и можемъ принести пользу журналу), но только не къ г. Чернышевскому, потому что онъ завѣдывалъ критическимъ и ученымъ отдѣломъ журнала, а не литературнымъ. Костомаровъ же преимущественно занимался переводомъ стиховъ. О тайномъ печатаніи Костомарова мнѣ ничего неизвѣстно. Общаго дѣла съ Чернышевскимъ я никогда никакого не имѣлъ. Все это письмо для меня совершенно непонятно: не знаю никакого Л., никакихъ офицеровъ и не понимаю даже, что значить—«23 въ Понизовья». Никакой работы нѣмѣю возлагаемо на меня не было. Болѣе объяснить ничего не имѣю».

Когда же Плещееву предъявили подложное письмо, якобы къ нему адресованное, онъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, почеркъ первой страницы похожъ на почеркъ Н. Г., но потомъ сбивается и становится не похожимъ.

14 октября Чернышевскому дали еще одну очную ставку съ Костомаровымъ. Последній, очевидно, совсѣмъ не считалъ нужнымъ поминать свои прежнія показанія: на этотъ разъ онъ снова плелъ какую-то околесицу. Теперь онъ утверждалъ, что о передачѣ Чернышевскимъ Сороку прокламаціи онъ узналъ со стороны, спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія Сороку въ Москву, и былъ удивленъ о такихъ же слухахъ Плещеевымъ, который тогда точнѣе же извѣстилъ о нихъ Чернышевскаго, а онъ, Костомаровъ, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ, тамъ получилъ письмо къ Плещееву и предложилъ взять работу у Сороку на себя. Что касается диктованія въ этотъ разъ прокламаціи къ расколнникамъ, то, можетъ быть, оно происходило и въ другой разъ, и т. д. Чернышевскій снова опровергалъ всю эту путаницу.

Очная ставка Костомарова съ Плещеевымъ тоже не дала ничего: первый плелъ всякій вздоръ, второй даже не понималъ его...

Видя полную свою ненадобность сенату и III Отдѣленію, Плещеевъ просилъ отпустить его въ Москву, въ чемъ и не встрѣтилъ препятствія. Для виду съ него была взята лишь росписка о немедленной явкѣ по первому вызову.

28, 2, 30 и 31 октября происходило слушаніе сенатской записки, на которомъ присутствовали и Н. Г. Затѣмъ весь ноябрь

составлялось опредѣленіе, переписывалось, посылалось, вѣроятно негласно, въ III Отдѣленіе и только 2 декабря было подписано сенаторами. Черезъ мѣсяцъ министръ юстиціи вернулъ его съ указазіями необходимыми, по его мнѣнію, поправкамъ. 7 февраля 1864 г. ему была послана новая редакція.

Въ это время учитель гимназіи, литераторъ Дмитрій Щеголовъ просилъ или свиданія съ Чернышевскимъ по личному своему дѣлу или пересылки ему объ этомъ письма. Было разрѣшено второе.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Чернышевскій больше не опасенъ.

I.

Опредѣленіе сената настолько характерно, настолько ярко, какъ иллюстрація чудовищнаго произвола и наглости, что я приведу его полностью. И его необходимо прочесть безъ пропусковъ: только при этомъ условіи читатель пойметъ, что это за документъ, если помнить самъ все дѣло.

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Чернышевскій, занимавшійся литературою, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ». Журналъ этотъ своимъ направленіемъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Въ немъ развивались по преимуществу материалистическія и социалистическія идеи, стремящіяся къ отрицанію религіи, нравственности и закона, такъ что правительство признало нужнымъ прекратить на вѣкоторое время изданіе сего журнала, а одновременно съ симъ открылись обстоятельства, которыя указали правительству въ Чернышевскомъ одного изъ зловредныхъ дѣятелей въ отношеніи къ государству. Обстоятельства сіи состоятъ въ слѣдующемъ:

Управляющій III Отд. собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи получилъ безыменное письмо о Чернышевскомъ, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, «этого коновода юношей, хитраго социалиста». Онъ самъ казалъ, что настолько уменъ, что его никогда не уличатъ. Его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого зловреднаго человѣка. Всѣ бывшіе пріатели Чернышевскаго, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральныя, отдалились отъ него. «Ежели не удалите Чернышевскаго», пишетъ авторъ письма, «быть бѣдѣ, будетъ кровь. Эта шайка бѣшеныхъ демагоговъ—отчаянныя головы, эта «Молодая Россія» высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности. Можетъ быть, перебьютъ ихъ, а сколько невинной крови за нихъ прольется?! Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ—ведь есть

комитеты изъ подобныхъ социалистовъ, и вездѣ они разжигаютъ молодежь. «Николай Гавриловича (имя и отчество Чернышевскаго) отправьте, куда хотите, поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія».

Въ концѣ іюня мѣсяца 1862 года получено было въ III отдѣленіи уведомленіе, что изъ Лондона въ Петербургъ ѣдетъ коллежскій секретарь Ветошниковъ, знакомый съ Герценомъ и Бакунинымъ, и везетъ съ собою запрещенныя изданія Герцена, Огарева и другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и корреспонденцію отъ пропагандистовъ. При арестованіи Ветошникова, между прочими письмами, оказалось у него письмо изгнанника и пропагандиста Герцена къ надворному совѣтнику Серно-Соловьевичу, въ коемъ онъ убѣждаетъ его распространять пропаганду въ Россіи, а въ концѣ письма приписка: «Мы здѣсь или въ Женевѣ намерены издавать «Современникъ» съ Чернышевскимъ».

По поводу письма сего Чернышевскій 7-го іюля былъ арестованъ, и у него былъ сдѣланъ обыскъ, при коемъ найдены слѣдующія относящіяся къ дѣлу бумаги:

Анонимная записка съ уведомленіемъ, что дѣло о манифестѣхъ въ Думѣ, по высочайшему повелѣнію, оставлено безъ рассмотрѣнія, беспокоить по этому дѣлу никого не будутъ. Колебенка Чернышевскаго съ профессоромъ Андреевскимъ, коему онъ предлагаетъ быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами, для разъясненія причины прекращенія публичныхъ лекцій. Письмо И. Б. по почерку Ивана Бортюкова, въ которомъ замѣчательны слова: «Москва занята теперь тверскими происшествіями, говорятъ, революція будетъ». Письмо Герцена безъ надписи, а потому неизвѣстно кому адресованное, со многими высклобленными словами, гдѣ онъ опровергаетъ совѣтъ Чернышевскаго, не вовлекать юношество въ литературный союзъ, потому что изъ этого ничего не выйдетъ, и предлагаетъ въ темныхъ выраженіяхъ проектъ организаціи какого-то общества или союза, избравъ центрами дѣятельности ярмарки Нижегородскую, которую нибудь изъ Дидропровскіихъ и Ирбитскую или иной Ураловско-ирбитскій трактъ. Анонимное письмо къ Чернышевскому, въ коемъ называютъ его пропагандистомъ, социалистомъ, Маратомъ, желающимъ испровергнуть существующій порядокъ и учредить демократію и затѣмъ угрожаютъ ему самому гибелью. Алфавитный ключъ на четырехъ картонныхъ бумажкахъ и, наконецъ, двѣ тетрадки, написанныя съ сокращеніемъ словъ, слоговъ и буквъ. Тетрадки эти заключаютъ въ себѣ дневникъ Чернышевскаго, относящійся къ тому періоду времени, когда онъ не состоялъ еще въ брачномъ союзѣ, а былъ женихомъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли, къ дѣлу относящіяся: «Меня каждый день могутъ взять. Какая будетъ тутъ моя роль.

У меня ничего не найдут, но друзья у меня весьма сильные¹⁾. Что могу я другое дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣсть, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко. И тогда едвали уже выйдутъ изъ крѣпости. Видите, я не могу жениться. Я не могу, не въ правѣ связать чей бы то ни было судьбы съ моей».

Чернышевскій, содержась въ крѣпости, 5-го октября написалъ женѣ своей письмо, въ которомъ говоритъ, между прочимъ: «Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами». Объясняя женѣ своей, что онъ намѣренъ составлять «Энциклопедію знанія и жизни», онъ пишетъ: «Со времени Аристотеля не было дѣлано еще никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель».

Между тѣмъ во время производства изысканій по дѣлу Чернышевскаго, оставанной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, судившійся въ Москвѣ за печатаніе запрещенныхъ сочиненій и по высочайшему повелѣнію разжалованный въ рядовые съ назначеніемъ на службу въ кавказскій линейный баталіонъ, при прекровженіи его къ мѣсту назначенія, съ жандармскимъ офицеромъ Чулковымъ, дорогою въ Тульѣ заболѣлъ, а 5-го марта 1863 года написалъ письмо къ вѣкому Соколову въ С.-Петербургъ. Письмо это Чулковъ представилъ начальнику III отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Письмо это заключаетъ въ себѣ подробный расказъ Костомарова, какимъ образомъ онъ вовлеченъ былъ въ преступленіе, за которое судился, Чернышевскимъ, какимъ образомъ Чернышевскій вмѣстѣ съ бывшимъ литераторомъ, нынѣ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ сочинилъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, а полковникъ Шелгуновъ воззваніе къ солдатамъ, и дали ему для напечатанія черезъ студента Сороко, съ комъ онъ прѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы. Описывая подробно личность Чернышевскаго, какъ агитатора, который совратилъ съ пути истиннаго нѣсколько юношей, онъ такъ характеризуетъ его: сравнивая его съ Самсономъ, онъ говоритъ, что «ивраилтынинъ былъ такъ не практиченъ, что, распатавъ столбы знанія, втемяшался въ самую середину его и повалилъ обломки на себя. Нашъ Самсонъ (т. е. Чернышевскій) рассуждаетъ иначе; онъ полагаетъ: чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго знанія, я лучше пошлю другихъ разваливать его, а самъ посижу пока въ сторонѣ. Коли развалить—хорошо, я займусь постройкой новаго, а не разваливать, надаруются, такъ мнѣ-то что? Я то всячески кѣль останусь». Далѣе Костомаровъ пишетъ другу своему, что

напрасно онъ будетъ укорять его за то, что не открылъ въ свое время всего, что въ его рукахъ были средства узвѣсть Чернышевскаго на свое мѣсто, что онъ самъ видѣлъ эти письма, что въ его рукахъ была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ сентенціи за составленіе воззванія къ барскимъ крестьянамъ относился не къ нему, а къ Чернышевскому. Тогда онъ долженъ былъ молчать, но теперь, когда уже совершилось, говорить въ немъ горькая боль оскорбленнаго сердца. Выгораживая Чернышевскаго и Шелгунова изъ этого дѣла, онъ предаетъ себя. Онъ виноватъ въ этомъ передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго учениемъ Чернышевскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе отравленные плоды. Затѣмъ Костомаровъ описываетъ, какъ Михайловъ привезъ и рекомендовалъ его Чернышевскому, какъ они втроемъ въ кабинетѣ читали сочиненное Чернышевскимъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, и какъ онъ не соглашался напечатать его, если Чернышевскій не смягчитъ выразеній этого воззванія, вызывающихъ къ рѣзвѣ, какъ Чернышевскій не соглашался сначала на это, но потомъ изменилъ нѣсколько; какъ Шелгуновъ сочинялъ воззваніе къ солдатамъ, ходилъ въ казармы читать это воззваніе и уговаривать солдатъ, какъ Чернышевскій диктовалъ ему, Костомарову, въ Знаменской гостиницѣ воззваніе къ раскольникамъ, которое онъ впоследствии уничтожилъ.

По распоряженію III отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи Костомаровъ былъ возвращенъ изъ Тульы въ Петербургъ и при немъ найдены письма Михайлова и записка карандашомъ слѣдующаго содержанія: «В. Д. Вѣсто срочно-обяз. (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня)—заберете вездѣ «врем. обяз.», какъ это называется въ положеніи, Вашъ Ч.» Костомаровъ объяснилъ, что записку эту написалъ Чернышевскій, бывши у него въ Москвѣ, но не заставши его дома, когда уже дано было ему для печатанія воззваніе къ барскимъ крестьянамъ. Но по предъявленіи этой записки Чернышевскому, онъ не призналъ ее своею.

По сліченіи потерка руки Чернышевскаго съ его запискою, секретаря сената нашли, что, хотя въ общемъ характерѣ нѣтъ сходства съ почеркомъ Чернышевскаго, но многія буквы, а именно 12 изъ числа 25-ти, составляющихъ записку, имѣютъ сходство. Присутствіе же пр. сената нашло, что и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки, и въ общемъ характерѣ потерка ея есть совершенное сходство съ почеркомъ руки Чернышевскаго.

Воззваніе, къ барскимъ крестьянамъ, въ сочиненіи коего Костомаровъ обвиняетъ Чернышевскаго и экземпляръ котораго, переписанный неизвѣстно кѣмъ, находится въ дѣлѣ Костомарова, будучи писано языкомъ простонароднымъ, заключаетъ въ себѣ превратное толкованіе Положенія 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ немъ говорится, что государь обманулъ крестьянъ, и что на основаніи Положенія они будутъ еще

¹⁾ А на самомъ дѣлѣ было написано: «... по полдорвіи противъ меня будутъ весьма сильныя». Изъ «полдорвіи» («дрыхъ») сдѣланы «друзья».

въ большей кабатѣ, чѣмъ были доселѣ, и окончательно разоряется; затѣмъ объясняется крестьянамъ, въ чѣмъ именно состоитъ воля; приводятся въ примѣръ Франція, Англія, Швейцарія, Америка, гдѣ нѣтъ будто ни подданныхъ, ни рекрутства, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ, и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выбираетъ и смѣняетъ царей, если они не нравятся ему. Въ заключеніе авторъ прокламаціи приглашаетъ барскихъ крестьянъ готовиться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривая къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все будетъ готово, онъ обѣщаетъ дать сигналъ къ общему восстанію. Въ этомъ воззваніи вездѣ упоминаются «срочно-обязанные», каковую ошибку, какъ выше упомянуто, просилъ Костомарова Чернышевскій запиской исправить при напечатаніи.

Кромѣ сего жандармскій капитанъ Чулковъ донесъ генералъ-маіору Потапову, что во время останова его съ Костомаровымъ, по случаю болѣни его, прежде прѣзда въ Тулу, еще въ Москвѣ его посѣтилъ мѣщанинъ Яковлевъ, желавшій проститься съ нимъ. Изъ разговоровъ ихъ онъ замѣтилъ, что Яковлеву хорошо извѣстны всѣ отношенія Костомарова къ Чернышевскому, и предложилъ Яковлеву подтвердить это письменно, на что Яковлевъ и согласился. Показаніе Яковлева состоитъ въ слѣдующемъ: Лѣтомъ 1861 г. онъ былъ переписчикомъ бумагъ и сочиненій у Костомарова. Занимаясь у него, онъ очень часто видѣлъ у него прѣзжавшаго изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго. Разъ, когда онъ занимался перепискою бумагъ, по случаю лѣтняго времени въ садовой бесѣдкѣ Костомарова, онъ слышалъ между ними, ходившими въ саду подъ руку другъ съ другомъ, слѣдующій разговоръ: Чернышевскій говорилъ: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла». Называя статью эту своею, Чернышевскій просилъ Костомарова скорѣе напечатать ее. Не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго и не понимая точнаго ихъ смысла, онъ тогда оставилъ это безъ вниманія. Но нынѣ, узнавъ, что Костомаровъ осужденъ за какія-то противозаконныя дѣйствія и желая оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ долгомъ считаетъ слышанный имъ разговоръ довести до свѣдѣнія правительства.

На предложенные Костомарову Высочайше учрежденною слѣдственною комиссіею вопросы, онъ подтвердилъ все изложенное имъ въ письмѣ къ Соколову. Генералъ-маіоръ Потаповъ препроводилъ въ Высоч. учр. слѣдств. комиссію полученную имъ черезъ московскаго губернскаго прокурора докладную записку, содержащуюся въ смиренномъ домѣ мѣщанина Яковлева и переписку конторы московскаго смиренительнаго и рабочаго домовъ. Изъ бумагъ этихъ видно, что Яковлевъ отправился въ Петербургъ для донесенія объ отношеніяхъ Костомарова къ Черны-

шевскому, но на Тверской станціи Николаевской желѣзной дороги за пьянство и буйство былъ взятъ въ полицію и препровожденъ къ московскому оберъ-полиціймейстеру, а отъ него въ домъ градскаго общества, которое отправило его за вышеизъясненными проступки въ смиренительный домъ на четыре мѣсяца. По вытребованіи Яковлева и студента Сороко въ Петербургъ, они на данные имъ вопросы отвѣтили: Сороко, что хотя онъ и прѣзжалъ съ Костомаровымъ въ Петербургъ и хотя знакомъ былъ съ Михайловымъ, но «воззванія къ барскимъ крестьянамъ» Костомарову не передавалъ, а передаетъ ему запечатанное письмо отъ Михайлова; съ Чернышевскимъ же лично знакомъ не былъ. Показаніе сіе Сороко подтвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Костомаровымъ, несмотря на улики его. Яковлевъ же подтвердилъ прежнее свое показаніе и по предъявленіи ему Чернышевскаго утвердилъ, что онъ есть то самое лицо, о которомъ онъ свидѣствуетъ.

Редакторъ журнала «Современникъ», Некрасовъ, представилъ генералъ-маіору Потапову, полученное имъ по почтѣ изъ Москвы письмо, въ коемъ пишущіе объясняютъ, что они находятся арестованными въ смиренительномъ домѣ. На страстной дѣлѣ къ нимъ явился какой-то мѣщанинъ Яковлевъ и объяснялъ, что онъ также содержится за политическое преступленіе, и обратился къ нимъ за совѣтомъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ по весьма важному дѣлу, но на тверской станціи вышелъ и заблудился, за это общество посадило его въ рабочій домъ. На вопросъ, по какому дѣлу онъ ѣздилъ къ генералу Потапову, Яковлевъ отвѣчалъ: «Я былъ знакомъ съ Костомаровымъ, на дняхъ получилъ записку безъ подписи, въ коей меня приглашаютъ въ гостилицу Венеція № 18. Явившись туда, и былъ изумленъ, встрѣтивъ Костомарова въ солдатской шинели и съ жандармскимъ офицеромъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: «вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу. Мать моя научитъ тебя, что дѣлать, и если ты послѣдуешь ея наставленіямъ, будешь хорошо награжденъ». «А Костомаровъ не говорилъ вамъ, что именно придется дѣлать?» спросилъ они. «Говорили, что долженъ дать въ III Оудѣйскій показаніе, будто бы слышалъ, какъ Чернышевскій въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!» Я не знаю, что значатъ эти слова и затѣмъ Костомарову нужно, чтобы я далъ такое показаніе. Скажите, если я дамъ такое показаніе, можетъ ли Потаповъ что-нибудь сдѣлать для меня? Можетъ ли, напротивъ, освободить изъ рабочаго дома?» «Ну, это врядъ ли. Мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію». «Я уже подаль Потапову отсюда прошеніе», сказалъ Яковлевъ, «меня скоро потребуютъ въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!» «Мы сказали, что лучше сказать правду.

Мы не повѣрили Яковлеву, зная, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что судился вмѣстѣ съ нами въ сенатѣ и приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и къ ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидѣвъ Яковлева на дворѣ съ жандармами. Намъ сказали, что его отправляютъ въ Петербургъ. Вспомнивъ разговоръ нашъ съ нимъ, мы невольно пришли къ предположеніямъ, что Чернышевскій, дѣйствительно, обвинялся въ какомъ-либо политическомъ преступленіи, что Костомаровъ и его семейство съ помощью Яковлева хотѣтъ подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда. Все это заставило пинжунчи обратиться съ просьбою къ Некрасову, прося представить письмо это куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда. Все это они готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягою. Подписали: Гольцъ-Миллеръ, Ильенко, Новиковъ, Сулинъ и Яценко.

Комиссія положила: вслѣдствіе такого поступка Яковлева и безнравственнаго его поведенія, не ожидая окончанія 4-хъ мѣсячнаго срока, на который онъ присуденъ обществомъ, отправить его на жительство въ Архангельскую губернію, на что испрошено высочайшее соизволеніе, каковое и послѣдовало. Полковникъ Шенгунъ противъ возводимыхъ на него Костомаровымъ обвиненій не сознался, утвердивъ заирательство свое и на очной съ Костомаровымъ ставкѣ. Литераторъ Михайловъ, бывший губернской секретарь, судившійся въ сенатѣ за распространене привезеннаго имъ изъ Лондона возмутительнаго воззванія «Къ молодому поколѣнію» и посланный на каторгу, во время производства надъ нимъ въ сенатѣ слѣдствія, между прочимъ, показалъ: что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ воззванія и Къ барскимъ крестьянамъ, и Къ солдатамъ, изъ которыхъ послѣднее переписывалъ и поправлялъ, но не открылъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Правительствующій Сенатъ испрошивъ высочайшее повелѣніе, слѣдуетъ ли Михайлова судить отдѣльно за то преступленіе, за которое онъ былъ преданъ суду 1-го отд. 5-го департ. сената, т. е. за распространене воззванія «Къ молодому поколѣнію», или совокупно съ падающимъ на него обвиненіемъ въ отношеніи сочненія воззванія Къ барскимъ крестьянамъ и солдатамъ. Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволить: судить Михайлова за распространене прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» отдѣльно отъ другихъ падающихъ на него обвиненій.

По поступленіи дѣла о Чернышевскомъ въ правительствующій сенатъ, г. оберъ-прокуроръ, по порученію управляющаго министерствомъ юстиціи, предложилъ на совокупное разсмотрѣніе съ дѣломъ о Чернышевскомъ, полученное въ III отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи письмо Чернышевскаго къ Алексѣю Николаевичу (вѣроятно Плещееву). Письмо это слѣд. содержанія: (Дальше приводится полностью уже известное читателямъ письмо—М. Л.)

Письмо сіе предъявлено было въ присутствіи сената Чернышевскому, и по содержанію онаго онъ былъ допрошенъ. Но Чернышевскій въ данныхъ отвѣтахъ объяснилъ, что письмо сіе писано не имъ и о содержаніи онаго отозвался невѣднѣемъ. Вслѣдствіе заключенія сената, дѣлаемо было секретарями сената слѣдствіе почерка руки Чернышевскаго съ почеркомъ, коимъ писано письмо сіе, и секретари единогласно признали, что какъ это письмо, такъ и бумаги, въ дѣлѣ находящіяся, писанныя Чернышевскимъ и имъ не отвергаемія, писаны одною и тою же рукою. Присутствіе 1-го отдѣленія 5-го департамента, слѣдствіе съ своей стороны почеркъ Чернышевскаго съ письмомъ симъ, признало вышеозначенное заключеніе секретарей сената правильнымъ и посему опредѣлило заключеніе сіе утвердить во всей силѣ. Рядовой Костомаровъ, бывъ вытребованъ въ присутствіе сената и подтвердивъ прежнія объясненія свои, касательно сношеній своихъ съ Чернышевскимъ, о письмѣ семъ объяснилъ, что оно дано было ему Чернышевскимъ для передачи Плещееву, но онъ его куда-то затерялъ, а послѣ напелъ его за подкаждой своего сакъ-вожака, но какъ оно бывъ измочено и разорвано (письмо это дѣйствительно получено въ сенатѣ разорваннымъ и со слѣдами подмочки), то отдать его Плещееву ему было совѣстно. Подсудимый Чернышевскій во всѣхъ вышеизложенныхъ, взводимыхъ на него обвиненіяхъ, ни на допросахъ въ слѣдственной комиссіи, ни на передпросахъ въ правительствующемъ сенатѣ, ни на очной съ Костомаровымъ ставкѣ—не сознался, не отвергая, впрочемъ, знакомства своего съ Костомаровымъ, ни съ Михайловымъ. На очной ставкѣ съ Костомаровымъ въ комиссіи онъ сказалъ: «Я поспѣваю, умру, но не переѣмю своего показанія». Знакомство свое съ Костомаровымъ онъ объяснилъ тѣмъ, что покровительствовалъ только ему, какъ молодому, начинающему литератору. Чернышевскій домогался предъ правительствующимъ сенатомъ, чтобы слѣдствіе почерка руки, коимъ писано было письмо къ Алексѣю Николаевичу, дозволено было ему произвести самому съ почеркомъ Костомарова и чтобы ему дали для сего лупу, увеличивающую въ 10 или 12 разъ. Но правительствующій сенатъ, имѣя въ виду, что при слѣдствіи соблюдены были все требуемое закономъ обряды и формы, въ домогательствахъ его отказалъ. Коллежскій регистраторъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ былъ вызванъ въ сенатъ и, утверждая оному знакомство и литературныя отношенія свои съ Чернышевскимъ, ни въ какомъ противозаконномъ участіи съ нимъ не сознался, равно какъ и въ полученіи отъ него письма, посланнаго чрезъ Костомарова, подъ заглавіемъ: «Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ».

Изъ свѣдѣній о происхожденіи Чернышевскаго видно, что онъ сынъ священника, воспитывался первоначально въ семинаріи, а потомъ въ университетѣ, служилъ преподавателемъ во 2 кадетскомъ корпусѣ, былъ учителемъ гимназій въ Саратовѣ, потомъ

причислился къ С.-Петербургскому губернскому правленію и въ 1858 году вышелъ въ отставку. Отъ роду ему 35 лѣтъ, женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находить, что на подсудимаго Чернышевскаго взыдятся три слѣдующія обвинения:

1. Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремившимся пропагандою ниспровергнуть существующей въ Россіи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ. Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служатъ токо приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ здѣсь, т. е. въ Лондонѣ или Женевѣ, и письмо, найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно къ кому адресованное, которое по словамъ его получено имъ по городской почтѣ, писанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношество въ литературный союзъ. Чернышевскій, съ своей стороны, не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что дѣйствительно Михайловъ, отправляющемуся въ Лондонъ, онъ поручилъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконныя планы. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующей въ Россіи образъ правленія, а поему по обвиненію этому, согласно 304 ст. 2 кн. тома XV св. зак. уг., его слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

2. Сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, переданнаго Костомарову для напечатанія, съ дѣльно распространенаго.—Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служатъ: а) показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объяснившаго весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ; б) записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто «срочно-обязанные»—«временно-обязанные» (крестьяне), какъ это значится въ Положеніи, что подтверждается и рукописью, въ дѣлѣ находящеюся, въ коей, дѣйствительно, написано «срочно-обяз.» и признанное присутствіемъ правительствующаго сената совершенное сходство почерка сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльныхъ буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) показаніе мѣшанина Яковлева, переписчика бумагъ у Костомарова, слышавшаго разговоръ Костомарова съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе къ барскимъ крестьянамъ; г) показаніе бывшего подъ дошомъ

въ правительствующемъ сенатѣ политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ и передалъ Костомарову. Такъ какъ показаніе это совпадаетъ съ показаніями Костомарова, объяснившаго объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, токо Михайловъ, пойманный и уличенный государственнымъ преступникъ, не будучи въ состояніи самъ сообщить объ заслуженнаго имъ наказаніи, скрываетъ своихъ сообщниковъ. Къ опроверженію вышесказанныхъ уликъ представлено токо литераторомъ Некрасовымъ письмо содержащагося въ смиреннаго дома за политическія преступленія 5 лицъ, доказывающихъ, будто бы Яковлевъ былъ подговоренъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденнымъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляеть и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смиреннаго дома, которое по горячности слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщено владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловердныя идеи. Самъ Чернышевскій противъ уликъ сика никакого опроверженія не представилъ. Изъ сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію чрезъ тайное опечатаніе онаго.

3. Приготовленіе къ возмущенію. Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служатъ находящіяся въ дѣлѣ собственноручное (т. XV св. зак. уг. кн. 2, ст. 326 и т. X, ч. 2, ст. 354) письмо Чернышевскаго къ вѣкому Алексѣю Николаевичу Плещеву). Такимъ образомъ, это письмо обращаетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое тому доказательство (ст. 308, т. XV). Въ этомъ письмѣ онъ, укоряя друга своего въ медленности пріобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенію возмутительныхъ воззваній, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающіея тайнымъ печатаніемъ,—напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно, что здѣсь рѣчь идетъ о Костомаровѣ, Сулинѣ, Сорокѣ и о воззваніи къ барскимъ крестьянамъ, которое они взились напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (Л. и 23 въ Понизовѣ).

Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія въ приготовленіяхъ къ возмущенію. Такимъ образомъ, дѣствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ св. зак. уг. кн. I, т. XV въ главѣ о государственныхъ преступленіяхъ въ ст. 283, т. е. участіе въ злоумышленіи противу

правительства. Но принимая во внимание, что таковыя злоумышления Чернышевскаго открыты правительством заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятеній, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи послѣдующей 284 ст. долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени 21 ст. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію степени подлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ находитъ, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ», своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое влияние на молодыхъ людей, въ коихъ со всею злою волею посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ материалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и социалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему Сенатъ признаетъ справедливымъ подвергнуть его строжайшему изъ наказаній въ 284 ст. поименованныхъ, т. е. по 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его запарательству, несмотря на несомнѣнность доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся.

Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставного титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ и передачу онаго для напечатанія въ видахъ распространенія—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Рѣшеніе это, на основаніи 617 ст. 2 кн. т. XV сводъ зак. уголовныхъ представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Затѣмъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: его же, Чернышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, признать недоказаннымъ.

II.

Изъ сената это опредѣленіе было передано въ государственнѣйшій совѣтъ, вполнѣ присоединившійся къ его мнѣнію, затѣмъ представлено государю и утверждено имъ 7 апрѣля въ такомъ видѣ: «Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину». 26 апрѣля Замытнинъ пригласилъ въ сенатъ это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, а 4 мая оно было объявлено Чернышевскому при открытыхъ дверяхъ...

Русское общество понесло страшную потерю... Изъ его передовых рядовъ былъ вырванъ самый видный вождь... И любопытно, что потерю эту чувствовали не только единомышленники Чернышевскаго, но даже его враги. Напримеръ, тотъ самый Никитенко, который то и дѣло называлъ его «краснокожимъ либераломъ» и «насадителемъ смуты», передавъ вкратцѣ приговоръ, записалъ: «Изъ рукъ вонъ это печально!»... Разумѣется, умныхъ людей, независимо отъ ихъ направленія, не могло не поразить, а сколько нибудь честныхъ—не возмутить упоминаніе въ приговорѣ статей «Современника», своевременно разръшенныхъ цензурой. Это обстоятельство было причиной болѣе или менѣе широкаго общественнаго негодованія...

Очень интересна другая записка Никитенка: «Я спрашивалъ у сенатора Любощичскаго, доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ него. Какъ же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда кн. Долгорукій показалъ имъ какія то бумаги изъ III Отдѣленія,—и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна... Нѣкоторые сильно негодуютъ на государя за Чернышевскаго. Какъ было осуждать его, когда не было на то достаточныхъ юридическихъ данныхъ. Такъ говорятъ почти всѣ»¹⁾.

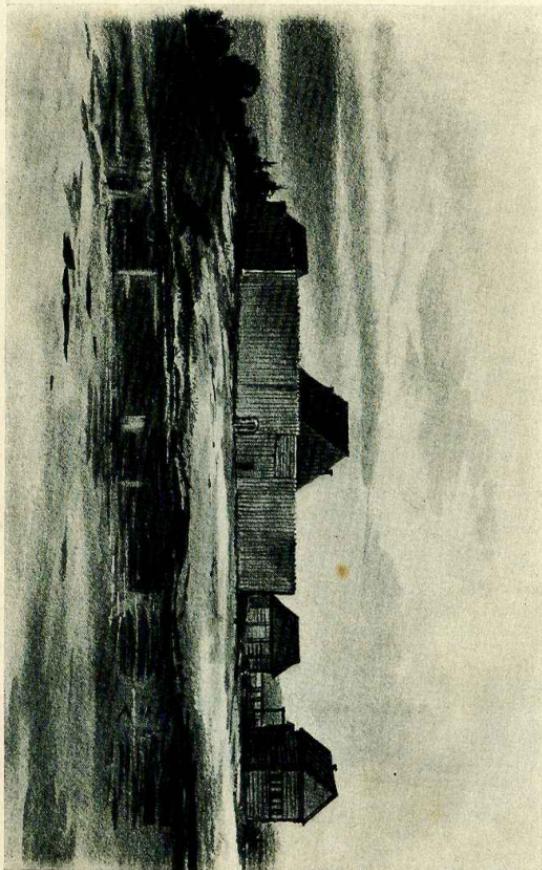
Въ сенатскомъ дѣлѣ нѣтъ даже никакихъ намековъ на упомянутый Никитенкомъ документъ. Нѣтъ объ этомъ ничего и въ дѣлѣ государственнаго совѣта²⁾. Но это еще не доказательства противнаго. Такіе документы не вносятся въ тощія и очень глухія «дѣла» государственнаго совѣта, а помѣщаются при журналахъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ не выдаютъ. Думаю только, что рассказъ Никитенка не совсѣмъ вѣренъ: врядъ ли въ государственномъ совѣтѣ могло произойти разногласіе съ опредѣленіемъ сената, которое, какъ было безызвѣстно членамъ, вполне одобрилось правительствомъ... А, впрочемъ, все могло быть.

19 мая, въ восемь часовъ утра, на Мытной площади была совершена надъ Чернышевскимъ отвратительная комедія такъ называемой «гражданской казни»...³⁾.

¹⁾ «Записки и дневникъ», изд. Пирожкова, II, 181.

²⁾ Дѣло по журналу № 37, по архиву № 13.611.

³⁾ Подробнѣе см. выше и вѣрнѣе описаны Гейнсомъ (Вильямомъ Фреємъ) на стр. 460—462 февральской книжки «Русской Старины» за 1905 годъ. Затѣмъ о томъ же см. рассказы г. Власова (стр. 99—100 июньской книжки «Русскаго Богатства» за 1905 г.), г. Кокосова (стр. 159—162 ноябрьской книжки того же журнала за 1905 г.), А. С. Суворина въ его книгѣ «Векъ», союженной въ шестидесять годовъ и написанной имъ подъ псевдонимомъ Бобровскій (стр. 186—187); указу кстати, что вообще въ этой книгѣ, писанной г. Суворинымъ добраго стараго времени, Чернышевскій выставленъ съ весьма симпатичной стороны подъ именемъ Сахарскаго, а Всеволодъ Костомаровъ,—въ весьма отвратительной, подъ именемъ Удоломова. Наконецъ, есть нѣсколько строкъ и въ книгѣ г. Скальковскаго—

Виллойская тюрьма.

При кликахъ: «прошай, Чернышевскій!», «до свиданія!» карета, везшая Н. Г., скрылась изъ глазъ многолюдной толпы...

Когда зимой того же года гр. А. К. Толстой, пользуясь соседствомъ съ государемъ на придворной охотѣ и отвѣчая на его вопросъ о новостяхъ въ литературномъ мірѣ, сказала, что «русская литература надѣла трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго», Александръ II «не далъ Толстому даже окончить его фразы... «Прошу тебя, Толстой, никогда не напоминать мнѣ о Чернышевскомъ»—проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена»...¹⁾

Мих. Лемке.

Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго.

Въ мартовской книжкѣ «Былого», въ статьѣ М. К. Лемке «Дѣло Н. Г. Чернышевскаго», упоминается между прочимъ эпизодъ послышки моимъ отцомъ изъ крѣпости письма князю Суворову, которое, однако, не дошло по назначенію. Судьба этого письма и понынѣ остается невыясненною.

Считаю умѣстнымъ подѣлиться по этому поводу имѣющимися у меня свѣдѣніями, почерпнутыми изъ архива князя Суворова, бывшаго въ то время Петербургскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ.

Письмомъ отъ 2 февраля 1863 г. князь Суворовъ, до котораго частнымъ образомъ дошли слухи о томъ, что отецъ мой обращался къ нему съ какимъ-то письмомъ, не дошедшимъ до него, запросилъ по этому поводу коменданта крѣпости, Сорокина.

Привожу подлинный текстъ существенной части этого запроса.

«... Считаю долгомъ заявить Вашему Превосходительству, что адресуемыя на мое имя письма я обыкновенно распечатываю и прочитываю самъ и никому еще не давалъ права вскрывать и читать подобныя письма прежде меня; поэтому и письмо литератора Чернышевскаго слѣдовало доставить ко мнѣ не распечатаннымъ.

С.-Петербургская крѣпость, находящаяся въ губерніи и Столицѣ, Высочайше ввѣренныхъ моему управленію, состоитъ и въ моемъ вѣдѣніи, какъ здѣшняго Военнаго Генераль-Губернатора; посему, если Ваше Превосходительство имѣете особую инструкцію, на основаніи которой письма, адресованныя на имя Князя Суворова, отъ лицъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости, должны быть передаваемы не мнѣ, а кому либо другому, въ такомъ случаѣ Вамъ слѣдовало, прежде чѣмъ разрѣшить Г. Чернышевскому писать ко мнѣ, довести о такомъ намѣреніи его до моего свѣдѣнія, и тогда я испросилъ бы предварительну у Государя Императора разрѣшеніе, могу ли принять письмо отъ этого арестованнаго. Если бы Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, въ такомъ случаѣ литератору Чернышевскому не представлялось бы и повода писать вышеупомянутое письмо. Дозволять же ему писать ко мнѣ, не предваривши, что письмо

¹⁾ Наши государственныя и общественныя дѣятели". При этомъ любопытно, что всѣ, кромѣ Гейкса, называютъ разные и цифровыя числа, утверждая иногда, что хорошо ихъ помнятъ.

²⁾ "Новое Время" 1904 г. № 10321.

его не может быть доставлено по адресу, по моему убеждению, значить злоупотреблять моимъ именемъ, потому что Чернышевскій, получивши такое предупреждение, безъ сомнѣнй отказался бы отъ намеренія обращаться ко мнѣ съ письмомъ....»

На сдѣланный ему запросъ Сорокинъ отвѣчалъ, что Алексѣевскій рavelинъ съ 3 июля 1826 г. состоитъ въ вѣдѣннй III Отдѣленія, что всѣ письма арестованныхъ въ этомъ рavelинѣ всегда передавались секретно въ III Отдѣленіе и что сна томъ же основаніи было поступлено и съ письмомъ содержащагося въ Алексѣевскомъ рavelинѣ Чернышевскаго, адресованномъ на имя Вашей Свѣтлости).

Привожу за одно еще нѣсколько дополнительныхъ данныхъ къ дѣлу моего отца, занимающихся изъ подлинныхъ документовъ, касающихся послѣднихъ дней пребыванія моего отца въ Петербургѣ передъ ссылкой.

Записка князя Суворова къ князю Долгорукову (начальнику III Отдѣленія) отъ 4 мая 1864 г.

«Высочайше утвержденнымъ 21 февраля сего года мнѣніемъ Комитета Г. Министровъ преступники всѣхъ категорій изъ привилегированныхъ классовъ, высылаемые по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, должны быть отправлены на подводахъ порядкомъ, указаннымъ въ 510 и 511 ст. XV т. Св. Зак. о ссыльныхъ, т. е. они препровождаются этапнымъ порядкомъ, но не съ прочими ссыльными, особыми партиями и безъ употребленія оковъ и наручей.

Нынѣ состоялся приговоръ о судимомъ за политическое преступленіе дворянинѣ Николаѣ Чернышевскомъ, который имѣеть быть отправленъ въ каторжную работу.

По особо уважительнымъ причинамъ, известнымъ Вашему Сіятельству, я полагаю въ Чернышевскаго отправить не этапнымъ порядкомъ, но на почтовыхъ съ двумя жандармами¹⁾, примѣняя къ правиламъ Высочайше утвержденнымъ 10 января 1854 года.

При этомъ, согласно вышеприведенному Высочайше утвержденному мнѣнію Комитета Г. Министровъ и ст. 96, 170, 171 и 224 XIV т. Св. Зак. уст. о содер. подъ страж. и улож. о наказ. примѣч. къ ст. 19, я полагаю бы отправить Чернышевскаго безъ оковъ и наручей, такъ какъ и Губернское Правленіе при отправленіи этапнымъ порядкомъ лицъ привилегированныхъ сословій, осужденныхъ въ каторжную работу, не налагаетъ оковъ и наручей; а также не исполняетъ надъ ними обряда, указанного въ 541 ст. 2 кн. 15 т. Св. Зак. (о выставленнй къ позорному столбу), ибо Чернышевскій по приговору Правительствующаго Сената не признанъ кѣ политической смерти».

На эту записку последовалъ 5 мая 1864 г. слѣдующій отвѣтъ:

1. Высочайше утвержденнымъ 21 февраля 1864 г. положе-

ніемъ Комитета Г. Министровъ (Собр. узак. 1864 г. № 26 стр. 217) дозволено всѣмъ арестантамъ привилегированныхъ сословій, высылаемыхъ въ Сибирь, какъ бы политическимъ причинамъ, такъ и за общія преступленія, отправляться на почтовыхъ лошадяхъ, буде они того пожелаютъ и будутъ имѣть къ этому достаточныя собственные средства, причемъ соблюдаются правила Высочайше постановленныя 10 января 1854 г. (которыя Министерству Юстиціи неизвестны).

2. По точному смыслу 170, 171, 224 ст. XIV т. уст. содер. подъ стражею и ст. 96 т. XIV уст. о ссыльн., дворане и чиновникѣ, при препровоженіи въ Сибирь, не должны быть заключаемы въ оковы и идутъ только подъ строгимъ надзоромъ.

3. Установленный въ 541 ст. II кн. XV т. Св. Зак. угол. обрядъ (переламываніе шпала и выставленіе на эшафотъ къ позорному столбу), по точному смыслу сей статьи, долженъ быть исполняемъ надъ всѣми безъ исключенія лицами, осужденными въ каторжныя работы (а не надъ тѣми только, кто по ст. 75 улож. о нак. (Св. Зак. т. XV) приговоренъ къ политической смерти).

При этомъ было приложено циркулярное отношеніе Министерства Юстиціи гг. Губернскимъ, Областнымъ и прочимъ мѣстъ Прокурорамъ отъ 21 мая 1863 г. за № 10849 о точномъ соблюденіи установленныхъ правилъ о неналоженнй оковъ на нѣкоторыхъ ссыльныхъ, какъ то малолѣтнихъ, женщинъ и тѣхъ, кои до осужденія были изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ.

Вместѣ съ тѣмъ управлявшій канцелярію князя Суворова, Черныринъ, обратился 5 мая 1864 г. къ коменданту крѣпости, Сорокину, съ слѣдующимъ письмомъ:

«Приговоръ Правительствующаго Сената отставному Титулярному Совѣтнику Чернышевскому уже объявленъ и объ исполненіи онаго Ваше Превосходительство изволите получить вслѣдъ за симъ официальное сообщеніе, предварительное же сего сообщенія, по порученію Князя Александра Аркадѣевича, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, когда Чернышевскій будетъ переведенъ изъ Рavelина въ обыкновенный казематъ крѣпости и не встрѣтитъ ли завтрашній день, т. е. 6 мая какихъ либо препятствій къ свиданію его съ сыномъ и близкими родными».

На письмо это 6 мая, былъ полученъ отъ Сорокина отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«По установленному порядку, вообще переводъ изъ Алексѣевскаго рavelина рѣшенныхъ преступниковъ въ обыкновенный казематъ, или на главную крѣпостную гаутвахту, исполняется или наканунѣ того дня, въ который опредѣлено провезти публично въ исполненіе конфирмаціи, или же наканунѣ отправленія по назначенію, если публичнаго объявленія не назначено. Свиданіе допустится въ теченіи дня не въ мѣстѣ заключенія, а въ особой комнатѣ, въ присутствіи кого либо изъ чиновъ Комен-

¹⁾ Куревъ въ подлинникѣ.

дантскаго Управления. По пробити вечерней зари (наканунѣ отправления) осужденному стригутъ волосы на головѣ и бръютъ бороду и усы, а при самомъ отравленіи одѣваютъ въ казенное платье и сдаютъ конвойнымъ для стѣдованія по назначенію на почтовыхъ лошадахъ».

По выясненіи вопроса о наложеніи оковъ и о совершеніи обряда публичной казни, князь Суворовъ, 6 мая 1864 г. за № 1264, сообщилъ С.-Петербургской Управѣ Благочинія о состоявшемся Высочайшемъ утвержденіи мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу объ отставномъ Титулярномъ Совѣтникѣ Чернышевскомъ и предложилъ 2-му Департаменту Управы Благочинія сдѣлать безотлагательно зависящее по сему предмету распоряженіе, съ тѣмъ чтобы при исполненіи надъ нимъ приговора быть соблюденъ обрядъ, установленный 541 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. (изд. 1857 г.).

«Къ сему нужнымъ считано присовокупить, что для публичнаго объявленія приговора Чернышевскій имѣть быть переведенъ наканунѣ дня исполненія изъ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ онъ нынѣ содержится, въ С.-Петербургскій тюремный замокъ. Распоряженіе это возложено мною на Генералъ-маіора Чебыкина, которому поручено по исполненіи надъ Чернышевскимъ приговора препроводить его обратно въ С.-Петербургскую крѣпость, откуда уже онъ долженъ быть отправленъ по назначенію на почтовыхъ въ сопровожденіи 2 жандармовъ. Необходимыя для отправления Чернышевскаго въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ деньки будутъ доставлены въ Департаментъ особо»...

Одновременно съ этимъ того же числа за № 1266 былъ увѣдомленъ о томъ же и генералъ-маіоръ Чебыкинъ.

Передъ отправленіемъ отца изъ Петербурга дядя мой, А. Н. Пынинъ, обратился къ Управляющему Канцеляріею кн. Суворова, Четыркинъ и къ самому князю Суворову съ нижеслѣдующими письмами отъ 6 мая 1864 г. о разрѣшеніи послѣдняго свиданія:

Къ Четыркинъ:

Ваше Превосходительство!

На случай, когда воспослѣдуетъ отъ князя Суворова разрѣшеніе видѣться съ Ч. для его родственниковъ, сообщаю Вамъ имена ихъ и мѣсто жительства.

Александръ Ник.
Сергій Ник.
Евгенія Ник.
Полина Ник.

Пынины

— въ Кабинетской ул., на углу Ивановской, д. Матусевича, кв. № 14.

Иванъ Григорьевичъ

Терсинскій, оберъ-секретарь при Святейшемъ Синодѣ.
— на Васильевскомъ островѣ по 8-й линіи, за Среднимъ проспектомъ, въ Сидональномъ домѣ подлѣ Благовѣщенья.

Кромѣ того, покорнѣйше прошу Васъ передать прилагаемое при семъ письмо Его Святѣлости.

Честь имѣю быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Пынинъ.

Къ князю Суворову:

Ваша Святѣлость!

Имѣю честь представить Вашей Святѣлости имена тѣхъ постороннихъ лицъ, которыхъ желали бы имѣть разрѣшеніе видѣться съ Ч. передъ его отъѣздомъ, и списокъ которыхъ Вы изволите у меня спрашивать.

Николай Алексѣевъ. Некрасовъ

(на Литейной, въ д. Краевскаго.

1) Максимъ Алексѣевъ. Антоновичъ (въ Басковой ул., близъ Бассейной, д. Даммера).

2) Григорій Захар. Елисеѣвъ

(на Васильевскомъ островѣ, на углу 1-й линіи и Большого проспекта, въ д. церкви Св. Екатерины).

Докторъ Петръ Ив. Божовъ

(въ Эртелевомъ пер., домъ Ханькова).

Имена родственниковъ Ч. я уже сообщилъ г. Четыркинъ, вмѣстѣ съ означеніемъ ихъ мѣста жительства.

Честь имѣю быть

Вашей Святѣлости

покорный слуга

Александръ Пынинъ.

6 мая 1864 г.

На обоихъ письмахъ имѣется резолюція князя Суворова «Согласен».

Независимо отъ этихъ писемъ, И. Г. Терсинскій 8 мая подалъ самъ отдѣльно заявленіе о желаніи свиданія «съ родственникомъ своимъ Чернышевскимъ»³⁾.

О допущеніи свиданія съ И. Г. Терсинскимъ, П. И. Бокowymъ, Г. С. Ельсѣвымъ, Н. А. Некрасовымъ и М. А. Антоновичемъ князь Суворовъ сообщилъ обычнымъ порядкомъ Коменданту 9, 13 и 19 мая, причемъ въ бумагѣ отъ 19 мая 1864 г. за № 1363 имѣется приписка: «Въ случаѣ же если будетъ просить свиданія съ Чернышевскимъ родственница его Михаалисъ⁴⁾, то ей въ томъ разрѣшенія покорнѣйше прошу не давать».

¹⁾ Прибавлено, очевидно уже въ канцеляріи: «Кол. Секр.»

²⁾ Прибавлено: «Изд. Совѣт.»

³⁾ И. Г. Терсинскій былъ женатъ на двоюродной сестрѣ моего отца, Л. Н. Котлярской, умершей въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, къ которой отецъ былъ очень привязанъ. Мать Л. Н. Котлярской вторымъ бракомъ была замужемъ за Н. Д. Пынинымъ.

⁴⁾ Михаалисъ не была нашею родственницею.

Дальше я скажу нѣсколько словъ и о судьбѣ Михаэлисъ, напрасно добывавшейся свиданія съ моимъ отцомъ.

Имѣлось въ виду отправить моего отца изъ Петербурга, 19 мая, что видно изъ слѣдующей резолюціи кн. Суворова, положенной имъ на представленіи С.-Петербургскаго Оберъ-Полицеймейстера отъ 17 мая 1864 г. о времени отправления Чернышевскаго въ Тобольскъ—въ день ли объявленія приговора или послѣ, и котораго именно числа: «Отправить во Вторникъ т. е. 19 мая. Сегодня сдѣлать всѣ распоряженія».

19 мая было объявленіе приговора, слѣдовательно предполагалось опривить въ тотъ же день, но отправка не состоялась, и на другой день, 20 мая за № 1373, кн. Суворовъ обратился къ графу Гейдену съ слѣдующею запискою:

«С.-Петербургскій Военный Генераль-Губернаторъ, свидѣтельству совершенное почтеніе Его Сіятельству Графу Федору Логиновичу, имѣть честь покорнѣше просить командировать по особо уважительнымъ причинамъ одного изъ фельдъегерей для сопровожденія политическаго арестанта Николая Чернышевскаго до станціи Выстовой по Шлиссельбургскому тракту, которому и приказать прибыть къ Коменданту С.-Петербургской крѣпости въ 9 часовъ пополудни».

20 мая 1864 г. за № 103 Комендантъ донесъ кн. Суворову, что Чернышевскій «сего числа въ 10 часовъ пополудни отправленъ въ Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ съ назначенными для сего жандармами». На дорогу было отпущено казною въ распоряженіе сопровождавшаго отца жандармскаго вахмистра, Іоны Ильина, 513 р. 16³/₄ к., изъ которыхъ Ильинымъ потомъ было возвращено 1 р. 90 к. какъ не израсходованные.

Во время совершенія надъ моимъ отцомъ обряда публичной казни произошелъ «возмутительный» съ полицейской точки зрѣнія инцидентъ изъ толпы на эстраду кто то бросилъ... букетъ цвѣтовъ!

Вотъ какъ описываетъ этотъ случай С.-Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ (Генераль-Лейтенантъ Анненковъ) въ своемъ донесеніи князю Суворову:

«Сего числа при публичномъ объявленіи на Мытинской площади приговора бывшему Титулярному Советнику Чернышевскому, всѣми зрителями, которыхъ было довольно значительное число, соблюдена была совершенная тишина и никакого случая безпорядка не было.—Я долженъ обратить при этомъ вниманіе Вашей Свѣтлости на то, что въ самое то время, когда Чернышевскій шелъ къ эстрадѣ, изъ толпы, въ довольно дальнемъ разстояніи отъ него, былъ кинутъ букетъ, упавшій тутъ же впереди зрителей, стоявшихъ шаговъ за 20-ть за линію войскъ. Женщина, бросившая букетъ, была подмѣчена однимъ изъ переднихъ городовыхъ и въ ту же минуту Надзирателемъ Атафоновымъ отправлена въ домъ Оберъ-Полицеймейстера. Все это было сдѣлано такъ скоро и осторожно, что мало кто замѣтилъ

эту сцену. Женщина эта оказалась дѣвица Михаэлисъ. Я имѣю еще свѣдѣніе, что на возвратномъ пути, когда экипажъ, въ которомъ былъ Чернышевскій, проѣхалъ всю длину 4-й улицы (на Пескахъ) и подѣхалъ къ Лиговкѣ, нѣсколько изощищенныхъ экипажъ съ сѣдоками, въ числѣ которыхъ были и женщины, догнавъ кортежъ и нагребались ѣхать около его; но такъ какъ экипажъ былъ конвоированъ жандармами, то они должны были отстать и разѣхаться».

Поэтический порывъ юнаго сердца не могъ остаться безъ наказанія: 25 мая 1864 г. за № 3468 С.-Петербургскій Оберъ-Полицеймейстеръ обращается къ князю Суворову съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Имѣю честь донести, что извѣстная Вашей Свѣтлости изъ докладной записки моей, отъ 21 Мая, дочь Статскаго Советника Марія Михаэлисъ въ прилагаемой при семь подпискѣ обязалась выѣхать изъ С.-Петербурга и проживать у родителей своихъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Подоль. Обязавъ мать дѣвицы Михаэлисъ, жену Статскаго Советника, Евгению Михаэлисъ, не дозволить дочери своей отлучаться изъ указанной выше деревни безъ разрѣшенія Начальства, я тѣмъ не менѣе однакожъ нахожу нужнымъ покорно просить Вашу Свѣтлость, не изволите ли признать возможнымъ сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи за поведеніемъ дѣвицы Михаэлисъ и неотлучкою ея изъ деревни Подоль надзора мѣстной полиціи. Къ этой мѣрѣ побуждаютъ меня характеръ дѣвицы Михаэлисъ, отличающійся необдуманностью и вреднымъ направленіемъ.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что по дѣлу о надзорѣ за дѣвицею Михаэлисъ я не обращался къ ея отцу по случаю крайне болѣзненнаго его положенія.

Подписки дѣвицы Михаэлисъ и ея матери имѣю честь при семь представить».

Подписка дѣвицы Михаэлисъ была выдана слѣдующаго содержанія:

«Я, ниже подписавшаяся, обязуюсь жить у моихъ родителей, Шлиссельбургскаго уѣзда, въ деревнѣ Подоль, впродъ до разрѣшенія Генераль-Губернатора. Дочь Статскаго Советника Марія Михаэлисъ».

24-ое мая 1864 года.

Соответственная подписка была выдана и матерью дѣвицы Михаэлисъ.

Судьба М. Михаэлисъ этимъ не кончается. За ней учреждается полицейскій надзоръ за неотлучкою изъ деревни и 31 мая 1864 г. за № 1464 князь Суворовъ предписываетъ Петербургскому Оберъ-Полицеймейстеру «наблести, чтобы въ случаѣ прибытія Михаэлисъ въ С.-Петербургъ было немедленно мнѣ донесено».

Въ деревнѣ Подоль М. Михаэлисъ оставалась почти около года, въ теченіе котораго только одинъ разъ, въ началѣ ноября 1864 г., ей было разрѣшено «прибыть въ Петербургъ на однѣ

сутки, обязавъ ее подпискою о современномъ возвращеніи къ мѣсту настоящаго ея жительства».

Затѣмъ, по прошенію ея матери въ мартѣ 1865 г. ей было разрѣшено отправиться въ окрестности Петербурга въ семейство служившаго по лѣсной части штабсъ-капитана Ник. Степ. Львова, взявшаго ее на поруки.

Частная жизнь М. Михаэлисъ протекала, повидимому, въ такомъ спокойствіи, что даже у Петербургскаго Губернатора, какъ это видно изъ представленія его князю Суворову отъ 28 марта 1865 г. за № 129, явилось сомнѣніе, слѣдуетъ ли продолжать за ней полицейскій надзоръ и воспрещать отлучки въ Петербургъ. Отвѣтъ князя Суворова былъ однако отрицательный. Точно также отрицательно отнесся онъ и къ просьбѣ матери Михаэлисъ о разрѣшеніи уѣхать ей съ дочерью за границу, и только уже въ концѣ 1865 года князь Суворовъ, по новому ходатайству матери Михаэлисъ, призналъ возможнымъ «разрѣшить повсемѣстное жительства и освободить отъ полицейскаго надзора дочь статскаго совѣтника Марію Михаэлисъ», о чемъ 17 ноября 1865 г. и были увѣдомлены Петербургскій Губернаторъ и Оберъ-Полицеймейстеръ.

Мих. Чернышевскій.

Письмо А. А. Дельвига къ А. С. Пушкину.

«Здравія желаю Александру милому и поздравляю съ новымъ годомъ. Цыганы твои пропущены цензурою до чиста и мною доставлены Бенкендорфу. Выйдутъ отъ него и будутъ печататься. Рылѣевой я изъ своего долга заплатилъ 600 р. Въ остаткѣ у меня осталось 1.600 р., которые при появленіи цѣтвѣвъ снова заплачу. За 19-е Октября благодарю тебя съ лицейскими скотами и братьями вмѣстѣ. Пиши ради Бога ко мнѣ, ты ни на одно письмо мое не отвѣчаешь. Странно для меня, какъ ты не отвѣчалъ на послѣднее. Оно заключало другое письмо, которое если не тронуло тебя, то ты не поэтъ, а камень. Осипова тебѣ кланяется, я съ ней часто говорю о тебѣ и вмѣстѣ грустимъ. Нынче буду обѣдать у вашихъ провожать Льва. Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Кернъ, которая (между нами) вкружила совершенно голову твоему брату Льву. Ты слышу хочешь жениться, благословляю—только сюда привози свою жену, познакомиться съ моею. Прощай. Дельвигъ».

Дельвигъ представилъ „Цыганъ“ вмѣстѣ съ четырьмя другими пѣснями Пушкина графу Бенкендорфу 23 февраля 1827 года. А. С. Пушкинъ — писалъ Дельвигу Бенкендорфу — убедительнѣе проситъ Ваше Превосходительство скорѣе рѣшить достойны ли они и могутъ ли быть пропущены. Такъ говоритъ Дельвигъ о „Цыганахъ“, уже пропущенныхъ. 4 марта Бенкендорфъ возвратилъ рукописи Дельвигу при слѣдующемъ письмѣ: „Возвращая при семь доставленныхъ Вами ко мнѣ сочиненія А. С. Пушкина, долгомъ считаю присовокупить, что я отвѣтъ мой отправилъ прямо къ Александру Сергѣевичу. Сколько меня ни удивило посредничество Ваше въ семь дѣлъ, но мнѣ пріятно Васъ увѣрить въ чувствѣхъ почтенія, съ коими честь имѣю быть и т. д.“¹⁾ Эти данныя позволяютъ датировать письмо Дельвига. Оно написано въ 1827 году, не раньше 23 февраля и не позже 4 марта.

П. А. Плетневъ, завѣдывавшій изданіемъ „Стихотвореній Александра Пушкина“ (вышли изъ цензуры 9 октября 1826 года), сообщалъ 21 января 1826 года своему довѣрителю о томъ, что изъ имѣвшихся въ его распоряженіи денегъ поэтъ Дельвигъ выпросилъ на нѣкоторое время 2000 рублей²⁾. Въ самомъ концѣ января или началѣ февраля 1826 года Пушкинъ писалъ Дельвигу: „ты взялъ 2000 у меня и хорошо сдѣлалъ; но сдѣлай такъ, чтобъ прежде великаго поста они находились опять у Плетнева“³⁾. А въ мартѣ или апрѣлѣ того же года Пушкинъ

¹⁾ „Дѣло Третьяго Отдѣленія о Пушкинѣ“, см. „Всемирный Вѣстникъ“ 1905, янв. стр. 42 и 44.

²⁾ П. А. Плетневъ. Сочиненія и переписка, т. 3-ий, стр. 384.

³⁾ Сочиненія Пушкина, Ред. П. А. Ефремова 1904, т. 7, стр. 248.

наказывал Плетневу: „деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Онѣ мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Дельвига“¹⁾. Дельвигъ 7 апрѣля отвѣчалъ Пушкину: „Деньги твои я взялъ, какъ хорошій министръ финансовъ, т. е. назначилъ Плетневу источникъ уплаты. Я купилъ у Баратынскаго „Эду“ и его сочиненія, и „Эда“, продаваясь въ скоромъ времени погасить мой долгъ“²⁾. А въ письмѣ къ Вяземскаго къ Пушкину отъ 12 июня 1826 года Дельвигъ сдѣлать приписку 14 июня и относительно денегъ сообщалъ своему другу: „Отъ „Эды“ деньги скоро накоплятся Отдамъ ихъ Плетневу или кому велишь“³⁾.

Но деньги накопились не такъ скоро. 18 января 1827 года Плетневъ, давая Пушкину хозяйственный отчетъ по его дѣламъ, указывалъ, что отъ Дельвига онъ не получилъ еще данныхъ ему въ долгъ изъ денегъ поэта 2200 рублей⁴⁾. Значитъ, кромѣ 2000, Дельвигъ успѣлъ взять или взять раньше еще 200 рублей.

Но Пушкинъ уже придумалъ назначеніе части своихъ денегъ. 13 июля 1826 года былъ казеннъ Кондратій Федоровичъ Рыльевъ, и Пушкинъ пожелалъ помочь его женѣ. Въ *недошедшемъ до насъ и неподлинномъ Плетневымъ письмѣ* Пушкинъ просилъ его выдать вдовѣ Рыльевой 600 рублей; потомъ онъ напомнилъ объ этомъ въ *письмѣ, не дошедшемъ до насъ*. 2 января 1827 года, Плетневъ писалъ Пушкину: „о выдачѣ 600 рублей вдовѣ Кондрат. никогда ты мнѣ не писалъ и только въ первый разъ я это вижу въ последнемъ твоемъ письмѣ. Слѣдъ эта статья не числится у меня ни въ расходѣ, ни въ долгу“⁵⁾. Когда Плетневъ отправилъ Пушкину это письмо, онъ получалъ отъ него новое *посланіе, опять какъ до насъ не дошедшее*, въ которомъ поэтъ запрашивалъ его, почему не вручены деньги Н. О. Рыльевой. 18 января 1827 года Плетневъ долженъ былъ сообщить Пушкину: „Въ последнемъ къ тебѣ письмѣ своемъ отъ 2 января 1827 года (котораго, кажется, еще ты не получилъ) я объяснилъ, почему не могъ ни въ Псковъ послать 2000 рублей, ни доставить 600 рублей вдовѣ Кондр.“⁶⁾. Въ этомъ письмѣ Плетневъ сдѣлалъ подсчетъ всѣхъ суммъ Пушкина и высалъ ему всѣ бывшія у него на рукахъ деньги. Тогда Пушкинъ, въ *письмѣ, до насъ не дошедшемъ*, просилъ Дельвига вручить 600 рублей Н. О. Рыльевой. Дельвигъ исполнялъ просьбу поэта и уплатилъ деньги. Такимъ образомъ поэтъ удовлетворилъ добруму движенію своей души⁷⁾.

Къ событію 1 марта 1881 года.

Мои воспоминанія о томъ времени и людяхъ, о которыхъ я пишу эту короткую замѣтку, крайне бѣдны. Отдаленность времени и нервная болѣзнь, которая бросила меня въ пасты Казанской больницы для душевно-больныхъ, сгладили черты прошлаго. Къ этому надо прибавить, что я, какъ неопитъ, зналъ очень мало о дѣлахъ партіи, и мнѣ былъ открытъ только небольшой уголокъ, имѣвшій непосредственное отношеніе къ роли, которая была мнѣ предоставлена въ прнготовительныхъ дѣйствіяхъ къ взрыву 1 марта. Главныхъ дѣйствующихъ лицъ я встрѣчалъ хотя и часто, но очень трудно узнать что нибудь о человѣкѣ, общиваясь съ нимъ короткими фразами во время разныхъ конспиративныхъ свиданій. Я могъ только кое что улавливать изъ ихъ настроеній. Во всякомъ случаѣ, если тогда вначальнѣе отъ каждаго изъ нихъ было полнѣе, то, какъ я уже сказалъ, теперь память не позволяетъ мнѣ воспроизвести прошлое во всей его ясности.

Что касается причины, которая заставила меня примкнуть къ движенію, то я долженъ сказать, что, признавая основное положеніе партіи—требованіе измѣненія политическаго строя, я не считалъ для себя возможнымъ оставаться на подорожѣ. Никакихъ промежуточныхъ станцій для меня не существовало. Самый терроръ былъ мнѣ, да и не одному мнѣ, не по характеру, но легче было принять на себя эту тяжесть, чѣмъ оставаться сочувствующимъ зрителемъ борьбы, въ состояніи неопредѣленнаго Weltschmerzen⁸⁾.

Борьба шла не только за общія права, но и за право своей личности, своего я. Защищали свободу совѣсти и разума, свободу активной любви къ природѣ и людямъ противъ грубой, жестокой силы, которой не было дѣла до этихъ возвышающихъ душу принциповъ. Ихъ торжество рисовало въ будущемъ правильное, здоровое развитіе челоѣка и обезпечивало ему полноту жизни. Эти принципы стали живыми силами въ самыхъ передовыхъ и развитыхъ изъ народовольцевъ. Они вынашивались путемъ идейной работы надъ собой въ періодъ, предшествующій тому моменту, когда народовольцы стали на вполнѣ практическую дорогу полн-

¹⁾ Ibid., стр. 249.

²⁾ Дельвигъ. Сочиненія. Ред. В. В. Майкова. Спб. 1903, стр. 158.

³⁾ Ibid., стр. 190.

⁴⁾ Плетневъ, т. 3-ій, стр. 344.

⁵⁾ Ibid., стр. 343.

⁶⁾ Ibid., стр. 344.

⁷⁾ Возможно предположеніе, что Пушкинъ улачивалъ свой долгъ Рыльеву. Но Рыльевъ во время заключенія сообщилъ своей женѣ точныя свѣдѣнія, кто ему долженъ и кому онъ. (См. Сочиненія Рыльева. Ред. Мазалева). О Пушкинѣ онъ не упоминаетъ.

тической деятельности. Вся страсть и упорство борьбы объясняются, помимо темперамента, определенностью и прочностью формы, в которую отлился духовный облик этих деятелей.

Но эти отвлеченныя начала служили только святочами, освещавшими весь убогавший в даль будущаго желательный путь развитія родины и всего человечества. Для деятельности лица нужны еще непосредственныя точки действительности, точно также как программа партіи должна представлять изъ себя нѣчто болѣе реальное, близкое вопросамъ дня, задающее насущныя интересы разныхъ слоевъ населенія. Первый вопросъ можетъ быть подробно выясненъ биографіями этихъ лицъ. Но у всѣхъ нихъ есть общее въ ходѣ развитія ихъ, какъ определенныхъ деятелей, въ томъ, что всѣ народолюбцы—я говорю о центръ—состояли изъ народниковъ, пережившихъ періодъ хожденія въ народъ.

Это время характеризуется несомнѣнно идеализаціей народа, надеждой на сравнительную легкость перехода къ новымъ формамъ общественныхъ отношеній. Но ближайшее знакомство съ трудящейся массой замѣлило отвлеченный терминъ «народъ» болѣе конкретнымъ представленіемъ, даю живую картину безысходности положенія этой массы. Рядомъ съ этимъ репрессіи правительства обнаружили во всей наготѣ его истинныя намеренія, весь объемъ и силу его власти. Подъ этимъ двойнымъ давленіемъ острѣ ставился вопросъ объ обязательствѣ передъ народомъ во всемъ его цѣломъ, складывались характеры, зрѣла политическая мысль. Стали постепенно раздаваться отдѣльные голоса въ пользу чисто политической борьбы, прорывались единичныя террористическія факты. Но только въ серединѣ 1879 года мысль о необходимости начать эту борьбу вполне открыла и была признана цѣлой группой лицъ, положившей основаніе новой организаціи, имѣвшей въ своемъ центръ т. н. Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли.

Нова была не самая идея политической борьбы, а именно признаніе ея необходимости партіей, которая одна только могла придать ей силу и яркость, обративъ слово въ дѣло, опредѣлить собой цѣлое революціонное теченіе. Комитетъ издалъ свою программу и первымъ требованіемъ выставилъ въ ней созывъ Учредительнаго Собранія. Дополненіемъ къ этой программѣ служило извѣстное письмо Комитета къ Александру III отъ 10 марта 1881 года.

Народолюбцы не предприняли формы правленія; они только хотѣли, чтобы воля народа нашла свое осуществленіе. Въ той же программѣ они выдвинули вопросъ о правѣ крестьянъ на землю, правѣ рабочихъ на легальную борьбу за улучшеніе своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія и, само собой, правѣ лицъ и общества на то, что называется политической свободой. По мнѣнію Комитета исполненіе этихъ требованій являлось бы пер-

вымъ и непремѣннымъ шагомъ на пути дальнѣйшаго, уже свободнаго развитія Россіи.

Въ этой программѣ не было ничего утопичнаго. Она захватывала всѣ коренныя интересы населенія; все самое существенное изъ назрѣвшихъ вопросовъ историческаго момента находило въ ней свое мѣсто.

Но какъ было осуществить требованіе созыва Учредительнаго Собранія? Я думаю, что взглядъ партіи въ различные моменты ея деятельности и взгляды отдѣльныхъ лицъ на этотъ вопросъ мѣнялись и были различны. Возможность возстанія, бунта, возникающаго самостоятельнаго или подготовленнаго партіей, входила въ соображенія Исполнительнаго Комитета. Комитетъ долженъ былъ установить свою точку зрѣнія на обѣ эти возможности и усилить себѣ собственную роль при той и другой комбинаціи событій. Но была еще третья возможность—это сломить правительство и заставить его пойти на уступки исключительно силами партіи въ расчетъ, конечно, на приливъ свѣжихъ силъ и на расширеніе организаціи.

Чуть ли не весной 80 г. Александръ Михайловъ пригласилъ членовъ двухъ-трехъ, въ томъ числѣ и меня, на совѣщаніе, на которомъ обсуждался именно этотъ вопросъ, возможно ли ожидать возстанія, въ какой формѣ оно можетъ проявиться. Изъ всѣхъ разговоровъ я вынесъ убѣжденіе, что возможность возстанія представлялась весьма проблематичной и, если и рисовалась, то въ очень смутныхъ очертаніяхъ. Не существовало никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы ожидать возникновенія такого событія. По крайней мѣрѣ въ концѣ 80 г. и началѣ 81 г. Исполнительный Комитетъ, какъ мнѣ казалось, склонялся къ послѣднему предположенію, а именно надеждѣ на свои силы.

Съ самаго своего возникновенія партія Н. В. сосредоточила свою деятельность въ городахъ, гдѣ группировались самыя чужія и самыя развитыя части населенія. Здѣсь же находились представители высшей администраціи. Средствами расширенія силъ и вліянія на общество и рабочихъ были пропаганда и агитация. Одновременно съ этимъ должна была идти организація всѣхъ революціонныхъ элементовъ. Средствомъ борьбы съ правительствомъ партія избрала терроръ.

Психологически терроръ былъ актомъ принципиальной и личной ненависти, актомъ гнѣва, накопленнаго годами въ сердцѣ народа. Можно съ полнымъ правомъ говорить: народа. Стоить перечислить главныхъ действующихъ лицъ той трагедіи, которая пронеслась ураганомъ надъ Россіей. Они составляли собраніе представителей всѣхъ классовъ населенія. Все это были люди действительно дѣла, стоявшие прочно на ногахъ, соединившіе въ себѣ талантъ, знаніе и волю. Наконецъ, въ ихъ рядкахъ стояла женщина. Всѣ они рѣшились во что бы то ни стало добиться свѣта, отсутствіе котораго душило Россію. Они знали, что ихъ стремленія отвѣчаютъ кореннымъ потребностямъ обще-

ства и надѣялись путемъ агитаціи, собственнымъ примѣромъ приподнять общее настроеніе. Они надѣялись, что партія не умретъ. Желябовъ сказалъ какъ-то: «чего намъ бояться?—не стаетъ насъ, найдутся на наше мѣсто другіе».

Какъ система, терроръ былъ оружіемъ, которымъ партія дѣйствовала противъ правительства и въ то же время агитировала общество. Такимъ путемъ проивалась брешь въ заставшихъ формахъ, связывавшихъ мысль въ ея преклоненіи передъ авторитетомъ самодержавной власти, и идеей вѣсозмія и смерти, равныхъ для всѣхъ, уравнивалихъ всѣхъ состоянія. Въ этой постановкѣ вопроса есть нѣчто прямо-таки страшное, тѣмъ не менѣе такое положеніе существовало.

Правительство было ошеломлено и напугано, и настолько, что, какъ потомъ оказалась, готовило проектъ конституціи.

Народовольцы, какъ активная партія, оказались одиноки. Еще слишкомъ пассивное въ то время общество не откликнулось на ихъ призывъ къ активному протесту. Они просуществовали до тѣхъ поръ, пока были живы главныя силы. Такія организаціи, въ отношеніи своего состава, какъ Исполнительный Комитетъ, вырабатываются нелегко и нелегко исполняются. Но пока на защиту народныхъ правъ выступаютъ одни только тайныя общества, побѣды ожидать трудно. Имъ однимъ не выдержать на своихъ плечахъ всей тяжести борьбы. Еще до 1 марта партія потеряла крупныя потери въ лицѣ Александра Михайлова, Колодкевича, Морозова, Желябова и др. Послѣ 1 марта рядомъ со слѣдовательныхъ арестовъ центръ ея былъ совершенно разбитъ. На мѣсто выбывшихъ «не приходили другіе», какъ думалъ Желябовъ.

Дѣятельность Народовольцевъ я бы назвалъ моментомъ борьбы за идею права, за которымъ долженъ былъ наступить слѣдующій за нимъ моментъ борьбы за самое право, который мы и переживаемъ въ настоящее время.

Политика правительства послѣ 1 марта извѣстна всѣмъ. Оно поняло опасность и ея источникъ: передъ нимъ стоятъ страшныя для него призраки Мысли, возставшей съ оружіемъ въ рукахъ.

* * *

Мое знакомство съ народовольцами началось въ концѣ 79 года. Связи съ обществомъ, въ Петербургѣ, на сколько мнѣ извѣстно, были ограничены. Ближе всего они стояли къ учащейся молодежи. Въ этой средѣ мнѣ, какъ студенту, и можно было только съ ними познакомиться. Большая часть революціонной молодежи была захвачена тогда народовольческимъ теченіемъ. Черный Передѣлъ представлялъ собою скорѣе партію теоретиковъ, которая не могла дать сейчасъ же никакого дѣла. Пропаганда социализма среди крестьянъ на почвѣ ихъ туманныхъ представлений, почти мечтаній объ общемъ передѣлѣ и правѣ на землю не могла дать никакого практическаго результата, особенно взбѣ-

сивъ отношеніе между нѣсколькими десятками, даже сотнями дѣятелей и тѣми миллионами, къ которымъ предстояло обратиться съ рѣчью, и вдобавокъ—при отсутствіи свободы слова. Лучшее могла бы быть поставлена пропаганда среди рабочихъ. Но главное-то—политика, борьба съ правительствомъ подвигалась Чернопередѣльцами куда-то на очень отдаленный планъ. Между тѣмъ правительство всѣмъ своимъ режимомъ не только закрывало передъ нами перспективы честной, открытой общественной дѣятельности, но своими жестокостями—казнями, учрежденіемъ генералъ-губернаторствъ—слишкомъ задѣвало, раздражало и вызывало желаніе дать ему немедленный отпоръ. И тѣ, у кого душа болѣла, невольно шли къ народовольцамъ. На эти элементы ихъ примѣръ дѣйствовалъ очень рѣшительно. Я не говорю о вліяніи того или другого лица. Я не могъ бы, напр., сказать, кто именно на меня вліялъ. Вліяли духъ партіи и вся атмосфера жизни. Народовольцы слишкомъ ярко выделялись на общемъ фонѣ равнодушія или добрыхъ намѣреній. Въ ихъ устахъ весь перечень хорошихъ словъ: служение народу, любовь къ правдѣ и т. д. получали могучую силу живыхъ двигателей. Въ этомъ причина ихъ личнаго вліянія на молодежь, не знающую компромиссовъ, ищущую исхода своему непосредственному чувству общественной.

Я уже говорилъ, что при условіи конспиративныхъ знакомствъ съ людьми ихъ личныя черты не такъ-то легко открываются. Нужно стоять ближе къ дѣлу, чѣмъ это было со мной, и дольше работать вмѣстѣ, чтобы уяснить себѣ характеръ и особенности мировоззрѣнія каждаго.

Тѣ, кого я зналъ, были люди трезвые, уравновѣшенные. Въ нихъ не было ни экзальтаціи, ни преувеличенныхъ надеждъ, но они считали своимъ долгомъ вести свою работу, не отступая.

Самымъ нервнымъ былъ Исаевъ. Въ немъ была, можетъ быть, доля излишней возбудимости. Александръ Михайловъ былъ поглощенъ своимъ дѣломъ и любилъ его. Казалось, онъ не чувствовалъ ни тяготы, ни напряженія, а шель свободной, увѣренной поступью, какъ человѣкъ, вполне знающій, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Этимъ объясняется его всегдашняя ясность настроенія духа. Сомнѣваясь, чтобы онъ зналъ моменты острыхъ сомнѣній и колебаній. Такіе люди останавливаются, выбираютъ, а затѣмъ идутъ, не сворачивая съ разъ намѣченнаго пути. Изъ всѣхъ, кого я зналъ, я не замѣчалъ ни въ комъ такой ненависти, какая была у Михайлова и какая еще скрывалась въ Перовской. Последній разъ я встрѣтился съ Михайловымъ незадолго до его ареста. Приготовленія къ катастрофѣ 1 марта уже начались. Заговорили объ Александрѣ II и о томъ, что духовенство старается по своему объяснить причину неудачныхъ покушеній. Михайловъ жалъ кулакъ и, опустивъ его мѣрныхъ движеніемъ на столъ, сказалъ: «теперь мы, кажется, съ нимъ покончимъ». Въ тонѣ голоса и въ глазахъ, метнувшихъ искры, вылилась вся сила его воли и без-

поворотность въ рѣшеніяхъ. Такимъ я видѣлъ Михайлова первый и единственный разъ.

Та же ненависть, но съ другимъ оттѣнкомъ, болѣе обличающимъ женщину, была и въ Перовской, но она не выказывала ея такъ явно. Это чувство замѣтно было по ея движеніямъ, по тому вниманію, съ какими она слѣдила за выѣздами государя. Въ Михайловѣ это было сильное, ровное чувство мужчины, въ Перовской—болѣе тонкое, острое, глубокое и въ то же время въ высшемъ чувствѣ женщины. Она точно мстила Александру II за то, что онъ оторвалъ ее отъ ея спокойной, мирной работы пропагандистки.

Я слышалъ о Колодевичѣ, какъ о человѣкѣ тоже большой нравственной силы, но самъ видѣлъ его раза два. Я встрѣтилъ его первый разъ у его старыхъ знакомыхъ, людей повидимому прежней формациі, отъ которыхъ пахло не то идеализмомъ народничества, не то еще чѣмъ-то болѣе раннимъ. Колодевичъ былъ молчаливъ и сумраченъ, съ виду даже суровъ. Хозяйка завела почему-то рѣчь о Рудинѣ и задала вопросъ, возможны ли въ настоящее время Рудины и какова была бы ихъ роль. Этотъ вопросъ, обращенный къ Колодевичу, звучалъ очень странно. Онъ не сталъ ей даже отвѣчать на него, а указалъ рукой на одного изъ присутствовавшихъ: спросите, молъ, его. Вѣроятно, подумалъ: экъ, куда хватила. Колодевичъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе человѣка въ высшей степени благороднаго, съ характеромъ и если суровато, то только по отношенію къ себѣ.

Изъ моихъ воспоминаній о Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ приведу небольшой эпизодъ встрѣчи съ ней въ день акта въ Университетѣ, когда министру народнаго просвѣщенія Сабурову было нанесено оскорбленіе. Идя по Невскому, по направленію къ Университету, я встрѣтилъ Фигнеръ.—«Что вы тутъ дѣлаете? Вѣдь намъ давно надо быть въ Университетѣ».—Я сказалъ, что мнѣ эта исторія не нравится, и потому не тороплюсь...—«Не нравится?» бросила она мнѣ рѣшительно и кратко, повернулась и побѣжала дальше. У нея всегда былъ бодрый, смѣлый видъ; гордость женщины соединялась въ ней съ гордостью бойца; движенія были быстры и рѣшительны. Она обладала при этомъ такимъ звучнымъ, музыкальнымъ разговорнымъ контрапунктомъ, что ея рѣчь лилась, какъ музыка. Такого голоса я никогда не слышалъ. Низкіе, грудные тоны его сообщали характеръ особеннаго мужества и глубины всему ея существу. Все вмѣстѣ взятое было удивительно красиво.

Баранниковъ былъ человѣкъ совсѣмъ особаго типа. Красивый брюнетъ съ смуглымъ цвѣтомъ лица, съ отливомъ въ глазахъ, какой бываетъ у южанъ, росту выше средняго, гибкій и стройный, онъ любилъ жизнь, но такую, которая давала бы ему сильныя ощущенія. Когда у него въ карманѣ оказывались прокламациі или вообще какія нибудь подпольныя изданія, онъ старался отъ нихъ поскорѣе отдѣлаться и просилъ другихъ заняться ихъ распространеніемъ. Это дѣло казалось ему слишкомъ скуч-

нымъ. Зато готовъ онъ былъ быть вездѣ, гдѣ чуялась опасность. Къ опасности онъ относился очень просто, какъ къ самой обычной вещи, нисколько не рисуясь своимъ пренебреженіемъ къ ней. Храбрость и отвага составляли его природныя качества. Такие люди не могутъ выдерживать тюрьмы, и, когда его арестовали, предсказывали, что онъ умретъ безъ свободы.

Взаимныя отношенія членовъ центральной организаціи не могли, конечно, быть плохими. Всѣ они давно и хорошо знали другъ друга. Трудность осуществленія той задачи, которую они себѣ поставили, и способъ борьбы требовали дружескихъ отношеній. Мелкимъ счетамъ не могло быть мѣста. Наконецъ, нравственный подъемъ духа былъ таковъ, что все мелкое само собою исчезало и подавлялось. Всѣхъ соединяло чувство духовнаго братства. Всѣ—мужчины и женщины были между собой на ты.

Мое знакомство съ радикальнымъ студенчествомъ и съ нѣкоторыми членами партіи, не помню теперь, съ которыми, перешло въ извѣстныя дѣловыя отношенія. Я началъ оказывать партіи разныя мелкія услуги. Осенью 80 г. я принялъ участіе въ серьезномъ дѣлѣ, именно въ подготовительныхъ работахъ къ взрыву 1-го марта.

Однажды, въ началѣ ноября 80 г., ко мнѣ зашелъ Л. Тихомировъ и предложилъ принять участіе въ наблюденіяхъ за выѣздами царя. Наблюденіями должны были заняться нѣсколько человѣкъ. Тихомировъ предполагалъ пригласить кромѣ меня Елизавету Николаевну Оловеникову и, кажется, Тычинина. Партія, по его словамъ, одобрила этотъ выборъ, и дѣло было за нашимъ согласіемъ. Мы всѣ трое согласились. Очень скоро было назначено засѣданіе наблюдательнаго отряда, т. е. кружка лицъ, которые должны были наблюдать за выѣздами царя. На этомъ засѣданіи присутствовали Тихомировъ, Перовская, Гриневицкій, Рысаковъ, Оловеникова, Тычининъ, я и еще студентъ Петербургскаго Университета С., оставшіяся неоткрытымъ. Рысаковъ былъ для нѣкоторыхъ изъ насъ человѣкомъ новымъ. Его познакомили съ нами подъ кличкой «Николай».

Фамилія Оловениковой и Тычинина скоро стали извѣстны Рысакову, такъ какъ въ ихъ квартирахъ преимущественно происходили наши собранія. Меня Рысаковъ зналъ или, скорѣе, долженъ былъ знать тоже подъ какой-то кличкой. Но какъ-то разъ Перовская по ошибкѣ назвала меня моимъ настоящимъ именемъ, и Рысаковъ это замѣтилъ.

На первомъ засѣданіи Рысаковъ велъ себя странно: нервничалъ, смѣялся совершенно не къ месту. Видно было, что ему не по себѣ, что онъ волнуется. Я обратилъ вниманіе Перовской на его состояніе, но она отвѣтила, что это вполне вѣрный человѣкъ, за него ручается Тарасъ (Желябовъ). Потомъ Рысаковъ велъ себя спокойно, такъ что рѣчь о немъ больше не заходила.

Нашъ отрядъ долженъ былъ опредѣлить, въ какое время, по какимъ улицамъ и насколько правильно царь совершаетъ свои

вызвяды і поўздки па гораду. Наблюдэніа рэшана было весті кожны дзень двумь ліцамь, по установленному напередь распісанію. Кождый ізь двухь должень былъ наблюдать до извѣстнаго часа, послѣ чого на смѣну ему выходилъ бы его товарищъ. Пары наблюдателей должны были чередоваться кождый дзень. Эта система парь съ постоянной смѣной очереди і порядка імѣла въ виду замаскировать наблюдэніа.—Тихомиривъ на дальнѣйшихъ засѣданіяхъ не бывалъ. На нѣсколькихъ присутствовалъ Желябовъ. Онъ хотѣлъ, вѣроятно, на основаніи нашихъ словъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о всей обстановкѣ вызвядовъ.—Засѣданіа отряда происходили разь въ недѣлю. Главная роль принадлежала Перовской, которая записывала результаты наблюдэній. Первое время наблюдать было трудно, т. к. не было еще извѣстно, когда государь вызъзжаетъ, поэтому приходилось долше слѣдить за дворцомъ. Но скоро мы опредѣлили время і обычное направленіе поўздока. Обыкновенно царь вызъзжалъ изъ дворца около половины второго і направлялся въ Лѣтній садъ. Онъ ѣдилъ въ каретѣ, окруженный шестью всадниками изъ конвоя Е. В., на великолѣпныхъ лошадахъ, очень быстро. Двое изъ этихъ всадниковъ прикрывали собой двѣрцы кареты. Изъ Лѣтняго сада онъ или возвращался прямо во дворець, что бывало рѣдко, или заѣзжалъ куда нибудь, безъ соблюденія правильности. Таковъ былъ маршрутъ по буднямъ. По воскресеніямъ государь ѣздилъ въ Михайловской манежъ на разводъ. Путь его лежалъ обыкновенно по Невскому, а оттуда по Малой Садовой. Время вызвядовъ соблюдалось съ пунктуальной точностью. Первый изъ насъ наблюдалъ обыкновенно отъ дворца до Лѣтняго сада или манежа, второй — отъ Лѣтняго сада или манежа до возвращенія государя домой. По его пути расказывала многочисленная охрана изъ какихъ-то штатскихъ, вѣроятно, сыщиковъ.

Перовская не только отбирала отъ насъ свѣдѣніа, но і сама участвовала съ нами въ наблюдэніяхъ. Изъ манежа царь возвращался домой мимо Михайловскаго театра по Екатерининскому каналу. Перовская первая замѣтила, что на поворотѣ отъ Михайловскаго театра на Екатерининскій каналъ кучеръ задерживаетъ лошадей, і карета ѣдетъ почти шагомъ. Расказывая намъ объ этомъ на ближайшемъ засѣданіи, она прибавила: «вотъ удобное мѣсто!»—Для меня ея замѣчаніе стало понятно только въ дзень 1 марта. Планъ нападенія не всѣмъ былъ извѣстенъ, такъ какъ по требованію конспіраціи въ него не посвящали тѣхъ, кому не зачѣмъ было о немъ знать.

Наблюдэніа продолжались безъ перерыва приблизительно до двадцатыхъ чиселъ февраля. Они послужили основаніемъ для опредѣленія мѣста закладки мины і нападенія метальщиковъ.

По плану Исполнительнаго Комитета покушеніе на государя должно было произойти или изъ лавки Кобозева на Малой Садовой путемъ взрыва мины, заложеной подь мостовую, или ручными бомбами. Мѣстомъ для нападенія былъ намѣченъ именно тотъ сво-

ротъ на Екатерининскій каналъ, на который Перовская обратила вниманіе. Метальщики должны были выйти на Екатерининскій каналъ къ извѣстному часу і появиться въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. самая очередь метанія бомбъ была приблизительно намѣчена заранее. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ мнѣ одинъ изъ метальщиковъ, Емельяновъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться въ первый разъ уже въ Московской пересельной тюрьмѣ. Онъ же говорилъ, что первую бомбу должень быть, согласно очереди, бросить Тимофей Михайловъ, а Рысакова предполагали поставить на послѣднее мѣсто, т. е., какъ говорилъ Емельяновъ, ему хотѣли дать поухать пороку. Вспоминая теперь, что Перовская указывала еще на пустыньность Екатерининскаго канала. Здѣсь, слѣдовательно, представлялось меньше всего шансовъ задрѣть взрывомъ прохожихъ.

Въ самый дзень 1-го марта Перовская назначила мнѣ свиданіе въ маленькой кофейной, на Владимірской улицѣ, близъ Невскаго чуть ли не извѣстной теперь подь именемъ «Капернаумъ». Свиданіе было назначено въ началѣ четвертаго часа. Не помню почему, но въ этотъ дзень я преслушивался къ улицѣ. Вѣроятно, былъ сдѣланъ кѣмъ нибудь намекъ, что именно въ этотъ дзень нужно ждать развязки. Къ назначенному часу я шелъ на свиданіе издалека, отъ Таврическаго сада. Въ тѣхъ краяхъ еще ничего не было извѣстно о томъ, что творится на Екатерининскомъ каналѣ. Но на Итальянской, недалеко отъ Литейной, я встрѣтилъ офицера, мчавшагося, чуть не стоя, на извозчикѣ. Онъ громко і возмущенно кричалъ, обращаясь къ проходившей публикѣ. Я не могъ разобрать, что онъ кричалъ, но видно было, что человекъ чѣмъ-то сильно потрясенъ. Я, конечно, понялъ, въ чемъ дѣло. Придя въ кофейную, я прошелъ въ маленькую заднюю комнату, въ которой і раньше встрѣчался съ Перовской. Комната эта бывала обыкновенно пуста. Я засталъ въ ней студента С., члена наблюдательнаго отряда. Онъ тоже ждалъ Перовскую. Вскорѣ дверь открылась, і она вошла своими тихими, неслышными шагами. По ея лицу нельзя было замѣтить волненія, хотя она пришла прямо съ мѣста катастрофы. Какъ всегда она была серьезно-сосредоточена, съ отбѣгомъ грусти. Мы сѣли за одинъ столикъ і хотя были одни въ этой полутемной комнатѣ, но соблюдали осторожность. Первыми ея словами было: «кажется, удачно;—если не убить, то тяжело раненъ». На мой вопросъ: «какъ, кто это сдѣлалъ?»—она отвѣтила: «бросили бомбы: сперва Николай, потомъ Котикъ (Гриневичкій). Николай арестованъ; Котикъ, кажется, убить».

Разговоръ шелъ короткими фразами, постоянно обрываясь. Минута была очень тяжелой. Въ такіе моменты испытываешь только зародыши чувствъ і глушишь ихъ въ самомъ зачаткѣ. Меня душили подступающія къ горлу слезы, но я сдерживался, такъ какъ во всякую минуту могъ кто нибудь войти і обратить вниманіе на нашу группу. Студентъ С., очень скртыный і сдержанный человекъ, не проронилъ за все время ни слова.

Перовская передала мнѣ потомъ маленькую подробность о Гриневицкомъ. Прежде чѣмъ отправиться на каналъ, она, Рысаковъ и Гриневицкій сѣдѣли въ кондитерской Андреева, помѣщавшейся на Невскомъ противъ Гостинаго двора, въ подвальномъ этажѣ, и ждали момента, когда пора будетъ выходить. Одянь только Гриневицкій могъ спокойно съѣсть поданную ему порцію. Изъ кондитерской они пошли врозь и опять встрѣтились уже на каналѣ. Тамъ, проходя мимо Перовской, уже по направленію къ роковому мѣсту, онъ тихонько улыбнулся ей чуть замѣтной улыбкой. Онъ не проявилъ ни тѣни страха или волненія и шелъ на смерть съ совершенно спокойной душой.

По словамъ Емельянова, Тимофей Михайловъ долженъ былъ бросить первую бомбу, но онъ будто бы почувствовалъ себя не въ силахъ это сдѣлать, и у него хватило характера вернуться домой, не дойдя до мѣста. Вслѣдствіе этого номера метальщиковъ переругались, и около кареты государя первымъ очутился Рысаковъ.

Про себя Емельяновъ рассказывалъ, что за нѣсколько дней до 1-го марта онъ изучалъ расположеіе и внутреннее устройство плавучихъ причемъ-купальнъ на Екаторъ каналѣ. Онъ говорилъ, что если бы ему пришлось бросить бомбу и его захотѣли бы арестовать, онъ постарался бы скрыться въ одной изъ купальнъ, забаррикадироваться и защищаться до послѣдней возможности, такъ какъ не намѣренъ былъ добровольно отдаваться въ руки жандармовъ. Когда Гриневицкій упалъ, онъ подскочилъ къ нему, желая узнать, живъ ли онъ и нельзя ли его спасти изъ суматохъ, но было уже поздно. Тогда Емельяновъ подошелъ къ парю и помогъ уложить его въ сани.

Послѣ 1-го марта я видѣлся часто съ Перовской. 27-го февраля былъ арестованъ Желябовъ, лично близкій ей человѣкъ. Сама она, какъ говорили, была больна всѣ эти дни и съ трудомъ ходила. Она пережила дѣльный рядъ крупныхъ потрясеній и личныя и общественныхъ, но оставалась все такой же тихой, сдержанной и спокойной на видъ, глубоко хороша въ себѣ свои чувства. Кажется, 3 марта мы шли съ ней по Невскому. Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщеніе о событіяхъ дня: «новая телеграмма о злодѣйскомъ покушеніи»... и т. д. Около нихъ собралась толпа и раскупала длинные листки. Мы тоже купили себѣ телеграмму. Въ ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябовъ заявилъ, что онъ организаторъ дѣла 1 марта. До сихъ поръ можно еще было надѣяться, что Желябовъ не будетъ привлеченъ къ суду по этому дѣлу. Хотя правительство и знало, что онъ играетъ крупную роль въ дѣлахъ партіи, но для обвиненія по дѣлу 1-го марта у него не могло еще быть уликъ противъ Желябова. Изъ телеграммы было ясно, что участь Желябова рѣшена.

Даже въ этотъ моментъ, полный страшной для нея неожиданности, Перовская не измѣнила себѣ. Она только задумчиво опу-

стила голову, замедлила шагъ и замолчала. Она шла, не выпуская изъ нерѣзительно-опущенной руки телеграммы, съ которой она какъ будто не хотѣла расстаться. Я тоже молчалъ, боялся заговорить, зная, что она любитъ Желябова. Она первая нарушила молчаніе. На мое замѣчаніе: «зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?»—она отвѣтила: «вѣрно такъ нужно было.»—«Не знаю, въ этотъ ли день или раньше у нея явилась мысль спасти Желябова. Намѣреніе, разумѣется, несбыточное, но въ Перовской говорила страсть, и, какъ человѣкъ, не привыкшій опускать руки, она хотѣла испробовать всѣ средства. Она искала лазейки въ Окружной Судъ, гдѣ должно было происходить заздѣаніе суда. Мы искали свободной квартиры около III отдѣленія на Пантелеймоновской. Тутъ она имѣла въ виду устроить наблюдательный пунктъ и, вѣроятно, при выѣздѣ Желябова изъ воротъ зданія III отдѣленія надѣялась организованнмъ нападеніемъ освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Нигдѣ ничего не устривалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно,—она все равно стала бы дѣлать по своему. Въ этихъ поискахъ и суетѣ она хоть немного забывалась. Поэтому я безпрекословно исполнялъ всѣ ея порученія, ходилъ съ ней всюду, куда она меня вела.»

Тогда говорили: «Сона потеряла голову». Она дѣйствительно потеряла всякое благоразуміе. Ее уговаривали уѣхать изъ Петербурга, скрыться куда нибудь на время. Она никого не хотѣла слушать. Она вилась, какъ вьется птица надъ головой коршуна, который отнял у нея итенца, пока сама не попала ему въ котли.

Гельфманъ, арестованную въ Тельжнѣннхъ улицѣ, въ квартирѣ, гдѣ хранились бомбы, я видѣлъ чуть ли не наканунѣ ареста, во всякомъ случаѣ уже послѣ катастрофы 1-го марта. Обыкновенно веселая и привѣтливая, она была пасмурна, разстроена, мало говорила. Я встрѣтилъ ее у знакомыхъ курсистовъ, у которыхъ скопилось нелегальная литература. Полиція обыскивала тогда дѣйные дома, особенно населенные студенчествомъ. Онѣ боялись обыска и хотѣли събѣжать куда нибудь эту литературу. Гельфманъ взяла себѣ весь свертокъ со словами: «ну, у меня этого добра такъ много, что мнѣ все равно.»—Мы вышли съ ней вмѣстѣ и скоро разошлись. При прощаніи она крѣпко пожалала мнѣ руку и съ тяжелымъ чувствомъ сказала: «прощайте!—увидимся ли?»

Я не зналъ, что у нея въ квартирѣ бомбы, и не понималъ, почему она волнуется больше другихъ. Помимо этого она готовилась, какъ потомъ обнаружилось, сдѣлаться матерью, и въ ней зарождалось совсѣмъ новое для нея чувство, которое заставляло ее беспокоиться за себя. При арестѣ ей пришлось быть свидѣтельницей сцены вернаго, торопливаго самоубійства Сабина. На судѣ она вела себя съ достоинствомъ, какъ говорились въ заграничныхъ отчетѣхъ. Но она не выдержала потери ребенка.

Я слышал, что къ ней въ камеру, въ домъ предварительнаго заключенія, вошли неожиданно жандармы, взяли ребенка и унесли. Вскорѣ послѣ этого она умерла.

Всякій, кто знаетъ Гесю, скажетъ, что роль террористки была совѣмъ не по ней. Не потому, чтобы терроръ требовалъ какой-то свирѣпости, которой вовсе не было и въ другихъ, но всетаки такихъ простыхъ, самоотверженныхъ и добрыхъ людей, какой была Геся, эта шанка должна слишкомъ давить.

Саблинъ застрѣлился, несомѣнно не желая, а, можетъ быть, боясь той нравственной пытки, которая его ожидала втеченіи всей процедуры слѣдствія, суда и казни. Слишкомъ мягкій, впечатлительный, не только по натурѣ, но, кажется, и на самомъ дѣлѣ художникъ, онъ, вѣроятно, не надѣялся на свои нервы. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ у знакомыхъ раза два. Чловѣкъ неглупый, талантливый, остроумный, онъ, казалось, не особенно обращалъ вниманіе на свои способности. Или время и условія его жизни были таковы, чтобы ему невозможно было ихъ культивировать. На немъ лежала печать свободной профессіи. Я думаю, что только недостатокъ въ людяхъ могъ его заставить взять на себя роль хозяина квартиры, гдѣ были бомбы. Исполнительный Комитетъ съ своей стороны, вѣроятно, руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что Геся Гельфманъ и Саблинъ не подвергались непосредственной опасности въ качествѣ хозяевъ квартиры, которую могли открыть только благодаряговору.

Послѣ 1 марта Исполнительный Комитетъ выпустилъ рядъ прокламацій къ крестьянамъ, рабочимъ, обществу. Было организовано дѣльное бюро, располагавшее грудой адресовъ, по которымъ оно рассылало эти прокламаціи во все концы и закоулки Россіи. Въ самомъ Петербургѣ прокламаціи расклеивались на улицахъ въ центральныхъ кварталахъ—съ обращеніемъ къ обществу, въ районахъ—къ рабочимъ.

Въ этомъ бюро работала и Перовская. Какъ-то она приходитъ и рассказываетъ о настроеніи рабочихъ, съ которыми она вела сношенія. Рабочіе ей говорили: «что намъ теперь дѣлать? Веди насъ, куда хочешь».—Перовская была, можетъ быть, и довольна ихъ обращеніемъ, но была поставлена въ большое затрудненіе. Что имъ было въ самомъ дѣлѣ отвѣтить?..

Не могу не привести еще одного эпизода изъ университетской жизни.—Со дня университетскаго акта, когда министру Сабурову было нанесено оскорбленіе студентами Подольскимъ, отношенія между правыми и лѣвыми стали очень натянуты. Эта исторія была дѣломъ центральнаго университетскаго кружка, организованнаго въ началѣ 1881 г. Кружокъ былъ основанъ по мысли Исполнительнаго Комитета, долженъ былъ объединить революціонное студенчество и служить звеномъ между этимъ послѣднимъ и центромъ. Я не вошелъ въ кружокъ, такъ что о его

внутренней жизни ничего не знаю, но предполагаю, что Комитетъ хотѣлъ дать возможность этому кружку заявить о себѣ какимъ нибудь крупнымъ для него фактомъ. Такъ какъ въ предѣлахъ студенческихъ интересовъ всегда важное значеніе имѣлъ вопросъ объ измѣненіи устава, то это требованіе и было изложено въ произнесенной съ хоръ студентами Коганъ-Бернштейномъ рѣчи и брошеной имъ оттуда же пачкѣ прокламаціи. Въ это же время въизвъ, въ залѣ, студентъ Подольскій подошелъ къ министру и ударилъ его ¹⁾.

Враждебныя чувства правыхъ и лѣвыхъ поддерживались усиленными правыхъ. Они образовали свой тайный кружокъ съ дѣльной наблюденія за лѣвыми. Фактъ 1 марта еще болѣе обострилъ отношенія. Консерваторы вели себя вызывающе, часто нахально. Одинъ изъ нихъ возбудилъ подозрѣніе, что онъ не только слѣдитъ и дѣлится своими впечатлѣніями съ единомышленниками, но идетъ дальше и сносится съ жандармами. Общее настроеніе было такое возбужденное, что кому-то пришла мысль убить этого студента, какъ шпиона. Раньше, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, былъ составленъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ студентовъ, на которомъ предстояло рѣшить вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ его убивать. Къ счастью для Университета нашлись голоса противъ убійства, и вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно.

Сообщаю объ этомъ фактѣ, какъ принимавшій участіе въ обсужденіи вопроса. Центральный университетскій кружокъ, долженъ прибавить, къ этому послѣднему дѣлу никакого отношенія не имѣлъ.

Въ ночь съ 13 на 14 марта арестовали Оловеникову, Тычина и меня, каждаго на своей квартирѣ. Аресты производились по указанію Рысакова, но мы оба этимъ не подозрѣвали. У меня обыскъ былъ произведенъ жандармскимъ офицеромъ и полицей въ присутствіи товарища прокурора окр. суда Дейриха, теперь члена государственнаго совѣта, бывшаго дѣятеля въ Финляндіи. Обыскъ производился только въ моей комнатѣ (я жилъ со своими родными). Рылисъ до 4 ч. утра и ничего не нашли. Жандармскій офицеръ, все время холодно-сдержанный, увѣжая, сказалъ: «завтра увидимся», подчеркивая каждое слово и свернувъ глазами очень свирѣпо. Не знаю, каковъ этотъ господинъ былъ въ дѣйствительности, но если глаза вѣрно отражали его душу, то это было мое первое знакомство съ чловѣкомъ-звѣремъ.— Меня отвезли въ домъ предварительнаго заключенія. Утромъ позвали на допросъ въ самомъ Домѣ. Допросъ былъ по пустому дѣлу о гектографѣ, но это пустое дѣло навело на мой слѣдъ. Рысаковъ знаетъ только мое имя и могъ дать показаніе о какомъ-то Аркадіѣ, студентѣ Петербургскаго Университета. Совпаденіе

¹⁾ П. П. Подольскій убилъ во время зрѣлой драмы 22 марта 1889 г. Л. М. Коганъ-Бернштейна, раненого въ это же время двумя пулями, былъ приговоренъ къ смертной казни, принесенъ на кровати на эшафотъ и повѣшенъ въ августѣ того же 1889 года въ Итскѣ.

именъ въ показаніяхъ по обомъ этимъ дѣламъ дало поводъ заподозрѣть тождественность лица. Были у нихъ и еще кое-какія указанія, предполагаю, агентурныя, но полученныя уже послѣ показанія Рысакова.

Часа въ 2 дня меня опять вызвали изъ камеры и на этотъ разъ повезли въ департаментъ полиціи. Въ департаментѣ меня ввели въ небольшую комнату, выходящую своимъ единственнымъ окномъ во дворъ, и оставили въ ней одного. Стоя у окна, я увидѣлъ Рысакова, шедшаго по двору изъ тюремнаго помѣщенія при Департаментѣ подъ конвоемъ четырехъ жандармовъ съ шапками на-голо. Немного спустя ко мнѣ вошелъ жандармскій офицеръ и ехидно-вѣжливо предложилъ: «пожалуйте». Меня ввели въ длинную комнату, въ концѣ которой за большимъ столомъ стояло и сидѣло человекѣ 8—10. Плева занималъ предсѣдательское мѣсто. Жандармскій офицеръ, почему-то надѣвшій синія очки (потомъ я видѣлъ его безъ очковъ), шелъ передо мной въ полуоборотъ къ столу, почти даже задомъ къ нему, близко наклоняясь надъ моимъ лицомъ и заглядывая очень загадочно и вопросительно мнѣ въ глаза. Вся эта комедія была очень смѣшна, но тутъ же было и нѣчто другое, отъ чего меня обдало холодомъ. По сю сторону стола сидѣлъ Рысаковъ и при моемъ появленіи повернулся ко мнѣ лицомъ. Когда его еще вели по двору, мнѣ удалось уловить его настроеніе. Онъ шелъ какими-то равнодушными, точно не своими шагами, перевода глаза съ предмета на предметъ, съ мучительнымъ безразличіемъ чело-вѣка, для котораго всѣ счеты съ жизнью кончены; однимъ словомъ, имѣлъ такой видъ, какой могутъ имѣть люди, когда ихъ ведутъ на казнь. Но когда мнѣ пришлось остановиться въ какихъ-нибудь двухъ шагахъ отъ него, и когда глаза наши встрѣтились, тутъ только я увидѣлъ весь ужасъ его состоянія. Лицо его было покрыто сине-багровыми пятнами, въ глазахъ отражалась страшная тоска по жизни, которая отъ него убѣгла. Мнѣ показалось, что онъ уже чувствуетъ веревку на шеѣ.—Мы молча смотрѣли другъ на друга, а сидѣвшіе и стоявшіе наблюдали за нами. Чтобы закончить, разрѣшить чѣмъ-нибудь это напряженное молчаніе, я сказалъ: «этотъ человекъ мнѣ незнакомъ». Тогда жандармъ въ синихъ очкахъ увели меня обратно въ комнату. Вся сцена одной ставки продолжалась самое большее минуту, полторы. Ждать мнѣ пришлось очень не долго. Меня повели опять, но уже на допросъ и предьявили показаніе Рысакова, въ которомъ онъ подробно излагалъ все, что относилось къ участію въ дѣлѣ моему, Оловениковой и Тычинина.

Первые допросы велъ Плева при участіи Добржинскаго и жандармской власти. Плева велъ себя очень важно, но корректно. Онъ не любилъ произносить лишняго словъ. Въ его холодной замкнутости таилась несомнѣнная сила воли и честолюбивые замыслы создать себѣ карьеру. Въ немъ было гораздо больше такта и меньше гибкости, чѣмъ въ Добржинскомъ. Послѣдній

былъ мельче, обладалъ меньшимъ чувствомъ своего достоинства, Плева никогда не позволялъ бы себѣ такой экспансивности, какую допустилъ Добржинскій, когда я наконецъ призналъ обвиненія, направленные противъ меня лично, правильными. Добржинскій вскопчилъ и сталъ обгѣгать по комнатѣ, потирая себѣ руки отъ радости. Успокоившись, онъ сѣлъ около меня и поздравилъ: Г. Тырковъ, «ну теперь, вапа пѣсенка сѣта».

Рысаковъ оговорилъ всѣхъ, кого зналъ, за исключеніемъ студента С., о которомъ почему то умолчалъ. Прокуратура обѣщала ему помилованіе и выудила изъ него все, что было можно. Несмотря на оговоръ, у меня не шевельнулось ни разу враждебное чувство къ нему. Его состояніе, о которомъ я говорилъ, исключало возможность предьявлять къ нему какое либо нравственное требованіе. Нападая на центральное лицо въ государствѣ, онъ сосредоточивалъ на себѣ слишкомъ много вниманія; слишкомъ многие могли бы его спросить, почему онъ это сдѣлалъ, за что онъ хотѣлъ убить, и у него не нашлось бы на это по совѣсти отбѣта. Революціоннаго прошлаго у него не было, т. е. онъ не прошелъ тѣхъ фазисовъ психологическаго развитія, которые были пройдены старшими народовольцами. Не было и достаточной идейной подготовки, и въ характерѣ не хватало дерзости. Это былъ еще совсѣмъ юный, добродушный и жизнерадостный провинціалецъ. Вчера—еще просто мальчишкѣ въ самомъ разгарѣ, если можно такъ выразиться, своей непосредственности, сегодня—царевубійца. И царевубійца непосредственный, самъ бросившій первую бомбу. Онъ видѣлъ кровь постороннихъ людей, пострадавшихъ отъ его сварада; на его глазахъ разорвалась вторая бомба, поразившая государя и Гриневицкаго. Онъ видѣлъ толпу, обташующую къ мѣсту катастрофы, у которой былъ въ глазахъ ужасъ передъ совершившимся и негодованіе къ нему, Рысакову. Когда онъ очутился въ рукахъ слѣдственной власти, она влилась въ него своими умѣлыми когтями, не давая ему времени опомниться, разорваться хоть сколько-нибудь въ той сложной сѣти опеломляющихъ и противорѣчивыхъ чувствъ, которыя должны были всплывать совершенно неожиданно для него самого. Не только онъ былъ испуганъ собственнымъ поступкомъ и тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ попалъ, но онъ, я думаю, не могъ даже дать себѣ хорошенко отчетъ, какъ все это съ нимъ произошло. На судѣ, мнѣ помнится, онъ говорилъ, что онъ совсѣмъ не террористъ, а мирный дѣятель. Этимъ заявленіемъ, наивнымъ съ перваго взгляда, онъ не отрицалъ, конечно, факта метанія бомбы, а отгонялъ отъ себя и отъ другихъ мысль, что онъ можетъ вообще убивать людей. Такимъ образомъ не одинъ только животный инстинктъ самосохраненія, а болѣе сложный комплексъ чувствъ душили его съ такой силой, что лишили его всякаго самообладанія и бросили тѣлкомъ во власть чужой воли.

Рысаковъ былъ, какъ говорили, способный юноша, хорошо зналъ математику. Память у него была очень точная и, вѣроятно,

развитое воображение. Въ немъ ходила какая-то скрытая, не развѣрнувшаяся еще силушка (къ его преземистой, широкоплечей фигурѣ съ большой головой это слово вполнѣ примѣнимо), но вся бѣда въ томъ, что ему слишкомъ рано дали такую отвѣтственную роль.

Когда и какъ опредѣлилась его роль, я не знаю. Если предложение выступить металлическомъ было сдѣлано при немъ или прямо ему въ упоръ, очень можетъ быть, что, участвуя еще раньше въ наблюдательномъ отрядѣ, онъ не захотѣлъ показаться трусомъ въ глазахъ Желябова или передъ самимъ собою и принялъ предложеніе.

Я остановился на Рысаковѣ потому, что для всякаго посторонняго человѣка его поведеніе должно показаться слишкомъ двусмысленнымъ. Такихъ людей клеймятъ ужаснымъ словомъ «предатель», и этимъ исчерпываются все счеты съ нимъ. Мнѣ хотѣлось показать, какую страшную пытку испыталъ Рысаковъ прежде, чѣмъ началъ говорить, и что, суммируя все обстоятельства, онъ заслуживаетъ только жалость, а не презрѣніе.

Вторая очная ставка мнѣ была дана съ Перовской. По правдѣ сказать, не понимаю до сихъ поръ члѣбной ставки, т. к. Перовская никакихъ показаній противъ кого либо не давала, а я въ то время еще отрицалъ показаніе Рысакова. Расчетъ слѣдователей могъ быть только одинъ—удовлетворить игру фазисомій. У нихъ вырабатывается особенная наблюдательность и умѣнье играть на неожиданныхъ. Съ меня снимали допросъ Добржинскій и жандармскій офицеръ въ синихъ очкахъ, кажется, по фамилии Ивановъ. Они сидѣли другъ противъ друга за однимъ столомъ со мной, мѣшали перекрестные вопросы по дѣлу съ веселой болтовней о разныхъ разностяхъ, стараясь придать характеръ полной непринужденности и беззаботности всему допросу. Я съ своей стороны, зная уже показаніе Рысакова, все время сидѣлъ насторожѣ. Вдругъ одинъ изъ нихъ обращается ко мнѣ: «Г. Тырковъ, подтвердятся обернуться». — Оборачиваюсь—передо мной стоить Перовская. Видно было, что она очень много выстрадала за послѣдніе дни и утомилась. Поэтому я боялся задержать ее хоть одну лишнюю минуту и поторопился сказать: «не знакомъ». Ее увидѣлъ—Дверь, черезъ которую ввели Перовскую, открылась беззвучно и вела въ коридоръ, устланный ковромъ. Вѣроятно не со мной однимъ продѣлывалась этотъ фокусъ, рассчитанный на эффектъ неожиданнаго появленія за спиной человѣка, шаги котораго нельзя было впередъ слышать.

Прокуратура и жандармы относились съ особенной ненавистью къ Перовской и Желябову. О Кибальчичѣ они отзывались сдержанно, безъ малѣйшаго раздраженія, уклоняясь даже отъ разговора о немъ. Онъ былъ слишкомъ философъ. Онъ велъ себя, какъ человѣкъ, стоящій внѣ партійныхъ страстей, руководствующійся въ своей программѣ общественной дѣятельности исключительно научнымъ анализомъ современности. Такое безстрастіе,

такое подчиненіе себя объективнымъ выводамъ дѣйствовали успокоительно и примиряли съ нимъ его противниковъ. Я слышалъ въ тюрьмѣ, вѣроятно, отъ жандармовъ, что, когда его арестовали, онъ сейчасъ же принялся за свои чертежи и чертиль, пока ему не принесли бумаги, прямо на стѣнѣ камеры. Чертежи касались его проекта воздушной лодки. Его прямо рѣдкомъ, бросавшееся въ глаза спокойствіе на судѣ и въ теченіе всего послѣднихъ дней его жизни было результатомъ не столько подавляющей въ себѣ волненіе силы воли, сколько силы обобщающей мысли, принимающей все причины и слѣдствія, какъ вѣчно неизбежное. Онъ какъ будто и себя самого и свою судьбу ставилъ въ рядъ той же неизбежной члѣбы явленій. Одинъ изъ самыхъ серьезно-образованныхъ людей въ партіи, онъ стоялъ въ ней, какъ мнѣ казалось, особнякомъ. Правда, я ни разу не видѣлъ его вмѣстѣ съ другими главарями народолюбцами, т. е. мнѣ трудно судить о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но во всякомъ случаѣ онъ стоялъ внѣ конспиративной сутюлки съ ея безконечными свиданіями, толкучкой на т. наз. радикальскихъ квартирахъ, гдѣ можно было всегда застать «радикаль» всѣхъ отъишковъ. Я видѣлся съ нимъ только у себя и больше нигдѣ его не встрѣчалъ. Наше знакомство носило чисто частный характеръ, не было связано ни съ какими партійными интересами. Я зналъ, что онъ помѣщаетъ рецензіи по философіи и общественнымъ наукамъ. Разъ какъ-то онъ показывалъ мнѣ свою статью объ общинѣ, гдѣ онъ, по-моему, доказывалъ значеніе общины, какъ формы, заключающей зародыши всѣхъ экономическихъ отношеній. Его отношеніе къ дѣламъ партіи мнѣ было совсѣмъ неизвѣстно, т. ч. я даже спросилъ Гесю Гельманъ о немъ. Она мнѣ сказала: «о, онъ у насъ техникъ». Разговоры наши велись на общія темы. Все это я говорю по тому, что пропаганда, агитація, однимъ словомъ, возня съ отдельными лицами была, какъ мнѣ кажется, внѣ сферы его интереса. Смутно помнится, что онъ переживалъ тяжелый кризисъ, стоялъ на распутии. Не отъ него я это слышалъ, а отъ другихъ. Можетъ быть, послѣ этого кризиса, понявъ, какъ важно каждому человѣку самому опредѣлять свою дорогу, онъ не хотѣлъ никому впадать своихъ настроеній своимъ личнымъ, непосредственнымъ влияніемъ, а, можетъ быть, просто онъ былъ поглощенъ другимъ. Только разъ за все время знакомства, уже зимой 81 г., онъ заговорилъ со мной о дѣлахъ партіи, именно о денежныхъ ее затрудненіяхъ. Въ Петербургѣ было тогда найздомъ Орловскій или Тульскій помѣщикъ, нѣкто Филатовъ, теперь уже покойный. Развѣра его средствъ я не зналъ, но слышалъ, что средства были. Это былъ въ высшей степени нервный, при этомъ совершенно сумасбродный человѣкъ. Я предложилъ тѣмъ не менѣе Кибальчичу попытаться счастья получить у Филатова денегъ. Мы назначили общее свиданіе, но Филатовъ денегъ не далъ. Кибальчичъ потомъ сказалъ мнѣ: «равнѣ можно съ такимъ

дуракомъ дѣло имѣть!»—Въ обращеніи у него была простота умнаго, развитога человѣка, больше занятаго своими мыслями и общими интересами, чѣмъ собой и самолюбивыми мелкими счетами. У него была своеобразная привычка шурить глаза и пристально смотрѣть куда-то въ сторону, точно тамъ мерцала какая-то отдаленная точка, на которой онъ концентрировалъ свою мысль. Въ обыденной жизни онъ былъ, по всей вѣроятности, непрактиченъ, такъ какъ же Гельфманъ рассказывала мнѣ про него анекдотъ такого рода. Собралось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Кибальничъ, и всѣ были очень голодны. Кибальничъ вызвался принести что нибудь поѣсть и принесъ... красную смородину. Гельфманъ хотѣла до слезъ и все повторила: «красной смородины!»—Помню, ему пришла мысль, высказанная въ прокламациі по поводу чуть ли не Соловьевскаго покушенія. Тамъ говорилось, что Россія обратилась бы въ сточное болото, если бы въ ней не появились люди, съ такимъ самоотверженіемъ заявляющіе свой протестъ, что иначе для нея наступила бы нравственная смерть.

Последній разъ я видѣлъ его послѣ 1 марта. Мы встрѣтились на улицѣ, но долго оставаясь вмѣстѣ находили неудобнымъ. Я спросилъ его о разрушительномъ дѣйствіи мины на Садовой улицѣ, т. е. могла ли пострадать публика на тротуарахъ и въ домахъ. Онъ далъ мнѣ такое же объясненіе, какое давалъ на судѣ, т. е. по его расчету сила взрыва не могла распространиться на тротуары.—При прощаньи онъ задалъ мнѣ такой вопросъ: «замѣтили ли вы, что наши женщины жесточе насъ, мужчинъ?» Не помню, что я ему отвѣтилъ,—мы распрощались съ нимъ... и уже навсегда.

Въ противоположность Кибальчику Желябовъ олицетворялъ собою боевое, наступательное настроеніе партіи. Его нія стало одно время нарицательнымъ, стало синонимомъ крайняго, не останавливающагося ни передъ чѣмъ разрушительнаго направленія. Исключительность момента и обстановки, при которой онъ предсталъ передъ обществомъ, и нѣкоторыя его личныя черты могли, пожалуй, напугать воображеніе публики. Это мнѣніе о Желябовѣ, раздутое еще извѣстной частью прессы, невѣрно уже потому, что Исполнительный Комитетъ въ своихъ дѣйствіяхъ строго держался мѣры, отлично понимая, какой скользящій путь представляетъ изъ себя терроръ. Я самъ слышалъ отъ Тихомирова, что, по его мнѣнію, Исполнительный Комитетъ долженъ состоять изъ людей высокоравныхъ, въ чемъ, разумѣется, и могла только заключаться гарантія этой мѣры.

Желябовъ былъ высокаго роста, бронею, съ довольно длинной окладистой бородой, красивыми, мелкими чертами лица, небольшими, но живыми, умными глазами. Хорошій ораторъ, живой, дѣятельный, вѣроятно, предприимчивый, съ умѣньемъ бить на эффектъ, когда онъ считалъ это нужнымъ—изъ расчета выдѣлать шуму, заставить людей говорить и думать. На видѣнной мной гравюрѣ,

изображающей процессъ 1 марта, Желябовъ сидитъ, облокотившись на что-то, въ полуоборотъ къ суду, внимательно слушающа, подавшіе корпусомъ впередъ. Въ этой позѣ, знакомой мнѣ и раньше, сказывались напряженный, живой интересъ, нетерпѣніе, готовность напасть или отразить ударъ. Его сфера была улица, люди. Онъ отлично зналъ, что имѣетъ на нихъ влияние, и это сознание должно было удовлетворять его чувство, вѣроятно, развитога самолюбія. Я думаю, ему трудно бывало вдвинуть себя въ рамки партійной дисциплины. Его натура невольно стремилась подчинить себѣ окружающихъ и искала большаго простора для своей дѣятельности, но должна была, если только дѣйствительно существовали эти агрессивныя стремленія, встрѣчаться въ средѣ организаціи, отторъ со стороны людей не менѣе сильныхъ, а, можетъ быть, болѣе глубокихъ, чѣмъ онъ. Въ его глазахъ я замѣчалъ иногда не то радость успѣха, не то чувство прилива и расцвѣта силъ. При первой моей мимоетной встрѣчѣ съ нимъ онъ произвелъ на меня очень сильное впечатленіе. Онъ передавалъ чуть ли не свои воспоминанія, вынесенныя имъ съ юга. Я слышалъ только нѣсколько конечныхъ фразъ, но мнѣ хотѣлось бы тогда слушать его безъ конца, такой интересъ возбудилъ онъ во мнѣ и собой и тѣмъ своеобразнымъ освѣщеніемъ, которое онъ придавалъ и природѣ и людямъ въ своемъ рассказѣ. Конечно, самое важное было бы вспомнить, что именно онъ говорилъ; но я отбѣгаю этотъ фактъ потому, что только даровитые, оригинальные люди способны такъ сразу захватывать слушателя.—Его дѣятельность была весьма разнообразна. Онъ выступалъ на диспутахъ, происходившихъ между Народолюбцами и Чернопердѣльцами; немъ, кажется, дѣло съ рабочими; принималъ участіе въ дѣлахъ центральнаго Университетскаго кружка и даже помогалъ составленію самой прокламациі, брошенной Берштейномъ. Я случайно присутствовалъ, какъ посторонній человѣкъ, при составленіи этой прокламациі. Желябовъ велъ себя совершенно какъ равный съ равными, какъ товарищъ. Несмотря на его тактъ, въ немъ была однако какая-то жестокость силы, которая сама неудержимо стремится впередъ и толкаетъ передъ собой другихъ.

Объ ихъ казни я узналъ не скоро, такъ какъ родные скрывали отъ меня этотъ фактъ. Но въ тюрьмѣ процесса смутный слухъ о ней. Уголовные, разославшіе намъ пшцу и киятокъ, какъ-то шептали мнѣ: «сегодня двухъ казнили». Уже долго спустя одинъ солдатъ-жандармъ, дежурившій при осужденныхъ по дѣлу 1 марта, передалъ мнѣ кое что о послѣднихъ минутахъ ихъ жизни.

Всѣ они содержались въ домѣ предъ заключенія, мужчины—въ нижнемъ этажѣ, въ одиночкахъ. Ночь передъ казнью одинъ Кибальничъ провелъ спокойно—спалъ, какъ всегда. Всѣ другіе не спали. Желябовъ ходилъ возбужденно по камерѣ. Когда Перовскую вывели во дворъ, гдѣ ее уже ждала позорная колесница, она побѣдилась и зашаталась. Но ее поддержалъ Михайловъ словами: «что ты,

что ты, Соня?—опомнись». Этот оклик привел ее в себя: она справилась с минутной слабостью и твердо взопла на колесницу.

Мнѣ остается еще сказать о двухъ лицахъ, принимавшихъ участие въ дѣлѣ 1 марта, именно объ Елизаветѣ Николаевнѣ Оловениковой и Петрѣ Васильевичѣ Тычининѣ.

Оловеникова принадлежала къ семьѣ, въ которой уже были свои революціонныя традиціи. Ея старшая сестра Марья Николаевна, бывшая замужемъ за Баранниковымъ (погибшимъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ), играла въ то время роль въ партіи и жила на положеніи нелегальной. Знакомство Елизаветы Николаевны съ революціонерами благодаря одному этому обстоятельству было довольно близко. Она бывала и раньше арестована, но аресты кончались для нея ничѣмъ. Еще у себя въ Орлѣ, можетъ быть, еще гимназисткой, она участвовала въ какихъ-то кружкахъ революціоннаго характера, т. ч. къ народольцамъ она подошла постепенно. Сидя въ крѣпости и думая о ней, я былъ убѣжденъ, что ей не выдержать заключенія. Въ ея душѣ было столько заботливой ласки, нежности и прочной и глубокой привязанности ко всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ ее связывала судьба, что эти могилы и предстоявшей намъ вѣчной разлуки съ миромъ живыхъ людей ей было не перенести. При этихъ нравственныхъ особенностяхъ, которыя усиливаютъ тяжесть заключенія и разрушаютъ человѣка физически, заставляя его слишкомъ интенсивно испытывать тоску заключенія, она обладала непрочной нервной организаціей. Она дѣйствительно сошла съ ума и потомъ долго находилась въ Казанской больницѣ.

Мнѣ пришлось встрѣтить ее въ окружающій судъ, куда мы оба были вызваны для освидѣтельствованія въ комиссіи, состоявшей изъ врачей-психиатровъ. Она узнала меня сразу и все повторяла: «ахъ, Аркадій! дай мнѣ яду, дай мнѣ яду,—я такъ мучаюсь».—«Ее мучили галлюцинаціи и вѣбродно, тяжелыя бѣзвѣстные ощущенія».

Петра Тычинина я тоже встрѣтилъ случайно въ домѣ предварительнаго заключенія. Надиратели очень заботились о томъ, чтобы мы никогда не встрѣчались другъ съ другомъ, но такъ какъ народу сидѣло много—однихъ выводили на прогулку, другихъ на свиданіе и т. д., то иногда происходили неожиданныя встрѣчи. Такъ произошло и съ нами. Тычининъ былъ переведенъ сюда изъ крѣпости въ виду его душевнаго разстройства. Что это былъ за человѣкъ, я даже приблизительно не могу сказать. Онъ тоже меня узналъ и страшно обрадовался, точно онъ увидалъ давно желаннаго, своего, близкаго человѣка. Онъ бросился мнѣ на шею, нервно прижалъ къ себѣ и сказалъ, показывая себѣ на лобъ: «я немножко боленъ. Ну, да это ничего, пройдетъ... Будемъ еще жить и работать вмѣстѣ».—Опѣтившіе было надиратели пришли въ себя и развели насъ.

По моимъ расчетамъ скорѣ послѣ этого Тычининъ умеръ. Другіе говорили, что онъ бросился съ четвертой галлерей дома П. З., другіе—

что онъ влѣзъ на раковину подъ водопроводнымъ крапомъ, желая взглянуть въ окно. Схватившись за желѣзную тяжелую, оконную раму, онъ улетѣлъ за собой, потерявъ равновѣсіе, и упалъ вмѣстѣ съ ней на асфальтовый полъ камеры. Рама ударила его по головѣ и убила на мѣстѣ.

Всѣхъ насъ должны были судить на т. наз. процессѣ 20-ти, но меня и Оловеникову исключили изъ числа подсудимыхъ по болѣзни. Потому меня могли бы судить и одного или же присоединить къ другой группѣ, но почему-то со мной поступили иначе: меня сослали въ Сибирь административнымъ порядкомъ безъ срока, а потомъ, по коронаціонному манифесту, изданному при вступленіи на престолъ Николая II, замѣнили безсрочную ссылку двадцатилѣтней.

А. Тырновъ.

Отъ редакціи. Въ виду историческаго значенія тѣхъ событій, о которыхъ рассказываетъ въ своихъ высокоинтересныхъ воспоминаніяхъ А. В. Тырновъ, мы, прежде напечатанія этихъ воспоминаній, посылали ихъ въ корректуру къ нѣсколькимъ компетентнымъ лицамъ съ просьбою снабдить ихъ своими примѣчаніями.

Вотъ что отвѣтила намъ на нашу просьбу, между прочимъ, А. П. Прибылева-Корба:

1) «Сущность дѣла съ министромъ Сабуровымъ состоитъ въ томъ, что группа народольцевъ, которые вели сношенія отъ имени Партіи съ университетомъ, находила настроеніе петербургскаго студенчества слишкомъ пассивнымъ. Желая возбудить въ немъ революціонный духъ, эти лица предложили студентамъ университета протестовать противъ новыхъ правилъ, вводимыхъ Сабуровымъ. Организуя нападеніе на послѣдняго, Исполнительный Комитетъ имѣлъ въ виду приучить студентовъ къ активной борьбѣ противъ университетскаго режима, который воцарялся въ себя всю мудрость политики Д. А. Толстого».

2) «Привлеченіе Рысакова къ дѣлу 1 марта состоялось при такихъ обстоятельствахъ: осенью 1880 года Исполнительный Комитетъ было сообщено, что студентъ горнаго института Рысаковъ предлагаетъ свои услуги для совершенія террористическаго акта. Узнавъ, что этому студенту 19 лѣтъ, Исполнительный Комитетъ былъ склоненъ вовсе не вступать съ нимъ въ переговоры, но такъ какъ лица, говорившія отъ имени Рысакова, настаивали на томъ, чтобы Комитетъ воспользовался предложеніемъ Рысакова для дѣла партіи, то рѣшено было подвергнуть его испытанію. За нравственными качествами Рысакова ругались его знакомые, но было необходимо убѣдиться въ его мужествѣ и стойкости. Однако, это испытаніе вовсе не должно было влечь за собою неминуемо

террористическую дѣятельность Рысакова. Комитету важно было выяснить лишь степень довѣрія, которую заслуживалъ Рысаковъ. Испытаніе было организовано такъ: Въ октябрѣ 80 г. въ Петербургѣ получились новыя принадлежности для большой типографіи «Народной Воли», переслалиась большая валъ, шрифтъ и еще какіе то тяжелые предметы. Этотъ грузъ былъ отправленъ изъ провинціи по двумъ жел. дор. накладнымъ. Получка груза, конечно, представляла нѣкоторую опасность: ящики могли разбиться дорогой, могло случиться что нибудь и другое въ этомъ родѣ. Рысакову поручили получить грузъ по одной накладной. Ему было указано, по какимъ улицамъ онъ долженъ ѣхать съ ломовымъ извозчикомъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ вокзала, на мосту, его ждало лицо, посланное Комитетомъ. Лицо это должно было смѣнить Рысакова для дальнѣйшаго препровожденія ящиковъ. Рысаковъ оказался мужественнымъ и точнымъ. Въ назначенное время онъ уже былъ на мосту. Къ нему подошелъ человѣкъ, котораго онъ откомендовалъ въ качествѣ брата, который и поѣдетъ съ нимъ дальше. Нѣсколько дней спустя Рысакову дали вторую накладную, и на этотъ разъ довѣрили ему доставить грузъ на квартиру Люстига (судился по процессу 20-ти). И на этотъ разъ онъ выполнялъ порученіе превосходно. Такъ какъ Рысаковъ продолжалъ свои сношенія съ Комитетомъ, съ цѣлью исполнять его порученія, то его привлекли къ участію въ «наблюдательномъ отрядѣ», о чемъ говоритъ Тырковъ въ своей интересной и правдивой статьѣ. Приблизилась развязка: чѣмъ ближе подходило время къ 1 марта, тѣмъ болѣе событія ускорили свой ходъ, а на роль 3-го метальщика не было воплотилъ испытаннаго человѣка. Молодость Рысакова по прежнему составляла громадное препятствіе къ привлеченію его къ дѣлу, но сила вещей одержала верхъ надъ всѣми соображеніями.

Другое компетентное лицо, къ которому мы посылали корректуру статьи А. В. Тыркова, сообщило намъ, что характеристика, данная Тырковымъ Н. В. Саблину, не соответствуетъ дѣйствительности. «Онъ (Саблинъ), — пишетъ это лице — положительно требовалъ, чтобы ему дали бомбу, но Исполнительный Комитетъ не согласился на это, желая сберечь его».

Наконецъ, сдѣлаемъ еще одно примѣчаніе отъ себя: не знаемъ правда ли это, но мы слышали, что на роль метальщика А. И. Желябовъ предлагалъ свои услуги Н. А. Желваковъ, но Желябовъ отклонилъ это предложеніе именно въ виду того, что, высоко цѣня Желвакова, считалъ нужнымъ сохранить его для дѣйствій въ будущемъ еще болѣе рѣшительныхъ и быть можетъ въ обстановкѣ еще менѣе благоприятной. Последующей судьбой своей Желваковъ доказалъ, что Желябовъ нисколько не ошибался въ своемъ высокомъ о немъ мѣнніи.

Воспоминанія студента-солдата.

«Званіе солдата — почетное званіе. Солдатъ защищаетъ престолъ — отечество отъ враговъ внутреннихъ и вѣншихъ». (Изъ уроковъ солдатской «словесности»).

Въ февралѣ 1901 года мнѣ на практикѣ пришлось познакомиться съ знаменитыми «временными правилами 29 іюля 1899 г.» о сдачѣ студентомъ въ солдаты за безпорядки. Ровно 5 лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ; пять лѣтъ — цѣлая вѣчность; многое исчезло уже изъ памяти безвозвратно, многое ужъ не такъ волнуетъ, какъ прежде, и тѣмъ не менѣе хочется увѣковѣчить по крайней мѣрѣ то, что еще не совсѣмъ забыто и что сумѣло оставить по себѣ неизгладимый слѣдъ.

Теперь, когда близится ликвидація «старого порядка» и скоро придетъ «настоящій день», тотъ долгожданнй день, когда судъ освобожденнаго народа властно призоветъ къ отвѣту палачей свободы, — теперь мнѣ кажется не лишнимъ вписать въ обвинительный актъ умирающаго режима еще одну страничку: о сдачѣ студентомъ въ солдаты. Литература совсѣмъ не касалась этого факта, хотя онъ и не прошелъ незамѣченнымъ.

I.

Безпорядки 1901-го г. въ Петербургскомъ Университетѣ были отголоскомъ кievскихъ безпорядковъ. Въ Кіевскомъ Университетѣ впервые примѣнены были тогда «временныя правила», и около 200 человѣкъ сданы были въ солдаты на разные сроки. (отъ 1—3 лѣтъ). Не безпорядки сами по себѣ, а именно сдача въ солдаты и вызвала движеніе въ Петербургскомъ Университетѣ. Студенчество глухо волновалось. Началась агитация за выраженіе протеста въ той или другой формѣ. Форма должна была выработаться на сходкахъ, и сходки состоялись въ послѣднихъ числахъ января. На первой сходкѣ вопросъ не былъ рѣшенъ окончательно, потому что на ней было слишкомъ мало студен-

товъ. Вторая сходка должна была считаться рѣшительной при всякомъ числѣ участниковъ.

Какъ ни возмутителенъ былъ фактъ сдачи киевлянъ въ солдаты, онъ не могъ сплотить всего студенчества для дружнаго протеста. Немного нашлось охотниковъ раздѣлить судьбу киевскихъ товарищей. Было ясно, что правительство не задумается отдать въ солдаты и петербургскихъ студентовъ, если начнутся «беспорядки». Попечитель учебнаго округа—г. Сонинъ извѣщала студентовъ, что правительство намѣрено карать на основаніи высочайше утвержденнаго 29 іюля 1899 г. «временныхъ правилъ». Въ длинномъ корридорѣ Университета красовались объявленія, за подписью г. Сонины, призывавшія къ порядку и обшавшія въ то же самое время и барашій рогъ, и ежовыя рукавицы. Чѣмъ сильнѣе было броженіе—тѣмъ громнѣе становился тонъ этихъ объявленій и послѣ рѣшительной сходки, на которой присутствовало около 300 студентовъ, сходки, конечно, нелегальной (дѣло происходило въ 1901 году), г. Сонинъ увѣдомилъ студентовъ, что по распоряженію министра народнаго просвѣщенія—Боголѣзова составлено уже «особое совѣщаніе для примѣненія временныхъ правилъ» и, такъ какъ сходка большинствомъ голосовъ рѣшила путемъ обструкціи прекратить занятія въ Университетѣ, г. попечитель призывалъ «благоразумную» часть студенчества воздержаться отъ участія въ беспорядкахъ и «дать дружный отпоръ кучкѣ насильниковъ, которая будетъ пытаться терроризовать студенчество». Ихъ—этихъ насильниковъ, говорилъ Сонинъ, «можно поистинѣ назвать сверхъ-студентами».

Обструкция, рѣшенная сходкой, была единственнымъ средствомъ прекратить занятія, но въ виду того, что она прошла на сходкѣ небольшимъ большинствомъ, да и сама сходка была со всѣмъ не многочисленна—можно было заранѣе предсказать, что она не достигнетъ цѣли и будетъ обречена на неудачу. Тѣмъ не менѣе обструкция началась. Обструкціонистовъ оказалось не болѣе 50 человекъ. Первый день обструкціи былъ сравнительно удаченъ: удалось «сорвать» нѣсколько лекцій. На второй день дѣло шло уже плохо, потому что часть обструкціонистовъ была арестована и препровождена въ часть. И, наконецъ, 3-й день прошелъ совершенно неудачно. Насъ—обструкціонистовъ было всего 12 человекъ и, сдѣлавъ безплодную попытку остановить чтеніе лекцій въ 2-хъ аудиторіяхъ—мы прекратили обструкцію. Дѣло было проиграно.

Я принималъ участіе въ обструкціи только въ послѣдній день, а на завтра былъ вытребованъ въ охранное отдѣленіе, гдѣ у меня отобрали входной билетъ въ Университетъ и объявили, что я преданъ суду «особаго совѣщанія по примѣненію временныхъ правилъ» за мое участіе въ университетскихъ беспорядкахъ, и что о времени и мѣстѣ суда я буду извѣщенъ особо.

Въ охранномъ отдѣленіи я вступилъ еще нѣсколько товарищей, которые вытребованы были по тому же самому дѣлу.

II.

Прошло 3—4 дня и я получилъ повѣстку съ приглашеніемъ явиться въ канцелярію попечителя учебнаго округа на судъ «особаго совѣщанія». Взявъ извозчика, я отправился вечеромъ въ канцелярію попечителя.

Щель, если не ошибаюсь, второй или третій день суда. Въ первый день судили товарищей, арестованныхъ въ самомъ началѣ обструкціи и сидѣвшихъ въ части. Ихъ привозили изъ участка, а потомъ препровождали обратно.

Въ большой комнатѣ, отведенной специально для подсудимыхъ, набралось около 20 студентовъ Университета. На нѣкоторыхъ лицахъ было написано волненіе; нѣкоторые оставались совершенно спокойными. Здѣсь началось наше первое знакомство другъ съ другомъ. Разговаривать особенно не хотѣлось.

Таинственная дверь скрывала отъ насъ снєдріонѣт, собравшіяся уже почти въ полномъ составѣ. Въ одной изъ комнатъ, какъ мы узнали впоследствии, запреты были цѣделя Университета; особая комната отведена была и для субъ-инспекторовъ. И тѣ и другіе должны были «улицать» и лжєсвидѣтельствовать, если бы подсудимые стали отрицать свое участіе въ беспорядкахъ. Послѣ долгаго и томительнаго ожиданія таинственная дверь отворилась, и судъ вызвалъ одного изъ товарищей. Я ждалъ очереди. Наконецъ, очередь моя настала, и я вошелъ въ комнату засѣданія суда, вошелъ и осматрѣлся.

Въ срединѣ—предсѣдатель суда—попечитель учебнаго округа г. Сонинъ, онъ же и судебный сѣдѣватель, потомъ ректоръ Университета проф. Гольмстенъ, военный судья—генералъ Никифоровъ, нач. отд. деп. полиціи—Янкуло, чиновникъ мин. юстиціи Максимовичъ, профессора: Платоновъ, Довернуа, бар. Розенъ, Шевяковъ. Участіе профессоровъ въ отдачѣ студентовъ въ солдаты должно быть особенно отмѣчено. Незнакомое пятно въ исторіи петербургской профессуры оставлено профессорами Гольмстеномъ, Платоновымъ, Довернуа, барономъ Розеномъ и Шевяковымъ. За отдѣльнымъ столикомъ секретарь Университета записываетъ показанія и составляетъ протоколъ засѣданія. Удостоверивъ личность, предсѣдатель начинаетъ допросъ.

Допросъ тянется не долго: 1) былъ ли на сходкѣ, 2) за что голосовалъ, 3) ходилъ ли по аудиторіямъ. Я ограничиваюсь краткими отвѣтами на предложенные вопросы и подписываю протоколъ своихъ показаній.

Мнѣ хотѣлось въ показаніяхъ рассказать Сонину о томъ впечатлѣніи, которое произвѣдло на меня (да и на другихъ товарищей, должно быть, тоже) его объявленія, и я заявлю на судѣ, что послѣ прочтенія возмутительныхъ прокламацій попечителя учебнаго округа во мнѣ уже не было колебаній, присоединяюсь ли къ товарищамъ. Господинъ Сонинъ рѣзкимъ, раздражитель-

нымъ тономъ просить секретаря у—та занести въ протоколъ, что его объявленія я нахожу и называю «возмутительными». Одинъ изъ профессоръ-судей (не помню ужъ теперь, кто именно) задаетъ мнѣ вопросъ: «ну, а скажите, если бы не было объявленій отъ почтителя учебнаго округа, стали бы вы ходить по аудиториямъ?»

Зачѣмъ профессору нужно было задать этотъ вопросъ — не знаю. Быть можетъ, ему представилось, что я хочу выгородить себя или указать на «смягчающія обстоятельства».

— «Конечно, сталъ бы», отвѣчаю я.

— «Больше ничего» — говоритъ профессоръ.

Военный генераль освѣдомляется, къ какому участку по отбыванію воинской повинности я приписанъ, и предѣлитель предлагаетъ мнѣ удалиться.

Приблизительно въ такомъ же духѣ допрашивались на судѣ и остальные товарищи.

Теперь нѣсколько словъ по поводу выраженія «ходить по аудиториямъ». Почти всѣ товарищи (а въ томъ числѣ и я) говорили на судѣ не о томъ, что мы проводили обструкцію, а что мы ходили по аудиториямъ, чтобы сказать профессорамъ, какъ стыдно читать лекціи въ такое время, и чтобы спросить ихъ, какого на этотъ счетъ мнѣнія придерживаются они. Когда я сказалъ это Совину, онъ спросилъ меня: «зачѣмъ же вамъ было ходить къ проф. Маркову—вѣдь онъ же математикъ». — «Что же изъ этого?» отвѣтилъ я.

Господинъ Сонинъ находилъ, очевидно, что математику не полагается имѣть никакихъ мнѣній и больше всего причисляется быть предѣлителью позорнаго суда (Сонинъ — самъ профессоръ математики). Нужно сказать, что это было поистинѣ «шемякинъ судъ». Г. Предѣлитель предлагалъ нѣкоторымъ товарищамъ выразить раскаяніе во всемъ содѣянномъ и рисовать заманчивыя перспективы возвращенія домой. «Въ нашей власти», говорилъ онъ, «отдать васъ въ солдаты, въ нашей власти отпустить васъ домой». Онъ не стѣсняясь говорить, что «здѣсь судятъ по впечатлѣнію». Остальные судьи ограничивались молчаливымъ одобреніемъ. Потомъ, когда появились уже приговоры, мы поняли, что значить «судить по впечатлѣнію»: достаточно было имѣть бороду и угрюмый видъ, дерзко отвѣчать на задаваемые вопросы, чтобы получить крайній срокъ полагающагося наказанія — 3 года солдатской службы. Двое или трое были «оsprавданы». Кто знаетъ? Быть можетъ, они «раскаjались» и этой цѣной купили себѣ прощенье.

Въ день суда приговоры объявлены намъ не были. Товарищи, арестованные раньше — снова препровождены были въ часть, бывше же на свободѣ отправились по домамъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Курьезнымъ образомъ избѣжалъ горькой участи быть сданнымъ въ солдаты одинъ товарищъ-обструкціонистъ. Когда полиція искала

и арестовывала обструкціонистовъ, онъ нѣсколько дней не былъ у себя на квартирѣ, и повѣстки съ приглашеніемъ на судъ вручить ему не могли. Судъ уже закончился, «особое совѣщаніе» было распушено, и приговоры состоялись, когда онъ явился къ Совину и предложилъ судить его одинаково со всѣми товарищами; онъ заявилъ при этомъ, что въ обструкціи участвовалъ совершенно сознательно.

— Не собирать же снова ради васъ одного «особаго совѣщанія» сказалъ, выслушавъ его, Сонинъ. Такъ и не пришлось ему служить на «почетной» службѣ.

III.

Нѣсколько дней послѣ суда провѣлъ я дома въ ожиданіи своей участи. Наконецъ, 6-го февраля раннимъ утромъ я былъ пробужденъ околоточнымъ надзирателемъ, который и предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Въ дорогѣ я долго соображалъ, куда меня везутъ, пока не остановился передъ Нарвской частью.

Въ канцелярія участка записали мою фамилію, а потомъ провели на верхъ въ «арестантскія» камеры. Я пріѣхалъ одинъ изъ первыхъ. Въ камерѣ на нарахъ лежалъ пока только одинъ товарищъ-студентъ. Но вскорѣ начали подвозить и другихъ товарищей. Часамъ къ 10 всѣ приговоренные къ солдатской службѣ были уже доставлены въ участокъ. Не доставало только одного товарища, котораго привезли къ вечеру, схвативъ его на улицѣ при выходѣ изъ студенческой столовой. Насъ оказалось всего 28 человекъ. Хотя официальной приговоръ объявленъ намъ не былъ, но каждый изъ насъ зналъ уже, на сколько лѣтъ онъ осужденъ, потому что накануне въ Университетѣ вывѣшено было объявленіе съ обозначеніемъ срока службы.

Шумно, весело... Въ нашемъ распоряженіи 2 большихъ камеры. Публика изъ «общества» не скучится на приношенія — передаютъ яблоки, конфеты, съѣстные припасы... Начиваются свиданія съ родными. Одного за другимъ вызываютъ въ нижнее помещеніе участка. Скоро все это надобѣдетъ и утомляеть, и мы хотимъ скорѣе выснить свое положеніе. Впереди полная и томительная невѣзистость. Одно только можно знать, что ничего хорошаго тамъ нѣтъ. Проходитъ день, другой... Въ участокъ является начальникъ охраннаго отдѣленія Пирамидовъ и проситъ сказать, кому нужны полшубки и желтые сапоги. «Какіе полшубки, какіе сапоги, зачѣмъ?» спрашиваемъ мы его съ удивленіемъ, и Пирамидовъ поясняетъ, что желтые сапоги и полшубки полагаются новобранцамъ при отправленіи въ дорогу. — «Но вѣдь намъ же еще не объявляли приговора?» — «Это ничего не значить — всѣ приговорены къ сдачѣ въ солдаты и если не хотите оставаться безъ сапоговъ и полшубковъ — заявляйте объ этомъ сейчасъ» — и Пирамидовъ удаляется.

Отъ сапоговъ мы отказываемся и требуемъ прокурора судеб-

ной палаты. После долгих объяснений съ тюремной администрацией намъ удастся вызвать товарища прокурора. Мы пробуемъ объяснить ему, что держать насъ въ части и не сообщать причины ареста — незаконно, требуемъ, чтобы намъ официально объявили приговоръ суда. Товарищъ прокурора обѣщаетъ заняться нашимъ дѣломъ безотлагательно. Еще два дня ждемъ мы отвѣта и подаемъ уже письменное коллективное заявление, что мы объявляемъ голодовку до тѣхъ поръ, пока намъ не скажутъ, что съ нами намѣрены дѣлать, и пока не объявятъ приговора.

Депутация подаетъ это заявление Пирамидону, и мы начинаемъ голодать, отказываемся отъ всѣхъ передачъ, которыя приносятъ намъ, отказываемся отъ роскошныхъ обѣдовъ, которые давались намъ по распоряженію слыше.

Голодовка оказалась сильно дѣйствующимъ средствомъ, и въ ночь на 11 февраля мы узнали все, что хотѣли, но не такъ, какъ хотѣли... Около полуночи дверь въ арестантское отдѣленіе участка отворилась, и въ корридоръ ввалился цѣлая ватага разныхъ «чиновъ» во главѣ съ воинскимъ начальникомъ. Грубо—по солдатски воинскій начальникъ крикнулъ всѣмъ намъ «чтобы черезъ 40 минутъ всѣ мы были готовы въ дорогу». Всѣ мы, быстро одѣвшись, вышли въ корридоръ объясняться съ новымъ начальствомъ, всѣ были возмущены солдатскимъ обращеніемъ и повелительнымъ тономъ.

— «Мы не поѣдемъ», заявляетъ воинскому начальнику одинъ изъ товарищей.

— «Кто это сказалъ: не поѣдемъ?» кричитъ воинскій начальникъ.

— «Сказалъ это я», спокойно отвѣчаетъ ему товарищъ; «но со мной согласны всѣ товарищи».

Ошеломленный неповиновеніемъ, воинскій начальникъ представляетъ намъ на размышленіе 10 минутъ и заявляетъ, что по истеченіи ихъ, онъ будетъ дѣйствовать силой съ помощью команды, которую онъ съ собой привелъ. После нѣкотораго размышленія мы рѣшаемъ подчиниться и начинаемъ собирать вещи. Черезъ 10 минутъ снова появляется воинскій начальникъ, прочитываетъ намъ въ корридорѣ «приговоръ», т. е. сообщаетъ, кто на какой срокъ данъ въ солдаты.

Сквозь строй казаковъ проходимъ мы во дворъ участка. Здѣсь насъ ожидаютъ уже подводы: 2-ое большихъ пожарныхъ саней и карета. Въ одѣй пожарныя сани укладываютъ наши вещи, въ другія помещаютъ насъ, отправляемыхъ въ городъ N, а въ карету усаживаютъ 4-хъ товарищей, назначенныхъ въ Ямбургъ и получившихъ въ наказаніе по 3 года службы. Карета сейчасъ же выѣзжаетъ на Царскосельскій вокзалъ. Наши сани окружаются плотнымъ кольцомъ казаковъ въ 3 ряда; гикаетъ казачій офицеръ, и мы несемъ на Варшавскій вокзалъ по безлюднымъ, пустыннымъ улицамъ: ихъ «очистили» къ нашему пробѣду. Въ наступствѣ намъ воинскій начальникъ кричитъ: «На вокзалѣ ждетъ г. воен-

ный министръ; обращаясь къ нему, называйте его: «Ваше Высочайшее Копревосходительство»...

IV.

Вокзалъ... Въ двѣ шеренги стоятъ солдаты; между ними узкій проходъ, какъ дорожка. Она идетъ къ подъѣзду вокзала, проходитъ черезъ весь вокзалъ, идетъ по платформѣ къ самымъ дверцамъ вагона. Вылѣзши изъ саней, прямо идешь по дорожкѣ въ самый вагонъ. Для студентовъ специально приспособлено 2 вагона 3-го класса. Въ обоихъ вагонахъ отблѣныя у дверей заняты конвоємъ; въ средину проходятъ мы. Конвоируетъ насъ еще казачій офицеръ.

Едва мы успѣваемъ занять мѣста, какъ въ нашъ вагонъ входитъ военный министръ Куропаткинъ и обращается къ намъ съ маленькою рѣчью. Онъ говоритъ, что не будетъ касаться вопроса, за что насъ сдали въ солдаты, что хочетъ только познать насъ, хотя бы бѣгло, съ такъ называемой воинской дисциплиной.

— «Если вы ударите офицера», говоритъ онъ: «васъ разстрѣляютъ, если вы сдѣлаете то-то—съ вами сдѣлаютъ то-то», говоритъ, что наше положеніе теперь не изъ завидныхъ и совѣтуетъ вооружиться, во-первыхъ, терпѣніемъ, а во-вторыхъ, молитесь Богу, чтобы онъ помогъ намъ благополучно закончить службу. Затѣмъ г. Куропаткинъ обращается къ намъ съ довольно характернымъ вопросомъ: «Кто у васъ старшій?»—«У насъ нѣтъ старшихъ», отвѣчаемъ мы ему. Онъ проситъ насъ выбрать когонибудь нашимъ представителемъ. Выбираемъ. Куропаткинъ обращается къ выбранному представителю съ вопросомъ: «скажите—вы не будете дорогой устраивать демонстрацій?» Получивъ отвѣтъ, что демонстрацій устраивать мы не будемъ (хороши демонстраціи, когда со всѣхъ сторонъ приставлены штыки), онъ приказываетъ оставить по одному солдату у каждой двери и удалитъ остальную конвою.—«Я распорядился приготовить для васъ въ Гатчинѣ завтракъ», говоритъ Куропаткинъ и, пожелавъ намъ всего лучшаго, удаляется. Онъ проходитъ во второй вагонъ. Тамъ та же сцена. Впрочемъ, тамъ генералъ Куропаткинъ сказалъ товарищамъ, что въ особо экстраординарныхъ случаяхъ онъ разрѣшаетъ обращаться письменно къ нему, какъ къ военному министру.

V.

Отъ Петербурга до города N, куда мы были назначены, часовъ 8 ѣзды. Передъ нашимъ отбѣдомъ изъ Петербурга военныя власти города N. были увѣдомлены телеграммой о прибытіи студентовъ, сданныхъ въ солдаты, а потому на вокзалѣ мы встрѣтили офицеровъ разныхъ полковъ, расположенныхъ въ N. По ходатайству конвоировавшаго насъ офицера намъ разрѣшили написать чаю на вокзалѣ, потомъ всѣхъ насъ распредѣлили по полкамъ по 8 человекъ въ каждый полкъ (въ г. N. стоитъ 3 полка)

и въ сопровожденіи унтеръ-офицеровъ направилъ въ казармы. Мнѣ и еще 7 товарищамъ выпалъ на долю тяжкій жребій—насъ назначили въ—скій полкъ, славящийся невѣжествомъ офицеровъ, ихъ башибузукскими замашками, особой военной выправкой и... командиромъ полка.

Мы распрощались другъ съ другомъ и отправились по своимъ полкамъ начинать новую жизнь.

Въ канцеляріи—скаго полка намъ сдѣлали перекличку и распредѣлили по ротамъ. Въ каждую роту были назначены одинъ студентъ. Потомъ въ канцелярію вытребовали фельдфебелей всѣхъ ротъ и они отвели насъ по мѣстамъ. Я назначенъ былъ въ 1-ую роту.

VI.

Въ сопровожденіи фельдфебеля я въ студенческомъ пальто и тулукѣ вхожу въ помѣщеніе 1-ой роты—въ казарму. Впервые въ своей жизни переступаю я порогъ солдатской казармы.

До сихъ поръ съ этимъ словомъ связывалось въ моемъ представленіи что то гнетущее, неприятное. Дѣйствительность превосходитъ однако всѣ ожиданія. Въ казармѣ полумракъ; темно, непривѣтливо. Небѣлены, грязны, бревенчатыя стѣны смотрятъ какъ то угрюмо и словно хотятъ сказать: «оставь всякія надежды входящій сюда».

Всѣ вещи, вся немудреная обстановка казармы расположены въ строго опредѣленномъ порядкѣ, какъ будто и они заражены дисциплиной и боятся нарушить этотъ установленный порядокъ. Подъ потолкомъ на деревянныхъ балкахъ и стѣнахъ развѣшены длинныя, длинныя картонныя ленты съ крупными надписями. Что это?

«Пуля дура, штыкъ—молодецъ», гласитъ одна изъ нихъ...

«Кали штыкомъ скоро; помни, что на него другой просится».

«Нѣтъ патроновъ—коли штыкомъ, штыкъ сломался—бей прикладомъ, прикладъ сломался—кусай зубами». Все это афоризмы знаменитаго Суворова...

У стѣнъ стоятъ стойки со вложенными въ нихъ винтовками. Отъ одного до другого конца казармы тянется длинный рядъ кошекъ, одинаково застланныхъ. Между рядами кошекъ проходъ шага въ два. Въ воздухѣ виситъ брань, ругань.

Мой студенческій костюмъ сразу привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе солдатъ. Одни встаютъ и вытягиваются какъ передъ начальствомъ, другіе удивленно смотрятъ. Провожаемый сотней любопытныхъ глазъ, я слѣбую за фельдфебелемъ.—«Вотъ ваша койка», говоритъ фельдфебель. Я остаиваиваюся и занимаю свое мѣсто. Солдаты одинъ за другимъ подходятъ и смотрятъ. Чѣмъ дальше—тѣмъ смѣлье становятся они. Я вижу, какъ они расползаются кругомъ на койкахъ. Всѣ смотрятъ внимательно, но никто не предлагаетъ никакихъ вопросовъ. Я скромно потупляю глаза и чувствую, какъ чужіе взгляды прямо таки жгутъ меня. Нако-

непъ фельдфебель, видя мое смущеніе, кричитъ, чтобы всѣ разошлись и что здѣсь «глазѣтъ нечего»...—«Какъ вы сюда попали?» спрашиваетъ наконецъ меня одинъ солдатикъ—полякъ.

— «За безпорядки».—«А, вотъ оно что»... Онъ сочувственно расправиваетъ меня обѣ университетскіе движенія, говоритъ, что плохо и тяжело придется мнѣ теперь.—«А впрочемъ, сами увидите», говоритъ онъ. И я дѣйствительно увидѣлъ самъ...

Черезъ 2 часа у меня былъ уже совершенно другой видъ: форму съ меня сняли, мои кудри обрѣзали, надѣли на меня сапоги, которые были по крайней мѣрѣ вдвое больше моей ноги, надѣли солдатскій мундиръ, и я слаясь съ общей массой и пересталъ обращать на себя вниманіе своихъ сослуживцевъ. Изъ распросовъ солдата-поляка (онъ оказался полуинтеллигентнымъ человекомъ) я выяснилъ себѣ офицерскій составъ полка и въ частности нашей роты. Въ тотъ же день я и лично познакомился со своимъ начальствомъ.

Ротный командиръ—капитанъ Шарманкинъ¹⁾, потребовалъ къ себѣ студента. Онъ спросилъ меня, кто я, какого факультета и т. д., при чемъ тщательное избѣгалъ обращаться ко мнѣ съ какими либо мѣстоименіемъ.

Съ отчаяннымъ настроеніемъ всматривался я въ новую жизнь. Въ двухъ шагахъ отъ меня, въ помѣщеніи второй роты находился товарищъ—студентъ, который, вѣроятно, чувствовалъ себя тоже не особенно хорошо. Но видѣться съ нимъ было нельзя. Намъ почему то воспретили свиданія другъ съ другомъ.

VII.

На второй день начинается уже настоящая солдатская жизнь. Раю утромъ вмѣстѣ съ другими солдатами поднялся и я. Рота ждала офицеровъ, которые должны начать ученье. До прихода офицеровъ солдаты сдѣлались и подъ командой фельдфебеля дѣлали гимнастику.

Въ 8 часовъ появляются и офицеры: командиръ роты и два молодыхъ офицера—подпоручикъ и поручикъ.—«Смирно!» кричитъ при ихъ входѣ фельдфебель. Рота вытягивается въ струнку.—«Здорово, ребята!» обращается къ солдатамъ ротный командиръ и 100 голосовъ, какъ бы обезумѣвъ отъ ужаса, кричатъ: «Здравія желаемъ, Ваше Высочоблагородіе!» Начинается ученье. Солдаты изучаютъ ружейные приемы. Два-три часа съ маленькими передышками берутъ они «на плечо», «на краула», «на руку» и т. д. Смотрѣть скучно, внимательно. Рота замрла—ни одного звука. Машинально выполняютъ они приказы. Это уже не люди, а автоматы. Каждый старается точно и быстро выполнять то, что ему приказано.

Гулко раздается команда офицера. Команда—сразу за ней звякаютъ ружья, и приемъ готовъ. Офицеры дѣлаютъ замѣчанія.

¹⁾ Эта и другія фамиліи вымышленныя.

У того «недовернуть» носок, у другого тот же носок «перевернуть» и т. д. и т. д.

Я стою въ сторонкѣ и жду, что будетъ дальше. Молодые офицеры смотрятъ на меня какъ на диковиннаго вѣбра. Ко мнѣ подходитъ капитанъ Шарманкинъ. — «Здравствуйте», говорятъ онъ. — «Здравствуйте», отвѣчаю я ему. Выбравъ одного унтеръ-офицера, ротный командиръ назначаетъ мнѣ его въ учителя и объясняетъ, что учиться я буду отдѣльно отъ роты, потому что рота уже кое что знаетъ, а я только что прѣхалъ и еще профанъ. Мнѣ выдаютъ винтовку, и начинается мой первый урокъ. Ружьемъ владѣть совершенно не умѣю, и ученье дается сначала съ нѣкоторыми трудностями.

Наконецъ, ученье кончается; офицеры уходятъ. Но оказывается, что еще не совсемъ конецъ. Это была лишь практическая часть; теперь начинается теорія или «словесность», какъ она почему то называется. Въ роли преподавателей и лекторовъ выступаютъ уже унтеръ-офицеры. Рота разбивается на небольшіе кружки, и въ разныхъ концахъ казармы начинаются уроки «словесности».

Меня учать опять отдѣльно. Унтеръ, мой учитель, показываетъ мнѣ учебникъ и начинаетъ отсюда читать, а меня проситъ внимательно слушать. — «Что такое солдатъ?» читаетъ онъ по учебнику, и дальше: «Солдатъ есть слуга царя и отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ вѣншихъ и внутреннихъ». — «Ну, повтори», говоритъ онъ мнѣ: «что такое солдатъ?» Я повторяю, а мой учитель смотритъ внимательно въ учебникъ. — «Не такъ», говоритъ онъ, замѣтивъ, что слова въ моемъ отвѣтѣ расположены не въ такомъ порядкѣ, какъ въ учебникѣ. Затѣмъ онъ знакомитъ меня со всѣмъ царствующимъ домомъ, при чемъ каждую «особу» этого дома величаетъ полнымъ титуломъ и меня заставляетъ дѣлать то же самое: знакомитъ съ начальствомъ: командиромъ полка, батальона, бригады, дивизіи, корпуса. Я долженъ запоминать ихъ имена и пр. — «А ну-ка, кто у тебя начальникъ дивизіи?» провѣряетъ онъ мои познанія. Для облегченія изученія всей этой премудрости онъ указываетъ мнѣ на стѣну, гдѣ на листѣ бумаги поименованы всѣ «чины» и «особы», и рекомендуетъ почаще читать этотъ листъ. Курьезный у меня учитель — настоящая санста *simplicitas* — онъ даже не понимаетъ, что грамотъ я уже обученъ давно и что изучать «словесность» могу уже безъ его помощи и безъ особыхъ затрудненій. Я улыбаюсь его замчаніямъ, а онъ совершенно серьезенъ. Только черезъ нѣсколько дней онъ понялъ свое положеніе и смущенно заявилъ мнѣ, что отъ дальнѣйшаго преподаванія онъ отказывается и проситъ меня самого заняться по книгѣ. Вечеромъ опять занятія — опять ружейные приемы, потомъ уживъ, молитва, и утомленные «нижніе чины» укладываются спать.

Каждый день въ казармѣ похожъ одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Скучно и монотонно тянется время. Муштровка, полугодное существованіе и тяжелый, тяжелый сонъ, дѣлая

масса оскорбленій, оскорбленій, глубоко и сильно задѣвающихъ личность, и желѣзная дисциплина съ драконовскими законами, отрицающими всякую возможность самозащиты — вотъ сѣрый, убійственный фонтъ казармы. Развращенное до мозга костей безпрекословнымъ повиновеніемъ, глубоко невѣжественное офицерство считаетъ большимъ удовольствіемъ оскорблять и унижать беззащитныхъ людей. И какъ грубо и невѣжественъ самый объектъ для издѣательства (громадное большинство солдатъ — сыны русской заботы и темной деревни), такъ грубы способы и средства глумленія надъ нимъ. Не дѣйствуетъ ругань — пускается въ ходъ рукоприкладство. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ «господа офицеры» были по лицу солдатъ. Сначала меня стѣснялись, а потомъ ничего — привлекли.

Мы — студенты составили самый подходившій элементъ для издѣательства. Какъ у интеллигентныхъ людей, сознаніе собственного достоинства развито у насъ было сильнѣе и къ оскорбленіямъ мы были чувствительнѣе. Съ нами можно было обойтись и безъ рукоприкладства, тѣмъ паче, что воинскій уставъ даетъ такую широкую возможность глумиться надъ личностью и оправдываетъ рѣшительно все. Стоя на почвѣ этого устава, можно довести челоука до сумасшествия или «преступленія» (съ точки зрѣнія этого же устава). И тогда уже нѣтъ пощады.....

Уже на слѣдующій день я ясно понялъ, что мою личность здѣсь будутъ поирать ногами. Ротный командиръ — капитанъ Шарманкинъ — подошелъ ко мнѣ, какъ и прежде, но здоровался уже не такъ.

— «Здравствуй!» крикнулъ онъ мнѣ зычнымъ голосомъ. Этотъ «зычный» голосъ въ —скомъ полку дѣнился дорожѣ всего на свѣтѣ. Командиръ полка, полковникъ Вавиловъ, невѣжественный бурбокъ, любилъ, когда солдаты и офицеры полка кричали громко — «по молодецки».

— «Здравствуйте», отвѣтилъ я. — «Я тебѣ не Вы, а Ваше Высочблагородіе, и не здравствуйте, а здравія желаю. Отвѣчай какъ слѣдуетъ — по уставу», отвѣтилъ мнѣ капитанъ. Съ тѣхъ поръ каждый день онъ буквально издѣвался надо мной, когда утромъ приходилъ въ казарму. Онъ останавливался противъ меня, закладывалъ руки въ карманы и «здоровался», а когда я отвѣчалъ «по уставу», онъ заставлялъ меня кричать громче. — «Здравствуй», говорилъ онъ мнѣ. Я отвѣчалъ по уставу, а онъ заставлялъ меня кричать громче. — «Здравствуй», повторялъ онъ. Я отвѣчалъ по прежнему. — «Я тебѣ сказалъ — громче. Здравствуй!»... Такъ пользовался капитанъ Шарманкинъ своей властью, властью ротнаго командира....

Живетъ въ 1-ой ротѣ — скаго полка мрачная легенда о капитанѣ Шарманкинѣ. Гнусное, возмутительное преступленіе приписывается она ему, но мракъ неизвѣстности окутываетъ темное дѣло.

VIII.

Прошла неделя, и полковник Вавилов, командир полка, устроил смотр студентам. Намъ въ первый разъ пришлось предстать передъ его очи. Онъ обратился къ намъ съ маленькой, но вразумительной рѣчью.

— «Вы теперь солдаты. Не думайте, что вы будете пользоваться у меня какими нибудь льготами. Если вы думаете, что намъ по образованію полагаются эти льготы — вы жестоко ошибаетесь. Я считаю васъ недоучками. Большинство изъ васъ первокурсники, значить и рѣчи не можете быть об образованіи. (Самъ полковникъ едва ли кончилъ гимназію). Да въ моемъ полку и лица съ высшимъ образованіемъ никакими льготами не пользуются. Я буду требовать отъ васъ больше, чѣмъ отъ простого солдата. По моему — въ мѣсяцъ вы можете сдѣлать то, для чего простому солдату нуженъ былъ бы годъ. Время отъ времени я буду смотрѣть, чему вы научились. Помните,—скій солдатъ privilege высоко держать голову—этого я буду требовать и отъ васъ».

Полковникъ сдержалъ свое слово. За мѣсяцъ нашей службы въ городѣ N. онъ устроилъ намъ 5 смотровъ. Онъ, дѣйствительно, «требовалъ», требовалъ грубо—по солдатски..

Многое пришлось пережить за это время, а вавиловскіе смотры и до сихъ поръ еще заставляютъ вспоминать о себѣ съ содроганіемъ, и до сихъ поръ свѣжа еще въ моей памяти воистиннѣйшая сцена, разыгравшаяся на одномъ изъ этихъ смотровъ.

Полковникъ заставлялъ насъ по одиночкѣ дѣлать ружейные приемы. Въ числѣ этихъ приемовъ есть одинъ, который называется «на изготовку». Ружье вскидывается на руки, для того, чтобы потомъ взять его на прицѣлъ. Держать долго ружье въ такомъ положеніи, держать твердо—такъ, чтобы не дрожали руки—довольно трудно. Одинъ изъ товарищей по командѣ полковника продолжалъ ружейные приемы. Онъ взялъ «на изготовку» и, ожидая новой командъ, держалъ ружье нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи. Сначала держалъ твердо, а потомъ руки начали дрожать.

— «Держи крѣпче!» крикнулъ полковникъ.—«Я не могу—усталъ», отвѣтилъ ему товарищ. Полковникъ обратился тогда къ его учителю—унтеръ-офицеру и спросилъ его: «скажи, братецъ, въ казармѣ онъ хорошо дѣлаетъ гимнастику?»—«Такъ точно, хорошо, Ваше Высокоблагородіе». Тогда полковникъ Вавиловъ, подойдя къ товарищу, выхватилъ у него изъ рукъ винтовку, толкнулъ его въ спину и сказалъ: «Я думалъ, что ты—солдатъ, а ты, оказывается, негодяй. Подъ арестъ его», распорядился полковникъ. Товарища схватили и увели; насъ полковникъ приказалъ распустить по ротамъ и распорядился назначить намъ въ учителя простыхъ солдатъ вмѣсто унтеръ-офицеровъ, находя,

что братъ «уроки» у унтеръ-офицеровъ для насъ слишкомъ большая честь. Онъ думалъ, что этимъ онъ можетъ насъ оскорбить. Пострадавшій товарищъ писалъ потомъ письмо военному министру, но что вышло изъ этого письма—не знаю.

Послѣ каждаго смотра полковникъ Вавиловъ въ приказахъ по полку констатировалъ усѣхи или неуспѣхи студентовъ.

Жить въ казармѣ приходилось очень плохо. Среди общества знакомствъ у насъ сначала не было, но они скоро завелись, и по праздникамъ мы стали отдыхать душой отъ казарменной атмосферы. Добиться отпусковъ было чрезвычайно трудно, да мы бы и не добились, если бы на полковника Вавилова не пошла одна дама съ положеніемъ въ обществѣ. Только благодаря ей просебамъ Вавиловъ согласился увольнять насъ въ городъ. Ходили мы въ сопровожденіи специально назначенныхъ «дядекъ». Эти «дядьки» провожали насъ въ отпускъ, ждали тамъ и потомъ доставляли насъ снова въ казармы. Какъ ни томительна была процедура полученія отпускного билета—провести нѣсколько часовъ внѣ казармы было такъ заманчиво, что мы, не задумываясь, продѣлывали ее до конца. Въ отпускъ мы узнавали новости, читали газеты. Мы узнали тамъ, что вскорѣ послѣ сдачи насъ въ солдаты рукой Карповича убитъ былъ министръ народнаго просвѣщенія Богольповъ. Полковникъ Вавиловъ говорилъ намъ потомъ на одномъ изъ своихъ смотровъ: «Я считалъ васъ хорошими солдатами, оказывается, что среди васъ есть злобствующій элементъ». Онъ разумѣлъ Карповича, и такъ какъ Карповичъ солдатомъ не былъ, то, очевидно, полковникъ Вавиловъ всѣхъ студентовъ склоненъ былъ считать солдатами.

IX.

Съ солдатами-сослуживцами мнѣ мало удалось сойтись. Служба въ—скомъ полку была слишкомъ непродолжительна—всего мѣсяць. Когда насъ сдавали въ солдаты, то предвидѣли возможность пропаганды въ войскахъ, а потому предлагали переводить изъ одного полка въ другой, чтобы не дать намъ возможности близко познакомиться и сойтись съ нижними чинами.

Солдаты—это темное, забитое стадо, несущее свой крестъ съ удивительнымъ смиреніемъ и покорностью. Мнѣ ни разу не пришлось видѣть возмущенія и протеста, хотя причинъ для нихъ было болѣе, чѣмъ достаточно: удерживается страхъ наказанія, съ одной стороны, и дисциплина съ другой. Она притупляетъ и обезличиваетъ. Мнѣ не приходилось слышать въ своей ротѣ члѣ мало-мальски критическаго отношенія къ распорядженіемъ «начальства». На мой вопросъ: «стали ли бы вы сръблять въ народъ, если бы васъ заставили. Должны же, вѣдь, вы понять, что народъ борется за лучшую долю и счастье»—мнѣ отвѣчали:

«начальство заставило бы, такъ и стрѣлять бы стали. Что же сдѣлаешь». И они, дѣйствительно, стрѣляли въ томъ же году по обуховскимъ рабочимъ. Мы въ это время были уже въ дружинахъ полкахъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я, когда кончится этотъ проклятый мѣсяцъ, когда я переѣду въ какое нибудь другое мѣсто, гдѣ, можетъ быть, будетъ такъ же плохо, но ужъ, конечно, не хуже. А дни шли такъ убойственно медленно. Жить становилось все хуже и хуже. Начальство низшаго типа — унтеръ-офицеры и фельдфебель становилось все грубѣе и грубѣе: оно брало примеръ съ офицеровъ, которые и сами были сознательно грубы и поощряли къ тому же полковникомъ Вавиловымъ. Особенно плохо стало жить послѣ того, какъ къ намъ прѣхалъ ревизоръ по распоряженію командующаго петербургскимъ военнымъ округомъ. Незадолго до прѣзда этого ревизора намъ разрѣшили видѣться другъ съ другомъ и вмѣстѣ обѣдать...

Я обѣдалъ однажды съ товарищемъ въ помѣщеніи его роты, какъ вдругъ за мной прѣбѣжалъ солдатикъ первой роты и сказалъ мнѣ, чтобы я скорѣе, скорѣе шелъ въ свою роту, что тамъ меня ждутъ. Я отправился. Въ ротѣ я засталъ уже ревизора — казачьяго генерала. Съ нимъ вмѣстѣ были полковникъ Вавиловъ и офицеры полка. Генералъ стоялъ около моей койки и ждалъ меня. Я подошелъ къ нему и остановился. — «Ты какого факультета?» спросилъ онъ меня. — «Физико-математическаго». — «Это твоя койка?» и генералъ, ткнувъ пальцемъ въ мою постель, поднялъ одеяло. — «Моя», отвѣчалъ я. — «А гдѣ ты былъ сейчасъ?» спросилъ генералъ. Я сказалъ, что былъ въ другой ротѣ. — «За чѣмъ?» — «Обѣдалъ». — «Какъ обѣдалъ?» Я объяснилъ генералу, что обѣдаю съ товарищемъ вмѣстѣ, что беру обѣду за свой счетъ изъ офицерскаго собранія съ разрѣшенія батальоннаго командира. Генералъ нахмурился: онъ остался недоволенъ. Онъ осмотрѣлъ въ тотъ день всехъ студентовъ и въ приказѣ по полку заявилъ, что со студентами здѣсь миндальничаютъ. Буквально такъ и выразился генералъ.

Руки полковника Вавилова были развязаны. Онъ пересталъ «миндальничать». Намъ снова запретили видѣться другъ съ другомъ, запретили брать обѣды и въ обращеніи уже совсѣмъ перестали стѣсняться. Къ счастью, кончался уже мѣсяцъ, и мы скоро разстались съ городомъ N. Прибылило 11 марта. На каунахъ отправки изъ N насъ — всехъ студентовъ, служившихъ въ N — скихъ полкахъ собрали въ одну казарму, и бригадный командиръ — большой генералъ устроилъ намъ послѣдній смотръ, а 11 марта утромъ студентовъ изъ всехъ полковъ привезли къ воинскому начальнику. Мы снова были все вмѣстѣ и могли дѣлаться впечатлѣніями службы другъ съ другомъ.

Въ городѣ N. кромѣ нашего — скаго полка стояли еще два полка. Товарищамъ, служившимъ въ нихъ жилило, оказывается, нѣсколько лучше чѣмъ намъ: нѣсколько лучше были составы офицеровъ. Случаи грубого издѣательства были, правда, и тамъ, но ихъ было гораздо меньше.

Одинъ изъ такихъ случаевъ въ K — мѣ полку едва не окончился трагически. Товарищъ — студентъ, оскорбленный унтеръ-офицеромъ, ударилъ его по физиономіи въ присутствіи всехъ солдатъ. Сначала товарища хотѣли судить, грозили каторгой, но въ концѣ концовъ дѣло обошлось сравнительно благополучно: его посадили подъ усиленный арестъ на одну недѣлю. Радостно встрѣтились мы другъ съ другомъ и странно было видѣть недавнихъ товарищей по «alma mater» настоящими солдатами. Впрочемъ, не все было настоящимъ солдатами. Былъ среди насъ одинъ «солдатъ безъ ружья»; онъ не могъ держать въ рукахъ ружья, потому что раньше половина тѣла у него была разбита параличемъ и онъ плохо владелъ правой рукой и ногой. Ему и не выдавали ружья. Каждое утро «дядька» одѣвалъ его, а вечеромъ помогалъ ему раздѣваться. Его сдали въ солдаты на точномъ основаніи «временныхъ правилъ». Въ нихъ были предусмотрены случаи болѣзни, несовершеннотѣти, льготнаго семейнаго положенія и сказано, что на одинъ изъ этихъ случаевъ не можетъ изъяснить отъ солдатской службы.

Воинскій начальникъ, города N. объявилъ намъ, кто въ какой городъ назначенъ и мы отправились въ путь. Недолго намъ пришлось пробыть вмѣстѣ. Чѣмъ дальше ѣхали мы, тѣмъ больше рѣдѣли наши ряды, потому что на узловыхъ станціяхъ нѣкоторые товарищи разставались съ нами. Я былъ назначенъ въ городъ S. вмѣстѣ съ другими 4 товарищами. Въ дорогѣ отъ N. до S. пришлось перенести много непріятностей. Въ каждомъ городишкѣ, гдѣ только былъ воинскій начальникъ — мы останавливались и отправлялись въ управленіе воинскаго начальника подъ конвоемъ. Здѣсь насъ зачѣмъ то каждый разъ пересчитывали и сопровождали дальше. Наконецъ, мы прибыли въ г. S., прибыли ночью. Былъ уже мартъ, но снѣгъ еще не стаялъ совсѣмъ. Я помню эту отвратительную ночь. Съ вокзала по слякоти подъ токсильный вой вѣтра отправились мы въ управленіе воинскаго начальника. Тревожить его ночью сначала не хотѣли и отправили насъ ночевать на «перегонный пунктъ». Ничего хуже и отвратительнѣе этихъ перегонныхъ пунктовъ нельзя себѣ представить. Грязное помѣщеніе, застланное нарами съ одного конца до другого. На нарахъ въ повалку спятъ солдаты, куда либо влупше: одни кончили службу и возвращаются домой, другие ѣдутъ домой

по болѣзни. Спать почти невозможно: душно, грязно и мириады насекомых. Съ ужасомъ думали мы о предстоящей ночевкѣ на перегонномъ пунктѣ. Къ счастью, ночевать здѣсь не пришлось. Часа черезъ два насъ отравили въ S—скій полкъ (туда назначили 3 студентовъ). Мы пробѣжали черезъ весь сияющій городъ и добрались до казармъ S—каго полка. Въ полковой канцеляріи кавалію то писарь расписалъ въ намѣта получениі, и насъ направилъ ночевать въ «околотокъ», т. е. въ пріемный покой.

Утромъ, когда мы, сидя въ околоткѣ, пили чай, пришелъ офицеръ, завѣдующій околоткомъ. Онъ оказался чрезвычайно порядочнымъ человѣкомъ, познакомился съ нами, рассказалъ намъ о порядкахъ S—каго полка, познакомилъ съ составомъ офицеровъ, т. е. сообщилъ, въ какой ротѣ командиры звѣри и въ какой болѣе или менѣе порядочные люди.

Мы были, такимъ образомъ, заранѣе ознакомлены со всѣмъ, что насъ такъ интересовало, когда насъ потребовали къ командиру полка. Командиръ полка, полковникъ Веди, былъ когда то студентомъ Горнаго института, былъ намъ, значитъ, до нѣкоторой степени collega. Онъ оказался едва ли не грубѣе полковника Вавилова.

Мы втроемъ вошли въ его кабинетъ. Полковникъ сидѣлъ въ креслѣ, повернувшись къ намъ спиной. Онъ не сразу обернулся, когда мы вошли, а продолжалъ что то писать. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ намъ и, обращаясь къ каждому отдѣльно на «ты», задалъ нѣсколько пустячныхъ вопросовъ. Потомъ онъ взялъ со стола мѣлъ, подошелъ сначала ко мнѣ и въ раздумьи остановился.—«Куда бы тебя назначить?» спросилъ онъ самого себя.—«Въ 5-ую роту», и онъ написалъ мнѣ мѣломъ на моей груди цифру 5. Потомъ онъ подошелъ къ слѣдующему товарищу и, уже не говоря ни слова, написалъ ему на груди какую то цифру. Съ третьимъ товарищемъ онъ продѣлалъ то же самое.—«А теперь вы можете идти», сказалъ онъ, и мы разошлись по тѣмъ ротамъ, цифры которыхъ были на насъ написаны.

Въ 5-ой ротѣ встрѣтилъ меня прежде всего фельдфебель. Его фигура до сихъ поръ свѣжа въ моей памяти. Это буквально одинъ изъ типовъ сахалинскихъ каторжниковъ, описанныхъ Дорошевичемъ. Много уголовныхъ преступленій лежитъ на немъ, но ни за одно не привлекался онъ къ суду; онъ всегда умѣлъ выйти чистымъ изъ грязныхъ исторій и сохранить концы преступленія. Когда те онъ служилъ околоточнымъ надзирателемъ въ Москвѣ, но на полицейской службѣ проворачивалъ и пошелъ въ службу военную, гдѣ и устроился очень хорошо. Должность фельдфебеля имѣетъ, въ сущности, гораздо большее значение для роты, чѣмъ должность ротнаго командира. Последний приходитъ въ роту только на ученье, между тѣмъ какъ фельдфебель всегда въ ротѣ. Онъ здѣсь полный хозяинъ. Онъ пользуется довольно обширною властью, можетъ наказывать солдатъ и даже отправлять ихъ

подъ арестъ на однѣ сутки. Онъ можетъ бить солдатъ, сколько ему угодно, онъ можетъ и миловать, и «милуетъ» онъ, конечно, не даромъ. Изъ мизернаго солдатскаго жалованья (20 коп. въ мѣсяцъ) онъ беретъ себѣ больше половины, онъ крадетъ солдатскую пищу, которая и безъ того уже ниже всякой критики.—Однимъ словомъ фельдфебелю «живется недурно».

Фельдфебель 5-ой роты S—каго полка довелъ нѣсколькихъ солдатъ до могилы — побоями. За это онъ тоже не привлекался къ отвѣтственности. Служить онъ уже давно, и изъ одного поколѣнія солдатъ въ другое передаются всѣ грязныя и темныя дѣлшки, которыя онъ когда либо сдѣлалъ. Къ такому то типу попалъ я въ подчиненіе. Онъ встрѣтилъ меня по начальнически, прочиталъ нотацію за то, что я участвовалъ въ студенческихъ беспорядкахъ.—«Вотъ вы теперь и несете наказаніе», сказалъ онъ.

Въ тотъ же день я познакомился и со своимъ высшимъ начальствомъ—командиромъ роты—капитаномъ Петровичемъ. Это единственный офицеръ, о которомъ я вспоминаю безъ злости, а иногда и съ любовью.

Искусственный горькимъ опытомъ службы въ —скомъ полку, я ожидалъ и здѣсь встрѣтить нѣчто вродѣ капитана Шарманкина. Ничего подобнаго не случилось. Въ тотъ день, когда я переступилъ порогъ 5-ой роты S—каго полка, солдатамъ выдавалось жалованье. Пришелъ ротный командиръ и попросилъ меня къ себѣ въ канцелярію роты. Я пошелъ, скрѣпя сердце. Ротный командиръ встрѣтилъ меня въ дверяхъ.

«Иванъ Ивановичъ Петровичъ», сказалъ онъ мнѣ, протягивая руку. Я откомендовался ему въ свою очередь. «Надѣюсь», сказалъ мнѣ Петровичъ, «что мы съ вами будемъ жить дружно, что вы будете мнѣ полезны въ канцелярской работѣ. Я думаю, что вы не откажетесь помочь мнѣ, когда будетъ нужно». Я сказалъ, что не откажусь, и сразу же принялся за канцелярскую работу: сталъ выписывать жалованье солдатамъ. Петровичъ приказалъ поставить мнѣ кровать въ ротной канцеляріи и просилъ заходить къ нему, когда будетъ скучно. Во всю мою службу въ S—комъ полку (а я пробылъ въ немъ 3½ мѣсяца) капитанъ Петровичъ относился ко мнѣ одинаково хорошо, деликатно, мягко и вѣжливо. Младшіе офицеры роты оказались похожими на ротнаго командира. Это были еще совсѣмъ юнцы, недавно стлѣвшие со школьной скамьи и почему то не утратившіе еще человѣческаго образа и подобія... Мнѣ улыбающееся счастье. Полковой командиръ лишилъ меня, правда, скоро вѣтшихъ удобствъ—приказалъ помѣстить меня въ общей казармѣ, но это было уже полъ-горя, самое главное—человѣческое обращеніе—было налицо.

3½ мѣсяца прослужилъ я въ S—комъ полку. И здѣсь каждый день, какъ двѣ капли воды, походилъ одинъ на другой. И здѣсь пришлось почувствовать нѣсколько разъ, что такое ди-

циплина и военная служба. Волей-неволей приходилось имѣть дѣло не только со своими офицерами, но и съ высшимъ начальствомъ. (На смотрѣхъ, напримѣръ). А вѣснее начальство, вродѣ батальоннаго командира и командира полка, обращалось съ нами до крайности грубо. Человѣчскій языкъ ему вообще рѣдко доступенъ. Я думаю, что грубость «начальства» имѣла еще одну довольно вѣскую причину. Оно хотѣло засвидѣтельствовать свои «вѣрноподданническія чувства», унизая «крамольниковъ» и издѣваясь надъ ними. Говорятъ, въ каждомъ полку получалась дѣлая масса всякихъ секретныхъ циркуляровъ, разъясняющихъ, какъ нужно обращаться со студентами, какой тактики по отношению къ нимъ придерживаться. Но все эти циркуляры были до крайности сбивчивы и могли вносить только путаницу. Офицеры, мягкіе по своей природѣ, сохранившіе еще душу въ этой бездушной обстановкѣ, вродѣ капитана Петровича, не считались съ циркулярами и вели себя такъ, какъ подсказывало имъ чувство человѣчности. Капитанъ Петровичъ предложилъ мнѣ напримѣръ (совершенно вопреки смыслу секретныхъ инструкцій), быть ротнымъ учителемъ—обучать грамотѣ безграмотныхъ солдатъ. Это было, конечно, совершенно противузаконно, потому что циркуляры предписывали строго слѣдить за тѣмъ, какъ бы мы не вошли съ сношенія съ солдатами, не сошлись бы съ ними близко и не занялись бы «преступной пропагандой» въ стѣнахъ казармы.

Я съ радостью принялъ предложеніе ротнаго командира, набралъ въ ротѣ безграмотныхъ, желающихъ учиться, и началъ съ ними заниматься. Къ сожалѣнію, занятія мои продолжались не долго, потому что предложеніе ротнаго командира было вѣсколько заповядальнымъ: былъ уже апрѣль мѣсяцъ и недѣли черезъ полторы полкъ выступилъ въ лагерь. Тамъ мнѣ не пришлось уже заниматься: лагерная служба слишкомъ утомляетъ солдатъ и имъ ужъ не до занятій. А потомъ мы скоро были «помялованы», и наша служба кончилась.

Когда я предложилъ безграмотнымъ солдатамъ заниматься со мной, они были чрезвычайно обрадованы и охотно соглашались учиться. Они мечтали вернуться изъ солдатской службы по крайней мѣрѣ хоть грамотными.

Дѣло школьнаго обученія солдатъ въ полкахъ поставлено невозможно плохо. Ротныя школы существуютъ только на бумагѣ, а офицеры-учителя или совсѣмъ не приходятъ заниматься, или же ведутъ дѣло небрежно, спустя рукава. Имъ важна только бумажная отчетность. Время отъ времени назначается контроль надъ занятіями въ ротной школѣ. Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ тѣхъ довольно оригинальныхъ, но не хитрыхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ ротные учителя-офицеры обманываютъ контролеровъ и умѣютъ представлять дѣло «въ лучшемъ видѣ». Я видѣлъ, какъ накануне контрольнаго экзамена (его устраивалъ командиръ батальона) офицеръ-учитель подобралъ въ

ротѣ нѣсколькихъ грамотныхъ солдатъ, солдатъ, учившихся еще до прихода на службу въ сельскихъ школахъ и съ которыми онъ самъ никогда не занимался, и какъ онъ выдалъ ихъ потомъ за учениковъ ротной школы. Я видѣлъ, какъ онъ свѣсно записывалъ въ журналъ предметы своихъ мнимыхъ занятій. На завтра устроить былъ экзаменъ, и экзаменаторъ остался доволенъ хорошей постановкой учебнаго дѣла въ ротѣ.

Такъ обстоятъ дѣло школьнаго обученія въ полкахъ. Да трудно себѣ и представить, чтобы оно обстоило иначе. Въдъ между солдатами и офицерами нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Солдаты—это забитое стадо; офицеры—все что угодно, только не учителя.

XI.

Незадолго до выступленія полка въ лагерь—во второй половинѣ апрѣля въ S—комъ полку происходилъ инспекторскій смотръ, въ результатъ котораго намъ—студентамъ были предоставлены нѣкоторыя льготы.

Инспекторскіе смотры происходятъ одинъ разъ въ годъ. Въ качествѣ инспектора выступаетъ командиръ дивизіи. Во время этого смотра единственный разъ въ году каждый солдатъ имѣетъ право лично и непосредственно принести жалобу «Его Высокопревосходительству». Впрочемъ, предварительно передъ смотромъ онъ обязанъ заявить черезъ унтеръ-офицера своему начальству, что на инспекторскомъ смотрѣ онъ будетъ жаловаться, долженъ сказать и на что будетъ онъ жаловаться.

Своимъ правомъ приносить жалобы начальнику дивизіи солдаты почти никогда не пользуются. Въдъ «до Бога высоко, а до царя далеко», разсуждаютъ обыкновенно солдаты. Жалоба, если даже она справедлива и достигаетъ своей цѣли—всегда невыгодна для солдата. Начальство всегда сумѣетъ отомстить дерзкому жалобщику, стоя на совершенно законной почвѣ. И, зная это, солдаты обыкновенно молчатъ, молчатъ и терпятъ. А когда инспекторъ предлагаетъ вопросъ: «всѣмъ ли довольны, братцы, нѣтъ ли у кого какихъ жалобъ?» рота кричитъ: «такъ точно, Ваше Высокопревосходительство, всѣмъ довольны и никакихъ жалобъ нѣтъ». Такимъ образомъ, инспекторскій смотръ превращается буквально въ комедію. Официальные вопросы, официальные отвѣты. За то показная сторона на инспекторскихъ смотрахъ прямо блестяща. Я опишу тотъ смотръ въ S—комъ полку, который для насъ—студентовъ такъ много значалъ.

Наканунѣ смотра во всемъ полку происходитъ чистка. Въ ротахъ наводится порядокъ, солдаты чистятъ свою амуницію. Блестятъ пуговицы, блестятъ пряжки на кушачахъ. Въ день же смотра раннимъ утромъ начинаются другія приготовления. Изъ солдатскихъ сундуковъ вынимаются все вещи и раскладываются по койкамъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Этотъ порядокъ

указанъ на особыхъ таблицахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ казармы. Тамъ указано, напримеръ, гдѣ должны лежать сапоги, куда они должны быть обращены носками и какое расстояние между носками должно быть сдѣлано. Для каждой вещи назначено свое мѣсто. Расположивъ, какъ полагается, все свое имущество, солдаты начинаютъ одѣваться: одѣваютъ чистыя рубахи и полную боевую форму. Затѣмъ они выстраиваются въ ротѣ и ждутъ генерала...

Пятая рота 8—каго полка уже готова и замерла въ ожиданіи—«смирно!» кричитъ дежурный у дверей солдатъ и слышно, какъ пролетитъ муха. Дверь открывается и показывается блестящая группа офицеровъ: впереди начальникъ дивизіи со свитой; его сопровождаютъ командиры полка и офицеры. Какъ только всѣ они переступаютъ порогъ казармы, командиръ полка—полковникъ Веди, почтительно докладываетъ генералу: «это, Ваше Высокопревосходительство, студентъ и показываетъ на меня пальцемъ.—«Ага! хорошо!» говоритъ генералъ, и смотръ начинается. Поздоровавшись съ ротой и опросивъ претензіи, начальникъ дивизіи подходитъ ко мнѣ, кладетъ на мое плечо руку и спрашиваетъ: «скажите, вы какого университета?»—«Петербургскаго», говорю я.—«А факультета?»—«Физико-математическаго».—«Какъ онъ ведетъ себя?» спрашиваетъ генералъ моего ротнаго командира.—«Отлично, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ ротный командиръ.—«А гдѣ вы его помѣстили?»—«Вотъ его койка, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ ротный командиръ.—«Значитъ, вмѣстѣ съ другими солдатами? Это неудобно. Полковникъ, почему вы его здѣсь помѣстили?» спрашиваетъ генералъ командира полка.—«Въ ротной канцеляріи очень тѣсно, Высокопр-во», отвѣчаетъ полковникъ, и я приказалъ помѣстить его въ общей казармѣ.—«Нѣтъ, это неудобно, устройте его отдѣльно».—«Слушаю-съ, Ваше Высокопр-во», отвѣчаетъ полковникъ.

Начальникъ дивизіи обращается ко всѣмъ офицерамъ: «Господа офицеры! Помните, что это передъ вами не солдатъ, а студентъ; его прислали сюда не для того, чтобы вы учили его муштровкѣ: онъ просто отбываетъ административное наказаніе. Помните, господа офицеры, что онъ кончить службу и снова вернуться въ университетъ»...

Смотръ кончился. (Въ другихъ ротахъ начальникъ дивизіи обошелся съ товарищами такъ же).

Рѣчь къ «господамъ офицерамъ» значила для насъ чрезвычайно много. Со дня инспекторскаго смотра началась, можно сказать, новая эра солдатской жизни. Она наступила въ тотъ же самый день... Какъ только уѣхалъ начальникъ дивизіи—въ мой ротѣ собралось нѣсколько офицеровъ. На радостяхъ заказали они себѣ самоваръ и къ моему крайнему удивленію послали офицера-депутата приглашать меня на чашку чаю. Какъ ни отказывался я, пришлось въ концѣ концовъ идти и провести полчаса въ офицерскомъ обществѣ.

По распоряженію командиры полка на завтра меня выдѣлили изъ общей казармы и помѣстили въ отдѣльной комнатѣ съ кау-тенармусомъ роты. Съ недѣлю прожилъ я въ отдѣльной комнатѣ и наслаждался жизнью. А потомъ мы выступили въ лагерь, гдѣ намъ разрѣшили помѣститься въ отдѣльной палаткѣ, и мы вчетверомъ (два студента и два вольноопредѣляющихся, кончившихъ уже университетъ) заняли отдѣльную палатку. Если бы не смотръ, насъ заставили бы жить въ общей солдатской палаткѣ, а жить тамъ куда хуже, чѣмъ въ ротѣ.

ХП.

Когда мы выступили въ лагерь, я носилъ уже новое званіе, званіе «старослужащаго». Это въ вѣкоторомъ родѣ уже ученая степень и дается она по выдержаніи особаго экзамена, экзамена «по словесности» и по «строевой службѣ».

Объ этомъ самомъ экзаменѣ я хочу сказать теперь нѣсколько словъ. Производится онъ такъ: въ качествѣ экзаменатора въ каждой ротѣ выступаетъ командиръ какой нибудь чужой роты; помощниками его назначаются младшіе офицеры той роты, въ которой производится экзаменъ.

Рота, одѣтая въ чистое платье, выстраивается, какъ всегда въ торжественныхъ случаяхъ. Одного за другимъ вызываютъ солдаты къ экзаменационному столу.

Очередь доходить до меня.

— «А ну, прочитай молитву Господню», обращается ко мнѣ экзаменаторъ.

— «Отче нашъ, иже еси на небесехъ, да святится имя твое» и т. д.

— «Хорошо», говоритъ капитанъ и ставитъ мнѣ баллъ 5 въ той графѣ, сверху которой написано: «Молитва Господня».

— «А какъ долженъ держать себя часовой у порохового погреба?» Я отвѣчаю. Капитанъ ставитъ мнѣ по словесности баллъ 4. Затѣмъ онъ обращается къ своимъ ассистентамъ съ вопросомъ: «ну, а какъ онъ, какъ солдатъ, ничего?»

— «Этотъ студентъ, г. капитанъ», шепчетъ ему на ухо одинъ изъ офицеровъ. Смущенный капитанъ краснѣетъ до корня волосъ и говоритъ мнѣ: «ну, вы можете идти».

Такъ получилъ я званіе «старослужащаго» солдата.

ХПІ.

Въ лагеряхъ намъ пришлось пробывать только 1½ мѣсяца. Здѣсь мы встрѣтились съ товарищами-солдатами Киевскаго университета. Они служили въ г. Р., а на время лагерной службы полкъ ихъ приходило въ нашъ городъ. Жилось имъ, въ общемъ, лучше нашего, потому, быть можетъ, что г. Р. относится къ Киевскому военному округу.

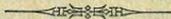
Еъ июнѣ 1901 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ освобожденіи отъ службы студентовъ, сданныхъ въ солдаты. Желющимъ продолжать службу въ счетъ обязательной воинской повинности предлагалось остаться въ полкахъ; имъ обѣщали вернуть право по образованію, т. е. дать право служить вольноопредѣляющимися.

Желающихъ остаться не нашлось, и мы возвратились по домамъ и въ у-тъ, но возвратились не всё.

Когда «считать мы стали раны, товарищъ считать», одного не досчитались мы: товарищъ Проскураковъ застрѣлился въ Ямбургѣ недалеко отъ казармы.

Мартъ 1906 г.

Л. С.

Посланіе Мих. Ил. Михайлову ¹⁾.

Съ Балтійскаго моря на дальній востокъ
Летить бурный вѣтеръ свободно,
Несетъ онъ на крыльяхъ пустынный песокъ,—
Несетъ вздохъ тоски всенародной...
Несетъ онъ привѣтъ отъ печальныхъ друзей
Далекому милому другу...
Несетъ онъ зародыши грозныхъ идей
Отъ Запада, Сѣвера, Юга...
И шепчетъ: «Я слышалъ: въ поляхъ, въ городахъ
Ужъ ходитъ тревожное слово;
Влѣдѣютъ безумцы въ роскошныхъ дворцахъ...
Грядущее дѣло готово.
Надъ русской землею краснѣетъ заря.
Заблещетъ свѣтило свободы
И скоро ужъ спросятъ отчетъ у царя
Покорные прежде народы...
На праздникъ томъ ужъ готовить тебѣ
Друзья твои славное дѣло,
Торопятъ другъ друга къ великой борьбѣ
И ждутъ, чтобъ мгновенно приспѣло...
И шлютъ издалика сердечный привѣтъ,
Надежду, тоску ожиданья—
И твердую вѣру: Свобода придетъ—
И скоро... Борецъ, до свиданья!»

П. Лавровъ.

23 мая 1862 г.

¹⁾ Это стихотвореніе въ нашей печати еще не появлялось.

Послѣдній день Каляева.

Какъ всегда торчали изъ воды въ этотъ день мрачныя, угромя стѣны Шлиссельбургской крѣпости. Много горя и страданій людскихъ видѣли онѣ,—эти нѣмыя, безстрастныя свидѣтельницы ужасной старины. Безпощадное время наложило однако и на нихъ свою печать разрушенія: во многихъ мѣстахъ съ нихъ уже обвалилась штукатурка, кое-гдѣ изъ расщелинъ каменныхъ плитъ, изъ которыхъ сложены стѣны, торчитъ тощая березка или рябинка, выросшія изъ случайно занесеннаго вѣтромъ сѣмечка, а во многихъ мѣстахъ стѣны покрылись уже густымъ мохомъ.

Наканунѣ описываемаго дня, рѣка бушевала вокругъ крѣпости всю ночь, шумно вздымала свои яростныя волны Нева. Волны пѣнились и съ силою ударялись о выложенный изъ дикаго плитняка крѣпостной валъ. Вѣтеръ стоналъ и вылъ, по стѣны крѣпости привыкли уже къ его унылымъ, душу надрывающимъ напѣвамъ, зачастую не дававшимъ ночью уснуть несчастнымъ обитателямъ таинственнаго острова, и къ шуму разъяренныхъ волнъ. Но если стѣны и привыкли къ бурямъ, то на людей, особенно нервныхъ, вой вѣтра и буря на озерахъ и на Невѣ дѣйствовала на этотъ разъ какъ-то особенно, — казалось, что и вой вѣтра, и ярость волнъ говорили о томъ, что въ крѣпости должно совершиться нѣчто ужасное даже и для этого страшнаго мѣста, полнаго мрачныхъ преданій объ ужасахъ таинственнаго быта.

На утро буря стихла и по внѣшнему виду въ крѣпости, казалось, ничто не нарушало установленнаго порядка: какъ всегда ходилъ по валу дневальный солдатъ, лѣниво поглядывая на катящіяся, свинцовыя волны Невы, какъ всегда по случаю праздничнаго дня заблаговѣстили къ обѣдѣ въ крѣпостной церкви и также какъ обычно шла въ церкви служба, только постороннихъ прихожанъ было въ этотъ день въ церкви меньше обыкновеннаго, потому что народу, прибывавшему на своихъ лодочкахъ съ праваго берега Невы, изъ расположенной напротивъ крѣпости деревни Шереметьевки, не позволяли приставать къ крѣпости, а между тѣмъ прїѣзжавшихъ въ церковь было много.

Иванъ Платоновичъ
КАЛЯЕВЪ.

(Съ карточки, снятой сейчасъ же послѣ взрыва).

потому что был Николинъ день, чтимый православнымъ русскимъ народомъ,—это былъ понедѣльникъ 9 мая 1905 года.

Конечно, такая строгость въ отношеніи прибѣжавшихъ въ церковь не осталась незамѣченной, всякому, знакомому съ обычаями крѣпостной жизни, становилось ясно, что въ крѣпости кого-то ждутъ, кого по установленному правилу никто кромѣ администраціи видѣть не долженъ. Дѣйствительно, въ крѣпости ожидали прибытія изъ Петербурга, приговореннаго къ смертной казни И. Каляева, который долженъ былъ прибыть на полицейскомъ пароходѣ. Лишь только, около половины 11-го, ожидавшійся полицейскій пароходъ показался на Невѣ, все жившія въ крѣпости женщины и дѣти, не бывшія въ церкви, должны были поспѣть по своимъ квартирамъ, закрыть окна и не выглядывать изъ нихъ; вездѣ были поставлены солдаты для наблюденія за тѣмъ, чтобы никто изъ неприннадлежащихъ къ администраціи не приближался къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ проходить приговоренный къ смерти.

Итакъ въ весенній, ясный, хотя и свѣжій день, 9 мая 1905 г., въ 10½ часовъ утра, въ то время, какъ въ крѣпостной церкви шла обѣдня, привезли въ крѣпость Каляева и тотчасъ же провели въ комнату подъ названіемъ «мастерской», помѣщающуюся въ зданіи манежа; комната эта небольшая, въ два окна, изъ которыхъ виденъ только старый досчатый заборъ, огораживающій нѣсколько грядковъ, принадлежавшихъ обычно вахмистру строевыхъ жандармскихъ чиновъ.

Въ комнатѣ этой еще наканунѣ приготовлена была постель съ обычнымъ въ тюремныхъ камерахъ матрасомъ, подушками и одеяломъ, были поставлены столъ, два стула, на столѣ положена бумага, перья, чернила.

Вошедшій въ эту комнату былъ оставленъ въ ней подъ надзоромъ двухъ сверхсрочныхъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ изъ числа тюремныхъ.

Въ 12 часовъ дня, въ часъ, когда обѣдали все узники Шлиссельбургской крѣпости, Каляеву принесли съ тюремной кухни одинаковый съ заключенными обѣдъ; Каляевъ съѣлъ обѣдъ, выпилъ принесенный ему чай и затѣмъ большую часть времени своего послѣдняго дня писалъ.

День былъ хотя весенній, но довольно свѣжій, Каляевъ легъ отдохнуть на кровать, покрылся одеяломъ; несмотря на это его анюбилю; тогда онъ обратился къ караулившимъ его жандармскимъ унтеръ-офицерамъ и сказалъ:

— «Не думайте, что я дрожу отъ страха, мнѣ просто холодно, и я бы попросилъ дать мнѣ второе одеяло».

Желаніе его было немедленно исполнено, и осужденному удалось побороть свою дрожь.

Какъ уже выше упомянуто, Каляевъ почти весь день писалъ, исписалъ нѣсколько листовъ бумаги, но передъ смертью все написанное самъ тщательно зачеркнулъ, оставивъ незамазаннымъ

только известное проречение Петра передь петлавской битвой: «А о Петръ отдайте, не дорога ему жизнь, была бы счастлива Россия!» Кромѣ того имъ было оставлено написанное за полчаса или около того передь казнью письмо къ матери, которое поступило въ распоряженіе коменданта для передачи по назначенію черезъ департаментъ полиціи.

Палачъ, который долженъ былъ привести приговоръ въ исполненіе, ждалъ свою жертву въ крѣпости уже съ 8 мая. Это былъ рослый дѣтина, брюнетъ, съ грубыми, крупными чертами лица, казакъ по происхожденію, зовутъ его Александръ Филищевъ. Этотъ жалкій человекъ былъ приговоренъ къ смертной казни за убійство семерыхъ, кажется, людей; помилованіе было ему даровано подъ условіемъ согласія исполнять обязанности палача. За каждого казненнаго ему сокращался срокъ каторги, замѣнившей ему смертную казнь, кромѣ того за каждого казненнаго ему еще выдавалось денежное вознагражденіе. Въ маѣ 1905 года онъ еще отбывалъ срокъ своей каторги, а потому былъ привезенъ въ крѣпость подъ конвоемъ на полицейскомъ пароходѣ, а уже въ августѣ мѣсяцѣ того же года онъ развѣжалъ свободно безъ конвоя и не на полицейскомъ, а на пассажирскихъ пароходахъ, такъ какъ къ этому времени онъ уже окончилъ срокъ своей каторги, благодаря большому числу повѣщенныхъ имъ въ разныхъ городахъ Россіи за это лѣто политическихъ. Въ Шлиссельбургской крѣпости, въ ожиданіи жертвы своего ремесла, онъ проводилъ время въ куреньи табаку и въ питьѣ водки.

Часовъ около 7—8 вечера начался съѣздъ сословныхъ представителей, приглашенныхъ комендантомъ для присутствованія при совершеніи казни. Приѣхалъ изъ города Шлиссельбургскій голова Прохоровъ, на котораго необходимость присутствованія при смертной казни дѣйствовала повѣдомому удручающимъ образомъ; приѣхали помощникъ исправника Преображенскій, купцы Поповъ и Шапкинъ и акцизный чиновникъ Латкинъ.

Въ 8 часовъ приѣхали изъ Петербурга товарищъ прокурора и секретарь петерб. окружного суда.

Въ 9 ч. вечера прокуроръ въ сопровожденіи смотрителя тюрьмы прошелъ въ комнату къ осужденному и объявилъ ему, что въ эту ночь т. е. съ 9 на 10 мая приговоръ будетъ надъ нимъ приведенъ въ исполненіе. Товарищъ прокурора волновался, и до всей вѣроятности потому такъ рано объявилъ Калаяеву объ ожидавшей его въ эту ночь смерти, такъ что ожидать казни Калаяеву пришлось болѣе 4-хъ часовъ. Калаяевъ выслушалъ вѣсть, объ ожидавшей его черезъ нѣсколько часовъ смерти, спокойно. Желая, чтобы при его казни присутствовалъ его защитникъ, Калаяевъ все спрашивалъ, не приѣхали ли онъ, но, хотя присяжный повѣренный Ждановъ и приѣхалъ въ крѣпость, прося разрешитъ ему свиданіе съ Калаяевымъ, свиданіе ему разрѣшено не было.

Часовъ около 10 прошелъ къ Калаяеву крѣпостной священ-

никъ Флоринскій. Калаяевъ сказалъ ему, что хотя онъ вѣрующій человекъ, но орядовъ не признаетъ, и добавилъ, что онъ уже совершенно приготовилъ себя къ смерти и въ жизни со вѣмъ покончилъ; въ приходшемъ же къ нему священникъ чувствуетъ добраго человека, а потому, закончилъ Калаяевъ, дайте мнѣ вѣсь, какъ добраго человека, поцѣловать. Они поцѣловались, и священникъ вышелъ отъ Калаяева. Вскорѣ послѣ ухода священника Калаяевъ написалъ матери письмо:

Дорогая, незабвенная моя мать!

Итакъ, я умираю. Я неслышавъ за себя, что съ полнымъ самобладаніемъ могу отвѣстись къ моему концу. Пусть же ваше горе, дорогое мое,—вы всѣ, мать, братья и сестры,—потонетъ въ лучахъ того сіянія, которымъ свѣтитъ торжество моего духа.

Прощайте. Привѣтъ вѣмъ, кто меня звалъ и помнить.

Завѣщаніе вамъ: храните въ чистотѣ имя нашего отца.

Не горюйте, не плачьте. Еще разъ прощайте. Я всегда съ вами.

Вашъ И. Калаяевъ.

Совершенно приготовивъ себя къ смерти, Калаяевъ послѣ полуночи просилъ не задерживать приведенія приговора въ исполненіе, а совершить казнь поскорѣе; но нужно было ждать разсвѣта.

Въ то время какъ Калаяевъ переживалъ часы полные трагизма и ужаса, на дворѣ крѣпости за зданіемъ манежа, воалѣ входа въ солдатскую баню, устанавливали и забивали послѣдніе гвозди въ наскоро построенный помостъ, на которомъ возвышались два столба съ перекладиной. Удары топора при вколачиваніи гвоздей гудко разносились среди мертвой тишины какъ бы вымершей крѣпости. Женщины не было видно, и только ирвѣдка проходила солдатъ или тюремныхъ унтеръ-офицеровъ. Смерть уже была въ стѣнахъ крѣпости, а за ними текла обычная жизнь: съ рѣки неслись пѣсни, изъ Шереметьевки доносился лай собакъ и звуки гармоники, безконечно танувшей уныло, вѣмъ надѣвшее «ничего мнѣ на свѣтѣ не надо». Сочетаніе звуковъ топора, строявшаго висѣлицу, гармоники и пѣсенъ было ужасно, становилось жутко, хотѣлось бѣжать...

Все было уже готово, приближалось время казни. На дворѣ свѣтало. Наконецъ разсвѣло настолько, что можно уже было читать на дворѣ безъ огни.

Быль второй часъ ночи... Въ комнату, гдѣ сидѣлъ Калаяевъ, вошелъ смотритель тюрьмы въ сопровожденіи наряженнаго въ все красное палача. На палачѣ были одѣты ярко-красные кумачевые шаровары, такіе же рубаха и колпакъ на головѣ, опоясанъ онъ былъ веревкой, за которую заткнута была нагайка.

Палачъ подоидя къ Калаяеву завязалъ ему назадъ руки, послѣ чего Калаяевъ въ сопровожденіи смотрителя тюрьмы вы-

шелъ на дворъ, гдѣ была устроена висѣлица, за ними слѣдовалъ палачъ.

На дворѣ уже находились всѣ приглашенные представители сословій, администрація крѣпости, команда солдатъ и всѣ свободные отъ службы тюремные унтеръ-офицеры. Калаяевъ взомелъ на эшафотъ. Онъ былъ безъ пальто, во всемъ черномъ и черной же фетровой шляпѣ.

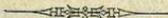
Стоя неподвижно на помостѣ эшафота онъ выслушалъ прочитанный помощникомъ секретаря приговоръ, послѣ окончанія котораго къ эшафоту приблизился священникъ съ крестомъ въ рукѣ, но Калаяевъ сказалъ ему: «Я уже сказалъ вамъ, что я совершенно покончилъ съ жизнью и приготовился къ смерти». Священникъ ушелъ...

Къ осужденному подошелъ палачъ, накинулъ на него саванъ, закрывшій его съ головой, помогъ подняться на табуретъ, такъ какъ безъ посторонней помощи сдѣлать это было невозможно,—накинулъ на шею петлю и отбросилъ ногой табуретъ. Ноги Калаяева потеряли опору, и тѣло его повисло въ воздухѣ. Почти никто не могъ смотрѣть на повѣшеннаго, остававшагося въ петлѣ 30 минутъ. Всѣ безмолвно стояли возлѣ эшафота. По прошествіи 30 минутъ палачъ вынулъ тѣло Калаяева изъ петли и положилъ его на эшафотъ, къ которому подошелъ находившійся по близости крѣпостной врачъ, обнажилъ покойному грудь, выслушалъ сердце, пощупалъ пульсъ, но это было уже конечно ненужной формальностью, ибо Калаяевъ былъ мертвъ...

Тѣло его тотчасъ же уложили въ деревянный ящикъ, и солдаты свесли и закопали его за крѣпостной стѣной, между валомъ, окаймляющимъ крѣпость со стороны озера, и Королевской башней. Здѣсь же похоронены всѣ казенные въ крѣпости въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Проводить тѣло пошли очень немногіе, но все же указать могилу Калаяева всегда смогутъ жившіе въ это время въ крѣпости.

N. N.

Къ исторіи «Петрашевцевъ».

(Сочиненіе Григорьева «Солдатская Бесѣда».)

Въ извѣстномъ дѣлѣ Петрашевцевъ принимало участіе, какъ извѣстно, немало лицъ, причастныхъ къ литературѣ.

Между прочимъ, у поручика л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка Григорьева было обнаружено написанное имъ произведеніе «Солдатская Бесѣда».

Вотъ букввальное содержаніе этого произведенія.

«Жестокій морозъ трещалъ на улицѣ: знатные баре, да богатые купцы-самоварники, кутая въ шубы носы, что изъ лука стрѣла, летали на рысакахъ; подувая въ кулаки, бѣдники коченъя бѣжали опретью во-своая; Ванька даже, основавъ клячу, забѣжалъ въ харчевню погрѣться; даже собака, забывая, просиая въ конуру къ дворнику, а часовой-горемыка былъ только что поставленъ на смѣну и, покрывая, бѣгалъ по платформѣ сѣнной гауптвахты. Ружья были убраны, и солдатки, собравшася въ кружокъ, дружно усѣлись у печи въ караульномъ домѣ. Рядовой Ивановъ только что кончилъ сказку объ Иванѣ Царевичѣ и начиналъ уже новую о царѣ Махмудѣ и о Миритриѣ Кирбитъ-евнѣ, какъ дверь отворилася настезь, и велегая внесла кварташку съ двумя бутарями; они привели двухъ морскихъ солдатъ. Офицеръ велѣлъ принять, скатали крючки и вышли.

«За что васъ, сердечные?» спросилъ кто-то изъ караульныхъ. Но сердечные были зѣло налимонивились, и со страху языкъ у нихъ прилипъ къ небу.

«А вотъ старикъ вамъ разкажетъ, онъ шелъ за ними слѣдомъ», сказалъ рядовой Карнашевъ, ведя за собою нишаго.

«Кто велѣлъ впустить, знаешь, что запрещено», закричалъ старшій унтеръ-офицеръ, «эй, ты, мазурикъ, пошелъ вонъ».

«Мало-ли что не велѣтъ», проворчалъ сквозь зубы добрый Карнашевъ.

«Не троньте его, Егоръ Семеновичъ», сказалъ младшій унтеръ-офицеръ изъ кантонистовъ Михайловъ, умница и христіанская душа. «Вы видите, что онъ и старъ, и дряхлѣ, и боленъ, и въ рубищахъ».

Старшій унтеръ-офицеръ Егоръ Семеновъ больно боялся черта да и человѣкъ-то былъ не злой, былъ служака, но не собака. Онъ остано-

вид старика. „Да никак ты наш брат, служба?“ вскрикнул онъ, увидѣвъ у нищаго на груди георгиевскую ленту.

„Точно такъ, сударь; я отставной солдатъ л. гв. Семеновскаго полка.“

„Да какъ тебя отъ холода скоробило“, сказали кто-то.

„И отъ голоду“ отвѣчалъ онъ. „Вотъ сутки, какъ не ѣлъ, животы подвело и схватываетъ“.

„На, выпей“, сказалъ Семеновъ, подавая ему шкаликъ; халера не возьметъ“.

Тутъ кто далъ ему хлѣбца, кто щецъ; пригрѣли, приглубили старика, а у того и языкъ развязался.

„Расскажи-ка намъ, дѣдушка, сказку, да съ присказкой, или просто про свою службу. Чай, много походовъ сломалъ?“

„Да, чай, и палокъ на тебѣ много сломано“, прибавилъ бататуръ Крючковъ.

„Помене, чѣмъ на тебѣ“, отвѣчалъ старикъ съ сердцемъ. „Наше время было лучше, не то, что ваше. Ну, слушайте же, началъ онъ, загнувъ шепотку въ тавлинку Крючкова. Я—сдаточный изъ крѣпостныхъ. Мальчишкой я былъ сорви-голова, и росъ не по днямъ, а по часамъ. Какъ сталъ я себя помнить, то насъ продали другому барину изъ нѣмцевъ. Вотъ ужъ былъ алодѣй-то, съ живыхъ кожу дралъ. Обдѣлѣли мы, разорились въ конецъ, а то прежде, нешто, про себя жили, да и на бѣду я попалъ въ солдаты. Вотъ какъ это было. Баринъ нашъ былъ нехристъ и съ нами не церемонился. Бывало прѣйдутъ къ нему гости кутить, пошлетъ на деревню, и везутъ ему штукъ пять ч...къ, даже малотѣнхихъ,—такой окаянный! Обидно было. Жаловались по началству. Ну, да знаешь, вѣдь онъ—свой братъ имъ-то, начальству: выпоротъ бывало тебя же, да и конецъ дѣлу. Была у меня сестричка, красавица-дѣвка, самъ я ее вынянчилъ и любилъ больно. Выросла она да и приглянись нашему-то барину-антихристу. Вотъ былъ я разъ въ ближнемъ селѣ на базарѣ. Прѣхалъ домой, шастъ въ избу. Смотрю, что за диво? Отецъ—какъ шальной, мать—воетъ. Что, моль, такое? а гдѣ Машутка? Смотрю, а она, моя голубушка, прильнула ничкомъ въ уголокъ да такъ и заливается. Что, моль, Маша, аль побила? а она, сердечная, молчитъ и все жметъся, въ уголокъ жметъся, да сама такъ и дрожить. Я къ матери; мать-то и говорить мнѣ: не побила, говорить, а по приказу, говорятъ дворовые къ барину, говорить, водили. Меня такъ и ошелохладу. Какъ я высклепъ изъ избы, какъ былъ въ кабакъ, такъ потомъ до поусмерти окаяннаго нѣмца—не помню. Очнулся я ужъ въ кандалахъ. Меня сдали зъ рекруты. Другіе—выли, я—нѣтъ; авось, моль, за царемъ служба не пропадетъ. Служилъ я честно; получилъ Георгій; это было въ 1813 году. Былъ я въ чужихъ земляхъ и подъ Туркой, и въ Польшѣ, а лучше, какъ у француза, не видать. Вотъ такъ ужъ залихавскій народецъ, амбиція большая. Любили они меня, звали у нихъ остатъя, да нѣтъ, какъ то все на родину тянетъ. А ужъ у нихъ не житье-ли? Нѣтъ тамъ графовъ или господъ: все равны. Говорятъ, послѣ и у нихъ стало, было, жутко. Король, слышь, больно деньги моталъ, богачей любилъ, а бѣдныхъ обижалъ. Да вотъ въ прошломъ году какъ поднялся

народъ да солдаты, изъ булыжника въ городѣ сдѣлали завалы, да и пошла потѣха—бѣтва страшная. Да куда-ты, король съ господами едва удраля. Теперь они не хотятъ царей и управляютъ, какъ мы же въ деревнѣ—міромъ сообщя и выборными. Тотъ ужъ ни мѣшать, ни грабить не смѣетъ, а то самого по усамъ. Рекрутства тамъ мало, берутъ малаго лѣтъ двадцати, прослужитъ три года—и домой, какъ будто на заработкахъ былъ; палкамъ и помнуну нѣтъ,—амбиція огромная. Жалованье и пища хорошая. Служба просто шутка; палокъ солдаты и не знаютъ, и Боже упаси! и не тронъ его!палашемъ, аль просто въ зубы,—такъ огрызается, что и своихъ не узнаешь; одно только и есть наказаніе, что подъ арестъ, какъ офицеры у насъ; и офицеровъ-то солдаты выбираютъ среди себя. Тамъ всё служатъ, до единого: и баринъ, и купецъ, и нашъ братъ-мужикъ. Вотъ такъ раздолье! Но все я не остался. Думаю, авось и дома не оставятъ. А вышло иначе. Учили меня, били, ломали, какъ собаку паршивую! Ыда дрянъ, жалованья-грошь—собачья жизнь. Сами знаете, кто изъ начальства хорошъ, того долой. Протянулъ я двадцать лѣтъ, выпустили по билету. Пришелъ домой, отецъ и мать умерли, сестра тоже исчахла, домъ отдалъ другому. Сталъ было я заниматься, да на сборы затаскала. Тутъ вышла отставка. Пришелъ сюда, сталъ мебель таскать, одряхлѣлъ, и вотъ теперь безъ крова и пици, и замерзъ бы сегодня, если бы вы, господа, не пригрѣли. Ходилъ, просилъ, кто скалитесь. Богадѣннъ нѣтъ. Обидно, ребятушки. Видно мы нужны, пока есть силы, а тамъ, какъ браковку—въ оврагъ собакамъ на съѣдене. Служилъ я честно, а вотъ теперь руку протягиваешь подъ уголокъ. А сколько насъ такихъ! За все солдатовство обидно... Съ каждымъ годомъ служба все тяжелѣе, а все колбасники проклятые, все захватили, да и мучатъ православныхъ. Есть у насъ люди именитые, вотъ, напримѣръ, Московскій Митрополитъ Филаретъ, генералъ Ермоловъ, что нѣмцамъ солоно пришелся, и другіе, ну, да о нихъ что говорить, одни—въ чемилости, а другіе въ Сибири, кормилцы наши, защитники Нѣтъ, братцы, знать царь-то нашъ не больно православныхъ русскихъ любить, что все нѣмцевъ къ себѣ беретъ; куда ни оглянешься, аль все нѣмцы; и британые нѣмцы, да и полковые командиры—нѣмцы, да и полковники то все нѣмцы, а ужъ если и выберется изъ нихъ русскій, такъ ужъ и знай, что съ нѣмцами все якласъ, оттого и попалъ въ знать, что грабить нашего брата больно навоялосъ; вѣдь сколько они, душегубцы, съ полка-то получаютъ: видимо-невидимо, а все чье добро? Извѣстно, что солдатамъ-то вѣдь и шей хорошихъ не дадутъ, а сами, смотри, на какихъ рыскахъ раздѣзываютъ: ахъ, они мерзавцы; ну, да погоди еще, и святое писаніе гласитъ: первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми. Вотъ французы, небось, у себя такъ и устроили, да и другіе-то тоже. Только у насъ, да у поганыхъ австриякъ иначе. Дивны дѣла Твои, Господи! Ну чѣмъ же мы хуже француза, подумаешь, а ему лучше нашей доля пришла! Видно, правду отцы говорятъ: На Бога надѣйся, а самъ не плошай! Ахъ, кабы огласие, да воля,—задали-бы я нѣмцамъ нашимъ Кузькину, мать! пропалася бы она у насъ трепака подъ российской баладаежку. Насъ больше, чего бояться чудо-богатырямъ, залихавскимъ, разудальнымъ, добрымъ мо-

лодцам, удалымъ братцамъ солдатикамъ? умереть, такъ умереть, лишь не дать въ обиду богачамъ да нехристямъ своихъ кровныхъ и свою волюшку*.

Старикъ замолчалъ и опустилъ грустно голову. Дрова въ печи доторбли. Было темно, и не видѣлъ честный старина-служивый, какъ слезы текли по щекамъ солдатъ и по каплѣ упали на амуницію. Горько, обидно стало. „Ахъ, кабы согласіе, да воля!“—и тутъ, какъ во снѣ представилось каждому изъ нихъ и родная деревня, и старикъ-отецъ съ матерью, и жена и малютка-сиротиночка, и воля, дорогая волюшка.

„Ну, а за что же солдатъ-то морскихъ посадили?“ спросилъ Крючковъ.

„А за то, отвѣчалъ старикъ, что съ морозу зашли въ штофную, что у Калинкина моста. Только что мальчуга стали имъ наливать да подносить, шашть царь, да и ну тусить солдатъ-то; тѣ было, барахтаться, да увидѣли, что офицеръ, и струсилъ, а мальчуга-то и кричитъ: „Ну ваше-ли дѣло. Ваше Благородіе, говорить, здѣсь статья? Онъ давай да и мальчугу. А они вѣшь его никто не узнали. Вѣдьго лавку запечатать, да торговцы съ Министромъ отстоятъ, они вѣдь крѣпко! за своихъ стоятъ. Народу то што, народу то! что на балаганахъ на Святой собралось тогда.“

„Тыфу ты пропасть, и залить-то съ горя не велать?“, крикнулъ Крючковъ (а онъ заливалъ часто, то съ горя, то съ радости). „Вѣшь, по кабакамъ шатается, не за кражею, а за солдатами гоняется. Его-ли дѣло? А поди ты, тоже кричитъ: здорово, ребята! Не поздоровится братъ, отъ твоего „Здорово!“ Знаемъ мы тебя давно!“

Вдругъ звонокъ: день, день, динь...

Вонъ! живо, Михаилъ ѣдет!

Вѣшь... въ какую погоду понесла нелегкая, проворчали солдатки и бросились на платформу.

Горемыка старикъ полпелся за ними*.

При слѣдствіи Григорьевъ показалъ относительно своего сочиненія, что оно было имъ написано „во время болѣзненнаго припадка желчи, по неудовольствію на иноземцевъ, на ихъ вліаніе и обиды полкового начальника,“ первая же часть сочиненія „вышла отъ негодованія на развратныхъ помѣщиковъ и вслѣдствіе жалости къ оставленнымъ солдатамъ“.

Григорьевъ „за участіе въ преступныхъ замыслахъ, написаніе и распространеніе статьи въ высшей степени возмутительнаго содержания, подъ заглавіемъ „Солдатская Вѣсѣда“, которая имѣетъ цѣлю поколебать въ нижнихъ чинахъ преданность къ Престолу и повинованіе начальству“, былъ приговоренъ къ разстрѣлянію, замѣненному ему затѣмъ ссылкой въ каторжныя работы въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ¹⁾.

Императоръ Николай I—тюремщикъ декабристовъ.

Намъ приходилось не разъ отмѣчать ту выдающуюся роль, которую игралъ въ процессѣ декабристовъ самъ Николай Первый. Предусматривая и вникая во всѣ подробности слѣдствія, царь являлся первымъ слѣдователемъ: въ кабинетъ своего дворца онъ лично или черезъ своихъ генералъ-адъютантовъ допросилъ почти всѣхъ, привлеченныхъ къ дѣлу. Но онъ былъ для декабристовъ не только слѣдователемъ, но и предусмотрительнымъ тюремщикомъ-виртуозомъ. Снявъ допросъ, Николай Первый отсылалъ арестованнаго въ крѣпость, въ распоряженіе тогдашняго ея коменданта генералъ-адъютанта Сукина, съ собственноручной запиской на почтовой бумагѣ или даже просто на клочкѣ. Генералъ Сукинъ благоговѣнно хранилъ эти автографы Императора до конца дней своихъ, а послѣ его смерти, эти документы, какъ имѣющіе государственное значеніе, были отобраны правительствомъ и поступили на храненіе въ Государственный Архивъ. Этимъ запискамъ или „Высочайшимъ собственноручнымъ Его Императорскаго Ведѣчества повелѣніямъ, поступившимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина“ самимъ же генераломъ былъ составленъ «реестръ». Въ реестрѣ выписанъ точный текстъ каждой записки, указанъ день, часъ и порядокъ полученія. Этотъ реестръ, съ сохраненіемъ графъ мы и предлагаемъ вниманію читателю.

«Реестръ» свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ Николай обладалъ недожинными способностями тюремщика. Каждая его записка не ограничивается только указаніемъ необходимости содержать такого-то въ крѣпости; она опредѣляетъ и характеръ содержанія. Пять формъ крѣпостного заключенія можно наметить по этимъ запискамъ. Весьма немногіе прислались съ лаконичнымъ указаніемъ «содержать въ крѣпости». Нѣкоторыхъ предписывалъ Николай Первый «содержать хорошо». Степень выше—«содержать строго, но хорошо»; еще выше—«содержать подъ строгимъ арестомъ»; дальше—«строжайше наблюдать», и, наконецъ, высшая степень—«содержать наистрожайше». Вѣрный Су-

¹⁾ См. Госуд. преступл. въ Россіи, подг. ред. Богучарскаго. т. I. Изд. „Дон. Рѣчь“. стр. 105—106.

кинъ понимать, конечно, оттѣнки этихъ выраженій и дѣйствовалъ сообразно съ Высочайшими приказаніями. Мы не можемъ судить, каковы были въ дѣйствительности формы содержанія въ крѣпости, но одна записка можетъ до нѣкоторой степени дать о нихъ представленіе. «Свистунова содержатъ строго, но *снабжае съемъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ*».

Чего и говорить, что императоръ Николай I назначалъ содержаніе «строгое, строжайшее или настрожайшее», руководясь, во-первыхъ, собственнымъ своимъ убѣжденіемъ о степени виновности, а во-вторыхъ, соображеніемъ, какая форма заключенія заставить заключеннаго скорѣе дать признанія. Такимъ образомъ заключеніе вовсе не носило характера «предварительнаго» до приговора, а являлось или уже наказаніемъ или длительнымъ процессомъ пытки. Вотъ двѣ записки, подтверждающія наше заключеніе. Первая — «присылаемаго Крыкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно виноватъ». Вторая — «присылаемаго Якушкина заковать въ ручныя и ножныя желѣза, поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя».

Но всѣ, тѣ или иные, формы заключенія казались Николаю Павловичу еще недостаточными для вынужденія показаній или для вѣдшаго устраненія и наказанія. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ мы могли извлечь слѣдующія данныя о закованіи. Закованія совершались исключительно по высочайшему повелѣнію. 18 декабря былъ закованъ въ ручныя желѣза Александръ Бестужевъ, 8 января былъ закованъ денщикъ Пестеля Савенко.

10 января «государь императоръ вслѣдствіе положенія тайнаго комитета высочайше повелѣть соизволилъ заковать въ ручныя желѣза содержащагося въ крѣпости л.-гв. финляндскаго полка поручика Цебрикова, за упорство въ признанія и за употребленіе дерзости въ выраженіяхъ при допросѣ комитета». Цебриковъ былъ раскованъ только 30 апрѣля. 11 января былъ закованъ въ ручныя желѣза Якубовичъ. 14 января былъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы Якушкинъ; только 14 апрѣля были сняты съ него ножныя, и 18 апрѣля — ручныя кандалы.

16 января былъ закованъ Пушкинъ 1-ый. Затѣмъ, Пушкинъ 1-ый, закованный за упорное заперательство въ ручныхъ желѣзахъ, оказалъ въ показаніяхъ своихъ откровенность и былъ раскованъ 10 апрѣля.

17 января былъ закованъ Артамонъ Муравьевъ и раскованъ только 30 апрѣля; Арбузовъ былъ закованъ 21 января и раскованъ 30 апрѣля. 1 февраля былъ раскованъ кн. Оболенскій. Подпоручикъ Норовъ былъ закованъ 31 января и освобожденъ отъ оковъ 6 февраля. Бестужевъ-Рюминъ, закованный 11 февраля, раскованъ 30 апрѣля; Борисовъ (подп. 8 арт. бриг.) носилъ ручныя желѣза съ 15 февраля до 30 апрѣля. Разкалованный въ рядовые Башмаковъ, доставленный 15 февраля въ крѣпость въ кандалахъ, носилъ ихъ до 14 мая.

27 марта генералъ Сукинъ доносилъ военному министру о слѣдующемъ распоряженіи: «титутлярный совѣтникъ Семеновъ, за упорное заперательство при допросахъ, въ то время какъ многіе его удержали, былъ закованъ въ ручныя желѣза и имѣеть быть содѣланнымъ на хлѣбѣ и водѣ». И лишь послѣ того, какъ Семеновъ оказалъ въ показаніяхъ откровенность, государь «соизволилъ давать ему, Семенову, ту пищу, которая ему производилась раньше». Въ уваженіе къ оказанной имъ откровенности въ показаніяхъ онъ былъ раскованъ 12 апрѣля.

Къ 30 апрѣля оставались закованными и въ этотъ день были раскованы, кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, кн. Щенинъ-Ростовскій, Бестужевъ Михайилъ и крѣпостной человѣкъ Кюхельбекера Семенъ Валашовъ.

Мы не упомянули еще о подпоручикѣ Андреевичѣ 2-омъ, закованномъ въ ручныя желѣза 18 февраля. На него кандалы произвели угнетающее впечатлѣніе, и 25 апрѣля онъ написалъ слѣдующее беззастѣное письмо въ Комитетъ. Это письмо не требуетъ никакихъ разъясненій и ярко свидѣтельствуетъ о вліяніи кандаловъ на психику заключенныхъ. Письмо воспроизводимъ буквально.

Въ Высочайше учрежденный комитетъ!

Движимый горестью и удрученіемъ связывающихъ меня желѣзъ! Кои заслужилъ я чрезъ мои преступные дѣянія, осмѣливаюсь просить вторично, правосудныхъ членовъ Высочайше учрежденнаго комитета; видя мое печальное страданіе, уважьте сію униженную просьбу; и если есть возможность облегчите участь мою; хотя снятіемъ желѣзъ, съ коими я почти три мѣсяца, каждую минуту не различаю, кои днемъ и ночью мнѣ не даютъ покоя. — Кажется я довольно уже наказанъ за мою легкомысленность. Милосердый Богъ принялъ мое раскаяніе, Онъ разрѣшилъ меня отъ моихъ согрѣшеній; послѣдуйте Его Святой сязекъ, окажите снисхожденіе къ сей моей просьбѣ. Ахъ! я почти тотъ день и тотъ часъ, въ который свершится сіе благо.

Отдѣлень будучи отъ родныхъ и близкихъ; въ странѣ столь отъ нихъ далекой; въ печали, въ горести, въ желѣзахъ, какую я могу питать въ душѣ моей отраду? Въ семь убѣжищъ печальномъ, мрачномъ; въ бездѣйствіи безъ всякой пользы проходятъ дни мои унылы; умилается жизнь моя; юность моя протекаетъ безутѣшно и постепенно истребляетъ дарованія мои, коими природа меня одарила.

Что будетъ со мною, когда всего сего лишусь; какая кому въ то время будетъ отъ меня польза; бѣдность! она одна со мною неразлучна; но кому я оную сдѣлать могу какую услугу. Ахъ! умоляю Васъ именемъ Всевышняго разрѣшите мои столь тягостныя узы, узы, коихъ я во всю жизнь мою имѣть не полагаю. Онъ разлучаетъ меня съ матерью, коей положеніе и при мнѣ было горестное, но теперь увеличилось; дряхлость лѣтъ ея, а мое несчастье,

могут ли ей дать какую-отраду? Онъ разлучать меня съ семью братьями, кои вѣжно меня любили. — Ахъ! могут ли они быть спокойны? и такъ сіи плачевныя желтзы не меня одного печалятъ и тяготятъ; но разлучая меня съ родными лишаютъ и ихъ спокойствія долгимъ моимъ отсутствіемъ и въ совершенной невѣстности.

Я повторяю предъ вами правосудниі члены мою просьбу и готовъ повергнуться къ стопамъ великодушнаго Монарха, чтобы умолить Его о состраданіи къ моему бѣдственному положенію. — Въ доказательство истиннаго моего раскаянія въ моихъ заблужденіяхъ я бы весь листъ свой, на коемъ пишу, оросилъ бы слезами, но горестъ иссушила ихъ. — Наконецъ если я уже не заслуживаю отъ васъ никакого призрѣнія, то троньтесь печалю моихъ родныхъ, которые вѣроятно лютятъ слезы о моемъ несчастномъ положеніи! — Они и я будемъ вѣчно возсылать молитвы свои къ Всевышнему о благоденствіи вашемъ.

Подпоручикъ Андреевичъ 2-ой.

25 апрѣля это письмо было прочитано въ Комитетѣ, а 27 апрѣля, «въ уваженіе замѣченнаго въ немъ Комитетомъ раскаянія, и открытости въ показаніяхъ» Андреевичъ былъ раскованъ.

П. Щеголевъ.

РЕЕСТРЪ

Высочайшимъ собственноручнымъ Е. И. В. повелѣніямъ, послѣдовавшимъ на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина.

№	Когда получены.		Мѣсяць декабрь 1825 года.
	Число.	Ч а с ъ .	
1	14	въ 11 час. пополуни.	Александръ Яковлевичъ, я разрѣшаю васъ въ случаѣ нужды оставить у себя 2 роты Имайловскаго полка и б. Семеновскій который въ конвое у арестантовъ но безъ нужды отнюдь недовѣрчивости Л.-Гренадерскому караулу не оказывать. Прошу мнѣ прислать донесеніе когда все вами исполнено будетъ. 14 декабря 1825-го въ 3/4 10-го часа.
2	—	въ 12 час. по полуни.	Присылаемаго Рытѣва посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, но не связывая рукъ; безъ всякаго сообщенія съ другими, дать ему и бумагу для письма и что будетъ писать ко мнѣ собственноручно мнѣ приносить ежедневно.
3	15	въ 8 час. по полуночи.	Присылаемаго Горскаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, безъ всякаго сообщенія, дать ему бумагу если попроситъ мнѣ писать.
4	—	въ 4 час. по полуночи.	Присылаемаго Кожевникова посадить на гауптвахту не связывая рукъ подъ строгимъ арестомъ и безъ всякаго сообщенія съ кѣмъ ни было.
5	—	въ 7 час. по полуночи.	Присылаемаго Ш. К. Карниловича посадить на гауптвахту отдѣльно отъ другихъ безъ всякаго сообщенія съ кѣмъ бы ни было. 15-го декабря 1825-го.
6	—	въ 8 час. по полуночи.	Присланнаго Вишневекаго содержать подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ, не давая сообщаться съ другими. (на пакетѣ написано: «нужное»).
7	—	въ всюдѣ 8-го часа по полуночи.	Въ отъѣздъ прежняго приказанія Вишневекаго, Бодиско и Арбунова посадить въ Алексѣевскій рavelинъ поровни. (На пакетѣ собственноручно Его Величества рукою написано: «нужное»).
8	—	въ 9 час. по полуночи.	Присылаемаго при семь Кюгельбеккера посадить въ Алексѣевскій рavelинъ и строжайше за нимъ наблюдать.
9	—	въ 9 час. по полуночи.	Присылаемаго Вестужева посадить въ Алексѣевскій рavelинъ подъ строжайшій арестъ.
10	—	въ 3/4 10-го часа по полуночи.	Трубецкаго при семь присылаемаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ. За нимъ всѣхъ строже смотрѣть особенно не позволять никому не выходить и ни съ кѣмъ не видѣться.

11	15	въ 10 час. по полудни.	Присылаемого Сомова посадить въ Алексѣвскій рavelинъ.
12	—	по 2-й четверти 11 час. по полудни.	Якубовича посадить въ Алексѣвскій рavelинъ.
13	—	въ 8 час. по полудни.	Присылаемого Пущина отправить на гауптвахту въ крѣпость.
14	—	въ 8 час. по полудни.	Оболенскаго посадить въ Алексѣвскій рavelинъ подъ строжайшій арестъ, безъ всякаго сообщенія — не мѣшать усилить наблюдение, чтобъ громкихъ разговоровъ не было между арестантовъ, буде по мѣсту сие возможно.
15	—	въ 10 час. вечера.	Присылаемого при семь Вестужева посадить въ Алексѣвскій рavelинъ.
16	—	въ половинѣ 12-го час. по полудни.	Присланнаго Панова какъ самаго упрямаго посадить тоже въ Алексѣвскій рavelинъ и содержать наистрожайше.
17	16	въ 11 час.	Александра Яковлевича прошу опросить лейтенанта Арбуова, кто былъ съ нимъ во фракъ въ казармахъ гвардейскаго экипажа утромъ 14-го числа.
18	—	въ половинѣ 3-го час. по полудни.	Присылаемого Каховскаго посадить въ Алексѣвскій рavelинъ, давъ бумагу пусть пишетъ, что хочетъ, не давая сообщаться.
19	—	въ половинѣ 9-го час.	Присылаемого при семь сего Николая Вестужева посадить въ Алексѣвскій рavelинъ подъ строгій арестъ, давъ писать, что хочетъ.
20	—	—	Письмо отъ Пущина въ поручика д. гв. коннопоиснаго эскадрона Петру Михайловичу Дарогану. Любезный Дароганъ, пожалуйста облегчи участь несчастнаго, пришли мнѣ все то, о чемъ я вчера тебя просилъ, т. е. сертукъ, рейтузы, фуражку, халатъ, туфли, кровать и постель, трубку, табакъ и нѣкоторыя книги, ко мнѣ безопасно можешь прѣхать, я почти оправданъ, донесъ какихъ то подлещовъ уничтожится, пожалуйста навѣсти меня въ несчастн. на гауптвахтѣ Петропавловской площади, весь твой Пущинъ. 16-го декабря 1825-го. На ономъ письмѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: Узнать непременно чрезъ кого Пущинъ писалъ и запретить впередъ смѣть то дѣлать, взявъ мѣры противъ того.
21	17	въ половинѣ 8-го час. по полудни.	Чиновника Глѣбова посадить подъ арестъ, гдѣ удобно, онъ случайно присталъ, но содержать строго.
22	—	въ половинѣ 8-го час. по полудни.	Присылаемыхъ при семь Пущина и Одуевского посадить въ Алексѣвскій рavelинъ.
23	—	въ половинѣ 7-го час. по полудни.	Присланныхъ при семь подпоручиковъ к. Вадбольскаго, Кожевникова и Фока посадить на гауптвахтѣ въ крѣпость.
24	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемого при семь Чижова посадить особо на гауптвахту.
25	—	въ началѣ 12-го час. по полудни.	Вестужева по присылкѣ, равно и Оболенскаго и Щепина велѣть закопать въ рудники желѣза. Вестужева посадить такъ же въ Алексѣвскій рavelинъ.

26	18	въ половинѣ 10-го час. вечера.	Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью. Адъютанта герцога, Александра Вестужева закопать; ибо по всемъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя.
27	21	въ половинѣ 12-го час. по полудни.	Надо держать Ватковскаго совершенно втайнѣ, но дать ему писать, что хочетъ на мое лицо или кому захочетъ.
28	22	по 2 час. по полудни.	Записка отъ генералъ-адъютанта Левашова, на коей Его Императорское Величество подписать изволило: По Высочайшему повелѣнію, при семь послалось письмо г-ну Каховскому и человекѣ г-на Рылѣева. Г-ну Каховскому дать съ нимъ свиданіе въ присутствіи Вашего высокопревосходительства, послѣ чего, потребовавъ отвѣтъ онаго доставить сюда; также и человекѣ <i>возвратить обратно</i> . Присылаемого при семь п. к. Репина содержать подъ строгимъ арестомъ. 22-го декабря 1825-го.
29	22	по 2-й четверти 6-го час. по полудни.	Присылаемого при семь п. к. Репина содержать подъ строгимъ арестомъ. 22-го декабря 1825-го.
30	23	въ 5 час. по полудни.	Присылаемого при семь Свистунова посадить въ Алексѣвскій рavelинъ, давъ бумагу и содержа строго, по слабка всѣмъ, что пожелаетъ, т. е. чаемъ.
31	23	въ 8 час. по полудни.	Присылаемого Орджитскаго содержать подъ строгимъ арестомъ, гдѣ удобно. С.-Петербургъ 23-го декабря 1825.
32	24	въ половинѣ 12-го час. утра.	Присылаемого к. Голицына посадить на гауптвахту, содержа строго, но хорошо. С.-Петербургъ 24 декабря 1825-го.
33	26	въ 1-й четверти 5-го час. по полудни.	Присылаемого Муравьева посадить по удобности подъ строжайшій арестъ; дать однако бумагу.
34	—	въ послѣдней четверти 5-го час. по полудни.	Присылаемого при семь Свинина посадить подъ арестъ, по усмотрѣнію; давъ писать, что хочетъ.
35	—	въ 1-й четверти 6-го час. по полудни.	Присылаемого при семь П. Кологривова посадить на гауптвахту подъ строгій арестъ. С.-Петербургъ 26 декабря 1825-го.
36	27	въ половинѣ 2 час. по полудни.	Присылаемого Ринкевича посадить подъ строгій арестъ, по усмотрѣнію, давъ и бумагу. Въ Петербургѣ 27-го декабря 1825.
37	27	въ 3-ей четверти 8-го час. по полудни.	Присылаемого графа Чернышева посадить на гауптвахту содержая хорошо. С.-Петербургъ 27 декабря 1825-го.
38	—	въ половинѣ 10-го час. по полудни.	Александръ Яковлевичъ, прошу господина Краснокутскаго помѣстить у себя на квартирѣ офицерской, не арестовывая и позволить ходить по крѣпости, но не отлучаясь, а за нимъ имѣть приглядъ. С.-Петербургъ 27-го декабря 1825.
39	28	по полудни въ 1-й четверти 9-го час.	Присылаемого при семь генералъ-майора Орлова посадить въ Алексѣвскій рavelинъ, вынедя Горского или кого другаго и содержа хорошо. С.-Петербургъ 29 декабря 1825-го.

40	29	въ 2 час. по полудни.	Присылаемого Васильчикова посадить по удобности, давъ писать, что хочет и содержания хорошо. С.-Петербургъ 29 декабря 1826-го.
41	29	во 2 час. по полудни.	Прошу, Александръ Яковлевичъ, позволить Орлову Михайлѣ видѣться у васъ съ Алексѣемъ Орловымъ. 29-го декабря 1826-го.
42	—	въ половинѣ 4-го час. по полудни.	Горожанскаго посадить, куда удобно подѣ строгій арестъ. С.-Петербургъ 29-го декабря 1826-го.
43	—	въ исхотѣ 4-го час. по полудни.	Присылаемого при семь Батенкова содержать строгаише, давъ писать, что хочетъ; такъ какъ онъ больной и раненый, то облегчить его подождать по возможности. С.-Петербургъ 29 декабря 1826.
44	—	по полудни въ исхотѣ 2-го час.	Присылаемого з-го Егерскаго полка у-о. Ильина заковать, содержать строго подѣ арестомъ отдѣльно отъ другихъ. С.-Петербургъ 29 декабря 1826.
45	30	въ 4 час. по полудни.	Генералъ-майору Орлову дать видѣться съ братомъ Алексѣемъ и перевести на офицерскую квартиру, давъ свободу выходить, просяживаться и писать, что хочетъ, но не выходя изъ крѣпости.
46	31	во 2 час. по полудни.	Письмо доставить Муравьеву. 30-го декабря 1826. Генералъ-адъютанту Венкендорфу поручено мною снять допросъ съ г. Орлова, допустить сдѣлать надписи. С.-Петербургъ 31-го декабря 1826-го.

Копии съ высочайшихъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣнiевъ на имя мое послѣдовавшихъ съ 14-го по 31-е декабря 1826-го года всего сорокъ шесть, отмѣченныхъ противъ каждого мною вѣрно.

Генералъ-адъютантъ *Суккинъ*.

1-го января 1826 года.

№	Когда получены.		Мѣсяць январь 1826 года.
	Число.	Ч а с ъ.	
47	1	въ 8 час. по полудни.	Графа Якова Булгари посадить подѣ строгаишій арестъ по усмотрѣнiю вашему. С.-Петербургъ 1-го января 1826.
48	2	во 2 час. по полудни.	Присылаемого полковника Матковска посадить по усмотрѣнiю подѣ строгій арестъ. С.-Петербургъ 2-го января 1826.
49	—	по полудни въ 5 час. въ исхотѣ.	Присылаемого Полванова содержать подѣ арестомъ. С.-П. 2-го янв. 1826.
50	—	въ 9 час. вечера.	Присылаемого Калонина посадить подѣ строгій арестъ, гдѣ удобно. Равно и присылаемого Семенова содержать на гауптвахтѣ, гдѣ удобно, но строго содержа. С.-П. 2-го января 1826.

51	—	по полудни въ 12 час.	Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: «отдать можно Муравьеву».
52	3	по полудни въ 3 часа.	При семь вложенное письмо въ тотъ же часъ отдало Муравьеву мною ген.-ад. Суккинмъ. Присылаемого Палицына содержать подѣ строгимъ арестомъ по усмотрѣнiю. С.-Петербургъ 3-го января 1826.
53	—	въ 4 час. по полудни.	Присылаемого при семь Лорера содержать подѣ строгаишимъ арестомъ. С.-П. 3-го января 1826.
54	—	по полудни въ 12 час.	Пестеля помѣстить въ Алексѣевскій раселинъ, выведи для того Каховскаго или другого изъ менѣе важныхъ. С.-П. 3-го янв. 1826.
55	4	по полудни въ 12 часа.	Присылаемого Толстого содержать подѣ строгимъ арестомъ. С.-П. 4 января 1826.
56	6	въ 5 час. по полудни.	Присылаемого Штейнгейса посадить по усмотрѣнiю подѣ строгій арестъ. С.-П. 6-го января 1826.
57	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемого Крюкова держать подѣ строгимъ арестомъ по усмотрѣнiю. С.-П. 1826-го 6-го января.
58	6	по полудни въ 11 час. въ исхотѣ.	Присылаемого Титова посадить подѣ арестъ по усмотрѣнiю. С.-П. 6-го января 1826.
59	—	по полудни въ 12 час.	Присылаемого Г. Пушкина содержать подѣ арестомъ по усмотрѣнiю. С.-П. 6-го января 1826.
60	7	въ 3 час. по полудни.	Присылаемого Швейковскаго посадить и содержать строго. С.-П. 1826 года 7 января.
61	—	по полудни въ исхотѣ 11-го час.	Присылаемого Юшневскаго содержать подѣ строгаишимъ арестомъ, давъ писать, что хочетъ. С.-П. 7-го января 1826.
62	8	въ половинѣ 8-го час. по полудни.	Присылаемыхъ Муравьева и фонъ-Вольскаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго, давъ писать, что хотятъ. С.-П. 8-го января 1826.
63	—	по полудни въ 9 час.	Присылаемого П. Нарышкина посадить по усмотрѣнiю гдѣ удобно. С.-П. 8-го января 1826.
64	8	въ началѣ 11-го час. вечера.	Присылаемого Лихарева посадить по усмотрѣнiю, давъ писать, что хочетъ. С.-П. 8-го января 1826.
65	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемого Спирро Булгари посадить, гдѣ лучше; ибо по всему кажется невиновать, но смѣтрѣть строго. С.-П. 9-го января 1826.
66	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемого поручика Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго. С.-П. 9-го января 1826.
67	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемого ш.-капитана Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго и хорошо. С.-П. 9-го января 1826.
68	10	во 2 час. по полудни.	Возвращаемаго Спиридона Булгари, принявъ, заковать и содержать строго.
69	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемого Николая Булгари посадить по усмотрѣнiю; содержа хорошо. С.-П. 10-го января 1826.
70	11	по полудни во 2 час.	Присылаемого Хотянцева посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 10-го января 1826.
71	—	въ 4 час. по полудни.	Полковника Тиненгаузена содержать подѣ строгій арестъ по усмотрѣнiю. С.-П. 11-го января 1826. Присылаемого Кашкина содержать строго по усмотрѣнiю. С.-П. 11-го января 1826.

72	—	по полудни въ половинѣ 9-го час.	Присылаемаго ш.-к. Муханова содержать подъ строжайшимъ арестомъ и помѣстить по усмотрѣнію. С.-П. 11-го января 1826.
73	—	по полудни въ 12 час.	Присылаемыхъ Аврамова и Бурина посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 11-го января 1826.
74	12	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго Поджію содержать подъ строжайшимъ арестомъ, гдѣ удобнѣе. С.-П. 12-го января 1826.
75	—	въ 5 час. по полудни.	Присылаемаго г.-маюра фонъ-Визина посадить, гдѣ лучше, но строго и не давать видѣться ни съ кѣмъ. С.-П. 12-го января 1826.
76	—	въ 9 час. вечера.	Присылаемыхъ к. Пипкова и Г. Даннаса и Зубкова содержать подъ арестомъ такъ, какъ содержится Орловъ, но чтобы отнюдь они другъ друга не видѣли. С.-П. 12-го января 1826.
77	13	по полудни въ 4 час.	Присылаемаго Фохта посадить, гдѣ получше; и такъ какъ онъ боленъ, послать ему лѣкаря и буде точно болье отправить въ госпиталь. С.-П. 13-го января 1826.
78	—	по полудни въ $\frac{3}{4}$ 10-го час.	Присылаемаго Сабурова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 13-го января 1826.
79	14	по полудни въ 5 час.	Присылаемаго Якушкина заковать въ ножныя и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя. С.-П. 14-го января 1826.
80	—	по полудни въ исходѣ 8-го час.	Присылаемаго Муравьева отставного полк. посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 14 января 1826.
81	—	на полудни въ 10 час.	Присылаемаго Лесона посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 14-го января 1826.
82	15	въ 1 час. по полудни.	Присылаемаго к. Сергія Волконскаго посадить или въ Алексѣевскомъ рavelнѣ, или гдѣ удобно; но такъ, чтобы и о приводѣ его было неизвѣстно. С.-П. 14-го января 1826-го.
83	—	по полудни въ $\frac{3}{4}$ 3-го час.	Присылаемаго Васаргина и Вольфа посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15-го января 1826-го.
84	15	по полудни въ исходѣ 9-го час.	Присылаемаго к. Варятникова посадить по усмотрѣнію. С.-П. 15-го января 1826.
85	16	по полудни въ началѣ 8-го час.	Присылаемаго Пушкина 1-го заковать въ ручныя желѣза и посадить и содержать строго. С.-П. 16-го января 1826.
86	—	въ началѣ 9-го час. по полудни.	Присылаемаго Пушкина 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 16-го января 1826.
87	17	по полудни въ половинѣ 4-го час.	Присылаемаго Фролова посадить по усмотрѣнію. С.-П. 17 января 1826.
88	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Присылаемаго Муравьева отставного п. полковника посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 17-го января 1826.
89	—	по полудни въ началѣ 12-го час.	Содержащагося Артамона Муравьева прислать съ г.-а. Левашовымъ ко мнѣ. С.-П. 17-го января 1826.
90	18	въ половинѣ 1-го час. по полудни.	Присылаемаго злодѣя Муравьева Артамона заковать и содержать какъ настороже. С.-П. 17-го января 1826.

91	—	по полудни въ 3 час.	Присылаемыхъ п. полков. Миклашевскаго, полк. фонъ-деръ-Вригена, порут. б. Черкасова, капит. Пылачева и капит. Исленьева посадить по усмотрѣнію, содержа хорошо. С.-П. 18-го января 1826.
92	19	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго Исленьева держать на гауптвахтѣ впродѣ до приказанія. С.-П. 19 января 1826.
93	—	по полудни въ 4 час. въ началѣ.	Присылаемаго Загорьскаго посадить и содержать строго. С.-П. 19-го января 1826.
94	—	въ 12 час. по полудни.	Присылаемаго Рюмина посадить по усмотрѣнію и содержать, какъ настороже.
95	19	въ 3 час. по полудни.	Дать писать, что хочетъ. С.-П. 19-го января 1826. Собственною его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ: «Писмо отъ отставному подполковнику Муравьеву-Апостолу».
96	20	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго фонъ-Визина отставного п. полковника посадить и содержать строго по усмотрѣнію. С.-П. 20-го января 1826.
97	—	по полудни въ 4 час.	Присылаемыхъ Неленина и Каннина содержать хорошо, помѣстивъ по усмотрѣнію. С.-П. 20-го января.
98	21	во 2 час. по полудни.	Присылаемаго Сергія Муравьева посадить подъ строгій арестъ по усмотрѣнію; онъ раненъ и слабъ, лучше быдуть его посадить въ Алексѣевскій рavelнъ и снабдить всѣмъ нужнымъ; лѣкаря велѣть его сейчасъ осматрѣть и ежедневно дѣлать должный осмотръ и перевязку. С.-П. 20-го января 1826-го.
99	21	по полудни въ 3 час.	Присылаемыхъ Крыцова, Поджію 2-го, Раевского, Ягтальнова и Плещеева посадить и содержать строго, но хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
100	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго Давыдова посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
101	—	въ 10 час. по полудни.	Присылаемаго г. Олшара содержать строго, но хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
102	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Борисова 2-го содержать строго и хорошо. С.-П. 21-го января 1826.
103	22	въ 3 час. по полудни.	Присылаемыхъ Завкина и Аврамова посадить по усмотрѣнію и содержать строго. С.-П. 22-го января 1826.
104	24	въ 1 час. по полудни.	Присылаемаго Горскина содержать по усмотрѣнію хорошо. С.-П. 24-го января 1826.
105	—	по полудни во 2 час.	Присылаемаго жидъ Давидку содержать по усмотрѣнію хорошо. С.-П. 24-го января 1826.
106	25	въ 1 час. по полудни.	Присылаемаго к. Оболенскаго 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
107	—	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго Лядуховскаго посадить по усмотрѣнію и держать строго. Полков. Гутта посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25-го января 1826.
108	—	въ 3-ей четверти 4-го час. по полудни.	Присылаемаго Плещеева 2-го посадить по усмотрѣнію и содержать хорошо. С.-П. 25 января 1826.
109	26	по полудни во 2 час.	Можно Кюхельбекера расковать. С.-П. 26-го января 1826.
110	26	—	Генералу Раевскому дозволено видѣться въ нашемъ присутствіи съ г. Орловымъ и съ Плехаревымъ и Поджію 2-го врозь и съ обыкновенною осторожностію. С.-П. 26-го января 1826.

111	—	въ 2 час. по полудни.	Присылаемыхъ Ивашева и Жидкова содержать хорошо и посадить по усмотрѣнiю. С.-П. 26-го января 1826.
112	—	въ половинѣ 11-го час. по полудни.	Присылаемаго Кюхельбекера посадить и содержать по прежнему. С.-П. 26-го января 1826.
118	27	по полудни въ 2 час.	Присылаемаго Зыкова посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 27-го января 1826.
114	—	въ первой четверти 12-го час. по полудни.	Присылаемаго <i>графа Яблоновскаго</i> посадить, буде возможно въ Алексѣевскiй рваелинъ или гдѣ лучше и содержать хорошо. С.-П. 27-го января 1826.
115	28	по полудни въ 1 час.	Присылаемаго Романова посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 28-го января 1826-го.
116	29	по полудни въ 8 час.	Присылаемаго Мошинскаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826-го.
117	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго <i>Ватковскаго 2-го</i> посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826.
118	—	въ 10 час. по полудни.	Присылаемаго Искритскаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 29-го января 1826.
119	80 января	—	При возвращенномъ письмѣ Одоевского на особъ бумагѣ карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Изъ письма Одоевского увидите, что онъ что то хочетъ объявить. Пусть напишетъ, а видѣть его мнѣ некогда».
			Объявлено генераль-адъютантомъ Сукинымъ тогда-же 30-го января по полудни въ 1-мъ часу.
120	31	въ 1 час. по полудни.	Присылаемаго П. Фанембергера посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 31-го января 1826.
121	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго п. и. Норова посадить по усмотрѣнiю и заковать, содержать насторожайше. С.-П. 31-го января 1826.
122	—	въ половинѣ 10-го час. по полудни.	Присылаемаго Врангеля посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 31-го января 1826.
123	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Тютчева посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 31-го января 1826.
№	Когда получены.		Мѣсяць февраль 1826 года.
	Число.	Ч а с ъ.	
124	1	въ 7 час. по полудни.	Присылаемаго Анненкова посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 1 февраля 1826.
125	—	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго Верстеля посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 1-го февраля 1826.
126	—	по полудни въ 10 часу.	Присылаемаго Нащокина посадить по усмотрѣнiю, содержа хорошо. С.-П. 1-го февраля 1826.
127	2	въ 2 час. по полудни.	Присылаемаго Спиридова посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 2-го февраля 1826.
128	—	по полудни въ исходѣ 9-го час.	Присылаемаго Паскевича посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 2-го февраля 1826-го.

129	3	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Горбачевского посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 3-го февраля 1826.
130	—	въ исходѣ 11-го час. по полудни.	Присылаемаго Андрѣевича посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 3-го февраля 1826.
131	—	въ исходѣ 12-го час. по полудни.	Присылаемаго Лукьянчица посадить, гдѣ лучше, и содержать хорошо. С.-П. 3-го февраля 1826-го.
132	4	въ 2 час. по полудни.	Присылаемаго Веделинча посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 4-го февраля 1826.
133	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Вѣчаснаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 4-го февраля 1826-го.
134	1826 февраля 6	въ 10 час.	Карандашемъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «письмо вручить можно г. Раевскому; можно дозволить видѣть тѣ же лица, кои въ первый разъ видѣль».
			Получ. 6-го февраля 1826-го въ 10 часовъ. Кончилось свиданiе въ 11 часовъ.
135	7	въ 9 час. по полудни.	Присылаемаго Пестова посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 7-го февраля 1826.
136	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Кирѣева посадить по усмотрѣнiю и содержать строго.
137	9	по полудни въ 3 час.	Присылаемаго Торновскаго посадить и содержать хорошо. С.-П. 10-го февраля 1826.
138	—	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго Громницкаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 10-го февраля 1826.
139	9	по полудни въ 12 час.	Присылаемаго Лисовскаго посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 10-го февраля 1826.
140	11	въ 10 час. по полудни.	Присылаемаго Андрѣевича 2-го посадить, гдѣ удобно, и содержать строго. С.-П. 11-го февраля 1826.
141	18	по полудни въ 9 час.	Присылаемаго Комара посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 13-го февраля 1826.
142	14	въ началѣ 1-го час. по полудни.	Присылаемаго Фрэнка посадить по усмотрѣнiю, содержа строго. С.-П. 14-го февраля 1826.
143	—	по полудни въ 3/4-го час.	Присылаемаго Юнневскаго 2-го посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 14-го февраля 1826-го.
144	15	по полудни въ 10 час.	Присылаемаго п. и. Арсеньева посадить и содержать хорошо. С.-П. 15-го февраля 1826.
145	—	въ 11 час. по полудни.	Присылаемаго Красносельскаго 1-го посадить и содержать хорошо. С.-П. 15 февраля 1826.
146	16	по полудни въ 9 час.	Присылаемыхъ двухъ Красносельскихъ и Веделинча 2-го посадить по усмотрѣнiю и содержать хорошо. С.-П. 16-го февраля 1826.
147	18	по полудни въ 4 час.	Присылаемыхъ Фролова 2-го и Фурмана посадить и содержать строго. С.-П. 18-го февраля 1826.
148	19	по полудни въ 10 час.	Присылаемыхъ Черноглазова, Тиханова и Могиляна посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 19-го февраля 1826.
149	21	по полудни въ въ 1 час.	Присылаемаго Перетца посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 20 февраля 1826.
150	22	въ 3 час. по полудни.	Присылаемаго Шимкова, Мозгаевского и Шахарева посадить по усмотрѣнiю и содержать строго. С.-П. 22 февраля 1826.

Копiи съ вышесказанныхъ собственноручныхъ Его Императорскаго Величества повелѣнiевъ на имя мое послѣдовавшихъ съ 1-го января по 1-е февраля 1826 года по сему описанiю начиная съ № 47-го по 150 № и съ онымъ включительно всего сто четыре, отънесенныя противу каждаго мною «вѣрно».

Генераль-адъютантъ Сукинъ.

Даленое и Недавнее.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

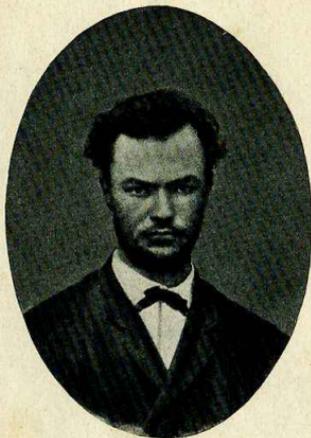
Свои «воспоминанія» я начала писать въ самую глухую пору русской жизни, когда трудно было разсчитывать, чтобъ онѣ появились въ печати при моей жизни, поэтому я писала такъ какъ пишутъ только для себя, какъ бесѣдуютъ только съ очень, очень близкими друзьями, безъ недомолвокъ, не умалчивая о фактахъ, не сковывая ни мысли, ни чувства. Теперь по предложенію журнала «Былое» я отдаю эти строки въ печать. Часть этой рукописи была написана въ концѣ 1895 года, т. е. десять лѣтъ назадъ; остальное я закончила уже теперь въ 1906 году ¹⁾. Я пыталась было моимъ воспоминаніямъ придать болѣе правильную, строгую форму, но увидала, что это значило бы лишить давно написанное всей свѣжести только что пережитыхъ впечатлѣній, испытанныхъ настроеній не возсоздашь, разъ они легли въ извѣстной формѣ на бумагу—измѣнить форму, значитъ стереть ихъ, поэтому я оставила написанное со всѣми его недостатками, но и со всей его искренностью, которая, надѣюсь, искупитъ многое. Воспоминанія охватываютъ 1878—81 годы, т. е. одинъ изъ наиболѣе рельефныхъ періодовъ русскаго революціоннаго движенія. Это далекое еще живетъ въ недавнемъ и потому близко всѣмъ. Ошибки прошлаго не менѣе поучительны, какъ и положительныя стороны его, а потому я старалась отмѣчать факты прошлаго во всей ихъ жизненной правдѣ... Эти факты такъ переплелись съ моей личной судьбой, что мнѣ невольно пришлось говорить и о себѣ, но и въ области личнаго я беру только то, что создаетъ дальнѣйшіе факты и дѣйствія...

¹⁾ Окончаніе написанной рукописи подалось во время обмыка у моего мужа И. С. Давыдари въ 1896-мъ году и пропало.

Далекое и Недавнее.

Воспоминания из жизни революционеров 1878—81 г. г.

(Посвящается памяти С. М. Кравчинского).

Сергей Михайлович
КРАВЧИНСКИЙ (СТЕПНЯКЪ).

Смерть Сергея Кравчинского. «Смерть русского преступника» — так озаглавлено коротенькое известие из английских газет, которое сегодня (29 декабря 1895 г.) невольно бросилось мне в глаза, когда я по привычке просматривала газету «Кавказъ». Какое-то предчувствие сжало мне сердце, я нетерпеливо стала искать имя... да, вот оно переименованное, но давно знакомое имя человека, бывшего когда-то одним из моих лучших друзей и память о котором остается и до сих пор одним из отраднейших воспоминаний далекой молодости. Степняк Кравчинский, так называет его газета, — Сергей Кравчинский, мой старый друг и братъ, неужели это ты... Страшно, мучительно страшно вѣрить, что какая-то слѣпая случайность порвала навсегда твои узы съ землей, съ этой неблагоприятной землей, которая при всем просторѣ ея была для насъ только тюрьмой. Газета называетъ тебя преступникомъ за то, что ты когда-то убил одного человека, забывая, что этотъ человекъ убивал медленной пыткой тысячи людей, изъ коихъ многие были твоими друзьями. Да, съ христіанской точки зрѣнія убійство преступно, но оно одинаково преступно и для власти имущихъ; убійство за убійство, смерть за смерть, вотъ пока завѣтъ правящихъ — но когда сердце человека, простого гражданина не облеченнаго властью, возмущается пѣвью легальныхъ убійствъ и мститъ кровью за кровь, ему кричать — «преступникъ». Вотъ эпитафія близорукой толпы надъ твоей безвременной могилой — горе побѣжденному, для толпы онъ всегда преступникъ. Но тебя, заклеяннаго этимъ именемъ самодовольной толпы, я знала какъ человека добраго, самоотверженнаго и прекраснаго.

Одаренный необыкновенными способностями, горячій душой и пылкой фантазіей, ты могъ скорѣе, чѣмъ другіе въ этой толпѣ, занять крупное мѣсто, идя по торной дорогѣ; но еще очень молодымъ офицеромъ, ты съ презрѣніемъ сбросилъ мундиръ, забывая всѣ его привилегіи, о которыхъ всегда хорошо помнятъ остальные честолюбцы и политическіе интриганы. Не власти надъ людьми искалъ ты, она передъ тобой сама собой открывалась, ты жаждалъ жертвоприношенія, подвига, настоящаго христіанскаго подвига въ защиту малыхъ сихъ. Въ вопросахъ вѣры ты былъ теоретически скептикомъ, но вѣра бессознательно жила въ твоей душѣ, управляла твоимъ чувствомъ и жизнью. Не свое я помѣстилъ ты на алтарь низверженнаго божества, какъ это дѣлаютъ истинные скептики и невѣрующіе, а чело-

чество въ его высшемъ идеальнѣйшемъ представленіи; этому божееству, этой мечтѣ ты принесъ въ жертву всего себя, всё свои силы, всю свою жизнь. Ты не ждалъ награды ни въ земной, ни въ загробной жизни, ты жаждаль лишь раздробить хоть одно авено тѣхъ цѣпей, которыя сковывали и сковываютъ твое божеество, а для себя ты мирялся со всѣмъ, даже съ цѣпами каторжника и шафотомъ. Въ этомъ сказался цѣлый забытый тобою, подлинный рядъ предковъ, воспитанныхъ въ завѣтахъ Христа: вочеловѣчившееся божеество, испунившее страданияхъ грѣхи міра—вотъ тотъ идеаль, которому безсознательно подражалъ ты, и если, подобно апостолу Петру, ты обнажилъ мечъ, когда «слуги міра» терзали твое божеество, когда на твоихъ глазахъ вѣшали мужичинъ и въ тюремныхъ застѣнкахъ подвергали позорнымъ насилиямъ женщинъ, кто можетъ бросить за это камень въ тебѣ. Не за свои страданья, не за свои оскорбленія мстилъ ты, судьба спасала тебя отъ нихъ, но «за други своя»...

А какими хорошимъ вѣрнымъ другомъ былъ ты, это я испытала сама. Никогда не изгладится изъ моей памяти наша первая встрѣча. Это было въ первыхъ числахъ августа, того пригнопамятнаго 1878 года, когда громы Плевенскихъ пушекъ заглушили вдругъ одинъ слабый звукъ выстрѣла Вѣры Засулитч, и съ кровью нашихъ солдатъ, сложившихъ головы на Балканахъ, съ кровью первыхъ политическихъ казней на югѣ (казнь Ковальскаго) смѣшалась кровь главы домашнихъ опричникѣвъ, кровь Генерала Мезенцева. Я тогда только что зырвалась изъ Сибирскаго плѣна—бѣжала изъ ссылки куда глаза глядятъ, лишь бы избавиться отъ поворной неволи, гдѣ я, въ то время молодая дѣвушка, очутилась вдругъ одна одишенька въ положеніи безправной рабыни. Какъ я добралась до Петербурга въ такое смутное время, мнѣ и самой кажется невѣроятнымъ. помню только, что, ступивъ свободной ногой на камни Петербургской мостовой, я впервые задала себѣ вопросъ—куда же я двинусь. Въ карманѣ у меня оставалось всего на всего нѣсколько копѣекъ, и въ рукахъ никакого багажа и ни одного адреса, куда я могла бы зайти. Такъ стояла я въ раздумьи на дебаркадерѣ желѣзной дороги и не замѣчала, что на вокзалѣ и на улицахъ происходило какое то необыкновенное движеніе. Толпа какъ-то глухо волновалась. «Убить, напавалъ убить», донеслось до меня... я подняла голову и въ недоумѣніи оглянулась; въ это время ко мнѣ приблизилась какая то пожилая женщина, одѣтая по мѣщански и засматривая мнѣ въ лицо, слащавымъ голосомъ стала спрашивать, гдѣ я думаю остановиться и есть ли у меня родные; я отвѣчала, что родныхъ у меня нѣтъ и я не знаю еще гдѣ остановлюсь, потому что не знаю города. Женщина еще разъ оглядѣла меня и вкрадчиво предложила остановиться у нея въ номерахъ—номера-де дешевые и хорошіе. Взглядъ и обращеніе этой женщины мнѣ не понравились, но я такъ была безпріютна, что съ радостью согласилась на ея предложеніе, видя въ немъ спа-

сеніе, быть можетъ, посланное мнѣ судьбой. Дорогой, бесѣдуя о томъ, какъ нынче трудно жить въ столицѣ, она сообщила мнѣ между прочимъ, что сегодня утромъ какой то злоумышленникъ убилъ на улицѣ шефа жандармовъ. Я вздрогнула, это еще больше осложняло мое положеніе—ища убійцу, могутъ случайно поймать и меня.

И такъ, я очутилась въ Петербургѣ 4-го августа, какъ разъ въ день убійства Мезенцева... Найдю ли я кого нибудь изъ своихъ бывшихъ товарищей, вотъ вопросъ, который поглощать въ то время все мое существо. Хозяйка тѣмъ временемъ ввела меня въ грязный полутемный номеръ и подала самоваръ, а на послѣдніа 5 коп. я купила хлѣба. Чаю у меня не было и, заливъ хлѣбъ горячей водой, я вышла бродить по Петербургу. Цѣлыхъ три дня бродила я по этому действительно незнакомому мнѣ въ то время городу и все безуспѣшно; хлѣбъ мой давно уже вышелъ, и я буквально голодала, еле волоча ноги. Хозяйка была слишкомъ опытна и сразу замѣтила мое положеніе, но продолжала быть лбезной; сама даже заварила раза два чай и принесла булку; но только что я успѣла утолить голодъ, какъ ко мнѣ зашелъ корридорный и довольно нахально предложилъ мнѣ познакомиться съ какими-то молодыми людьми, проживающими тамъ же въ номерахъ. Я въ первую минуту остолбѣла, до того я была далека отъ мысли, что я женщина, что мною могутъ интересоваться, какъ молодой дѣвушкой; я помнила въ себѣ только безпріютнаго бѣлена и больше ничего.

Придя въ себя, я кое какъ выпроводила корридорнаго и, накинувъ поспѣшно платокъ на голову, выбѣжала на улицу. На этотъ разъ счастье улыбнулось мнѣ, я застала наконецъ дома прѣхавшаго съ дачи присяжнаго повѣреннаго Бардовскаго, съ которымъ, я знала, была знакома Вѣра Фигнеръ (Филаппова), старый товарищъ мнѣ по студенческому кружку въ Цюрихѣ и сестра осужденной вмѣстѣ со мной по процессу 50-ти Лидіи Фигнеръ. Дѣйствительно Бардовскій зналъ Вѣру Фигнеръ, но она жила въ то время въ Самарѣ; здѣсь же въ Петербургѣ онъ указалъ мнѣ Софію Лешеръ, освобожденную по процессу 193-хъ и живущую въ городѣ (въ 1879 году С. Лешеръ была арестована въ Кіевѣ вмѣстѣ съ В. Осенскимъ и осуждена къ смертной казни, но затѣмъ помилована и сослана на Кару на вѣчную каторгу, гдѣ и умерла послѣ одной изъ тюремныхъ голодовокъ).

Присяжный поверенный Бардовскій. Добрый, порывистый и симпатичный, Бардовскій хоть и не зналъ меня совсѣмъ и только въ качествѣ защитника Субботнихъ видѣлъ меня на процессѣ, тѣмъ не менѣе онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ свое гостепримство, но я, сердечно поблагодаривъ его, отказалась, чувствуя какую-то нравственную шепетливость подвергать опасности совершенно посторонняго челоуѣка, хотя и выказавшаго на судѣ замѣчательную сердечность и симпатію къ намъ. Такъ, я помню во время защитительной рѣчи онъ до того взволновался,

что судя долженъ былъ прервать на вѣсколку минутъ застѣвание, чтобы дать ему успокоиться; это воспоминаніе и направилъ меня безотчетно къ нему, но воспользоваться его гостеприимствомъ я не рѣшилась. Эта моя осторожность его однако не спасла,— 25 іюля 1879 г. онъ былъ арестованъ и очень скоро впасть въ душевную болѣзнь. Арестъ слишкомъ потрясъ его, потому что вѣроятно былъ для него совсѣмъ неожиданъ. Его обвиняли въ укравательствѣ меня—это былъ ложный доносъ, основанный вѣроятно на неосторожномъ разсказѣ его гдѣ нибудь о моемъ посѣщеніи. Это воспоминаніе о гибели человека прекраснаго и добраго, но посторонняго революціонному движению, всегда лежало тяжелымъ камнемъ у меня на сердцѣ. Но въ ту минуту я не могла предвидѣть такой трагической развязки, иначе мнѣ не мила бы стала моя свобода...

Софья Лешернъ. Получивши отъ Бардовскаго адресъ Софьи Лешернъ, я чувствовала себя спасенной; хотя лично ее никогда до тѣхъ поръ не знала, но насъ сроднили общія невзгоды и тюрьма. Какъ на крыльяхъ полетѣла я къ ней и застала ее дома. Она приняла меня сердечно, будто давножданную сестру, посоветовала мнѣ сейчасъ же выбрать изъ моихъ меблированныхъ комнатъ и предложила временный пріютъ у себя. Принять этотъ была скромная комнатка Александры Малиновской, молодой дѣвушки художницы, гостившей въ то время гдѣ-то на дачѣ и временно передавшей ключъ отъ своего жилища Софьи Лешернъ.

Здѣсь въ этой комнаткѣ близъ Забалканскаго проспекта въ Имайловскомъ полку, въ тотъ же вечеръ собралось человѣкъ 15-ть совсѣмъ еще незнакомаго мнѣ народа, но которыхъ влекла туда общность борьбы, надеждъ и страданья. Какъ мало изъ нихъ осталось теперь въ живыхъ...

Сергей Кравчинскій въ Петербургѣ. Тутъ-то впервые я встрѣтила моего названнаго брата Сергея Кравчинскаго... Несмотря на крайнюю опасность, съ которой сопряжено было каждое появленіе его на улицѣ, онъ пришелъ приветствовать меня въ этотъ первый день моей свободы; быть можетъ онъ безсознательно былъ суевѣренъ, какъ многіе стоявшіе лицомъ къ лицу со смертью, и мое появленіе въ Петербургѣ въ день 4-го августа, этотъ первый въ то время побѣгъ изъ Сибири, казался ему счастливымъ предзнаменованіемъ близкой свободы для всѣхъ... Да, мы были въ то время еще молоды, мы не разучились еще вѣрять и мечтать...

Было уже вѣсколку человѣкъ въ сборѣ, когда онъ вошелъ въ комнату; его крупная мужественная фигура и оригинальная голова невольно привлекла мое вниманіе; онъ былъ одѣтъ денетельменомъ, въ рукахъ держалъ высокой цилиндръ, а наполеоновская бородка придавала ему видъ иностранца. Въ комнатѣ кромѣ меня еще были двѣ, три женщины, но онъ прямо подо-

шелъ ко мнѣ и свободнымъ товарищескимъ жестомъ протянулъ мнѣ руку.

«Я знаю васъ заочно, сказала онъ мнѣ, быть можетъ и вы слышали также обо мнѣ» и назвалъ себя.

«Да», отвѣчала я и подумала, какъ же не слышать имени одного изъ первыхъ пионеровъ «хожденія въ народъ», слышавшаго какъ крупный ораторъ и талантливый человѣкъ. Онъ былъ старше меня и по возрасту и по дѣятельности въ народѣ, и я смотрѣла на него какъ на старшаго товарища. Несмотря на то, что въ молодости я была крайне застѣнчива и очень трудно сближалась съ людьми, между нами какъ-то сразу завязалась свободная, простая, искренняя беседа, сразу сдѣлавшая насъ друзьями. Всѣгда съ нимъ, я свободно всматривалась въ его открытое, смѣлое, оригинальное лицо, неправильныя ломанцыя линіи котораго словно красили его своимъ уродствомъ. Да, онъ былъ и красавецъ и уродъ. Мягкіе, коротко подстриженные темно-русые волосы, крупными волнами обрамляли его необыкновенно большую голову и большой прекрасный открытый лобъ необыкновенной бѣлизны; широкія, короткія темныя брови раздѣлены было двумя глубокими вертикальными складками надъ переносьемъ, придававшими лицу видъ рѣшимости и энергіи. Крупный ротъ съ сочными свѣжими губами порой раскрывался въ широкую добрую улыбку, порой передегеривался какой-то меланхолически-нервной гримасой; каріе глаза его то загорались огнемъ, то смотрѣли съ какой-то разсѣянной задумчивостью; онъ словно уходилъ въ себя и ничего не видѣлъ вокругъ. Вообще въ этомъ на видъ здоровомъ, могучемъ, порой почти шумно веселомъ человѣкѣ, при внимательномъ наблюденіи, можно было подмѣтить симптомы пережитаго глубокаго первнаго потрясенія, вѣщныя слѣды котораго лишь сглаживались силою сдержанности, но не исчезали вполне.

Валерьянъ Осинскій. Нашъ оживленный разговоръ мало по малу привлекъ къ намъ еще вѣкоторыхъ. Всѣхъ ярче врѣзалась въ моей памяти фигура Валерьяна Осинскаго. Высокій, стройный блондинъ съ благородными правильными чертами лица, съ красивыми глазами, вспыскивающими иногда энтузіазмомъ молодости, онъ напоминалъ молодого офицера, еще не бывавшаго въ серьезномъ огнѣ, но мечтающаго о крупномъ боѣ. Впрочемъ онъ не былъ уже новичкомъ и побывалъ если не въ бою, то въ серьезныхъ рекогносцировкахъ. Какъ истинный рыцарь, или лучше сказать какъ большая часть нашихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, онъ началъ свою дѣятельность съ преклоненія передъ страданьемъ. Первый шагъ, познанившій его, впрочемъ не надолго, съ тюрьмой, была попытка проникнуть въ залу суда во время нашего процесса 50-ти, гдѣ онъ жаждалъ увидѣть, главнымъ образомъ, какъ онъ создался мнѣ, насъ, «московскихъ амазонокъ», выросшихъ въ барскихъ хоромахъ, вкусившихъ всѣхъ прелестей свободнаго умственного труда въ европейскихъ уни-

верситетах и затѣмъ, съ такой отважной простотой, перепахнувшихъ пороги грязнаго вертепа Московскихъ фабрикъ, какъ простые работницы. Въ ту минуту, когда подошелъ къ намъ Осинскій, мы говорили съ С. Кравчинскимъ о биографіи безвременно покончившей съ жизнью Бети Каминской, биографіи незадолго передъ тѣмъ напечатанной въ заграничномъ журналѣ «Община» и написанной въ тюрьмѣ совмѣстно мною и Бардиной. Кравчинскій спрашивалъ меня, работавшаго на одной фабрицѣ съ Каминской, дѣйствительно ли тѣ нѣсколько мрачныя впечатлѣнія, которыя сквозятъ въ описаніи ея пребыванія на фабрицѣ, суть впечатлѣнія, окрашенныя индивидуальностью Каминской, или же они у меня общія съ нею. Я отвѣчала утвердительно, и у насъ зашелъ горячій споръ о народѣ. Кравчинскій, несмотря на свой прошлый опытъ пропаганды въ народѣ, опытъ столь же сравнительно малопродуктивный, какъ и всѣ бывшіе до и послѣ него, опыты кончившіеся арестомъ въ деревнѣ и спасеніемъ бѣгствомъ, остался всетаки большимъ энтузіастомъ и вѣрилъ, что придетъ время и быть можетъ скоро придетъ, когда русскій народъ пойметъ насъ и станетъ грудью за свою свободу, а пока мы должны расчищать для него путь борьбою съ правительствомъ, не оставляя однако дѣла пропаганды.

«Вы, сказали мнѣ Кравчинскій, говорите, что увлечь за нами массу трудно, что она втеченіе всей своей исторіи отступала, избѣгая внутренней борьбы, бѣжала въ горныя степи, въ Сибирскую тайгу—а что вы скажете о Чигиринскомъ дѣлѣ?»

О Чигиринскомъ дѣлѣ, я о немъ ничего не знала; оно произошло въ мою бытность въ Сибири, и Кравчинскій съ увлеченіемъ рассказывалъ мнѣ попытку Стефановича и Дейча, выдавъ себя за царскаго комиссара, организовать восстаніе въ Чигиринѣ. Это самозванство не понравилось мнѣ, оно было опасно тѣмъ, что какъ бы еще болѣе усиливало легенду о «парѣ заступникъ», хотя практически оно скорее могло привести къ результату, т. е. къ восстанію противъ властей, чѣмъ наша искренняя открытая пропаганда. Всѣ они чувствовали однако, какъ и я, что въ идеаломъ *reuple souverain* съ идеаломъ могучаго и гордаго народа, сознающаго свое право и опирающагося на свою только силу, волей неволей нужно пока протрестись; и какъ бы для того, чтобъ развѣять грусть, набѣжавшую на наши лица, за минуту оживленнаго спора, Осинскій сталъ съ увлеченіемъ рассказывать исторію побѣга Стефановича и Дейча изъ Кіевской тюрьмы, побѣга, въ которомъ, какъ я узнала потомъ, онъ принималъ очень дѣятельное участіе.

Александръ Михайловъ. Затѣмъ разговоръ мало по малу сдѣлался общимъ; отъ Чигиринскаго дѣла перешелъ къ разсказу о попыткахъ сближенія съ народомъ на почвѣ легально-культурной, попыткахъ лишенныхъ уже всякаго сѣда революціонной поэзіи, попыткахъ граничавшихъ съ простымъ занятіемъ той или другой профессіей, а Александръ Михайловъ, носившій прозвище

дворника, повѣдалъ намъ подробности своего оригинальнаго хожденія къ сектантамъ, гдѣ онъ цѣлый годъ принужденъ былъ выдерживать искусъ строгаго поста и молитвъ по лѣстовкамъ, въ надеждѣ пріобрѣсти довѣріе къ себѣ; онъ не рекомендовалъ этотъ путь; слишкомъ много компромиссовъ съ совѣстью приходится дѣлать, но эти компромиссы никогда не въ силахъ сыграть роль истинной вѣры. Вечеръ закончился подробнымъ разсказомъ событія 4-го августа. День моей встрѣчи съ Кравчинскимъ былъ днемъ похоронъ Мезенцева; я разсказала, какъ иди къ Бардовскому, жившему на углу Гагаринской, я встрѣтила похоронный картежъ и чуть не была увлечена потокомъ толпы въ ряды его провожавшихъ. Мнѣ не говорили еще въ то время, что нанесъ Мезенцеву смертельный ударъ, мнѣ вѣдалось только въ память, съ какой особой настойчивостью Кравчинскій старался дѣлать мое вниманіе на томъ, что убійца встрѣтилъ врага лицомъ къ лицу, одинъ противъ двухъ, и нанесъ ударъ спереди, а не сзади.

Адрианъ Михайловъ. Тутъ же припоминаю небольшую, но коренастую фигуру Адриана Михайлова, оживившагося, когда рѣчь зашла о Мезенцевѣ, и не говоря о своемъ участіи въ дѣлѣ, любовно описывавшаго «Варвара», того полумическаго князя, который два года тому назадъ вышелъ изъ подъ пулъ часовыхъ бѣжавшаго Кропоткина, а теперь спасъ своимъ легкимъ бѣгомъ Мезенцевскаго мстителя.

Такъ переходя отъ событія къ событію, отъ воспоминанія къ воспоминанію, мы засидѣлись далеко за полночь, и если бы кто нибудь изъ мирныхъ петербуржцевъ заглянулъ случайно въ эту комнату, тѣсно набитую народомъ, то, судя по вѣжливости, онъ никакъ не подумалъ бы, что передъ нимъ кучка самыхъ крупныхъ заговорщиковъ,—такъ мало въ ихъ нарядѣ, въ ихъ жестахъ, въ ихъ сдержанныхъ рѣчахъ, такъ мало было въ нихъ той шаблонной распушенности и рѣзкости, которую привыкли у насъ называть *нигилизмомъ*, царившимъ правда въ студенческихъ кругахъ 60-хъ годовъ, но совершенно исчезнувшимъ въ 70-хъ, по крайней мѣрѣ въ кружкахъ центрахъ, и тѣмъ болѣе въ кругу серьезныхъ революціонеровъ. Столь же мало было въ нихъ общаго и съ типомъ Базарова, по поводу котораго Тургеневъ впервые создалъ терминъ *нигилистъ*, терминъ опошленный потомъ толпой. Нѣтъ, не дѣти и не братья Базарова сошлись здѣсь на бесѣду, не братья того Базарова, который презиралъ народъ уже со студенческой скамьи, потому что привыкъ тревожить на него еще съ колыбели, нѣтъ, а скорѣе дѣти Кирсановыхъ, выросши въ атмосферѣ мечтательнаго идеализма, дѣти Кирсановыхъ, получившія, впрочемъ, откуда-то притокъ свѣжей молодой крови, быть можетъ крови какой нибудь Фенички... Здѣсь не было ни одного, который, подобно Базарову, поклонялся бы культу своего я; нѣтъ, они искали высшей нравственной санкціи «правъ человѣка» въ народѣ и не найдя ея въ реальномъ

русскомъ человѣкѣ, въ этомъ скопищѣ именуемомъ народомъ, они обнажили мечъ, мстя за искаженіе человѣческой природы въ лицѣ народа-раба, выдвигавшаго правда время отъ времени могучія фигуры, но въ дѣломъ спавшаго тяжелымъ летаргическимъ сномъ. Идеализация вначалѣ и оскорбленное чувство потомъ, вотъ вся психологія «героическаго» періода нашей революціонной исторіи.

Николай Морозовъ. Во второй половинѣ 1878 г. было еще не мало энтузиастовъ, какъ напримѣръ Осинскій и Морозовъ, которые, если не вѣрили уже въ наше немедленное единеніе съ народомъ, то, по крайней мѣрѣ, считали возможнымъ путемъ дезорганизации правительства партизанской террористической борьбы, снять тяжелую гирю съ чашки вѣсовъ, препятствующую народу сдѣлать свободный выборъ между нами и властью. Объ Осинскомъ я уже говорила, съ Морозовымъ же я познакомилась нѣсколько дней спустя. Онъ только что пріѣхалъ тогда изъ провинціи, гдѣ онъ оставался нѣкоторое время послѣ освобожденія по процессу 193-хъ. Морозова привелъ къ намъ Сергій Кравчинскій, съ которымъ за это время я успѣла еще болѣе сблизиться и который отреккомендовалъ его мнѣ, какъ своего стараго товарища по кружку (Чайковского) и лучшаго друга. У насъ, т. е. у С. Лешернъ и у меня, опять собралось въ тотъ день нѣсколько человѣкъ, былъ Сабуровъ, Ольга Натансонъ, Колѣвкина (ближайшій другъ Вѣры Засуличъ) и нѣкоторые изъ бывшихъ раньше.

Сабуровъ (Оболтшевъ), средняго роста лѣтъ тридцати съ довольно большой темнорусой бородой и карими глазами, былъ мало разговорчивъ и производилъ впечатлѣніе серьезнаго дѣловитаго чиновника; я такъ и не успѣла близко узнать его, потому что мѣсяца два спустя онъ былъ арестованъ одновременно съ О. Натансонъ, Булановымъ и другими. Онъ никогда не вдавался въ теоретическіе разговоры или воспоминанія прошлаго, но у него особо замѣтнаго прошлаго кажется и не было въ то время; его настоящая фамилія еще ни разу не попадала раньше на глаза полиціи, вотъ почему, не смотря на всѣ усилія, правительство такъ и вынуждено было осудить его подъ фиктивнымъ именемъ Сабурова. Но изъ разсказовъ О. Натансонъ, съ которой я жила нѣкоторое время передъ ея арестомъ на одной квартирѣ (въ 4-й ротѣ Измайловскаго полка), я узнала, что онъ былъ очень дѣятельнымъ человѣкомъ въ качествѣ члена организаціи «Земли и Воли».

Организація «Земли и Воли». Нужно замѣтить, что всѣ поименованныя мною лица или были уже, или сдѣлались вскорѣ членами названной организаціи (Колѣвкина и Мадлюновская напримѣръ передъ самымъ арестомъ ихъ ¹⁾). Организація эта явилась естественной группировкой силъ, участвовавшихъ послѣ про-

цессовъ 50-ти, 193-хъ и другихъ болѣе мелкихъ; она образовалась не сразу, начало ея относится къ зимѣ 76—77 гг., т. е. къ тому времени, когда молодожъ зачитывалась программой революціонной дѣятельности и судебнымъ отчетомъ процесса 50-ти, или, какъ тогда называли, «московскаго процесса», по мѣсту главнаго дѣйствія (московскія фабрики), а не по мѣсту разбора дѣла (процессъ 50-ти разбирался въ особомъ присутствіи Сената въ Петербургѣ съ 21-го февраля по 14 марта 1877 года). Впрочемъ, еще раньше, въ 1876 г., съдѣловательно до начала замѣтнаго подъема революціоннаго духа, сказавшагося въ 1877 году, образовалась небольшая «группа», носившая въ общемъ революціонномъ кругу прозвище «троглодитовъ», за ихъ часто аффектированную конспиративность, благодаря которой даже лица вполне легальныя прожизвали по подложнымъ паспортамъ, скрывая свои жилища даже отъ ближайшихъ товарищей. Правда, изъ этой компаніи и до сихъ поръ остался нетронутымъ съ десятокъ людей, но не благодаря конечно приемамъ троглодитовъ, прятавшихся въ пещерахъ, а благодаря способу дѣятельности въ народѣ, принятому ими; большая часть ихъ, получившая скоро названіе деревенчиковъ, расселилась въ провинціи, занимая мѣста фельдшерствъ, волостныхъ писарей, акушерокъ, артельныхъ мастеровыхъ — т. п., сблизаясь съ народомъ на почвѣ культурно-профессіональной; эта дѣятельность могла имѣть и имѣла лишь самое косвенное отношеніе къ подготавливавшейся борьбѣ съ правительствомъ на жизнь и смерть. Предчувствіе этой борьбы сказало уже не только въ напечатанной въ то время программѣ революціонной дѣятельности процесса 50-ти, но и въ первомъ въ революціонной исторіи протестующемъ выстрѣлѣ князя Циціанова, сдѣланнаго въ 1875 году при арестѣ въ своихъ насилиньковъ-жандармовъ и осужденнаго на каторгу въ 1877 г. по процессу 50-ти (князь Циціановъ послѣ многолѣтняго одиночнаго заключенія въ центральной Харьковской тюрьмѣ и затѣмъ на Карѣ погибъ отъ тяжелой душевной болѣзни въ Сибири). Дальнѣйшимъ еще болѣе мощнымъ провозвѣстникомъ этой борьбы явился выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, вызванный позорнымъ насиліемъ надъ Боголюбовымъ. Въ названномъ обществѣ троглодитовъ Вѣра Засуличъ не принимала въ то время никакого участія; она совершила свое историческое дѣло помимо помощи и даже вѣдомаго его, опираясь лишь на дружескую поддержку Колѣвкиной. Вообще, послѣ неудачной демонстраціи 6 декабря 1876 года, или какъ ее называютъ, казанской демонстраціи, происшедшей, какъ говорили, по инициативѣ этого кружка, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ Плехановъ, благополучно избѣжавшій ареста, несмотря на произнесенную имъ рѣчь на площади, въ то время какъ многие изъ молодежи, пришедшие просто на панихиду (по Чернышевскомъ) и ничего не знавше о замыслахъ этого кружка, полатились долготѣней каторгой и ссылкой, однимъ словомъ послѣ казанской демонстраціи, кружокъ этотъ

¹⁾ Я вошла въ эту организацію также не задолго до моего отъѣзда за границу.

съ нечаяскими традиціями потерялъ на время престижъ въ революціонномъ мірѣ и лишь обновленный во второй половинѣ 1878 года путемъ сближенія съ южанами съ одной стороны и освободившимися членами другихъ старыхъ кружковъ, или уйдѣвшими послѣ двухъ названныхъ большихъ процессовъ (50-ти и 193), только послѣ обновленія этими новыми, болѣе опытными членами, организація «Земли и Воли» получила серьезное значеніе и, несмотря на крупныя осенніе (1878 г.) аресты, смогла даже приступить къ изданію своего литературнаго органа—газеты «Земля и Воля». Но этотъ наплывъ новыхъ крупныхъ элементовъ вскорѣ совсѣмъ измѣнилъ окраску кружка троглодитовъ. Уже съ начала 1878 года въ революціонномъ кругу стало употребляться имя «Исполнительнаго Комитета» на листкахъ, помѣченныхъ печатью, изображавшей топоръ, кинжалъ и револьверъ; эти листки, выпускавшіеся, по словамъ Осинскаго, южанами и употреблявшіеся въ качествѣ предупрежденія, посылаемаго жертвамъ готовящагося мщенія, являлись осенью 1878 г. въ рукахъ Сергѣя Кравчинскаго и на мой вопросъ, дѣйствительно ли существуетъ этотъ Исполнительный Комитетъ, или это только внѣшній знакъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:—«Какъ сказать, онъ существуетъ и вѣтъ; это не есть вѣчто неподвижное, сформированное; но онъ всегда существуетъ, когда какой нибудь фактъ призываетъ революціонеровъ къ мщенію».

Самыми ревностными проповѣдниками идеи партизанской революціонной борьбы были однако не С. Кравчинскій, какъ можно было предполагать, а Осинскій и Морозовъ; хотя я и говорила уже объ Осинскомъ, но я не могу еще не отмѣтить здѣсь маленькую подробность. Пріблизительно черезъ три, четыре дня послѣ моей первой встрѣчи съ нимъ, вдругъ онъ вбѣгаетъ къ вамъ (въ квартиру Малюновской) и, ни слова не говоря, показываетъ газету: «Что такое?» изумленно спрашиваемъ мы, я и, какъ помнится, М. Колѣвникова:—«А вотъ что!» сказалъ онъ и такъ, какъ былъ, не раздѣваясь, въ пальто и шапкѣ, читаетъ намъ правительственное распоряженіе о преданіи огннѣмъ военному суду всѣхъ обвиняемыхъ въ государственнхъ преступленіяхъ. Окончивъ чтеніе, онъ какъ бы совершенно забываетъ о нашемъ присутствіи и долго стоитъ въ глубокой задумчивости, наклонясь надъ газетой и расправляя ее рукой на столѣ. Что происходило въ ту минуту въ его воображеніи? Быть можетъ ему рисовалась мрачная картина казни, какъ смутное предчувствіе рока... и дѣйствительно, онъ первый палъ жертвой этого новаго закона. Вскорѣ онъ уѣхалъ на югъ и весной 1879 года, послѣ оказаннаго сопротивленія, былъ арестованъ и затѣмъ казненъ...

Николай Морозовъ. Морозова, другого яраго приверженца террористической борьбы я узнала позже. Это былъ молодой человекъ лѣтъ 23-хъ—24-хъ, выше средняго роста, съ задумчивыми большими глазами и очень пѣжными миниатюрными чертами лица; на его худой, тонкой фигурѣ лежалъ отпечатокъ тѣ-

лесной недоразвитости, какъ будто тюрьма, въ которой онъ провелъ болѣе трехъ лѣтъ въ пору ранней молодости, помѣшала достигъ здоровой возмужалости; слабый, высокаго тембра голосъ его еще усиливалъ иллюзію молодого дерева, возросшаго вдали отъ свѣжаго воздуха и простора полей. Сынъ крупнаго Ярославскаго помѣщика, Николай Морозовъ провелъ уединенное дѣтство въ деревнѣ и рано былъ отданъ въ одну изъ Московскихъ гимназій; тамъ семья товарищей стала скоро его единственной семьей. Но и здѣсь въ стѣнахъ учебнаго заведенія его не покидала любовь къ природѣ, и часто лѣтомъ, въ дни досуга, онъ совершалъ далекія прогулки, знакомясь съ флорой и геологическими особенностями окрестностей Москвы; прогулки эти не только дали матеріалъ для нѣсколькихъ юношескихъ естественно-научныхъ изслѣдованій, представленныхъ имъ въ Московскій университетъ, но способствовали также развитію въ немъ поэтической созерцательности, проявившейся рано въ рядѣ юношескихъ стихотвореній. Настроенія, переживаемыя въ то время учащейся молодежью, мало гармонировали съ его созерцательной натурой, но товарищеское чувство и пылкая отзывчивая душа влекли его къ борьбѣ. Онъ отвергъ безъ оглядки тѣ привилегіи, за которыя такъ цѣнятся люди ничтожныя, и бросилъ гимназію передъ самымъ полученіемъ диплома, чтобъ уйти съ головой въ волны назрѣвавшего въ то время движенія. Облекшись въ сермягу и лапти, онъ исколесилъ почти всю Великороссію, бесѣдуя съ народомъ и раздавая имъ революціонныя книжки. Юношеская опытность и увлекательная натура заставили его забыть всѣ предосторожности, и какъ то разъ въ одной деревнѣ онъ былъ схваченъ и выданъ властямъ самими крестьянами. Узнавъ объ его арестѣ, отецъ отрекся отъ него, постороннимъ же всякій доступъ въ тюрьму былъ воспрещенъ и вотъ, брошенный и забытый всѣми, томился онъ долгіе годы, пока наконецъ судъ не отпустилъ его изъ тюрьмы подъ надзоръ полиціи. Въ тюрьмѣ, боясь отъ тоски и лишеній, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ бывалъ прикованъ къ болыничной койкѣ и тутъ, лежа въ полумракѣ арестантскаго лазарета, слалалъ онъ свои грустные стихи, ставшіе впоследствии однимъ изъ любимыхъ напѣвовъ тюремной лирики. Стихотворенія Морозова, вмѣстѣ съ стихотвореніями Саблина, Синегуба и нѣкоторыхъ другихъ вышли впоследствии въ особомъ нелегальномъ сборникѣ подъ названіемъ «Изъ за рѣшетки» и остались нынѣ единственными почти литературными памятникомъ психологіи революціоннаго движенія того времени. Сколько думъ, сколько чувствъ пережило было имъ въ тиши одиночнаго каземата. Кто послѣ этого можетъ удивляться, если оплакивая кровавыми слезами исчезнувшую иллюзію народнои революціи, онъ сталъ обоготворять партизанскую борьбу съ правительствомъ—терроръ!.. Да, онъ былъ апостоломъ террора, проповѣдникомъ вооруженной борьбы съ правительствомъ одинъ на одинъ. Его богатая фантазія создавала самыя причудливыя

планы этой борьбы, планы, граничившие иногда съ поэтическим вымысломъ; самъ онъ худой, тонешій и слабый, ходилъ въ то время весь обвѣшанный оружіемъ, и можно только удивляться, какъ какая нибудь пустая случайность не сгубила его; но судьба хранила его до времени, несмотря на то, что онъ не разъ нарывался нечаянно на обѣсть или попадалъ на квартиру, гдѣ только что произошли аресты и оставлена была засада; быть можетъ самообладаніе и открытая простота его наружности и рѣчи спасали его.

Въ тотъ вечеръ какъ я впервые встрѣтила Морозова, онъ былъ по обыкновенію обвѣшанъ оружіемъ, подъ тяжестью котораго онъ почти сгибался. Онъ пришелъ къ намъ вмѣстѣ съ С. Кравчинскимъ, который отрекомендовалъ его «нашимъ молодымъ поэтомъ» — рекомендація, отъ которой Морозовъ зардѣлся какъ дѣвушка. Въ первые минуты встрѣчи онъ сидѣлъ молча, обводя присутствующихъ своими задумчивыми глазами; онъ показался мнѣ очень юнымъ и я ревельно обращалась съ нимъ почти покровительственно; какъ ни странно, но это сблизило насъ; мало-по-малу онъ разговорился и своимъ мягкимъ полудѣскимъ голоскомъ сталъ дѣлиться со мною впечатлѣніями деревни и тюрьмы. Это была общая, родная намъ тема, и мы не замѣтили какъ сблизились. Сблизженію нашему содѣйствовало и то, что какъ Кравчинскій такъ и Морозовъ завѣдывали редакціей «Земли и Воли», и въ моемъ лицѣ имъ хотѣлось кажется привлечь къ этому дѣлу и женскій элементъ; намъ много приходило поэтому бесѣдовать на теоретическія темы. Программа начинавшагося изданія не была еще теоретически оформлена; она не представляла чего нибудь устойчиваго, а впечатлѣвала въ себѣ всю непосредственность живыхъ впечатлѣній и темпераментовъ; въ этомъ заключалось и ея достоинство и недостатокъ. Но мнѣ недолго приходилось принимать участіе въ редакціонныхъ бесѣдахъ, происходившихъ въ то время на квартирѣ Кравчинскаго, гдѣ онъ, помню, читалъ въ рукописи мнѣ и Морозову свою передовую статью для «Земли и Воли», статью, гдѣ подерживая превращеніе идеалиста-народника въ террориста, онъ перваго неудачно сравнивалъ съ барашкомъ, мирно пасущимся на лугу. Это сентиментальное сравненіе было потомъ имъ выброшено вслѣдствіе нашего дружескаго протеста, какъ, если и вѣрное по мысли, то неудачное по формѣ. Едва успѣвъ выйти первый номеръ, какъ Кравчинскій, а затѣмъ и я должны были выѣхать за границу, такъ какъ и я и меня хотѣли по разнымъ причинамъ, полиція усиленно разыскивала. На сѣну Кравчинскаго уже послѣ насъ пріѣхалъ Левъ Тихомировъ, вызванный по письму Перовской, и дальнѣйшіе номера «Земли и Воли» велось уже только Морозовымъ, Плехановымъ, Тихомировымъ и Клеменцемъ при участіи нѣкоторыхъ постороннихъ и къ революціонному движенію почти неучастныхъ лицъ.

Георгій Плехановъ. По отъѣздѣ С. Кравчинскаго, какъ въ

кругу литературномъ, такъ и вообще въ кругу дѣйствовавшихъ въ Петербургѣ землевольцевъ, началъ вскорѣ сказываются расколъ: представителями двухъ крайнихъ полюсовъ явились Морозовъ съ одной стороны и Плехановъ съ другой, Тихомировъ представлялъ собой центръ. Плеханова я почти не знала, я видѣла его разъ или два мелькомъ; одинъ разъ, помню отчетливо, это было на многолюдномъ собраніи землевольцевъ не задолго передъ моимъ отъѣздомъ; тамъ же я впервые видѣла и Троцанскаго¹⁾, вскорѣ затѣмъ арестованнаго. Плехановъ не появлялся ни разу у Малиновской все время, пока я тамъ жила, я не встрѣчала его также и въ домѣ Сивкова, куда потомъ переехала она вмѣстѣ съ Колѣвникой, и гдѣ я нѣкоторое время жила съ ними; его не видѣла я также и въ квартирѣ Ольги Натансонъ, гдѣ жила я передъ отъѣздомъ за границу. Быть можетъ его и не было въ то время въ Петербургѣ, а можетъ быть и по другимъ причинамъ.

Дмитрій Клеменъцъ. Заговоривъ о землевольцахъ, я не могу умолчать о Клеменцѣ, вернувшемся осенью 1878 года изъ за границы и принявшемъ участіе въ газетѣ «Земля и Воля». Это былъ, подобно Морозову, старый и близкій другъ Кравчинскаго; обладая юмористическимъ складомъ ума, онъ былъ замѣчательно интереснымъ собесѣдникомъ и прекраснымъ рассказчикомъ; народной рѣчью онъ владѣлъ въ совершенствѣ и подчасъ можно было заслушаться его бесѣды; его перу принадлежатъ, на ряду съ Саблинымъ, лучшія юмористическія и народническія стихотворенія въ революціонной литературѣ; это былъ человекъ по принициу отвергавшій организаціонныя узы, сковывающія индивидуальность и не смотря на то, что по пріѣздѣ онъ сблизился съ «Землей и Волей», это не мѣшало ему саркастически отзываться объ этой организаціи и, насколько помнится, кличку «троглодитовъ» я впервые услышала отъ него, кажется, онъ и былъ ея творцомъ. Къ сожалѣнію, очень скоро, уже въ январѣ 1879 года революціонная семья потеряла его, онъ былъ арестованъ и административно сосланъ въ Сибирь. Итакъ, съ отъѣздомъ Кравчинскаго въ «Землѣ и Волѣ» начали возникать споры и недоразумѣнія все болѣе и болѣе обострившіе отношенія. Особенно крупнымъ яблокомъ раздора послужилъ вопросъ о парубствѣ, поднятый частнымъ обращеніемъ Соловьева къ нѣкоторымъ болѣе красно настроеннымъ членамъ «Земли и Воли». Плехановъ рѣзко возсталъ противъ намѣренія Соловьева и заявилъ объ этомъ товарищамъ. Тѣмъ не менѣе Соловьевъ, лишенный почти всякаго судьяства, исполнилъ свое намѣреніе и заплатилъ за это головой. Не одинъ Плехановъ былъ противникомъ парубства; многие революціонеры-народники раздѣляли его взгляды, находя вообще, что каждый террористическій актъ, затрудняя дѣятельность въ народѣ, ничего кромѣ вреда не

¹⁾ Умеръ въ Сибирь.

приносить партии. Так смотрели главным образом те, которые заняты были в то время попытками революционизировать народ посредством сближения с ним на культурной почве, т. е. иначе говоря большинство старых членов «Земли и Воли», — деревенщики, вошедшие в не еще в 1876—1877 гг. Удаленные от революционного центра разстоянием и трудностью сообщений, они не могли слѣдить за эволюцией общаго революціоннаго чувства, а наплывъ новыхъ элементовъ, которымъ они гостеприимно отворили двери своей организаціи, элементовъ уже раньше имѣвшихъ опытъ пропаганды въ народѣ и вынесшихъ изъ нея отрицательныя впечатлѣнія, наплывъ этихъ элементовъ послужилъ своего рода ферментомъ, подготовившимъ будущій расколъ организаціи «Земли и Воли», раздѣлившейся, годъ спустя, на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю».

Софья Перовская. Какъ трудно было революціонерамъ-пропагандистамъ 70-хъ годовъ отрѣшиться отъ привычныхъ надеждъ, взлетѣвшихъ на почвѣ идеализаціи народа, какъ трудно было имъ перейти къ одинокой титанической борьбѣ съ властью, отрывавшей ихъ отъ народа, лучшимъ примѣромъ можетъ служить Софья Перовская.

Когда я встрѣтила ее впервые въ 1878 году, она была ярая народница. Я никогда не забуду этой первой встрѣчи. Однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ моего прѣзда въ Петербургъ, часовъ въ 12 дня, на квартиру Малиновской вошла кака-то очень скромно одѣтая молодая дѣвушка; ея маленькое круглое личико съ большимъ лбомъ ребенка невольно поражило взглядъ, рельефно выдѣляясь на фонѣ простого чернаго платья, окаймленного широкимъ бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ. Оно дышало молодостью и жизнью. Это была Софья Перовская. Она назвала себя и съ открытой простотой давняго знакомства поздоровалась съ нами, хотя я и бывшая тамъ Колѣнкина знали ее раньше только заочно. Она была видимо чѣмъ-то приятно эволюционана; мы обступили ее и вся запыхавшаяся еще отъ быстрой ходьбы, она рассказала намъ, какъ сегодня ночью на вокзалѣ въ Новгородѣ ей удалось бѣжать, перешагнувъ черезъ спящихъ спящихъ конвойныхъ; выждавъ въ придорожныхъ заросляхъ прихода Петербургскаго поѣзда, она вскочила въ него безъ билета и утромъ была уже у одной своей старой подруги, откуда ее и направили къ намъ. При всей простотѣ этого разсказа, меня охватывала невольная дрожь, когда она описывала, какъ, задумавъ бѣжать и лежа укрытая на диванѣ въ дамской, она слѣдила за жандармами, расползавшимися у порога на ночь; какъ въ началѣ при каждомъ звонкѣ, или шумѣ проходиваго поѣзда, жандармы вздрагивали и тревожно оглядывали ее, но убѣдившись, наконецъ, что она крѣпко спитъ, и сами заснули спокойнымъ сномъ; мало по малу звонки и шумъ поѣзда перестали будить ихъ и они больше не просыпались. Тогда она тихо, тихо встала, расположила свою одежду на диванѣ такъ, какъ будто она продолжала прикрывать

ея спящую фигуру, а сама, накинувъ платокъ на голову, снявъ обувь, легкая какъ тѣнь, перешагнула черезъ спящую стражу и нѣкимъ незамѣченной вышла на платформу, перебралась черезъ пути и спряталась въ прилегающихъ кустахъ, ожидая поѣзда. Ей пришлось ждать нѣкой часъ и какой часъ! каждая минута его равнялась дѣлому году: мальшіи шорохъ, лай ночной собаки, шелестъ листьевъ, все заставляло трепетать... Но вотъ давно жданный поѣздъ медленно вырисовался вдали и, наконецъ, всталъ передъ нею—она была спасена... Теперь, забывъ всѣ муки пережитаго томленія, она, радостная и свободная, дышала полною грудью въ кругу родныхъ ей по духу товарищей.

Вѣсть о бѣгствѣ Перовской быстро разнеслась по Петербургу; черезъ нѣсколько часовъ къ намъ, т. е. въ квартиру Малиновской, куда съ утра приходила Колѣнкина и гдѣ ночевала я, пришелъ Кравчинскій. Старый товарищъ Перовской по кружку Чайковскаго, онъ сѣвшия сюда видѣть ее. Въ отношеніи Кравчинскаго къ этой дѣвушкѣ-полурбенку—такой она казалась съ виду—сказывалось столько глубокаго уваженія и какого-то какъ бы сдерживаемаго поклоненія, не нарушавшаго однако товарищескаго тона ихъ отношеній, что невольно останавливало на себѣ вниманіе. «Это замѣчательная женщина, говоривалъ онъ мнѣ потомъ, ей суждено совершить что нибудь очень крупное». Во время этой встрѣчи ихъ разговоръ сосредоточился на вѣстяхъ о центральной каторжной Харьковской тюрьмѣ. Кравчинскій принесъ съ собою и показалъ Перовской вышедшую вскорѣ послѣ убійства Мезенцева брошюру «За живо погребенные», составленную подъ редакціей Кравчинскаго по давнымъ, присланнымъ заключенными изъ Харьковской центральной тюрьмы¹⁾. Въ этой брошюрѣ съ убійственной реальностью описывались униженія и страданія, переживаемыя заключенными, и я видѣла какъ отуманилось лицо Перовской, за минуту такое радостное, когда Сергѣй сталъ перечитывать намъ нѣкоторыя страницы. Въ Харьковской центральной тюрьмѣ сидѣли въ то время Мышкинъ, сынъ народа и мощный революціонный ораторъ, къ которому она относилась почти съ поклоненіемъ; тамъ были и другіе ея товарищи по процессу 193-хъ, тамъ сидѣли также и осужденные по процессу 50-ти, самому суровому по числу приговоренныхъ въ то время на каторгу. Это чтеніе волювало насъ всѣхъ. Перовская уже раньше жила въ Харьковѣ, освобожденная по процессу 193-хъ, и теперь она опять вралась туда, ближе къ этимъ страдальцамъ, въ надеждѣ устроить имъ побѣгъ или хотя бы поддерживать съ нами сношенія. Указанія Кравчинскаго на то, что страданія эти не остались безнаказанными, что Мезенцевъ испунилъ ихъ собственной смертью, не утѣшали ее; она рѣшилась сейчасъ же ѣхать въ Харьковъ, не смотря на просьбы

¹⁾ Эта брошюра была написана Долгушинскимъ; можетъ быть, при печатавіи она и подвергалась редакторской правкѣ членовъ редакціи «Земли и Воли».

в некоторых друзей не спешить и пожить еще в Петербурге, потому что побег из центральной Харьковской тюрьмы дѣло почти невозможное. Но Перовская еще вся была проникнута вѣрой въ возможность помочь имъ. Уступая просьбѣ товарищей, она прожила однако в Петербурге еще нѣсколько дней, помогая сближенію своихъ старыхъ товарищей съ организацией «Земли и Воли»; такъ, она старалась сблизить съ нею Зубка, пригласив его какъ-то на квартиру Малиновской, но тотъ ѣхалъ въ Сибирь къ своей невѣстѣ и не остался; она написала также Льву Тихомирову, жившему въ то время вдали отъ революціонныхъ дѣлъ въ Ставрополѣ у родныхъ. Тихомировъ отозвался на ея призывъ, поддержанный другими товарищами, и впоследствии, по отъѣздѣ Кравчинскаго, занялъ его мѣсто въ редакціи «Земли и Воли».

Устроивъ самыя необходимыя дѣла, Перовская собралась ѣхать. Кравчинскій, чтобъ чѣмъ нибудь ознаменовать прощаніе съ ней, вздумалъ собрать насъ всѣхъ болѣе близкихъ на оперномъ представленіи и взялъ литературную ложу. Давали «Пророка» Мейербергера—оперу очень любимую въ революціонномъ кругу. Вообще революционеры въ театры обыкновенно не ходили, но Сергѣю Кравчинскому всегда какъ то нравилось пытать судьбу. Такъ, зная какъ усилленно искали тогда меня, онъ любилъ бывало пройти со мною подъ руку по самымъ люднымъ улицамъ Петербурга и потомъ весело потирать руки, какъ послѣ удачной рекогносцировки. Тогда въ Петербурге, не смотря на облывы домовъ, арестовъ въ организации еще не было и всѣ поддались его отважной фантазій. Насъ было въ ложѣ человекъ 11, все народъ очень нелегальный, тутъ былъ Адр. Михайловъ, Ал. Михайловъ, Морозовъ, Кравчинскій, Перовская, Колѣпкина, Бараниковъ, я, Оболеншевъ, Ольга Натансонъ и еще кто то. Мы собрались туда небольшими группами и просидѣли весь вечеръ подъ обаяніемъ музыки, наслаждаясь ощущеніемъ опасности, которая имѣетъ обыкновенно такую неизъяснимую прелесть въ молодости. Въ антрактахъ мы шутили и смѣялись на эту тему и говорили, сколько бы дало правительству за удовольствіе захватить сразу все это гнѣздо «алюумышленниковъ», но правительство меньше всего конечно могло искать насъ здѣсь. Тѣмъ не менѣе опасность висѣла уже надъ многими головами. Но на этотъ разъ судьба еще хранила Перовскую; на другой день она уѣхала въ Харьковъ и вернулась въ Петербургъ только черезъ годъ, въ концѣ лѣта 1879 года, когда узнала, что организаціи З. и В. грозитъ расколъ и что революціонное народничество грозитъ исчезнуть, какъ практическая задача минуты. Но объ этомъ послѣ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Перовской въ Петербургѣ произошли массовые аресты среди членовъ организаціи. Арестованы были Адр. Михайловъ, Сабуровъ (Оболеншевъ), Колѣпкина, Ольга Натансонъ, Малиновская и другіе, и только благодаря счастливой случайности многимъ удалось спастись: такъ, Морозовъ едва не попалъ

въ западно, устроенную полиціей въ квартирѣ Буланова, къ счастью были сумерки, и когда на его звонокъ вышелъ городской, онъ успѣлъ скрыться за выступъ стѣны. На квартирѣ Малиновской въ домѣ Сивкова, куда она перѣехала вмѣстѣ съ Колѣпкиной и гдѣ нѣсколько дней жила Перовская и я, могли попасться еще больше народа. Правда, надзоръ полиціи былъ замѣченъ, и квартира Малиновской временно объявлена была подъ карантинномъ, но какъ разъ накануне ареста Малиновская объявила, что полиція оставила ее въ покоѣ, что вѣроятно мы ошиблись и въ знакъ снятія карантина просила насъ притти къ ней на именованный притог. Притти должны были многіе и въ томъ числѣ Сергѣй Кравчинскій. По счастью, когда Морозовъ, благополучно избавившись отъ засады на квартирѣ Буланова, пришелъ ко мнѣ въ 4-ую роту Измайловскаго полка, гдѣ я временно жила вмѣстѣ съ Ольгой Натансонъ, къ намъ зашелъ безъ звонка какой то незнакомый мнѣ молодой человекъ въ золотыхъ очкахъ и что то шепотомъ сообщилъ Морозову.

Это былъ А. Штанге, родственникъ О. Натансонъ, который пришелъ предупредить ее, что сегодня въ ночь въ домѣ Сивкова, гдѣ и онъ жилъ, произошелъ по расказу прислуги серьезный обыскъ въ квартирѣ какихъ то двухъ женщинъ, было оказано вооруженное сопротивленіе одною изъ нихъ и обѣ были арестованы, а на квартирѣ оставлена въ засадѣ полиція. Сомнѣнія не могло быть, обыскъ былъ у Малиновской и стрѣляла, конечно, Колѣпкина, всегда носившая съ собой револьверъ и рѣшившаяся не отдавать своей свободы безъ сопротивленія. Выстрѣлъ Колѣпкиной могъ имѣть еще и то значеніе, что у Малиновской, занимавшей приготовленіемъ необходимыхъ для конспиративныхъ цѣлей паспортныхъ печатей, могли быть важныя образцы или подлинныя чьи нибудь чужіе документы, арестъ которыхъ могъ стубить не мало лигъ и, оказывая сопротивленіе, она давала время Малиновской уничтожить ихъ. Штанге тревожно спрашивалъ объ О. Натансонъ, она весь день не появлялась, всѣ признаки были за то, что она арестована. Я жила у нея безъ прописки, и мнѣ въ тотъ же вечеръ пришлось оставить ея квартиру, которую можетъ быть ей полезно было открыть полиціи. Морозовъ пошелъ предупредить Кравчинскаго и другихъ объ арестѣ Малиновской, а мнѣ пришлось сѣшно искать другого убѣжища. Настоящаго чужого паспорта для меня тоже еще подыскать не удавалось, а съ фальшивымъ, въ это время усиленной травли, прописываться было очень опасно; обо всѣхъ вновь прописываемыхъ паспортахъ полиція дѣлала справки по телеграфу въ мѣстахъ выдачи документа, и самый арестъ квартиры Буланова и Колѣпкиной можно было объяснить только справками и выяснившейся подложностью паспортовъ.

Съ этого времени началось для меня довольно тяжелое и утомительное скитаніе по Петербургу, котораго раньше я не знала и гдѣ легально никогда не жила. Приходилось ночевать

то у тѣхъ, то у другихъ добрыхъ людей, правда оказывавшихъ мнѣ всегда самое радушное гостеприимство, но складъ жизни которыхъ, регулируемый той или другою профессіей, былъ со-вѣстѣмъ не тотъ, къ какому мы привыкли въ нашей такъ сказать походной жизни. Меня тяготила также отчасти забота о томъ, что мое присутствіе подвергало нѣкоторому риску этихъ незна-комыхъ мнѣ людей, гостеприимство которыхъ было частью данью личнаго расположенія къ тѣмъ, кто приводилъ меня къ нимъ, частью молчаливымъ сочувствіемъ тому дѣлу, которому мы служили. Какъ бы то ни было, я до сихъ поръ съ глубокою благо-дарностью вспоминаю супруговъ Б—хъ, А—хъ, К—о, у кото-рыхъ я провела по нѣскольку дней, и присяжныхъ повѣренныхъ Ольхина и Е. Корша; послѣднихъ двухъ я знала раньше, какъ защитниковъ по процессу 50-ти. Всего дольше я прожила у Е. Корша, оказывавшаго и раньше нѣкоторыя услуги органи-зации «Земли и Воли», а весною 1878 года содѣйствовавшаго В. И. Засуличу, въ моментъ освобожденія ея изъ тюрьмы, удачно укрыться отъ преслѣдованія полиціи. Во время замѣшательства, вызваннаго выстрѣломъ Сидорацкаго, Е. Коршъ усадилъ В. За-сулича въ экипажъ, который и умчалъ ее вонъ изъ толпы. Эта свобода кушлена была однако не даромъ: молодой 17-ти-лѣтній Сидорацкій, недавно выпущенный по процессу 50-ти, палъ иску-пательной жертвой; одинъ изъ жандармовъ мѣткимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Е. Коршъ, издававшій въ то время га-зету «Сѣверный Вѣстникъ», напечаталъ также извѣстное письмо Вѣры Засуличъ, за которое и была закрыта его газета. Впро-чемъ, онъ жаловался, что Петербургскіе собраты такъ дождали его, что онъ и безъ того вынужденъ былъ закрыть ее. Я безъ чувства благодарности не могу не вспомнить и его жену, а также свояченицу, приходившихся близкими родственницами Смецкой—моего товарища по Цюрихскому университету; она была одной изъ видныхъ послѣдовательницъ Бакунина.

Любовь Смецкая, попавъ уже въ 1880-хъ годахъ въ ссылку въ Сибирь, вышла замужъ за бывшаго тогда въ ссылкѣ, а впоследствии получившаго извѣстность польскаго писателя Шиман-скаго; по возвращеніи въ Россію Смецкая скоро сошла съ ума и умерла въ пріютѣ для душевно больныхъ, оставивъ по себѣ только одного сына; такъ и затерялась въ общемъ движеніи эта крупная сила почти безъ слѣда.

Присяжный повѣренный Ольгинъ. Довольно продолжитель-ное время (съ недѣлю) провела я также у Ольхина, съ кото-рымъ бесѣды были продолжительныѣ и носили уже нѣкоторый дѣловой характеръ. Тамъ бывали Кранчинскій, Морозовъ, Ал. Михайловъ, а раньше О. Натансаъ, Оболшевъ и другіе. Оль-хинъ часто заводилъ рѣчь о земскихъ планкахъ систематическихъ петичій къ правительству, о введеніи конституціоннаго пред-ставительства на Русь. Онъ говорилъ, что въ земскихъ сферахъ подумываютъ объ устройствѣ общеземскихъ съѣздовъ, но что

большинство земствъ такъ задавлено администраціей, что расчи-тывать на единство дѣйствій невозможно. Напротивъ, мысль объ изданіи подпольнаго земскаго органа здѣсь въ Россіи, подобно тому какъ издается «Земля и Воля», считается многими земцами го-раздо болѣе полезной и осуществимой; они просятъ только со-дѣйствія революціонной партіи въ дѣлѣ печатанія такого зем-скаго органа. Объ этомъ Ольхинъ и раньше бесѣдовалъ съ дру-гими революціонерами, но какъ тогда, такъ и теперь ему не-измѣнно отвѣчали: «партія поможетъ вамъ перевести шрифты изъ-за границы, поможетъ совѣтомъ какъ устроить типографію, считая смѣлую земскую борьбу полевою для общихъ цѣлей сво-боды, но самимъ держать тайную типографію для земской под-польной газеты партія согласиться не можетъ; у нея слишкомъ много своихъ прямыхъ задачъ; но если земцы серьезно хотятъ внести лепту въ дѣло русской свободы, они должны умѣть, если придется, и серьезно пострадать за нее». На этомъ переговоры и оборвались.

Въ 1878 году революціонной партіи и вообще было не до зем-ствъ; благодаря усиленной охранѣ, правительство продолжало выхватывать все новыя и новыя жертвы изъ рядовъ партіи. Почти каждый день ей приходилось все болѣе и болѣе смывать свои ряды. Друзья стали беспокоиться за Сергѣя Кранчинскаго; правда, уже кажется съ сентября онъ жилъ свободно по пре-красному настоящему паспорту; въ его квартирѣ у пяти угловъ не только происходили редакціонныя собранія «Земли и Воли», но къ нему захаживали иногда его ближайшіе друзья; но все знали, что не сегодня, завтра какая нибудь роковая случайность можетъ стоить ему головы. Всѣхъ болѣе оберегалъ его старый товарищъ Д. Клеменць. Онъ упрямо настаивалъ, чтобъ Сергѣй ухажъ за границу, устроилъ все необходимое для этого и въ одинъ холодный ноябрьскій день С. Кранчинскій покинулъ Пе-тербургъ, не предчувствуя быть можетъ, что болѣе никогда не суждено ему вернуться на родину и что не обнять ему болѣе многихъ, многихъ изъ его лучшихъ старыхъ друзей.

Мнѣ лично еще пришлось, однако, не разъ встрѣтиться съ нимъ на общемъ жизненномъ пути. Послѣ отъѣзда Кранчинскаго я не долго оставался въ Петербургѣ; я была утомлена моимъ безпріютнымъ скитаемъ, а подходящая настоящаго паспорта не находилась, по которому я могла бы свободно жить. Чаще другихъ меня посѣщали у Е. Корша Н. Морозовъ и Ал. Михай-ловъ, который передъ арестами проектировалъ было для меня роль пропагандистки въ молодежи, но теперь, послѣ короткаго дѣловаго обсужденія моего положенія, мы увидѣли, что при на-стоящихъ полицейскихъ условіяхъ пропагандой въ молодежи сколько нибудь продуктивно можетъ заниматься только лицо по возможности легальное, иначе оно само погибнетъ и повлечетъ за собой новыя безплодныя жертвы въ молодежи. Послѣ этого разговора, посоветовавшись еще съ нѣкоторыми товарищами, я

рѣшила уѣхать временно за границу, пока пройдет первый пылъ правительственнаго преслѣдованія. Морозовъ и Ал. Михайловъ совѣтовали мнѣ, пользуясь свободнымъ временемъ заграничья, написать исторію дѣятельности нашей революціонной организаціи (лишь, судившихся по процессу 50-ти) и женскаго студенческаго кружка, изъ котораго вышли женщины нашего процесса. Написать эту исторію просилъ меня также еще раньше и С. Кравчинскій. Такимъ образомъ, время пребыванія за границей я надѣялась провести не безъ пользы.

II.

Протившись съ моими новыми товарищами, такъ скоро ставшими мнѣ не менѣ родными, чѣмъ тѣ, которыхъ я еще такъ недавно потеряла, съ которыми я дѣлала общую работу, общія опасности, а затѣмъ торжъ, осужденіе и ссылку, я наскоро собралась за границу. Мнѣ предстояло переправиться черезъ границу безъ паспорта при помощи еврейскъ-контрабандистовъ. Такая переправа такъ вообще рискована и трудна, въ особенности для женщины, что я не могу умолчать о ней.

На Варшавскій вокзалъ меня проводилъ Н. А. Морозовъ, обѣщавшій аккуратно писать, а до Вильно ѣхала со мной студентка, Фани Личкусъ, бывшая уже, какъ я потомъ узнала, женой С. М. Кравчинскаго. Это была симпатичная молодая дѣвушка, очень недурная собой. Она обладала хорошимъ сердцемъ и незаурядной дѣловитостью. Не смотря на свои двадцать три, двадцать четыре года, она умѣло устроила переправу, поручила меня вѣрнымъ контрабандистамъ и сама дождалась въ Вильно, или кажется даже въ Вилковицкѣ, пока меня не переправятъ благополучно.

Путешествіе съ контрабандистомъ. Я отдалась довѣрчиво и безротно въ руки простаго еврея съ традиционными рыжыми пейсами, которому меня поручила Фани. Онъ ѣхалъ со мною въ одномъ вагонѣ 3-го класса, переполненномъ еврейскою бѣднотой: крикъ многочисленныхъ дѣтей, визгъ измученныхъ растрепанныхъ женщинъ, гулъ горланной непонятной мнѣ рѣчи, хлопотливая суета мушницъ, терпѣливо устранившихъ свои мечущіяся въ волненіи семья, все это кружило мнѣ голову въ атмосферѣ плохо отапливаемаго грязнаго вагона, наполненнаго какимъ-то прѣлымъ запахомъ сушеной рыбы и лука, остатки которыхъ въ изобиліи покрывали полъ. Подъ вечеръ мы доѣхали до Вилковицкѣ, гдѣ я вышла изъ вагона вмѣстѣ съ моимъ провожатымъ и который, ни слова не говоря, взявъ въ руки мой чемоданчикъ и сдѣлалъ знакъ, чтобъ я слѣдовала за нимъ; были уже сумерки короткаго зимняго дня. Спустившись съ крыльца станціи, мы подошли къ громадныхъ разнѣровъ высокой тельгѣ, какой я

раньше не встрѣчала (это былъ еврейскій фургоны); поперекъ этой тельги было положено четыре или пять толстыхъ досокъ для сидѣнья; послѣднюю, на перебой толкая другъ друга, карабкались по ступицамъ колесъ мушницы и женщины, снѣша занять мѣста; надъ всей этой тѣсною группой людей стоялъ тотъ же своеобразный гомонъ Гелосовъ, какой провожалъ меня всю дорогу и который своей необычностью волновалъ меня. Только въсплѣтвети на Востокъ, на Каспійскомъ и Черноморскомъ побережья, я встрѣчала ту же стихійную, непривычно волнующую громкую несладкую музыку толпы. Подъ гулъ этой крикливо-хриплой путавшей меня музыки я кое какъ забилась въ тельгу на первое попавшееся самое неудобное мѣсто, и мы тронулись въ путь. На козлахъ съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ сидѣлъ молодой еврей въ грязномъ засаленномъ хошевомъ на ватъ лапсердакѣ и погонялъ двухъ большихъ, но плохо кормленныхъ лошадей, которые съ трудомъ тащили насъ, человекѣ по меньшей мѣрѣ, казалось мнѣ, пятнадцать. Дорога была шоссеяна, кругомъ растелились поля, покрытыя снѣгомъ, кое гдѣ выросовывались въ ночной мглѣ жалкія деревушки съ соломенными крышами и покачнулись заборами. Время отъ времени мы останавливались у какой нибудь придорожной корчмы, куда сбрасывались какіе-то узлы, иногда послѣ длинныхъ крикливыхъ переговоровъ высаживались люди и мы ѣхали дальше, окутанные глубокой ночью мглой—куда я не знала. Позднее ночью остановились мы, наконецъ, еще у какой-то, казалось, одиноко стоявшей въ полѣ корчмы, окна которой мигали падали своими тусклыми огнями; мой спутникъ слѣзъ съ фургона, сказалъ что-то по еврейски вышедшей на стукъ колесъ пожилой, довольно тучной еврейкѣ, покрытой большимъ платкомъ, лохмотья котораго свободно развѣивалъ ночной вѣтеръ. Она отвѣтила кивкомъ головы и мой спутникъ, схвативъ мой чемоданчикъ, живо посадилъ меня изъ фургона, потянувшася дальше развѣивъ послѣднихъ пассажировъ.

Ночь въ корчмѣ контрабандистовъ. Когда я переступила порогъ и вошла въ сѣня, мнѣ навстрѣчу изъ полуотворенной двери налѣво вырвался такой громкій гулъ пьяныхъ голосовъ съ громкой отчетливой руганью на родномъ мнѣ русскомъ языкѣ, что сердце мое застучало такъ, какъ не стучало оно даже въ тотъ ночной часъ, когда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я пробиралась въ Сибирь одна одиношенька по спящимъ улицамъ маленькаго городишка, чтобы спрятаться въ пустынномъ придорожномъ лѣсу, гдѣ съ треволги и надеждой поджидала до развѣта человека, присланнаго за мной товарищемъ Геллеромъ изъ Тюмени, чтобы оттуда бѣжать дальше въ Россію. Правда, здѣсь въ этой корчмѣ мнѣ предлагали кровъ, я не рисковала здѣсь встрѣтить ни лѣснаго звѣря, ни озвѣрѣваго бродяги, какъ въ Сибирскомъ лѣсу, но на меня пахнуло изъ-подъ этой гостеприимной кровли такимъ смрадомъ пьянаго вертепа, что сердце мое, пережившее не одну

тревогу, стучало и стучало, не слушаясь воли. Еврейка хозяйка, не обращая внимания на мое невольное содрогание, провела меня дальше в сѣни и, закрыв дверь налѣво, гдѣ бушевала пьяная ватага, провела меня въ маленькую холодную каморку направо, которая почти вся была занята высокой заваленной пуховиками кроватью подъ грязнымъ ситцевымъ пологомъ, да простой некрашеной скамьей, стоявшей въ углу. Хозяйка ломанымъ русскимъ языкомъ предложила мнѣ раздѣться и лечь въ постель, на что я сначала упрямо не соглашалась, но потомъ, когда она сказала мнѣ, что въ соседней комнатѣ кутятъ пограничные солдаты, которые легко могутъ зайти сюда и увидѣть меня, и что мнѣ непременно нужно укрыться въ постели, упрямецовать было невозможно; я завернулась въ грязные пуховики, какъ была въ одеждѣ, и провела ужасную бессонную ночь. Въ мою оставшуюся незапертой каморку нѣсколько разъ входили, о чемъ-то шептались, опять выходили; въ углу на скамьѣ кто-то громко храпѣлъ, а рядомъ, до разсвѣта, длилась пьяная оргія; я слышала возмутительную ругань, визгъ женскихъ голосовъ, покрывавшихъ звуки заунывной еврейской пѣсни, напѣваемой обрывающимся пьянымъ молодымъ но уже надтреснутымъ женскимъ голосомъ, вибрирующей дѣтскія нотки котораго порою до слезъ волновали душу. Настала наконецъ разсвѣтъ, оргія стихла. Вѣроятно, или всѣ заснули, или разберелись. Черезъ скважину полога я могла видѣть уголъ окна, выходившаго на грязный зароможенный всякой ружадью дворъ, обнесенный высокимъ заборомъ. Я поняла, что я заперта, что у меня нѣтъ другого выхода, какъ черезъ общую дверь, и я стала покорно ждать. Давно утратила я дѣтскую привычку молиться, но тутъ молитвенное настроеніе, давно позабытое, помимо воли охватило душу. Я чувствовала себя безпомощной щенкой, брошенной въ волны грознаго моря жизни; моя свобода, моя честь, моя судьба были въ рукахъ этихъ бѣдныхъ, грубыхъ, невѣжественныхъ людей, живущихъ ночными оргіями. Я знала, что какіе-нибудь три, пять рублей, которые обшала Фани за мой переходъ границы, были жалкимъ ничто, и я молила укрѣпить совѣсть этихъ людей — въ ней была моя единственная защита...

Переправа черезъ границу. Когда разсвѣтъ смѣнялся алымъ днемъ, ко мнѣ вошла вчерашняя еврейка-хозяйка; она принесла мнѣ подержанный шерстяной клѣтчатый платокъ, посоветовала спрятать мѣховую шапочку, бывшую на мнѣ, и, покрывъ меня этимъ платкомъ, вывела изъ корчмы.—Сейчасъ на часахъ стоитъ знаковый солдатъ, сказала она, и перейти границу можно. Несмотря на предстоящую новую опасность при переходѣ границы, я счастливо вдохнула, выйдя на просторъ и на свѣжій воздухъ. Я тутъ только узнала, что корчма расположена близъ мѣстечка или заштатнаго города Владислава. Мы шли съ еврейкой рядомъ мѣрнымъ спокойнымъ шагомъ къ рѣчкѣ, черезъ которую видѣлась неширокой деревянный мостъ; впереди шелъ вчерашній

мой спутникъ и несъ чемоданъ; я сама видѣла, какъ онъ перешелъ съ моимъ чемоданомъ по ту сторону рѣки и вошелъ тутъ же близко въ приличный вида каменный домъ, гдѣ и оставилъ мои вещи. Домъ этотъ казался гостиницей пограничнаго нѣмецкаго мѣстечка, откуда идутъ omnibusъ станціи дороги на Берлинъ. Мы съ еврейкой, подойдя къ мосту, почему то перешли не сейчасъ; ей что то, очевидно условное, сказалъ солдатъ, и мы должны были опять вернуться и чего-то выждать. Это меня волновало. Наконецъ, минутъ черезъ двадцать, показавшихся мнѣ вѣчностью, мы вторично подошли къ мосту и на этотъ разъ безпрепятственно перешли на нѣмецкую сторону. Солдаты пылливо обвели меня взглядомъ, но ничего не сказали; я открыто смотрѣла на него и онъ очевидно ничего не нашелъ подозрительнаго, ни въ моемъ лицѣ, ни въ фигурѣ и молча пропустилъ меня. На нѣмецкой сторонѣ стражи не было, и я безпрепятственно прошла въ гостиницу, гдѣ уже находились мои вещи. Еврею, несему мой багажъ и поджидавшему меня тамъ, я дала немного мелочи (меня предупреждали, что щедрость при переправѣ черезъ границу опасна), за которую онъ благодарно снялъ шапку и оставилъ меня оду. Оказалось, что помимо меня было уже заказано мнѣ мѣсто въ omnibusѣ, отходящемъ на станцію къ вечеру, а пока мнѣ предложили занять номеръ.

Въ пограничной нѣмецкой деревенской гостиницѣ. Какой контрастъ между грязью корчмы, гдѣ я провела ночь и которая, казалось, со времени Григорія Отрепѣва не убиралась и не чистилась, какъ бы оберегая «пыль вѣсковъ» на своихъ почернѣвшихъ стѣнахъ, и этой нѣмецкой деревенской гостиницѣ! Въ маленькой комнаткѣ, которую мнѣ отвели во второмъ этажѣ, было тихо и уютно; стѣны были крашены правда простой дешевой масляной краской, но очевидно каждую субботу мылись; кровать и умывальникъ также не заставляли желать ничего лучшаго. Небольшое чисто протертое окошко выходило на рѣчку; вдали въ синевѣ зимняго тумана видѣлась родная земля, несчастная, изстрадавшаяся, подневольная. Я долго глядѣла въ эту убаюкающую синеву сливавашагося на горизонтѣ неба и снѣжнаго поля и меня какъ-то уже не радовала моя свобода...

Стукъ въ дверь вывелъ меня изъ раздумья. Мнѣ сообщили, что omnibusъ уже готовъ и ждетъ меня, и предложили что нибудь закусить на дорогу. Я сѣла бутербродъ вѣска двухмѣстна каретка съ кучеромъ и почтальономъ на козлахъ. Я оказалась единственнымъ пассажиромъ этой каретки omnibusа: мое одиночество не пугало меня, напротивъ, я почувствовала себя прекрасно. Сидя удобно на мягкомъ бархатномъ сидѣннѣ, я задремала, тревоги прошлой ночи и этого дня утомили меня. Поздно ночью я подъѣхала къ одной изъ станцій желѣзнодорожной линіи Эйдукуненъ-Берлинъ и, ввязъ билетъ 3-го класса до Женевы, покатила прямо

въ Швейцарію, гдѣ еще такъ недавно я проводила свѣтлые годы моего студенчества, гдѣ у меня было такъ много товарищей и друзей и гдѣ теперь я могла остаться совсѣмъ одинокой.

Пріездъ въ Женеву. Поездъ пришелъ въ Женеву часовъ въ 8 утра; я оставила на вокзалѣ вещи на сохраненіе и, несмотря на ранній часъ, отправилась въ русскую бібліотеку, адресъ которой я узнала у одного изъ группы носильщиковъ, поджидавшихъ обыкновенно приходящаго поезда. Я знала складъ жизни въ Швейцаріи и была увѣрена, что даже русское учрежденіе въ этотъ часъ будетъ открыто. Я не ошиблась, бібліотека была уже открыта; на столѣ лежала книга членовъ съ фамиліями и адресами.

Профессоръ Драгомановъ, редакторъ «Громады». Переглядывая эту книгу, я скоро отыскала нѣсколько знакомыхъ фамилій, въ томъ числѣ фамилію профессора Драгоманова, котораго я не много знала еще во время моего студенчества, когда онъ вмѣстѣ съ семьей своей путешествовалъ заграничей и посѣтилъ Цюрихъ—центръ русской эмиграціи и студенческихъ кружковъ того времени заграничей. Я была увѣрена, что Сергій Кравчинскій, если не былъ раньше знакомъ, то успѣлъ уже навѣрно теперь познакомиться съ Драгомановымъ, и что во всякомъ случаѣ черезъ него я скорѣе разыщу всѣхъ и вся, а потому сейчасъ же отправилась къ Драгоманову. По дорогѣ тамъ и сямъ я встрѣчала русскія лица—мужскія и женскія; это все были молодые, часто худые и истощенные дѣвушки и юноши, представлявшіе рѣзкій контрастъ съ мѣстной уштанной студенческой молодежью, выдѣляясь бѣдностью своего наряда и какой-то не по возрасту озабоченностью взгляда. Встрѣчаясь со мною, они тоже узнавали во мнѣ свою, вѣроятно по моей слишкомъ зимней одеждѣ, и пылливо всматривались. Я отвѣчала имъ пріятельнымъ взглядомъ, я знала, что рано или поздно мы должны встрѣтиться въ тѣсномъ кругу мѣстной русской колоніи. Драгоманова я застала дома; онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за литературной работой—онъ уже оставилъ тогда вмѣстѣ съ профессоромъ Зиберомъ кафедру въ Киевскомъ университетѣ и издавалъ въ Женевѣ журналъ «Громаду» на малороссійскомъ языкѣ, а также писалъ равнаго рода историческія работы. Жена его, красивая, но очень блѣдная и болѣзненная женщина, полулежала въ креслѣ столовой, куда провела меня дѣвушка—служанка, отправившаяся доложить обо мнѣ («гу профессору»). Живой, любознательный Драгомановъ пришелъ сейчасъ же и сталъ спрашивать, что творится на Руси, о профессорскихъ кругахъ, о молодежи, о землякахъ; я старалась удовлетворить его любознательность, какъ могла, и у насъ незаметно пролетѣло время. Жена его была очень пріятельна, но говорила мало; она, очевидно, страдала тяжелой болѣзнью, которая отнимала у нея всѣ силы. Она не могла даже присмотрѣть за своей маленькой 8-ми-мѣсячной дочкой, которой на моихъ глазахъ самъ Драгомановъ долженъ былъ переимѣнять бѣлье. Когда я встала,

чтобъ проститься, Драгомановъ и жена его уговорили меня остаться обѣдать, говоря, что къ обѣду придетъ вѣроятно Сергій Кравчинскій и кое кто изъ сотрудниковъ «Громады», которые будутъ очень рады познакомиться со мной; а пока онъ предложилъ мнѣ перебраться къ нимъ въ пустую свободную комнату, имѣвшуюся у нихъ наверху. Я боялась сбѣгнѣть его болѣзную жену, но она увѣряла, что будетъ рада, что присутствие мое въ домѣ поможетъ ей забыть ея нездоровье. Я согласилась. Драгомановъ самъ затопилъ каменнымъ углемъ caloriferъ, чтобъ согрѣть мою комнату, и я невольно удивлялась мужеству этого человѣка, умѣвшего мирить серьезную литературную работу съ уходомъ за болѣзной женой и маленькимъ ребенкомъ, стараясь облегчить этимъ пріятельную обѣду служанку отъ всякой лишней работы. Черезъ часъ я уже устроилась въ моемъ новомъ жилищѣ, обставленномъ съ чисто русской простотой эмигрантовъ того времени: кромѣ жесткой походной кровати, небольшого некрашеннаго стола и плетеннаго стула въ комнатѣ ничего не было, да мнѣ и ничего не было нужно. Небольшое оконце подъ сводчатою крышей моей мансарды выходило въ садъ, вдали видѣлась чудная перспектива далекихъ горъ, и мягкіе переливы голубого озера радовали взоръ, заставляя забывать все мелкое, преходящее и неужное. Только бы побольше тепла; я такъ назаблалъ въ нетопленныхъ европейскихъ вагонахъ, такъ ослабѣла отъ пережитыхъ волнений тюрьмы, суда и ссылки, что не могла согрѣться долго, долго, всю эту зиму.

Галицкій писатель Павликъ сотрудникъ «Громады». Устроившись и скоро переодѣвшись въ мой комнатѣ, я спустилась внизъ, въ столовую и тамъ застала уже въ сборѣ маленькое общество, расположившееся возлѣ тѣющаго каміна. Тутъ было нѣсколько молодыхъ людей, сотрудниковъ и наборщиковъ «Громады» и одинъ господинъ постарше—средняго роста брюнетъ лѣтъ тридцати пяти съ большими очень черными, какими то тусклыми глазами—это былъ Павликъ, сотрудникъ «Громады», извѣстный малороссійскій писатель галичанинъ, очень вліятельный у себя на родинѣ, какъ талантливый беллетристъ и организаторъ многочисленныхъ галицкихъ кружковъ. Онъ былъ гостемъ въ Женевѣ и собирался скоро уѣхать обратно. Послѣ нѣсколькихъ невзначайныхъ фразъ перваго знакомства, онъ съ увлеченіемъ сталъ рассказывать какъ быстро идетъ ростъ національнаго самосознанія въ Галиціи, благодаря воздѣйствию литературы; какъ это не нравится мѣстнымъ помѣщикамъ полякамъ, но какъ они, несмотря на всю ихъ политическую силу въ Австріи, должны мириться съ этимъ неприятнымъ для нихъ фактомъ... Когда онъ говорилъ это, его тусклые глаза загорались и я видѣла, что этотъ вопросъ—религія его жизни. Но меня, русскую, его радость умиляла, но не трогала. Я выросла въ русской деревнѣ и въ Москвѣ, центрѣ великой Руси, я привыкла съ дѣтства слышать и мечтать о чемъ то широкомъ, мировомъ, всепримиряющемъ, а тутъ я видѣла только радость обѣды въ узко мѣстной борьбѣ двухъ близкихъ отпрысковъ славян-

скаго племени, борьбѣ имѣвшей правда серьезные реальные корни въ социальномъ неравенствѣ мужика-русина, или, какъ выражался Павликъ, русскаго, увѣряя, что русины въ Галиціи называютъ себя русскими, и помѣщика поляка. Но зачѣмъ же борьбу съ этимъ социальнымъ неравенствомъ перенести на племенную почву, зачѣмъ совдавать пропасть между двумя близкими народами, которымъ въ Австріи слѣдовало бы скорѣе отстаивать свою болѣе широкую расовую (славянскую), а не узко племенную задачу, такую ничтожную передъ лицомъ всепоглощающаго германизма. Во время этой бесѣды въ столовую вошло еще нѣсколько гостей или лучше обычныхъ посѣтителей Драгоманова; это были также соратники Драгоманова по «Громадѣ» все природные малороссы съ пѣвучей рѣчью и характерной гортанностью выговора. Почти одновременно съ ними вошла и старшая дочь Драгоманова, красивая дѣвочка лѣтъ 14-ти, только что вернувшаяся изъ школы. Последнимъ пришелъ Сергѣй Кравчинскій. Я бросился къ нему на встрѣчу и мы обаялись, не смущаясь присутствующими и зная, что эти люди поймутъ нашу братскую радость и не переоголуютъ ее. Скоро вошелъ Драгомановъ и всѣ сѣли за столъ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Драгомановъ былъ веселъ и шутивъ. Я въ первый разъ слушала непринужденную бесѣду этого человѣка въ тѣсномъ семейномъ кругу; его рѣчь дышала жизнью; его широкая историческая познания придавала бесѣдѣ глубокой, чисто философскій интересъ; но онъ не былъ человѣкомъ принудительно овладѣвающимъ словомъ; напротивъ, онъ cadaго вовлекалъ въ бесѣду.

Метранпажъ «Громады» Хома. Послѣ одного живописнаго разсказа изъ быта средневѣковой Итали, исторіей которой Драгомановъ только что занимался въ Римѣ, онъ заставилъ своего метранпажа, по имени Хома, разсказать намъ, какъ онъ благополучно объѣздилъ Европу, побывалъ даже въ Парижѣ, нигдѣ не употребилъ другого языка, кромѣ малороссійскаго. Это было рядъ комическихкихъ сценъ, заставлявшихъ хотать всѣхъ присутствующихъ; Хома завершилъ свою рѣчь разсказомъ о томъ, какъ однагъ разъ въ Парижѣ, изъ ложной горюливости, онъ замѣнилъ своему родному языку и прибѣгъ къ языку французскому, но такъ неудачно, что съ тѣхъ поръ закалялся употреблять зтотъ собачій языкъ, въ которомъ всѣ слова похожи одно на другое.— Судите сами, говорить онъ, я держу въ рукахъ горячіе сосиски, слѣшу домой, чтобъ онѣ не остыли, вспоминаю, что у меня нѣтъ горчицы, забѣгаю въ лавочку и второящую говорю—«mouchard!» Лавочникъ ничего не говоря почти въ шею выталкиваетъ меня; я роняю въ грязь мои бѣдные сосиски и остаюсь безъ обѣда. Оказывается, нужно было сказать moutarde ¹⁾, а мнѣ на языкъ пошло слово mouchard ²⁾, которое такъ часто повторяютъ наши русские за границей... Драгомановъ и его Громадцы сами очевидно

подсмѣивались надъ черезчуръ утрированнымъ украинофильствомъ, которое принимало на Руси иногда очень комическіе формы. Насколько потомъ я узнала Драгоманова, наблюдая его ближе, это *былъ* не только широко образованный и отъ природы очень умный человѣкъ, но и одаренный очень хорошимъ, очень гуманнымъ сердцемъ; я не могла читать его статей въ «Громадѣ», такъ какъ не легко понимала малороссійскій языкъ, но его бесѣды были всегда полны ума и глубокаго интереса. Правда, Сергѣй Кравчинскій, имѣвшій терпѣніе прочесть первые номера «Громады», наединѣ съ болѣе близкими, какъ чистокровный революціонеръ-соціалистъ, подсмѣивался надъ хохломанствомъ, узкая постановка идей котораго противорѣчила широкимъ задачамъ братства народовъ, лежавшимъ въ основѣ русскаго социализма, не понимая, что Драгоманова, сжившагося со своими взглядами, не переубѣдишь; онъ падалъ въ немъ его святая святыхъ и не заводилъ бесплодныхъ споровъ.

Отношенія Драгоманова къ революціонерамъ. Но не всѣ представители русскаго социализма смотрѣли такъ широко на право духовной свободы cadaго и черезъ нѣкоторое время, кажется въ 1881 году, Драгомановъ выступилъ со своимъ страннымъ заявленіемъ противъ русской социально-революціонной партіи, которое надбало въ то время много шума. Меня въ то время не было въ Швейцаріи и я не знаю, какъ это произошло; его заявленія я не читала и не знаю, чѣмъ оно было вызвано, но думаю, что нѣкоторую роль въ этомъ сыграла и нетактичность нѣкоторыхъ революціонеровъ, но въ описываемое время (конецъ 78 и первая половина 79 г.) Драгомановъ очень симпатизировалъ намъ и относился къ революціоннымъ дѣятелямъ съ большимъ уваженіемъ, хотя кругъ его знакомствъ въ этой сферѣ не былъ широкъ. Такъ, не смотря на присутствіе въ это время въ Женевѣ Вѣры Засуличъ, Стефановича и Дейча, я ихъ не встрѣчала у Драгоманова и познакомилась съ нимъ нѣсколько времени спустя, кажется, просто при встрѣчѣ на улицѣ, когда въ первые дни моего прѣзда въ Женеву Сергѣй Кравчинскій былъ моимъ путеводителемъ, пока я не освоилась съ городомъ.

В. И. Засуличъ произвела на меня сразу очень симпатичное впечатлѣніе своей простотой и безыскусственностью. Она никогда не говорила о своемъ, какъ она шутя выражалась, «подвигѣ» и по натурѣ принадлежала вообще къ людямъ крайне замкнутымъ. Эта замкнутость особенно огорчала открытую натуру Сергѣя Кравчинскаго и онъ иногда съ грустью жаловался мнѣ на это. Когда В. И. бывала въ хорошемъ расположеніи духа, рѣчь ея блистала шутливыми, часто мѣткими замѣчаніями, но иногда она бывала видимо тяжело настроена. «Самокритика заѣдаетъ», увѣрялъ меня Сергѣй. Онъ относился къ В. И. З. съ глубокимъ уваженіемъ, цѣнилъ ея прекрасную натуру, но находилъ, что она человѣкъ очень ограниченаго круга привязанностей. Она была предана глубоко, безповоротно, на всю жизнь своимъ немногимъ друзьямъ, но въ

1) moutarde—горчица.

2) mouchard—мишю.

ней не было замѣтно широкаго интереса къ челоуѣческой душѣ вообще.

Сергей Кравчинскій за границей. Чуткимъ отношеніемъ къ челоуѣческой душѣ вообще въ высокой мѣрѣ обладалъ самъ Сергій Кравчинскій и благодаря ему онъ былъ величайшимъ мастеромъ нравственнаго и идейнаго единенія въ революціонномъ мѣрѣ. Такъ, организація «Земли и Воли», послѣ крупныхъ осеннихъ арестовъ 1878 г., была обязана своимъ возрожденіемъ главнымъ образомъ С. Кравчинскому и Морозову, которые и придали ей тотъ новый яркій характеръ, какимъ запечатлѣлась дѣятельность этой организаціи кониа 78-го и первой половины 79-го года, продолженіемъ которой является Липецкія сѣзды, а затѣмъ потрясшая весь мѣръ своей борьбой организація «Народной Воли» въ лицѣ ея Исполнительнаго Комитета перваго состава — «Великаго Комитета», какъ выражаются въ некоторые... Подвергаясь ежeminутной опасности, Кравчинскій оставилъ Петербургъ только тогда, когда поставилъ окончательно на ноги газету «Земля и Воли» и берегъ ее, какъ воинъ бережетъ знамя. Сознательно дѣянія нравственное единеніе, какъ величайшій элементъ революціоннаго дѣла, залогъ его премственности и бессмертія, Кравчинскій скорѣе переносивалъ, чѣмъ недооцѣнивалъ людей и тѣмъ безсознательно подымалъ ихъ. Такъ, съ какимъ то почти священнымъ поклоненіемъ относился онъ къ изумительному опыту организаціи въ народѣ Стефановича, воскресшаго въ сущности самозванство въ концѣ XIX вѣка; обманъ возмущалъ Кравчинскаго, но изумительное знанье массъ, умѣніе двигать ими восхитало его...

Намѣреніе Кравчинскаго поступить въ высшую военную школу въ Парижѣ. Быть вождемъ народнымъ было всегда мечтою самого Сергія Кравчинскаго, и въ описываемую минуту, заброшенный судьбою на чужбину, онъ мечталъ употребить свое время и свои крупнѣйшія способности на изученіе европейскаго военнаго дѣла и собирался, какъ онъ признался мнѣ по секрету, поступить подъ чужимъ именемъ въ высшую военную школу Франціи (Сенсирскую), гдѣ когда то воспиталъ свой геній Наполеонъ I-й. Но судьба немилостива къ намъ русскимъ, или лучше сказать, мы сами не бережемъ, не цѣнимъ и не умѣемъ подмѣчать во время проблески нашего генія.

Участіе въ Герцеговинскомъ и Беневентскомъ возстаніи. Странныя обстоятельство скрываютъ С. Кравчинскаго, размышляя на мелочи его крупнѣйшія боевыя силы; такъ въ 1876 году онъ дрался въ рядахъ герцеговинскихъ повстанцевъ, а затѣмъ участвовалъ въ Италіи въ возстаніи въ Беневенто. Но эти возстанія не имѣли и не могли имѣть тогда мирового значенія и были для С. Кравчинскаго только практической школой для будущаго. Но великаго боевого будущаго дожидаться ему не пришлось. Оторванный отъ близкихъ, гордый и шепетильный, Кравчинскій принужденъ былъ зарабатывать кусокъ хлѣба въ Женевѣ тяжелымъ переводнымъ трудомъ. За годъ передъ тѣмъ онъ въ совершен-

ствѣ изучилъ итальянскій языкъ, сядя вмѣстѣ съ товарищами итальянцами въ беневентской тюрьмѣ, и овладѣлъ также языкомъ испанскимъ.

Работы Кравчинскаго. Теперь въ Женевѣ онъ взялся переводить съ испанскаго одинъ очень интересный романъ извѣстнаго испанскаго политическаго дѣятеля Кастеллера, разсчитывая помѣстить его въ журналѣ «Дѣло», издатель котораго Благосвѣтловъ симпатично относился къ революціонерамъ. Сергій работалъ со страстью безъ устали, какъ умѣетъ работать только русскій. Онъ надѣялся получить сразу нѣсколько сотъ рублей и осуществить свою мечту о поступленіи въ Сенсирскую школу. Я помогала ему, лишь подъ его диктовку, что почти вдвое ускоряло дѣло. Такъ работалъ онъ безъ передышки. Между тѣмъ, будъ онъ менѣе шепетилъ въ нравственномъ отношеніи, будъ онъ только честолюбцемъ, онъ могъ бы сразу прогнѣть на всю Европу, а можетъ быть и повернуть по своему колесо исторіи. Случай къ тому давался ему прямо въ руки черезъ одного изъ товарищей.

Князь Петръ Крапоткинъ. Кромѣ перечисленныхъ мною эмигрантовъ, въ Женевѣ проживалъ въ то время князь Петръ Крапоткинъ; въ описываемое время Крапоткинъ дѣлалъ только первые шаги въ Европѣ и началъ издавать свою газету «Revolté». Это былъ въ то время маленькій листокъ пятисантимнаго типа, который издавалъ Крапоткинъ на свои личныя средства и еще съ трудомъ собиралъ подписчиковъ; каждый новый подписчикъ такъ его радовалъ, что какъ то разъ, я помню, онъ встрѣтилъ на улицѣ Кравчинскаго, и, забывъ поздороваться, безъ всякаго предисловія воскликнулъ:—А знаете, у «Revolté» есть уже подписчикъ въ Буэносъ-Айресь! Но какъ ни была ограничена подписка «Revolté», политическіе дѣятели Европы уже замѣтили князя Крапоткина. Въ самомъ дѣлѣ, Крапоткинъ работалъ съ изумительной энергіей и не только отдавалъ свое время «Revolté», но занимался еще у извѣстнаго коммунара — географа Реклю по географіи Россіи и успѣвалъ также бывать на рабочахъ собраніяхъ и говорилъ тамъ рѣчи, проповѣдуя анархическія идеи. Съ его именемъ начали мало по малу считаться.

Агентъ Бисмарка и ихъ предложеніе. Разъ какъ-то Крапоткинъ конфиденціально сообщилъ Кравчинскому, а Кравчинскій по секрету повѣдалъ мнѣ:—Представьте, ко мнѣ явились агенты Бисмарка съ предложеніемъ уговорить кого-нибудь изъ крупныхъ русскихъ революціонеровъ издавать заграничій большую русскую революціонную газету, на которую обѣщано дать большія деньги. Сергій Кравчинскій съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и когда Крапоткинъ, не называя Кравчинскаго, передалъ этотъ отказъ Бисмарковскому посланному, тотъ съ изумленіемъ воскликнулъ:—удивительный народъ эти русскіе, они совсѣмъ не политики, вотъ посмотрите.....¹⁾, тотъ не постѣблялся взять у

¹⁾ Иметь фамилія одного изъ самыхъ громкихъ политическихъ дѣятелей въ Европѣ. По понятнымъ причинамъ мы воздерживаемся пока отъ ея именнчания. *Ред.*

насть деньги, и поглядите какъ выросла его¹⁾». Да, русскіе революціонеры не политики въ бисмарковскомъ вкусѣ, они не продаютъ себя и не покупаютъ другихъ. А какъ навѣрняка думалъ дѣйствовать этотъ агентъ Бисмарка! Въ то время новая эмиграція была такъ бѣдна, какъ можетъ быть бѣденъ только самый несчастный изъ пролетаріевъ во время крупнаго рабочаго кризиса. Заработки были рѣдки, присылки отъ родныхъ или друзей также рѣдки, и мы дѣлились ими по братски.

Мученическая вѣрность нравственнымъ принципамъ. Да, русскіе революціонеры и европейскіе парламентскіе дѣятели—величины несоизмѣримыя. А будь у С. Кравчинскаго хорошія средства, міръ скоро заговоритъ бы о немъ; у него на это были все внутреннія данныя, но темными средствами онъ пользоваться не хотѣлъ. Русский революціонеръ стараго народническаго типа, какимъ продолжалъ быть Кравчинскій, несмотря на рѣзкую перемену приемовъ борьбы, нравственный принципъ ставилъ во главу угла своего политическаго credo; онъ былъ ближе къ христіанскимъ рыцарямъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ социалистамъ Лассалевскаго времени. Бисмаркъ могъ дать деньги на русскую свободу только для того, чтобы держать ее въ рукахъ и задумишь въ нужное ему время. Итъ, наша свобода, вскорянная родной нищенской сумой, дала и еще дастъ міру много нравственныхъ уроковъ, какъ бы ни старались враги позорить нынѣ ея лучшихъ бойцовъ, разбивая съ такимъ трудомъ спяныя кадры народные.

Да, накануне крупнаго удара, готовившагося нашему правительству, Сергій Кравчинскій съ презрѣніемъ отвергъ предательскія услуги иностранца и дѣлалъ свое время между химическими опытами надъ какимъ-то новымъ взрывчатимъ веществомъ, матерьялы для которыхъ покупалъ на свои скудные средства, и литературной работой надъ переводомъ испанскаго романа. Такъ работая онъ безъ усталы иногда часовъ по шестнадцати въ сутки и, пока я писала подъ его диктовку, онъ шагалъ вездѣ и впередъ по комнатѣ, обдумывая дальнѣйшія фразы перевода. Дѣло шло у насъ хорошо и дружно; намъ жалъ бывало терять лишній часъ, чтобы идти пообѣдать, и Сергій наскоро притаскивалъ изъ соседняго рабочаго ресторана большую миску супа на 20 сантимовъ и хлѣба; мы съѣдали это торопливо, часто стоя, чтобъ согрѣть оконченныя отъ холода руки и ноги.

Образъ жизни С. Кравчинскаго-эмигранта. Мы работали обыкновенно у Сергія, въ его комнатѣ нанятаго имъ подешевле въ старомъ нагорномъ кварталѣ Женевы съ узкими темными средневѣковыми улицами. Комната была обширная, съ двумя большими старинными запыленными, мелкорѣшетчатыми окнами; входъ былъ черезъ какой-то лабиринтъ сводчатыхъ корридоровъ, гдѣ всегда обдавало запахомъ мшистаго камня. Зима была очень

холодная и въ комнатѣ стояла неимоверная стужа. Я писала завертывая съ ногъ до головы въ имѣвшійся у Сергія пледъ и все-таки ноги стыли, пальцы коченѣли. Сергій рѣдко позволялъ себѣ удовольствіе топить ржавую желѣзную печку стоящую посреди комнаты: она требовала такъ много дровъ, дрова въ Швейцаріи были такъ дороги и намъ никогда не удавалось вдоволь нагрѣть ее—комната была слишкомъ обширна, это единственная роскошь, какую онъ себѣ позволялъ; ему нуженъ былъ просторъ; шагать вездѣ и впередъ по комнатѣ было для него наущающей потребностью, это облегчало работу. Въ немъ была и другой пережитокъ барства, онъ имѣлъ отвращеніе къ керосиновымъ лампамъ, запаха которыхъ не выносилъ, и завелъ для работы масляную лампу, что обходилось конечно дороже. Въ февралѣ наша работа, обширный испанскій романъ страницъ въ 600 былъ готовъ; С. Кравчинскій отправилъ его въ Россію и принялся за переводъ другого уже итальянскаго романа «Спартакъ», впоследствии напечатаннаго въ журналѣ «Дѣло» уже въ бытность редакторомъ Станюковича. Испанскій романъ такъ и остался въ то время не напечатаннымъ и нашъ трудъ пропалъ даромъ, а съ нимъ и надежда Сергія пробраться въ Сенсирскую школу. Этотъ планъ нарушило еще и другое обстоятельство.

Пріѣздъ жены С. Кравчинскаго. Жена Сергія — Фанни Личкусъ должна была стать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ матерью, и другъ его Клеменць, извѣщая его объ этомъ, сообщилъ, что Фанни хочетъ ѣхать къ нему за границу и что Клеменць съ своей стороны находитъ это необходимымъ и для нея и для Сергѣя. Мы стали ждать Фанни; она на нѣсколько дней запоздала, и Сергій тревожился; наконецъ въ концѣ февраля, а можетъ быть и въ мартѣ она пріѣхала очень измученная, несмотря на свое вѣтшащее здоровье. Ея путешествіе, какъ оказалось, далеко не было такъ удачно, какъ мое; она попала при переходѣ границы въ карантинъ, устроенный нѣмцами по случаю чумы (на рогаый скотъ), и ее недомогающую и взволнованную, подозвѣвая въ контрбандѣ, продержали на германской границѣ нѣсколько дней, грозя вернуть въ Россію, и только послѣ усиленныхъ просьбъ возводили ѣхать дальше въ Европу. Почему Ф. Личкусъ, тогда вполне легальная студентка, предпочла контрабандный переходъ черезъ границу, я не знаю, но думаю, что она хотѣла сохранить имя политически незапятнаннымъ ея близостью къ эмигрантамъ, чтобы не отрывать себѣ возвращенія на родину.

По пріѣздѣ Фанни, Сергій нанялъ себѣ другую, болѣе веселую и свѣтлую квартиру изъ двухъ, правда очень малыхъ комнатъ. Намъ пришлось прервать на время наши общія переводныя работы; одинъ изъ членовъ нашей колоніи эмигрантъ, нечаевецъ, очень симпатичный человекъ и хорошій товарищъ, князь Черкезовъ, уѣзжая въ Парижъ для организаціи анархической пропаганды среди парижскихъ рабочихъ, передалъ мнѣ одинъ очень хорошо оплачиваемый урокъ, отнимавшій у меня

¹⁾ Идетъ названіе газеты того же дѣятели.

несколько часов в день. Я правда продолжала ежедневно посещать Сергия и Фанни, но уже не для работы над переводом, к которому Сергий охладел после неудачи съ романом Кастильяра, а для уроков итальянского языка, которые он мне давал на досуге. Благодаря знанию языка французского и отчасти латинского, язык итальянский давался мне легко. Вторую половину «Спартака», длительно печатавшегося в «Дель», я перевела в 1880 г. уже одна и Сергий находил мой перевод очень хорошим и точным. Сергий старался также помочь мне овладеть живой итальянской речью; так он постоянно говорил при мне по итальянски съ посещавшим его почти ежедневно членом Вакуинской (романской) секции интернационала, товарищем Сергия по Беневенто—Малатеа.

Это был очень симпатичный молодой человек, съ живой речью и большими выразительными глазами. Я впрочем не рѣшалась еще тогда говорить по итальянски и, когда разговор оживлялся, он неизменно сворачивал на язык французский и тогда становился общим. Впрочем Фанни продолжала недоумать и рѣдко участвовала въ беседах. Мои уроки у Сергия занимали недѣльные его часы, но и отдых его былъ половиной труда; такъ, слѣдя за моими итальянскими чтеніемъ и поправляя мои ошибки въ грамматическихъ формахъ, Сергий, не смотря на мои протесты и на протесты своей жены, стоя у камина, стрѣпалъ объды, и зтоя учитель мой съ закоснѣтой сковородкой въ одной рукѣ и посудной щеткой въ другой, былъ лучшимъ, какого я когда либо знавала, а моими преподавателями были не только заурядные студенты, какъ водилось встарь, но и лучшие профессора Москвы, преподававшіе на первыхъ женскихъ курсахъ III гимназій. Да, хорошее это было время для меня, но я съ тоской и грустью вспоминаю его: Сергію съ его изумительными способностями такъ и не удалось выбиться изъ полунищенской жизни, растратившей его гигантскія силы иногда на ничтожные пустяки.

Послѣдній ударъ историческаго кинжала. Одаренный поэтической складкой, а потому временами суетворный, Кравчинскій разъ, раскалывая шенки для камня, сломалъ свой историческій кинжалъ, убившій Мезенцева; это былъ итальянскій четырехгранный клинокъ длиною не болѣе 6-ти вершковъ съ дѣловой выкованной ручкой, покрытой тонкой пропанной провололочной стѣлкой. Хрупкая сталь отъ недовкаго удара по твердому суцковатому дереву слабо хрустнула и упала къ ногамъ Сергія. Онъ, пораженный, остановился и долго стоялъ молчаливый и мрачный съ опущеннымъ взоромъ.

Картина казни Пасананте. Я видѣла Сергія такимъ еще разъ: то было во время нашей совместной работы надъ испанскимъ романомъ; захожу въ комнату, онъ неподвижно стоитъ надъ столомъ, я подхожу ближе, онъ шаговъ моихъ не слышитъ, заглядываю изъ за плеча и вижу на столѣ развернутый номеръ иллюстрированнаго журнала; я отшатнулась, на столѣ лежало

изображеніе казни Пасананте, недавно передъ тѣмъ осужденнаго въ Мадридѣ и казненнаго какой-то средневѣковой казнью посредствомъ задушенія металлическимъ ожерельемъ, загнивающимъ сади. Лицо казненнаго не было покрыто саваномъ и глядѣло съ картины во всей своей ужасающей реальности. Я молча вырвала эту картину изъ-подъ глазъ Сергія и онъ только тогда очнулся. Затѣмъ смотрѣть такія вещи, сказала я.— Отчего же не смотрѣть, это надо, коротко отвѣтилъ онъ. Вообще, когда Сергія не душила работа, онъ нѣредко бывалъ мраченъ; мы шли тогда куда-нибудь, чаще къ Стефановичу, Дейчу, или Вѣрѣ Засуличъ, съ которыми у насъ все-таки было несравненно больше общаго, чѣмъ съ эмигрантами другого времени, а иногда забирались далеко къ городу. Наступила весна, изъ Россіи писали намъ не всегда хорошія вѣсти. Иногда, не получая своевременно писемъ отъ Морозова, мы волновались съ Сергіемъ.

Выстрѣлъ Соловьева. Выстрѣлъ Соловьева (2-го апрѣля), для насъ неожиданный, очень взволновалъ всѣхъ. В. И. Засуличъ три дня скрывалась въ тяжелой хандрѣ; она не оправдывала такого направленія дѣятельности; мне порой казалось, что всякій подобный насильственный актъ (покушеніе на Дрентельна и проч.) особенно сильно билъ ее по нервамъ, такъ какъ она сознательно, а можетъ быть, и безсознательно приписывала себѣ первый шагъ въ этомъ направленіи дѣятельности, явно клонящейся въ сторону активной борьбы съ правительствомъ. Стефановичъ и Дейчъ, равно какъ и другіе эмигранты отнеслись къ выстрѣлу Соловьева несравненно терпимѣе и только замѣчали, что это можетъ помѣшать работѣ въ народѣ. Сергія Кравчинскій напротивъ говорилъ, что личный опытъ всѣхъ насъ показывалъ, что и раньше сколько-нибудь широкая работа въ народѣ была невозможна, что то, что можно было сдѣлать, сдѣлано, и рабочіе сами могутъ теперь продолжать начатое дѣло пропаганды съ несравненно меньшими жертвами, чѣмъ интеллигенты, а для того чтобъ широко поставить дѣятельность въ народѣ, необходимо добыть хоть minimumъ свободы политической, свободы слова и союзовъ, и только тогда народъ широкой волной примкнетъ къ социалистическому знамени.

Оборы въ Россію Стефановича, Дейча, Вѣры Засуличъ и moi. Мы всѣ чувствовали, что назрѣваетъ крупный историческій моментъ, изъ Россіи сообщали, что настроеніе крѣпнѣетъ, кадры дѣйствующей группы расширяются, знали насъ и обѣщали прислать за нами хорошаго мастера пограничной переправы. Стефановичъ, Дейчъ, Вѣра Засуличъ и я рѣшили ѣхать въ Россію, и чтобъ замести слѣды передъ шпионами, сняли маленький домикъ въ горахъ надъ Montreux, въ Les Avants, куда и перѣехали всѣ и, кромѣ насъ, А. Эпштейнъ, Сергія и его жена Фанни. Вскорѣ Фанни должна была уѣхать въ Бернъ, такъ какъ ей нужна была хорошая медицинская помощь. Сергію видимо волновался и разрывался на части; съ одной стороны ему хотѣлось провести по-

слѣдніе дни съ нами, его друзьями, которыхъ ему быть можетъ не суждено было больше встрѣтить, съ другой, въ Бернѣ была его жена, готовившаяся со дня на день стать матерью. Мы всѣ, люди не семейные, не могли вполнѣ войти въ его положеніе и желали подольше сохранить его для себя. Мѣсяцъ пребыванія въ Les Avants остается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ моихъ воспоминаній.

Конституцiенныя пріемленія къ отъѣзду въ Россію. Нашъ домикъ въ двѣ небольшія комнаты стоялъ одиноко прилегая къ скалѣ; впереди разстиралась зеленая поляна, а кругомъ тѣсной стѣной окружалъ могучій сосновый боръ. Былъ конецъ мая, воздухъ былъ напоенъ весной, всѣ склоны горъ усыяны цвѣтущими; бѣлыми нарциссами, распростиравшимися упоительный ароматъ; кругомъ полная величественная тишина природы, которая успокаивала душу, какъ бы отрывая ее отъ земли. В. З. и я, мы занимали одну комнату; съ утра она уходила гулять въ горы, а я часа три писала мои записки о студенчествѣ въ Цюрихѣ и о времени пропаганды организаціи 50-ти на московскихъ фабрикахъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Я слѣдила закончить эту работу до отъѣзда въ Россію. Другую комнату занимали А. М. Эппштейнъ, а днемъ ею пользовались, какъ общей пріемной. Муцины—Сергій Кравчинскій, Стефановичъ, Дейчъ спали на чердакѣ, представлявшемъ собою прекрасно провѣтриваемый чистый сѣноваль. Несмотря на близость горной гостиницы, мы стращали дома, гостиница намъ была не по карману. Всего больше труда доставала студенткѣ А. М. Эппштейнъ, которая избегала всякой помощи съ нашей стороны, увѣряя, что намъ нужно отдохнуть, что намъ предстоитъ трудный путь, а она остается на мѣстѣ. Все время до обѣда домикъ былъ почти пустъ, но къ обѣду собирались всѣ—кто съ овощами, кто съ фруктами, кто съ провинціей на завтрашній день, которую приходилось запасать вину въ Montreux; стола не выносили, потому что не было достаточно ни скамеекъ, ни стульевъ, а усаживались на лужайкѣ передъ домомъ и обѣдали по походному, разостлавъ скатерть на травѣ. Въ дурную погоду обѣдали въ кухнѣ. За обѣдомъ каждый дѣлился своими впечатлѣніями, слышались шутки, смѣхъ. Всѣхъ радовала полная безусловная свобода, въ какой мы жили: ни города, ни его стѣсненій, а въ особенности ни духу шпіонскаго, что предвѣщало намъ удачную переправу въ Россію.

Зунделевичъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали Зунделевича (вслѣдствіи были осужденъ по процессу 16-ти на вѣчную каторгу), который уже выѣхалъ за нами и былъ еще занятъ выполненіемъ другихъ порученій. Мы заочно знали его, какъ членъ фкаа очень крупнаго по энергіи, дѣятельнаго и цѣннаго въ организаціи, а при личномъ знакомствѣ, онъ очаровалъ насъ товарищеской простотой, искренностью и задумчивостью. Мы сразу стали съ нимъ друзьями. Сергій Кравчинскій, проживъ въ Les Avants дней десять, получивъ слѣдующую телеграмму и уѣхавъ въ Бернъ. Черезъ нѣсколько

дней мы узнали, что у него преждевременно родился сынъ и пролягъ дня два умеръ отъ слабости. Мы были всѣ очень огорчены этимъ. Тревожная переправа черезъ границу два-три мѣсяца назадъ отразилась, быть можетъ, на здоровьѣ матери и на жизни ребенка. Черезъ нѣкоторое время Сергій, вмѣстѣ съ женой своей еще слабой, поблѣднѣвшей и грустной, пріѣхалъ къ намъ въ Les Avants. Наше пребываніе въ Les Avants близилось къ концу. Пріѣхалъ Зунделевичъ, и хотя я просила его остаться еще нѣсколько дней и дать мнѣ кончить мою работу, но онъ настаивалъ, что нужно слѣпшій, говорилъ, что насъ ждутъ со дня на день.

Обратная поездка въ Россію мая, Стефановича и другихъ. Пришлось повиноваться. Дня черезъ два мы, т. е. В. И. Засуличъ, Стефановичъ, Дейчъ и я, простились съ Сергѣемъ, его женой и А. М. Эппштейнъ и утромъ, почти безъ вещей, какъ бы идя на обыкновенную прогулку, пѣшкомъ спустились въ Montreux и оттуда нѣкѣмъ незамѣченными съ первымъ побѣдомъ на Бернъ уѣхали въ Россію. Никто не провожалъ насъ. Сергій дошелъ съ нами только до конца обремененной лѣсомъ дороги и, крикомъ объявъ каждому, долго стоялъ одинокой, провожая насъ взглядомъ. «Пусть мнѣ напишутъ, если я буду тамъ нужнѣе»,—сказалъ онъ мнѣ—я обѣщала... Но его берегла и не рѣшилась вызвать, а кто знаетъ, можетъ быть онъ внесъ бы своей могучей индивидуальностью единеніе и братство въ разбредавшуюся революціонную среду, и на почвѣ нравственнаго единенія смѣлѣ бы примирить крайніе отгѣнки мнѣній въ общемъ дружномъ синтезѣ. Но этого не случилось. Высокая отбѣка боевыхъ силъ Сергія Кравчинскаго затмевала передъ товарищами его изумительную силу нравственную, благодаря которой ему удавалось ближайшій украинскаго Драгоманова, анархиста Кропоткина, шестидесятника-землеольца Жуковскаго, итальянскаго революціонера Кафери и французскаго коммунара Лефрансэ—людей не только различныхъ политическихъ взглядовъ, но и различной культуры. Только нечаевда-Ткачева онъ сторонился, считая въ революціи всѣ жанры хорошими, кромѣ яковинскаго и самодержавнаго. Его всѣ любили, всѣ ему вѣрили. А Сергій хотѣлось, очень хотѣлось ѣхать, и не будь съ нимъ за границей больной жены, вся судьба его сложилась бы вѣроятно иначе. Правда, ему, какъ и очень многимъ пришлось бы вѣроятно умереть на шафотѣ, но развѣ лучше та ужасная смерть, какая выпала на его долю послѣ 17-ти лѣтъ безотраднато томительнаго изгнанія, въ безплодной тоскѣ по великому дѣлу и въ вѣчномъ исканіи скуднаго куска хлѣба?!

Сергій не поѣхалъ; мы, отъѣзжавшіе, были спокойнѣе и satisfiedвие его. Насъ ѣхало, считая Зунделевича, пять человекъ сразу. Перебраться была намъ задача не легкая. Мы ѣхали день и ночь безъ остановки, сначала въ третьемъ классѣ, стараясь ни костюмомъ, ни русской рѣчью не обращать на себя вниманіе. Зунде-

левичъ давалъ практическіе совѣты, у него былъ уже опытъ. Пожалуйста, не нахлобучивайте на глаза шляпу, говорилъ онъ намъ, а то мнѣ съ вами будетъ исторія, какъ съ О. Коваликъ, которую перевозилъ прошлую осень. Она такъ конспиративно закрывала лицо шляпой, что ей стали заглядывать уже подъ шляпку и тѣмъ очень смущали меня. Рѣшено было перебраться двумя партиями, сначала я со Стефановичемъ, а потомъ В. Засуличъ съ Дѣйчемъ. По Германіи, для сокращенія расходовъ, а отчасти и для конспираціи, Зунделевичъ засадилъ насъ въ вагонъ 4-го класса. Вагоны были переполнены рабочими преимущественно еврейскимъ пролетариатомъ и женщинами торговками, бѣжавшими съ большими корзинами овощей въ ближайшіе города и мѣстечки; дальнихъ пассажировъ было очень немного. Каждый разъ послѣ остановки вагонъ набивался сразу такъ, что дохнуть было невозможно. Зунделевичъ успѣлъ, впрочемъ, какъ-то занять для насъ мѣсто у стѣны, гдѣ поставилъ какой то чемоданчикъ для сидѣнья, котораго я у него раньше не видѣла. Оказалось, онъ такъ спокойно отосидѣлся къ предстоящей переправѣ, что успѣлъ забѣгать въ магазинъ бѣлья и платья въ Берлинѣ и набралъ тамъ «возмутительно дешево», какъ онъ увѣрялъ, разныхъ воротничковъ, манишекъ, жилетовъ и проч. А вдругъ у васъ все это отнимутъ, шутили мы. «Нѣтъ, это вести не опасно, а вотъ бумаги и книги, за это можете нагорѣть и я не знаю, какъ я переправлю и переправлю ли еще вашу тетрадку», сказалъ онъ мнѣ. Я просила дать мнѣ ее съ собой, но онъ наотрѣзъ отказалъ, говоря, что это можетъ сгубить всѣхъ. Проѣздъ въ 4-мъ классѣ очень утомилъ насъ; было неизвѣрно жарко; выходить изъ вагоновъ съ высокими подножками товарнаго вагона было очень трудно, а намъ на дорогу Зунделевичъ запасъ еще въ Берлинѣ соленыхъ консервовъ буйволинаго мяса; это въ свою очередь возбуждало такую жажду, которая подчасъ была неизвѣрно мучительна. Мы шути говорили Зунделевичу, что онъ нарочно подвергаетъ насъ этому маленькому искусу, чтобы все дальнѣйшее показало намъ пуляками.

Совмѣстный переходъ границы въ Россію. Дѣйствительно, переходъ за границу произмелъ крайне просто, но совсѣмъ не такъ, какъ перебиралась я изъ Россіи. Было часовъ 5 дня; нарядивъ Стефановича въ еврейскій картузъ и давъ мнѣ покрыться большимъ платкомъ, Зунделевичъ предупредилъ заранѣе, что намъ придется пройти черезъ караулку пограничнаго солдата и что я должна фигурировать, какъ еврейка, не знающая по русски. Стефановичу разрѣшалось говорить, но по возможности съ еврейскимъ акцентомъ. Мы прошли съ версту по опушкѣ молодой березовой рощи, по какой то узкой тропинкѣ, которая привела насъ къ пограничной караулкѣ; мы шли гуськомъ—впереди Зунделевичъ, за нимъ Стефановичъ, за Стефановичемъ я; первый пошелъ Зунделевичъ, непринужденнымъ жестомъ открывъ дверь; посредѣ пустой деревянной избы стоялъ качаясь на ногахъ очень

пьяный солдатъ и держалъ въ рукахъ—въ одной почти выпитую бутылку водки, въ другой стаканъ. Я замѣтила въ эту минуту, что и у Зунделевича изъ кармановъ выглядывали горлышки двухъ бутылокъ. Солдатъ ступилъ, шатаясь, шага два намъ на встрѣчу, всматриваясь съ любопытствомъ въ лицо Стефановича, а потомъ и мое. Да неужто къ ты еврей? спросилъ онъ Стефановича. Тотъ не успѣлъ отвѣтить, какъ вмѣшался Зунделевичъ и сказалъ: да что ты не поминишь его что-ль, онъ еще недавно былъ у тебя, это мой родственникъ.— Э чортъ съ вами; на, вылей; и онъ, разливая водку на грязный полъ, подаль стаканъ Стефановичу; тотъ отклёбнулъ.— Да ты пей все, крикнулъ солдатъ и потрясъ въ воздухъ бутылкою.— Выпейте, отвѣтили Зунделевичъ; а вотъ мы тебѣ принесли сладкой, хорошей, но твоей зеленой чета; Зунделевичъ вынулъ изъ кармана бутылку съ какой то красной жидкостью и затѣливымъ ярлыкомъ; незамѣтно выплеснувъ водку изъ стакана Стефановича, онъ налилъ туда дрянной наливки и подаль солдату.— Теперь пусть пьетъ его жена», сказалъ солдатъ, указывая на меня.— Нѣтъ, поспѣшилъ вмѣшаться Зунделевичъ, она больна и не пьетъ. Солдатъ не настаивалъ, а укоризненно посмотрѣвъ на меня, самъ осушилъ стаканъ до дна, всаывая жидкость съ какимъ то присвистомъ.— Ну, ступайте, махнулъ онъ намъ рукой и обнявъ, обѣ бутылки, грузно сѣлъ на скамью у стола. Мы вышли и благополучно миновали всѣ три пограничныхъ кордона, для чего пришлось пройти еще версту или двѣ пѣшкомъ. Мы были наконецъ на настоящей русской землѣ, внѣ пограничной охраны.

Проводивъ насъ на поѣздъ, Зунделевичъ вернулся обратно, чтобы завтра переправить такимъ же способомъ В. Засуличъ и Дѣйча, что удалось ему также благополучно. Одного онъ не сбѣлалъ, о чемъ я очень жалѣла да и онъ самъ жалѣлъ, онъ такъ и не переправилъ моей рукописи; онъ поручилъ ее тамъ кому-то, расчитывая скоро еще проѣхать и тогда уже взять ее. Но этого не случилось и рукопись, которую я писала подъ свѣжѣмъ впечатлѣніемъ пережато, такъ и пропала. Для меня она была живою памятью прошлаго, послѣдней данью погибшимъ товарищамъ (сурово осужденнымъ по процессу 50-ти), у которыхъ кромѣ меня никого близкаго не было въ то время на волѣ. Но Зунделевичъ «естественно» думалъ тогда о живыхъ.

О. Люботовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бакунинскіе царевубійцы.

Николаю I едва ли не больше всѣхъ своихъ предшественниковъ пришлось испытать, что значить дрожь и лихорадка предсмертнаго страха. 14 декабря, иля на Сенатскую площадь, онъ не рассчитывалъ вернуться живымъ. Затѣмъ агенты учрежденнаго имъ для своей охраны III Отдѣленія не разъ доносили о заговорахъ на жизнь „обожимаго монарха“. 7 сентября 1843 года, при проѣздѣ по Познани въ каретѣ, Николай I случайно не былъ убитъ выпущенными къъмъ то чуть не пятнадцатью пулями ¹⁾.

Поэтому понятно, какъ страшились его тѣлохранители за жизнь императора, когда въ Европѣ грянулъ громъ революціи 1848 года.. Были приняты всѣ мѣры для самой тщательной охраны. И вдругъ, среди этой напряженной ажитации, 6 июня, въ руки шефа жандармовъ, гр. Орлова, попадаетъ такое сообщеніе:

„Бывшій російскій чиновникъ, лишенный, за невозвращеніе изъ-за границы въ отечество, всѣхъ правъ состоянія, Михаилъ Бакунинъ, находясь нынѣ въ Брацлавѣ, въ Пруссіи, подкупилъ двухъ польскихъ выходцевъ, уроженцевъ Подольской губерніи, братьевъ Станислава и Антона Виговскихъ, изъ которыхъ первому 40 лѣтъ, а второму 32 года, отправить въ Россію съ преступнымъ намѣреніемъ посягнуть на жизнь Государя Императора. Бакунинъ успѣлъ достать для нихъ паспорта, могущіе служить для путешествія по всей Россіи, и Виговскіе на платкахъ своихъ будутъ имѣть знакъ

C. M.

P.

Кромѣ того, два другіе поляка, которыхъ имена неизвѣстны, отправившему предупредить императорскаго оберъ-сторожа о грозящей опасности, Орловъ, забывъ свою сказочную дѣнь, энергично берется за дѣло.

Не имѣя возможности не довѣрять нашему парижскому послу, отправившему предупредить императорскаго оберъ-сторожа о грозящей опасности, Орловъ, забывъ свою сказочную дѣнь, энергично берется за дѣло.

Нѣсколько минутъ совѣщанія съ своей правой рукой—Дубельтомъ, и все сдѣлано, заговоръ предупрежденъ: немедленно всѣ писцы и чиновники III отдѣленія строчатъ отношенія и предписанія всѣмъ министрамъ, всѣмъ генераль-губернаторамъ, всѣмъ военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, всѣмъ начальникамъ округовъ корпуса жандармовъ,

всѣмъ губернскимъ жандармскимъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, всѣмъ пограничнымъ жандармскимъ оберъ-офицерамъ.

Семьдесятъ пять бумагъ подписалъ графъ и, исполнивъ свой долгъ вѣрнаго подданнаго, поспѣшилъ оповѣстить государя какъ объ опасности, такъ и о принятыхъ мѣрахъ...

А предписанія и отношенія летѣли по всѣмъ угламъ Россіи...

2 июля министръ финансовъ, Вронченко, сообщилъ Орлову, что, по донесенію начальника Радзивилловскаго таможеннаго округа, отъ 21 іюня, братья Виговскіе находятся въ Лембергѣ и живутъ въ гостиницѣ „Россія“, да не одни, а съ эмиссаромъ Михаиломъ Бѣловскимъ. Станиславъ при этомъ получилъ уже на имя Адама Буилицкаго паспортъ австрійскаго подданнаго для проѣзда въ государство Россію, а Антонъ все еще хлопочетъ...

Снова летятъ семьдесятъ пять отношеній и предписаній съ увѣдомленіемъ о грозномъ приближеніи Виговскихъ къ отечественнымъ границамъ...

Черезъ мѣсяцъ въ III Отдѣленіе поступаетъ записка какого то усерднаго патріота, изъ которой явству лишь самое существое.

Оказывается, петербургскій генераль-губернаторъ, наэлектризованный предписаніемъ III Отдѣленія, разослалъ по всей губерніи циркуляръ, чтобъ зорко смотрѣть за всякими подозрительными личностями, „особливо поляками“. Такая грамота пришла и во всѣ сельскія управленія губерніи, такъ что — сообщаетъ патріотъ — экземпляръ его видѣлъ въ Ораниенбаумскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Гостилицы г. Потемкина. И въ этомъ циркулярѣ описаны всѣ подробности о намѣреніи Виговскихъ. Отъ этого происходитъ, что даже между крестьянами могутъ распространиться свѣдѣнія и толки о томъ, что есть люди, которые посягаютъ на жизнь Государя Императора*.

Изъ этого усердный патріотъ выводилъ такое практическое заключеніе: „было бы полезно подробно подобныхъ бумагъ имѣть въ виду только въ управленіяхъ главныхъ начальниковъ, а низшимъ властямъ сообщать однѣ примѣты публикуемыхъ людей, по которымъ они, въ случаѣ появленія, могутъ быть узнаны и задержаны“.

Этотъ совѣтъ очень добродѣтельно былъ принятъ Дубельтомъ, который немедленно объявилъ всѣмъ служащимъ III Отдѣленія и штаба корпуса жандармовъ, чтобъ впредь о замыслахъ знало вышее начальство, а о примѣтахъ злоумышленниковъ—всѣмъ предержащимъ власти.

Прошелъ сентябрь, октябрь, а Виговскихъ все нѣтъ... Ихъ и со всѣмъ не было... Все оказалось ложной тревогой... ¹⁾

Михаилъ же Александровичъ Бакунинъ и слыхомъ не слышалъ ни о какихъ Виговскихъ и въ то время, когда ему приписывали созданіе заговора и наемъ убійцы, съ свойственной энергіей хлопоталъ объ организаціи пражскаго славянскаго съѣзда...

Мих. Лемке.

¹⁾ Подробности этого мало извѣстнаго покушенія читатель найдетъ за стр. 187—188 майской книги „Рус. Старина“ 1880 года.

¹⁾ Дѣло III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи № 2, 1 экзехциши, 1848 г.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(Окончаніе ¹⁾).

УИИ. Сношенія съ польскимъ тайнымъ обществомъ.

Какія общества находятся собственно въ Польшѣ, и въ какихъ мѣстахъ заведены ихъ отдѣленія, или отрасли?

Въ Польшѣ существуетъ тайное политическое общество, распространенное, по словамъ сочленовъ оного, по всему Царству Польскому, Герцогству Познанскому, Австрійской Галиціи, Литовскимъ, Подольской, Волынской и Кіевской губерніямъ. Я не извѣстенъ о точныхъ мѣстахъ ихъ отдѣленій, но для трехъ послѣднихъ губерній было ихъ начальство или управа въ Житомирѣ, потому что изъ названныхъ трехъ губерній Волынская преимущественно изобилуетъ членами сего общества. Предсѣдателемъ сего округа былъ, ради богатства своего, маршалъ дворянства графъ Мошинскій (показанія 13 января 1826 года, п. 8).

Какія и съ котораго времени имѣютъ сношенія между собою общества польскія и россійскія, чрезъ какія лица и какими средствами происходятъ оныя?

Бестужевъ-Рюминъ, познакомившись въ Кіевѣ съ Гродецкимъ, графомъ Оливаромъ и графомъ Хоткевичемъ, первый открылъ сообщеніе русскаго общества съ польскимъ. Онъ увѣдомилъ о семъ открытіи своему директорію южнаго округа и получилъ отъ нея разрѣшеніе продолжать сіи сообщенія и войти въ сношеніе съ польскимъ обществомъ, совѣщаясь обо всемъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ. На 1825-ый же годъ положено было, что я вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ буду продолжать сношенія съ тѣми депутатами польскаго общества, которые отъ ихъ директоріи назначены будутъ для сей цѣли во время Кіевскихъ контрактовъ 1825 года. Такъ и было исполнено. Польскіе депутаты были князь Яблоновскій и Гродецкій. Сіи сношенія происходили личными переговорами; причѣмъ никакаго переписки не было. (Тоже п. 10).

На какихъ условіяхъ заключенъ между обществами союзъ, чтобы совокупно дѣйствовать къ достиженію цѣли?

Цѣль сношеній съ польскимъ обществомъ состояла въ томъ, чтобы знать, что у поляковъ дѣлается и дружескими сношеніями предупредить вредъ, который они Россіи сдѣлать бы могли въ роковое время. Происходили разговоры и переговоры; но условій никакихъ еще заключено не было, ибо на то нужно было предварительно мнѣніе и согласіе всего союза. Переговоры же только что начались и мало оныхъ происходило. Заключеніе условій не могъ я принять на свою отвѣтственность, ибо безъ предварительнаго согласія всего союза не могъ удостовѣрить о принятій союзомъ и, при случаѣ, объ исполненіи условій; я только бы себя компрометировалъ, по окончаніи переговоровъ представивъ бы оное союзу на рѣшеніе и утвержденіе условій. Весь разговор мой съ польскими депутатами продолжался не болѣе одного часу и былъ только одинъ разговоръ. Предметы переговоровъ были: 1) Независимость Польши,—глухо сказано. Но о губерніяхъ Литовскихъ, Бѣлостокской, Подольской и Волынской не было даже ни единымъ словомъ упомянуто. 2) Взаимное содѣйствіе на случай вѣдшей войны. 3) Одинаковый образъ правленія. 4) Поступить полякамъ съ Цесаревичемъ, какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями. 5) Увѣдомлять имъ насъ о всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ другими обществами въ Европѣ, а равно и съ Англіею и никакихъ не заключать имъ обязательствъ ни съ кѣмъ безъ предварительнаго нашего согласія. (Тоже, п. 11).

Какое имъ было обѣщано содѣйствіе и вознагражденіе?

Имъ ничего обѣщано не было, но въ переговорахъ было сказано о независимости Польши, но и то глухо, какъ уже объяснено. (Тоже, п. 12).

Кто именно были тѣ депутаты польскихъ обществъ, которые въ 1824 году въ Кіевѣ заключили съ южнымъ обществомъ условіе о содѣйствіи въ перерывѣ съ тѣмъ, что бы Польшѣ уступлены были завоеванная у нея области, и кто употребленъ былъ къ сему договору со стороны общества?

Въ 1824 году сносился Бестужевъ-Рюминъ преимущественно съ Гродецкимъ. Имѣлъ также разговоры съ графомъ Хоткевичемъ и графомъ Оливаромъ. Условій не только въ 1824 году, но и въ 1825 году заключено не было, а происходили одни переговоры, ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключавшіе, какъ уже неоднократно объяснялъ. Объ уступленіи Польшѣ завоеванныхъ областей никогда упоминаемо не было; но о независимости Польши было *глухо* говорено. Къ тому же не мы въ польскомъ обществѣ искали, но они въ нашемъ. (Тоже, п. 33).

Сверхъ наименованныхъ вами членовъ польскихъ обществъ, кто еще извѣстенъ вамъ изъ принадлежащихъ къ онымъ лицъ и по какимъ отношеніямъ?

¹⁾ См. „Былое“, февраль, мартъ и апрѣль.

Все члены польскаго общества, которые мнѣ известны или о которыхъ я слышалъ, суть слѣдующіе: князь Яблоновскій и Гродецкій, съ коими я имѣлъ переговоры отъ лица русскаго общества; генералъ Княжевичъ, генералъ Хлопицкій, полковникъ Тернавскій, помѣщикъ Проскура, графъ Хоткевичъ и графъ Оливаръ, о коихъ мнѣ говорилъ Вестужевъ-Рюминъ; помѣщикъ Чарковский, о коемъ я слышалъ отъ князя Волконскаго; графъ Мошинскій, о коемъ мнѣ говорилъ князь Яблоновскій; старикъ графъ Потонскій, живущій близъ Бердичева, въ Бѣлиловѣ, и шляхтичъ Рутковский, о коихъ заключилъ я изъ словъ доктора Плесля; и наконецъ самъ докторъ Плесль. (Тоже, п. 34).

Въ началѣ 1825 года, южное общество писало ли къ директоріату Польскихъ (обществъ), укоряя оный въ недѣтельности и требуя смерти Цесаревича?

Въ 1824 году сношенія съ поляками происходили чрезъ Вестужева-Рюмина. Онъ написалъ такую бумагу и отдалъ ее князю Сергѣю Волконскому, прося его передать оную Гроденскому. Князь Волконскій, прочитавъ сію бумагу и посоветовавшись съ Василіемъ Давыдовымъ, на мѣсто того, чтобы отдать сію бумагу Гроденскому, представилъ оную директоріи южнаго края. Директорія истребила сію бумагу, прекратила сношенія Вестужева съ поляками и передала таковую мнѣ и князю Волконскому. Такимъ образомъ сія бумага не дошла до поляковъ. Вестужевъ же объясняетъ, что его Гродецкій о томъ просилъ. (Тоже, п. 35).

Кромѣ Вестужева-Рюмина, были ли употребляемы вами для переговоровъ съ польскими обществами докторъ Плесль, шляхтичъ Рутковский, кн. Сергѣй Волконскій и нѣкто Мошинскій; въ чемъ состояли сдѣланныя имъ порученія, и какія получены чрезъ нихъ отзывы?

Князь Сергѣй Волконскій былъ назначенъ вмѣстѣ со мною для переговоровъ съ княземъ Яблоновскимъ и Гроденскимъ. Сверхъ того видѣлся онъ въ Бердичевѣ на ярмаркѣ прошлаго лѣта съ графомъ Мошинскимъ, который ему болѣе ничего не сказалъ, какъ только то, что польское общество приобрѣло нѣсколько членовъ въ Минскѣмъ полку изъ числа офицеровъ поляковъ. Графъ Мошинскій былъ назначенъ отъ польскаго общества, а полковникъ Швейковский отъ нашего, для сношенія о Литовскомъ корпусѣ, дабы взаимно давать знать о приобретѣнн членовъ въ общество изъ офицеровъ Литовскаго корпуса. Сямъ единственно ограничивалось ихъ порученіе. Мы же въ семъ корпусѣ никого не имѣли. Шляхтичъ Рутковский, повѣренный въ дѣлахъ графа Мечислава Потонскаго, живущій въ Тульчинѣ, никакихъ сношеній не имѣлъ ни со мною, ни съ кѣмъ другимъ изъ членовъ русскаго общества. Съ докторомъ Плеслѣмъ я не имѣлъ прямыхъ сношеній отъ лица польскаго и русскаго обществъ, но узналъ отъ него, что члены, съ коими я сія сношенія имѣлъ въ Кіевѣ, намѣреваются прибыть въ окрестности Линеца, моею полковою штабъ-

квартиры, для продолженія переговоровъ. Однако же они не прибыли. Сіе было въ декабрѣ прошлаго года. (Тоже, п. 36).

Точно ли въ Англии принимали участіе въ намѣреніяхъ тайныхъ европейскихъ обществъ, и до какой степени содѣйствовали и поддерживали оныя деньгами изъ Англии?

Тотъ же самый князь Яблоновскій мнѣ сказывалъ, что польское общество находится въ сношеніи съ Англіею, оттуда деньги получаютъ и что имъ также оружіе общаются, но до какой степени имъ изъ Англіи содѣйствовали, деньгами поддерживали и въ нихъ участіе принимали, о томъ онъ ничего не объясняетъ; а потому и я ничего болѣе о томъ не знаю и не могу объяснить (тоже, п. 15).

Въ данныхъ здѣсь отвѣтахъ, въ приводитъ весьма кратко слышанное отъ кн. Яблоновскаго и Гродецкаго, что польское общество находится въ сношеніяхъ съ Англійскимъ правительствомъ, отъ коего получаетъ деньги, но умалчиваетъ о подробностяхъ сихъ сношеній и о лицахъ, чрезъ которыхъ оныя происходили, тогда какъ сами же рассказывали г-ну Юшневскому то же, но гораздо яснѣе, и именно, что въ дѣлѣ тайнаго общества принимается искреннее участіе Англійскій кабинетъ и общается въ нужномъ случаѣ оказать содѣйствіе. Объясните положительно и безъ малѣйшей утайки все, что вамъ известно о сношеніяхъ и связи польскихъ обществъ съ Англіею, и какой именно кн. Яблоновскій и кто такой Гродецкій, съ которыми вы сносились?

Князь Яблоновскій сказывалъ мнѣ, что Англійское правительство находится съ польскимъ тайнымъ обществомъ въ сношеніи, снабжаетъ ихъ деньгами и общается снабдить также и оружіемъ. Какимъ же образомъ и чрезъ какія лица сіе происходитъ, онъ мнѣ ничего не рассказывалъ, а потому и я ничего о томъ не могу сообщить, ибо ничего, кромѣ сказаннаго, не знаю. Весь мой разговоръ съ княземъ Яблоновскимъ не болѣе часу продолжался и потому нельзя было обо всемъ узнать въ подробности. Я Юшневскому тоже самое говорилъ, ни болѣе, ни менѣе, да и приведенныя слова Юшневскаго въ 43-мъ пунктѣ (т. е. въ этомъ пунктѣ вопросовъ) то же самое заключаютъ. Гродецкій служить въ гражданскомъ департаментѣ главнаго суда въ Кіевѣ, а князь Яблоновскій жительствуетъ въ Варшавѣ, но который это Яблоновскій, опредѣлить и описать незнаю (тоже, п. 43).

Кто именно былъ тотъ членъ польскаго общества, съ которымъ вы видѣлись на послѣднихъ Кіевскихъ контрактахъ въ квартирѣ кн. Сергѣя Волконскаго на Печерскѣ и который требовалъ отъ васъ, чтобы указать взаимно въ Варшавѣ и въ Петербургѣ по одному лицу изъ высшаго чина, ибо польскіе члены, съ коими они должны имѣть переговоры, суть высшихъ чиновъ? Какой вы сдѣлали на предложеніе его рѣшительный отзывъ и по собственному ли вашему соображенію, или съ согласія прочихъ предсѣдателей Тульчинской думы?

Князь Яблоновский и Гродецкий были тѣ члены тайнаго польскаго общества, съ которыми я видѣлся на послѣднихъ контрактахъ въ Кіевѣ въ домѣ князя Волконскаго на Печерскѣ. Упомянутое предложеніе дѣлалъ князь Яблоновскій и дѣлалъ предложеніе, а не требованіе, говоря, что такое назначеніе можетъ ускорить переговоры и заключеніе условий. Я ему отвѣчалъ, что наше общество назначило для переговоровъ съ польскимъ обществомъ князя Волконскаго и меня, и что мы также довольствуемся ими, то есть княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ. Сего отвѣта я не могъ не дать, ибо изъ высшихъ лицъ государственной службы никто къ обществу не принадлежалъ. (Тоже, п. 44).

Точно ли цѣль польскихъ обществъ была восстановление Польши въ прежнее ея видѣ, и на семь ли только условій означеннаго общества обещали содѣйствовать намѣренію общества южнаго, какъ вы сами рассказывали о томъ г. Юшневскому? Черезъ кого объявлена была сія цѣль польскаго общества, кто заключалъ съ ними означенное условіе и по общему ли согласію всѣхъ южныхъ членовъ, или только по усмотрѣнію предсѣдателя думы?

Подробный отвѣтъ на сей вопросъ находится въ 11 пунктѣ (см. выше, стр. 249).

Не мы просили содѣйствія у поляковъ, но они просили нашего. Во всѣхъ сношеніяхъ съ ними было за правило принято поставить себя къ нимъ въ такое отношеніе, что мы въ нихъ ни малѣйше не нуждаемся, но что они въ насъ нужду имѣютъ; что мы безъ нихъ обойтись можемъ, но они безъ насъ успѣть не могутъ; и потому никакихъ условій не предписывали они намъ, а напротивъ того показывали готовность на всѣ наши требованія согласиться, лишь бы мы согласились на независимость Польши. Говоря же о сей независимости, было о Польшѣ упомянуто *глухо* и ни слова не было сказано о губерніяхъ литовскихъ, Подольской и Волынской. Сіе весьма извѣстно г. Юшневскому, ибо обо всемъ этомъ совѣщанія я съ нимъ въ подробности и не иначе дѣйствовалъ, какъ по общему согласію. По окончаніи переговоровъ прежде заключенія условій были бы статьи оныхъ представлены мною на сужденіе и рѣшеніе всего союза, какъ южнаго такъ и сѣвернаго округовъ (тоже, п. 45).

Въ присутствіи южныхъ членовъ: Лорера, Поджіа, Фохта и Старосѣлскаго вы читали на французскомъ языкѣ списокъ членамъ польскихъ обществъ, съ подробнымъ описаніемъ каждаго изъ нихъ, въ числѣ коихъ первымъ былъ наименованъ генералъ баронъ Хлопцицкій, а послѣ тутъ же разсуждали, что сей Хлопцицкій есть главнѣйшій польскій патриотъ, и что южные члены всѣхъ польскихъ знаютъ, а сіи послѣдніе изъ южныхъ никого не знаютъ. Объясните съ искренностію, какъ имена и званія, такъ характеры и дѣйствія всѣхъ значившихся въ томъ спискѣ польскихъ членовъ?

Упомянутый списокъ былъ составленъ Бестужевъ-Рюминымъ

со словъ знакомыхъ ему поляковъ и содержалъ имена однихъ только четырехъ членовъ польской директоріи, а именно: генераловъ Княжевича и Хлопцицкаго, полковника Тернавскаго и помещика Проскуры. Въ семъ спискѣ былъ описанъ Хлопцицкій: умнѣйшимъ, твердѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ изъ всѣхъ четырехъ и притомъ имѣющимъ наиболѣе вліянія въ обществѣ. Тернавскій—съ тѣми же качествами, но въ меньшей мѣрѣ. Княжевичъ—человѣкомъ немолодымъ, основательнымъ и хранителемъ бумагъ въ Дрезденѣ. Проскура-же былъ описанъ, какъ человекъ худой нравственности, хотя и въ безъ способностей.

Справедливо, что поляки о нашей директоріи ничего не знаютъ, ибо мы имъ изъ нашихъ членовъ никого не называли и ни о чьемъ значеніи въ союзѣ ничего не говорили. А дабы еще лучше отъ нихъ скрыть всѣ подробности, до нашего общества относящіяся, и болѣе дать себѣ простору въ переговорахъ съ ними, было имъ сказано, что наша директорія находится въ Петербургѣ. (Тоже, п. 50).

Былъ ли показанъ въ семъ спискѣ генералъ *Клицинъ*, о которомъ говорили въ нѣкоторыхъ вашихъ членамъ, и въ какихъ сношеніяхъ съ нимъ вы находились?

О генералѣ Клицкомъ я никогда ни слова не слыхалъ, въ первый разъ о его имени и существованія узнаю, и никогда никому изъ нашихъ членовъ о немъ не говорилъ. (Тоже, п. 51).

Кто именно былъ тотъ членъ польскаго общества, съ которымъ въ маѣ 1825 года желали вы видѣться въ Бердичевѣ и нарочито туда ѣздили, но возвратясь говорили съ неудовольствіемъ, что его тамъ не застали? Въ чемъ состояли тѣ переговоры, которые вы надѣялись имѣть съ симъ польскимъ членомъ, и съ которымъ вы, вѣроятно, видѣлись, ѣздивши неоднократно въ Бердичевъ?

Я ожидалъ видѣться въ Бердичевѣ на ярмаркѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ съ княземъ Яблоновскимъ, или съ тѣмъ, кто отъ него мнѣ подастъ письмо. Сношенія между польскимъ и русскимъ обществами начались въ Кіевѣ, а въ Бердичевѣ на ярмаркѣ должны были продолжаться. Я въ Бердичевѣ не могъ быть, да и князь Яблоновскій туда не пріѣзжалъ, и потому никакихъ переговоровъ и не было. Я ни разу въ Бердичевѣ ни одного польскаго члена не видалъ. (Тоже, п. 55).

Въ 33 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 249) вы увѣряете, что съ поляками никакихъ условій постановляемо не было, а происходили одни переговоры, ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключавшіе, а объ уступкѣ Польшѣ завоеванныхъ областей никогда и упоминаемо не было; въ 45-мъ же пунктѣ (выше, стр. 252) дополняете, что сношенія съ поляками ведены были такъ, что они не имѣли ничего требовать и считали за милость всякое снисхожденіе.

Послѣдующія показанія свидѣтельствуютъ противное: а) Сергіѣй

Муравьев-Апостоль и Бестужев-Рюминъ говорятъ, что послѣдній изъ нихъ въ 1823 году сдѣлалъ предложеніе, чтобы для открытія сношеній съ поляками обѣщать имъ независимость и возвращеніе завоеванныхъ губерній, каковое тогда же директорію было одобрено, и поручено ему, Бестужеву, начать самыя сношенія.

б) Бестужевъ поясняетъ, что онъ съ Гродецкимъ заключилъ договоръ, въ которомъ со стороны Россіи была обѣщана Польшѣ уступка губерній Гродненской, части Волынской, Виленской и Минской, а Польша обязывалась, между прочимъ, отнять у Цесаревича все средства возвратиться въ Россію; дѣйствительность чего подтверждаетъ и подполковникъ Поджіо, видѣвшій у васъ письменный отчетъ Бестужева, въ которомъ именно сказано, что со стороны южнаго общества требовано было истребить Цесаревича, а съ польской стороны было обѣщано исполнить въ томъ же году (1824).

в) Подполковнику Поджіо вы сами рассказывали, что южное общество, признавая независимость Польши, уступаетъ ей все завоеванные области, Минскую, Волынскую, Гродненскую, Подольскую, Могилевскую и даже Витебскую, и что общество, распространяемое въ Литовскомъ корпусѣ, и въ сей губерніи составлено съ тою цѣлью, чтобы отратить препятствія въ успѣхъ революціи.

г) Майоръ Лореръ показываетъ слышанное отъ васъ, что поляки согласились не препятствовать южному обществу, только на условіи обѣ уступить имъ завоеванныхъ областей.

д) По словамъ князя Волконскаго и подполковника Поджіо, Бестужеву-Рюмину за сношенія его съ поляками въ началѣ 1824 года извѣлена была отъ директоріи признательность чрезъ Юшневскаго; слѣдовательно договоръ его былъ одобренъ.

е) Бестужевъ-Рюминъ дополняетъ, что по бездѣйствію польскаго общества (въ 1824 году) вы изъявили ему подозрѣнія свои, что оно можетъ измѣнить южному, и при началѣ революціи возвести Цесаревича на престолъ Россіи и получить отъ него независимость въ знакъ признательности или избрать его королемъ по конституціи 3-го мая, и что сіи подозрѣнія ваши служили поводомъ къ писемъ его, Бестужева, на имя Гродецкаго, въ которомъ напоминалось полякамъ о ихъ обѣщаніи на счетъ Цесаревича, но которое было удержано княземъ Волконскимъ.

ж) Капитанъ Никита Муравьевъ утверждаетъ, что сѣверные члены роталии противъ васъ за обѣщанію полякамъ уступку завоеванныхъ областей, но вы на сіе отозвались: „Что-жъ дѣлать? слово сказано и перемѣнить нельзя; впрочемъ, такъ хотѣло южное общество“.

з) Князь Волконскій, участвовавшій съ вами въ сношеніяхъ съ княземъ Яблоновскимъ и Гродецкимъ въ 1825 году, свидѣтельствуетъ, что въ переговорахъ вашихъ съ ними положено было между прочимъ: 1) заточить всѣхъ тѣхъ членовъ Императорской фамилиі, кои при началѣ революціи будутъ находиться въ Польшѣ, и отратить все покушенія къ ихъ освобожденію, 2) уступить Польшѣ завоеванную отъ нея губернію.

и) Наконецъ, обзорніе карты, найденной вмѣстѣ съ Русскою Прав-

дою и подписанной вашею рукою о областяхъ, которыя должны были составить собственно Россію, удостовѣряетъ, что, за исключеніемъ нѣкоторой части, все губерніи, присоединенныя отъ Польши, означены нѣтъ границъ государства и слѣдовательно въ понятіи преобразователей почтительно уже уступленными Польшѣ.

Въ 1823-мъ году Бестужевъ-Рюминъ, узнавъ о существованіи польскаго общества, сдѣлалъ предложеніе войти съ нимъ въ сношеніе и обѣщать имъ независимость. Когда получилъ онъ на то разрѣшеніе, тогда говорилъ я самъ лично ему, чтобы онъ отнюдь не терять изъ виду выгодность нашего положенія въ отношеніи къ полякамъ и имъ давалъ чувствовать, что мы безъ нихъ очень можемъ обойтись, но они безъ насъ никакъ. Постановленіе себя въ сіе соотношеніе къ полякамъ упрямивалъ я безпрестанно Бестужева никогда изъ виду не терять и о томъ всегда говорить и другимъ членамъ, между прочимъ Юшневскому, Волконскому, Давыдову. Видимъ тому доказательствомъ служилъ, что князь Яблоновскій, когда я ему сказалъ, что мы готовы признать независимость Польши, возразилъ, что коль скоро мы на сіе согласны, то они все прочія наши требованія готовы исполнить, какъ и когда мы захотимъ. Еще тому доказательствомъ служилъ, что онъ сейчасъ готовность изъявилъ исполнить мое требованіе не имѣть ни съ кѣмъ сношеній безъ нашего вѣдома. Князь Волконскій не можетъ не помнить сего. Таковыя статьи явно изображаютъ ту нашу поверхность надъ ними, о коей я докладывалъ комитету прежде.

Бестужевъ-Рюминъ условился съ Гродецкимъ въ образѣ сношеній, и о семъ въ отчетѣ своемъ главнѣйше говорилъ, а что политическіе предметы самими поляками не считались рѣшительными *условіями* въ сношеніяхъ съ Бестужевымъ, тому служилъ доказательствомъ и то, что князь Яблоновскій и Гродецкій мнѣ и князю Волконскому говорили, что со дня нашего свиданія считаютъ они *сношенія* дѣйствительно начавшимися, причемъ еще Гродецкій отзывался, что всегда опасался вѣтренности Бестужева. Я сіе тогда же пересказалъ Юшневскому, Давыдову и князю Барятинскому. Самъ Бестужевъ неоднократно говорилъ, что онъ ведетъ сношенія съ поляками болѣе въ видѣ *частнаго, личнаго* знакомства и дружества, нежели официальныхъ образомъ отъ общества къ обществу. Наконецъ, и мое свиданіе съ кн. Яблоновскимъ кончилось тѣмъ, что мы предназначили для дальнѣйшихъ переговоровъ видѣться въ Вердичевѣ съ нимъ, или съ тѣмъ, кто отъ него присланъ будетъ, дабы тогда уже положительно устроить взаимныя соотношенія и предметы соглашенія обоихъ обществъ, послѣ свиданія кн. Яблоновскаго съ его директорію. Доказательствомъ, что какъ я, такъ и поляки не считали условія уже заключенными, служилъ предложеніе ихъ назначить лицъ изъ высшихъ аваній для заключенія условій. Впрочемъ я полагаю, что сіе разногласіе между нами и

другими показаніями о семь предметъ суть нѣкоторымъ образомъ одинъ споръ въ значеніи выраженія *условія*.

О благодарности, изъявленной Бестужеву, ничего не могу сказать, ибо я при томъ не находился.

Касательно границъ, говорилъ мнѣ самъ Бестужевъ неоднократно, что онъ о нихъ и объ уступкѣ губерній *избѣгаетъ* съ полками говорить и разсуждать, дабы не привлекъ сей предметъ несприятныхъ впечатлѣній, и въ отчетѣ Бестужева ни слова не было упомянуто о томъ, какія губерніи и части уступаются. Точно такъ и во время моего разговора съ кн. Яблоновскимъ не было ни о какой губерніи упомянуто, а было сказано глупо о независимости Польши. Я очень твердо о семь помню, ибо сей предметъ, по важности своей обращалъ особенное мое вниманіе. Къ тому же и говорили болѣе кн. Яблоновскій да я, а кн. Волконскій и Гроденскій весьма мало. Князь Яблоновскій даже спрашивалъ, кому желаемъ мы поручить набраніе членовъ въ Литовскомъ корпусѣ: имъ ли поручить, или предоставить себѣ оное; на что отвѣчалъ я, что и они могутъ искать пріобрѣтенія членовъ и мы будемъ искать. Сей отвѣтъ отклонялъ всакую наемку на уступку и удержку сихъ губерній. Ежели же рѣшено было въ сношеніяхъ съ полками, или даже только говорено объ уступкѣ имъ Литвы, то и Литовскій корпусъ не подлежалъ бы сомнѣнію. Посему и утверждалъ я, что объ уступкѣ губерній не было полякамъ говорено. Но въ собственныхъ нашихъ предположеніяхъ уступались имъ тѣ части, которыя на моей картѣ означены. Не знаю, не говорилъ ли Бестужевъ чего Гроденскому или другимъ о семь, но мнѣ онъ всегда подтверждалъ, что избѣгаетъ о семь говорить. Я однакоже не полагаю, чтобы онъ говорилъ, потому что Гроденскій при нашемъ свиданіи съ кн. Яблоновскимъ о томъ не упоминалъ.

Подожь я не могъ говорить объ уступкѣ Волынской, Подольской, Витебской и Могилевской губерній, ибо и на картѣ моей есть доказательство противному, онъ чрезвычайно часто несправедливо показываетъ.

Маіоръ Лореръ ошибается совершенно, ибо я говорилъ ему, что опредѣленіе границъ между Россіею и Польшею послужитъ поводомъ по мнѣмъ догадкамъ ко многимъ затрудненіямъ съ польскимъ обществомъ и что догадки сіи основывалъ я на равныхъ словахъ доктора Плесля, съ коимъ однакоже отъ лица общества никакого сношенія никогда не имѣлъ.

Въ сужденіи о семь предметѣ съ Никитою Муравьевымъ не произносилъ я никогда приведенныхъ имъ словъ, а изяснялъ ему всѣ причины, побудившія насъ вступить съ поляками въ сношеніе и предполагать уступить имъ тѣ губерніи и уѣзды, которыя на картѣ означены вѣдъ черты Россійскихъ границъ.

Что же касается до опасенія въ ненадежности поляковъ для насъ, о которой упоминаетъ Бестужевъ, то сіе опасеніе дѣйствительно существовало и было общее насъ всѣхъ. Оно послужило

поводомъ не къ письму Бестужева къ Гроденскому, которое княземъ Волконскимъ было остановлено, а дерикторіею уничтожено по тому первому предложенію полякамъ, о которомъ упоминалось въ отчетѣ Бестужева, и которое сдѣлано было также и для того, чтобы изъ образа ихъ сужденій при семь случаяхъ положительнѣе усмотрѣть можно было, въ какомъ духѣ ихъ общество составлено. Въ нашихъ же совѣщаніяхъ съ кн. Яблоновскимъ было упомянуто о Цесаревичѣ такимъ образомъ, чтобы при началѣ революціи они его задержали, дабы не послѣдовало отъ него противудѣйствія, и съ нимъ бы поступили, такъ какъ нами поступлено будетъ съ прочими великими князьями. (показанія 6 апрѣля, п. 20).

IX. О различныхъ тайныхъ обществахъ.

Какія именно различныя тайныя общества существуютъ въ Россіи, съ котораго времени, гдѣ имѣютъ они свои управы или думы и въ особенности южному или сѣверному обществамъ принадлежатъ отдѣленія въ Пензѣ, Симбирскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, и кто именно къ каждому обществу принадлежитъ изъ лицъ вамъ извѣстныхъ?

Кромѣ нашего общества, о коемъ объяснялъ я въ 1-мъ пунктѣ ¹⁾, слышалъ я о существованіи *Зеленой Лампы*, *Русскихъ Римарей*, *Свободныхъ Садовниковъ*, *Соединенныхъ Славянъ*, *Кавказскаго* и *Малороссійскаго* обществъ. О точныхъ ихъ мѣстахъ пребыванія, статутахъ, времени учрежденія, управахъ и думахъ ничего не знаю ²⁾.

Что же касается до отдѣленій тайнаго общества въ Пензѣ, Симбирскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, то никогда ни отъ кого не слышалъ, чтобы наше общество изъ южнаго или же изъ сѣвернаго округа тамъ отдѣленія свои имѣло. Ежели кто изъ нашихъ сочленовъ тамъ управы учредилъ, то я о томъ совершенно неизвѣстенъ, и никогда о томъ ничего не слышалъ, какъ уже прежде объяснялъ (показанія 13 января 1826 года, п. 7).

Объясните съ подробностію и чистосердечіемъ все то, что вамъ извѣстно о существованіи, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ и взаимныхъ сношеніяхъ съ другими тѣхъ обществъ, которыя находятся въ Россіи подъ названіями: 1) *Свободные Садовники*, 2) *Русскіе Римари* и 3) *Зеленая лампа* и прочія?

Бестужевъ-Рюминъ мнѣ сказывалъ, что онъ слышалъ отъ

¹⁾ См. Бюлео, февраль, стр. 140.

²⁾ На первомъ допросѣ въ Петербургѣ Пестель на такой вопросъ отвѣтилъ: Слышалъ я еще о существованіи двухъ тайныхъ обществъ подъ названіемъ *Русскіе Римари* и *Зеленая лампа*. О мѣстахъ и подробностяхъ ничего не слышалъ и не знаю, уничтожились ли они или еще продолжаютъ. О первомъ слышалъ отъ г. Орлова, а о второмъ въ давнюю времена никакъ не упоминаю, кто мнѣ говорилъ, ибо это было еще въ 1817 или 1818 году. Но кажется, что Трубенкой о томъ зналъ.

поляковъ, съ коими сношенія имѣлъ, что существуетъ въ Россіи тайное общество подъ названіемъ *Свободныхъ Садовниковъ*, съ коими будто бы они находились въ сношеніи, но болѣе ни слова о томъ не упоминали. Тѣмъ и мое свидѣніе ограничивается.

О тайномъ обществѣ, подъ названіемъ *Русскія Ручаея*, говорилъ мнѣ генералъ Орловъ, сказывая, что къ оному принадлежалъ графъ Мамоновъ. У нихъ была печатная книжечка объ обществѣ, которую я однакоже не читалъ. Болѣе о Русскихъ Ручаехъ ничего не знаю.

О *Зеленой Лампѣ* никакъ не могу припомнить, кто мнѣ говорилъ, ибо сіе было еще въ 1817 или 1818 годахъ, но тогда же было мнѣ сказано, что князь Сергій Трубецкой имѣетъ свидѣніе о семъ обществѣ. Я впоследствии никогда о томъ съ Трубецкимъ не говорилъ, ибо совершенно забылъ о сей Зеленой Лампѣ, да и полагаю, что ея общество было весьма незначущее, ибо послѣ того никогда болѣе ничего про нее не было слышно (тоже п. 42).

Было ли заведено въ *Малороссіи* тайное общество Новиковымъ? что вамъ известно о другомъ, тамъ же основанномъ обществѣ Лукашевичемъ, о коемъ сами вы рассказывали членамъ своего общества, и не сіе ли послѣднее есть то многочисленное общество въ Малороссіи, которое помышляетъ объ отдѣленіи сего края отъ Россіи и готово отдаться въ покровительство поляковъ, или другое, и какое именно?

Новиковъ завелъ въ Малороссіи ложу масонскую, но тайнаго общества не успѣлъ устроить; по крайней мѣрѣ не имѣлъ я о томъ ни разу ни малѣйшаго извѣстія. Общество же, основанное, какъ я слышалъ, Лукашевичемъ, есть то самое, которое помышляло по словамъ полковъ о независимости Малороссіи и готово было отдаться въ покровительство Польши, какъ о томъ мною объяснено въ прежнихъ показаніяхъ¹⁾. Болѣе же ничего о семъ обществѣ не знаю и не слышалъ. При семъ говорилъ я полякамъ, что Малороссійское общество никогда не успѣетъ въ своей дѣли, ибо Малороссія на вѣки съ Россіею пребудетъ неразрывною и никакая сила не отторгнетъ Малороссіи отъ Россіи (тоже, п. 39).

Въ чемъ именно заключаются тѣ свидѣнія, кои южное общество имѣло о составѣ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ тайнаго общества, существующаго въ отдѣльномъ *Кавказскомъ корпусѣ*?

Князь Сергій Волконскій ѣздилъ въ 1824 году дѣломъ на Кавказъ и тамъ познакомился съ Якубовичемъ, а потомъ и съ

¹⁾ Слышалъ я отъ поляковъ, съ коими разговоръ имѣлъ объ обществѣ, и коихъ уже именывалъ, что таковое существуетъ многочисленно въ *Малороссіи*, съ коими они будто бы въ союзѣ находятся, что сіе общество желаетъ независимости Малороссіи и готово на сей конецъ принять покровительство Польши, когда сія успѣетъ приобрести для себя независимость.

Изъ членовъ сего малороссійскаго общества никто не былъ названъ. (Первый допросъ въ Петербургѣ).

Тимковскимъ, теперешнимъ Бессарабскимъ губернаторомъ. Отъ нихъ двухъ узналъ онъ, что въ Кавказскомъ корпусѣ существуетъ тайное политическое общество съ революціонными намѣреніями. Изъ членовъ сего общества назвали они ему Воейкова, адъютанта генерала Ермолова, говоря, что онъ одинъ изъ главныхъ членовъ. О генералѣ Ермоловѣ сказывали они, что онъ объ обществѣ ничего не знаетъ, но членамъ оного покровительствуетъ чрезъ стараніе тѣхъ лицъ, Ермолову приближенныхъ, кои суть члены общества. Въ примѣръ они приводили Каспійскій батальонъ, между чинами коего открыто было большое злоупотребленіе въ вывозѣ за границу мѣди; но все дѣло прикрито по той причинѣ, что обвиняемыя лица вступили въ тайное общество. Объ устройствѣ общества говорили они, что оно состоитъ изъ перваго совѣта, втораго совѣта и третьей степени. Въ первомъ совѣтѣ восемь членовъ, во второмъ 16, а въ третьей степени прочіе члены. О дѣли Кавказскаго общества сказывали они, что оно ожидаетъ революціи въ Россіи, дабы содѣйствовать оной, или смиря на обстоятельство, служить убѣжищемъ при неудачѣ, или отдѣлять Грузію отъ Россіи, дабы основать особое государство, или при конечной неудачѣ отступить съ Кавказскимъ корпусомъ на Хиву и Туркестанъ, покорить тѣ мѣста и въ оныхъ основать новое государство. Давали чувствовать, что ихъ общество весьма склонно къ введенію новой династіи Ермоловыхъ, что ихъ сила очень значительна, ибо располагать могутъ всѣми войсками Кавказскаго корпуса, который неограниченно преданъ Ермолову. Князь Волконскій предлагалъ имъ войти въ сношеніе съ нашимъ обществомъ, и именно съ южнымъ округомъ. Они на сіе отзывались, что они уже въ сношеніи съ тайнымъ обществомъ въ Петербургѣ, но съ какимъ, того не говорили, что впрочемъ о семъ предложеніи доведутъ до свидѣнія начальства ихъ общества и что ежели послѣдуетъ на то согласіе и разрѣшеніе, то удѣляютъ о томъ князя Волконскаго или Василя Давыдова, чрезъ Якубовича, который тогда намѣревался въ скорости ѣхать въ отпускъ въ Россію. Послѣ сего оставилъ князь Волконскій Кавказъ и съ тѣхъ поръ ни Якубовичъ, ни Тимковскій никакого ни о чемъ не давали извѣстія. (Тоже, п. 40).

Въ данныхъ здѣсь отвѣтахъ вы упоминаете, что о *кавказскомъ обществѣ* прямого свидѣнія не имѣте, а слышали, что оно существуетъ, и даже называли вамъ нѣкоторыхъ членовъ его, какъ то: Якубовича, Воейкова и Тимковскаго, и что общество сіе хочетъ Грузію отдѣлить отъ Россіи и начать новую династію Ермоловыхъ, но о подробностяхъ, до онаго касающихся, умалчиваете, тогда какъ сами же давали читать г-ну Юшневскому отчетъ князя Волконскаго, сочиненный Давыдовымъ, о составѣ и помянутаго общества, и слѣдственно имѣте на сей счетъ ясное понятіе. Объясните положительно, въ чемъ именно заключаются прямыя намѣренія кавказскаго общества, его дѣйствія, средства и сношенія съ другими тайными обществами, съ вѣдоми-ли генерала Ермо-

лова таковое существует, кто именно члены его и гдѣ находятся? Ясно, насчетъ кавказскаго общества, показаніе тѣмъ болѣе обяваны въ сдѣлать, что кромѣ отъзвѣта г. Юшневскаго, свидѣтельствуется еще полковникъ Аврамовъ, что вы находились въ сношеніяхъ съ тѣмъ обществомъ; и потому объясните: какого рода, когда и чрезъ кого происходили оныя?

Я утверждалъ и нынѣ повторяю, что прямого свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ я никакого не имѣю, ибо никогда не видался ни съ однимъ изъ членовъ сего общества, а что я о томъ слышалъ, все то уже объяснилъ. Юшневскій имѣетъ точно тѣ же свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ, какія имѣю и я: ибо мы оба сіи свѣдѣнія почерпнули изъ одного и того же источника, шибменнаго отчета князя Волконскаго, который къ директоріи представленъ былъ, слѣдовательно одинаковымъ образомъ, какъ мнѣ, такъ и Юшневскому. Что же касается до свидѣтельства полковника Аврамова, якобы я самъ находился въ сношеніяхъ съ кавказскимъ обществомъ, то оно свидѣтельство есть совершенно ложное. (Тоже, п. 46).

При отъѣздѣ Поджіо на кавказскія воды, вы поручили ему узнать тамъ подробно о существованіи тайнаго общества въ *Кавказскомъ корпусѣ*. Поясните: что именно сообщили вамъ по сему предмету Поджіо по его возвращеніи съ кавказскихъ водъ?

Поджіо не видался со мною по возвращеніи своемъ съ Кавказскихъ водъ и никакого извѣстія не было мнѣ сообщено о кавказскомъ обществѣ ни прямо, ни чрезъ чье либо посредство. (Показанія 6 апрѣля, п. 44).

Въ отвѣтахъ вашихъ, объясняя составъ южнаго и сѣвернаго обществъ, вы называете только двѣ думы: Петербургскую и Тульчинскую, и управы Каменскую и Васильковскую; но изъ нѣкоторыхъ показаній замѣчается, что тайное общество состояло изъ слѣдующихъ вентъ: 1) Сѣверной (Vente du Nord) въ Петербургѣ, 2) Средней (Vente du Centre) въ Москвѣ, 3) Полуденной (Vente du midi), 4) Западной (Vente de l'ouest) и 5) Кавказской (Vente du Caucase). Притомъ подполковникъ Поджіо показываеъ, что въ 1824 году вы намѣревались основать *восточную* управу и поручить оную въ его начальство.

Здѣсь объясните: 1) Дѣйствительно ли тайное общество имѣло 5 выше наименованныхъ вентъ; гдѣ именно существовали изъ нихъ полуденная, западная и кавказская, и кто въ нихъ начальствовалъ?

2) Подлинно ли убитый въ Грузіи генералъ Лисаневичъ принадлежалъ къ тайному обществу? не оны ли былъ начальникъ кавказской венты, и кто суть извѣстные вамъ члены оной? и

3) Была ли основана вами управа восточная и кто къ ней принадлежалъ?

Я доносилъ комитету и нынѣ честь имѣю подтвердить, что по моимъ свѣдѣніямъ, общество раздѣлилось на сѣверный и южный округъ, и что южный состоялъ изъ Тульчинской, Каменской и

Васильковской управъ, а сколько управъ имѣлъ сѣверный, къ кому мы причисляли и московскихъ членовъ, мнѣ совершенно неизвестно.

Слово *Вентъ* не было у насъ въ употребленіи, равно какъ и наименованіе управъ: сѣверною, среднею, полуденною, западною и кавказскою.

На Кавказѣ не имѣли мы никакой управы, а узнали чрезъ кн. Волконскаго о существованіи тамъ особаго общества. Если петербургское общество завело гдѣ нибудь управы внѣ столицы, то сіе послѣдовало уже послѣ моего отбытія изъ Петербурга въ 1824 году и намъ о томъ ничего не было сообщено.

Генералъ Лисаневичъ къ обществу никогда не принадлежалъ, а Бестужевъ-Рюминъ вздумалъ увѣрять въ томъ нѣкоторыхъ членовъ, имъ принятыхъ.

Здѣсь называемая восточная управа, которой впрочемъ никогда не предполагалось дать сіе названіе, есть та самая, о которой я уже объяснялъ въ отвѣтахъ на вопросы отъ 13 января (выше, стр. 257), что Поджіо, отправляясь въ Орелъ и надѣясь тамъ видѣться съ какими то князьями Голицыными, предложилъ объ учрежденіи въ Орлѣ чрезъ ихъ посредство особой управы; но возвратился, ихъ не выдавши и ничего по сему не сдѣлавъ.

При семъ честь имѣю доложить, что не я вознамѣрился сію управу учредить: я не зналъ князей Голицыныхъ, ниже о пребываніи ихъ въ Орлѣ; и потому не имѣлъ въ виду возможности учредить управу въ Орлѣ. Все сіе сообщилъ мнѣ Поджіо въ то время, когда оны дѣлалъ предложеніе объ учрежденіи управы въ Орлѣ. (Показанія 6 апрѣля, п. 11).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1825 года въ сказываю Бестужеву-Рюмину, что существуетъ многочисленное тайное общество подъ предводительствомъ Булгари, и что средоточіе оного въ *Харьковѣ*, а отрасли въ обѣихъ столицахъ. Объясните: когда, отъ кого, гдѣ и какія именно свѣдѣнія вы получили о семъ обществѣ?

Капитанъ Майборода, ѣздивши въ Москву, заѣхалъ въ деревню къ матери генерала Шеннина и оттуда привезъ извѣстіе, что генералъ Шеншинъ пріѣхалъ въ *Харьковъ*, тамъ арестовалъ Булгари и между его бумагами нашелъ доказательство о существованіи тайнаго общества, коего Булгари былъ членомъ и которое свои имѣло отрасли въ обѣихъ столицахъ (показанія 6-го апрѣля, п. 41).

Когда подполковникъ Поджіо отъѣзжалъ по дѣламъ своимъ въ нѣкоторыя губерніи, то вы поручили ему развѣдать въ Орлѣ о происшедшемъ бунтѣ въ одномъ эскадронѣ расположеннаго тамъ кирасирскаго полка; но Поджіо сего не сдѣлавъ.

Объясните: отъ кого вы узнали о семъ бунтѣ, когда, въ какомъ эскадронѣ, какого именно полка и по какому случаю произошелъ оный?

Я ни о какихъ подробностяхъ сего бунта не зналъ, но слышалъ, что въ одномъ эскадронѣ какого-то кирасирскаго полка былъ бунтъ, что сей эскадронъ былъ раскасированъ, и что главнокомандующій 1 арміи, назначивъ многихъ солдатъ изъ сего эскадрона въ жандармскій полкъ, получилъ отъ Государя Императора за сіе назначеніе бунтовавшихъ въ жандармы изъясненіе Высочайшаго неудовольствія. Сколько припомнитъ могу, то говорилъ мнѣ сіе Бестужевъ, отъ котораго всё почти свѣдѣнія о 1 арміи я получалъ. Впрочемъ не ручалось, чтобы и не полковникъ Аврамовъ мнѣ о томъ рассказывалъ. Твердо не помню (тоже, п. 43).

Общество подъ названіемъ *соединенныхъ славянъ* не принадлежало ни къ южному, гдѣ находилась управа или дума его, въ какихъ сношеніяхъ было оно съ прочими обществами и кто именно составлялъ главное число членовъ его?

Тайное общество соединенныхъ славянъ не принадлежало къ южному округу Союза Благоденствія и никакъхъ съ нимъ сношеній не имѣло. Все, что мнѣ о семъ обществѣ извѣстно, я слышалъ отъ Бестужева-Рюмина, и оное заключается въ томъ, что артиллерійскій офицеръ 3 корпуса, по имени, кажется, Борисовъ, не знаю которой роты и бригады, былъ принятъ въ сіе общество въ Петербургѣ, и возвратившись изъ столицы пріобрѣлъ между другими офицерами до 15 или 16 членовъ въ общество соединенныхъ славянъ. Именъ сихъ офицеровъ я не знаю. Бестужевъ открылъ сіе отдѣленіе общества соединенныхъ славянъ и перевелъ ихъ всѣхъ въ наше общество въ Васильевскую Управу. Вотъ все, мнѣ извѣстное (показанія 13 января, п. 41).

Сказывалъ мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что онъ слышалъ о существованіи тайнаго общества подъ названіемъ *соединенныхъ славянъ*. Въ семь обществъ принимались, будто бы, какъ русскіе, такъ и поляки. Средоточіе онаго неизвѣстно, или не было объявлено; но должно, кажется, быть въ Петербургѣ. Сношеній съ симъ обществомъ, какъ и со всеми выше названными, союзъ благоденствія, то есть наше общество никакъхъ не имѣло, сколько мнѣ извѣстно, и въ достовѣрности всего вышесказаннаго самъ утверждать не могу, но объявляю слѣдъ ономъ все то, что слыхалъ. Существованіе соединенныхъ славянъ считаю однакоже вѣрнымъ, ибо изъ сего общества перешли въ наше нѣкоторые члены, между прочимъ, нѣкоторые артиллерійскіе офицеры третьяго корпуса, коихъ имена я не любышествовалъ узнавать, но кажется, что нѣкто изъ нихъ назывался Борисовъ и что онъ въ Петербургѣ былъ принятъ въ *соединенныхъ славянъ*, а потомъ проихъ принялъ. Повторяю, однако же, что сіе говорено безъ собственной своей удостовѣренности, ибо никого изъ нихъ самъ не видалъ и не знаю. А также не знаю чина и мѣстопребыванія Борисова. (первый допросъ въ Петербургѣ).

Какія тайныя общества, одну и ту же цѣль имѣющія, существуютъ

въ Германіи, Венгрии, Италіи, Франціи и другихъ Европейскихъ государствахъ, гдѣ, подъ какими названіями и кто извѣстенъ изъ членовъ каждаго?

Членъ тайнаго польскаго общества князь Яблоновскій мнѣ сказывалъ, что существуютъ таковыя же тайныя общества въ *Германіи, Венгрии и Италіи*, съ коими ихъ общество будто бы въ сношеніи находится; но ихъ членовъ, именъ, статутовъ и подробностей ничего не сообщалъ; слишкомъ мало было на то времени. Вотъ все, что я о сихъ обществахъ знаю. О Франціи же никакъхъ свѣдѣній не имѣю.

Князь Яблоновскій тутъ предложилъ намъ ввести насъ въ прямое сношеніе съ германскимъ обществомъ; на что я ему сказалъ, что сего не нужно, что сношенія съ Германіею могутъ происходить чрезъ Польшу, ибо Германія отъ насъ далека. Онъ однако же продолжалъ, что будетъ о томъ говорить германскому обществу. Послѣ же того не было до сихъ поръ никакого уже болѣе отъ него извѣстія. Я имѣлъ надежду подробнѣе и обстоятельнѣе узнать о всѣхъ сихъ предметахъ при будущихъ свиданіяхъ, но таковыхъ впоследствии не было ни единого (тоже п. 13).

Съ котораго времени, чрезъ кого, и какими способами общества сіи сообщались съ обществомъ дрезденскимъ въ Европѣ?

Я не слыхалъ, чтобы въ Дрезденѣ существовало особое тайное общество, но только что въ семь городѣ находится часть польской директоріи сіи бумагами польскаго общества, дабы онаы сохранитъ тамъ въ лучшей безопасности. Какими же средствами производились сношенія польскаго общества съ прочими въ Европѣ, того не знаю. Да и коротко слишкомъ было время моего свиданія съ княземъ Яблоновскимъ, чтобы успѣть виднѣе было о всѣхъ сихъ подробностяхъ узнать. Къ тому же выдѣлись мы тогда съ нимъ въ первый разъ и неловко было на первый случай много ему дѣлать вопросовъ, показывающихъ одно только любопытство, тѣмъ болѣе, что со стороны поляковъ все еще видна была нѣкоторая къ русскимъ недоувѣрчивость (тоже п. 14).

Съ какими порученіями тайнаго общества отправился во Францію членъ онаго полковникъ графъ Полиньякъ, и имѣло ли общество отъ него какія увѣдомленія или нѣтъ?

Полковникъ графъ Полиньякъ отправился во Францію по собственнымъ своимъ дѣламъ и получалъ при семъ случаѣ порученіе отъ общества узнать, существуетъ ли во Франціи какое либо тайное общество и потомъ насъ о томъ увѣдомитъ. Онъ писалъ одинъ разъ къ Василію Давыдову, но ничего не упоминалъ объ обществѣ, такъ что не имѣемъ мы никакого извѣстія о томъ. (Тоже, п. 38).

Нѣкоторымъ членамъ южнаго общества вы сказывали, что оное находится въ сношеніяхъ, кромѣ польскихъ, еще съ *французскими* тай-

ными обществами. Поясните съ точності: какого рода, когда и чрезъ кого происходили сіи сношенія?

Южное общество никогда никакыхъ не имѣло сношеній съ французскими тайными обществами, а члены, сіе показывающіе, оспариваютъ, полагая, вѣроятнѣе, сіи сношенія заведенными, потому что графъ Полиньякъ, отъѣзжая во Францію, принявъ порученіе узнать, существуютъ ли тайныя общества во Франціи. Но отвѣта о семь отъ него не получено (тоже, п. 45).

X. Арестъ.

Въ половинѣ ноября 1825 года въ вручили поручику Крюкову 2-му тайныя бумаги свои для сохраненія въ Тульчинѣ, а 27-го того же мѣсяца въ присылали его же, Крюкова, въ Васильковъ къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ извѣстіемъ, что правительство узнало о существованіи тайнаго общества. Между тѣмъ изысканія со стороны правительства начались не прежде половины декабря; слѣдовательно въ имѣли свѣдѣнія о семь за мѣсяцъ ранѣе.

Объясните чистосердечно: а) Что именно побудило васъ къ сокрытію бумагъ въ половинѣ ноября, когда правительство не принимало еще никакихъ мѣръ, и когда извѣстность его объ обществѣ составляла непроницаемую тайну? и

б) Когда, отъ кого и какимъ образомъ въ концѣ ноября Вы получили то извѣстіе, которое чрезъ Крюкова 2-го сообщили Сергѣю Муравьеву?

Бумаги мои скрылъ я не въ половинѣ ноября, но по возвращеніи Крюкова отъ Муравьева. Причины же слѣдующія. Послѣ сношенія съ Бошнякомъ находились мы въ безпрестанномъ опасеніи. Въ послѣднихъ числахъ ноября пріѣхалъ въ Тульчинъ фельдшеръ изъ Таганрога и въ скорости потомъ поѣхалъ начальнику Главнаго штаба къ г. Главнокомандующему на встрѣчу, не дождавшись его прібытія, а потомъ поѣхалъ далѣе, но тогда не было извѣстно куда. Г. Главнокомандующій, пріѣхавъ, казался очень засмуренъ. Князь Барятинскій спрашивалъ у его сына Александра, что не война ли съ турками? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, нѣчто гораздо важнѣе. Изъ совокупности всѣхъ сіихъ обстоятельствъ, получилъ кн. Барятинскій столь сильное подозрѣніе, что Крюковъ 2-й и отправился ко мнѣ съ сими извѣстіями, а отъ меня поѣхалъ къ Муравьеву, чтобы ему сообщить оныя, и узнать отъ него, не имѣютъ ли они и съ своей стороны какихъ либо свѣдѣній. На возвратномъ его пути вручилъ я ему мои бумаги. Послѣ уже узнали мы, что сей фельдшеръ привозилъ извѣстіе о болѣзни Государя Императора (показанія 6 апрѣля, п. 33).

Князь Барятинскій, въ продолженіе ноября и въ самомъ началѣ декабря 1825 года неоднократно посылалъ къ намъ изъ Тульчина съ раз-

ными извѣстіями свѣтскихъ офицеровъ: Крюкова 2-го, Заикина и Загорецкаго.

Поясните: кто именно изъ офицеровъ сихъ пріѣзжалъ къ намъ въ означенное время, какія чрезъ нихъ и отъ кого сообщены были намъ свѣдѣнія, и особенно, когда дѣйствительно узнали вы отъ князя Волконскаго о кончинѣ блаженной памяти Государя Императора, и что именно при семь случаяхъ еще сообщили вамъ Волконскій?

О пріѣздѣ Крюкова объяснился я въ предыдущемъ пунктѣ. Заикинъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о болѣзни Государя Императора и на возвратномъ пути долженствовалъ онъ захватить въ Немировѣ, дабы оттуда взять съ собою мои бумаги въ Тульчинѣ; въ исполненіи же сего не имѣлъ я уже свѣдѣній.

Загорецкій ни съ какимъ извѣстіемъ не пріѣзжалъ, и не отъ кн. Барятинскаго, а самъ собою захватилъ, когда изъ Махновки, гдѣ былъ на рекогносцировкѣ, возвращался въ Тульчинъ.

Отъ кн. Волконскаго узналъ я 28-го или 29-го ноября о кончинѣ Государя Императора чрезъ письмо, доставленное ко мнѣ Азовскаго полка майоромъ Дрешерномъ, который однакоже не былъ членомъ тайнаго общества. Кромѣ извѣстія о кончинѣ Государя Императора не содержало письмо кн. Волконскаго никакого другаго извѣщенія (тоже, п. 34).

При свиданіи нашемъ съ Давыдовымъ и Волконскимъ въ декабрѣ 1825 года въ общали снести съ Сергѣемъ Муравьевымъ, дабы онъ по извѣстной рѣшимости его не началъ дѣйствій безвременно.

Поясните: когда и чрезъ кого имѣли вы вслѣдствіе сего сношеніе съ С. Муравьевымъ и какой получили отъ него отзывъ?

Послѣ возвращенія моего отъ кн. Волконскаго до времени моего арестованія не имѣлъ я никакого удобнаго случая для сношенія съ Муравьевымъ и долженъ былъ очень быть осторожнымъ. ибо мои подозрѣнія объ извѣстности правительству объ обществѣ усилились чрезвычайно въ сіе время тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ главной квартіры присланъ былъ адъютантомъ для присутствованія при присягѣ. Посему и отъ Муравьева отзыва не имѣлъ (тоже п. 37).

За нѣсколько дней до арестованія вашего князь Волконской посылалъ къ намъ чрезъ капитана Фохта письмо, до дѣйствій общества касавшееся, которое по словамъ Фохта доставлено намъ въ то самое время, когда озбочены были отъѣздомъ своимъ въ Тульчинъ.

Поясните: какого содержанія было сіе письмо Волконскаго, и что вы отвѣчали ему на оное?

Сіе письмо содержало родъ лексикона, составленнаго кн. Волконскимъ для дальнѣйшей переписки со мною. Я ему на сіе письмо ничего не отвѣчалъ и передъ отъѣздомъ въ Тульчинъ сжегъ оное (тоже, п. 38).

Означенный же Фохтъ привозилъ къ намъ письмо отъ Волконскаго

въ августѣ 1825-го, а вы поручали ему, Фохту, доставить таковое же отъ васъ къ Сергію Муравьеву-Апостолу.

Объясните: въ чемъ заключались письма, какъ полученное вами отъ Волконскаго, такъ и посланное съ Фохтомъ къ Муравьеву?

Сие письмо было не отъ князя Волконскаго, но отъ Давыдова и содержало извѣстіе объ открывшихся сношеніяхъ съ Бопнякомъ. Мое же письмо къ Сергію Муравьеву содержало приглашеніе, чтобы онъ или Бестужевъ пріѣхали въ Лянцы по случаю важнаго извѣстія, которое имъ имъ сообщить. Извѣстіе же сие было то самое, о которомъ Давыдовъ писалъ ко мнѣ чрезъ Фохта (тоже, п. 39).

Комитетъ имѣеть достовѣрныя свѣдѣнія, что во время нахождения вашего подъ арестомъ у генерала Байкова, князь Волконскій видѣлся и говорилъ съ вами.

Поясните откровенно: въ чемъ именно заключались разговоры ваши съ княземъ Волконскимъ въ сіе время?

К. Волконскій, нашедъ меня у генерала Байкова, имѣлъ только время мнѣ сказать: Prenez courage. На что я отвѣтилъ: Je n'en manque pas; ne vous inquiétez pas.

Онъ продолжалъ: Le Bégne (то есть: кн. Вярятинскій) est aussi arrêté. Болѣе же ни слова (показанія 6 апрѣля, п. 40).

При осмотрѣ вашего здѣсь найдены были при васъ ядъ.

Объясните чистосердечно: когда, гдѣ и отъ кого именно получили и для чего имѣли при себѣ оный?

Во время войны, видя часто жестокия раны и страданія тѣхъ, которые неминуемо должны были умереть, особенно неприятелей, лежащихъ на мѣстѣ сраженія, возмѣлъ я желаніе имѣть при себѣ ядъ, дабы посредствомъ оного, ежели смертельнымъ образомъ раненъ буду, избавиться отъ жестокихъ послѣднихъ мученій. Сія мысль особенно во мнѣ усилилась во время Лейпцигскаго сраженія. И потому по взятіи города нашелъ я сей ядъ въ одной аптекѣ и далъ за него червонецъ. Я его все время хранилъ секретно, никому ни слова о томъ не говоря, и когда отъѣзжалъ въ Тульчинъ, то взялъ съ собою, и потомъ сюда привезъ. Употребить хотѣлъ я его для самого себя на случай, что успѣю сохранить оный и такіа бы встрѣтились обстоятельства, перенесенію коихъ я бы смерть предпочиталъ, то есть пытка или что либо тому подобное; разсуждая, что ежели пытокъ болѣе не существуетъ, то сей ядъ никому никакого вреда не сдѣлаетъ. (Тоже, п. 47).

Записка о силѣ вины Пестеля, составленная разрядной комиссіей Верховнаго Уголовнаго Суда¹⁾.

Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Пестель.

Обстоятельства, принадлежащія къ силѣ вины, суть:

1. *Участвіе въ учрежденіи начальнаго тайнаго общества.*

Онъ былъ въ числѣ *основателей* первоначальнаго тайнаго общества, подъ названіемъ *Союза Спасенія*, или *Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*, и писалъ уставъ для оного.

Въ образованномъ потомъ *Союзѣ Благоденствія* оставался кореннымъ членомъ, завелъ въ Тульчинѣ управу, и въ собраніи коренной Думы (въ Петербургѣ) излагалъ мнѣніе о выгодахъ и невыгодахъ монархическаго и республиканскаго правленія. По его устрѣенію, всѣ присутствовавшіе единогласно избрали правленіе республиканское. Мысль о семъ родѣ правленія Пестель перенесъ на югъ и сообщилъ Тульчинскимъ членамъ, въ видѣ рѣшенія коренной Думы, имѣвшей законодательную власть союза.

2. *Учрежденіе общества.*

Когда объявлено было уничтоженіе Союза Благоденствія (1821) онъ рѣшился продолжать оный съ нѣкоторыми перемѣнами. По его предложенію Тульчинскіе члены согласились остаться въ семъ обществѣ, и приняли республиканскую цѣль его, съ упраздненіемъ престола и съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, кои были бы тому препятствіемъ. Въ это время Пестель сдѣлался начальникомъ или предѣвателемъ Тульчинской думы, съ полною надъ членами властію.

Онъ написалъ уставъ для республиканскаго правленія, подъ именемъ *Русской Правды*, объяснялъ оный въ собраніяхъ членовъ, и согласилъ принять его. Въ 1822 году въ Кіевѣ избранъ первымъ директоромъ южнаго общества.

На совѣщаніяхъ, происходившихъ (въ 1823 году) въ Кіевѣ и Каменкѣ, предлагалъ южнымъ членамъ и сочленамъ ихъ введеніе въ государствѣ республиканскаго правленія посредствомъ военной революціи и учрежденіе временнаго правленія. Тамъ же были одобрены и два революціонные способа къ достиженію цѣли: одинъ, чтобы начать переворотъ въ столицѣ съ содѣйствіемъ арміи, а другой, чтобы начать таковой въ арміи, съ помощію сѣвернаго общества.

3. *Привлеченіе товарищей.*

Въ Союзѣ Благоденствія Пестель пригласилъ между прочими Краснокутскаго; а преобразовавъ общество въ Тульчинѣ, привлекъ къ оному Никиту Муравьева, въ званіи третьяго начальника думы,

¹⁾ См. „Былое“, февраль, стр. 133.

князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя Муравьева-Апостола, Вадковскаго, Свистунова, Депрерадовича, Лорера и Лемана.

4. Привлеченіе рядовыхъ.

Поручилъ двумъ ротнымъ командирамъ привлекать къ себѣ лучшихъ нижнихъ чиновъ и стараться направить ихъ къ цѣли общества.

Зналъ и одобрялъ дѣйствія С. Муравьева и Вестужева на привлеченіе бывшихъ Семеновскихъ солдатъ и полагалъ на нихъ надежду.

5. Речи и сочиненія, какъ средства къ привлеченію.

Силою слова вливалъ въ своихъ сообщниковъ духъ преобразования до такой степени, что никто изъ нихъ не могъ ему противорѣчить; а многихъ изъ нихъ, читая отрывки изъ Русской Правды, еще болѣе приплясывалъ къ своимъ мѣнностямъ.

6. Сочиненія возмутительныя.

При началѣ революціи предполагалъ выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ.

Зналъ о политическомъ катехизисѣ Никиты Муравьева.

Поручилъ Лихареву написать замѣтки о военныхъ поселеніяхъ, а Заикину съ Бобринцевымъ-Пушкинымъ мѣтніе о кавартирмейстерской части.

7. Возбужденіе къ мятежу, словесное и письменное.

Раздѣлялъ рѣшительное намѣреніе общества о началіи мятежныхъ дѣйствій въ 1826 году, и увѣрялъ сѣверное общество чрезъ Трубецкаго, что самъ откроетъ такovou въ арміи.

Условился съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Вестужевымъ начать возмущеніе ранѣе 1826-го года, если обстоятельства сего потребуютъ.

Умышлялъ арестовать главную квартиру 2-й арміи 1-го января 1826 года, при вступленіи въ караулъ съ полкомъ своимъ, и поручалъ свитскимъ офицерамъ при началѣ дѣйствій задержатъ главнокомандующаго и начальника штаба, а командіру артиллерійской роты быть готовымъ къ движенію.

Намѣревался, при совершеніи переворота, принудить синодъ и сенатъ: а) объявить временное правленіе, составленное изъ членовъ общества и облеченное неограниченною властью, в) дать оному всеобщую присягу, с) обнародовать два манифеста отъ синода и сената, что временное правленіе займется постепеннымъ введеніемъ конституціи, главныя основанія коей должны быть приложеніемъ къ манифестамъ (Русская Правда); всѣ же мѣста по временному правленію, министерствамъ и арміи занять членами общества.

Съ 1823 года вошелъ въ сношенія съ сѣвернымъ обществомъ, чрезъ бывшихъ въ Петербургѣ южныхъ членовъ и самъ лично старался водворить тамъ преступныя свои намѣренія, соединить оба общества и направить ихъ къ началіи мятежныхъ дѣйствій, и замышлялъ учредить въ Петербургѣ особое общество.

8. Оружіе.

Зналъ о умыслахъ Сергѣя Муравьева съ товарищами: а) 1823-го года въ лагерѣ при Бобруйскѣ—овладѣть особами покойнаго государя и нынѣ царствующаго императора и барономъ Дибичемъ и в) 1825-го года въ лагерѣ при Лешинѣ—арестовать генераловъ Рота и Толя; въ обоихъ же случаяхъ—возмутить войска и идти въ Москву.

9. Предательство государства.

Съ 1823 года (чрезъ Вестужева и Муравьева) открылъ сношенія съ польскимъ тайнымъ обществомъ, а въ 1825-мъ и самъ производилъ переговоры съ присланными изъ Варшавы княземъ Ябловскимъ и Гродецкимъ, общалъ Польшѣ независимость и уступку завоеванныхъ областей, и требуя отъ нея содѣйствія въ революціи, одинаковаго образа правленія и поступленія съ Цесаревичемъ такъ, какъ русское злоумышленное общество поступитъ съ прочими великими князьями. А между тѣмъ чрезъ Вестужева же требовалъ отъ поляковъ истребленія его высочества Цесаревича.

10. Умысль на царубійство.

На совѣщаніяхъ (1823 г.) въ Кіевѣ и Каменкѣ предлагалъ членамъ и доказывалъ необходимость истребленія государя и всѣхъ священныхъ особъ Императорской фамиліи, разсуждалъ о средствѣ исполненія его ужаснаго злодѣянія, чрезъ партію рѣшительныхъ людей подъ названіемъ (cohorte perdue), а послѣ (1824) съ хладнокровіемъ считалъ по пальцамъ самыя жертвы императорской фамиліи.

Для сего же преступнѣйшаго предпріятія, онъ намѣревался составить особенную партію заговорщиковъ внѣ общества, такъ чтобы дѣйствіе ея не могло служить для онаго укоризною. По собственному признанію его, истребленіе императорской фамиліи полагалось началомъ революціи.

Ободрилъ и готовность содѣйствовать заговору о покушеніи на жизнь Государя въ лагерѣ при Бѣлой церкви (1824), поручивъ свитскимъ офицерамъ застаться армейскими мундирами, и снабдивъ одного изъ нихъ духовнымъ ружьемъ.

Зналъ о намѣреніяхъ, или планахъ заговорщиковъ посягнуть на жизнь покойнаго государя:

а) въ 1816-мъ году на Царскосельской дорогѣ съ партію въ маскахъ.

в) въ 1817-мъ году въ Москвѣ, когда вывезлся Якушкинъ.

с) въ 1824-мъ году въ Петербургѣ, когда замышлялъ о царубійствѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

и д) въ 1825-мъ году въ лагерѣ при Лешинѣ, откуда полагали отправить царубійцевъ въ Таганрогъ и гдѣ вызывался на сіе Артамонъ Муравьевъ.

Сверхъ того (въ 1820 г.) былъ въ частномъ собраніи членовъ, гдѣ въ первый разъ говорено было о царубійствѣ, и гдѣ Пестель доказывалъ, что безначаліе и безпорядокъ, отъ сего произойти

долженствующіе, легко можно отвратить учрежденіемъ временнаго правительства.

11. *Вызовъ на царевубійство.*

Подполковникъ Поджіо утверждалъ слышанное отъ Пестеля, что сей послѣдній поручалъ князю Борятинскому набрать 12 чело-
вѣкъ отважнѣйшихъ (для истребленія); но ни Пестель, ни Ба-
рятинскій не признались и не уличены.

12. *Убѣжденіе или нарядъ на царевубійство.*

Равнобрно Никита Муравьевъ показывалъ, что Пестель на-
мѣревался, по совершеніи умышленного истребленія Император-
ской фамиліи, самыхъ заговорщиковъ, оное исполнившихъ, пре-
дать мщенію правосудія, какъ убійцъ; но Пестель отрекся и не
уличенъ.

13. *Дѣйствительное совершеніе убійства.*

Въ дѣйствительныхъ убійствахъ не участвовалъ.

Н. П. Сильванскій.

Крестьянскія воспоминанія о П. И. и Б. И. Пестель.

(изъ села Станковъ Вазниковского уѣзда Владимирской губ.)

Община, въ которой я родился и живу, носить и до сего времени название Пестелевой. Официально по уставной грамотѣ пишется бывшая Г-жи Оттъ. Путемъ вопроса стариковъ выяснилось, что Г-жа Оттъ была сестра или близкая родственница Пестелей, къ которой за смертью ихъ и перешли крестьяне вмѣстѣ съ землей. Въ 1888 году въ первый разъ мнѣ пришлось прочитать о Декабристахъ, я заинтересовался и сталъ спрашивать стариковъ, знаютъ ли они, кто были ихъ господа Пестели. Одинъ изъ самыхъ старыхъ и грамотный объяснилъ, что нашего барина Павла Ивановича Пестеля вмѣстѣ съ Муравьевымъ-Апостоломъ и другими повѣсилъ Николай I за то, что они хотѣли освободить крестьянъ, а Борисъ Ивановичъ Пестель былъ Владимирскимъ губернаторомъ. Тутъ уже присоединились сообщать и другіе крестьяне, помняще крѣпостное право. Какое крѣпостное право, тогда мы жили лучше, чѣмъ теперь, говорили крестьяне. У насъ не было никакой барщины, насъ ни чѣмъ не тѣснили, живи какъ хочешь, были мы на оброкѣ, да и тотъ плохо платили, однѣ недоимки были за нами. Вотъ когда накопилось за нами много недоимокъ, а барамъ денегъ нѣтъ да нѣтъ, тогда братья Пестели потребовали къ себѣ нашего бурмистра Тихона, котораго у насъ, надѣясь на баръ, плохо боялись. Конечно, Тихонъ поѣхалъ съ книгами, гдѣ писались недоимки, и сталъ объяснять разныя причины, по которымъ плохо платятъ оброкъ. Это было приблизительно въ 1815 году. Въ комнатѣ, гдѣ давалъ отчетъ Тихонъ своимъ господамъ, топилась печка; тогда братья Пестели распорядились, чтобы бурмистръ бросалъ книги въ печку. Тихонъ отъ радости перепугался и положилъ съ краю. Тогда подошелъ Павелъ Ивановичъ Пестель и ногой швырнулъ ихъ въ самый огонь, приговаривая: «вотъ такъ ихъ, подальше». Потомъ наказали бурмистру передать мужикамъ, что недоимки сгорѣли, и чтобы больше этого не было. Возвратившись домой, Тихонъ разсказалъ объ этомъ крестьянамъ, конечно всѣ были довольны и хвалились своими господами на зависть сосѣдямъ, гдѣ были порядки суровые. Оставшуюся за надѣломъ землю г-жа Оттъ отдала бесплатно всю крестьянамъ, притомъ говорила, чтобы мы добромъ поминали своихъ помѣщиковъ. Память о Пестеляхъ жива еще въ нашей общинѣ

и старики съ гордостью передають потомству исторію съ недоимками и о безплатно полученной землѣ. Слова, что мы бывшіе Пестелевы, сейчасъ часто слышатся съ сельѣ и намъ молодымъ крестьянамъ теперь ясно, почему это до сихъ поръ не забывается. Во времена ужаснаго крѣпостного права нашимъ предкамъ жилось лучше тѣмъ теперь. Даже теперь, если заглянуть въ сборники оцѣночно-экономическаго бюро Владимірскаго земства по Вязниковскому уѣзду, то у общинъ бывшихъ Пестелей все есть десятины пелторы-двѣ лишней земли противъ другихъ крестьянъ сосѣдей.

Крестьянинъ И. В. Малоровъ.

9 марта.
1906 г.

Антонъ Антоновичъ
КОСТЮШКО-ВАЛЮЖЕНИЧЪ.

Разстрѣлянъ въ Читѣ 2 марта 1906 года
подъ фамиліей Григоровича.

Антонъ Антоновичъ Костюшко-Валюженичъ ¹⁾.

(Воспоминанія).

Я знала Костюшко почти съ его дѣтства; онъ былъ товарищемъ моего сына въ Псковскомъ кадетскомъ корпусѣ. Всегда отзывчивый на все хорошее и справедливое, онъ былъ прекраснымъ товарищемъ, не смотря на то, что, благодаря выдающимся способностямъ, шелъ первымъ и въ старшихъ классахъ былъ фельдфебелемъ.

Происходилъ онъ изъ военной среды, но чѣмъ становился старше, тѣмъ болѣе критически относился къ ней. Его заветной мечтой было поступить по окончаніи корпуса въ одинъ изъ институтовъ для высшаго образованія, но судьба рѣшила иначе. Въ послѣднія каникулы умеръ его отецъ, средства къ жизни измѣнились, пришлось поступить въ Павловское военное училище, чтобы скорѣе встать на ноги и заботиться о семьѣ. Жизнь въ училищѣ съ ея нелѣпыми требованіями, военной выправкой, была очень тяжела для такого пылкого юноши, какимъ былъ Костя ²⁾. Иногда онъ приходилъ ко мнѣ въ отпускъ вѣдъ себя отъ всего происходящаго вокругъ него. Я смягчала, какъ могла, училищные нравы, объясняя ихъ необходимостью военной дисциплины, и старалась всѣми силами успокоить его на нѣсколько училищныхъ дней до слѣдующаго отпуска; онъ часто говорилъ, что если бы не отпуска два раза въ недѣлю, не вынести бы ему военного режима.

Въ это время у меня бывало очень много учащейся моло-

¹⁾ Въ газетѣ было сообщено, что генераломъ Рененкамффонъ казненъ въ числѣ другихъ въ Читѣ техникъ Григоровичъ. Вскорѣ оказалось, что фамилія Григоровичъ не настоящая, и что подъ этой фамиліей жилъ бѣжавшій политическій каторжанинъ, осужденный за участіе въ извѣстной „Романовской“ исторіи въ Якутскѣ, членъ Р. С. Д. Р. партіи А. А. Костюшко-Валюженичъ. Ставъ себѣ задачей содѣйствовать всѣми силами сохраненію памяти охъ борцовъ, погибшихъ за великое дѣло освобожденія и обновленія Россіи, „Былое“ съ особую готовностью идетъ навстрѣчу желанію одного изъ товарищей по „Романовскѣ“ войнѣ Костюшко помѣстить на своихъ страницахъ портретъ казеннаго борца, а также воспоминанія о немъ близкаго ему лица.

²⁾ Такъ называлъ его мой сынъ въ корпусѣ, и это названіе сохранилось за нимъ на всю жизнь; такъ звали его товарищи по корпусу и училищу, такъ звали его въ тюрьмѣ и въ далекой Якутской ссылкѣ, такъ буду называть и я его въ моихъ воспоминаніяхъ.

дежи, спорили, шумѣли, говорили о борьбѣ съ гнетущимъ зломъ, мечтали о будущемъ, о свѣтлѣмъ дняхъ свободы.

Во всѣхъ этихъ разговорахъ принималъ участіе и Костя, всегда сильно волновавшійся и жадно вслушивавшійся во все, что говорилось. Какъ онъ всегда оттягивалъ свое возвращеніе въ училище до послѣдней минуты, какъ точно было высчитано, сколько минутъ требовалось пробѣжать съ третьей линіи Васильевского острова на Петербургскую сторону! За два года его училищной жизни, мы такъ привыкли къ нему, такъ полюбили его, что онъ сталъ совершенно своимъ человѣкомъ. Какъ дорогое воспоминаніе этого времени, у меня осталась его карточка съ надписью: «Благодаря Вамъ, дорогая О. Ив., и всему Васъ окружающему и Петербургъ мнѣ сдѣлался милъ, и двухлѣтнее пребываніе въ немъ оставило не одни мрачныя воспоминанія».

Кончили онъ училище вторымъ, лишь только потому, что не хотѣлъ быть первымъ, и вышелъ въ Москву въ Несвижскій гренадерскій полкъ, выбравъ его за простоту формъ. Велико было удивленіе товарищей и ближайшаго начальства, что онъ пренебрегъ правомъ сдѣлать блестящую карьеру гвардейскаго офицера, но Костя думалъ иначе. Помню я, какъ въ день производства, 11 августа 1896 года, вся молодежь, только что надѣвшая новенькіе мундиры, чувствуя себя теперь взрослыми людьми, устремила въ всевозможные лѣтніе сады и театры, гдѣ сидѣла и кутила рядомъ съ своимъ вчера еще строгимъ начальствомъ, — а нашъ милый юный офицеръ сидѣлъ у меня весь вечеръ и рисовалъ мнѣ планы своей будущей жизни.

Сколько честнаго, хорошаго было въ его словахъ! Какъ хотѣлъ онъ быть полезнымъ и какъ вѣрять въ свои силы, надеясь, что, живя близко къ солдатамъ, онъ внесетъ имъ много свѣта, постарается развить некультурную массу и т. п. На мои замѣчанія, что при военной постановкѣ дѣла такая культурная задача очень трудна, онъ отвѣчалъ полнымъ недоумѣемъ.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ службы онъ понимал, что и была права, и говорилъ много объ этомъ въ своихъ письмахъ. Убѣдившись, что не можетъ исполнять свой долгъ такъ, какъ онъ его понималъ, Костя рѣшилъ выйти въ запасъ, хотя зналъ, что это сдѣлать очень трудно, ибо за казенное образованіе каждый офицеръ обязанъ отслужить три года въ полку; но тутъ случай помогъ ему. Однажды онъ гдѣ то познакомился съ почтеннымъ старичкомъ-докторомъ, занимавшимъ видное мѣсто въ Москвѣ, рассказалъ ему про свое стремленіе къ наукѣ, желаніе вырваться изъ военной среды; между прочимъ сообщилъ о томъ, что въ училищѣ у него была трахома глазъ. Вотъ за это обстоятельство и ухватился добрый старикъ, научилъ, что и какъ надо сдѣлать, чтобы добиться увольненія. И вотъ черезъ годъ послѣ производства Костюшко уже былъ студентомъ сельско-хозяйственнаго института въ Новой Александріи. Пока онъ жилъ въ Москвѣ, онъ успѣлъ устроить свою семью: опредѣлилъ сестеръ въ гим-

назію, отдавалъ матери все свое жалованье, не позволяя себѣ даже тратить на извозчика, Костя бѣгалъ всегда пѣшкомъ въ свои казармы на другой конецъ города; въ крайнемъ случаѣ, пользовался конкой.

Первый годъ въ Институтѣ жить было еще труднѣе: средствъ не было, приходилось бѣгать по грошевымъ урокамъ, пытаться выпрологодъ, но это нисколько не угнетало Костю, и на Рождество онъ пріѣхалъ веселый и бодрый, какъ всегда; знакомился со многими (теперь уже самостоятельными) студентами, курсистками, знакомился съ Петербургомъ, жаловался лишь на то, что приходилось мало заниматься, такъ какъ массу времени отнимали уроки, которые составляли его единственный источникъ существованія. На второмъ курсѣ стало легче; получивъ стипендію, онъ сначала усердно принялся за занятія, особенно за химию; но наступилъ 99-й годъ, начались студенческія волненія; конечно, и онъ участвовалъ въ нихъ. Вскорѣ у него былъ сдѣланъ обыскъ и, несмотря на то, что ничего не было найдено, — Костя попалъ подъ надзоръ полиціи; тѣмъ не менѣе, въ февралѣ ему удалось побѣжать въ Москву делегатомъ отъ студентовъ Института, собрать нужныя свѣдѣнія и вернуться благополучно, привезя съ собою много нелегальной литературы. Въ мѣсяцъ Костя былъ исключенъ безъ права обратнаго поступленія.

Надо было думать о заработкѣ и вмѣсто канікулярнаго отдыха (канікулы онъ обыкновенно дѣлилъ между своей и моею семьей) пришлось все лѣто работать. Чтобы лучше ознакомиться съ экономическими условіями жизни рабочихъ, онъ взялъ мѣсто десятника при постройкѣ моста въ Самарѣ и жилъ въ Покровской слободѣ среди рабочаго люда. Многому онъ тутъ научился, многое понялъ и впервые ясно представилъ себѣ цѣль своей будущей дѣятельности. Мнѣ очень жаль, что письма его этого періода не сохранились у меня.

Осенью онъ пріѣхалъ отдохнуть въ Кременчугъ, гдѣ я временно жила, и очень скоро по пріѣздѣ заболѣлъ острыми мышечнымъ ревматизмомъ. Лѣтняя работа по колѣно въ водѣ не прошла даромъ. Но ни болѣзнь, ни нужда не сломили энргіи этого недожизннаго чловѣка, и онъ бодро шель по намѣченному пути. Болѣзнь уложила его на два мѣсяца, но лишь прошелъ періодъ острыхъ болей, у его постели сталъ собираться порядочный кружокъ учащейся молодежи. Это былъ годъ массовыхъ увольненій, съ запретомъ жизни въ столицахъ, потому тутъ были студенты разныхъ учебныхъ заведеній; всѣ они полюбили Костю; были тутъ и его товарищи по институту; у одного изъ нихъ (Д. 1), уже окончившаго и служащаго въ земствѣ, онъ въ это время и жилъ. Я ежедневно навѣщала Костю, и иногда прямо удивлялась выносливости и жизнерадостности этого чловѣка. Эту зиму

¹⁾ Д. в декабрѣ 1905 года сославъ въ Архангельскую губернію за участіе въ освободительномъ движеніи.

онь много читалъ: все, что можно было достать въ Кременчугскихъ библиотекахъ,—все перебывало у него. Кромѣ того, онь изучалъ французскій языкъ; вполнѣдствіи, въ тюрьмѣ, онь изучилъ его настолько, что могъ писать свободномъ длиннымъ письмамъ; тамъ же онь совершенствовался въ нѣмецкомъ и началъ заваятя английскимъ. Въ февралѣ мы разстались: я уѣхала въ Петербургъ, онь отправился репетиторомъ куда-то въ деревню Полтавской губерніи. Послѣ этого мы больше съ нимъ не видѣлись, знали только другъ о другѣ изъ переписки. Осенью хлопоты его увнчались успѣхомъ, онь поступилъ въ Екатеринославское горное училище; каникулы провелъ на Брянскомъ заводѣ, увлекался тамъ сильно работой,—прямо съ восторгомъ иногда описывалъ ее,—и все звалъ насъ прѣѣхать къ нему, полюбоваться на доменную печь, про которую говорилъ, какъ про живое существо; нравилась она ему своею мощью. Вообще онь не любилъ слабыхъ людей, самъ былъ съ большою силой воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ много теплаго чувства было у него. Помню, въ одинъ изъ его прѣѣздовъ я была больна; какъ онь ухаживалъ за мною, съ чисто сыновней заботливостью проводилъ ночи у моей постели, чередуясь съ моими дѣтьми!

Въ январѣ 1902 года Костя былъ арестованъ за пропаганду среди рабочихъ и Екатеринославскую демонстрацію. Арестъ не былъ для него неожиданностью, онь ждалъ его и за двѣ недѣли передъ тѣмъ отправилъ домой въ Москву письма и карточки, чтобы никого не вмѣшивать. Въ тюрьмахъ Екатеринославской и потомъ Ново-Московской онь просидѣлъ полтора года и затѣмъ сосланъ въ Якутскую область, но не смотря ни на что, письма его были всегда бодрья, полныя надежды на лучшія времена. Въ ссылку за нимъ послѣдовала его жена, совсѣмъ юная женщина. Онь очень поэтично описывалъ свою жизнь въ улусѣ, рыбную ловлю и т. п. Участвуя въ Романовской исторіи въ Якутскѣ, былъ раненъ, опять попалъ въ тюрьму, судимъ, приговоренъ къ каторгѣ и 29 августа 1905 года бѣжалъ. Я долго ничего о немъ не знала, и вдругъ въ январѣ этого года получается письмо изъ Читы, какъ всегда бодрое; между прочимъ, онь писалъ: «Какъ жилъ, что дѣлалъ, писать не стоить; надѣюсь, судьба опять сведетъ, тогда все расскажу».

Письмо было послано въ ноябрѣ, но гдѣ-то лежало. Я сейчасъ же написала ему, но въ то время, когда я радовалась, что человекъ—борецъ за правду и свободу—вырвался изъ тюрьмы,—онь уже опять былъ въ когтяхъ Рененкамифа. Вотъ какъ описываетъ мнѣ мать со словъ его жены послѣдніе дни жизни ея сына въ Читѣ: «Прѣѣхалъ онь туда въ ноябрѣ ¹⁾ и сожалѣлъ, что не засталъ начала митинговъ. Сотрудничалъ въ газетѣ «Забайкалье», получая 100 р. въ мѣсяцъ, и занимался агитаціей среди

солдатъ, которые видѣли въ немъ не агитатора только, но близкаго человека—друга. Потомъ онь былъ начальникомъ дружины». Сообщая далѣе о планахъ какъ Костюшко, такъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, а также объ ихъ арестѣ, авторъ рассказа продолжаетъ: «одна женщина послѣ суда принесла всѣмъ бороды для удобства побѣга, но ихъ перехватили; рабочіе и солдаты гарнизона увѣряли ее, что не дадутъ разстрѣлять, помогутъ бѣжать, но это имъ не удалось. Смертная казнь была совершена 2 марта. Жена слышала, какъ онь сказалъ солдатамъ: «Солдаты, за васъ мы погибаетъ, и вы же насъ будете разстрѣливать».

Итакъ, благодаря дикой реакціи, погибъ еще одинъ талантливый, сердечный человекъ, боясь до послѣдней минуты своей жизни за свободу своей родины. Миръ праху твоему, мой любимый, дорогой Костя!

О. Г.

¹⁾ Послѣ побѣга товарищи такъ его излуповали, что и въстѣ о 17 октября не скоро дошла до него.

Мартынъ Лангансъ ¹⁾.

(изъ воспоминаній).

Моя первая встрѣча съ Мартиномъ Лангансомъ была въ 1878 г. Давно это было: только что кончился процессъ 193, первый, послѣ Декабристовъ, такой крупный по числу привлеченныхъ къ дѣлу обвиняемыхъ. Лангансъ просидѣлъ въ Предварителькѣ больше года и былъ судомъ оправданъ, или скорѣе причисленъ къ категоріи административно караемыхъ полицейскимъ надзоромъ. Но здоровье его всегда слабое, съ большой склонностью къ груднымъ заболѣваніямъ, сильно пошатнулось отъ продолжительнаго тюремнаго заключенія. У насъ на хуторѣ въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губ. работалъ въ то время съ нами и жилъ ближайшій другъ и товарищъ по гимназій Ланганса—Николай Прохоровичъ Макавѣевъ, тоже только что освобожденный по процессу 193. Рѣшено было пригласить на хуторъ Ланганса на поправку, включить его въ нашу народническую колонію. Къ тому же и домъ уже нашъ былъ къ этому времени оконченъ, и Лангансу не предстояло жить, какъ жили мы все лѣто въ простой избѣ. То было время народническихъ поселковъ: такъ горячо вѣрилось, что только въ общей жизни съ крестьянами, жизни полной такого же черного труда, такихъ же лишений, какъ и ихняя, и заключается секретъ доверчивыхъ взаимныхъ отношеній, возможность сближенія, пропаганды... Эта заветная дѣла давала силы и землю пахать, и стряпать, никогда раньше не бывавши и въ кухнѣ, и мыть бѣлье, съ восторгомъ видѣть, какъ грубютъ руки, какъ ноги привыкаютъ къ тяжелымъ сапогамъ. Макавѣевъ, какъ натура экспансивная, особенно былъ увлеченъ нашей хуторской работой и всѣ дни проводить за плугомъ, то за топоромъ, ѣздилъ съ крестьянами лѣсъ рубить, пилъ водку для ближайшаго единенія, но послѣ каждой народнической выпивки страдалъ мучительными мигренями.

Домъ былъ уже готовъ, оставались только внутреннія подбѣлки.

и Макавѣевъ постоянно говорилъ: «вотъ Мартынъ прійдетъ, онъ вѣдь столяръ у насъ!»

Онъ пріѣхалъ худой, болѣзненный, съ сухимъ кашлемъ, разрывающимъ ему грудь, и сразу все какъ будто не то стало: умные пытливые глаза Ланганса какъ будто заглянули намъ въ душу и спросили: «а чѣмъ это вы тутъ забавляетесь?» И всѣмъ намъ почувствовалась какая-то неудовлетворенность, двойственность.

Лангансъ и не критиковалъ ничего, онъ подчинился нашему трудовому режиму, работалъ, ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, рубилъ ихъ, съ плотниками дворовая постройка помогалъ достраивать, но дѣлать все это безъ нашего упоенія, безъ всякаго самообмана. Мы старались къ книжкамъ не притрогиваться; какъ иногда бывало ни хотѣлось читать, но вѣдь читать казалось чересчуръ дворянскимъ занятіемъ, читали только вслухъ крестьянамъ, опредѣленные книги и жадно слѣдили за впечатлѣніемъ, уви! очень часто совершенно безнадежнымъ. Лангансъ наоборотъ привезъ съ собой нѣсколько серьезныхъ книгъ и, когда не хотѣлось работать, спокойно читалъ ихъ, а безъ газетъ не могъ прожить и дня; въ дружбу къ крестьянамъ не навязывался, но сразу завоевалъ себѣ ихъ уваженіе. Остроумный и наблюдательный онъ высказывался всегда рѣзко и беспощадно о правительствѣ, но надъ пріемами пропаганды Макавѣева жестоко издѣвался; онъ видѣлъ всю трудность того пути, которыми мы пошли, доказывалъ горячо, что такому народничанью, какъ наше грошъ дѣна». «Вѣдь крестьяне смѣются, глядя, какъ ты пашешь землю. А въ это время ты могъ бы быть гораздо полезнѣе въ городѣ, въ партіи». Въ противоположность Макавѣеву онъ не восторгался народомъ, онъ не скрывалъ отъ себя ни его пороковъ, ни его темноты. Но любилъ онъ его какой-то мучительной, страстной любовью. Часто ѣздилъ мы съ Лангансомъ по соседнимъ селамъ, лечили больныхъ. У одного сапожника намъ приходилось перевязывать гнойную рану на ногѣ: сколько мягкой ласки проявлялось у Ланганса при этомъ уходѣ за больными, какъ тепло становилось бѣдняку около этого будущаго террориста, умѣвшаго безъ всякаго вѣшняго лиризма обогрѣть каждого своей любящей душой.

Лангансъ принадлежалъ къ партіи Народной Воли и считалъ, что ея политическія задачи и были особенно необходимыми для того времени, его постоянно тянуло въ городъ къ иной совершенно работѣ, къ другой болѣе живой средѣ, чѣмъ наша тихая идиллія въ лѣсу. Но его здоровье было такъ плохо, что намъ удалось уговорить его переселиться въ насъ.

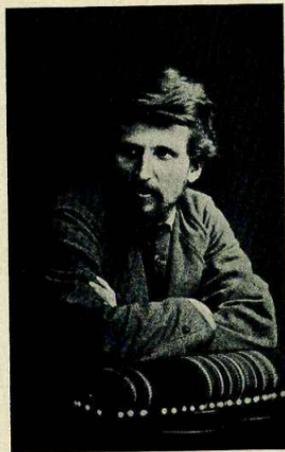
Между тѣмъ съ наступленіемъ осени приходилось подвести итоги нашей лѣтней идилліи: у насъ былъ домъ, амбаръ, прекрасная конюшня, слишкомъ хорошия для имѣнія въ 15 десятинъ. Съ поля мы собрали нѣсколько плодовъ чуднаго золотистаго проса, бураковъ и капусты, но все это едва ли могло про-

¹⁾ См. Процессъ 20-ти народолюбцевъ въ январ. н. «Былого».

кормить насъ всю зиму и не давало денегъ ни на чай, ни на сахаръ; приходилось мужу моему идти въ «отхожіе промыслы» въ статистику; мнѣ съ двухлѣтнимъ ребенкомъ тоже страшно было всю зиму работать на открытомъ воздухѣ, и первая его прогулка заставила насъ взять въ домъ работницу. Страшно огорчало насъ все это, Макавѣевъ одинъ продолжалъ ту же физическую работу. Но это было уже не то: мы правда по прежнему всё ѣли за обѣдомъ изъ одной миски деревянными ложками, по прежнему каждый прохожій и проезжій крестьянинъ свободно заходилъ къ намъ и закутить и побесѣдовать, но разочарованіе мало-по-малу все больше закрадывалось въ душу. Съ появленіемъ толстой румяной Акулины все хозяйство пошло какъ по мановенію волшебной палочки и у всѣхъ вдругъ оказалась масса свободного времени, зазвучало снова фортепьяно, Лангансъ любилъ страстно музыку и часами слушалъ Бетховенскія сонаты. Появились журналы, длинные осенние вечера незамѣтно летѣли въ общіхъ чтеніяхъ, спорахъ. Лангансъ спорилъ хорошо: бывало глаза такъ лихорадочно блестятъ, а доводы, доказательства спокойно неопровержимо побиваютъ противника, устраняютъ всякую ложь и ставятъ правду въ голомъ, неприкрашенномъ видѣ. Онъ былъ революціонеръ-фанатикъ, послѣдователенъ до конца разъ принятой идѣи.

Въ его разсказахъ часто вставало его дѣтство въ деревнѣ Херсонской губерніи, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ. Безъискусственно-чуткая душа мальчика подмѣчала мальѣйшую несправедливость по отношенію къ крестьянамъ и рабочимъ и рѣзко реагировала на нее. Потомъ въ гимназіи вокругъ Ланганса собирается кружокъ гимназистовъ, въ его рукахъ и библиотека, онъ руководитель общіхъ чтеній, его послѣдовательность, дѣльность подчиняетъ ему товарищей. Теченіе 70-хъ годовъ захватываетъ Ланганса и его друзей Макавѣева, Дическула и др. Зачѣмъ кончать гимназію? самообразование дастъ лучшія настоящія знанія; зачѣмъ дипломъ, когда надо не карьеру дѣлать, а идти «въ народъ». Лангансъ бросаетъ гимназію, поступаетъ къ первому попавшемуся ремесленнику, учится ремеслу, и вотъ и агруженные Хитрой механикой и т. п. «нелегалъщиной» пошли они по селамъ Екатеринославщины и Херсонщины «на пропаганду» и очутились очень скоро въ тюрьмѣ.

Теперь Лангансъ уже не вѣрилъ въ пользу расплывчатого народничанья, онъ видѣлъ необходимость сосредоточить всѣ силы въ борьбѣ съ правительствомъ, въ созданіи партійной сильной организаціи. Онъ часто дразнилъ меня нашей хуторской идилліей и хотя нашъ хуторъ нравился ему, но онъ конечно не могъ «въ поворной лѣни высокій подвигъ позабыть.» А тутъ какъ громомъ поразило его извѣстіе о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ на Жилианской въ 1879 г. Лангансъ поспѣшно собрался и отправился въ Кіевъ, куда ему по его поднадворному состоянію совершенно невозможно было ѣхать. Когда черезъ мѣсяць я при-

Мартынъ Рудольфовичъ
ЛАНГАНСЪ.

ѣхала въ Кіевъ, я уже не застала его на волѣ: съ дѣвой партией Кіевскихъ и Одесскихъ политическихъ онъ былъ увезенъ въ Московскую пересыльную тюрьму. Высылка была такая сѣйная, что у большинства заключенныхъ не было ни денегъ, ни бѣлья. Пришлось догонять ихъ, зная, что всѣ этапы тогда оставались на нѣсколько дней въ Мценскѣ. Въ Орлѣ у меня не было ни души знакомыхъ, а между тѣмъ, только Орловскій губернаторъ могъ разрѣшить мнѣ свиданіе съ Лангансомъ и передать ему для всей партіи денегъ. Два дня пришлось ждать пріема и къ радости моей тогдашній губернаторъ Боборыкинъ, милостиво разрѣшилъ мнѣ свиданіе съ «иностраннымъ подданнымъ Мартыномъ Лангансомъ». Прямо отъ губернатора поѣхала я поѣздомъ въ Мценскъ. Лѣтній день клонился къ вечеру, когда я пріѣхала къ исправнику, которому должна была предъявить разрѣшеніе губернатора. Исправникъ спалъ! Какъ долго пришлось мнѣ ждать, пока рѣшились домашніе прервать его послѣобѣденный сонъ. Наконецъ ко мнѣ вышелъ довольно добродушный пожилой военный и сталъ убѣждать меня отложить свиданіе на другой день. Это было невозможно, и начальство сдалось и поѣхало со мной. Вотъ и тюрьма: стоитъ она за городомъ на высокомъ шпиль, вся бѣлая, какая то неприступная, но въ этотъ теплый лѣтній вечеръ, облитая луной, она не лишена была какой то суровой трагической красоты.

Черезъ нѣсколько минутъ я была въ глубинѣ тюрьмы; въ какую то полутемную длинную комнату привели Ланганса, и мы усѣлись втроемъ съ жандармскимъ офицеромъ за небольшимъ столикомъ.

Лангансъ былъ веселъ, сыпалъ остротами и показался мнѣ очень возбужденнымъ; его частыя покашливанья, лихорадочный румянецъ—все обнаруживало начало той страшной грудной болѣзни, которая потомъ и свела его въ могилу. Партія, съ которой онъ шелъ, была дружная, со многими изъ нихъ Лангансъ былъ въ дружбѣ, какъ напр. Павелъ Рябовъ.

Онъ твердо вѣрилъ, что его скоро освободятъ, какъ иностраннаго скданнаго; «и тогда—заграницу махнемъ», незамѣтно сказалъ мнѣ Лангансъ, и по всему его настроенію видна была увѣренность въ будущемъ и непреклонная вѣра въ свое дѣло, свой путь борьбы.

Скоро летятъ минуты тюремныхъ свиданій, жандармскій офицеръ торопилъ насъ, юморъ Ланганса очевидно начиналъ его раздражать. Приходилось наскоро проститься, передать деньги, бѣлье, книги и уйти «на волю», а тамъ за этими желѣзными дверями оставить томиться въ клеткѣ талантливаго полного жизни человѣка, чья дѣятельность могла принести такъ много пользы дѣлу народнаго освобожденія...

Лангансъ дѣйствительно былъ освобожденъ, и осенью 1880 г. я уже получила отъ него письмо изъ Кенигсберга, онъ устроился у своего дяди, типичнаго мелкаго промышленника нѣмца.

Мартынь съ обычнымъ юморомъ описывалъ окружающую его мѣшанискую обстановку. Понятно, что онъ изображалъ въ ней путника, заброшеннаго къ полинезийцамъ, и не могъ остаться дома у своихъ «чужихъ» родственниковъ. Чуть немного возманились его силы, онъ уже бросаетъ Кенигсбергъ, нелегальнымъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и весь отдается работѣ. Теперь онъ въ кружкѣ Кобозева, подготовившемъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, затѣмъ онъ вмѣстѣ съ друзьями принимаетъ (хотя и не непосредственное) участіе въ событіи 1-го Марта, и въ концѣ этого же мѣсяца онъ съ Кобозевой-Якимовой нелегально бѣглецами прѣзжаютъ въ Кіевъ, подъ видомъ купцовъ богомольцевъ, причемъ Якимова останавливается въ Лаврской гостинницѣ. Это былъ мучительный моментъ для партіи Народной Воли, разгромъ ея лучшихъ силъ, бѣгство оставшихся въ живыхъ, горькое сознаніе недозрѣлости общества, неспособнаго овладѣть положеніемъ. Лангансъ пришелъ ко мнѣ, прося дать пріютъ Якимовой, за которой шпіоны ходили чуть не по пятамъ. Въ суетѣ всякихъ конспирацій, дѣловыхъ порученій Лангансъ спокойно давалъ свои распоряженія, холодно обдуманно взвѣсивъ опасность, изыскивая способы довести до конца свое дѣло, спасти его, передавъ въ новыя надежныя руки. Страшная нравственная усталость свѣтилась въ его глазахъ. Въ Царскомъ Саду есть скамейка надъ обрывомъ, передъ ней открывается чудная перспектива Днѣпра, далекихъ лѣсовъ, луговой берегъ Днѣпра. Лангансъ ненавидѣлъ сантиментальность, но природа всегда производила на него сильное впечатлѣніе. Тутъ, скрытый, сдержанный Мартынь какъ будто далъ спастись наружной оболочкѣ холоднаго расчетливаго политика-революціонера и далъ заглянуть въ свою душу: страшное, бездонное горе наполняло ее: образы казенныхъ любимыхъ товарищей и реакція, наглая, торжествующая реакція, хватающая все живое, все благородное, не давала ему покоя. У Ланганса не было личной жизни: дѣло родины, ея свобода составляла цѣль его жизни, товарищи—затѣняли ему семью, онъ любилъ ихъ самоотверженно своей голубино-чистой нѣжной душой.

Въ этотъ же день у Ланганса было назначено конспиративное засѣданіе. Я умоляла его устроить его на моей квартирѣ. Никогда о себѣ не думающій, Мартынь въ настоящую минуту занятъ былъ только безопасностью Якимовой-Кобозевой, моя квартира не казалась ему достаточно безопасной, къ тому же она должна была у меня ночевать, а засѣданіе могло скомпрометировать этотъ послѣдній пріютъ.—Нѣтъ, нѣтъ, строго говорилъ Мартынь: засѣданіе назначено у Фанни и надо туда идти, а то выйдетъ путаница. Мы вернемся къ вамъ часамъ къ 10, вѣдь можно?

Они не вернулись: на квартирѣ Фанни всѣ были взяты и отвезены въ Кіевскій острогъ. Напрасно добивалась я свиданія съ бѣднымъ моимъ другомъ, тщетно передавались ему въ тюрьму

тонкія желѣзныя пилки—поѣтка не удалось устроить, и Лангансъ и Якимова были перевезены въ Петербургъ. Якимова родила въ тюрьмѣ сына; затѣмъ она была сослана въ каторжныя работы на Кару, а мальчикъ былъ воспитанъ семьей д-ра Мартынова. Лангансъ погибъ вскорѣ послѣ суда въ Петропавловской крѣпости. Его слабое здоровье сократило для него мучительную пытку медлительнаго умирания. Не дожидъ онъ до той свободы родины, къ которой рвался всю свою жизнь; для завоеванія этой желанной свободы онъ отдалъ всѣ лучшія силы своей талантливой возвышенной души.

С. Русова.

Историческая библиографія.

П. И. Пестель. *Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію*. СПб. 1906 г.

Въ то недавнее время, когда надъ всюю русскою литературою тяготѣлъ цензурный гнетъ, не извѣдена была конечно отъ него и историческая наука. Извѣстно, что такіе научные труды, какъ второй томъ «Исторіи Екатерины II» В. А. Вильбасова, не были допущены цензурнымъ вѣдомствомъ къ свободному обращенію, а сочиненіе Мордучева по исторіи крестьянскихъ волненій въ Саратовской губерніи («Наканунъ воли» 1890 г.) было уничтожено. Извѣстно, что и нѣкоторыя литературныя произведенія, за которыми числилась уже болѣе чѣмъ столѣтняя давность, не были извѣданы отъ преслѣдованія: такъ еще очень недавно было уничтожено сдѣланное г. Картавовымъ изданіе книги Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Точно также были недоступны публикѣ и конституціонные проекты, какъ напр. проектъ Сперанскаго 1809 г.

Въ концѣ царствованія имп. Александра II академикомъ А. Ф. Бычковымъ былъ приготовленъ къ изданію въ «Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества», состоящаго подъ предѣлательствомъ государя, только что упомянутый планъ государственныхъ преобразованій Сперанскаго, но съ восшествіемъ на престолъ Александра III оглашеніе его въ печати было признано Историческимъ Обществомъ неудобнымъ. Лишь 17 лѣтъ позднѣе, въ 1899 г., мнѣ удалось получить разрѣшеніе А. Ф. Бычкова на печатаніе снятой имъ копии проекта Сперанскаго въ трудахъ другого Историческаго Общества, не Императорскаго, а состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ (см. «Историческое Обзорніе» т. X).

Еще болѣе строгій запретъ лежалъ надъ «Русской Правдой» Пестеля: она осталась недоступною даже для историка царствованія Александра I, М. И. Богдановича, печатавшего свой трудъ по повелѣнію имп. Александра II. Только въ первой половинѣ 1880-хъ гг. «Русская Правда», хранящаяся въ Государственномъ Архивѣ, была распечатана, съ разрѣшенія Александра III, для

академика Дубровина, который уже тогда приступилъ къ изученію исторіи тайнаго общества декабристовъ. Однако годы шли, а трудъ академика Дубровина, отчасти въ виду обширности матеріаловъ, все не выходилъ въ свѣтъ. Послѣ удачной попытки сдѣлать доступнымъ для общества плавань Сперанскаго, я обратился къ Н. Ф. Дубровину съ предложеніемъ напечатать въ «Историческомъ Обзорніи» трудъ Пестеля, но онъ отвѣчалъ, что, разрѣшая ему изученіе всего дѣла о декабристахъ, въ томъ числѣ и «Русской Правды» Пестеля, Александръ III взялъ съ него слово не печатать его историческаго изслѣдованія въ журналахъ по частямъ, а издать его сразу отдѣльною книгою.

Но если до поры до времени Н. Ф. Дубровинъ считалъ себя связаннымъ взятымъ съ него словомъ (въ 1904 г. онъ, впрочемъ, приступилъ къ изложенію исторіи тайнаго общества декабристовъ въ статьяхъ, печатавшихся въ «Русской Старинѣ»), то онъ по крайней мѣрѣ имѣлъ возможность снять полную копию съ «Русской Правды» Пестеля. Послѣдующіе изслѣдователи были лишены и этого права. Къ изученію дѣла о декабристахъ до сихъ поръ допущены лишь немногіе ученые, всякій разъ съ разрѣшенія государя. 10 Марта 1903 г. мнѣ также было дозволено заниматься «дѣлами декабристовъ, и въ томъ числѣ «Русскою Правдою» Пестеля, съ обязательствомъ ограничиться выписками, не снимая съ нея полной копии». Такимъ образомъ въ нашемъ архивномъ дѣлѣ есть разныя мѣрки: академику генералу Дубровину можно снимать полную копию «Русской Правды», изслѣдователю же, не пользующемуся особыми привилегіями, это не дозволяется. Самодержавный режимъ даже и въ области исторической науки былъ вѣрнѣе себя: онъ награждалъ монополиями лицъ, въ благонамѣренности которыхъ былъ увѣренъ.

Смерть академика Дубровина въ 1904 г. остановила почти въ самомъ началѣ печатаніе его очерковъ по исторіи декабристовъ. Его бумаги поступили въ рукописное отдѣленіе библиотеки Академіи Наукъ, и П. Е. Щеголеву пришла благая мысль воспользоваться существованіемъ въ этихъ бумагахъ копій «Русской Правды», чтобы напечатать замѣчательное произведеніе Пестеля и такимъ образомъ обойти тяготившее до тѣхъ поръ надъ нимъ запрещеніе. Мысль эта нынѣ осуществлена г. Щеголевымъ и запретъ, лежавшій надъ этимъ памятникомъ, подорванъ.

Напечатаніе «Русской Правды» является своего рода торжествомъ русской исторической науки: уничтожено одно изъ ограниченій, тяготившихъ надъ нашими историками. Какимъ образомъ приходится подвергаться русскимъ изслѣдователямъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. По ходатайству Академіи Наукъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи мнѣ изучать дѣла о декабристахъ и документы послѣдующаго времени по исторіи общественныя идей до вступленія на престолъ Александра III, хранищахъ въ Департаментѣ Полиціи, мнѣ было разрѣшено изученіе матеріаловъ эпохи Николая I; рукописи же времени

Александра II остались для меня недоступными. Это ограничение распространяется не только на тѣ дѣла, которыя были начаты при Александрѣ II, но даже и на окончаніе дѣлъ, тянувшихся со времени Николая I. Такимъ образомъ, получивъ дѣло о какомъ либо лицѣ, имѣвшемъ несчастіе обратиться на себя вниманіе III Отдѣленія собственной его величества канцеляріи, и доведя изученіе его въ хронологическомъ порядкѣ до восшествія на престолъ Александра II, я нахожу остальную часть дѣла *зашнурованною* специально для того, чтобъ помѣшать мнѣ съ нимъ ознакомиться! Когда мы будемъ имѣть министра внутреннихъ дѣлъ не изъ среды отличившихся совсѣмъ особаго рода благонамѣренностью чиновниковъ, а изъ представителей господствующей партіи въ Государственной Думѣ, историки получатъ конечно право изучать всѣ законченныя и сданныя въ архивъ дѣла безъ всякихъ ограниченій.

При существующихъ порядкахъ, которые дѣлаютъ снятіе полныхъ копій съ документовъ, имѣющихъ даже 80-лѣтнюю давность, монополию лишь привилегированныхъ ученыхъ, изданіе «Русской Правды», вопреки этимъ ограниченіямъ, должно, какъ мы уже сказали, считаться торжествомъ исторической науки. Къ сожалѣнію это торжество значительно испорчено... по винѣ издателя.

«Русская Правда», конституціонный проектъ П. И. Пестеля», говоритъ г. Щеголевъ, «издается нами по списку, сдѣланному покойнымъ академикомъ Н. Ф. Дубровинымъ и хранящемуся въ рукописномъ отдѣленіи Библиотеки Академіи Наукъ. Списокъ представляетъ точное воспроизведеніе подлинника». Последнія слова не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что г. Щеголевъ или свѣрилъ списокъ Дубровина съ подлинникомъ, или воспользовался его существованіемъ для того, чтобы издать собственную копию «Русской Правды». Какъ бы то ни было, издатель ручается за точность «воспроизведенія подлинника». Посмотримъ, такъ ли это.

Нужно прежде всего замѣтить, что въ книгѣ, изданной г. Щеголевымъ заключаются два труда Пестеля: собственно «Русская Правда», изъ которой, вмѣсто предполагавшихся 10 главъ, имѣются въ подлинной рукописи лишь введеніе и первая 5 главъ, и затѣмъ болѣе ранній трудъ Пестеля «Записка о государственномъ управленіи», изъ котораго сохранились лишь нѣкоторые тетради и который имѣетъ гораздо меньшій интересъ, сравнительно съ главнымъ трудомъ Пестеля. «Русская Правда», въ изданіи г. Щеголева, занимаетъ 144 стр., остальные 100 стр. заняты «Запискою о государственномъ управленіи». Мои замѣчанія будутъ относиться почти исключительно къ изданію «Русской Правды».

Въ § 5 третьей главы «Русской Правды» мы находимъ у г. Щеголева пропускъ. На стр. 62 (строка 17 сверху) послѣ словъ «отдѣльнаго сословія», пропущено слѣдующее мѣсто: «Сіе

относится до блага только духовенства, ибо черное отрывается отъ всего свѣта, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ всѣхъ правъ рос. гражданства, поступая на совсѣмъ особое положеніе. Сверхъ того, послуюкъ духовенство есть часть правительства, то и могутъ исполнять духовныя должности одни только рос. граждане; иностранцы же не могутъ къ тому быть допускаемы».

На стр. 200 изъ словъ подлинника: «свободное» *книгопечатаніе, свободное вѣроисповѣданіе* набранное курсивомъ пропущено.

На стр. 221, мѣсто, касающееся вопроса о бракѣ, напечатано такимъ образомъ: «1) Что бракъ воспрещается тѣмъ лицамъ, кои состоятъ на одной степени родства, и коиъ притомъ линіи родства сходятся въ одну точку въ первой восходящей степени, 2) что бракъ воспрещается тѣмъ лицамъ, кои состоятъ въ разныхъ степеняхъ родства и коиъ притомъ линіи родства сходятся въ второй восходящей степени, считая отъ лица въ нижней степени состоящаго, и 3) что всѣмъ прочимъ родственникамъ бракъ дозволяется»... Все набранное курсивомъ пропущено.

На стр. 223: «при расторженіи брака должна половина движимаго и недвижимаго имущества»... Набранное курсивомъ пропущено.

На стр. 231 п. 11: «Никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ по точнымъ словамъ закона, безъ всякаго толкованія словъ закона». Следнія пять словъ пропущены.

На стр. 241 (строка 16 сверху) пропущены слова: «за сіи вклады не будетъ гражданамъ ростовъ выдаваться». На той же страницѣ (14 строка снизу) пропущены слова: «Единовременные же вклады должны всегда въ деньгахъ состоять». На стр. 242 (2 строка сверху) также пропущено нѣсколько словъ.

Менѣе важные пропуски мы могли бы указать еще на 38 страницахъ изъ 144 стр. «Русской Правды».

На стр. «Русской Правды»: 50—51, 61—65, 88, 206—207 періоды и параграфы расположены не въ томъ порядкѣ, какой указанъ Пестелемъ. На 23 страницахъ «Русской Правды» находимъ расположеніе нѣкоторыхъ словъ не въ томъ порядкѣ, какъ указано авторомъ.

Весьма много словъ напечатано невѣрно; укажемъ болѣе важныя, искажающія смыслъ ошибки: на стр. 54 (2 стр. снизу) напечатано: «пользоваться русскимъ», вмѣсто: «признаваться русскимъ»; на стр. 81: «первый курсъ» вмѣсто «полный курсъ»; на стр. 199: «образование провинцій» вмѣсто «образование правленія»; далѣе, на той же страницѣ: «распространяется по волостямъ, т. е. по различнымъ единицамъ», а должно быть: «распредѣляется по волостямъ, т. е. по политическимъ единицамъ»; на стр. 207: «не оставаясь въ ихъ зависимости» вмѣсто «не отдаваясь въ ихъ зависимость»; на стр. 208: «сильбѣйшею природою государства» вмѣсто «сильбѣйшею подпорою государ-

ства»; стр. 219: «съ различными вещами» вместо «съ различными вещами»; на стр. 226 (строка 7 сверху) напечатано «въ залогъ» вместо «въ займы»; на стр. 243 и въ некоторыхъ другихъ мѣстахъ: «мѣстнаго собранія» вместо «намѣстнаго собранія». Ошибки менѣе важныя мы могли бы указать на 65-ти страницахъ изъ 144 страницъ «Русской Правды».

«Записку о государственномъ управленіи» я не свѣрялъ цѣликомъ съ подлинникомъ, но и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, которыя я проверилъ, нашлись и пропуски, искажающіе смыслъ (напр. на стр. 158 напечатано: «полковой бюстиитель (аудиторъ) и всѣ прочіе полковые чиновники», тогда какъ вместо союза и должны были быть слова: «и присяжными»), и ошибки, искажающія смыслъ (напр. на стр. 102, 6 строка снизу, напечатано «иногда» вместо «никогда») и неправильное расположеніе периодовъ одинъ относительно другого (на стр. 144 вслѣдствіе этого утрачена важная мысль о благотѣльномъ вліянніи сокращенія срока службы на эмансипацию крестьянъ и распространеніе просвѣщенія).

Изъ тѣхъ набросковъ Пестеля, которые переплетены вмѣстѣ съ «Русскою Правдою» и не вошли въ изданіе г. Щеголева, безусловно заслуживаетъ напечатанія неоконченная замѣтка подъ заглавіемъ «Дѣлежъ земель», такъ какъ она имѣетъ очень большое значеніе для характеристики его взглядовъ на аграрный вопросъ. Кромѣ того слѣдовало бы отмѣтить, что предъ отдѣленіемъ вторымъ «Записки о государственномъ управленіи» (стр. 163 изд. г. Щеголева) есть особый листъ, на которомъ мы находимъ слѣдующее заглавіе: «Краткое умозрительное обзоріе государственнаго правленія» (вѣроятно лишь вариантъ заглавія: «Записка о государственномъ управленіи»). «Сочиненіе Русскаго Гусара. 1820». Хронологическая дата устанавливаетъ время, когда Пестель работалъ надъ этимъ болѣе раннимъ, сравнительно съ «Русскою Правдою», произведеніемъ. Загѣть, интересно и заслуживаетъ напечатанія находящееся на томъ же листѣ оглавленіе 10 главъ «Гражданскаго Судебника», составленіе котораго, какъ видно, тогда задумывалъ Пестель.

Каковъ же общій выводъ относительно изданія г. Щеголева? Я полагаю, что достаточно доказалъ всю его неудовлетворительность. Я думаю, что издатель нравственно обязанъ *проверить вновь по подлиннику все свое изданіе* и приложить къ нему списокъ всѣхъ ошибокъ и пропусковъ, давъ возможность получить этотъ списокъ и тѣмъ, кто ранѣ купилъ изданіе «Русской Правды». Мы понимаемъ, что этотъ обширный списокъ ошибокъ можетъ сильно повредить репутаціи г. Щеголева, какъ издателя историческихъ памятниковъ, но тутъ ему приходится уже пенять на себя. Не оправданіемъ, но нѣкоторымъ объясненіемъ, можетъ служить желаніе издателя какъ можно скорѣе познакомиться широкіе круги читателей съ замѣчательнымъ трудомъ самаго выдающагося изъ декабристовъ; но именно уваженіе къ памяти

этого страдальца за идею политической свободы обязывало г. Щеголева воздержаться отъ его вредной поспѣшности. Я считаю своимъ долгомъ высказать г. Щеголеву всю правду, потому что цѣнью его, какъ талантливаго исследователя. Будемъ ждать отъ него продолженія научныхъ работъ (хотя я не всегда согласенъ съ нимъ въ томъ, что онъ считаетъ нужнымъ въ нихъ выдвигать) и будемъ очень рады, если онъ воздержится отъ такихъ предпріятій, какъ разобранное мною изданіе. Повторяю, уваженіе къ памяти Пестеля должно было бы обязать издателя его труда быть болѣе внимательнымъ, теперь же г. Щеголеву остается или заново перепечатать трудъ Пестеля, или приложить къ своему изданію длиннѣйшій списокъ поправокъ¹⁾.

В. Семеновъ.

В. АКИМОВЪ (Мажновецъ). Очеркъ развитія социаль-демократіи въ Россіи. Изд. О. Н. Поповой.

Социаль-демократія для всякаго, кто пожелалъ-бы руководствоваться западно-европейскимъ пониманіемъ этого слова,— есть политическая партія, берущая на себя руководство политической борьбой рабочаго класса. Въ Россіи же, гдѣ рабочей классъ долгое время не принималъ участія въ политической борьбѣ, социаль-демократической партіи именовались объединенные кружки интеллигентовъ и сознательныхъ рабочихъ, занимавшіеся пропагандой и агитаціей въ рабочей средѣ. Образование такихъ кружковъ, а тѣмъ болѣе ихъ планомерное образованіе, было до чрез-

¹⁾ По поводу рецензій В. И. Семеновскаго на мое изданіе «Русской Правды» могу сказать слѣдующее. Замышляя издать «Русскую Правду» по списку, хотя бы и не совершенному, а не имѣя въ виду *забытъ научнаго, академическаго изданія*. Мнѣ казалось, что въ такія времена возможно скорѣе познакомиться широкіе круги общества съ трудомъ Пестеля. Списокъ Дубровина для этой цѣли совершенно недостаточенъ: несмотря на факторіальную отступленія, онъ даетъ полное представленіе о «Русской Правдѣ». Въ этомъ смыслѣ онъ точно воспроизводитъ подлинникъ». В. И. Семеновскому извѣсны условія работы въ Архивѣ при существованіи отмѣченныхъ имъ же ограниченій. Насколько эти условія позволяли, я свѣрялъ списокъ по подлиннику и по сдѣланнымъ мной выпискамъ, но, именно не подлагаясь на добродѣтельность свѣрки, я *вовсе не указалъ* въ предисловіи, что списокъ свѣрялъ съ подлинникомъ, а ограничился только общій характеристикой списка. Душно, что мое изданіе въ разрядъ неудовлетворительныхъ никакимъ образомъ занесено быть не можетъ; оно даетъ, во-первыхъ, хорошее представленіе о трудѣ Пестеля, а во-вторыхъ значительно облегчаетъ работу будущему ученому издателю «Правды», ибо представляетъ результаты нѣкотораго научнаго рѣшенія, о которой нельзя сказать, что она легко поддается рабству и не заключаетъ спорныхъ для чтенія мѣстъ. Впрочемъ, получивъ нынѣ возможность проверить «Правду» по подлиннику, (а возможность эта *открыта именно моими изданіемъ*), я и въ виду въ особомъ дополненіи исчерпать всѣ особенности подлинника и исправить всѣ неточности изданія.

вычайности затруднено полицейским режимом, создававшим всяческие препоны проникновению пропагандистов и их литературы в рабочие круги. Для обхода этих препонов, требовался аппарат, особая тайная организация «профессиональных революционеров», которая ошибочно многими понималась как партия. За партию же эту организацию принял и В. Акимов, который вместо очерка развития тайной организации для пропаганды соц.-демократических идей и для руководства *отдельными* проявлениями рабочего движения—иногда экономического, иногда политического—пытается дать историю развития несуществовавшей партии, вследствие чего получилась чрезвычайная запутанность и, главное, схоластичность построений.

Отсутствие открытой политической партии отнюдь не означает отсутствия политической жизни и движения, подобно тому, как отсутствие профессиональных союзов не означает отсутствия экономического движения. В России было и политическое, и экономическое движение рабочих. Русская интеллигенция не только социаль-демократическая, но и социалистическая иных отбътков не могла, конечно, не сливаться тѣмъ или инымъ путемъ съ этими движениями. Но въ ходѣ развития этого слиянія нельзя установить рѣшительно никакой закономерной зависимости одного движения—рабочаго, отъ другого—интеллигентскаго, или наоборотъ. И то и другое движение, не находясь по условіямъ дѣйствительности въ прямыхъ и зависимыхъ между собою отношеніяхъ, опредѣлялись часто совершенно случайнымъ, внѣ ихъ лежащими обстоятельствомъ. Въ 1892 году городской голова города Вильны, въ лице ремесленной управы расклеилъ по городу объявленіе о старомъ законѣ Екатерины II (о 12 час. рабочемъ днѣ) и это ничтожное на первый взглядъ обстоятельство дало толчокъ крупному движению ремесленного пролетариата. А между тѣмъ до этой «пикн» соц.-дем. интеллигенція работала въ пролетарскихъ кругахъ западнаго края, читая рабочимъ естественную историю и другія научныя вещи, мечтала о рабочемъ движеніи, не имѣя возможности его создать. То, что легко далось ремесленному головѣ, не давалось работникамъ-соціалистамъ, много разъ ломавшимъ головы надъ созданіемъ «широкаго рабочаго движенія». Вотъ почему схоластикой въѣтъ отъ стремленія В. Акимова установить «теорію стадій развития» социаль-демократической партии. Въѣсто того, чтобы написать *исторію развития рабочаго движенія въ Россіи* и слѣдовательно, исторію развития въ немъ предпосылки для образованія рабочей социаль-демократической партии, Акимовъ своей «исторіей стадій» пытается установить внутреннюю закономерность въ развитіи попытокъ интеллигенціи *содействовать* рабочему движенію. Но такой внутренней закономерности нѣтъ, и «теоріи» различныхъ фракцій социаль-демократіи стоять въ гораздо большей связи съ общими ходомъ всей русской и въ особенности политической жизни, чѣмъ съ рабочимъ движеніемъ. Наоборотъ, въ большин-

ствѣ случаевъ можно констатировать полную «независимость» соц.-дем. тайныхъ организаций отъ хода рабочаго движенія. Поэтому, нельзя принять ни съ оговорками, ни безъ оговорокъ и основной мысли г. Акимова, съ точки зрѣнія которой написана вся книга,—о теоріи стадій. «Первоначально,—пишетъ г. Акимовъ,—движеніе слабо проявлялось на поверхности общественной жизни, не было массовымъ. Сознательнымъ идеологамъ пролетариата оставалось лишь самимъ готовиться для будущей борьбы и заниматься подготовкою отдѣльных рабочихъ, чтобы создать кадры сознательныхъ социаль-демократовъ для того момента, когда въ нихъ будетъ нуждаться массовое движеніе. Это былъ періодъ культивирования отдѣльных личностей въ кружкахъ, стадія кружковщины. Потомъ, когда стихийное недовольство массъ ихъ экономическимъ положеніемъ привело ихъ въ движеніе, социаль-демократы быстро измѣнили свою тактику и сумѣли стать вожаками пролетариата въ этой его борьбѣ. Это была стадія экономизма. Далѣе, когда эта борьба развилась, рабочие увидѣли, что они лишены элементарныхъ правъ... Пролетариатъ, въ процессъ борьбы, пришелъ къ сознанию правовыхъ (интересовъ). Социаль-демократія являлась передовымъ отрядомъ пролетариата и въ эту стадію,—стадію общественно-правовой борьбы рабочаго класса, которая получила названіе «такъ называемаго экономизма». Къ началу 1901 г. движеніе въ разныхъ концахъ Россіи стало принимать единообразный характеръ; борьба съ правительствомъ за права личной и общественной свободы поставила передъ пролетариатомъ задачу борьбы противъ правительства, задачу борьбы противъ участія въ власти, политической борьбы. Это была стадія «искризма». Акимовъ устанавливаетъ затѣмъ, что черезъ эти четыре стадіи—какъ черезъ дѣтскія болѣзнь—прошли всѣ центры русскаго рабочаго движенія въ Вильнѣ, Кіевѣ и Петербургѣ. Изъ этого Акимовъ выводитъ обязательность ихъ для движенія вообще; между тѣмъ многие центры движенія совсѣмъ не переживали послѣдовательно этихъ стадій, сразу, минуя кружки, начинали съ экономической борьбы или (какъ это было въ 1905 году) съ политической стачки; слѣдовательно, «стадіи» нельзя разсматривать, какъ присущія соц.-демократіи или рабочему движенію формы развитія. Первая стадія, о которой говоритъ г. Акимовъ,—стадія кружковщины,—вовсе не является фазисомъ развитія рабочаго движенія: это лишь приемъ социаль-демократической интеллигенціи, путемъ котораго она ознакомилась съ положеніемъ, нуждамъ рабочихъ, заводила связи въ рабочей средѣ, готовила отдѣльныхъ сознательныхъ рабочихъ. Напротивъ, вторая стадія,—стадія массовой пропаганды и агитации,—является фазисомъ развитія рабочаго движенія. Долгое время стачки рабочихъ носили случайный характеръ; вскорѣ послѣ годовалнаго 1891—2 г. разрозненные стачки начали уступать мѣсто единому рабочему движенію. Социаль-демократическая интеллигенція и сознательные ра-

бочие заняли в нем руководящую роль, занялись экономической агитацией и политической массовой пропагандой. Таким образом, первая и вторая стадии г. Акимова—явления различных порядков. Третья стадия—такъ называемого экономизма—искусственно обособлена от второй. Теоретиковъ или практиковъ грубого экономизма никогда в русском рабочемъ движении не существовало, и это дѣленіе—плодъ не движения, а партийныхъ распрей, доводящихъ до абсурда всякую тѣнь разногласія. Стадія массовой агитации и пропаганды съ дальѣйшимъ ростомъ рабочаго движения должна была естественно привести рабочій классъ къ борьбѣ съ самодержавно-бюрократическимъ правительствомъ. Но этотъ фазисъ рабочаго движения въ книжкѣ г. Акимова не затронутъ. Вместо него онъ говоритъ о стадіи искрива, чисто-интеллигентской затѣ. Подъ влияніемъ полицейскихъ преслѣдованій среди социаль-демократической интеллигенціи появилась идея созданія, подъ именемъ партіи, организаціи профессиональныхъ революціонеровъ. Корень этой организаціи былъ въ полицейскихъ порядкахъ страны. Конечно, такая организація не имѣетъ ничего общаго съ рабочей партіей, вырастающей изъ рабочаго движения, какъ слѣдствіе его развитія. Невѣрно и наименование этой организаціи рабочей социаль-демократической партіей. Акимовъ не замѣчаетъ этого и продолжаетъ говорить о партіи, хотя сама партія, какъ *цѣлое, какъ действующее лицо съ опредѣленной физиономіей, съ опредѣленными и планомерными политическими дѣйствіями ни разу не появлялась* въ книгѣ г. Акимова. Мы видимъ «стадіи», видимъ распри,—за кулисами этихъ распрей—мелькомъ упоминаемое рабочее движение, но самой партіи, объ исторіи которой идетъ рѣчь,—мы такъ и не видѣли.

Запутавшись въ своихъ стадіяхъ, Акимовъ не привелъ исторіи партіи къ тому, къ чему, напр., привелъ еѣ А. Н. Потресовъ (Этюды о русской интеллигенціи), который анализомъ условий партийной работы подъ надзоромъ полиціи показалъ, что само существованіе партіи было невозможно, а всѣ попытки ея организаціи—были сплошной трагедіей русской интеллигенціи.

Невѣрно построивъ свой анализъ «попытокъ» организаціи партіи и сосредоточивъ все свое вниманіе не на условіяхъ организаціи рабочей партіи вообще и русской въ частности, не давъ въ этомъ направленіи рѣшительно никакихъ руководящихъ принциповъ, Акимовъ довольно удачно—въ предѣлахъ эмпирическихъ обобщеній—демонстрировалъ исторію борьбы организаціонныхъ принциповъ, борьбу, раздѣлившей все время нашу интеллигенцію. Но во всей книжкѣ мы не находимъ даже намекъ на тотъ единый организаціонный принципъ социаль-демократической рабочей партіи, который естественно выдвигается всѣмъ ходомъ развитія рабочаго движения. Этого принципа нѣтъ ни въ четырехъ стадіяхъ Акимова, ни въ его анализѣ интеллигентскихъ распрей; его можно вывести не изъ случайнаго историче-

скаго сочетанія условій, а лишь *изъ анализа внутренней законности развитія рабочаго движенія въ разныхъ историческихъ обстановкахъ.*

Мы думаемъ, что только тогда, когда изъ исторіи развитія русскаго рабочаго движенія выростетъ принципъ организаціи русской социаль-демократической партіи,—тогда, и только тогда начнется ея исторія. Акимовъ-же писалъ о до-историческомъ періодѣ, въ задачи котораго входила не организація единой рабочей партіи, а пропаганда и агитация въ рабочемъ классѣ для популяризаціи социаль-демократическихъ идей. Это была нужная и важная работа, какія-бы ошибки въ ней ни были допущены; она требовала созданія нелегальнаго аппарата, приспособленнаго не для политической борьбы, а для обхода основнаго зла русской жизни, аппарата полицейскаго. Не кричать «вы обезславили имя социаль-демократіи», а утверждать, что ея еще и не было въ Россіи, слѣдовало-бы всякому историкъ русской социаль-демократіи. Не только грандіозные размѣры русскаго рабочаго движенія, но и вся обстановка, въ которой оно совершается, говорятъ за то, что обнажается все яснѣй и яснѣй принципъ образованія дѣйствительной рабочей социаль-демократической партіи, активными и крупными участниками которой сдѣлаются тѣ, которыхъ «унизили и обезславили» то, чего не существовало... Ихъ многолѣтняя работа, ихъ невольная специализація на вопросахъ русскаго рабочаго движенія придвинетъ и уже придвинула именно ихъ къ тѣмъ слагающимся молодымъ организаціямъ пролетаріата, которыя явятся основой для организаціи партіи. И не къ организаціи «авангарда», не къ перемотури своихъ «разногласій» нужно присылать. Нужно звать всѣхъ желающихъ идти объ руку съ русскими рабочимъ движеніемъ къ признанію всѣхъ «разногласій» удѣломъ прошлаго и къ упорной работѣ на пользу того будущаго, которое *начнетъ* исторію русской социаль-демократической партіи. Легенда о существованіи партіи въ прошломъ должна быть уничтожена во имя созданія здороваго партіи въ будущемъ. Само рабочее движеніе отъ этого только выиграетъ. Историкъ нѣмецкой социаль-демократіи, Мериנגъ, пишетъ: «Я чувствовалъ, какъ часто и рѣзко мнѣ придется выступать противъ многихъ традицій, многихъ представленій, которыхъ близи сердцу многихъ и притомъ не самыхъ плохихъ членовъ партіи. Никто такъ ясно не пойметъ субъективнаго оправданія, даже объективной необходимости такихъ преданій и представленій, какъ историкъ революціонной рабочей партіи, но ему меньше, чѣмъ кому бы то ни было, слѣдуетъ падать еѣ. Историческое повѣствованіе, которое оставилось-бы осторожно предъ той или иной легендой, какъ-бы понятна и извинительна она ни была, тѣмъ самымъ признало-бы себя лишеннымъ всякой цѣнности. Если революціонная рабочая партія подвержена общей участи борющихся арій создавая себѣ легенды и ореолы, то ей нѣтъ надобности, слѣдуя извѣстному софиту Мольтеке, искусственно поддерживать такіи

легенды и ореолы в качестве необходимого элемента своей дисциплины. Для нея необходима, напротив, беспрепятственная самокритика» (Мерингъ, Ист. нѣм. сод. дем., стр. 380—81). Ни Акимову, ни другимъ историкамъ нѣтъ надобности создавать легенды о четырехъ стадіяхъ; нужно изучить само рабочее движеніе въ условіяхъ русской жизни, тогда и до-историческій періодъ социальдемократіи представитъ въ иномъ видѣ.

Суммируемъ сказанное: если-бы Акимовъ задался цѣлью написать исторію социаль-демократическихъ кружковъ и ихъ попытокъ къ сближенію съ рабочимъ классомъ,—что фактически въ своей книгѣ онъ только и сдѣлалъ,—то его работа представляла бы несомнѣнно цѣнное пособие для изученія исторіи нашего *интеллигентскаго* революціоннаго движенія. Но борясь съ окутавшими нашу соц.-демократію предрассудками, самъ Акимовъ не только не отдался отъ нихъ въ процессѣ анализа, но даже нагромоздилъ новые. Отсюда не только всѣ дефекты его книги, но и отсутствие въ ней всякой научной цѣности. Тѣмъ не менѣе, книга Акимова, какъ первый опытъ собранія въ одно цѣлое многихъ *фактовъ* изъ жизни существовавшихъ въ различныя времена и въ различныхъ городахъ соц.-дем. кружковъ, представляетъ несомнѣнный интересъ. Такіе *сборники* безусловно необходимы для будущаго историка, который сдумѣетъ сдѣлать то, чего не сдумѣлъ сдѣлать Акимовъ,—*синтезировать* и осветить *научнымъ* свѣтомъ заключенный въ подобныхъ сборникахъ сырой матеріалъ.

Въ заключеніе фактъ изъ «исторіи» нашего времени: книга Акимова конфискована, и ее авторъ, равно какъ и издательница привлечены къ судебной отвѣтственности. Вотъ это уже не изъ области легендъ или факцій, а изъ самой доподлинной дѣйствительности.

Е. Кукова.

Книгоиздательство «Свѣточъ». Серия: «Избранныя произведенія политической литературы».

В. Г. Бѣлинскій—*Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгеровъ. И. С. Тургеневъ.—Порогъ. (Не вошедшее въ собраніе сочиненій «стихотвореніе въ прозу»)*.

Знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю было написано, какъ известно, авторомъ въ половинѣ 1847 года, и съ тѣхъ поръ т. е. почти въ теченіи *шестидесяти* лѣтъ оставалось для «широкой публики» запретнымъ плодомъ. Какъ палеонтологъ иногда по одной случайно сохранившейся кости бываетъ въ состояніи возстановить цѣльный образъ какого нибудь давно исчез-

нуванаго съ поверхности нашей планеты животнаго, такъ одинъ этотъ фактъ, исчезая какимъ нибудь чудомъ тысячъ другихъ ему подобныхъ и несравненно болѣе возмутительныхъ, послужилъ бы для будущаго историка Россіи XIX вѣка неотразимымъ доводомъ для оставленія безпощаднаго обвинительнаго акта противъ всей эпохи, продолжавшейся отъ царствованія Николая I до нашихъ дней. И потомство—судя сказано бы на такой обвинительный актъ: да, вершители судебъ Россіи названной эпохи виновны и не заслуживаютъ снисхожденія. И если бы великая русская Революція имѣла своимъ результатомъ *только* возвращеніе русскому народу похищенныхъ у него темными силами произведеній мысли и чувства его великихъ писателей, то и тогда потомство безъ сомнѣнія привѣтствовало бы ее кликами: осанна! осанна! Но Революція принесетъ съ собою, конечно, далеко не одинъ только этотъ результатъ...

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю неоднократно печаталось заграницею, но въ Россіи оно никогда не появлялось не только въ отдѣльномъ изданіи, но не было даже приведено полностью въ многотомномъ, доступномъ лишь специалистамъ, сочиненіи Варсукова «Жизнь и труды Погодина». Честъ изданія этого историко-литературнаго памятника,—притомъ изданія маленькаго, дешеваго, а слѣдовательно доступнаго всему народу, отдѣльную брошюру,—принадлежитъ всецѣло нашему известному историку русской литературы С. А. Венгерову.

«Порогъ»—это чудное произведеніе другого великаго русскаго писателя, было похищено у русскаго народа все тѣмъ же его врагами. Теперь и оно возвращено народу по принадлежности. Мы не будемъ пересказывать содержанія глубоко-проникновеннаго и дивно-художественнаго произведенія Тургенева,—оно, конечно, теперь известно всѣмъ,—и скажемъ лишь нѣсколько словъ о предисловіи къ нему С. А. Венгеровъ, съ которымъ мы нѣсколько не согласны. Намъ непонятно, почему С. А. Венгеровъ утверждаетъ, что Степнякъ (С. М. Кравичинскій), «писавшій свои очерки приблизительно въ 1883 году, не зналъ «Порога», *ставшаго известнымъ значительно позже*». (Стр. 6. Курсивъ нашъ). Мы утверждаемъ обратное: мы утверждаемъ, что въ революціонной средѣ «Порогъ» былъ уже известенъ именно въ 1883 и даже 1882 году. Раскрываемъ статью П. Л. Лаврова «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества» и читаемъ такія строки: «я имѣю основаніе думать, что судя, приговоръ и казнь 3 апрѣля (Перовской и ея товарищей В. Б.) произвели на него (Тургенева) сильное впечатлѣніе и что подъ этимъ впечатлѣніемъ написано имъ стихотвореніе въ прозѣ «Порогъ», которое не вошло и не могло войти въ составъ того, что было напечатано въ слѣдующемъ году въ «Вѣстникѣ Европы», *но было мною прочтано имъ лѣтомъ 1882 г.*, вмѣстѣ съ тремя другими, тамъ напечатанными». («Вѣстникъ Народной Воли» № 2, стр. 141). Ни откуда не слѣдуетъ, что Тургеневъ взялъ слово съ Лаврова хранить молчаніе о «Порогѣ». Затѣмъ 25 сентября 1883 года въ

самомъ Петербургѣ въ типографіи «Народной Воли» былъ напечатанъ листокъ озаглавленный «И. С. Тургенева». (По поводу его смерти). Къ этому листку полностью приложено и стихотвореніе въ прозѣ «Порогъ», изъ чего уже несомнѣнно слѣдуетъ, что произведеніе это было извѣстно въ революціонной средѣ уже въ 1883 году, а вовсе не «значительно позже» того. Авторомъ листка «Тургеневъ» было лицо нынѣ здравствующее и хорошо извѣстное, какъ С. А. Венгерова, такъ и пишущему эти строки. Листокъ «Тургеневъ» вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему «Порогомъ» перепечатанъ въ сборникѣ Вазилевскаго «Литература партіи Народной Воли» (стр. 951—954).

Это маленькое указаніе на неточность нѣкоторыхъ соображеній С. А. Венгерова касательно «Порога» отнюдь, конечно, не уменьшаетъ цѣнности выпуска имъ въ свѣтъ замѣчательнаго произведенія Тургенева, которому мы желаемъ самаго широкаго распространенія.

В. Богучарскій.

«Эмма». Романъ Швейцера, переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе А. Тверской и К^о. 1906 г. II. 1 рубль.

Большинство русскихъ интеллигентовъ съ юности помнитъ эту книгу, если не по содержанію, то хоть по названію. Романъ Швейцера всегда значился въ тѣхъ завѣтныхъ литографированныхъ, а еще чаще даже просто рукописныхъ каталогахъ систематическаго чтенія, которые такъ хорошо знакомы намъ всѣмъ. Въдѣ наше умственное воспитаніе шло между двумя списками, — съ одной стороны это «нелегальныя» программы самообразованія, въ центрѣ которыхъ всегда стояли социальные вопросы, а съ другой полицейскій index, гдѣ, пожалуй, исходной точкой брались тѣ-же социальные вопросы. Оба списка состояли въ незаконномъ, но фатальномъ родствѣ и оба оказывали свое вліяніе на молодые умы. Разъ запрещено, значитъ надо во что бы то ни стало достать и прочитать. Не знаю хорошенко, попала-ли «Эмма» въ index. Въ статьѣ Богучарскаго, «Цензурныя взысканія» (Энцикл. Слов.), этой книги нѣтъ въ числѣ запрещенныхъ. Тамъ названъ другой романъ Швейцера «Люцинда». Но почему-то въ моихъ воспоминаніяхъ «Эмма» осталась какъ запретный плодъ, на ряду съ «Что дѣлать?» и «Свѣтловымъ». Эти тайно читавшіяся книги были своего рода этапами для пробуждающагося сознанія. Утопическія перспективы наполняли жизнь захватывающимъ, жгучимъ интересомъ, отъ котораго душа росла и расширялась, требовала подвига, уже тянулась къ какому-то еще несомнѣвнѣ сознанному, но властному служенію. И мысль, пробу-

жденная яркостью новыхъ художественныхъ впечатлѣній, начинала работать рѣзче и отчетливѣе. У многихъ жизнь стерла потому эту яркость, этотъ порывъ. Но, къ счастью русскаго народа и къ гордости русской интеллигенціи, далеко не всѣ позволили тираннической дѣйствительности кастрировать свой духъ. Эти «безсмысленные мечтатели» съ ревнивой заботливостью затаили въ себѣ завязь идеализма, заложенную въ нихъ первыми книжными откровеніями. У насъ принято говорить на тему о нехудожественности тѣхъ романовъ, которыми мы всѣ зачитывались. Но это несправедливо. «Свѣтловъ» «Что дѣлать?», «Одинъ въ полѣ не воинъ», это, конечно, не цѣльныя литературныя произведенія, не вѣчные спутники. Но въ нихъ есть свой артистизмъ, то, что мнѣ хочется назвать эстетичной общественности. Въ этомъ ихъ сила и ихъ своеобразный импрессионизмъ, оставившій неизгладимый слѣдъ на развитіи столькихъ изъ насъ. По правдѣ сказать, въ романѣ Швейцера этой эстетики маловато. Слишкомъ грубы его приемы, слишкомъ примитивно его отрицаніе всего, что не входитъ въ непосредственный кругъ его повѣди. Кругъ этотъ очень тѣсенъ—пропаганда производительныхъ товариществъ. Романъ написанъ въ 60-хъ годахъ. Авторъ горячій послѣдователь Лассалля, и многое въ его взглядахъ покажется устарѣлымъ. Но возможно, что «Эмма» всетаки найдетъ большой кругъ читателей, такъ какъ въ ней говорится о столкновеніи рабочихъ и съ капиталистами и съ властью, о рабочихъ союзахъ, объ удичной революціи. И тонъ, и взгляды устарѣли. Но борьба не устарѣла.

Вергемскій.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Илья Гуревичъ. Кто виноватъ въ распятіи Іисуса Христа? ц. 20 к.
П. И. Пестель. Русская правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Книгоизд. «Культура» ц. 1 р.

В. Черновъ. Марксизмъ и аграрный вопросъ. Книгоизд. «Русское Богатство» ц. 75 к.

В. Зомбартъ. Путеводитель по социалистической литературѣ ц. 6 к.
Политическая энциклопедія подъ редакц. Ж. З. Слонимскаго т. I.
Н. Рязановъ. Двѣ правды народничества и марксизмъ. Очерки изъ исторіи русской интеллигенціи. «Библиотека марксизма» ц. 20 к.

Возрожденіе. Сборникъ статей 1905 г. Еврейскій пролетаріатъ и національная проблема ц. 65 к.

Ф. А. Оларь. Великая французская революция ц. 70 к. Изд. Т-ва „А. и И. Гранатъ и К“.

Фр. Мерингъ. Исторія германской социаль-демократіи т. I ц. 1 р. 40 к. Изд. Т-ва „А. и И. Гранатъ и К“.

Н. Покровский. М. Е. Салтыковъ какъ сатирикъ, художникъ и публицистъ п. 1 р. 25 к.

А. Ягодина. Лѣтопись 1904—1905 г. т. I ц. 1 р.

Послѣднія слова казенныхъ. Книгоизд. „Современникъ“ ц. 20 к.

Арнольдъ Ариэль. Красное знамя. Москва.

Пр. П. Эльцбахеръ. Сущность анархизма. Книгоизд. „Просторъ“ т. 1 ц. 75 к.

Ник. Морозовъ. Изъ стѣнъ неволи. Книгоизд. „Д. Рѣчь“ ц. 25 к.

Адри Мишель. Задачи французской демократіи ц. 10 к. М. изд. Мягкова.

Н. А. Рубакинъ. „Воля Аллаха“ или Абдулъ, и еще Абдулъ ц. 15 к. Москва. Книгоизд. „Колоколь“.

А. Нѣмовскій. Разказы изъ жизни рабочихъ ц. 10 к. Москва. Книгоизд. „Колоколь“.

Э. Вандервельде. Программа бельгійской рабочей партіи ц. [3 к. Книгоизд. „Колоколь“.

Лиссагаръ. Исторія коммуны 1871 г. Книгоизд. „Колоколь“ ц. 80 к.

А. Дивильковский. Вольная земля и наше земледѣліе. Книгоизд. „Колоколь“ ц. 10 к.

К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ. Полный переводъ съ нѣм. подъ ред. и съ примѣч. В. Базарова и И. Степанова. Изд. С. Скирмунта ц. 1 руб.

Кохъ Готфридъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управления. Пер. съ нѣм. О. Волькенштейнъ. Ред. З. Авалова. Изд. С. Скирмунта ц. 1 р. 50 к.

Вахъ Макс. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. Вып. 1-ый. Изд. С. Скирмунта. ц. 1 руб.

В. Базаровъ и И. Степановъ. Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. Т. I-ый происхожденіе современной Германіи. Изд. 2-ое С. Скирмунта. Спб. ц. 1 р. 50 к.

Изданія Комитетовъ Р. С. Д. Р. партіи: Самарскаго, Московскаго (Рабочій Листокъ № 4 и др. изд.), Киевскаго, Кубанскаго, а также Армавирской Группы и Гродненской военной организаціи. Получены также № 2 „Партийныхъ извѣстій“.

Партія С. Р.-въ: Отклики Народной Борьбы №№ 1 и 2, различные изданія Центр. К-та, Кавказскаго Союза партій и В. О-ціи (прокл. по поводу покушенія на жизнь Дубасова).

Сіонистско-Соціал. Раб. партія (майскій листокъ).

Цен. К-та Вунда (прокл. о Госуд. Думѣ).

Гродненскаго К-та Вунда (прокл.).

Извѣстія Федеративнаго Совѣта Харьковскихъ К-въ Р. С. Д. Р. П. за 1905 г. (№№ 2, 4 и 5. Очень просимъ дослать остальные №№).

№ 4 газетъ „Забайкальскій рабочий“ (орг. Читинскаго К-та Р. С.

Д. Р. П.) отъ 3 января 1906 г. (Въ виду чрезвычайной важности этого изданія,—убѣдительно просимъ прислать намъ комплектъ №№ „Забайкальскаго Рабочаго“).

Старія изданія: Процессъ 198-хъ. Изд. Вол. Рус. типогр. 1878 г. „Рабочая Газета“ № 3 за 1881 г., „Черный Передѣлъ“ № 3 (мартъ 1881 г.), „Рабочая Мысль“ 1898, 1899 и 1900 гг. (№№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10, а также „Отдѣльное приложеніе къ „Рабочей Мысли“); „Наше Время“ № 2 (1898); „Листокъ Работника“ № 5 (1898); „Соц. Дем. Раб. Библиотека“ № 1 (1900); „Къ учащейся молодежи“ (брош. 1895 г.), нѣсколько прокл. „Союза борьбы за освоб. раб. класса“; прибавленіе къ № 2 „Рабочаго Знамени“, „Листокъ Краснаго Креста“ № 5 (1900), бюллетени съ описаніемъ разныхъ событій въ учебныхъ заведеніяхъ въ разное время, много заграничныхъ брошюръ преимущественно 1900—1905 года и проч.

Карточки: А. И. Желябова (гимназической ея поры), Н. Н. Колодкевича, Вл. Дебагаріо-Мокрѣевича (тюремная), Бранднера (повѣш. въ Кіевѣ въ 1879 г.) Павла Орлова, Вл. Избицкаго, Зундлевича, Сѣраковскаго, Пустовойтовой, С. Г. Нецаева, кн. П. В. Долгорукова (эмигр. 60-хъ годовъ), Горскаго (повѣш. въ Кіевѣ въ 1879 г.).

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семеновскій (Вас. Остр. 2 линия, д. 11).

Товарищъ-предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная, Финлянд. ж. д.).

Секретарь—В. Ф. Яковлевъ-богучарскій (Ред. жур. „Былое“. Спасская ул., д. 25, кв. 20).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ; В. Л. Бурцевъ; П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Воловцовъ; Е. Н. Воловцова-Семеновская; В. П. Воловцова; Е. С. Волкова; А. С. Зарудный; Д. А. Клеменць; В. Ф. Комиссаржевская; В. Г. Короленко; Н. С. Кудрякъ; Л. П. Куприанова; П. Н. Милковъ; В. А. Мякотинъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; В. А. де-Плансонъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Римскій-Корсаковъ; И. Е. Рѣпинъ; М. П. Сажинъ; кн. Г. Д. Сидононовъ-Эристовъ; Л. Н. Стаховичъ; О. Н. Флоровская; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; С. А. Шепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Съ 8 марта по 3 мая 1906 г. въ шлиссельбургскій фондъ поступило: отъ г-на Б.—20 р.; отъ М. К.—3 р.; А. Н. Г.—3 р.; инженера Петрулевича—25 р.; В. А. де-Плансонъ—25 р.; г-жи Яновичъ—100 р.; А. А. Г.—5 р.; Е. Н. Андреевой—10 р.; М. М. Тагеръ—5 р.; неизвестнаго—25 р.; Д. В. Волкова—3 р.; А. Смирнова—2 р.; Ар. и Жг.—8 р.; Вальчанъ—7 р.; М. П. Славскаго—5 р.; А. Р.—3 р.; Кузьмина—5 р.; Аносова—10 р.; Шевалева—3 р.; чрезъ редакцію „Русскаго Богатства“—5 р. 85 к.; Н. И. Карѣева гонораръ за статью въ „Современности“—17 р. 16 к.; А. Д. Ткачева—5 р. 50 к.; Шерстобитова—50 р.; нижнихъ чиновъ—4 р. 15 к.; Кіевскаго присяжнаго повѣреннаго—3 р.; И. Я. Р. и М. С. Т.—6 р.; чрезъ редакцію „Мира Божьяго“ отъ псевдонима „Новичекъ“—25 р.; Буронской и В. Халтуриной—3 р.; членовъ Чугуевской общественной библиотеки—

8 р.; г-жи Криживицкой—100 р.; Л. И. и О. И. изъ Суджи—10 р.; В. Д. Ушвевой—3 р.; Н. С. Т.—1 р. 50 к.; А. В.—1 р.; А. И. Сентъ-Илеръ—3 р.; чрезъ редакцію „XX Вѣка“—100 финскихъ марокъ. Итого 518 р. 16 к. и 100 герм. марокъ; а съ прежде поступившими всего: 1.885 р. 85 к. и 100 германск. марокъ деньгами и процентными бумагами 4.006 р.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностію извѣщаетъ жертвователей. Приемъ пожертвованій продолжается.

Казначей **Н. Анненскій.**

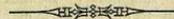
4 мая 1906 г.

III.

Для составленія альбома Шлиссельбуржцевъ послѣ напечатанія послѣдняго отчета въ Комитетъ поступили портреты слѣдующихъ лицъ: Арончика, Минакова, Клименко, Гершковича, Савелія Златопольскаго, Логовскаго и Шварна. Общанъ портретъ Игната Иванова (просятъ послѣдить высылкой. Карточка Игната Иванова гимназистомъ получена, но она очень выцѣтшая). Получена также гимназическая группа, въ которой находится Исаевъ. Совсѣмъ не имѣется портретовъ Тихоновича (офицеръ, служилъ въ Кіевѣ), Ник. Рогачева (артилл. офицеръ), Генералова (изъ области Войска Донскаго), Немоловскаго, Ченегина, Васильева и Лукасинскаго. Комитетъ убѣдительно проситъ розыскать и выслать ему портреты этихъ лицъ.

О полученіи всѣхъ вышеназванныхъ портретовъ Комитетъ съ благодарностію извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета **В. Богучарскій.**

Расходъ:

	РУБ.	КОП.
Тюрьмы	597	—
Семьи	727	—
Выссылаемымъ и высланнымъ	864	—
Освобожденнымъ	151	—
Провизія	18	10
Одежда	35	80
Книги выссылаемымъ	10	15
Спеціальныя расходы	70	—
Передано въ ком. по амнистіи	130	—
Разныя расходы	10	24
Суда	244	—
<hr/>		
Всего расхода	2887	65
Остатокъ на 1-е мая 1906 г.	540	02 ¹ / ₂

ВОЗЗВАНІЕ

общества вспомошествованія политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Вся страна въ напряженномъ ожиданіи амнистіи. Ужасы тюремнаго режима стоять у всѣхъ передъ глазами. Одна мысль о страданіяхъ заключенныхъ, въ настоящій моментъ обострившихся трепетнымъ ожиданіемъ свободы, леденитъ сердце каждаго. Амнистія—все еще вопросъ будущаго, а между тѣмъ каждый лишній день за рѣшеткой уноситъ здоровье, можетъ быть, жизнь заключенныхъ. Въ такой моментъ облегчить такъ или иначе ихъ участь — долгъ каждаго. Помощь заключеннымъ сейчасъ должна быть полнѣе, интенсивнѣе, чѣмъ когда-либо. вмѣстѣ съ тѣмъ ожиданіе амнистіи задержало притокъ пожертвованій. Касса Краснаго Креста вновь пуста, а переполненныя тюрьмы, изголодавшіяся семьи заключенныхъ требуютъ изо дня въ день огромныхъ затратъ.

ОТЧЕТЪ

Общества Помощи Политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ за апрѣль 1906 г.

Остатокъ на 1-е апрѣля 1906 г. 1567 р. 14¹/₂ коп.

Приходъ:

	РУБ.	КОП.
Черезъ „Н. Ж.“	274	65
„ ред. газ. „Двадцатый Вѣкъ“	106	30
Отъ концерта	592	74
Черезъ „Н. Ж.“ для ком. по амнистіи	30	—
Отъ П. А. П. черезъ С. П. Елисѣева для амнистированныхъ	100	—
Спеціально для Л—на	15	—
Отъ А. Ф. С.	10	—
„ Д. С.	25	—
„ Г.	5	—
Черезъ Н. А. С. отъ Х.	5	—
Отъ Ф.	8	—
По листу отъ ред. „Взлѣтъ“ на пересылаемыхъ	2	—
Отъ лоттерей Е. М.	78	80
„ Я. Я. Гуревича	88	—
Для заключенной Р.	8	—
Отъ продажи книгъ	12	04
„ „ открытыя писемъ	5	—

Итого приходъ 2927 67¹/₂

Современная Лѣтопись.

Въ теченіе апрѣля въ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія о смертныхъ казняхъ и судебныхъ приговорахъ по политическимъ дѣламъ:

1) Въ Петербургѣ, 10 апрѣля въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію раб. Дмитріева по 129 ст. уг. ул. въ раздѣчъ нижнимъ чинамъ д.-гв. Преображенскаго полка прокламаціи „Горѣ побѣдителямъ“, изданной россійской социаль-демократической партіи. Палата приговорила Дмитріева къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

2) Въ Саратовѣ, 10 апрѣля. Смертная казнь убицѣ генерала Сахарова, а также покушавшемуся на жизнь вице-губернатора Кноля замѣнена каторгой — первой безсрочной, второму на 20 лѣтъ. Послѣ объявленія объ утвержденіи приговора, убійца генерала Сахарова назвалась суду Анастасіей Алексѣевной Буценоквой.

3) Въ Ригѣ, 11 апрѣля. Военнымъ судомъ приговорены за вооруженное нападеніе на туккумское лѣсничество Розе и Дрейманъ къ 8, Шауманъ къ 9, Вепре къ 3 годамъ каторги.

Окружный судъ приговорилъ крестьянина Пинаге къ 12 годамъ каторги за убійство въ минувшемъ августѣ городского Пуевича.

4) Въ Сызрани, 11 апрѣля. Бросившій въ Самарѣ въ генерала Сергѣева бомбу, крестьянинъ Жуковъ *приговоренъ здѣшнимъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянію.*

5) Въ Одессѣ, 11 апрѣля. Помилowanъ по Высочайшему повелѣнію Жуковъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни за восстаніе и покушеніе на жизнь начальника батальона Давыдова съ нанесеніемъ ему ранъ штыкомъ и рядъ другихъ преступленій. Приговоръ былъ утвержденъ командующимъ войсками. Четыре его товарища, по ранѣ состоявшемуся приговору, казнены. Жуковъ помилованъ по ходатайству Давыдова.

6) Въ Варшавѣ, 12 апрѣля выѣздною сессіей варшавской судебной палаты съ сословными представителями разсматривались дѣла Хыслевскаго, Скражцеца и Маевского, обвиняемыхъ по 129 ствѣ улож. о нак. Первый приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ, съ зачетомъ предварительнаго заключенія, второй въ тюрьму, но такъ какъ предварительное заключеніе покрыло срокъ наказанія, то освобожденъ, третій оправданъ.

7) Въ Тифлисѣ, 12 апрѣля. Приговоренному военнымъ судомъ въ городѣ Поти къ смертной казни крестьянину Чигогидзе, обвиняемому въ убійствѣ на станціи Чагуры капитана Тарасова, намѣстникъ замѣнилъ казнь каторжными работами на двадцать лѣтъ.

8) Въ Петербургѣ, 12 апрѣля. Въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушались при закрытыхъ дверяхъ дѣла по обвиненію въ политической агитаціи среди войскъ крест. Вихмана, бывшаго рядового д.-гв. гусар. полка Погребняка и конторщика Байкова. Вихманъ и Погребнякъ оправданы, Байковъ присужденъ къ заключенію на 4 мѣс. въ тюрьмѣ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

9) Тамъ же, 12 апрѣля въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію сына надворнаго совѣтника А. Черныаскаго въ томъ, что онъ въ первыхъ числахъ декабря 1905 г. вечеромъ, на углу Офицерской и Англійскаго проспекта распространялъ среди проходившей публики экземпляры № 8 „Извѣстій совѣта рабочихъ депутатов“. Обвиненіе къ Черныаскому предъявлено было по 1 и 2 п.п. 129 ст. уг. ул.

Приговоромъ палаты Черныаскій присужденъ на 1 годъ и 4 мѣсяца заключенія въ крѣпость съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

10) Тамъ же, 12 апрѣля въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію мѣщан. Е. Тудера въ томъ, что онъ распространялъ брошюры, призывавшія къ несовершенію существующаго строя. Обвиненіе къ Тудеру предъявлено было по 2 и 5 п.п. 129 ст. уг. ул. Приговоромъ палаты Тудеръ присужденъ въ крѣпость на годъ и 4 мѣсяца съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

11) Въ Тифлисѣ. Поступившее къ генераль-губернатору *ходатайство военного суда, приговореннаго Глонти, убійцу кассира контрольной палаты Малиновскаго, къ смертной казни, смягчить наказаніе по случаю несовершеннолѣтія приговореннаго оставлено генераломъ Тимофеевымъ безъ послѣдствій.*

17-го апрѣля приговоръ приведенъ въ исполненіе.

12) Въ Одессѣ, 13 апрѣля. Анархисты Мокель и Дукельскій, требовавшие отъ магазинно-лабѣльцевъ Миллеровъ сто рублей на приобретение оружія, подъ угрозой взорвать бомбой магазинъ, приговорены военнымъ судомъ къ лишенію правъ и ссылки на поселеніе. Крестьянинъ Юдинъ, распространявшій революціонныя изданія среди фабричныхъ рабочихъ, приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на полтора года.

13) Въ Ригѣ, 13 апрѣля. Военнымъ судомъ приговорены къ каторжнымъ работамъ на разные сроки Залуцкій, Василь, Попе и Кублинскій за участіе въ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью изверженіе существующаго строя.

14) Въ Кіевѣ. За военный бунтъ саперъ 18 ноября приговорены судомъ, какъ главные виновники, къ смертной казни *разстрѣляемыми: фельдфебель Коронинъ и Кошкинъ и унтер-офицеръ Рябый*; — къ каторгѣ на 12 лѣтъ двое, на 8 лѣтъ трое, на 6 лѣтъ четверо, на 4 года 14 челоувѣкъ;

въ дисциплинарные батальоны на 3 года 17, на 2 года 27, на 1 годъ 19 человекъ. Поручикъ Пилькевичъ, подполковникъ Черепановъ, прапорщикъ Кочергинъ и 10 нижнихъ чиновъ оправданы. Защитниками подается кассационная жалоба въ отношеніи приговоренныхъ къ казни Рыбому, Коровину, Квашнина и 23 солдатъ къ каторжнымъ работамъ.

21 апреля командующій войсками утвердилъ приговоръ въ отношеніи саперъ, приговоренныхъ къ каторгѣ на разные сроки и замѣнилъ смертную казнь присужденнымъ къ ней унтеръ-офицеру Рыбому—безсрочной каторгой, фельдфебелю Коровину—каторгой на двадцать лѣтъ, фельдфебелю Квашнину—на 15 лѣтъ. Съ другой стороны приговоръ въ отношеніи оправданныхъ офицеровъ передать на разсмотрѣніе кассационнаго присутствія по протесту прокурора.

15) Въ Варшавѣ, 14 апреля.—Крестьянинъ Яроновскій приговоренъ вчера военнымъ судомъ къ смертной казни *черезъ повѣшеніе* за покушеніе на убійство военного чина.

16) Въ Петербургѣ, 14 апреля. Въ особомъ присутствіи судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію сына титулярнаго совѣтника С. П. Ключда, крестьянина И. Н. Анкина и губернскаго секретаря Г. В. Петрова въ томъ, что они распространяли среди войскъ брошюры, призывавшія къ несопротивленію существующаго строя.

Ключидъ приговоренъ къ заключенію на 4 мѣсяца, а Анкинъ и Петровъ на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

17) Тамъ же, 14 апреля, особымъ присутствіемъ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію крестьянъ И. Родикова и Е. Чернигова въ томъ, что первый изъ вышеуказанныхъ лицъ хранилъ и публично распространялъ 10 декабря 1905 г. въ г. Петербургѣ, раздавая на улицъ прохожимъ сочиненія, возбуждающія къ несопротивленію въ государствѣ общественнаго строя, а второй—въ томъ, что въ Петербургѣ хранилъ тѣ же сочиненія, съ цѣлью распространенія, зная ихъ содержаніе.

Родиковъ приговоренъ къ заключенію на 9 мѣсяцевъ, а Черниговъ—на 5 мѣсяцевъ въ крѣпость, но съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

18) Главнымъ военнымъ судомъ 15 апреля кассационныя жалобы крестьянъ Р. Вокера, Юг. Эргмана, Ав. Прејмана *приговоренныхъ* Ревельскимъ временнымъ военнымъ судомъ къ смертной казни, и Р. Янберга, приговореннаго къ 15 г. каторги *оставлены безъ послѣдствій*. Приговоръ пойдеть на утверж. аспідант. ген.-губери. 24 апреля генераль-губернаторъ замѣнилъ: первымъ—казнь каторгой, а послѣднему каторгу—арестантскимъ отдѣленіемъ.

19) Въ Петроковѣ, 15 апреля. Вызднойной сессіей судебной палаты разсмотрѣны въ Петроковѣ политическія дѣла по обвиненію девяти лицъ по 129, 130, 131 и 132 статьямъ уголовного уложенія. Обвиняемые приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ и крѣпости отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Всѣмъ засчитанъ предварительный арестъ. Двое отбывшіе срокъ наказанія освобождены.

20) Въ Курскѣ, 15 апреля. На засѣданіи судебной палаты въ Дмитріевѣ окончены разборъ громкаго дѣла о грабежахъ и сожженіи усадьбы крестьянами гламаздичской волости въ февралѣ 1905 года. 2 обвиняемыхъ приговорены въ арестантскія отдѣленія, 61 къ тюремному заключенію съ лишеніемъ правъ и 18 безъ лишенія правъ, 56 оправданы. Гражданскіе иски присуждены.

На судѣ выяснилось, что во время полицейскаго дознанія крестьяне подверглись сѣчюной розгами, которое производилось по распоряженію бывшаго курскаго вице-губернатора, нынѣ и. д. минскаго губернатора Курлова.

21) Въ Одессѣ, 17 апреля. Военный судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года крестьянина Дубину, 22 лѣтъ, обвинявшагося въ томъ, что, получивъ 4 января сего года въ Николаевѣ отъ группы анархистовъ-коммунистовъ взрывчатый снарядъ съ порученіемъ бросить въ николаевскаго градоначальника контръ-адмирала Загорянскаго-Киселя, онъ, дожидаясь проѣзда градоначальника, нечаянно уронилъ бомбу, чѣмъ вызвалъ взрывъ, которымъ у него и оторвало кисть правой руки.

22) Въ Елисаветградѣ, 17 апреля. Временный одесскій военный судъ *приговорилъ* черкасскаго мѣщанина Федора Завинова, обвинявшагося въ убійствѣ съ цѣлью грабежа лавочника Лужанскаго, къ смертной казни *черезъ разстрѣляніе*.

23) Въ Ревелѣ, 18 апреля. Генераль-губернаторъ утвердилъ смертный приговоръ военного суда по отношенію къ одному изъ семи крестьянъ, обвинявшихся въ убійствѣ помѣщика Варанова, замѣнилъ казнь черезъ повѣшеніе разстрѣляніемъ, другимъ же замѣнилъ казнь: пятерымъ—каторжными работами на сроки отъ 5 до 15 лѣтъ, одному—тюремнымъ заключеніемъ.

24) Въ Варшавѣ, 18 апреля. Варшавскій военно-окружной судъ приговорилъ крестьянина Папая къ ссылкѣ въ каторжную работу на 20 лѣтъ за убійство комиссара по крестьянскимъ дѣламъ илженца уѣзда Борка.

25) Въ Петербургѣ, 18 апреля въ военно-окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло о бывшемъ унтеръ-офицерѣ, нынѣ *рядовымъ лейбъ-гвардіи преобразованнаго полка С. И. Щербакотъ*, обвинявшемся по 1 и 2 пп. 130 и 1 ч. 131 ст. уг. ул., т. е. въ непубличномъ распространеніи среди войскъ сочиненій, возбуждающихъ къ нарушенію обязанности военной службы и къ несопротивленію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Военно-окружной судъ признавъ Щербака виновнымъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе.

26) Въ Псковѣ, 19 апреля. По двѣнадцати политическимъ дѣламъ, разобраннымъ палатою 17—18 апреля большинство подсудимыхъ оправданы. Изъ обвинительныхъ приговоровъ самый строгій вынесенъ чиновнику Двинской почтовой конторы Витковскому, обвинявшемуся въ покушеніи на жизнь ящика въ цѣляхъ поддержанія почтово-телеграфной забастовки; онъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 4 года.

27) Въ Варшавѣ, 19 апрѣля. Военно-окружной судъ приговорилъ крестьянина Ментрана къ смертной казни *черезъ повешение* за вооруженное сопротивление чинамъ полиціи съ покушеніемъ на убійство ихъ.

28) Въ Ригѣ, 19 апрѣля. Военный судъ приговорилъ мѣщанина Марковского за вооруженное нападеніе на частный домъ и грабежъ къ смертной казни *черезъ повешение*.

29) Въ Севастополь, 18 апрѣля, въ севавтопольскомъ военно-морскомъ судѣ слушалось дѣло лейтенанта Вахтина и мичмана Винера, обвинявшихся въ бездѣйствіи и превышеніи власти во время ноябрьскаго востанія во флотѣ,—дѣйствіяхъ, выразившихся въ допущеніи лейтенанта Шмидта на броненосецъ „Пантелеймонъ“. Судъ приговорилъ обоихъ къ заключенію въ крѣпости: Вахтина на 10 мѣсяцевъ, Винера—на 8, лишивъ ихъ нѣкоторыхъ правъ.

30) Въ Одессѣ, 19 апрѣля. Военный судъ приговорилъ мѣщанина Каневского къ каторгѣ на 12 лѣтъ, крестьянина Лалуха и мѣщанина Тульчинскаго къ каторгѣ на 10 лѣтъ, по обвиненію въ разбойномъ нападении на контору торговаго дома „Леонъ Рабиновичъ“, съ цѣлью потребовать 2,000 руб. отъ имени группы анархистовъ-коммунистовъ. Обвиняемые были задержаны на улицѣ, убѣгая постѣ выстрѣла, произведеннаго въ нихъ въ конторѣ.

31) Въ Петербургѣ, по дѣлу о вооруженномъ нападении на *сберегательную кассу* на Балканскомъ пр., главный военный судъ кассационную жалобу оставилъ безъ послѣдствій и приговоръ поступилъ на конференцію помощника командующаго войсками петербургскаго военного округа. Помощникъ командующаго нашелъ возможнымъ смягчить этотъ приговоръ. Третьякову смертная казнь замѣнена пожизненною каторгой, Семенову—20-лѣтней, Жохову, Калмыкову и Кубицкому—16-лѣтней каторгой, а Бурову 20-лѣтняя каторга—16-лѣтней.

32) Въ Варшавѣ, 21 апрѣля. Военно-окружной судъ приговорилъ четырехъ крестьянъ къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ за вооруженное нападеніе на гминное управленіе и похищеніе изъ кассы 3,000 рублей.

33) Въ Вильнѣ, 21 апрѣля. Судебная палата съ сословными представителями приговорила ювелирнаго ученика Азгуда, 17 лѣтъ, за распространіе прокламацій къ ниспроверженію существующаго строя съ призывомъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, засчитавъ ему два мѣсяца предварительнаго заключенія.

34) Въ Елисаветградѣ, 21 апрѣля. Временный одесскій военно-окружной судъ, рассмотрѣвъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло объ утерѣ офицерахъ 136 пѣхотнаго Таганрогскаго полка—Смоленскомъ, Недодаевѣ и Валуковѣ, обвинявшихся по 110 и 112 статьямъ 22 книги свода военныхъ постановленій, изд. 1869 г., въ устройствѣ солдатскихъ митинговъ и составленіи прокламацій, призывавшихъ къ неповиновенію начальству. Смоленскій и Недодаевъ приговорены къ безсрочной каторгѣ, Валуковъ оправданъ. Дѣло слушалось безъ защиты. Въ допущеніи гражданской защиты судъ отказалъ, а военного защитника по распоряженію суда не было.

35) Въ Харьковѣ, 22 апрѣля. Судебная палата оправдала пятнадцати-

лѣтняго реалиста Скрипченко, убившаго пристава Колтуновскаго, и отдала его на пощеніе родителямъ. Защитнику Тауберу устроена оуація. Общество съ облегченіемъ встрѣтило приговоръ.

22 апрѣля въ главномъ военномъ судѣ слушалось дѣло по кассационной жалобѣ мѣщ. Товія Гурштейна, 27 л., *приговореннаго* на основаніи военнаго положенія и 279 ст. XXII кн. св. воен. пост. одесскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни *черезъ повешение* за то, что Гурштейнъ, въ обществѣ съ другими лицами, напалъ на магазинъ Трояна, помѣщающійся въ г. Одессѣ, по Вазарной ул., и угрожалъ револьверомъ, силою отнять изъ рукъ хозяйна магазина кассу съ 70 руб.

Главнымъ военнымъ судомъ *кассационная жалоба оставлена безъ послѣдствій*.

37) Въ Вильнѣ, 23 апрѣля, судебная палата приговорила крестьянина Бѣдланскаго за храненіе прокламацій, найденныхъ у него, къ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ.

38) Въ Петербургѣ, 21 апрѣля, особымъ присутствіемъ судейской палаты съ участіемъ сословныхъ представителей разбиралось дѣло объ убійствѣ въ Колпинѣ агента охраннаго отдѣленія Павлова. Приговоромъ особаго присутствія Рута, Реймеръ, Яковлевъ и Кайскъ признаны виновными по 18, 1453 и 3 п. 1454 ст. т. е. въ предумышленномъ убійствѣ должностнаго лица во время исполненія имъ служебныхъ обязанностей и приговорены къ каторжнымъ работамъ—Рута на 10 лѣтъ, трое остальныхъ на 9 л. 8 мѣсяцевъ.

Метсъ признанъ по суду оправданнымъ.

39) Тамъ-же. Въ особомъ присутствіи суд. палаты слушались нѣсколько политическихъ дѣлъ—крестьянина Ив. Крамнина, обвинявшагося въ распространіи среди солдатъ лейб-гвардіи преображенскаго полка сужденій, возбуждающихъ къ неповиновенію и нарушенію воинской дисциплины и оскорбленіи Величества, рабочаго александровскаго механическаго завода Шустова, за раздачу прокламацій на улицѣ 15 декабря прошлаго года, и рабочаго Маркина, за возбужденіе воинскихъ чиновъ къ неповиновенію начальству, выразившееся въ разгорѣ съ солдатами лейб-гвардіи конногвардейскаго полка о стрѣльбѣ въ безоружныхъ.

Палата всѣхъ подсудимыхъ признала виновными и приговорила Крамнина и Шустова на 5 и на 6 мѣсяцевъ въ крѣпость, и Маркина къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы.

40) Въ Елисаветградѣ, 24 апрѣля, военный судъ по дѣлу о желѣзнодорожникахъ на станціи Знаменка отвергъ военное положеніе и насильственное дѣйствіе. Шестеро оправданы, одинъ приговоренъ въ арестантскія отдѣленія на два года: двое въ тюрьму на 2 г. 6 мѣс.

41) Въ Варшавѣ, 24 апрѣля *приведенъ въ исполненіе приговоръ* военного суда о *повешеніи* Павла Ментрана за вооруженное сопротивление полиціи и покушеніе на убійство земскихъ стражниковъ.

42) Въ Ревелѣ, 24 апрѣля, по приговору военного суда *разстрѣляны* Гансбелхтъ, обвинявшійся въ разгромѣ имѣнія и убійствѣ помѣщика Баронова.

43) Въ Вильнѣ, 24 апрѣля, судебная палата приговорила мѣщанина

Екнана за распространёніе прокламацій противправительственного содержания къ восьмимѣсячному заключенію въ крѣости.

44) Въ Одессѣ, 24 апрѣля, военный судъ приговорилъ къ заключенію въ крѣости на два мѣсяца съ лишеніемъ правъ заѣздующаго командантскимъ отдѣломъ севастопольской крѣости капитана Олсгрена, виновнаго въ бездѣйствіи власти, послѣдствіемъ чего явился побѣгъ важнаго государственнаго преступника, студента новороссійскаго университета Фельдмана, одного изъ главныхъ дѣятелей бунта на броненосцѣ „Потемкинъ“.

45) Въ Минскѣ, 24 апрѣля, судебная палата приговорила мѣщанина Берку Кагана за храненіе литературы Бунда и большого количества типографскаго шрифта къ восьмимѣсячному заключенію въ крѣости.

46) Въ Петербургѣ, въ особомъ присутствіи судъ палаты слушалась дѣла: 1) кр. В. Хрусталева по обвиненію въ оскорбленіи Величества и распространеніи противоправительственной литературы и 2) кр. Г. Евсеѣва по обвиненію въ агитациі среди войскъ. Палата приговорила Хрусталева къ заключенію въ крѣости на 8 мѣс. а Евсеѣва на 3 м. обоихъ—съ зачетомъ предвар. заключенія.

47) Въ Кронштадтѣ, 25 апрѣля. Приказомъ главнаго командира балтійскаго флота объявлено, что Государь Императоръ, по Весоудланнійшему докладу морского министра и ходатайству вице-адмирала Николая, Высочайше повелѣть соизволивъ 17-го апрѣля, нижнимъ чинамъ, присужденнымъ военноморскимъ судомъ Кронштадтскаго порта за участіе въ безпорядкахъ 26 и 27 октября 1905 года къ ссылкѣ въ каторжныя работы и къ отпадѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, сократить сроки наказаній на половину, а матросу Буловскому—безсрочную каторгу замѣнить срочной на 25 лѣтъ.

48) Въ Одессѣ, 26 апрѣля. Крестьянинъ Рыма, 23 лѣтъ, за нападеніе 16 марта на еврейскую лавку, гдѣ, подъ угрозою смерти, забралъ восемь рублей, *приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Постановлено ходатайствовать о смягченіи наказанія.

49) Въ Вильнѣ, 26 апрѣля. Военноокружной судъ приговорилъ рядового Анандовича за возбужденіе воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей по службѣ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ одну изъ отдаленнѣйшихъ губерній.

50) Въ Вильнѣ, 28 апрѣля. Военноокружной судъ приговорилъ фельдшера вилненскаго военноокружнаго медицинскаго управленія Егорова за подстрекательство фельдшерскихъ учениковъ военного госпиталя къ отказу отъ своихъ фельдшерскихъ обязанностей и къ недопущенію госпитальныхъ врачей къ работѣ,—къ слдѣ въ дисциплинарный батальонъ на одинъ годъ и три мѣсяца. Четверо фельдшеровъ, обвинявшихся въ соучастіи, за недоказанностью преступленія оправданы судомъ.

51) Въ Москвѣ, 28 апрѣля. Закончилось дѣло о востаніи въ ростовскомъ гренадерскомъ полку. Военный судъ приговорилъ фельдфебеля Гадуна,вольноопредѣляющагося Ульянинскаго, писаря Агафоновна и солдата Снѣгудскаго къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ. Затѣмъ приговорены одинъ нижній чинъ къ каторгѣ на 15 лѣтъ, два на 10 лѣтъ и два на 4 года; трое приговорены въ исправительныя арестантскія отдѣ-

ленія на 3 года 6 мѣсяцевъ, 1 въ дисциплинарный батальонъ на 3 года, 6 въ тотъ же батальонъ на 2 года 6 мѣсяцевъ, 4 въ военную тюрьму на одинъ мѣсяцъ, 3 въ военную тюрьму на 2 мѣсяца, 2 къ аресту на 20 сутокъ, 8 оправданы.

52) Въ Москвѣ въ судебной палатѣ слушалось дѣло бывшего студента московскаго технического училища Якова Голицына, обвинявшагося въ произнесеніи рѣчи, направленной къ испроверженію существующаго общественнаго строя, устройству всеобщей политической заботы и вооруженнаго востанія, причемъ въ рѣчи былъ включенъ призывъ не останавливаться предъ возможностью человѣческихъ жертвъ. Признанный палатой виновнымъ Голицынъ приговоренъ къ заключенію въ крѣости на 9 мѣсяцевъ.

53) Тамъ же, 29 апрѣля. Послѣ 12-дневнаго разбирательства въ военномъ окружномъ судѣ окончилось слушаніемъ дѣло о бунтѣ нижнихъ чиновъ 2-го гренадерскаго ростовскаго полка. Приговоромъ суда изъ 36 обвиняемыхъ восемь оправданы, 28 человѣкъ обвинены—кто въ явномъ востаніи, кто въ соотвѣтствіи начальству, кто—въ неисполненіи долга службы и соотвѣтственно степени виновности приговорены: четверо—къ безсрочной каторгѣ, двое—къ 15-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, двое—къ 4 годамъ исправительнаго арестантскаго отдѣленія, нѣсколько человѣкъ—къ отпадѣ въ дисциплинарный батальонъ и заключенію въ тюрьму на сроки отъ 2 до 4 мѣсяцевъ и нѣсколько человѣкъ—простому аресту въ дисциплинарномъ порядкѣ на 20 сутокъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ 28 осужденныхъ—семнадцать вольноопредѣляющихся.

54) Въ Екатеринбургѣ, 29 апрѣля судебная палата приговорила Бѣляева за содержаніе на Дачной улицѣ тайной типографіи и сопротивленіе при арестѣ и проживаніе по фальшивому паспорту къ каторжнымъ работамъ на 4 года.

55) Въ Екатеринбургѣ, 29 апрѣля. Слушалось дѣло о безпорядкахъ въ Весолю-Ивановскомъ рудникѣ, верхнедѣльскаго уѣзда. Палата оправдала 4 рабочихъ; трое приговорены къ заключенію въ тюрьму отъ 2 до 8 мѣсяцевъ.

56) Въ Ревелѣ. Смертныи приговоръ военно-полевого суда надъ извѣстными эстскимъ общественнымъ дѣятелями, адвокатами Темантомъ и Пятсомъ, какъ сообщаютъ ревельскія газеты, отмѣненъ и дѣло ихъ снова будетъ разсматриваться въ военномъ или же окружномъ судѣ.

57) Въ Елисаветградѣ военно-окружнымъ судомъ рассмотрено *около трехъ нижнихъ чиновъ* 136 тагаирскаго полка: Мартиніана Смоленскаго, Александра Балдукова и Гавриила Недодаева, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи. Александръ Балдуковъ по недостаточности уликъ признанъ по суду оправданнымъ, Смоленскій и Недодаевъ приговорены къ безсрочной каторгѣ.

58) Въ Читѣ временнымъ военнымъ судомъ при отрядѣ ген. Ренненкампа 10 марта разбиралось дѣло о насильственномъ освобожденіи изъ Акатуйской тюрьмы матросовъ съ транспорта „Прутъ“; *приговорены къ смертной казни 26 забайкальскихъ казаковъ, писарей войскового хозяйственнаго управленія* и только что амнистированный въ октябрѣ 1905 г. Викторъ Курнатовскій. Въ срединѣ апрѣля *смертная казнь* по

Высочайшему повелѣнію *замѣнена* въёмъ осужденнымъ каторгой на разные сроки.

59) Въ Варшавѣ. Часовыми слѣдственной тюрьмы были данъ залпъ по группѣ заключенныхъ, расцѣпавшихъ изъ оконъ камеръ революціонныхъ пѣни. Одинъ тяжело раненъ.

60) Въ Одессѣ офицеромъ Тарасовымъ былъ данъ *приказъ* патрулю *стрѣлять* въ политическыя заключенныхъ, стоявшихъ у окна камеръ. Убитъ заключенный Беккеръ, тяжело раненъ Лобанецъ; спустя 2 недѣли онъ умеръ.

О дѣятельности карательныхъ отрядовъ на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ находимъ въ апрѣльскихъ газетахъ слѣдующія сообщенія:

61) Въ селѣ Чокнари, кут. у. Доночники довели до свѣдѣнія казначьяго офицера Ларионова, что у рѣки Чисура сосредоточилась красная сотня. Ларионовъ въ сопровожденіи 100 казаковъ отправился къ этому мѣсту. Въ духанѣ Ларионовъ засталъ 11 лицъ, у которыхъ не оказалось никакого оружія. Ихъ всѣхъ арестовали и забрали. Когда всѣ подъѣхали къ р. Кдаль-Цители, казаки рѣшили *отрубить арестованнымъ головы, что и привели въ исполненіе* по отношенію пяти, а остальные шесть успѣли бѣжать.

62) Въ Прибалтійскомъ краѣ, мѣстной экзекуціонный отрядъ въ Смилтенѣ 18 апрѣля *застрѣлялъ* адельскаго усадьбовладѣльца Палкавѣя, сынъ котораго содержится подъ арестомъ.

63) Въ Гальсинѣ, 14 апрѣля драгунами *разстрѣляны* два революціонера. Одинъ изъ нихъ пытался бѣжать, но безуспѣшно. Имена застрѣленныхъ—Никитинъ и Карклинь; первый изъ нихъ былъ городовымъ въ Туккумѣ.

64) Въ ночь на 28 апрѣля отрядъ драгунъ долженъ былъ произвести обыскъ въ одной изъ усадебъ, расположенной въ 18 верстахъ отъ Туккума. Когда усадьба была окружена драгунами, то въ послѣднихъ были произведены выстрѣлы, при чемъ былъ раненъ въ лицо вылетѣть одинъ драгунъ. Усадьба была сожжена, владѣлецъ *разстрѣляны*.

65) Въ Огерѣ были *разстрѣляны* крестьяне Венгре и Руде, обвиняемые въ неоднократныхъ вымогательствахъ и грабежахъ.

66) Изъ Мариенбурга, 16 апрѣля ушелъ отрядъ уланъ изъ числа командуемыхъ ген. Орловымъ. Передъ уходомъ, 14 апрѣля, *набъ тремя политическими были приведенъ въ исполненіе приговоръ о смертной казни*. По уходѣ уланъ, сюда прибыли казаки.

67) 18 апрѣля въ Эсенгофѣ былъ *застрѣленъ* принадлежавшій къ ференской волости Эиницъ, обвинявшійся въ поджогахъ.

68) Въ Кокенгаузенѣ (Пр. Кр.), какъ сообщаютъ „Balss“, экзекуціоннымъ отрядомъ *разстрѣляны* *мѣстной мѣльня Шмидтъ съ сыномъ*. Наказаніе постигло Шмидтовъ за то, что они давали пріютъ революціонерамъ.

69) Въ Эзенграфѣ. Начальнику мѣстнаго карательнаго отряда было сообщено, что у братьевъ М. находится значительный запасъ оружія. У М. былъ произведенъ обыскъ, при которомъ найдены ружье и револьверъ. Они, а также и отецъ ихъ, были арестованы и отвезены въ имѣніе Эзенграфъ, гдѣ ихъ наказали плетнями. Отца послѣ этого отпустили, а сыновей задержали. На другой день ихъ отвезли на разстояніе трехъ

верстъ отъ имѣнія и издалека произвели въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ. Несмотря на то, что братья М. были ранены восемью пулями, они остались живы и въ настоящее время находятся въ Ригѣ въ больницѣ.

70) По приказанію ген. Меллеръ-Закомельскаго въ янв. с. г. за непочтительныя выраженія по адресу офицеровъ его отряда на ст. Тайшетъ былъ арестованъ священникъ о. Иванъ, законоучитель желѣзно-дорожной школы. Изъ Тайшета отрядъ поѣхалъ на ст. Нижнеудинскъ, гдѣ о. Иванъ былъ повѣшенъ на самофарѣ.

Въ теченіе апрѣля находимъ въ газетахъ слѣдующія сообщенія о преслѣдованіяхъ печати и о приговорахъ по литературнымъ дѣламъ:

1) Въ Умани, изданіе газеты „Народная Польза“ приостановлено.

2) Въ Варшавѣ, по распоряженію военнаго генераль-губернатора конфискованъ третій номеръ юристыческаго журнала „Веселое Эхо“.

3) Въ Полтавѣ, конфискованъ номеръ социаль-демократической газеты „Колоколь“.

4) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 29 марта, приостановлено изданіе журнала „Воляница“.

5) 31 марта по улицамъ Петербурга полиціей конфисковалась газета „Корреспондентъ“. 1 апрѣля газета совсѣмъ не вышла.

6) Въ Полтавѣ 4 апрѣля, конфискованъ номеръ народной газеты „Полтавскіе Думки“. Редакторъ Екатерина Гулькивичъ за статью объ окончаніи выкупной операціи и критику манифеста 8 ноября привлечена къ суду по 129 статьѣ.

7) Въ Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ редакторовъ газетъ 1) „Двадцатый Вѣкъ“ г. Долгова по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о печати за напечатаніе въ № 10 газеты статьи: „Когда же конецъ?“. 2) „Наша Жизнь“ г. Водовозова по 2 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 412 статьи „Къ сѣзду социаль-демократической партіи. Проектъ аграрныхъ реформъ“ и 3) „Современная Жизнь“ г-на Соicina по 6 ст. VIII отд. врем. пр. о печати за напечатаніе въ № 69 статьи „Массовка“.

8) Въ Елизаветградѣ 5 апрѣля, генераль-губернатору приостановилъ органъ конституціонно-демократической партіи „Новороссійскій Курьеръ“ за вредное направленіе на все время военнаго положенія.

9) Въ Керчи, распоряженіемъ прокурора окружнаго суда приостановлено изданіе газеты „Южный Вѣстникъ“.

10) Въ Петербургѣ, главное управленіе по дѣламъ печати возбуждено ходатайство предъ судебной властью о привлеченіи къ ответственности редакторовъ: 1) газеты „Двадцатый Вѣкъ“ г. Долгова по п. 8 ст. 5 отд. VIII врем. прав. о повр. изд. за напечатаніе въ № 6 газеты статьи „Волющіе факты“; № 2) газеты „Наша Жизнь“ г. Водовозова—по 1 п. 129 ст. уг. улож. по 1040 ст. улож. о наказ., за напечатаніе въ №№ 404 и 411 газеты „Письма въ редакцію“ Александра Микеладзе и статьи „Судьи неправедныя“ и 3) газеты „Корреспондентъ“ г. Калганова—по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож., за напечатаніе въ № 10 газеты статей „Извѣщеніе о партійномъ сѣздѣ“, „Къ предстоящему сѣзду р. с.-д. р. п.“ и „Революція и реформа“.

11) Тамъ же, за помѣщеніе въ № 3 журнала „Буревальцъ“ и № 2 жур-

нала „Анчаръ“ преступнаго содержания рисунокъ, редакторъ этихъ журналовъ гг. Турокъ и Смирновъ привлечены къ ответственности: первый по 1040 ст. улож. о наказ. и второй по 3 ст. VIII отд. врем. прав. о повр. издан.

12) Въ Тифлисъ, распоряженіемъ генераль-губернатора приостановлено издание газеты „Воля“, выходившей вмѣсто „Возрожденія“.

13) Въ Батумѣ, первый номеръ новой газеты „Гурія“ конфискованъ; редакторъ ея Давидовъ (онъ же редакторъ „Черноморскаго Вѣстника“) арестованъ и высылается въ отдаленную губернію. Изданіе обѣихъ газетъ прервано.

14) Въ Тифлисъ, распоряженіемъ генераль-губернатора закрыта армянская радикальная газета „Аршалуисъ“ на время дѣйствія военнаго положенія.

15) Въ Кіевѣ, Лашнюковъ, редакторъ христіанско-соціалистической газеты „Народъ“ привлекается къ ответственности по 129 ст. за двѣ статьи, изъ коихъ одна „Кто убилъ Аврамова“, называетъ виновникомъ ужасоющаго правительственнаго репрессія. Кроме того за номеръ отъ 4 апр. Лашнюковъ привлекается по 103 статьѣ. Номеръ конфискованъ. Новиковъ, редакторъ газеты „Самодержавіе“ привлекается къ отвѣтственности по 1024 и 1040 ст.

16) Въ Варшавѣ, журналъ „Испоконца Польскія“ по распоряженію начальника края закрытъ на время военнаго положенія. Конфискованъ первый номеръ газеты „Квятъ Польскіе“.

17) Въ Петербургѣ, редакторъ газеты „Современная Жизнь“, г. Сокинъ, привлекается къ ответственности по 1 п. 129 ст. улож. за напечатаніе въ № 64 стихотворенія: „Не отступай предъ злобой дикой“.

18) Тамъ же, первый выпускъ журнала „Освобожденная Мысль“, въ коемъ напечатаны „Рѣчи бунтовщика“ П. А. Кропоткина, распоряженіемъ судебной власти изъять изъ обращенія къ публикѣ, а редакторъ-издатель журнала, Валерій Бродскій, привлекается къ ответственности по 1 и 2 п. 129 ст. улож. улож.

19) Во Владивостокѣ, 10 апрѣля прокурорскимъ надзоромъ, съ утвержденія временнаго генераль-губернатора Владивостока, преданы *военному суду*—бывшій поручикъ Перлашкевичъ и редакторъ газеты „Владивостокскій Листокъ“, по обвиненію въ умысленномъ искаженіи истины въ печати въ статьѣ о присягѣ, о смыслѣ и значеніи манифеста 17 октября, а также призывъ населенія и войскъ къ неисполненію законовъ, противодѣйствию созыву государственной думы и переходу на сторону мятежныхъ партій.

20) Въ Варшавѣ, 10 апрѣля, редакторы журналовъ „Вендровецъ“, „Шутекъ“, „Веселе Эхо“ и „Квятъ Польскіе“ привлечены къ ответственности. Журналы закрыты.

21) Въ Харьковѣ, 11 апрѣля въ судеб. палатѣ слушалось заочно литературное дѣло профессора Грескулса. Прокуроръ отказался отъ обвиненія по 279 и 281 статьямъ улож. Грескулсъ приговоренъ къ пятнадцати рублямъ штрафа.

22) Въ Петербургѣ, 10 апрѣля въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по

обвиненію редакторовъ-издателей сатирическаго журнала „Пламя“ г. Ключкова и г. Гессена по 106 и 128 ст. уг. ул. Поводомъ къ привлеченію гг. Ключкова и Гессена послужили статьи: „Какъ мѣняется стиль“; „Въ койкѣ“ и „вниманію участливыхъ людей“. Судебная палата приговорила гг. Ключкова и Гессена къ 2-хъ-недѣльному заключенію въ крѣпость, при чемъ постановила закрыть навсегда журналъ и запретить имъ быть редакторами-издателями въ теченіе 5 лѣтъ.

23) Въ Нижнемъ Новгородѣ 12 апрѣля. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ приостановленъ „Нижегородскій Листокъ“.

24) Въ Петербургѣ, законченное слѣдственнымъ производствомъ дѣло по обвиненію редактора и сотрудниковъ журнала „Современныя Записки“ по 129 ст. улож. возвращено прокурорскимъ надзоромъ судебному слѣдователю для дослѣдованія и привлеченія редактора этого журнала г. Анненскаго къ ответственности и по 1036 ст. улож. о наказ., въ виду того, что „Современныя Записки“ представляютъ собою не что иное, какъ продолженіе запрещеннаго журнала „Русское Богатство“. Данными, подтверждающими послѣднее обстоятельство прокурорскимъ надзоромъ выставлено: тождество обложекъ и шрифта упомянутыхъ журналовъ, а также и то, что оба журнала печатались въ одной и той же типографіи и при одномъ и томъ же составѣ сотрудниковъ.

25) Въ Одессѣ 12 апрѣля, профессоръ новороссійскаго университета Лысенковъ обвинялся въ распространеніи въ редактируемомъ имъ журналѣ „Свободная школа“ статей, возбуждающихъ къ бунтовщическому дѣйствию. Военный судъ приговорилъ его къ заключенію въ крѣпость на двѣ недѣли, безъ ограниченія правъ.

26) Въ Курскѣ 14 апрѣля, распоряженіемъ прокурора временно приостановленъ выходъ газеты „Курское Эхо“.

27) Въ Полтавѣ, противъ мѣстныхъ органовъ печати „Полтавщинъ“, „Колокола“, „Полтавскаго Дѣла“ и „Полтавскихъ Думокъ“ возбужденъ новый рядъ дѣлъ о нарушеніяхъ временныхъ правилъ о печати, а относительно „Думокъ“ и „Колокола“ еще особо по ст. 129 ул. о нак.

28) Въ Самарѣ, конфискована еше „Самарскаго Курьера“.

29) Въ Нижнемъ Новгородѣ, по распоряженію губернатора конфискованъ первый номеръ газеты „Судоходецъ“.

30) Въ Тифлисъ, распоряженіемъ тифлискаго генераль-губернатора приостановлена газета „На поворотѣ“. Часть отпечатанныхъ номеровъ ночью конфискована. Редакторъ Мдивани долженъ въ семидневный срокъ покинуть предѣлы генераль-губернаторства.

31) Въ Петербургѣ, 16 апрѣля въ 1 отдѣленіи с.-петербургскаго окружнаго суда, согласно новому закону о преступленіяхъ печати, безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло редактора издателя ежедневной газеты „Современная Жизнь“, обвинявшагося по 6 ст. VIII отдѣла временныхъ правилъ о печати. Окружный судъ отвергъ обвиненіе по 6 ст., а признавъ Сокина виновнымъ по 7 п. 8 ст. VIII отд. врем. прав., т. е. въ напечатаніи по неосмотрительности, и приговорилъ къ штрафу въ 100 руб.

32) Въ Вильнѣ, 13 апрѣля, освобожденному 11 числа послѣ трехмѣсячнаго заключенія редактору-издателю „Сѣверо-Западнаго Голоса“.

Радину, воспрещено пребывание в мѣстах сѣверо-западнаго края, находящихся на положеніи уселенной окраины.

33) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 13 истекшаго апрѣля, изданіе журнала „Вѣсть“ приостановлено. Къ редактору А. Б. Петришеву предьявлено обвиненіе по 12 и 5 пп. 129 ст. улож. за напечатаніе въ №1 журнала статей: „Крестьяне-кромольники“, „Севастополь“ и „Праздничный Вечеръ“.

34) Тамъ-же Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлечены къ отвѣтственности редакторъ журнала „Земля и Трудъ“ г. Ивановъ по 181 ст. улож. о нак. за напечатаніе въ № 2 журнала статьи „Что такое религія и въ чемъ сущность ея“, и журнала „Зеркало Россіи“ г. Эльсеръ по 1 и 5 пп. 129 ст. улож. за напечатаніе въ № 1 стихотворенія „Красное Знамя“ и статьи „Офицеръ и толпа“.

35) Уголовныя преслѣдованія возбуждены противъ редакторовъ слѣдующихъ провинціальныхъ газетъ: „Костромская Рѣчь“ (въ Костромѣ), по п. 3 ст. 129 уг. ул.; „Смоленскій Вѣстникъ“ (въ Смоленскѣ), по п. 1 129 угол. улож., „Южный Край“ (въ Харьковѣ), по ст. 128 и п. 3 ст. 129 угол. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Наканунъ“ (въ Харьковѣ), по пп. 1—4 и 2 ст. 129 угол. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Харьковская Жизнь“, по пп. 1—4 ст. 129 угол. улож. и пп. в. и г. ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Заря“ (въ Екатеринодарѣ), по п. 6 ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Жизнь Крыма“ (въ Симферополѣ), по п. в. ст. 5 отд. VIII того же закона „Новый Крымъ“ (тамъ же) по пп. 1 и 2 ст. 129 улож.; „Glos Kijowsci“ (въ Кіевѣ), по п. в. ст. 5 от. VIII зак. 24 ноября 1905 г.

36) Въ Ярославлѣ, губернаторскій чиновникъ Голицынъ велѣлъ убрать въ газетныхъ и книжныхъ кіоскахъ портреты общественныхъ дѣятелей: Шаховскаго, Петрункевича, Долгорукова, Родичева и другихъ. Онъ заявилъ, что у него теперь власти въ два раза больше, и онъ все можетъ сдѣлать съ книжными торговцами.

37) Въ Читѣ, 18 апрѣля, по дѣду газеты „Забайкалье“ по обвиненію по статьѣ 129 улож. о нак. привлечены: редакторъ, секретарь Михайловъ, сотрудникъ Балакининъ.

38) Въ Петербургѣ, въ типографію Гольдберга, помѣщающуюся на Лиговской улицѣ, явились чины участковой полиціи и произвели обыскъ. Конфисковано незначительное количество номеровъ только что отпечатаннаго перваго номера журнала „Зеркало Россіи“.

39) Въ Либавѣ, 19 апрѣля, запрещена мѣстная новая латшская газета „Тагадне“.

40) Въ Харбинѣ, 19 апрѣля, газета „Молодая Россія“ приостановлена.

41) Въ Петербургѣ, 19 апрѣля, въ особомъ присутствіи судебной палаты, безъ участія сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя журнала „Митингъ“ А. И. Волыкану въ томъ, что онъ въ № 4, редактируемаго имъ журнала помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Замѣтки, наблюденія и шутки перомъ“, заключающую въ себѣ дерзостное неуваженіе къ верховной власти.

А. И. Волыкану признанъ виновнымъ и приговоренъ къ двухнедѣльному заключенію въ крѣпость съ лишеніемъ права редактиро-

вать въ теченіе 5 лѣтъ періодическаго изданія. Журналъ „Митингъ“ палата постановила закрыть навсегда.

42) Въ Москвѣ, въ судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Жало“ пом. прис. повѣреннаго Власова, обвиняющагося въ дерзновенномъ неуваженіи верховной власти, допущеніи явнаго глумленія надъ императорскими регалиями и манифестами, отъ высочайшаго имени исходящими, выразившихся въ рядѣ карикатуръ и стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ и единственномъ номерѣ этого журнала. Этотъ номеръ былъ конфискованъ въ количествѣ 17 тысячъ экземпляровъ, но большое количество номеровъ успѣло уже попасть въ продажу. Палата признала Власова виновнымъ и приговорила его къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ.

43) Въ Петербургѣ, по инициативѣ цензурнаго комитета издат. брошюры „Настоящее политическое положеніе и виды будущаго“ сочиненіе Парвуса г. Рутенбергъ привлекается къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.

44) Въ Москвѣ конфискованъ и отбирался у разносчиковъ номеръ газеты „Современникъ“ въ виду напечатанной резолюціи большевиковъ социаль-демократическаго партіи.

45) Въ Петербургѣ, за напечатаніе въ № 41 газеты „Рѣчь“ статьи „Торопитесь“ привлекаются къ отвѣтственности редакторъ газеты г. Бужанскій и авторъ статьи г. Беренштамъ.

46) Тамъ-же, по распоряженію цензурнаго комитета конфискована брошюра „19 февраля“. Къ автору брошюры г. Рязанову предьявляется обвиненіе по 1 п. 129 ст. уг. улож.

47) Уголовныя преслѣдованія возбуждены за послѣднее время противъ редакторовъ слѣдующихъ газетъ: „Крестьянская Газета“—по ст. 1036 улож. о нак. и пп. 1, 2 и 3 ст. 129 угол. улож.; „Вятская Жизнь“—по п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож.; „Вечернее эхо“—попп. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.; „Сибирскія Вѣсти“—по отд. X и ст. 7 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Самарскій Курьеръ“—по ст. 182 ул. о нак., ст. 5 разд. VIII зак. 24 ноября 1905 г. и п. 1 ст. 129 уг. улож.; „Оренбургскій Листокъ“—по ст. 274, 1035, 1037 ул. о нак. изд. 1885 г. и ст. 6 разд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; „Оренбургскій Край“—по ст. 128 уг. улож. 1903 г. и пп. в. и г. ст. 5 разд. VIII зак. 24 ноября 1905 г.; „Листокъ Объявленій“ (приложеніе къ газетѣ „Оренбургскій Листокъ“) —по ст. 274 и 279 улож. о нак. изд. 1885 г.; „Голосъ Деревни“—по п. 2 ст. 129 угол. улож.; „Саратовскій Дневникъ“—по п. 2 ст. 129 уг. улож.; „Прикаспійская Газета“—по ст. 103 и 128 уг. улож.; „Чилимъ“—по ст. 103 и 128 уг. улож.; „Асхабадъ“—по ст. 5, лит. в, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г.; „Зерцанье“—по пп. в. и г. ст. 5, отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. пп. 1 и 2 ст. 129 уг. улож. и ст. 128 уг. улож.; „Приамурье“—по ст. 107 уг. ул.; изд. 1903 г.; „Дальній Востокъ“—по ст. 1014, 1024 и 1029 улож. о нак.; „Владивостокскій Листокъ“—по 2 ч. ст. 103 уг. улож. и ст. 1014. п. 3 ст. 1029, 1032, 1035 и 1036 того же улож. и лит. б п. 5 VIII отд. закона 24 ноября 1905 г.; „Листокъ Союза Союзцевъ“—по ст. 1025, 1028, 133 и 280 улож. о нак. и пп. 1 и 2 ст. 129 угол. улож.; „Владивостокъ“—по ст. 280

и 1072 улож. о нак.; „Природа и люди Дальнего Востока“—по ст. 290 ул. о нак. ст. 133 уг. улож. и п. 5 лит. в. VIII отд. зак. 24 ноября 1905 г.; „Дальний Восток“—по ст. 1024 ул. о нак.; „Восток“—по 1024 ст. улож. о нак., ст. 73 уст. о пенз. и печ. и лит. в. т. 4 VIII ст. зак. 24 ноября 1905 г.; „Байкаль“ по ст. 128 и 129 улож.; „Кавказской Рабочей Листок“—по ст. 128 и пп. 2 и 3 ст. 129 уг. улож.; „Елизаветпольский Вѣстник“—по ст. 14 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г. ст. 128 и пп. 1 и 2 ст. 129 уг. улож.; „Патара Газети“—по п. 2 и ст. 5 уг. улож.; „Новое Обозрѣніе“, „Возрождение“, „Тифлиссій Листок“, „Иверія“, „Цнобнѣ Пурдѣли“—всѣ по ст. 1358⁸ ул. о нак.; „Схиви“—по п. 1 ст. 129 уг. улож., ст. 4 отд. VIII зак. 24 нояб. 1905 г. и ст. 1358⁸ улож. о нак.; „Мшакъ“—по п. 2 ст. 129 уг. улож. и ст. 1358⁸ ул. о нак.; „Армалуїсѣ“—по п. 2 и 3 ст. 129 уг. улож. и 1358⁸ улож. о нак.; „Арачъ“—по п. 2 ст. 129 улож. ул.; „Ашхатанък“—по ст. 1028 ул. о нак. и п. 2 ст. 129 уг. улож. и „Гангіада“—по п. 2 и 3 ст. 129 уг. улож.

48) Въ Петербургѣ, полиціей произведены обыски въ типографіяхъ Меркушева, Березина и въ типографіи глухонѣмыхъ. Арестованы только что отпечатанные номера журналовъ „Соціалистическая бібліотека“ и „Вільна Украина“. Въ типографіи Березина произведена конфискація № 10 газеты „Корреспондентъ“.

49) По распоряженію администраціи въ Москвѣ изъята изъ продажи брошюра переводъ известной статьи французскаго журнала „Revue“ о русскихъ финансахъ, почтавшейся въ извлеченіяхъ во всѣхъ газетахъ и надѣлавшей много шума.

50) Въ Черниговѣ, мѣстной полиціей запретилъ играющей тамъ драматической группѣ постановку пьесы Чирикова „Евреи“ и всѣхъ пьесъ Горькаго. Губернской земской управѣ губернаторъ циркулярно предложилъ не допускать въ народныя бібліотеки такихъ газетъ, какъ „Русскія Вѣдомости“ и „Биржевыя Вѣдомости“ и замѣнять ихъ патристическими газетами; въ противномъ случаѣ бібліотеки будутъ закрыты.

51) Въ Петербургѣ, главное управленіе по дѣламъ печати возбудило уголовное преслѣдованіе противъ редактора газеты „Наша Жизнь“ г. Водовозова по п. 1 129 ст. за напечатаніе въ № 414 статьи „Объ активномъ выступленіи“.

52) Тамъ-же, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ отвѣтственности по 6 ст. отд. VIII врем. прав. о печати редакторъ газеты „Страна“ за напечатаніе въ № 35 газеты „Страна“ противоправительственнаго характера“ и по п. „г“ статьи отд. VIII вр. пр. о печати редакторъ газеты „Рѣчь“ за напечатаніе въ № 28 „статьи преступнаго содержанія“.

53) Конфискованъ номеръ журнала „Голосъ Жизни“.

54) По предписанію администраціи, въ Москвѣ изъяты изъ продажи брошюры: „Эрфуртская программа“ Каутскаго, „Изъ исторіи революціонныхъ движеній“ Туна и „Современный социализмъ“ Эзнора. Издатель послѣдней брошюры Гранатъ и владѣлецъ типографіи, гдѣ она печаталась, привлекаются къ отвѣтственности по 129 статьѣ.

55) Въ Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакто-

ровъ журналовъ: 1) „Отклики Современности“ г. Малышева по 6 ст. VIII отд. врем. прав. о повр. изд. за напечатаніе въ № 1 журнала статей „О казакахъ“, „Знаменіе времени“; 2) „Вѣсть“—г. Петришева по 1, 2 и 5 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 5 статей „Крестыне-кромольники“, „Севастополь“ и „Праздничный Вечеръ“ и 3) „Вільна-Украина“—г. Шабленко по 1 и 2 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе дѣлага ряда статей преступнаго характера.

56) Въ Тобольскѣ, редакторъ-издательница „Сибирскаго Листка“ М. Н. Костюрина привлечена къ судебной отвѣтственности за статью, помѣщенную въ одномъ изъ номеровъ „Сибирскаго Листка“ по 129 ст.

47) Въ Петербургѣ. По инициативѣ цензурнаго комитета возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ автора книги „Дневникъ карийца“ г. Стефановича по 128 ст. угол. улож. Книга эта конфискована.

48) Въ Москвѣ. Четвертая книжка журнала „Правда“ конфискована.

49) Въ Курскѣ. Редакторъ-издательница газеты „Курское Эхо“ г-жа Березовская, за напечатаніе въ газетѣ статьи „Академія земскимъ начальникамъ“, приговорена къ шестидневному домашнему аресту.

50) Въ Екатеринбургѣ. Редакторъ еженедѣльной газеты „Земля и Народъ“ привлекается къ отвѣтственности.

51) Въ Костромѣ, предъявлены три обвинительные акта: бывшей редакторшѣ „Листка“ Андрониковой, редактору „Голоса“ Покровскому и „Рѣчи“ Кедрову; первымъ двумъ въ оскорбленіи барона Остенъ-Сакена, послѣднему въ помѣщеніи статьи, возбуждающей противъ полиціи и казаковъ.

52) Членъ сумскаго окружнаго суда Ф. Солдогоубъ, согласно указу высшаго дисциплинарнаго присутствія правительствующаго сената, привлекается къ отвѣтственности по 2-му и 4-му пунктамъ 129 ст. уг. ул. за статью, напечатанную имъ въ газетѣ „Сумскій Голосъ“. Въ обвинительномъ актѣ Солдогоуба, между прочимъ, ставится въ вину то, что въ февралѣ 1905 г. онъ отъ имени сумскаго литературнаго общества послалъ въ редакціи простановленныхъ газетъ „Наша Жизнь“ и „Наши Дни“ сообщеніе, съ выраженіемъ сочувствія и печали по поводу того, что двумя честными органами стало меньше.

Дѣло „Сумскаго Голоса“ слушалось 21 апрѣля въ харьковск. суд. палатѣ. Всѣ оправданы, кромѣ Солдогоуба, приговореннаго къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ.

53) Въ Петербургѣ, 22-го апрѣля у газетчиковъ и въ кіоскахъ отбирался полиціей № 1 еженедѣльнаго журнала „Народная жизнь“, издающагося и редактируемаго А. Е. Звенигородскимъ.

54) Тамъ же. *Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, 20 апрѣля, возбуждени уголовныя преслѣдованія:* 1) противъ редактора-издателя журнала „Народная Жизнь“ А. Е. Звенигородскаго за напечатаніе въ № 1 этого журнала статей подъ загл. „Народъ и Дума“ и „Что дѣлать съ землей“, какъ заключающихъ въ себѣ признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ относительно первой статьи п. 1 ст. 129 угол. улож. и относительно послѣдней—п. 2 той же статьи угол. улож.,— съ примѣненіемъ къ № 1 названнаго журнала п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, и 2) противъ редактора-издателя журнала „Ясная Поляна“

петергофскаго мѣщанина Василія Алексѣевича Максимова, за напечатаніе въ № 2 этого журнала статьи подъ заглавіемъ „Къ политическимъ дѣтелямъ“, какъ заключающей въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго п. 8 статьи 129 угол. улож.

1-й выпускъ „Ясной Поляны“—серія сочиненій графа Л. Н. Толстого въ день выхода въ свѣтъ усердно *конфисковалась* полиціей какъ у газетчиковъ, такъ и въ книжныхъ магазинахъ.

55) Въ типографію Шмидта, помѣщающуюся на Звенигородской улицѣ, 23 апрѣля явилась полиція и призвала притѣлный объектъ. Конфискованъ только что отпечатанный пятый № приложенія къ „Дневнику“, редактируемому и издаваемому г. Матыхъ.

56) С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина, редактировавшихъ брошюру подъ заглавіемъ „Проектъ основнаго закона о землѣ“, и „Что нужно крестьянамъ?“—изданіе Н. Ф. Новожилова (складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“, типографія С. М. Муллеръ)—по п. 2 ст. 129 угол. улож.

57) Московскимъ цензурнымъ комитетомъ возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ редакторовъ газеты „Путь“—по п. п. 2 и 3 ст. 129 угол. улож. и п. в и г ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 года; „Народное Дѣло“—по п. п. 1, 2 и 3 ст. 129 угол. улож. „Калужанскій“—по п. в ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 года; „Мысль“—по п. 1 ст. 129 угол. улож.; и журнала „Семь дней“—по п. 3 ст. 129 угол. улож.

58) Въ Тифлисѣ. Редактору-издателю приостановленной 22 апрѣля газеты „Весенній Потокъ“, Яшилинъ, генераль-губернаторомъ воспрещено житье въ тифлисскомъ и борчалинскомъ уѣздахъ. Приостановлена послѣдъ перваго же номера газета „Обзоръ“, выходившая вмѣстѣ „Возрожденія“.

59) Въ Самарѣ. Самарскій окружный судъ разсматривалъ *отъ редактора-издателя „Самарской Газеты“ С. И. Костерина.*

Г. Костерину между прочимъ была поставлена въ вину статья подъ заглавіемъ „1905 г.“ С. И. Костеринъ приговоренъ къ штрафу въ 50 руб.

60) Въ Екатеринославѣ, 22 апрѣля, ночью въ типографіи обѣихъ частныхъ газетъ нагрянула полиція, конфисковала всѣ номера. Причина—отчетъ о засѣданіи родительскаго совѣщанія педагогическаго комитета коммерческаго училища о ненормальныхъ условіяхъ, въ которыхъ училище постановлено военнымъ положеніемъ, о возмутительныхъ арестахъ директора Синявскаго и преподавателя Моргунова, объ обыскахъ среди учащихся.

61) Въ Тифлисѣ, 22 апрѣля. Постановленіемъ тифлискаго генераль-губернатора изданіе газеты „Кавказскія Вѣсти“ приостановлено на одну недѣлю, за напечатаніе не соответствующей истинѣ замѣтки о правительственныхъ распоряженіяхъ.

62) Дѣло редактора и издателя газеты „Верхнеудинскій Листокъ“ І. Сипайло и Рейфовича находящихся въ тюрьмѣ по порученію прокурора палаты передано военному прокурору при карательномъ отрядѣ *ген. Ренненкампфа.*

63) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати 22 апрѣля возбуждены уголовныя преслѣдованія: 1) противъ издательницы-редактора журнала „Дневникъ“ Маріи Александровны Матыхъ, за напечатаніе въ приложеніи къ „Дневнику“ № 5 статьи подъ заглавіемъ „Г. К. Плехановъ о задачахъ социализмовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, какъ заключающей въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 128 угол. улож., съ примѣненіемъ къ „Приложенію“ названнаго журнала п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, 2) противъ редактора-издателя журнала „Всемирный Вѣстникъ“ надворнаго совѣтника Сергія Сергѣевича Сухонина, за напечатаніе въ №1 означеннаго журнала статей графа Л. Н. Толстого подъ заглавіемъ „Къ политическимъ дѣтелямъ“ и „Едиственное средство“, какъ заключающихъ въ себѣ признаки преступленія предусмотрѣннаго п. 3 ст. 128 угол. улож. и 3) по 129 ст. угол. улож. противъ редакторовъ журналовъ „Вѣстникъ Рабочаго“ г-жи Шуръ-Смѣловой за напечатаніе въ № 1 журнала статей: „Армія и бюрократія“ и „Революція и реакція“.

64) Въ Петербургѣ, 25 апрѣля. Въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя газ. „Рабочая жизнь“ Андреева по 129 ст. ут. ул. Палата приговорила г. Андреева къ 2-хъ мѣсячному заключенію въ крѣпость.

65) Въ Ярославлѣ, 27 апрѣля. Въ 2 часа ночи въ типографію, гдѣ печаталась „Сѣверная Мысль“ явилась полиція и объявила постановленіе окружнаго суда о приостановкѣ изданія газеты.

66) Въ Читѣ, 26 апрѣля. Редакторъ А. П. Солдатова газеты „Забайкалье“ оправданъ. Секретарь Адрианъ Михайловъ и сотрудникъ Балакинъ осуждены, первый—на годъ, второй—на 8 мѣсяцевъ крѣпости.

67) Въ Гельсингфорсѣ, 27 апрѣля. Главное управленіе по дѣламъ печати рѣшило возбудить законное преслѣдованіе противъ вышедшаго пробнаго номера газеты „Viesti“.

68) Въ Одессѣ, 25 апрѣля. Генераль-губернаторомъ приостановлена на двѣ недѣли газета „Южное Обозрѣніе“.

69) Въ Петербургѣ. По инициативѣ цензурнаго комитета возбуждено уголовное преслѣдованіе по 5 п. 129 ст. угол. улож. противъ автора брошюры „Постоянное войско и милиція“ Э. Пименовой.

70) Въ Москвѣ. По распоряженію администраціи, сегодня конфискованъ № 42 газеты „Путь“, въ котомъ были помѣщены фотографіи, изображающія жизнь Спиридоновой въ тюрьмѣ, которыя удалось сдѣлать одному американскому фотографу.

71) Тамъ же. Сборникъ противъ смертной казни (подъ редакціей прив.-доц. М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова) задержанъ цензурой. Одновременно цензурный комитетъ началъ судебное преслѣдованіе по 129 ст. угол. улож. противъ редакторовъ и авторовъ нѣкоторыхъ статей, основанное на ст. 147 цenz. устава. Особенное вниманіе цензуры привлекли статьи: Владимірова, Кузьмина-Караваева, Н. Бердлева, Булгакова и Гольдовскаго, а изъ беллетристическаго отдѣла—В. Немировича-Данченко и Р. М. Хингъ.

2) Въ Варшавѣ, 26 апрѣля военно-окружной судъ приговорилъ редактора прекратившагося „Курьера Пораннаго“ къ мѣсячному аресту

за помѣщеніе въ газетѣ взятой изъ русскихъ газетъ замѣтки о броженіи въ войскахъ варшавскаго гарнизона.

73) Въ Петербургѣ, 28 апрѣля. Въ сенатѣ слушалось дѣло по кассационной жалобѣ редактора сатирическаго журнала „Стрѣлы“, г. Киоровскаго, на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ онъ былъ присужденъ къ 2-хъ-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Сенатъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

74) Тамъ же. Въ правительствующемъ сенатѣ 28 апрѣля слушалось дѣло по кассационной жалобѣ редактора газ. „Начало“ д-ра Герценштейна на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ онъ за рядъ статей, напечатанныхъ въ упомянутой газетѣ, былъ присужденъ на годъ въ крѣпость. Сенатъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

75) Въ Москвѣ конфискованъ и арестованъ къ выпуску первый номеръ „Крестьянской Газеты“.

76) Въ Кіевѣ распоряженіемъ начальника края конфискованъ и запрещенъ къ продажѣ въ Кіевѣ и кіевск. уѣздѣ еврейскій юморист. журналъ „Деръ Шейгець“, въ рисункахъ и статьяхъ котораго высмѣивались бюрократія и министры.

77) Въ Петербургѣ конфискованъ № 2 „Приказчика“ № 5 „Печатнаго Вѣстника“, оба органа професіон. раб. прессы.

78) Тамъ же главное управленіе по дѣламъ печати возбудило ходатайство о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности редактора журнала „Социалистическая бібліотека“ Хювенко по 128 и 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 3 журнала статьи „Предисловіе“. Номеръ журнала конфискованъ.

80) Въ Тифлисѣ, 15 апрѣля. Генераль-майоръ Тимофѣевъ издалъ слѣдующій приказъ: „Предлагаю редакторамъ тифлискихъ газетъ перепечатать печатаніе въ редактируемыхъ ими изданіяхъ и перепечатываніе изъ иногороднихъ газетъ всего, что касается распоряженій военно-начальствующихихъ, въ особенности секретныхъ приказовъ по военному вѣдомству и главному штабу. Независимо сего, я запрещаю совершенно помѣщеніе извѣстій о дѣйствіяхъ какъ различныхъ войсковыхъ отрядовъ, карательныхъ и иныхъ, такъ и о дѣйствіяхъ административныхъ лицъ, пока извѣстія не появятся въ официальныхъ органахъ. Виновыми редакціи будутъ немедленно закрываться, а редакторы высылаться изъ предѣловъ генераль-губернаторства“. Этимъ приказомъ мѣстные газеты поставлены въ безвыходное положеніе и намѣрены обратиться съ протестомъ къ намѣстнику.

81) Тифлискій генераль-губернаторъ издалъ слѣдующее распоряженіе: „Мною замѣчено, что приостановленныя постановленіями моими на все время дѣйствія военнаго положенія періодическія изданія возрождаются вновь подъ другими названіями и за подписью другого редактора, а многія и за подписью редакторовъ приостановленныхъ газетъ. Усматривая въ такихъ возрожденіяхъ обходъ моихъ распоряженій, объявляю, что впредь при закрытіи газетъ я вынужденъ буду примѣнять къ редакторамъ и издателямъ ихъ предоставленное мнѣ право запрещенія отдѣльнымъ лицамъ жительства въ предѣлахъ генераль-губернаторства.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Нагазъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текст. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI + 240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія—книжный магазинъ «КУЛЬТУРА», С.-Петербургъ, Загородный, 28.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большого формата съ 4 портретами
(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

ПОДПИСКА—принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; Москва—Моховая ул., д. Бажанова; Варшава—Новый свѣтъ, 69; Вильна—Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА—по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и все, имѣющее надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА—подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ—по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальные 4 книжки выдаются бесплатно.
- 2) для **иностранцевъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за слѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую—1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается бесплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(посвященный обществу движению въ Россіи).

Адресъ редакціи и конторы—Спаскій пер., д. Б. кв. 1.

Вышелъ № 1-ый. Въ немъ помѣщены:

«Государственные преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**. Томъ первый 1825—1876 гг. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ скоромъ времени выйдетъ № 2: «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ». Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)**.

Въ книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“ (Спаскій, 5)

поступили въ продажу

а) Картины изъ французской революціи:

- 1) Взятіе Тюльери. 2) Столкновеніе республиканцевъ съ вендейцами.
- 3) Защита позиціи. 4) Наполеонъ въ советѣ 500. 5) Клятва въ націонал. собраніи. 6) Разстрѣлъ коммунаровъ и др.

б) Картины съ выставокъ 1906 г.:

- 1) Послѣ погрома. 2) Очистка площади. 3) Обыскъ. 4) „Не ходи“.
- 5) „Вы жертвою пали...“ 6) Случайная жертва. 7) „Возмезье храбрыхъ...“

в) Портреты:

- 1) Крапоткинъ. 2) Лавровъ. 3) Морозовъ. 4) Волкенштейнъ. 5) Петрашевскій и др.

г) Отдѣльныя картины:

- 1) Свобода ведетъ народъ. 2) Стачка углекоповъ. 3) Забастовщикъ и др. Цѣна 20 коп.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИСЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина; Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Спаскій переулокъ, д. 5.

„Библиотека Освободительной Борьбы“

№ 1.

П. Ф. ЯГУБОВИЧЪ (л. мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ съ издания поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

Складъ издания: 1) въ ред. журн. «Былое», Спасская ул., д. 25, кв. 20. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Спасскій пер., д. 5, кв. 1. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ», Невскій, 60.

Вышли №№ 2 и 3 «Библиотеки Освободительной Борьбы».

СОДЕРЖАНІЕ № 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

СОДЕРЖАНІЕ № 3:

В. Н. Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 10 коп.

Складъ изданій тамъ же гдѣ и брошюры «Шлиссельбургскіе мученики».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. И. Бурева.

Журналъ въбавляетъ и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Биографія дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документныя и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая библиографія.
- 6) Современная летопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различныя эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимають участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Ватуринскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Вороздинъ; В. Л. Буревъ; И. П. Быльоконскій; Л. Василевскій (Шлохцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадарі; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчицъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбергъ; Д. А. Клементъ; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костуринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кусова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; Г. Д. Лушачевичъ; О. С. Лебатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; О. С. Мандельштамъ; Манучаровъ; М. Маньковский; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милословъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелеевъ; Э. К. Пекарскій; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тришинъ; А. В. Гяровъ; В. П. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хизиянговъ; А. М. Хлрськовъ; Н. В. Чайковскій; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шпико; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Ягубовичъ; В. Е. Якушинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и нѣвѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редаціи.

Кромѣ окончанія статей **И. С. Джабадари** («Въ неволѣ») и **О. С. Любатовичъ** («Далекое и недавнее») въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитационная литература декабристовъ и С. И. Муравьевъ-Апостолъ (историко-психологической этюдъ); **С. А. Иванова-Борейша**—Первая типографія «Народной Воли»; **Н. А. Виташевскій**—Централка. (Изъ воспоминаній); **М. В. Новорусскій**—Въ Шлиссельбургѣ. (Изъ воспоминаній); **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній; (о Липецкомъ съѣздѣ народолюбцевъ въ 1879 году); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ земледельцевъ въ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революционной организаціи); **Г. Ф. Осмоловскій**—Изъ воспоминаній (о Карійской каторгѣ); **Л. Василевскій**—(Плохоцкій)—Процессъ «Пролетаріатцевъ» въ Варшавѣ; **В. Герасимовъ**—Питомецъ воспитательнаго дома. (Автобіографія рабочаго, сосланнаго въ каторгу въ 1875 г.); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній; **С. А. Ивановъ**—Возникновеніе и паденіе Дурноселовки (эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ движеній 80-хъ годовъ); **М. П. Драгомановъ**—Автобіографія; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **Д-тъ**—Арестъ С. Г. Нечаева въ Цароухѣ; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессы братьевъ Критскихъ, П. А. Мартынова, Н. А. Серно-Соловьевича и В. А. Обручева (по подлиннымъ дѣламъ); неизданныя стихотворенія **И. С. Никитина** и **Т. Г. Шевченко**; Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ процессъ 17-ти народолюбцевъ: Богдановичъ, Буцевичъ, Грачевскій, Корба, Сав. Златопольскій и др.), письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. И. Войновальскаго**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осинскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **П. В. Бардовскаго**, **С. Куницкаго**, **Н. И. Колодкевича**, **А. И. Желябова** (гимназической его поры), **Н. Д. Похитонова**, **А. В. Буцевича**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Верштгейна**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова**, **Х. Гершковича**, виды Карійской и Акатуйской каторги, и проч.

О П Е Ч А Т К И:

На стр. 3 напечатано: рѣчь **В. Н. Фигнеръ**, произнесенная 27 января; слѣдуетъ читать: 27 сентября.

На стр. 266 строка 20 сверху напечатано: Le Bégne, слѣдуетъ читать: Le bégue.